Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Российская ассоциация исследователей женской истории
Российский национальный комитет Международной Федерации
исследователей женской истории
Министерство образования и науки Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Смоленский государственный медицинский университет

МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУР

Материалы Девятой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

13–16 октября 2016 года, Смоленск

Том 1

Смоленск – Москва
Издательство СмолГУ
2016

УДК 39+93+882+364+314+316
ББК 60+63+74.2
М 341

Редколлегия: Н.Л. Пушкарева (отв. ред.), Е.В. Кодин,
Н.А. Мицюк (отв. ред.), М.В. Каиль

М 341 **Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур:** Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 1. 444 с.

ISBN 978-5-88018-598-6

Издание включает в себя материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), местом проведения которой в 2016 году избран Смоленский государственный университет.

Очередная конференция РАИЖИ посвящена исследованию различных аспектов материнских и отцовских практик, социальной политики в области родительства в прошлом и настоящем. В сборнике представлены междисциплинарные исследования материнства/отцовства историков, этнологов, антропологов, социологов, демографов, социальных работников, деятелей культуры. Проблематика докладов, присланных на конференцию, охватывает такие смысловые поля, как методологические проблемы изучения родительства, процесс социального конструирования идеалов материнства/отцовства, эмоциональные переживания матерей и отцов, медикализация родительства, культуры деторождения, отношение к семье и родительству в традиционных и современных культурах, материнство/отцовство в маргинальных контекстах, гендерные, этноконфессиональные, социальные особенности материнских/отцовских ролей и статусов, репродуктивное поведение в прошлом и настоящем, материнство в контексте феминистской идеологии, репрезентация материнства и отцовства в искусстве и литературе и др. Общероссийская конференция с международным участием призвана способствовать объединению усилий представителей гуманитарных и социальных наук во имя создания междисциплинарной научной структуры по изучению родительских практик в прошлом и настоящем, актуализировать перспективные исследовательские поля в изучении материнства/отцовства.

УДК 39+93+882+364+314+316
ББК 60+63+74.2

Издано при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
Грант РГНФ № 16-01-14012

ISBN 978-5-88018-598-6 (т. 1)
ISBN 978-5-88018-597-9

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВО СмолГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Материнство и отцовство как социокультурные и социоисторические феномены 11

РАЗДЕЛ 1. Методология и историография изучения материнства/отцовства в России и за рубежом. Актуальные источники изучения родительства

Щепанская Т.Б. Ритуализация материнства, идентичность и структуры памяти 15

Аллахвердян А.Г. Развитие российской науки и тенденция феминизации гуманитарных наук (1994–2014) 17

Петренко И.Н. Ребенок и детство в России в XVIII в. в контексте социальной истории: к историографии вопроса 19

Мицюк Н.А. Изучение социальной и культурной истории родов в современных зарубежных исследованиях: подходы, источники, темы 22

Валькова О.А. А была ли роженица? Или рассуждение о типологическом формуляре метрического свидетельства в России в первой половине XIX в. 26

Анайбан З.В. Историко-архивные источники о положении женщины-матери в традиционной тувинской семье 29

Баданина И.В. Жизнь и творчество А.С. Пушкина как источник сведений о материнстве и отцовстве в России XIX в. 31

Ибраева Ю.И. Воспитание наследников в переписке А.Д. Меншикова 34

Зайцева А.А. Историческая память семьи и культурное наследие 37

Харитонов А.М. Население земного шара в древности сквозь призму материнства 39

РАЗДЕЛ 2. Социальное конструирование «идеального родительства» в различные исторические эпохи

Келаськина А.П. «Плохие» и «хорошие» матери в прошлом и настоящем как социально-психологический феномен 42

Трофимова В.С. Идеальные матери и дочери во французских салонах XVII в. .. 44

Паршина В.Н. «Через образование матерей легко и скоро распространяется просвещение»: трансформация социальных ролей 47

Лисицына О.И. Аскриптивные черты российской дворянки: конструирование идеальной жены и матери (конец XVIII – середина XIX в.) 50

Козлова Н.Н. Материнство в философии русского консерватизма XIX – первой трети XX в. 54

Черепанова Р.С. Материнство и отцовство в системе ценностей отечественной интеллигенции 56

Королева Т.В. Трансформация представлений о роли матери во Франции XIX в. 59

Симонова О.А. Тема материнства в беллетристике дамских журналов начала XX в. .. 62

Микиртичан Г.Л., Джарман О.А. А.Н. Антонов (1884–1947) и его «Проект подготовки девочки к материнству» 64

Поправко Е.А. Семья как фактор индивидуации западника и славянофила (к вопросу о «гнездовой» концепции) 67

Приходько А.В. Социальное конструирование практик материнства и отцовства в обществах традиционного типа 71

Ракачев В.Н. Советская семья в 1920–1930-е гг.: эксперименты в области социального конструирования 74

Рябкова Е.С. Роли отцов и матерей в женской периодической печати в СССР (период: начало 50-х гг. – конец 50-х гг. XX в.) 77

Трофимова Т.Н. Матери и дочери в советской науке: Вера Николаевна и Мария Дмитриевна Фаддеевы 80

Турутина Е.С. Роль семьи в обеспечении безопасности детей: проблема формирования ответственного родительства 83

Хозяева Н.П. Медийные гендерные инициативы в проблемном поле родительства 87

Хорольская М.В. «Чтобы женщина могла совмещать свои задачи гражданки и трудящейся со своим долгом жены и матери»: отношение общества и государства к проблеме соотношения материнства и женской занятости в ФРГ, ГДР и объединенной Германии 89

Шпаковская Л.Л. Что значит быть «хорошей матерью»: культурные конструкты материнства в нарративах российских матерей, представительниц городского образованного среднего класса 93

Эйнгорн Н.К. Родительство: морально-нравственное здоровье и патология 95

Бойцова О.Ю. От традиции к «научному материнству» и обратно: Случай Бабая, злого дяди и милиционера 97

Дрынкина Т.И. Временная перспектива и семейные отношения 100

Ким Н.В. Образ женщины-матери как центральный элемент реализации семейной политики в СМИ 104

РАЗДЕЛ 3. Проблемы родительства в концепциях российского и зарубежного феминизма; материнская тема, тема семейных ролей в женском движении разных стран в прошлом и настоящем

Ванюшина О.В. Личная жизнь женщин, административно высланных в Тверскую губернию в 1881–1917 гг. 106

Михайлова Э.Ю. Е.К. Брешко-Брешковская: несостоявшаяся мать и «бабушка русской революции» 109

Монахова Ю.А. Концепция материнства А.М. Коллонтай 111

Китаи Сатоко Символическое матереубийство в произведениях А.М. Коллонтай . 114

Морозова О.М. Революционные кукушки 115

Науменкова Е.О. «А нужна ли жертва?» Критик А. Богданович о роли и месте женщины в обществе 118

Терехова Н.Ю. Феминизм как отказ от родительства 120

Чередникова А.Ю. Эмансипация и традиционное материнство: женщины Веймарской республики (1919–1933 гг.) 124

Ермаков А.М. «Оберечь мать, сохранить ее для ребенка»: проект страхования материнства немецкой социалистки Лили Браун 127

Быша Л.С. Формы репрезентации афроамериканских матерей-подростков в антропологическом прочтении Ш. Родригес 130

Бобров И.В., Шишелякина А.Л. Репрезентации образов материнства в русском националистическом движении 132

РАЗДЕЛ 4. Традиционная семейная культура, брачное поведение, родительские практики, родильная обрядность

Фролова А.В. Девушка в празднике: игры, развлечения, праздничное поведение (по материалам Русского Севера начала XX в.) 134

Алексеева Н.В. Материнские проклятие и молитва в русской духовной традиции .. 138

Багдасарян С.Д. Традиционная роль женщины в крестьянской культуре юга России в 1920-е гг. 141

Востокова Н.П. Феномен ритуального полотенца и воспитание детей в семье как проблема сохранения культурно-исторического наследия русского народа 144

Жигунова М.А. Основные изменения в сфере брака и семьи у русских сибиряков в середине XX – начале XXI в. 147

Зенькевич Ю.В. Роль отца и матери жениха в обрядах «сватовство», «помолвка», «каравай» на Беларуси 150

Мищенко Т.А., Куркина С.П. Свадьба в восточно-полесской традиции как «рубежное» время 153

Илюха О.П. Институт отцовства в карельской традиционной культуре 154

Павлова О.С. Воспитательные идеалы на Северном Кавказе: социально-психологический анализ 157

Абдулвахабова Б.Б. Родительская повседневность в чеченской традиционной семье: идеалы и практика 161

Вдовыдченко Е.Ф., Павлова О.С. Особенности детско-родительских отношений в чеченских семьях: кросс-культурный анализ 164

Наумова О.Б. Поведение родителей похищенной девушки в традиции умыкания невесты (по материалам Кыргызстана) 168

Собиров Э.К. О практиках родительства в советском Таджикистане 171

Мариничева Ю.Ю. Отцовская похвала: любовь и опасность (по материалам фольклорно-антропологических экспедиций СПБГУ) 173

Рева Л.Г. Женщина и семейные отношения в украинском фольклоре 175

Рафаева А.В. Мать и отец в волшебной сказке: предварительное исследование ... 179

Семенова А.С. Брачный выбор и родительский контроль в фольклорных песнях . 182

Самойлова Е.В. Программы гендерной дифференциации в сельской культурной традиции восточных славян конца XIX–XX в. ... 183

Текуева М.А. Материнство и гендерное конструирование ... 186

Фурсова Е.Ф. Обеты и моления о ниспослании детей в сибирской деревне первой трети XX в. ... 189

Цыбульникова А.А. Традиционные кубанские женские типы в свидетельствах казака-современника ... 193

РАЗДЕЛ 5. Социальная и культурная история родов, история трансформации родильных практик, история акушерства в России и за рубежом; репродуктивная политика в прошлом и настоящем

Пушкарева Н.Л. Репродуктивное поведение древнерусских женщин (X–XV вв.): поведенческие нормы церковных книг сквозь призму традиций и эмоций ... 195

Агеева О.Г. Высочайшие родители и дети в европеизированных церемониях рождения детей дома Романовых XVIII в. ... 199

Белова А.В. Роды у российских дворянок в XVIII – середине XIX в. ... 201

Никитина Н.В. Организация родов и родовспоможения в российском провинциальном городе конца XVIII – первой половины XIX в. (на материалах Смоленской губернии) ... 205

Заозерская С.В. Подготовка повивальных бабок в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Архангельской губернии) ... 208

Мухина З.З. Репродуктивное поведение русских крестьянок в период эрозии традиционного гендерного контракта ... 211

Адоньева С.Б. Роды в деревне. XX в. Техники тела и *метис* ... 214

Дашкевич Л.А. Становление акушерско-гинекологической службы на Южном Урале ... 217

Голубева Л.В. Мужчина в родильном обряде: конфликт дискурса и практики (на материале Русского Севера) ... 219

Казарова Н.А. Роды и крестины в обрядовых традициях донских армян ... 221

Харитонова В.И. «А эт(о) – мой смертный узалóк…»: к восприятию родов как *rites de passage* ... 224

Егорова О.В. Институт повитух и акушерство в Чувашии ... 227

Кабирова А.Ш. Акушерско-гинекологическая помощь в Татарской АССР в условиях военного времени 1941–1945 гг. ... 231

Кавецкая В.В. Фельдшерско – акушерский пункт в системе родовспоможения и его влияние на репродуктивное поведение сельских жительниц в 1960–80-е гг. . 234

Кислов А.Г. Архаические истоки мистификации деторождения ... 238

Литвин Ю.В. Институт boabo и становление акушерства в Карелии: противостояние и поиски компромисса 241

Пивоварова Л.Н. «Много бывает – а лишних деток не бывает…» (об особенностях родильной обрядности курских крестьян) 244

Самоделова Е.А. Бабкина каша, крестины и разрешительная молитва после родов: эволюция обрядов (на примере Рязанской губ./обл.) 247

РАЗДЕЛ 6. Медикализация родительства. Социология родов. Биомедицинская и традиционная модель родов, движение за «естественные роды». Эволюция репродуктивных технологий и практик. ВРТ

Кобозева З.М., Скачкова У.О. Медикализация женского повседневного быта в 1920-е гг. (на примере Самарской губернии) 250

Беляева М.А. Гендерное равенство vs репродуктивное поведение человека 253

Предыбайло С.Д., Лин Д.Г. Кризисные особенности репродуктивного поведения женщин в Беларуси на современном этапе 257

Чикалова И.Р. Концепты «материнство», «отцовство», «родительство» в социокультурном пространстве Беларуси 259

Богомягкова Е.С. Вспомогательные репродуктивные технологии в современной социальной политике 262

Звонок С.О. Биоэтические и правовые проблемы новых репродуктивных технологий 264

Гоглова О.О. Биоэтические проблемы новых репродуктивных технологий 268

Ломоносова М.В. Трансформация института семьи в контексте развития вспомогательных репродуктивных технологий 270

Курленкова А.С. Трое «родителей»: близость и дистанция в отношениях между донорами и реципиентами яйцеклеток 273

Кубарь О.И. Этический взгляд на правовое регулирование коммерческого суррогатного материнства 276

Ожиганова А.А. Домашние роды: стратегии индивидуального выбора 277

Покусаева В.Н., Мариновичева Е.И. Репродуктивные планы и перспективы их реализации: взгляд не со стороны 279

Черепанова И.В., Черепанов О.А. Психологический портрет первородящей женщины с угрозой невынашивания беременности и без угрозы самопроизвольного аборта 282

РАЗДЕЛ 7. Социальная политика в области семьи, родительства. Охрана материнства, младенчества и детства в России и за ее пределами.

Иванова О.А., Семёнов А.М. Императорская забота о матерях и детях дворян в России в XIX в. 284

Кальсина А.А. Первые детские сады в Пермской губернии (О.М. Варфоломеева-организатор дошкольного воспитания в г. Перми) 287

Куприянова С.О. Практики ухода за младенцем в деревне и социальная политика в области охраны материнства и детства 291

Яковлева Г.Н. Проблемы материнства и детства на страницах газет г. Витебска 1920-х гг. 293

Чебаковская А.В. Складывание сети детских домов в Карелии в первой половине 1920-х гг..... 296

Реутова А.Д. Организация детских яслей в Иваново-Вознесенской губернии в 1920-е гг. 300

Явнова Л.А. Социальная политика государства и компания по ликвидации беспризорности на Алтае в первой трети XX в.: опыт патроната 303

Рябкова Е.С. Роль жены- и матери-труженицы в период Большого скачка в КНР (1950-е гг. XX в.)..... 306

Куликова А.Н. Родительство эвенков Якутии в условиях трансформации традиционной модели семьи посредством образовательной системы (школы-интерната) 309

Лебедева Л.В. Организация детских яслей: проблема двойных стандартов 312

Митрохина Т.И., Крючкова И.М. Социально-психологические аспекты современной социальной рекламы в защите материнства, младенчества и детства..... 315

Павлова С.В. Семья как основа государственности 317

Павлычева Т.Н. Тема семьи на страницах печатных средств массовой информации: динамика за 2000–2015 гг..... 320

Путинцева В.Д. Счастливая семья – счастливое родительство 323

Радина Н.К., Щербакова Е.В. Семейная политика государства и формирование модели семейных отношений в дискурсе государственных СМИ 325

Гафиатулина Н.Х. Модели родительства в контексте обеспечения социального здоровья семьи и безопасности российского общества..... 327

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Защита социально-трудовых прав молодых матерей: презентация исследования 330

Савинская О.Б. Когда ответственного родительства недостаточно: принципы для разработки новых форм социальной поддержки семей с детьми 333

Урсан О.И. Гендерная политика в сфере отпуска по уходу за ребенком в Молдове 335

Шафигуллина Л.Р. Участие женских общественных организаций Республики Татарстан в преодолении проблем матерей с диагнозом ВИЧ 338

Казарян А.Р., Йегуди И.Л. Подвластные источники угроз демографической безопасности Республики Беларусь..... 340

Вершинина Д.Б. Проблема родительского отпуска в американской президентской кампании 2016 г. 345

Дмитриева Т.М. О роли государства в социальной поддержке одиноких матерей..348

РАЗДЕЛ 8. Материнство/отцовство в маргинальных контекстах (проблемы семейного и домашнего насилия). «Плохие» родители в прошлом и настоящем как проблема исторического, социо-психологического, социологического и медицинского изучения

Чувашева А.С. «Матери опасные для государства»: властные женщины в работах Тацита 353

Омельянчук С.В. К вопросу о применении насилия в воспитании детей на Руси... 355

Безгин В.Б. Дела о семейных побоях в практике волостных судов 358

Гордеева И.А. «Похищение» детей князя Д.А. Хилкова: отобрание детей как способ борьбы с инакомыслием в истории России 360

Докина С.А. Семейное насилие в среде болгарских и гагаузских колонистов юга Бессарабии (конец XIX – начало XX в.) на основе фольклорных материалов .. 363

Титова И.В. «Сила родительского проклятья» (на материалах мифологических рассказов русских европейской части России XIX–XX вв.) 366

Мицюк Н.А. Материнская социализация, дефлорация и брачное насилие в дворянских семьях начала XX в. 369

Шевчук Ю.В. Мотив «плохой» матери в ранней лирике А. Ахматовой 372

Савчук А.А. «Обвинение в бытовом разложении и издевательстве над бывшей женой подтверждается»: уклонение от уплаты алиментов и морально-бытовое разложение в дальневосточном обществе в 1930-е гг. 375

Ходырева Н.В. Социальные и психологические факторы симультанного филицида и феминицида в семье 378

Штылева Л.В. Проблема межведомственной интеграции в защите детей от насилия в семье 380

Козлова Т.З. Люди, лишённые родительских прав: гендерный аспект 383

Савина И.В. Охрана прав детей, оказавшихся в социально опасном положении: опыт Республики Беларусь 385

Аронина Н.В., Гусева Е.С. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в современной Саудовской Аравии 387

РАЗДЕЛ 9. Междисциплинарные исследования девичества и юношества. Материнская и отцовская социализация, «воспроизводство» материнских ролей, сексуальное просвещение

Овчинников В.М. Новые подходы к женскому воспитанию и образованию в эпоху раннего Нового времени как фактор трансформации гендерных ролей в обществе..... 390

Громова А.И. Художественная литература как источник сексуального просвещения девушек в России на рубеже XIX–XX вв. 393

Платонова З.А. О запрете студентам Петербургского университета вступать в брак (1880 г.)..... 396

Яковлева И.И. Воспроизводство традиционной женственности: епархиальные училища как институт социализации девушек в дореволюционной России 399

Мищенко Т.А. «В ожидании любви»: система ценностей и поведенческих установок молодежи рубежа 1950-1960-х гг. в частной переписке..... 401

Попова О.Д. Материнские функции «Подружки» на страницах «Работницы» (в 70-е гг. XX в.) 404

Козловский В.В. Трансформация сексуальности в контексте множественных модерностей..... 407

Панкратова Л.С. Современные модусы сексуальности студенческой молодежи Санкт-Петербурга 411

Пивоваров А.М. Рационализация сексуальных практик российской молодежи: контекст..... 414

Вержибок Г.В. Гендерная матрица представлений студентов о материнстве и отцовстве..... 417

Котовская М.Г. Репродуктивные установки московских студентов..... 419

Белоус А.Ю. Юношеский взгляд на идеальных родителей 421

Волченкова Е.В. Установки, влияющие на брачный выбор молодежи 423

Исакова Т.А., Палаева Д.А. Психологические особенности представлений юношей об отцовстве 427

Ковалева С.В. Кризис сознания молодежи: философско-биологический аспект....430

Куровская С.Н. Представления будущих педагогов о современных родителях ... 433

Леганькова О.В., Захарук Н.С. Представления о материнстве как показатель социальной ситуации развития будущих матерей 436

Шевченко И.О. Дети о своих отцах: ретроспективная рефлексия..... 438

Чебыкина И.В., Иванова Е.С. Стратегии гендерного воспитания детей дошкольного возраста в семьях разного типа..... 441

Материнство и отцовство как социокультурные и социоисторические феномены

Родительство – универсальная, важнейшая социокультурная практика человечества, которая менялась вместе с изменчивым временем. Относясь к области частной жизни, материнство и отцовство отражают состояние и эволюцию самого общества (М. Мид, А. Рич, Е. Бадинтер, Н. Чодороу, И. Кон), так как затрагивают разные сферы человеческого бытия. Изучение материнства и отцовства в прошлом и настоящем позволяет анализировать меняющиеся запросы общества и трансформацию социальной и духовной сфер, культуры и экономической жизни (особенно, если речь о домашней экономике), социальной политики и демографии. Проблема родительства остро актуальна в условиях современного кризиса семейных ценностей, нового содержания социальных ролей матери и отца, эволюции материнских и отцовских практик. В контексте современного комплекса правительственных мер по повышению рождаемости, культивирования в общественном сознании высокого статуса женщины-матери и важности распространения «нового отцовства» (речь о федеральных программах поддержки многодетности 2008–2015 гг., всероссийских проектов поддержки материнства, детства и семьи, в том числе о таких известных, как программы «Святость материнства», «Ты не одна!», «Отцы России», Всероссийском конкурсе «Семья и будущее России–2015), с развитием новых репродуктивных технологий (суррогатное материнство, ЭКО, донорство яйцеклеток), трансформаций нуклеарной семьи (признания в ряде стран однополых браков, в том числе права на усыновление, распространение идеологии child-free), общественных и научных дискуссий о правовом статусе абортов международное обсуждение проблем, связанных с родительством, привлечение к диалогу ученых разных специальностей – историков, философов, социологов, психологов, врачей-репродуктологов, этологов, как и формирование междисциплинарного поля, способного объединить представителей различных научных взглядов и сообществ, стали вызовами времени.

В мировой науке исследования материнства и отцовства – давно уже особые, самостоятельные направления в гуманитаристике, темы по социологии и истории родительства обсуждаются на симпозиумах историков и антропологов, этнологов и социологов; в США и Канаде функционируют отдельные издательства, специализирующиеся на публикации междисциплинарных исследований по названным темам. В нашей стране до сих пор не было комплексных исследований по данным направлениям. Немногочисленные специалисты в данной области трудятся пока автономно, практически не пересекаясь на междисциплинарных научных площадках, слабо привлекают новейшие методологические подходы и практически не публикуются по данной тематике в международных индексируемых журналах. Историческое своеобразие отечественной модели материнства и отцовства

почти не изучено в России и слабо учитывается при выработке нормативных актов, имеющих отношение к семейной политике.

Задуманный членами Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) Общероссийский форум с международным участием «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур» призван изменить это положение. Хотелось бы, что он стал первым шагом к объединению усилий гуманитариев и представителей медицинской, биологической, социопсихологической наук во имя создания междисциплинарной научной структуры по изучению родительских практик в прошлом и настоящем. Несмотря на чрезвычайную актуальность темы в нашем обществе, в нем никогда не организовывалось аналогичных полидициплинарных научных мероприятий по проблемам родительства; медики и социопсихологи иной раз обсуждали эту тему, оставаясь не услышанными представителями общественных дисциплин.

Оргкомитет XI-ой Конференции РАИЖИ, собрав несколько сотен заявок желающих принять участие в форуме, преследует целью впервые объединить усилия ученых разных научных специальностей (историков, социологов, антропологов, этологов и этнологов, педагогов, литературоведов и фольклористов, работников сферы искусства и искусствознания, а также биологов, психологов, врачей), занимающихся изучением родительства, пригласить к диалогу зарубежных коллег (из Великобритании, США, Германии, Италии, Японии, Финляндии, Польши, стран СНГ). В работу конференции – в планируемые заседания секций и круглых столов, семинаров – вовлечены ведущие образовательные учреждения – Смоленский государственный медицинский университет, Исторический факультет Смоленского государственного университета, подразделения ведущих научных учреждений РАН, в том числе Сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, общественные и научные организации (Ассоциация медицинских антропологов, Российское общество историков медицины), представители Союза писателей и арт-сообщества.

Диалог ученых разных профессий в области обсуждения проблем родительства, традиций и новаций в этой социальной области давно назрел и создал основание для институционализации исследований родительства как особой темы в контексте развертывающегося демографического кризиса. Эта тема весьма актуальна для специалистов в области семейной педагогики и дошкольного воспитания, для социологов и специалистов в области социальной работы. Но прежде всего это тема – одна из составляющих истории культуры и истории идей, этнологии и социологии пола и семьи, сексуальности и приватности. Обмен мнениями между представителями широкого круга научных направлений (историками, антропологами, этнологами, культурологами, философами, социологами, литературоведами, врачами), как отечественными, так и зарубежными давно назрел и мог бы способствовать интеграции научных знаний в данной области, обмену

эмпирическим материалом, актуализации современных научных подходов и методов, вовлечению в научный оборот новых источников. Российские ученые, уже не одно десятилетие занимающиеся проблемами семьи, материнства, детства, работая автономно, в рамках своих, отдельно развивающихся научных дисциплин, подчас не осведомлены о том, что сделано их коллегами-соотечественниками из других сфер науки, имеют слабую возможность обмениваться идеями и использовать методы сопредельных дисциплин. Современные западные репродуктологи активно используют подходы исторической этнологии, феминистской антропологии, повседневной истории, гендерной истории и социологии, медицинской антропологии; учесть этот опыт и привнести в него что-то своё – задача времени и созванной нами конференции.

Основная цель ее – создание площадки для консолидации научных усилий в определении и оценке фундаментальных понятий материнства, отцовства, родительства, семьи, детства, пола, гендера, возраста с учетом вызовов времени и глобализации как позитивных, так и негативных перемен, обсуждения того, как мы можем противостоять последним. Среди важнейших проблем: трансформация материнского и отцовского поведения в истории и современности, репродуктивной культуры, проблема интенсивного материнства и его следствий для общества и его демографии, тема медикализации материнства и ее значение в жизни отдельных женщин и общества в целом, отношение к семье и родительству в традиционных и современных культурах, репрезентация материнства и отцовства в искусстве и литературе, современные биосоциальные проблемы родительства и др.

В сборник включены материалы более чем 300 заявленных докладов по 17 тематическим направлениям. В работе конференции обещают принять участие свыше 320 исследователей из различных субъектов России (от Благовещенска и Владивостока до Симферополя и Калининграда), из США, Великобритании, Германии, Японии, Финляндии, Польши, стран СНГ. Одна из секций посвящена памяти выдающегося российского ученого, бывшего главным научным сотрудником Сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, действительного члена Российской Академии образования Игоря Семёновича Кона. Еще в 1987 году в статье, опубликованной в журнале «Советская этнография»[1], он обосновал новые горизонты для междисциплинарного изучения родительства в России. В исследовании «Ребенок и общество» он провидчески писал, что «родительские чувства, роли и поведение, каковы бы ни были их “естественные” предпосылки, требуют конкретно-исторического исследования, без морализирования на тему об извращении естественных норм родительства в одну историческую эпоху или об их возрождении или очищении в другую»[2].

[1] Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38.

[2] Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Academa, 2003. С. 262.

Организацией общероссийского научного форума будет обеспечен открытый диалог сторонников разных, подчас противоположных взглядов на проблему трансформации родительских практик. Мы полагаем, представленные в сборнике публикации будут иметь практическое значение для исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, лидеров женских общественных организаций и гендерных центров, деятелей социальных служб, администрации и бизнеса, отечественных и зарубежных ученых.

Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИНСТВА/ОТЦОВСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ. АКТУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬСТВА

Т.Б. Щепанская
г. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

Ритуализация материнства, идентичность и структуры памяти

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Историческая память и российская идентичность» (проект «Региональная, профессиональная и этнокультурная идентичность в биографической памяти»)

Ритуализация материнства рассматривается на материале этнографических исследований русского населения европейской части Российской Федерации, полевые записи автора относятся к 1990–2015 гг. Признаком ритуализации мы считаем сочетание нескольких из следующего набора характеристик: стереотипизация на уровне сценария и отдельных элементов практик; символический характер их значимых элементов (предметов; движений, положений и состояний тела; временных и пространственных характеристик; лексических маркеров и т.д.); элементы сакрализации действий и ситуаций. Это сообщение посвящено изучению репрезентации ритуализованных практик материнства в биографической памяти: как они включаются в биографический нарратив и как в них представлена идентичность женщины. Это вопрос о связи материнства, женской идентичности и ритуальных схем, отложившихся в биографической памяти.

Беременность: деиндентификация. В женских воспоминаниях о беременности ритуализация предстает в форме примет и магически мотивированных запретов: «Когда беременная, уже *живая половина,* – говорит бабушка из п. Котлы Лен. области, – когда напугаешься, только за живот не хватайся: это будет черное пятно у ребенка» (ПМА, 1990 г.). Подобные запреты, широко известные в сельской местности, получили распространение и в городе, а ныне продолжают распространяться через социальные сети и материнские форумы в Интернете. Это создает нормативное пространство, в котором поведение женщины мотивируется уже не ее желаниями или решениями, а потребностями будущего ребенка (и требованиями, предъявляемыми обществом к этому ребенку – уже на этом этапе артикулируются границы его телесной и психической нормы), причем эти нормы высказываются в форме непререкаемых императивов (именно за счет ритуализации). Второй тип ритуализации беременности – представление о желаниях беременной женщины как о непререкаемой необходимости, их исполнение вменяется окружающим как условие благополучного исхода беременности и родов. Эти желания также считаются связанными с потребностями будущего ребенка или магическими условиями его благополучия, а не ее личными (т.е. изымаются из сферы идентичности жен-

щины); их связывают с полом будущего ребенка (т.е. начинается конструирование идентичности матери, зависимой от гендера дитяти). Таким образом, из сферы идентичности женщины изымаются как ее желания и даже сама способность их испытывать, так и способность и право формировать и контролировать свое поведение. **Ритуальная вина матери: идентичность под сомнением.** В случае если обнаруживается несоответствие родившегося ребенка требованиям и ожиданиям сообщества (выраженные нарушения здоровья, болезненность, просто непривычный внешний вид, плач, с возрастом – психические особенности или неприемлемое для близких поведение), это может стать поводом к предъявлению претензий матери. Это происходит также в ритуализованной форме публичных «припоминаний», когда кто-нибудь из близких людей – представителей семьи, женского сообщества, знахарь и др. – вспоминают, что во время беременности женщина нарушила какой-то запрет: посмотрела на пожар (поэтому у ребенка смуглая кожа или темное родимое пятно – «как сажей намазано»). Тем самым ставится под вопрос ее соответствие требованиям – и сама идентичность матери. Основанием для признания или отказа в признании материнской идентичности становится, как видим, состояние и качества ребенка (точнее, их соответствие общественным ожиданиям), т.е. посредством этих ритуальных обвинений ее идентичность деприватизируется. Плотность такого рода практик максимальна первое время после рождения ребенка (особенно первого) и ослабевает с возрастом, однако, спорадически они возникают вплоть до подросткового возраста, когда неуспехи в школе, особенности психического развития и поведения порой запускают «воспоминания» о нарушениях во время беременности. **Помощница в родах: перенос материнской идентичности.** Еще один штрих к деиндивидуализации материнской идентичности – перенос ее на тех, кто помогал, присутствовал и другим способом был причастен к родам. В сельской культуре это повитуха, бабушка (они часто фигурируют в воспоминаниях о родах вплоть до 1960–70-х гг.), сотрудница сельского ФАП (фельдшерско-акушерского пункта). В городских условиях то же отношение частично переносится на институт родовспоможения в целом. **Послеродовые обряды: идентификация с сообществом матерей.** После родов ритуализация проявляется, во-первых, в различных формах изоляции родившей женщины, вместе с ребенком (помещение их на 1–3 дня в баню после домашних сельских родов; в отдельную палату в случае платных родов в роддоме), либо изоляция ее от ребенка, когда мать переводят в послеродовую палату, а новорожденного уносят, иногда на довольно продолжительное время, чтобы «мать отдохнула», и приносят только на время кормления грудью. Здесь возможно множество вариантов, но контроль ситуации обычно не у женщины. В рассказах о родах женщин, рожавших в массовых государственных медицинских родильных учреждениях в советские и первые постсоветские годы, приводятся свидетельства деиндивидуализации женщины через обращения к ней: «женщина», «мамочка», а в некоторых случаях грубые и дегуманизирующие номинации. В этих обращениях игнорируются ее «дородовый» статус (профессиональный, семейный и др.), даже имя-

отчество (индивидуальная номинация) – и замещается ее идентификацией как женщины и матери (или оскорбительными указаниями неполного соответствия этим идентификациям). Второй тип послеродовой ритуализации – посещения недавно родившей женщины ее родственницами, соседками, подругами, – во время которых они оценивают новорожденного ребенка, высказывают прогнозы и пожелания относительно его/ее будущей судьбы («громко кричит – генералом будет!», «что-то красненький он у тебя…»), дарят что-нибудь «на зубок» или «на копытечко», приносят пироги и устраивают совместную трапезу. Эти посещения более выражены в сельской традиции, где в них участвуют только рожавшие женщины, и знаменуют принятие роженицы в сообщество матерей – подтверждение ее материнской идентичности. В городском варианте эти смыслы размыты, однако сохраняется значение «знакомства» с женщиной в ее новом качестве матери. **Ритуальное обвинение: исключение из материнской среды.** Ритуализация конфликта через обвинение в колдовстве/порче (в нанесении магического вреда детям или детенышам скотины) создавало ситуацию отказа женщине в обычных формах взаимопомощи, иногда в ее изгнании и даже телесных наказаниях – т.е. ее исключения из материнского сообщества (поскольку вредоносная активность ведьм и прочих магических специалистов считалась наиболее опасной для маленьких детей). **Время и память: учительница как «мать», школа как «дом» памяти.** Еще одна тема – связь материнской и локальной идентичности. Она артикулируется в нарративах о возвращении из армии или после работы в городе в родное село (зов матери, болезнь матери, память о матери). После смерти матери остается материнский дом. Отчасти в этой роли его замещает школа, которая становится местом концентрации воспоминаний (визиты в школу бывших учеников, рассказы о себе, подарки школе; школьные музеи, памятные альбомы, коллекции писем и подарков учеников; вечера памяти, встречи одноклассников). Отсюда и перенос «материнских» номинаций на школьных учителей (учительница «как мать»).

А.Г. Аллахвердян
г. Москва, Институт истории естествознания и техники РАН

Развитие российской науки и тенденция феминизации гуманитарных наук (1994–2014)

При поддержке РГНФ, проект 14–03–00326

В настоящее время женщины России, как и многих других развитых стран мира, на равной с мужчинами правовой основе имеют свободный доступ к высшему образованию и занятиям наукой. Так, в 2014 г. женщины-студентки составляли 54% от общей численности российских студентов[1],

[1] Индикаторы образования: статистический сборник. М., НИУ ВШЭ, 2016. С. 146.

женщины-преподаватели в – 57% от общей численности профессорско-преподавательского состава вузов[1], а женщины-исследователи – 40% от кадрового состава российской науки[2]. Подобное соотношение числа женщин и мужчин в системе высшего образования и науки в России ныне воспринимается как явление вполне обыденное. Но таким участие женщин в научно-образовательной сфере, если обратиться к ее истории, было далеко не всегда.

В отличие от США и других западных стран, где в отдельные периоды истории доля женщин в сфере науки снижалась, в советской России процесс феминизации науки имел устойчиво возрастающий характер. Е.З. Мирская и Е.А. Мартынова отмечали: «Статистические данные свидетельствуют, что тенденция увеличения доли женщин в научных кадрах сохранялась на протяжении всей истории развития отечественной науки, а в отдельные периоды темпы роста соответствующих показателей опережали таковые для мужчин»[3].

Однако степень феминизации каждой из шести областей научного знания (естественные, технические, медицинские, аграрные, гуманитарные и социальные), а также входящих в них конкретных дисциплин существенно менялись за двадцатилетний период (1994–2014). Рассмотрим это на примере гуманитарных наук, опираясь на статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Согласно международным стандартам, используемым в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к гуманитарным наукам причисляются следующие: исторические науки, философские науки, филологические науки, искусствоведение и архитектура, культурология (с 2002 г.), документальная информация (с 2014 г.).

Динамика численности исследователей в гуманитарных науках (1994–2014 гг.)

	Годы	Всего исследователей	Женщины исследователи	Уровень феминизации наук, в %	Рейтинг наук по уровню их феминизации
Гуманитарные науки в целом	**1994**	**7996**	**4466**	**56**	
	2014	**12565**	**7924**	**63**	
исторические науки и археология	1994	3801	1900	50	
	2014	4405	2294	52	5
философские науки	1994	1101	568	51	
	2014	1150	522	45	6
филологические науки	1994	2155	1366	63	
	2014	4571	3481	76	3
искусствоведение	1994	939	632	67	
	2014	1819	1133	62	4
культурология	1994	-	-	-	
	2014	473	370	78	2
документальная информация	1994	-	-		
	2014	147	124	84	1

[1] Там же. С. 231

[2] Индикаторы науки 2016: статистический сборник. М., НИУ ВШЭ, 2016. С. 39.

[3] Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 697.

В 2014 г., согласно статистическим данным, усредненный показатель уровня феминизации гуманитарных наук в целом (63%) существенно превосходил аналогичный среднестатистический показатель по всей российской науке (40%). Самый высокий уровень феминизации имел место в области «документальной информации» (84%), самый низкий – в философских науках (45%).

За двадцатилетний период (1994–2014) уровень феминизации гуманитарных наук существенно возрос: с 56% до 63%. Важно отметить, что среди всех шести областей наук (естественных, технических, медицинских, аграрных, гуманитарных и социальных) тенденция роста численности исследователей имела место только в гуманитарных науках, во всех других науках наблюдался количественный кадровый спад. Однако в конкретных гуманитарных дисциплинах кадровая ситуация была не столь однозначной: тенденция роста численности исследователей в одних научных дисциплинах (исторические науки, филологические науки) сочеталась с тенденцией их спада в других дисциплинах (философские науки, искусствоведение). Дальнейший мониторинг в гуманитарных науках позволит выявить различные изменения в научно-кадровой ситуации, что позволит органам управления наукой при необходимости вносить коррективы в проводимой государственной кадровой политике в области науки.

И.Н. Петренко
г. Полтава (Украина), Полтавский университет экономики и торговли

Ребенок и детство в России в XVIII в. в контексте социальной истории: к историографии вопроса

Рождение (детство) и смерть – начало и конец – большой цикл человеческой жизни. Эти этапы жизни человека несут на себе отпечаток исторического времени, которому были свойственные особые общественные отношения, система ценностей, представлений и норм, методы социализации и тому подобное. Роль ребенка в обществе зависит от культуры конкретной эпохи. Детство, тесно связанное с исторической эпохой, регионом, традициями, нормами определенной среды, в которой растет и формируется ребенок, – один из важнейших предметов социально-антропологического изучения культур прошлого и современного. Поэтому, рассматривая образ ребенка, характерный для определенного исторического периода, мы можем понять и тогдашнего взрослого человека, который приводит к более глубокому осмыслению культуры в целом.

Осмысливая проблему детства, нельзя обойти вниманием студии выдающихся западноевропейских историков – французского социоан-

тропологa Ф. Арьеса[1] и основателя американского Института психологии Л. Демоза[2]. Первый утверждал, что средневековые люди не имели представления о детстве как особенном периоде жизни человека, взрослые относились равнодушно к частой смертности детей, потому что на них смотрели, как на маленьких взрослых. Ф. Арьес доказывал, что сущность детства связана не с биологическим состоянием незрелости, а с определенным социальным статусом, совокупностью доступных форм и видов деятельности. С развитием общества изменяется и отношение к детям. Ученый открыл в выяснении проблемы новую страницу. Он показал детство, которое изменяется не только социально-исторически, но и культурно-исторически, т.е. конструируется взрослым.

Американский психоисторик Л. Демоз главной проблемой воспитания считал отношение родителей к детям, а ведущей силой истории – психогенные изменения в личности, которые происходят в результате взаимодействия поколений родителей и детей. С этой точки зрения он описал шесть последовательных периодов трансформации отношения человечества к детству.

1–2 октября 2009 г. в Российском государственном гуманитарном университете (м. Москва) была проведена международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России»[3].

В последнее время появился ряд работ, в которых отрицается точка зрения Ф. Арьеса, ведь она основывается на западноевропейском материале. Раннее привлечение ребенка к социуму, относительная неразвитость в Средние века родительских чувств отрицались не одним десятком ученых. В частности, российский историк Ю. Бессмертный заметил, что «анализ текстов подтверждает тенденцию, которая сложилась в медиевистике за последние годы, тенденцию отказа от распространения точки зрения Арьеса. Людям того периода вовсе не была чужой ни материнская, ни родительская, любовь»[4].

Российские историки Н. Пушкарева и В. Долгов подвергли критике теорию об отсутствии эмоциональных чувств и безразличном отношении родителей к детям, отсутствие детства как особенного периода жизни ребенка в X–XIII вв.[5] Однако некоторые исследователи подтвержда-

---

[1] Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. Сб. статей / ред. И. С. Кон. М. : Прогресс, 1977. С.216-244; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти порядке / ред. С. В. Оболеская. М.: Прогресс, 1992; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999.

[2] Demause L. The Evolution of Childhood / L. Demause // History of Childhood Quarterly. Spring. 1974. V.I. № 4.P. 367-388.

[3] Тезисы выступлений к конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф.Арьеса в Европе и России» // Режим доступа: http://childcult.rsuh.ru/print.html?id=89898.

[4] Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерк демографической истории Франции / Юрий Леонидович Бессмертный. М.: Наука, 1991. С.89.

[5] Пушкарева Н. Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X-XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 93-106; Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Ред. Ю. Бессмертный. М.: РГГУ, 1996. С.305-344; Долгов В. В. Детство в контексте древнерусской культуры XI-XIII вв // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 72-85.

ют распространенность в X–XIII вв. преднамеренного детоубийства, которое было способом «избавиться от детей (к тому же некрещеных) в том возрасте, когда родители, особенно матери, не успели к ним привыкнуть. Мягкость наказания – покаяние – объяснялось массовым характером явления. Следует взять во внимание и то, что факт покаяния виновного служил для церкви большими основаниями отпустить грех, чем именно его совершение»[1].

История детства в России прошла сложный путь развития. В 20–30-ые гг. XX в. этот феномен изучали в рамках педологии – науки о детстве, которая совмещала психологические, биологические и социологические подходы к ребенку. После ее разгрома в середине 30-х гг. исследования детства поддавались опале. Во второй половине 1940-х гг. ученый, знаток психологии, педагогики, истории, социологии М.О. Рыбников разработал проект «История русского ребенка», который не был реализован.

Самостоятельным направлением в истории детства в России стала этнография (в том числе и этнопедагогика). В конце 70-х – в начале 80-х гг. XX в. появились публикации, посвященные проблемам детства, в том числе монография российского социолога И. Кона «Ребенок и общество»[2], которая открыла перспективу многим темам в исследовании детства разных культур и эпох. Ученый отметил, что мир детства является неотъемлемой частью жизни каждого народа, каждый взрослый несет в себе наследство детства и не может освободиться от нее. Поэтому общество не может познать себя, не познав закономерности своего детства. Воспитательное влияние мира взрослых, вписываясь в определенный социальный, культурный и исторический контексты, формирует свою педагогическую парадигму детства – совокупность характерных для общества на определенном историческом этапе установок, ценностей, путей и механизмов их реализации в сфере педагогической поддержки, образования и воспитания детей.

Каждая общественно-экономическая формация порождает соответствующую стратегию воспитания, которая основывается на моральных, религиозных, социальных принципах общества. За этим критерием И. Кон выделил типы обществ: 1) общества, которым свойственная слабая дисциплина в раннем и позднем детстве; 2) общества, которые отмечаются суровой дисциплиной в раннем и позднем детстве; 3) общества, в которых на этапе раннего детства дисциплина сурова, позднего – слабая; 4) общества, в которых раннее детство характеризует слабая дисциплина, позднее – суровая.

Европейскую модель воспитания И. Кон отнес к третьему типу, которому свойственное суровое дисциплинирующее воспитание в раннем детстве и постепенное послабление контроля.

---

[1] Абрамсон М. Супруги, их родные и близкие в южно-итальянском городе высокого Средневековья (X-XIII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / ред. Ю.Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С.112.

[2] Кон И. С. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988.

Исследовательский интерес к социальному конструированию детства социумом и культурой привел к тому, что ежегодно растет количество исследований российских ученых, посвященных осмыслению истории ребенка и детства, невзирая на скептическое отношение к ней традиционной истории, педагогика и тому подобное. На истории детства сосредоточивали свое внимание Т. Бернштам, М. Мид, П. Габдрахманов, О. Кошелева[1]. Они рассматривали проблему детства в этнографической плоскости и сосредоточивались на X–XVII вв., XIX – начало XX в.

Таким образом, в последнее время участилось появление студий, в которых авторы из разных методологических подходов анализируют процесс эволюции ребенка и детства в Российской империи XVIII в. Сегодня зарубежными, российскими историками, демографами, социологами, этнологами, уже сформирован значительный массив трудов из этого направления исследования. Участилось появление студий, в которых объектом изучения выступает именно крестьянский ребенок, детская смертность, детоубийство. Их появление является признаком изменения приоритетов в современной исторической науке – от политической и экономической проблематики к социальной и частной.

Исследование проблем ребенка и детства предусматривает использование междисциплинарного подхода, которое приводит, во-первых, к сотрудничеству разных гуманитариев (историков, культурологов, искусствоведов, филологов, педагогов, социологов), во-вторых, к относительности и размытости любых пределов и рамок, когда идет речь об исследовании истории детей и детства.

Н.А. Мицюк
г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Изучение социальной и культурной истории родов в современных зарубежных исследованиях: подходы, источники, темы

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ», проект № 16-01-00136

Изучение социальных и культурных аспектов деторождения представляет область междисциплинарных исследований (антропологии родов, социологии деторождения, истории социальной медицины, повседневной истории, гендерной истории и истории материнства). Опираясь на наиболее значимые работы в зарубежной истории деторождения, задача доклада состоит в том, чтобы показать, в каком направлении развиваются совре-

[1] Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988; Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988; Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи: Демографическое исследование средневековой деревни VIII-IX веков (по данным грамот). М.: Памятники исторической мысли, 1996; Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI-XVIII вв.). М.: Изд-во УРАО, 2000.

менные исследования, проанализировать актуальные методы и подходы в изучении социальной и культурной истории родов, изучить специфику процесса институциализации истории деторождения в современной зарубежной исторической науке.

Современное изучение истории деторождения берет начало с конца 1970-х гг., когда выделилось самостоятельное междисциплинарное научное направление, объединившее историков, антропологов, акушеров, социологов, психологов. Взгляд гендерных и феминистки-ориентированных историков остановился на области, казалось бы, исключительно медицинской, но в тоже время изучение моделей родовспоможения в различные исторические периоды позволяло лучше определить место женщин в гендерной системе, ее зависимость от патриархатных институтов, особенности эмоциональных режимов в обществе.

У истоков предметного изучения социальной и культурной истории деторождения стояли культурные антропологи и этнографы (Б. Джордан, Ш. Китзингер, Б. Лозофф и Э. Мартин). Сами роды представали в их трудах важнейшей кросскультурной и биосоциальной практикой человечества. Современные роды в родильных отделениях и клиниках они рассматривали в качестве модифицированного обряда перехода, характерного для традиционных культур, а также сферу проявления социального контроля со стороны государства. Существенное влияние на характер исторических исследований родов имела теория медикализации, обоснованная в социологических работах И. Зола, Г. Розена, И. Конрада и философско-исторических исследованиях М. Фуко. Существенное влияние на проблематизацию истории деторождения оказали представители социальной истории медицины.

Одним из первых исследований культурной истории деторождения явилась работа Ричарда и Дороти Вертц[1]. В фокусе исследования оказался сложный процесс «денатурализации» и стандартизации родового процесса. По мнению историков, вследствие медикализации происходил переход самих родов и роженицы под абсолютный контроль врачей, результатом которого явилась потеря роженицами особого «женского знания». Основные работы 1980-х гг. (Дж. Левитт, Дж. Льюис[2]) были направлены на изучение трансформации моделей деторождения и эмоциональных переживаний рожениц. Ученые пришли к выводу, что двухвековая история трансформации культуры деторождения привела к тому, что женщина попала в «физическую тюрьму», потеряла контроль над собственным телом, становясь полностью зависимой от технологий и знаний врачей. Эти явления, по мнению историков, способствовали углублению патриархата, а также оказали влияние на рост дискриминации и социального неравенства, так как не все женщины имели равный доступ к медицинским технологиям.

[1] Wertz R.W., Wertz D.C. Lying-In: A History of Childbirth in America. New York: The Free Press, 1977.
[2] Leavitt J.W. Brought to Bed. Childbearing in America 1750–1950. Oxford: Oxford University Press, 1986; Lewis J. S. In the Family Way: Childbearing in the British Aristocracy, 1760-1860. Rutgers University Press: New Brunswick, New Jersey, 1986.

Западноевропейские исследования истории родильной культуры в меньшей степени характеризовались феминистскими подходами, историки не стремились оценивать культуру деторождения прошлого с точки зрения современных подходов, концепций, терминов[1].

В 1990-е гг. расширяется тематическое и географическое разнообразие исторических исследований, используется междисциплинарный подход, применяются новые методы, привлекаются новые источники. Ведутся активные дискуссии между гендерными историками, социальными историками медицины, историками материнства, социальными и культурными антропологами, социологами медицины, филологами. Окончательно утверждаются и становятся доминирующими подходы феминисткой антропологии, гендерной истории, а также социально-конструктивистский подход. История родильной культуры рассматривалась как область противостояния традиционного, приобретенного в ходе личностного опыта и научного медицинского знаний; патриархатных социальных институтов и идей, связанных с гендерным равенством, женской свободой, ее репродуктивными правами[2].

Историков заинтересовала проблема социального конструирования, материнского поведения в целом и репродуктивного поведения в частности в различные исторические периоды[3]. Историк медицины И. Лоудон[4], основываясь на большой массив медицинской статистики США, Великобритании, Австралии, стран Западной Европы, пришел к выводу, что вопреки всем ожиданиям с начала XIX в. до 1940-х гг. материнская смертность при родах существенно не изменялась. Снизить уровень материнской смертности при родах, по мнению исследователя, удалось не столько благодаря росту профессионализма врачей, сколько внедрению антибиотиков. В указанный период, с развитием социальной истории медицины, появилось значительное число исследований по истории акушерских знаний и практики, истории акушерок, авторами которых выступали, как профессиональные историки, так и клиницисты[5]. В феминистки и гендерно-ориентированных исследованиях, авторы рассматривали историю деторождения в гендерно-властных отношениях, как поле непрекращающегося противостояния между женщинами (роженицами, акушерками) и мужчинами (врачами-акушерами). Большинство историков относилось к акушер-

[1] Gelis J. History of Childbirth: Fertility, Pregnancy and Birth in Early Modern Europe. Boston: Northeastern University Press, 1991.

[2] Wilson W. The Making of Man-Midwifery: Childbirth in England, 1660-1770. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 239p; Borst C.G. Catching Babies: The Professionalization of Childbirth, 1870-1920. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

[3] Пушкарева Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24; Мицюк Н.А. История материнства в англоязычной историографии // Вопросы истории. 2014. №10. С. 167-175.

[4] Loudon I. Death in Childbirth: An International Study of Maternal Care and Maternal Mortality 1800-1950. Oxford: Oxford University Press, 1992.

[5] Rhodes P. A Short History of Clinical Midwifery: The Development of Ideas in the Professional Management of Childbirth. Cheshire, England: Books for Midwives Press, 1995, Murphy-Lawless J. Reading Birth and Death: A History of Obstetric Thinking. Bloomington: Indiana University Press, 1998; Rooks J.P. Midwifery and Childbirth in America. Philadelphia: Temple University Press, 1997.

кам XX в., как к идеальной участнице холистической модели родов, при которых вторжение медицинских технологий было умеренным и роженица была более свободна в реализации естественной функции воспроизводства.

Социальные историки, демографы, историки медицины обратились к изучению истории контроля над рождаемостью (birth control) (Э. Маклaрен, Д. Кричлоу, Т. Макинтош, Э. Чеслер, Дж. Броди, Л. Рейган, Дж. Ридл), связывая данный процесс с развитием женской эмансипации и разрушением традиционного гендерного порядка.

В 2000-е гг. интерес историков всё также концентрировался вокруг изучения процессов перехода от естественных родов с применением традиционных практик к биомедицинской модели деторождения. Концептуальной основой продолжали оставаться теории медикализации и биовласти. Феминистки ориентированный подход способствовал возникновению интереса к изучению не только культуры деторождения, но и значительно более широкой области – репродуктивной политики и репродуктивной практики населения[1].

Развитие антропологически ориентированной, гендерной истории, интереса к миру повседневных забот, истории телесности и сексуальности людей прошлого обусловили возникновение у историков особого интереса к изучению эмоциональных переживаний матерей, связанных с деторождением[2]. Переживания рожениц могли внести ясность в изучение гендерного режима эпохи, в уточнение места, занимаемого женщиной в обществе.

В последние годы были сделаны попытки написания обобщающей истории деторождения в контексте истории материнства, во взаимосвязи с обширными социальными процессами[3]. Расширяются географические и хронологические рамки исследований, популярность набирают научные изыскания медиевистов. Исследовали на примере Средневековых родов демонстрировали проявления ритуалов и конфликтов. Женщины, огражденные от мужского вмешательства, вопреки существованию многочисленным поведенческим канонам, которые предписывала церковь, смогли сформировать особое женское пространство (сеть) (коллективную женскую культуру)[4] с собственными негласными правилами. Широкий интерес к данному историческому периоду воплотился в съемке BBC научно-популярного фильма, в котором сюжеты, связанные с культурой средневекового деторождения, были подробно репрезентированы[5].

---

[1] Solinger, Rickie. Pregnancy and Power: A Short History of Reproductive Politics in America. New York: New York University Press, 2005; Kitzinger S. The Politics of Birth. New York: Elsevier Butterworth Heinemann, 2005

[2] Tharp J.A., MacCallum-Whitcomb S. This Giving Birth: Pregnancy and Childbirth in American Women's Writing. Bowling Green: Popular Press, 2000; Mazzoni C. Maternal Impressions: Pregnancy and Childbirth in Literature and Theory. Ithaca: Cornell UP, 2002; Marotte M.R. Captive Bodies: American Women Writers Redefine Pregnancy and Childbirth. Demeter Press, 2008.

[3] Epstein R.H. Get Me Out: A History of Childbirth from the Garden of Eden to the Sperm Bank. WW Norton & Co Inc, 2011; Mcintosh T. A Social History of Maternity and Childbirth: Key Themes in Maternity Care. Routledge, 2012.

[4] Wilson A. Ritual and Conflict: The Social Relations of Childbirth in Early Modern England. Ashgate Publishing Ltd. 2013. P. 196.

[5] Medieval Lives: Birth, Marriage and Death 2013, BBC Scotland.

Таким образом, в настоящее время изучение истории родильной культуры объединяет представителей различных научных направлений из стран Западной Европы, США, Канады. Родильная культура рассматривается в широком социальном, культурном, историческом контексте, углубляя знания о национальной традиции, о гендерном режиме, о положении и роли женщин в обществе, о трансформации института материнства.

О.А. Валькова
г. Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

А была ли роженица? Или рассуждение о типологическом формуляре метрического свидетельства в России в первой половине XIX в.

Восстановление генеалогии любой семьи требует немало времени и усилий. Но задача усложняется многократно при необходимости восстановить женскую линию семьи. Существует немало причин этого, одна из которых – отсутствие упоминания имени матери (и вообще упоминания о матери) в отечественных метрических свидетельствах о рождении в первой половине XIX в. В настоящий момент мы затрудняемся определить, насколько подобная практика была типичной, и что именно привело к ее возникновению. Мы рассмотрим данное явление на конкретном примере, с которым нам пришлось столкнуться в процессе нашей исследовательской деятельности.

Работая над реконструкцией биографии известного российского астронома-любителя Нины Михайловны Субботиной (1877–1961), мы столкнулись со значительными трудностями при попытке установить историю семьи женщины-ученого. Сохранившиеся источники свидетельствуют, что Нина Михайловна гордилась своей семьей, интересовалась ее историей и, более того, нам казалось, что многие принятые ею в жизни решения, так же как и появление многих людей в круге ее общения, можно было бы объяснить исходя из истории семьи и нескольких поколений семейных связей. Вместе с тем из-за гибели семейного архива во время блокады Ленинграда, каких-либо семейных документов практически не сохранилось.

Единственное свидетельство, оставленное самой Ниной Михайловной, звучит следующим образом: «...мама с папой оба принадлежали к семье “интеллигентных разночинцев” и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в., сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца»[1]. Таким образом, нас интересовала женская, московская линия семьи: дед и бабка матери Нины Михайловны и, по возможности, более отдаленные родственники. Но для начала необходимо было узнать девичью фамилию матери.

[1] Субботина Н.М. Письмо к Н.А. Морозову. 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20, 20 об.

Отца Нины Михайловны оказалось найти несложно. Горный инженер Михаил Глебович Субботин, возглавлявший одно время техническую дирекцию Сормовских заводов, был достаточно хорошо известен в профессиональных кругах[1]. Его «Послужной список», как этого и можно было ожидать, содержит девичью фамилию жены: «Женат первым браком на дочери коллежского советника Соколова – Надежде Владимировне»[2]. Разумеется, найти в Москве даже 70-х гг. XIX в. Соколова – задача не и легких. Тем не менее у нас была подсказка: в некрологе Н.М. Субботиной указано, что в детстве она вместе с мамой по долгу жила «в московском доме-усадьбе деда (по матери) Соколова – архитектора по специальности»[3]. Таким образом, у нас появилась зацепка: московский архитектор Владимир Соколов, чья дочь вышла замуж в 70-х гг. XIX в.

Нам повезло обнаружить личное дело Владимира Соколова в фонде Московского дворцового архитектурного училища, которое, как оказалось, он окончил. Там же находятся официальные документы (1851 г.), касающиеся его женитьбы: просьба выдать разрешение на вступление в брак; справка об отсутствии каких-либо препятствий и пр. Невестой В. Соколова стала дочь Новопименовского протоиерея Александра Ильича Кандорского, девица Александра Кандорская 22 лет[4]. Так удалось найти бабушку Н.М. Субботиной, видавшую «в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя», принимавшую у себя «Грановского, Кудрявцева, Рулье…». Единственная проблема оказалась в том, что ее отец, А.И. Кандорский, никогда не был профессором Московского университета, что оказалось совсем нетрудно установить. Он был протоиереем церкви Преподобного Пимена, в Новых Воротниках (действующей, заметим в скобках, до настоящего времени).

Мы предположили, что возможно Н.М. Субботина имела ввиду не жену деда, а его маму и, соответственно, ее отца. Однако установить имя матери В. Соколова не удалось, несмотря на наличие метрического свидетельства о рождении. Этот документ, как нам кажется, заслуживает отдельного внимания. Метрическое свидетельство было выдано по запросу отца Владимира Соколова для предоставления при поступлении его сына в Архитектурное дворцовое училище и содержит следующую информацию: «…в метрической книге Сретенского Сорока Спасской церкви, что во Спасской, тысяча восемьсот двадцать осьмаго года в статье под № 21-м написано следующее: месяца января двадцатого числа в доме прихожанки коллежской ассесорши Екатерины Михайловны Богдановой, у живущего коллежского регистратора Ивана Иванова Соколова родился сын, коему наречено имя Владимир, молитвословил священник Николай Петров, при

[1] Михаил Глебович Субботин. (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. С. 267.
[2] Послужной список горного инженера коллежского советника Субботина. 1890 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36813. Л. 9.
[3] Неуймина М.Н. Памяти Н.М. Субботиной // Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1964. М., 1963. Т. 67. С. 261.
[4] РГАДА Ф. 1239. Оп. 3. Д. 15235. Л. 4.

сем был дьячек Иван Илларионов, крещен 16-го числа, восприемники были: обер гоф-мейстер князь Андрей Александрович Кольцов-Мосальский и из дворян коллежского секретаря Павла Алексеева Гурьева жена Доминика Харлампьевна; оное крещение исправляли священник Николай [Ботроев] с причтом. Января 27 дня 1836 года»[1].

Таким образом, установлено, что дед Н.М. Субботиной, Владимир Соколов, родился 20 января 1828 г. в Москве. Его отцом был некий коллежский регистратор Иван Иванович Соколов, снимавший жилье в доме супруги коллежского асессора Е.М. Богдановой. Характерно, что в метрическом свидетельстве перечислено поименно семь человек и упомянут еще «причт», однако не только нет имени матери ребенка, но нет никакого упоминания о том, что она вообще существовала. Прочитав этот документ, легко представить, что никакая женщина вообще не участвовала в процессе появления на свет ребенка. Будучи хорошо знакомыми с формуляром записей в российским метрических книгах немного более позднего времени, мы предположили, что, возможно, в данном конкретном случае имело место что-то нуждавшееся в сокрытии: незаконное рождение или крепостное состояние матери, или… Однако специалисты по генеалогии данного периода заверили, что такой формуляр метрической записи является типичным для данного времени. К сожалению, они не смогли объяснить причины, вызвавшие появление подобной практики. Полное исключение всякого упоминания матери из официального документа о рождении ребенка, содержавшего достаточно подробное описание события, отражает, как нам кажется, очень характерную психологию отношения к женщине-матери, исключавшую ее из единственного процесса, в котором она в силу биологических причин должна была занимать центральное место. В любом случае, история возникновения данной делопроизводственной практики нуждается, как нам кажется, в более подробном изучении.

В нашем же конкретном случае, к сожалению, пока не удалось установить ни личность Ивана Ивановича Соколова, ни имя матери его ребенка. Изучив однако биографические данные об отце Александры Кандорской, нам удалось установить, что до того, как стать протоиереем, Александр Ильич Кандорский был профессором физико-математических наук, правда, не Московского университета, а Московской духовной семинарии[2].

[1] Там же. Л. 3, 3 об.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 5. Д. 7. Л. 4 об., 5.

З.В. Анайбан
г. Москва, Институт востоковедения РАН

Историко-архивные источники о положении женщины-матери в традиционной тувинской семье

Для изучения роли женщины в тувинской семье одним из важнейших источников, наряду с произведениями устного народного творчества, бесспорно, являются архивные материалы. В этой связи несомненную ценность для нас представляют хранящиеся в разных российских архивах работы ученых-гуманитариев, посетивших на протяжении XIX в. Туву с разными исследовательскими целями. Следует отметить, что результаты этих экспедиций были в свое время по большей части опубликованы. Эти материалы, как правило, содержат зачастую хотя и фрагментарные, но все же важные сведения о роли и положении женщин в традиционном кочевом обществе. Исходя из анализа полученных нами документальных материалов, можно констатировать, что, по крайней мере, в семье тувинские женщины пользовались хотя и относительной, но все же свободой и некоторыми правами, были уважаемы и почитаемы как мать и жена, как «хранительницы очага». Как отмечали современные этнографы, изучавшие проблемы брака и семьи в традиционном тувинском обществе, в отличие от женщин мусульманского Востока, тувинская женщина никогда не знала затворничества, во все времена совместно с мужчиной принимала участие в хозяйственной деятельности, в исполнении семейно-бытовых обрядов[1]. Так, А.В. Адрианов, говоря о семейно-бытовых традициях тувинцев в своем этнографическом обзоре, подготовленном им после экспедиции в Туву (1881 г.), особо отмечает, что «женщины пользуются здесь самостоятельностью»[2]. По-видимому, не случайно в 1903 г. в докладе закрытого заседания комитета географического общества в Иркутске, посвященного итогам этнографических экспедиций в Туву, было сказано, что «…у восточных сойотов найдены остатки архаической коммуны, следы матриархата…»[3].

В научных целях побывавший в Туве в конце XIX в., Ф.Я.Кон писал в своем отчете, что «одной из характернейших особенностей сойотов было их отношение к женщине. Во многих сойотских поселках мне приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте». Далее сей факт исследователь объясняет тем, что «это делалось для того, чтобы девушка могла свободно располагать собой…». Представляет интерес и следующее его наблюдение: «… к этому следует добавить замечаемое бережное отношение к женщине и обряд прятания лица пред муж-

1 Забелина В.А. Раскрепощение женщины-тувинки (1921-1944 гг.). Новосибирск. 1977. С.7.
2 Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества сотрудником А.В.Адриановым // Записки Императорского Русского географического общества. СПб. Т.11. 1886.
3 Кон Ф.Я. За 50 лет. Экспедиция в Сойотию. М. 1934. Т.3. С.284.

скими членами семьи мужа, прекращающегося обрядом срывания отцом мужа «тумалай» с невестки»[1].

Ф.Я. Кон, посвятивший достаточно много времени изучению образа жизни, традиций, обычаев тувинцев, опровергает заявление Е.К. Яковлева, содержащееся в его работе «Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея» (1900 г.), в которой тот писал, что «… обедневшие сойоты занимались, нисколько не скрывая этого, продажей прелестей своих жен и дочерей богатеющим соседям – русским»[2]. Отрицая данное утверждение, Ф.Я. Кон поясняет: «Яковлев не был в Сойотии и кто-то ввел его в заблуждение»[3]. И как бы в противовес Е.К. Яковлеву, в другом месте своего исследования он пишет следующее: «Меня поражало всегда, как тонко сойоты разбирались в следующем вопросе. Девушек, имевших связь с мужчинами в расчете на материальное вознаграждение, проще говоря, проституирующих, сойоты до того презирали, что о том, чтобы такая девушка могла выйти замуж, не могло быть и речи[4]. В итоге он констатирует: «У тувинцев к продажным отношение брезгливо-презрительное»[5].

Описывая брак и свадебные обряды у тувинцев конца XIX в., дореволюционные исследователи отмечали ряд элементов, подобных тем, которые отражены в эпосе. Например, при выходе девушки замуж решающую роль играет «калым», выплачиваемый женихом родителям невесты, т.е. девушки не имели свободы выбора. Таким образом, заинтересованные в получении «калыма» родители иной раз заставляли девушку выйти замуж против ее воли. Исходя из имеющихся материалов этнографических исследований, можно говорить, что положение жен в семье находилось в строгой зависимости от зажиточности и положения, занимаемого мужем. В частности, в богатых семьях жена ничего не делала; в бедных семьях женщина была завалена работой до изнеможения. К мужу, ударившему жену, все соседи относились с пренебрежением. Женщины были избавлены от пыток, их ни бить, ни пытать нельзя. За содеянные женщиной поступки подлежал телесному наказанию ее муж и при этом обязательно в присутствии жены[6].

Представляют интерес сведения о правовом положении вдов, которое, на первый взгляд, никак нельзя назвать ущемленным. Так, согласно обычаю, по мере подрастания детей отец выделял каждому часть имущества, кроме младшего, который получал все, что оставалось в момент смерти отца. Если в это время мать была жива, оставшееся наследство переходило в общее владение матери и младшего сына, причем мать и сын свободно распоряжались этим имуществом[7]. Существенное уточнение, относящееся

1 Там же. С.139.
2 Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея. Красноярск - Минусинск. 1900. С.23.
3 Кон Ф.Я. Указ. соч. С.135.
4 Там же. С.134.
5 Там же. С.129.
6 См. подр.: Кон Ф.Я. Указ.соч. С.С.48, 129, 137.
7 Там же. С.137.

непосредственно к правам женщин в тувинской семье, вносит материал, хранящийся в Красноярском архиве. Речь идет о докладе учителя Верхне-Усинской школы, (к сожалению, фамилия его не указана), посвященному «описанию жизни народностей сойотов» (1915 г.): «После смерти отца сыновья делят наследство поровну и незамужние дочери получают равную часть. Мать держится в большом почете, пожалуй, больше, чем отец»[1].

Таким образом, без преувеличения можно констатировать, что в семейной сфере статус женщины во все времена был достаточно высок, традиционно она испокон веков являлась фактически основным стержнем в семье. Безусловно, на изменение положения и роли женщины в семье в определенные исторические периоды оказывали заметное влияние имевшие место разного рода политические и социально-экономические трансформации. Вместе с тем, по результатам нескольких этносоциологических исследований, проведенных нами в Туве за последние два десятилетия, авторитет женщины как полноправной хозяйки и главной воспитательницы детей в подавляющем большинстве тувинских семей непоколебим и в целом сохраняется по сей день.

И.В. Баданина
г. Москва, Московский педагогический государственный университет

Жизнь и творчество А.С. Пушкина как источник сведений о материнстве и отцовстве в России XIX в.

В творчестве А.С. Пушкина отразились актуальные для его эпохи явления, связанные с семьей, в частности с отцовством и материнством, поскольку творчество питается в том числе повседневной жизнью. Благодаря вниманию исследователей к личности поэта, а через него – к его родным, с помощью оставленных современниками воспоминаний и т.д. можно немало узнать о родительстве в эту эпоху.

Своеобразие происхождения поэта связано с его африканским прадедом по линии матери. В семье С.Л. и Н.О. Пушкиных родились несколько детей, выросли же только трое – Ольга, Александр, Лев. Александр Сергеевич унаследовал от матери африканские признаки внешности: темные курчавые волосы, черты лица, –и напоминал окружающим о корнях своей матери. Возможно, поэтому он стал нелюбимым ребенком в семье. Отец не был внимательным к сыну, больше занимаясь своими делами. Однако в доме имелась большая библиотека, к тому же родной дядя, В.Л. Пушкин, был поэтом. Все это помогло А.С. Пушкину рано начать развиваться как поэту и получить прекрасное по тем временам образование в Царскосельском лицее.

Африканские корни поэта делали его мишенью насмешек, ему приходилось давать отповедь людям, пытавшимся его унизить, например, в стихотворении «Моя родословная» (1830 г.).

1 Красноярский архив. Фонд 217 – Среднесибирский отдел Русского географического общества. Опись 2. Дело 51. С.53.

В произведениях Пушкина есть отсылки к творчеству дяди Василия Львовича. Так, в «Евгении Онегине» при описании бала у Лариных два раза упоминается как двоюродный брат автора Буянов – герой произведения В.Л. Пушкина. Няне А.Р. Яковлевой, по обычаю того времени ухаживавшей за мальчиком и заботившейся об уже взрослом поэте, он посвятил стихотворение, она стала прототипом образа няни в «Евгении Онегине», но нет прямо обращенных именно к родителям его произведений. Возможно, сыновние чувства он отчасти перенес на Арину Родионовну. Стихотворение «Няне» (1826 г.) показывает, что поэт знает: все ее мысли – о нем, она живет встречами с любимым питомцем.

Известно, что ближайшие родственники, когда Пушкин не успевал вовремя их поздравить с каким-нибудь праздником, сообщали об этом знакомым, давая понять, что он недостаточно внимателен. Когда Пушкин стал известным поэтом, Сергей Львович удивлялся, что сыну уделяют больше внимания, чем ему, отцу. О непростых отношениях с родными поэт написал в «Евгении Онегине»:

Родные люди вот какие: //Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать // И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать // Или по почте поздравлять,
Чтоб в остальное время года // Не думали о нас они…

По тогдашней традиции Пушкин получил от обоих родителей по селу: Михайловское в Псковской губернии и Большое Болдино в Нижегородской. Они приносили недостаточно средств, но роль этих двух сел неоценима в истории русской литературы: здесь были созданы многие шедевры поэта.

Будущая супруга поэта, Н.Н. Гончарова, была младшим ребенком в семье, она была воспитана в строгости и религиозности: мать была с детьми весьма жесткой. Вместе с тем девочка получила хорошее образование: она изучала математику, географию, историю, греческую мифологию. Наталья от природы была человеком сдержанным и скромным. Поскольку приданого не было, мать была вынуждена согласиться на брак дочери с поэтом, имевшим репутацию вольнодумца и неразборчивого в связях с женщинами человека, через год после первого сватовства. В течение этого года поэт писал будущей теще письма в свое оправдание и старался уверить ее в чистоте своих намерений и искренней любви к ее дочери.

Одним из грехов молодости поэта была его связь с крепостной Ольгой Калашниковой. В апреле 1826 г. Пушкин отправил ее рожать в Москву с письмом к П.А. Вяземскому, прося, если родится мальчик, позаботиться о нем. На случай рождения девочки никакой просьбы Пушкин не выразил, из чего можно сделать вывод, что в обычаях того времени было преимущественное внимание к сыновьям. Ольга родила сына, который вскоре умер. В этой ситуации отражается черта дворянской жизни: барин мог приживать со своими крепостными девушками детей и не жениться. В романе «Дубровский» отец Маши Троекуровой завел у себя гарем из крепостных, рожавших

детей, но лишь одного он выделил и приблизил к себе – сына гувернантки-француженки. Другое свидетельство этого социального явления находим в романе «Евгений Онегин», где автор пишет о секунданте Ленского Зарецком, что этот «Отец семейства холостой» «учит азбуке детей». Сам Пушкин, однако, тяжело переживал то, что случилось с ним. В стихотворении «Воспоминание» 1828 г., возможно, отражается эта коллизия:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В семье А.С. и Н.Н. Пушкиных родились четверо детей. От материнства супруга поэта хорошела: его мать в письмах к дочери Ольге порой сообщала об этом. Эти свидетельства встречаются в ее переписке в разное время, и, наконец, она пишет, что после последних родов Натали похорошела и теперь красива, как никогда.

Пушкин проявлял заботу о жене во время ее беременности: в письмах советовал быть осторожной, ходить по два часа в день (письмо от 08.12.1831 г.). Выражал беспокойство по поводу здоровья дочери Маши (02.09.1833 г.); давал указания о том, с кем детям можно и нежелательно общаться, как их нужно воспитывать: «Отца не пускай к детям, он может их испугать, и мало ли что еще. … Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь» (20 и 22.04.1834 г.). Задумывался он и о будущем детей. Так, он писал жене: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах» (около 14.07.1834 г.). Пушкин писал также о том, как сыну Александру следует вести себя по отношению к власти: «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет» (20 и 22.04.1834 г.).

Став отцом четверых детей, поэт писал в январе 1836 г. Вяземскому: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться».

Овдовевшая супруга Пушкина по наказу мужа поселилась в деревне и жила там не 2 года, как он просил, а 7 лет. Потенциальные женихи ставили условием брака с ней помещение детей в приют. Она же отвечала, что ей не муж тот, кому не нужны ее дети. В браке с П.П. Ланским у нее родились три дочери. Таким образом, она стала матерью семерых взрослых детей, что в то время бывало нечасто ввиду высокой детской смертности.

Н.Н. Пушкина говорила, что ее жизненное призвание – быть «директором детского приюта»: рядом с ней всегда появляются дети – и свои, и чужие[1]. Она говорила второму мужу, что чем больше окружена детьми, тем больше довольна, заботилась о своих детях от обоих браков, устраивая их образование и в дальнейшем – семейную жизнь[2].

Потомки поэта чтут его память: они приезжают на празднование его юбилеев, дарят литературному музею Пушкина в Москве свои реликвии, заботятся о правдивости информации о нем и его супруге. Сбылась его мечта остаться в памяти людей: он живет не только в своих бессмертных литературных творениях, но и в сознании, каждодневной жизни тех, кому было суждено стать его потомками.

Ю.И. Ибраева
г. Москва, НИИ ВШЭ

Воспитание наследников в переписке А.Д. Меншикова

В результате культурного перелома Петровского времени постепенно меняется отношение к воспитанию и образованию наследника знатной фамилии. Как во многом в этот период зачинателем изменений в сфере просвещения стал Петр I, а главными проводниками представители его ближайшего окружения. И именно в этом круге влиятельнейших вельмож складываются новые представления о «правильном» воспитании потомков, не осталась в стороне и семья Меншикова.

Семейная переписка ближайшего соратника царя, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова за период с 1706 по 1727 гг., обширна, хотя пока не издана и недостаточно исследована. Она состоит из более чем 300 писем Александра Даниловича жене, 100 писем князя и княгини к детям и «надзиратильнице» Варваре Кубасовой, писем детей к родителям; сохранилась и переписки супругов Меншиковых с ближайшими родственниками.

В семье Меншиковых вряд ли могли придерживаться традиционных взглядов на воспитание. Александр Данилович не имел воспитания хотя бы близко соответствующего тому положению, которого сумел добиться. Его жена Дарья Михайловна, хотя и происходила из древнего рода (ее отцом был якутский воевода и стольник Арсеньев Михаил Афанасьевич), но с детства воспитывалась при дворе царевны Натальи Алексеевны, любимой сестры Петра, поддерживавшей его во всех начинаниях и отличавшейся передовыми для женщин своего времени взглядами.

В семье Меншиковых княжеских детей воспитывали отнюдь не по старинке, а учитывая изменившиеся требования и ту роль, которую должны были играть при дворе российских императоров представители одной из первых фамилий России. Не случайно, старшую дочь этой семьи – Ма-

[1] Алексеева А. Наталья Гончарова: Неразгаданная Натали. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 116-117.
[2] Старк В.П. Наталья Гончарова. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 506-517.

рию – прочили в жены Петру II, и не проиграй Александр Данилович в придворной борьбе, она, вероятно, стала бы императрицей.

Что же являлось предметом забот родителей влиятельнейшей российской семьи первой четверти XVIII в.?

Прежде всего – рождение и воспитание наследников. Готовившийся к этой роли всесильный царский фаворит проявлял разнообразные заботы о своей супруге. Так, желая развлечь скучающую в разлуке молодую жену, Александр Данилович посылает ей в подарок пленную маленькую полячку и пишет: «может у вас за попугая быть, такая словесница, какой еще ис такех младенцев мало видал, и может вас больше увеселит нежели попугай, и пока своих Бог даст (что дай боже счастливо дождатца), то по то время сею забавляйся».

Когда дети в семье стали появляться на свет, заботы о их здоровье попадают на страницы переписки. Дарья Михайловна пишет кормилице: «За дитятем с прилежностью смотрите, а особливо, чтоб больных тут при вас не было, и не держите, если кто занеможет, – прочь отсылайте». Но, несмотря на приложенные старания, из семерых детей в семье А.Д. Меншикова, четверо умерло в младенчестве.

Со временем помимо страха перед «прилипчивыми болезнями» свое место займут и вопросы образования потомков: «Зело от сердца радуюсь, что при помощи Божией дети наши учатца, которым дай Боже с надлежащим вразумлением охоту», пишет князь про дочерей и сына. В этой семье образование должны были получать и мальчики и девочки. Но, безусловно, образование сыновей требовало особых забот.

Сыновей сызмала готовили к государственной карьере. И этому А.Д. Меншиков, как отец, уделяет особенное внимание: «Вы сына нашего начали учить славесной грамоте, и то учинено зело изрядно», – умильно пишет он жене. А если надо, то Александр Данилович готов и на строгость: «По сыновской своей должности, паче же для предбудущей вам пользы надлежит к нам писать своеручно и иметь всегдашней труд, и времени праздно провождать не надобно», – так отреагировал отец на письмо сына, написанное не им самим, а канцеляристом под диктовку (при этом сам светлейший князь на своих письмах только подпись умел поставить!).

Воспитывая своих детей, Меншиковы-родители стараются привить им навыки, необходимые для будущей жизни, той жизни, какой они ее видят. Мальчик – представитель рода, в отсутствии отца он, не взирая на возраст, выполняет функции старшего: «когда уведаете, что царское величество вскоре прибудет, тогда… сына нашего пошлите, и сами поезжайте с пушками и знамем, и его царского величества встретить». От имени младенца княжеского рода поддерживаются семейные и этикетные связи (например Меншиков пересылает жене, страницу письма с благодарностью от неизвестного нам адресата: «Получила я ведомость с Москвы от детей своих, что светлейший дарагой маленкой князь Самсон-Павел прислал к ним презенты. За что ващей светлости и ему сударушке дарагому благодарствую, и

прошу вашей светлости дабы вы изволили ево за меня поцеловать», (между тем, как Самсон-Павел не дожил и до двух лет!). Сын в малолетстве уже должен овладеть пониманием родовой чести и эту честь защищать: «Что сын наш персонею нашею веселитца, за нее стоит и деретца, и то он чинит по сыновней должности».

Письма Меншиковых дают ответ и на спорный вопрос о том, насколько теплые отношения существовали в семье, были ли эмоционально близки родители и дети, или между ними существовали лишь этикетные формы общения. У Меншиковых при солидном штате кормилиц и нянек, переживания за детей далеки по своему выражению от формальной опеки. Дарья Михайловна пишет кормилице дочери: «Уведомите нас, чем вы кормите дитя. И велите готовить цыпленочка или телятину молодую», и посылает дочери «платьицо и шапочку новой моды». Всесильный вельможа и военачальник также не скрывает трогательного внимания: «При сем посылаю презент сыну нашему, то есть чюлков, какие здесь сыскать мог. Однако ж чаю, что на зиму будет только, дай Боже здраво и щастливо носить». И об обычном затруднении в дороге Александр Данилович наставляет жену: «когда вы приедете к тем двум переправам, на которых оставил я для вас денщика, извольте из кареты выйти и пешком перейти, понеже зело худое место, и, разве по нужде, сына нашего велите перевесть в карете, и то с великой осторожностью». Наконец, в одном из поздних писем Александр Данилович шуточно сокрушается, – его дочь «обходитца со мною палитикою и ведет меня за незнаемаго гостя», и временщик, сенатор, военачальник Меншиков выражает надежду, что, когда семья воссоединится, старшие дети покажут пример и «скоряя могут ее в любовь с нами привесть».

Письма семьи Меншиковых – редкие образцы эпистолярного жанра своей эпохи. Привычка к письму в повседневной практике петровской поры только формируется. В основном дворяне еще не пишут сами, а надиктовывают письма, и неграмотный Меншиков не был исключением, он писал жене через секретарей, но чувства к детям находили выражение и в такой переписке. Конечно, в текстах, написанных чужой рукой, меньше самовыражения и спонтанности, нежели в писанных собственноручно, но тем ценнее те редкие замечания, оценки происходящего и пожелания, из которых и складывается картина семейных ценностей, существующих взаимоотношений и гендерная составляющая повседневной жизни, той жизни, которая оказывает основное влияние на формирование личности ребенка. А детям А.Д. Меншикова предстояло, как известно, пережить не только славу, но и испытания, после которых, выжившие в Березове Александр (1714–1764) и Александра (1712–1736) – вновь вернулись ко двору: Александр Александрович вышел в чин генерал-аншефа, а его сестра стала фрейлиной.

А.А. Зайцева
г. Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

Историческая память семьи и культурное наследие

Историческая память как система представлений о прошлом, бытующая в нашем общественном сознании теснейшим образом связана с наследием. Наследие в данном случае выступает как фактор исторической памяти, которая, в свою очередь, является механизмом трансляции духовного богатства и опыта предков. Осмысление культурного наследия сквозь призму памяти в аспекте социальной преемственности способствует формированию традиции как актуализации образцов прошлого.

Историческая память является способом связи человека со временем. Историческая память социальна, ее хранителем выступают социальные общности – семья, нация, государство[1]. При этом различные общества, отдельные социальные группы формируют разную степень осмысления прошлого[2].

В контексте культурного наследия историческая память различных слоев городского общества предстает как привязанность к своим корням, к среде своего обитания, к своей «малой родине», как ощущение духовной связи с предками. Таким образом, историческая память оказывается связанной тесным образом с семейной памятью, которая выступает механизмом трансляции культурного опыта рода, его жизненных стратегий и повседневных социальных практик, отражающих национальный менталитет.

Материалы социологических исследований по проблемам исторической памяти, проведенных Российской академией госслужбы в 1990 и в 2001 гг. в 26 субъектах Российской Федерации, показали, что 53,9% опрошенных знают точно, в каком году был основан город, в котором они живут, 31,5% – знают это приблизительно, а 14,6% – не знают вовсе. Оба исследования объединяют сравнительно низкий уровень интереса к истории своей семьи, своих предков. 23, 8% респондентов знают имя и отчество своих прадедов; 43,2% – знают, но не всех; 33% – не знают совсем. 71,8% знают имя и отчество деда; 21,3% – знают, но не всех и 6,9% – не знают вовсе[3].

В литературе указывалось, что знание своих личных национальных и социальных корней, прошлого своей семьи, своих предков является неотъемлемой частью социально-краеведческих исследований[4].

Подобная задача не потеряла своей актуальности и сегодня. Современная социология рассматривает сбережение семейной памяти как куль-

[1] Историческая память: преемственность и трансформация (круглый стол) // Социологические исследования. 2002. № 8. С.79.
[2] Репина Л. П. , Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М. 2004. С.18.
[3] Историческая память населения России (материалы «круглого стола» в Российской академии государственной службы») // Отечественная история. 2002. № 3. С. 191, 199, 202.
[4] Рабинович Е.И. О социально-краеведческом методе исследования города в социально-проектной диагностике // Город как социокультурное явление исторического процесса. М. 1995. С. 280–285.

турную задачу общества, имеющую коммуникативное, воспитательное, социальное, идентифицирующее значение. Для активизации этой частной семейной памяти и встраивания ее в коллективную историческую память общества предлагается пропагандировать сохранение архивов в семьях, составление семейных хроник, автобиографических повествований[1]. Эта культурная практика, позволяющая встроить опыт своих семей в общий исторический контекст, в значительной степени была девальвирована в советское время и ныне совсем ушла из нашего обихода.

Между тем социальная история дореволюционной России с ее сословной иерархией демонстрирует примеры уважительного отношения к своим корням. Исключительная роль в формировании семейной памяти принадлежит мемуаристике, социокультурная функция которой запечатлевает опыт участия той или иной личности, группы, общества в историческом бытии. Источники личного происхождения вообще раскрывают как личностную картину мира авторов воспоминаний, так и культурный контекст породившей их эпохи.

В этой связи обратим внимание на воспоминания представителей трех поколений купеческой семьи Куприяновых, в которых нашли отражение история и жизненный мир семьи[2]. Куприяновым принадлежала шелкохлопчато-бумажная фабрика в г. Богородске Московской губернии (ныне г. Ногинск Московской области). В конце XIX – начале XX в. Богородск был одним из ведущих центров текстильной промышленности Московского экономического региона.

Куприяновы играли видную роль в купеческом обществе Богородска – активные общественники, церковные благотворители. В семье Куприяновых было одиннадцать детей, почти все сыновья получили техническое образование в Комиссаровском училище в Москве и, следуя семейной традиции, служили механиками на текстильных фабриках.

Факт написания воспоминаний представителями трех поколений одной семьи свидетельствует об устойчивой преемственности в историческом самосознании ее членов, о стремлении сохранить родовую память и место самих авторов в ней.

Традиционная модель купеческой семьи представляла собой прежде всего семейное предприятие, где в руках семьи сосредотачивались собственность, капитал, организационное управление. Семья имела определяющее значение в социализации подрастающего поколения, в формировании жизненных установок, в трансляции памяти поколений.

На страницах воспоминаний воспроизведен определенный строй жизни, семейный уклад, основанный на устоявшейся традиции занятий текстильным производством, этике социального служения, православных ре-

[1] Алексеев А. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования. http://cdclv.unlv.edu//archives/articles/alekseev_memory.html (дата обращения: 24. 11. 2015)

[2] Куприянов Ф. С. Воспоминания моей юности (Детство и юность). М. 2003; Якушева Н. И. Жили-были москвичи. М. 2004.

лигиозных ценностях, иерархичности традиционных отношений родства, необходимых для сохранения стабильности рода, на значимости ритмов обычной жизнедеятельности, включающих неизменность переживания окружающей природы и слитность с ней.

Эти принципы сыграли свою позитивную роль в процессе адаптации членов семьи к новой реальности после социальных переломов 1917 г. Тесное межродственное общение, система личностных связей помогли членам семьи Куприяновых в 1920-х гг. адекватно социализироваться и встроиться в новые советские структуры.

Главным же фактором, способствовавшем социальной адаптации, была трансмиссия семейного культурного капитала, заключающаяся в укорененности важнейших жизненных ориентиров и ценностей[1]. Несмотря на утрату состояния и социального статуса младшее поколение Куприяновых сохранило свой интеллектуальный капитал и стиль повседневной жизни. Традиционные ценности в сочетании с полученными знаниями трансформировались в новых условиях в профессионализм и ответственность, позволив занять высокие статусные позиции.

Каждая семья создает свою культуру существования, составной частью которой является культура предков. В совокупности усилиями всех членов семьи формируется семейный культурный капитал, передающий из поколения в поколение жизненные ориентиры и ценности.

Обращение к семейной памяти на сегодняшний день вызвано необходимостью формирования исторического и нравственного самосознания молодежи, являющегося ресурсом духовного и социального развития. Отчуждение от исторической и семейной памяти порождает разрушительные тенденции в общественном сознании. Сбережение семейной памяти, укрепляющей привязанность человека к своим корням, теснейшим образом связанной с культурой и историей большой страны, служит важнейшим средством социализации и воспитания, способом личного эмоционального погружения нашего современника в мир исторических, социальных и духовных связей и явлений.

А.М. Харитонов
г. Владивосток, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

Население земного шара в древности сквозь призму материнства

Дети и позже и раньше часто были первыми жертвами голода и болезней. Еще в первобытном обществе во время продолжительных голодовок первыми съедали детей и стариков. Упоминания сегодня о более здоровом предшествующем поколении до революции натыкается на здравое возражение о том, что в крестьянских семьях тогда выживал, как правило, только один из трех-четырех родившихся детей. Не было еще в позапрош-

[1] Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М. 1996. С. 35.

лом веке семей, не похоронивших одного или чаще нескольких детей даже у сравнительно обеспеченных родителей (ср. с семьей родителей Ленина).

Необходимость увеличения плодовитости для поддержания численности вида по мнению некоторых биологов вызвала повышенную круглогодичную сексуальность наших предков обезьян, тогда как у других животных сезон размножения обычно приурочен к какому-то одному определенному природному сезону. Необходимость выживания в первобытном обществе поддерживалась и возможно более полным вовлечением женщин в процесс деторождения. Максимально возможной была и рождаемость у женщин, достигая 15 детей и более за репродуктивный период в средние века. Тем не менее, прирост численности человечества в начале нашей эры и в средневековье был очень низким, а порой численность населения и резко падала (например, во время эпидемии чумы в средневековой Европе). В этих условиях вовлечение женщин в процесс воспроизводства населения в результате религиозных праздников выглядит вполне разумным, продолжая прежние обычаи еще первобытного общества. Дитя, рожденное от наложницы, но принятое на колени жены уже могло считаться членом патриархальной семьи.

Сколько же в период каменного века жило на Земле людей? Специалисты – демографы (демография – наука о народонаселении) по-разному отвечают на этот вопрос, хотя порядок их оценок довольно близок между собой. Первоначальная численность кроманьонцев 150 тыс. лет назад составляла не более 1–2 тыс. особей (правда при этом одновременно на земле обитало и значительно большее число неандертальцев и похоже и иных видов людей). Считается, что к концу палеолита (примерно 15–16 тыс. лет назад) на Земле жило порядка 3 млн. человек. К тому времени было освоено всего около 1/3 территории суши. На 40 млн. квадратных километров средняя плотность населения не превышала 8–10 человек на 100 кв. км. Впрочем, сегодня, когда стали известны данные о раннем заселении человеком Австралии и даже Америки 60 тыс. лет назад, эти данные нуждаются в значительной корректировке.

Природная среда поставила тогда надежный барьер роста численности населения, которое занималось охотой, рыболовством и собирательством. На всей остальной Земле людей или вообще не было, или же были отдельные незначительные группки. Однако уже около 10 тыс. лет назад начался рост численности населения, связанный с переходом к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству. С.И. Брук[1] считает, что 5–4 тыс. лет назад людей на Земле было около 25 млн., 3 тыс. лет назад – 50 млн. Железный век и улучшение агротехники привели к новому росту населения, и к началу нашей эры людей на планете стало 150–250 млн.

[1] Брук С.И. Население мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.

Относительно стабильную численность населения в глубокой древности хорошо «регулировали» высокая смертность от голода, болезней, гибель от диких зверей, жителей соседних племен, стихийных бедствий. Средняя продолжительность жизни была не выше 20 лет. Особенно велика была детская смертность. Величина рождаемости достигала примерно 50 человек на 1000 жителей и была близка к максимальной, иначе бы люди просто бы вымерли. Она как раз и поддерживалась ранними браками и поголовным охватом женщин брачно-половыми отношениями.

Однако все же рождаемость максимальной не была, т.к. очень значительной была и женская смертность из-за тяжелых условий жизни и антисанитарии. Переход к скотоводству и земледелию не только понизил смертность от голода, но и еще повысил рождаемость, т.к. оседлость способствовала облегчению положения беременных женщин (плюс использование тягловых животных при перекочевке). Возможно в этом, а вовсе не в увеличении доли растительных продуктов в пище людей, как думает Б. Сайкс[1], следует искать причину увеличения плодовитости женщин. Ведь ранее женщины, которые не беременели при кормлении ребенка, получали дополнительные преимущества для выживания, чем их вечно беременные соплеменницы. Так, им легче было передвигаться при кочевом образе жизни и несколько легче обороняться от хищников и т.п.

Любопытно, что при переходе на оседлый образ жизни увеличились колебания в численности населения. В то время как у современных племен, живущих на стадии охоты и собирательства численность населения более-менее стабильна, уже у земледельческих племен она в древности была подвержена большим колебаниям! Этому способствовало и возникновение классового общества, что стимулировало увеличение смертности от эпидемий из-за скученности людей в городах и поселках, а также военных потерь.

Известно, что многие завоеватели (прежде всего мужчины) неоднократно оставляли после себя голую пустыню на месте цветущих поселений. Считается, что в ряде стран завоеватели резко сократили население по сравнению с античностью (в 2–3 раза). Так, в Сирии с 4–6 млн. человек в начале 1 века оно сократилось до 2 млн. в конце, а в Египте с 5-9 млн. до 3 млн. (в Древнем Египте насчитывают до 7 млн., а в Вавилонии 4–5 млн. обитателей). Впрочем, жалобы на то, что в античности население было больше, чем в раннее средневековье, демографы уже считают необоснованными. На самом деле население Земли за 1000 лет с начала нашей эры выросло примерно наполовину.

Так в чем же дело? Почему эти цифры порой выше численности населения тех же территорий в начале XX в.? Скорее всего, что это вызвано низким уровнем потребления в глубокой древности. Действительно, по нормам полагалось на одного мужчину в день в древней Месопотамии

[1] Сайкс Б. Семь дочерей Евы. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003.

1,5 л ячменя в день, на женщину же только половина этой нормы[1]! В Древнем Египте женщина на свой «паек» нередко должна была кормить еще и своих детей. Может быть, поэтому численность населения рабовладельческих государств оставалось в целом стабильной, даже несмотря на поступления больших количеств рабов?

Кроме того, не следует сбрасывать и фактор расширения посевных площадей в ходе расселения отдельных племен. Этот фактор имеет, однако, ограниченное значение, т.к. потомки ближневосточных переселенцев в Европе составляют примерно 20% от общей численности населения материка.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «ИДЕАЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА» В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

А.П. Келаськина
г. Жуковский, МДОУ детский сад комбинированного вида №6

«Плохие» и «хорошие» матери в прошлом и настоящем как социально-психологический феномен

Материнство в России как проблема социально – психологического исследования стала рассматриваться относительно недавно.

Сам термин – материнство – на Руси появился в XI в. Но появление понятия материнство не говорит о том, что это повлияло на эмоциональное отношение матерей к детям[2].

Об истории материнства в России до XV в. информации мало или она прерывиста. Ее источниками являются произведения искусства, иконы, летописи, произведения литературы, письма. Из них черпалась информация о положении детей и материнстве.

Историей материнства в России пытались заниматься многие зарубежные авторы во второй половине XX в., такие как Р. Джонсон, С. Рамер, Д. Ренсел, Д. Товров Н. Фрайден, и д.р., но они не уделяли внимания именно материнству. Они изучали материнство с точки зрения гендерной истории, истории семьи, истории сексуальной культуры[3].

В России изучали материнство такие российские исследователи: Газизова Ю.С., Малькова И.Н., Пушкарева Н.Л., Рябова Т.Б., Филиппова Г.Г.

До XV в. материнству не уделялось должного внимания. Женщина относилась к материнству как к повседневным бытовым делам. Рождаемость была высока, но так же высока была и смертность, распространены были аборты и инфантициды (детоубийство). Существовали такие высказывания

[1] История древнего мира: Ранняя древность. Изд. 3е, исправленное и дополненное. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989.
[2] Пушкарева, Н. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.): Человек в кругу семьи / Н. Пушкарева. М., 1996.
[3] Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4. С. 162–177.

как «Бог дал, Бог взял». Это могло объясняться тем, что «лишний рот был обузой». К детям относились как к маленьким взрослым.

Отношение к мальчикам в семье было отличным от девочек так, как мальчик оставался в семье, его больше ценили. Девочки же, когда выходили замуж, покидали свою семью. Родители были вынуждены готовить дочерям приданое.

С нашей точки зрения такое отношение матерей к детям нельзя назвать хорошим. Ребенок не воспринимался как ценность. Отсутствовала любовь к детям, об их здоровье не беспокоились. Усвоение социальных норм происходило через общение с дедушками, бабушками, так как семьи жили вместе[1].

В XV–XVII вв. ситуация меняется, детям начинают уделять внимание. Родители ждут появления первенца как продолжателя рода. Материнство приобретает содержательное наполнение, появляется забота о здоровье детей, литература с рекомендациями по воспитанию детей («Домострой»). Но эти изменения происходили в основном в среде аристократии. Матери начинают уделять внимание детям, заниматься их образованием самостоятельно, но чаще нанимают посторонних людей: гувернеров или служащих. Нередким явлением было и то, что вскармливанием детей занимались мамушки[2].

Несмотря на то, что труд детей в крестьянских семьях был необходим, и детям приходилось с ранних лет трудиться, в их жизни находилось место игре. О положении детей и матерей в крестьянской семье того времени мало что известно.

Регулятором семейных отношений того времени являлась в большей степени церковь, она настаивала на многодетности семьи, бережном отношении к детям. Существовал образ идеальной («хорошей») матери, – это образ Божьей матери. В образе Божьей матери были представлены такие христианские качества как: нравственная забота, жалость, жертвенность, асексуальность, скромность, целомудрие, терпение, сострадание, любовь и красота. Именно православная церковь занималась укреплением общекультурных ценностей семьи, материнства, брака, многочадия, и это ей удавалось, так как в дореволюционный период церковь имела сильную власть.

В конце XIX – начале XX в. проблеме материнства уделяют внимание общественные организации. Появляются учреждения помощи беременным и молодым матерям: родильные отделения в воспитательных домах Москвы и Петербурга. Но они имеют малую результативность, так как их деятельность очень разнообразна[3].

В 1913 г. появляется Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, в котором предполагалась помощь матерям и бе-

[1] Ерофеева М.А. Педагогическая система профессиональной готовности студентов к гендерному воспитанию школьников: монография. М.: Экон-информ, 2015.
[2] Пушкарева, Н. Мать и материнство на Руси (X-XVIIвв): Человек в кругу семьи. М., 1996.
[3] Новикова А.А. Деятельность государственных и общественных организаций в области охраны материнства в конце XIX-начале XX века» статья // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского.2012. №27.

ременным женщинам, создание условий жизни женщин, их нравственное воспитание.

«Плохой» матерью того времени считается женщина с асоциальным поведением, таким как проституция, бродяжничество, алкоголизм, преступность, отсутствие жилья.

Ситуация в корне меняется в постреволюционный период. На церковь начинаются гонения. Советской власти нужны рабочие руки, в том числе и женские. Для этого создаются детские учреждения: детские сады, школы, детские дома.

На первый план в жизни женщины выходят социально – профессиональные роли. Матери заботятся о детях и получают необходимую поддержку государства. Заботу о детях в данный период можно объяснить высокой смертностью и нехваткой рабочих рук (война, революция, голод). «Плохой» матерью в советский период являлась: отказница, пьяница, безработная, преступница.

В XXI в. женщине предъявляются еще большие требования. Идеальная женщина – это женщина, успевающая во всем: семья, работа, личная жизнь. Успешная «женщина-мать» – это комплекс стереотипов, связанных с обязанностями женщины, которая должна во всем преуспевать: иметь детей, быть хорошей хозяйкой, иметь полную семью, сделать карьеру, хорошо выглядеть и т.д. «Хорошая» мать сама реализуется через воспитание детей, семью, приоритетом для нее является семейная сфера. Она занимается воспитанием, образованием детей, что требует много времени и сил.

В современном обществе «плохой» матерью считается мать, которая бросает своих детей, ведет аморальный образ жизни (алкоголизм, наркомания, проституция, преступность).

Такое поведение матерей объясняется инфантилизмом, повышенной потребностью в любви, обделенностью вниманием, заботой и любовью в детстве, сексуальной неразборчивостью, эгоцентризмом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что составные части «плохого» материнства не меняются, а составные компоненты «хорошего» материнства из века в век увеличиваются и совершенствуются. Что говорит о положительной динамике в отношении материнства и детства.

В.С. Трофимова
г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

Идеальные матери и дочери во французских салонах XVII в.

Во французском обществе XVII в. существовали полярные взгляды на брак и материнство. Наряду с традиционной защитой института брака как основы стабильности и нравственности и как средства законного продолжения рода, например, в «Трактате о превосходстве брака» Жака Шоссе (1686 г.), существовало и его отрицание, например, со стороны так называе-

мых «прециозниц». Мадемуазель де Скюдери, знаменитая писательница и хозяйка литературного салона, отзывалась о супружестве крайне критически: «Выходят замуж, чтобы ненавидеть, поэтому истинный влюбленный не должен говорить о браке, потому что быть влюбленным – это значит хотеть, чтобы тебя любили, а хотеть быть мужем – значит, хотеть, чтобы тебя ненавидели»[1]. Более того, «прециозницы» обрушивались и на материнство – предназначение женщины, определенное самой природой. Они «предложили официально расторгать брак при рождении первого ребенка, которого (по их мнению) можно оставлять на попечении отца, долженствующего за это выплачивать матери определенную сумму денег»[2]. В силу того, что «прециозницы» были зачастую и хозяйками, и посетительницами литературных салонов, обсуждение проблем брака и материнства велось и там. Между тем, отрицательное отношение к материнству во французского культуре того времени не было определяющим. Именно в салонной культуре были примеры идеальных матерей и дочерей, которые мы и рассмотрим в данной статье. Это маркиза де Рамбуйе и Жюли д'Анженн, госпожа де Севинье и графиня де Гриньян и Антуанетта Дезульер и Антуанетта-Тереза Дезульер.

Центральной фигурой во французской салонной культуре первой половины XVII в. была Катрин де Вивонн, маркиза де Рамбуйе. Катрин де Вивонн родилась в 1588 г. в Италии. В 1600 г. в возрасте двенадцати лет ее выдали замуж за Шарля д'Анженна, маркиза де Рамбуйе. Брак был отложен до двадцатилетия Катрин, чему она была очень рада. Замужество ее, однако, оказалось очень счастливым. У супругов родилось семеро детей. Около 1608 года маркиза де Рамбуйе начинает принимать в своем особняке недалеко от Лувра, на улице Сен-Тома дю Лувр, выдающихся деятелей культуры своего времени – поэтов и ученых. Более того, иногда она ставила пьесы в своем домашнем театре. Так, в 1629 г. она поставила у себя дома трагедию Маре «Софонизба». В роле Софонизбы выступила ее любимая дочь Жюли д'Анженн. Жюли д'Анженн был также посвящен сборник стихов «Гирлянда Жюли». Этот сборник стихов заказал ее поклонник, маркиз де Монтозье, который был одновременно и автором некоторых из них. Кроме него, среди авторов были Жорж Скюдери, Таллеман де Рео и другие менее известные стихотворцы. Роскошный манускрипт с шестьюдесятью двумя мадригалами и двадцатью девятью изображениями цветов был преподнесен Жюли в 1641 г., однако замуж за Монтозье она согласилась выйти лишь четыре года спустя, в 1645 г. Замужество Жюли способствовало закату салона маркизы де Рамбуйе.

Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696) – выдающийся мастер эпистолярного жанра и, наверное, самая знаменитая мать во Франции XVII в. В отличие от маркизы де Рамбуйе, она не была

[1] Дюби Ж., Перро М., ред. История женщин на Западе. В 5 т. Т.III Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2008. С.419.
[2] Там же. С.82.

счастлива в браке. У нее было двое детей, и ее любимицей была ее дочь Франсуаза-Маргарита, которая вышла замуж за графа де Гриньяна (предыдущим браком он был женат на младшей дочери маркизы де Рамбуйе). Пытаясь справиться с тоской, вызванной разлукой с любимой дочерью, мадам де Севинье каждый день писала ей письма, рассказывая о том, что происходило в ее жизни и в парижском обществе. Письма маркизы де Севинье наполнены живым чувством по отношению к дочери. С литературной точки зрения они считаются образцовыми. Севинье внесла в эпистолярный жанр элементы устной беседы. Современная исследовательница эпистолярного наследия мадам де Севинье Н.А. Дезен отмечает, что «письма г-жи де Севинье строятся по тем же правилам, что и светская беседа, т.к. являются ее естественным продолжением или заменой»[1].

Маркиза де Рамбуйе и ее дочь Жюли д'Анженн не позиционировали себя как писательницы, а маркиза де Севинье и ее дочь графиня де Гриньян ограничивались эпистолярным жанром. Севинье не хотела писать романов и не стремилась публиковать свои литературные произведения. Между тем Антуанетта Дезульер и ее дочь Антуанетта-Тереза обе были поэтессами, публиковавшими свои произведения. Они вели активную литературную деятельность. Антуанетта Дезульер была судьей и участницей литературных конкурсов, в 1688 г. ее приняли в итальянскую академию Риковрати, а в 1689 г. – в королевскую академию Арля. Она считается первой женщиной-академиком во Франции. Ее дочь Антуанетта-Тереза тоже была участницей литературных конкурсов. Она одержала победу в конкурсе Французской академии 1687 г. на тему «С этого времени король берет в свои руки образование дворянства в школах для мальчиков и в Сен-Сире». В своем произведении она прямо указала на то, что является представительницей женского пола.

Антуанетта Дезульер была известна в России едва ли не больше, чем маркиза де Севинье и тем более маркиза де Рамбуйе. Переводы ее сочинений публиковались в русских журналах, начиная с 1758 г., с известной регулярностью. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», повествуя о посещении парижских достопримечательностей, вспоминает о «нежной» Дезульер, «которой имя напоминает вам Берега кристальных речек. Кротких, миленьких овечек И собачку подле них»[2]. В стихотворном послании «К моей подруге» госпожи Бофорт автор, а вслед за ней и переводчик представляют Антуанетту Дезульер в качестве примера всем женщинам-литераторам:

Стыдливость скромная пером ея водила;
Она невинность в стыд ничем не приводила….[3]

Ту же идею высказал и А. Мерзляков в предисловии к сборнику переводов ее идиллий, вышедшему в свет в 1807 г.: «Любезная Дезульер за-

[1] Дезен Н.А. Эпистолярный жанр во французской литературе XVII века (письма госпожи де Севинье). Автореферат к.филол.н. М.: МГУ, 1988. С.16.
[2] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Классика КнигаФонда, 2009. С.204.
[3] Измайлов В. К моей подруге // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Книжка III. М.: Ридигер и Клаудия, 1798-1799. С.47.

служивает иметь своих подражательниц!»[1]. Он подчеркивал ее «семейственные добродетели», верность дружбе и готовность всегда прийти на помощь ближнему[2]. Таким образом, Антуанетта Дезульер была для русского читателя XVIII в. эталоном поэтессы, скромной и благочестивой, верной супруги и нежной матери. Идеальная мать-француженка второй половины XVII в. стала образцом для подражания русским матерям начала XIX в.

В.Н. Паршина
г. Пенза, Пензенский государственный университет

«Через образование матерей легко и скоро распространяется просвещение»: трансформация социальных ролей

Материнство – одна из социальных женских ролей, особый культурный код, который заложен в женщине уже не одним поколением. Здоровье женщины в единстве физического, психического и социального начал определяет здоровье будущих поколений.[3]

В каждой культуре есть целый институт материнства, который включает в себя способы воспитания женщины как матери. Во второй половине XIX – начале XX в. в России происходит конструирование «идеального материнства», предписывающего женщине определенные стандарты в сфере дискурсивного производства идеальной семьи, репродукции, материнского поведения, социальной деятельности[4]. Эмансипация крестьянства предопределила рост общественного интереса к его просвещению в духе идеалов либерализма, призвав под свои знамена столь значимый в традиционном обществе институт материнства. В этих условиях образ идеальной матери был наделен новыми характеристиками, главными из которых выступали: обучение и воспитание подрастающих поколений. Современникам представлялась вполне естественной зависимость будущего развития страны от образования женщин и, более того, от формирования не просто образованной женщины, но женщины-педагога. Так, К.Д. Ушинский писал по этому поводу: «Воспитание женщины, кроме индивидуального и семейного значения, имеет еще огромное значение в народной жизни, потому что через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь».

Первые попытки привлечения женщин к педагогической деятельности относятся к первой половине XIX в. Так, в ходе реализации реформы государственной деревни для распространения грамотности среди крестьян-

[1] Мерзляков А. Жизнь госпожи Дезульер // Дезульер А. Идиллии госпожи Дезульер. М.: Тип. П. Бекетова, 1807. С.VI.
[2] Там же. С.XVIII-XIX.
[3] Панахова О.В Трансформация культурного кода материнства в современном обществе http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6716.pdf.
[4] Мицюк Н.А. Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-антропологический и этнокультурный аспект. Специальность 07.00.07. Этнография, этнология и антропология Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва. 2016. С. 151.

ских детей, министерство государственных имуществ разрешило в тех училищах, где учится менее 50 детей, но в их числе находится 15 девочек, определять особую наставницу с годовым жалованием в 75 рублей[1]. Наставницы готовились из крестьянских дочерей. Харьковский помещик Н.С. Стремоухов считал, что через образование матерей «легко и скоро распространяется просвещение»[2]. В 1823 г. он открыл школу для образования крепостных девочек, которая просуществовала более 20 лет. В школе изучались Закон Божий, начальные правила арифметики, церковное нотное пение и женские рукоделия, в том числе плетение соломенных шляп и других изделий. Занятия проводились и в зимнее, и в летнее время по два-три часа в день, остальное время, особенно летом, ученицы, работали в саду, в поле, зимой занимались рукоделием. Учителями в школе были семинаристы и старшие ученицы. Московское общество сельских хозяев стремилось распространить опыт Н.С. Стремоухова и призывало помещиков следовать его примеру.

Московское общество сельских хозяев в марте 1859 г. открыло разрешенный еще в декабре 1845 г. комитет «для всенародного распространения грамотности на религиозно-нравственных основаниях». На первом же заседании 12 марта, секретарь С.А. Маслов указал на необходимость распространять в народе грамотность через посредство крестьянских женщин[3].

Он предлагал обучать женщин сначала церковной грамоте по букварю, часослову и псалтырю с 10 до 13 лет по три раза в неделю не более трех часов в день, считая, что в такой школе учителем может быть каждый грамотный человек. Для первого поколения людей, утверждал он, достаточно одного умения читать, а впоследствии грамотные матери, может быть, сами захотят, чтобы их дочери выучились письму и счетоводству. Изданная несколькими тиражами книга С.М. Маслова вызвала отклики среди передовой части дворянской интеллигенции, о ней писали многие журналы. По его рекомендациям некоторые помещики открывали в своих имениях школы для девочек, но они были не многочисленны.

Заострение общественного внимания на проблеме женского образования в России привело к положительному результату. В ходе подготовки проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1865 г. была развернута широкая дискуссия по вопросу организации женского образования, все мнения были обобщены А.С. Вороновым, который в то время был председателем Ученого комитета министерства народного просвещения. Одним из вопросов была педагогическая подготовка в женских училищах. Во всех замечаниях высказывалось единодушное мнение о необходимости привлечь женщин к педагоги-

[1] Циркуляр господина Министра государственных имуществ от 27. 01.1859 // Хмыровская коллекция. Папка «Женские учебные заведения». Д. 12.
[2] Цит. по: Студеникин М.Т. Внегосударственные формы обучения в самодержавной России // Педагогика. 1994. № 4. С. 92.
[3] Хорошилова Л.Б. Указ. соч. С. 333.

ческой деятельности и дать им для этого необходимую подготовку. Авторы выражали полную уверенность, что в этом отношении женщины могут удовлетворить всем требованиям, предъявляемым к мужчинам. Особенно такая уверенность высказывалась в отношении женского труда в начальных народных училищах.

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Арцимович высказывал «глубокое убеждение в том, что женщина способнее мужчины для первоначального народного образования» и что «надо стремиться передать народные училища в руки женщин». За допущение женщин к обучению в народных школах «с равным окладом с учителями», выступали попечители Харьковского и Казанского учебных округов, педагогические советы Екатеринбургской, 2-й Казанской, Архангельской и других гимназий.

Таким образом, мнение о праве женщины на педагогический труд, тогда только входившее в общественное сознание, в педагогических кругах становилось все более массовым. Но никто в ту пору не мог прогнозировать, сколь быстрыми темпами женщина начнет «завоевывать» начальную народную школу. Отметим, что уже в 1880 г. среди учителей сельской школы Европейской России женщин было 20%. К 1911 г. учительницы начальных народных училищ страны составляли 58,8 процентов общего количества народных учителей. В Пензенской губернии в 1879 г. в земских школах преподавало 15% учительниц от общего количества учителей, к 1911 г. процент составил 60,2%[1].

Во второй половине XIX в. в России ощущалась острая нехватка педагогических кадров, мужчины, обязанные содержать семью, покидали школу из материальных соображений. В какой-то степени нехватку учителей должны были восполнить средние учебные заведения, среди которых видная роль отводилась женским гимназиям и епархиальным училищам, при которых стали создаваться педагогические классы.

В печати того времени стали появляться статьи, в которых отмечалась полезность и необходимость образования женщин трудящихся сословий. Например, в Пензенских губернских ведомостях за 1891 г. была опубликована статья «Женщина и школа», которая была посвящена народной школе. Автор статьи пишет, что народная школа является начальной, она же оказывается, в большинстве случаев и заключительной, и она должна «сообщать надлежащие и определенные направлению…». «При решении вопроса о женском воспитании, прежде всего необходимо смотреть на каждую из девочек как на будущую жену и мать, от жены же и матери крестьянского сословия бесполезно требовать особенного развития ума, но, главным образом, желательно воспитанию ее в правилах доброй нравственности и христианской сердечности»[2].

---

[1] Никулин В.И. Пензенское земство //Уроки культурно-просветительской деятельности 1865-1917 гг. Пенза, 1996. С. 83.

[2] «Женщина и школа» / Пензенские губернские ведомости. 1891. №226

В общественном мнении проявлялись противоречивые тенденции, которые будут характерны для женского образования на протяжении второй половины XIX в. до начала XX в. С одной стороны, нежелание вовлекать женщин посредством образования в сферу общественной жизни, а с другой стороны, возложение на женское образования дополнительных функций профессионально-педагогического образования. При этом официальная педагогика стремилась обеднить содержание женского образования.

Процесс феминизации учительских кадров как начальной, так и средней школы привел к равноправию женщин, когда в 1911 г. Министерство народного просвещения предоставило им право «держать экзамен на диплом правительственных высших учебных заведений, приобретать ученые степени магистра и доктора» и новое звание «учительницы средних учебных заведений».

Таким образом, феминизации учительского труда была вызвана значительными переменами в социально-экономической, культурной и повседневной жизни общества. Связанная с началом активной либерализации России, проведением курса реформ, существенно изменившего равно повседневную жизнь представительниц женского пола и традиционное представление о социальной роли матери.

О.И. Лисицына
г. Тверь, Тверской государственный университет

Аскриптивные черты российской дворянки: конструирование идеальной жены и матери (конец XVIII – середина XIX в.)

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00136

Морально-нравственные предписания, регулирующие поведение российской дворянки в конце XVIII – первой половине XIX в. имели двойственную природу, базируясь, с одной стороны, на традиционных христианских ценностях, характерных для подавляющего большинства населения Российской империи, а с другой – на сугубо дворянском «кодексе чести»[1] – неписанном своде правил, формирующих элитарные, дворянские, поведенческие нормы.

Несмотря на «секуляризацию общественного сознания»[2], православие в конце XVIII – середине XIX в. продолжает оставаться значимой частью мировоззрения российского нобилитета, будучи прочно увязанным с его повседневными практиками и жизненными циклами. Конечно, в ситуации повсеместного господства православной идеологии в качестве официальной мог иметь место формализованный и поверхностный подход – как к

[1] Подробнее об этом см.: Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/ (дата обращения: 15.12.2014).
[2] Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 8.

обрядовой стороне, так и к морально-этическим ценностям православной церкви, но, судя по автодокументальным текстам данного периода, подобное обмирщение сознания в большей степени было свойственно мужчинам, нежели женщинам. Более того, последние позиционируются в качестве носительниц и хранительниц традиционных христианских ценностей – в противовес «прогрессивным» взглядам и модным философским идеям Просвещения, остававшимся, как правило, прерогативой мужчин.

Женское поведение окружается многочисленными запретами, носящими ярко выраженный гендерный характер. Однако и те нормы православной морали, которые в равной степени вменялись обоим полам, довлели над ними неодинаково: «трудно вообразить себе юного дворянского сынка, сколь угодно религиозного и нравственного, который бы начал половую жизнь не с крестьянкой»[1] – разумеется, для дворянской девушки аналогичное поведение было совершенно неприемлемо, причём, чрезвычайно сильны были не только «внешние» запреты, но и «внутренние». Следовательно, можно говорить о «двойном стандарте» как самих предписаний православной морали, так и строгости их соблюдения в среде российского дворянства для мужчины и женщины.

Обращаясь к сугубо дворянским поведенческим нормам, следует отметить, что система представлений о «нормативной женственности» оперирует небольшим количеством достаточно унифицированных женских характеристик. Они схожи в текстах как мужского, так и женского авторства, ведь женщина в рамках российской дворянской культуры смотрит на себя как бы «мужскими глазами», так как воспринимает себя (осознавая или не осознавая это) как объект мужского внимания, мужской «активности».

Судя по всему, набор первых прививаемых дворянской девочке качеств был выдержан в духе христианских добродетелей, определяемых в терминах «благочестия»[2], «совершеннаго исполнения правил евангельских»[3]. Безусловно, в рамках традиционного дворянского общества дети обоего пола воспитывались с позиций православия, но, тем не менее, для мальчиков данная сфера воспитания не становилась столь определяющей, оставляя место для иной, светской системы ценностей, вступавшей иногда и в противоречие с христианской моралью. Дворянке же, в первую очередь, прививались такие качества как «терпение», «покорность», «смирение». Эти «достоинства», «приличествующие молодой девице»[4], занимают значительное место во многих женских текстах, тесно переплетаясь между собой. Очевидно, развитие у неё и данных качеств осуществлялось с целью

[1] Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России [Электронный ресурс]. URL: http://lib.rus.ec/b/429841/read (дата обращения: 14.04.2015).
[2] Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/durova1/index.html (дата обращения: 02.12.2015).
[3] Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М., 2008. С. 33–66. С. 36.
[4] Дурова Н.А. Указ. соч.

последующего сглаживания «острых углов» в отношениях между чуждыми, по большому счёту, друг другу супругами и, соответственно, укрепления семьи. Приводимые в текстах описания «счастливой» семейной жизни наглядно демонстрируют, какие именно свойства женской личности оказывались при этом наиболее значимыми: «Наталия Ивановна и Василий Иванович… любили друг друга и были счастливы, хотя он и разорялся от карт, но *жена всё ему прощала*»[1]; «одна из этой семьи не делала замечаний мужу *из деликатности* даже тогда, когда он смелыми оборотами доводил семью до разорения…»[2]. Как видим, женские смирение и терпение, облекаясь в форму сугубо светского, «этикетного» понятия «деликатность», трактуются практически как основной залог семейного счастья.

«Кротость» также, по видимому, оказывается одной из наиболее «предпочтительных» черт дворянки наряду с «добротой»[3] и другими «достоинствами», «завидными *для её пола*»[4]. «Кротость» женщины расценивается как однозначно положительное, а порой и как определяющее[5] качество дворянской женщины, ведь оно также играет важную роль в налаживании контактов с супругом и его семьёй: «*её кротость и смирение* победили… предубеждение»[6].

Как видим, перечисленные выше качества получают однозначно позитивную оценку, демонстрируя устойчивую систему представлений об «идеальной женщине»; об этом же свидетельствуют и оценки женского поведения, выходящего за рамки данного канона: «Великая Княгиня (Мария Фёдоровна – О.Л.), его жена, хотя и очень любила его, *старалась подчинить его* себе и этим только раздражила его»[7]; «ах, дитя, твой *пылкий нрав*, *доходящий до исступления*, много горя… готовит тебе в будущем!»[8]. Как видим, поведение несоответствующее «норме» априори предвещает «носительнице» нежелательных «качеств» неблагополучное будущее.

«Повиновение» и «покорность» также достаточно часто фигурируют в текстах – обычно в контексте описания воспитательных стратегий взрослых в отношении юной дворянки: «Наталья Александровна с заплаканными глазами крестила и целовала Нюту... Что она внушала ей, я не слыхала, но, конечно, *не протест и борьбу* с деспотизмом родительской власти, а, вероятно, на разные лады давала лишь *советы покорности и смирения*…», но родительская власть трансформируется для неё после брака во власть

[1] Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2015).
[2] Там же.
[3] Водовозова Е.Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 09.05.2015).
[4] Дашкова Е.Р. Записки [Электронный ресурс]. URL: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dashkova/Dashkova.htm (дата обращения: 14.05.2015).
[5] Дурова Н.А. Указ. соч.
[6] Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. С. 61.
[7] Головина В.Н. Мемуары [Электронный ресурс]. URL: http:// http://dugward.ru/library/xviiivek/golovina.html (дата обращения: 17.04.2014) и др.
[8] Водовозова Е.Н. Указ. соч.

супруга – тем более что в рамках подчинения первой она, как правило, и «даёт согласие» на брак. Так, «ты уж не от меня будешь зависеть, а от мужа и от свекрови, которым ты должна беспредельным повиновением и истинною любовью. Уж ты не от меня будешь принимать приказания, а от них»[1] – наставляет 13-летнюю А.Е. Лабзину мать.

Очевидно, дворянки с детства приучались к послушанию – через покорность власти взрослых, чей авторитет в их глазах был очень высок: «вернуться назад в классную, не выполнив приказания гувернантки, я не решалась. Это значило бы *усугубить вину явным непослушанием*»[2]. Очевидно, что «повиновение», «покорность», «послушание» оказываются также весьма значимыми для семейного благополучия «качествами» наряду с «кротостью», «терпением» и «смирением»; кроме этого, они весьма удобны и для самих агентов воспитания.

Не менее «востребованными», по-видимому, являлись и такие «традиционно женские» черты как забота и жертвенность, ведь замужней женщине полагалось сосредоточить «все свои чувства на муже и детях»[3], однако и на незамужних дворянок зачастую ложатся аналогичные функции заботы[4], а то и ответственность за поступки близких мужчин[5]. Характерны те черты, которые подмечаются англичанкой М. Вильмот при характеристике одной из наиболее «завидных» петербургских невест, графини А.А. Орловой: «что делает её по-настоящему восхитительной, так это скромные и благородные манеры и, особенно, *доброта в отношении к близким*»[6].

Как видим, в отношении дворянской девушки существовала достаточно жёсткая и безальтернативная система социальных ожиданий, формировавшая у неё представления о том, каким должен быть её моральный облик и нормативная модель поведения. Типичность приведённых характеристик свидетельствует о сформированности и устойчивости данного «канона», а сами вменяемые «качества» позволяют охарактеризовать «идеальную женщину» конца XVIII – середины XIX в. как «идеальную» жену и мать: «покорную», «кроткую», «деликатную», «заботливую» и «добрую». «*Из них вышли прекрасныя супруги*»[7]; она «осталась преданной женой и нежной матерью»[8] – вот что оказывается главным, как для общества, так – в результате воспитания – и для самой дворянки.

---

[1] Лабзина А.Е. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm (дата обращения: 17.05.2015).
[2] Ковалевская С.В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2014).
[3] Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 59.
[4] Лабзина А.Е. Указ. соч., Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 40.
[5] Водовозова Е.Н. Указ. соч.
[6] Вильмот М. Письма (1806 – 1808 гг.) // Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России. М., 1991. С. 332 – 427.
[7] Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 37.
[8] Волконская М.Н. Записки [Электронный ресурс]. URL http://az.lib.ru/w/wolkonskaja_m_n/text_zapiski.shtml (дата обращения: 22.08.2015)

Н.Н. Козлова
г. Тверь, Тверской государственный университет

Материнство в философии русского консерватизма XIX – первой трети XX в.

Методологическими основаниями философии русского консерватизма XIX – первой трети XX в. выступали органический и теологический подходы. Однако в философии русского консерватизма материнство рассматривалось не только как выполнение биологической функции, но как исполнение гражданского долга женщин. Сосредоточенность женщин на ценностях семейной жизни Н.М.Карамзин в буквальном смысле воспевал в «Письмах русского путешественника». Описывая швейцарок, писатель указывал, что «здесь мать почитает воспитание детей главным своим упражнением»[1]. Н.М.Карамзин допускал расширение творческих видов деятельности для женщин в области русского языка и литературы. Женщинам-матерям предписывалась особая роль – воспитывать новые поколения подданных в духе национальной культуры и патриотизма. В 30-е гг. XX в. данную мысль высказал русский консерватор-эмигрант И.Л.Солоневич: «Женщина, женщина-мать – она всегда созидательница. Своей семьи, своего очага и отсюда – своей нации»[2].

В ряде произведений русских консерваторов раскрывается значительная роль матери в организации семейного порядка. П.А. Вяземский в произведении «Московское семейство старого быта» стремился показать, что внутреннюю силу большой патриархальной семьи составляла мать: «Такова была привлекательная и нежнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрепла под сенью и благословением умной, твёрдой и чадолюбивой матери… Нет власти естественнее, святее власти материнской»[3]. Таким образом, семья, по мнению Вяземского, являлась не только местом обитания женщины-матери, но и её работой, сферой её ответственности, служения.

В работах И.А. Ильина центром семьи также являлась женщина: «Женщина является естественной основой семьи. Она в биологическом и душевном смысле есть семейный очаг»[4]. Главной чертой женщины-матери философ называл заботу: «Только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью»[5]. Считая, что женщина от природы имеет три предназначения (быть вдохновительницей, кормилицей, целительницей), он писал «Так предопределено природой: младенец нуждается в молоке матери и она получает его от Бога в дар… Хорошая мать инстинктивно чувствует, что на-

[1] Карамзин Н.М. Избранные произведения. М.; Л.: Худ. лит., 1964. Т. 2. С. 238.
[2] Солоневич И.Л. Большевизм и женщина // Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. СПб., 2003. С.41.
[3] Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 363, 365.
[4] Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6, кн. III. М.: Русская книга, 1997. С. 176–178.
[5] Там же. С. 97–98.

до её плачущему малышу, когда, где и как она должна ему помочь»[1]. Философ наделил материнство чертами страдания: «Каждая мать носит дитя и страдает. Каждая мать кормит грудью своего малыша… Щедрость как профессия. Жертвенность как образ жизни»[2].

Жертвенность, страдание, забота как черты материнства в философии русского консерватизма XIX – первой трети XX в. были непосредственно связаны с православными ценностями. К.П. Победоносцев писал: «Чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места Девы»[3]. Модель взаимоотношений матери и сына, соотносившую читателей с Богоматерью и Иисусом, Победоносцев регулярно воспроизводил в педагогических текстах.

Для более чёткого обозначения важности роли матери русские консерваторы создали негативный образ «светской львицы». В противоположность семейной гармонии Н.М. Карамзин рисовал неблагополучную картину выхода женщин в свет и их общение в салонах. С точки зрения мыслителя, покидая мужа и детей ради развлечения, женщины нарушали свои материнские обязательства: «В самую ту минуту, когда ты, беспечная мать, прыгаешь в контрдансе, маленькая дочь твоя падает, может быть, из рук неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сделаться уродом»[4]. В произведении «Характеры» К.П. Победоносцев очертил обобщенный образ светской дамы – гордой и величественной Мессалины. Атрибуты сладкой жизни делали Мессалину плохой матерью: «В особом отделении дома живут они с гувернантками. Ей нет времени думать и о детях, посреди нервного возбуждения, в котором проходят дни её и ночи»[5]. В трудах славянофилов отмечалось крайне негативное влияние европейских салонов на материнские обязанности. И.В. Киреевский считал, что европейская женщина «вступала в заколдованный круг светских обязанностей прежде, чем узнала обязанности семейные», а потому «самолюбивые и шумные удовольствия гостиной заменяли ей тревоги и радости тихой детской»[6]. Таким образом, выход за пределы приватной домашней сферы, отказ от выполнения обязанностей жены/матери расценивались представителями консерватизма как нарушения гендерного порядка.

Материнство рассматривалось русскими консерваторами не только в рамках приватной, но и публичной сферы. Идеал матушки-императрицы был разработан Н.М. Карамзиным в произведении «Историческое по-

[1] Ильин И.А. Собр. соч. Т. 8. М.: Русская книга, 1998. С. 490.
[2] Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 204.
[3] Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 314.
[4] Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 569–570.
[5] Победоносцев К.П. Указ. соч. С.379.
[6] Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. РОССПЭН, 2010. С. 433.

хвальное слово Екатерине II».[1] В данном труде мыслителя сравнение императрицы с матерью встречается 13 раз: «мать народа», «мать отечества», «прамать» и т. д. Материнское правление являлось более мягким по сравнению с отцовским, имело гуманный характер в области внешней и внутренней политики, позволяло строить отношения власти и подданных на основе взаимной любви и заботы. Образ государыни-матушки задействовали в своих произведениях и другие консерваторы. М.О. Меньшиков назвал княгиню Ольгу «матерью народа русского», «матерью нашей государственности», так как видел её главную заслугу в том, что «именно святой Ольгой начинается наша христианская цивилизация, именно ею начинается наша национальность и наша народная слава»[2].

Таким образом, в философии русского консерватизма подчёркивается значительная роль женщины-матери в функционировании семейного/приватного порядка. Материнство рассматривалось как главный путь служения женщины общему благу. Отечественные консерваторы считали женщину-мать ответственной не только за непосредственный уход за детьми, но и за их гражданское воспитание. Черты милосердия, заботливости, самопожертвования женщины-матери концептуально восходили к образу Богородицы и соответствовали отстаиваемым консерваторами ценностям православия. Через создание образа матушки-государыни мыслители легитимизировали статус женщин в патриархатном политическом пространстве.

Р.С. Черепанова
г. Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

Материнство и отцовство в системе ценностей отечественной интеллигенции

В основу доклада положен подход, восходящий к Б. Гизену, П. Бурдье, А. Кустареву и др., рассматривающий интеллигенцию как социальную группу, в силу своего размытого статуса (что особенно остро ощущается в странах с запоздалыми и затянувшимися модернизациями) придающую особое значение конструированию собственной идентичности посредством специфических корпоративных ценностей. Каналами передачи этих ценностей (в целом, не смотря на отдельные трансформации, устойчиво воспроизводимых из поколения в поколение) выступают система образования, комплекс художественных и философских текстов, кодекс профессиональной этики, личное общение. Этический кодекс русской интеллигенции, сложившийся в XIX в., даже в советское время не претерпел существенных изменений, поскольку и большевизм как феномен, и коммунизм как идео-

[1] Карамзин, Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.160–217.
[2] Меньшиков М.О. Вечное воскресенье. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0100.shtml (дата обращения – 22.07.2013).

логия, также были интеллигентскими детищами. Далее мы будем вести речь об этосе российской/советской/постсоветской интеллигенции, опираясь на личные и официальные тексты, рожденные в ее кругу, а также материалы устной истории, на основании которых автору этих строк уже приходилось характеризовать систему ценностей советской интеллигенции в ее тесной связи с системой ценностей интеллигенции дореволюционной[1].

В этой системе ценностей длительное время сосуществуют две модели семьи/материнства/отцовства.

Первая, доминирующая, опирается на радикальный и поверхностный вариант просветительства (на «полупросвещение», по известному выражению Пушкина). Мы найдем ее у Радищева и Герцена, у Толстого и Чернышевского, у Ленина с его специфической интерпретацией коммунизма[2]. С позиций этого вульгаризированного просветительства, идеальный ребенок – это сирота, а главный принцип его воспитания – свобода (включая ее последствия, в том числе и негативные). Коммуна Макаренко вырастает на этой почве не случайным экспериментом, а закономерным продолжением просветительских проектов по выведению идеального человечества. Любая семья с этой точки зрения ограничивает свободу личности, поэтому в ходе общественного прогресса так или иначе должна исчезнуть. Для русского интеллигента семья также означает увеличение материальных расходов и затрат времени, отрываемого от творчества, поэтому ценность семьи (в отличие от ценности дружбы, любви, родства душ) в интеллигентском этосе невысока. Кроме того, поскольку свобода и самовыражение личности находятся в этой системе ценностей на первом месте, семьи интеллигентов довольно непрочны. По всем этим причинам, например, вместо реального отцовства превозносится отцовство духовное. Влияние родителей на ребенка вообще принципиально не отличается от влияния взрослых вообще и сводится к обучению ребенка необходимым знаниям и к демонстрации ему образца разумной, «правильной», свободы. Разум в общении с ребенком вообще должен преобладать над эмоциями. Исходя из равенства полов и из приоритета рационального над эмоциональным, позиция матери по отношению к ребенку не слишком отличается от позиции отца (официально фигурирующие сегодня в некоторых странах «родитель №1» и «родитель №2» всецело восходят к этой вульгаризированной просветительской традиции).

В качестве примеров практического воплощения этой модели можно привести хорошо известные отношения А.И. Герцена или Л.Н. Толстого со своими домочадцами. Еще интереснее, анализируя устные автобиографические рассказы, увидеть преломление этой модели в поведении представителей советского поколения отечественной интеллигенции[3]. Можно сослаться и на известные мемуары Л. Алексеевой, в которых она, демонстрируя свою

[1] Черепанова Р.С. Интеллигенция и «тайное знание» // Неприкосновенный запас. -2010. № 1 (69). С. 222-236.
[2] См.: Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. 341 с.
[3] Черепанова Р.С. Быт и бытие. Советский интеллигент в обретении пола возраста и личной жизни // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М.: НЛО, 2013. С. 701-770.

материнскую роль, описывала не бытовые подробности своей заботы о них, а свою подчеркнутую духовную близость с ними: они мои дети, потому что они – мои единомышленники. Соответственно, первый супруг Алексеевой, несмотря на свою бытовую приспособленность и заботливость, в итоге «удалился» из семьи, поскольку не разделял взглядов жены и сыновей[1].

Другая альтернативная модель семьи всегда занимала в кругу русской интеллигенции маргинальное положение. Хотя она в какой-то степени тоже восходит к идеям Просвещения, гораздо большее влияние на нее оказал иррационализм романтиков (поскольку на русской почве эта модель приобрела православно-патриархальную окраску, ее европейские корни не всегда выглядят очевидными).

Если рационально-просветительская модель имеет явную демократическую направленность, то романтический комплекс, по-диккенсовски замыкающий семью у домашнего очага, напротив, глубоко и принципиально буржуазен. Отчасти по этой причине он апеллирует к древности своих традиций и, несмотря на гуманистическую риторику, подразумевает фактическое неравенство людей, с декларацией об уникальности каждой личности, в том числе детской (в противопоставлении просветительскому концепту о ребенке как о «чистом листе»). Вспомним ли мы семью Аксаковых или семью Хомяковых, Михалковых или Солженицыных, мы увидим культ Дома, детства и подчеркиваемую ценность Любви (в противоположность Свободе, как высшей ценности рационалистической модели). В рамках этой системы ценностей, с детьми занимаются не только матери, но и отцы, причем не только духовными, но и самыми простыми житейскими делами: укладывают их спать, обучают, играют с ними, сажают их за общий стол, когда приходят гости. Такая модель требует от интеллектуалов больших душевных сил и временных затрат, поэтому позволить ее себе могут в первую очередь люди небедные, не вынужденные каждый день от зари до зари трудиться ради хлеба насущного.

И если первую модель в среде интеллигенции исповедуют в основном общественные активисты с претензиями к переустроению социума, или же бедные «пролетарии умственного труда», то вторую модель чаще принимают те, кто воспринимает себя как людей с интеллектуальным капиталом.

Категоризировать первую и вторую модели как «либеральную» и «консервативную» или же «западническую» и «славянофильскую» было бы, на мой взгляд, значительным упрощением. Мне представляется, что любой спор в среде интеллигенции прежде всего сводится к спору о ней самой, о ее статусе и самоопределении: как социального активиста, как наемного работника, как буржуа. И выбор той или иной модели семьи, материнства или отцовства прежде всего обслуживает эту цель внутрикорпоративного размежевания, идентификации и структурирования в социально аморфном кругу русских интеллектуалов.

[1] Алексеева Л. Поколение оттепели. Воспоминания. М., 2006.

Т.В. Королева
г. Иваново, Ивановский государственный энергетический университет

Трансформация представлений о роли матери во Франции XIX в.

Представления общества о материнстве зависят от множества социально-экономических, культурных и политических факторов, различаются для представителей различных сословий и выражают общественные стереотипы и нормы. Представляется интересным проследить изменения общественных взглядов на материнство во Франции XIX в. с учетом влияние указанных факторов.

Положение женщины в обществе при «старом режиме» определялось взглядами на ее природу, определенными в рамках христианского учения. С началом процесса индустриализации помимо традиционного подчинения женщины мужчине появилась еще одна причина порабощения слабого пола: мужчина в конце XVIII в. стал единственным кормильцем семьи. Вследствие этих процессов женщина оказалась заключена в частной сфере и ей были приписаны черты, предопределившие ее исключительно для семьи, домашнего очага и материнства.

Учение физиократов (Тюрго) внесло свою лепту в решение этого вопроса. По их представлениям, только растущее народонаселение гарантирует своей полезной деятельностью во всех областях благополучие и богатство страны, поэтому основными функциями матери считались рождение и воспитание детей. Однако не существовало единой модели воспитания – в этой области царила полная неопределенность.

Должна ли женщина кормить детей грудью или отдавать их кормилице? Должно ли различаться воспитание мальчиков и девочек? Должа ли женщина иметь специальное образование, чтобы правильно воспитывать своих детей?

Различие мнений и позиций по этим вопросам как консервативных и либеральных, так и отдельных мужчин и женщин оставались диаметрально противоположными на протяжении всего XIX в., следствием чего в семьях сосуществовали враждебные друг другу устремления и традиции.

Как консерваторы, так и либералы считали, что воспитание мальчиков и девочек должно было преследовать разные цели, исходя из разницы их будущих ролей.

Целью воспитания мальчиков была подготовка их к активной жизни и получению образования вне дома, а также формирование традиционных ценностей – почитания Бога, отца (как главы семьи и посланника Господа) и государства. Мальчик должен был продолжить дело своего отца и подняться по общественной лестнице.

Воспитание девочек высших и средних классов строилось согласно идеалу, разработанному Ж.Ж. Руссо, и предусматривало формирование милых, кокетливых, послушных, ничего, по сути дела, не умеющих и не

знающих о жизни девушек. Хорошо воспитанная девушка должна была иметь понятия о религии, таланты, необходимые для светской жизни, и некоторое умение вести домашнее хозяйство.

Однако реализация этого идеала отличалась в зависимости от социального статуса семьи. В воспитании девочек из дворянских семей матери практически не участвовали. После рождения их отдавали кормилицам, затем гувернанткам. В 8–9 лет домашнее воспитание заканчивалось, и девочек отправляли в «пансионы» – закрытые учебные заведения при монастырях, где они жили в полной изоляции до замужества, устраиваемого родителями, либо до 16-летнего возраста.

Домашнее образование девочкам буржуазных классов давали их матери. Их образование носило прагматичный характер и имело целью подготовку к будущей семейной жизни. Матери учили своих дочерей прежде всего ведению домашнего хозяйства, рукоделию, вязанию, чтению Библии и счету. В 11 лет девочек отдавали в монастырский пансион[1]. Подчиненность женского образования церкви долгое время казалась вполне естественной и объяснялась требованиями общественной морали.

Французская революция 1789 г., и последовавшая за ней реакция не привели к принципиальному изменению представлений о функциях матери, и не изменила систему воспитания детей.

При Наполеоне I во Франции впервые была разработана и внедрена модель государственного светского образования для мальчиков. Однако на женщин действие этого закона не распространялось. В связи с этим в 20-х гг. XIX в. получают распространение идеи «материнского образования». В 1820 г. Леви-Альварес открыла в Париже «курсы материнского образования» для девушек из бедных семей, на которых они обучались педагогическим приемам воспитания будущих детей, а также основами грамоты, письма и счета.

Во время революции 1830 г. в обществе развернулась газетная полемика, которая способствовала формированию двух концепций. Одну можно обозначить как либерально-демократическую, ее сторонники (социалисты-утописты и газеты «Свободная женщина» и «Женская газета») выступали за право женщины на самореализацию и развитие. Сторонники другой («Женский совет» и «Мать семейства», «Мать-воспитательница»), традиционно-патриархальной концепции, признавая за женщиной право на образование, хотели ограничить его знаниями, необходимыми для успешного выполнения роли матери и воспитательницы детей.

Во время революции 1848 г. было основано «Общество для улучшения положения женщин», которое возглавил известный защитник женской эмансипации Э. Легуве, разработавший либеральную концепцию решения женского вопроса во Франции. Он предложил программу сохранения и возвеличивания института материнства путем организации новой системы

[1] См: Женщина в XVIII в. (по Гонкуру) / А.Н. Плещеев. СПб. 1898.

публичного женского образования. Появление этой книги послужило причиной литературной полемики, которая способствовала возрождению интереса в обществе к проблемам женского равноправия и обсуждению вопросов о роли женщины и матери в обществе и семье.

Первые голоса в защиту «новой» женщины раздались в 1860-х гг. Преобладающей среди сторонников изменения роли матери стала точка зрения, высказанная в середине 30-х гг. и разработанная Э. Легуве: большинство женщин должно получать более высокое образование, чтобы воспитать для страны просвещенных сыновей, честных и умных.

Причиной изменения представлений о роли матери в воспитании детей стала необходимость «укрепление республиканского режима». Женщины, ограниченные гендерной системой, выработали стратегию, компенсирующую их общественное, политическое и экономическое бесправие: «Они вкладывали в своих сыновей систему религиозных ценностей, которая делала их врагами либеральной идеологии, республики и, в итоге, врагами их отцов-республиканцев. Матери способствовали католической идентичности своих детей, абсолютно несовместимой с либеральной точкой зрения религиозно нейтрального гражданства»[1].

Новая система образования женщин должна была стать важным фактором политической социализации будущих поколений. Поэтому среди сторонников женского равноправия преобладала точка зрения, что образование девочек должно быть направлено на подготовку матерей, способных воспитывать граждан, умеющих ценить принципы универсального (мужского) суфражизма.

Противостояние левых и правых в этот период приобрело форму борьбы клерикалов и антиклерикалов. Правое правительство поддержало кампанию по возвращению образования в руки церкви, организованную епископом П. Альзоном и газетой «Христианское образование». Подчинение женского образования церкви многим казалась вполне естественным, так как этого требовала «особая» женская природа и представления общества о назначении женщины.

В ответ на это Ж. Ферри опубликовал статью «Равенство просвещения», выход которой означал начало газетной полемики между республиканцами и представителями католической церкви по вопросу женского образования. Республиканские журналы и газеты развернули кампанию, в которой духовную зависимость женщины от церкви определили как главный и постоянный источник семейных конфликтов и разногласий и выступили за проведение реформ для «объединения нации».

Таким образом, в ходе общественных дискуссий в 60–70-х гг. XIX в. сформировался образ образованной матери, серьезной, ответственной, осознающей свою миссию воспитания граждан. Реформы 1880-х гг. позволили реализовать этот идеал на практике.

---

[1] Seeley P. Liberalism and the socialization of Catholic Men in nineteenth-century France // Journal of modern history. Chicago, 1998. Vol. 70. № 4. P. 889.

О.А. Симонова
г. Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Тема материнства в беллетристике дамских журналов начала XX в.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02709)

Изучение беллетристики женских журналов начала XX в., переживавших в то время небывалый дотоле расцвет, дает богатый материал как для филологического анализа массовой литературы, так и для изучения историками положения женщин в предреволюционный период. Беллетристика дамских журналов – изданий, освещавших вопросы домашней, семейной и светской жизни женщины и обязательно включавших большой литературный отдел («Журнал для хозяек» (1912–1926), «Журнал для женщин» (1914–1926), «Мир женщины» (1912–1916) и др.), – обладала своей спецификой. В частности, в ней проблематизировалась тема нежелания женщины быть матерью, обычно не получавшая общественного резонанса.

Проблема невозможности обесчещенной женщине продолжать жить так, как раньше, становится сюжетообразующей для многих произведений женских журналов. В таких рассказах четко прописана авторская позиция, выраженная чаще всего повествователем-рассказчиком. Автор отстаивает право женщины самостоятельно распоряжаться своей жизнью и своим телом, право на аборт.

Наиболее ярко эти вопросы отражены в рассказах Н. Сперанской, опубликованных в «Журнале для хозяек»[1]. Рассказчиком является женщина-врач, с которой героини могут поделиться самым интимным и наболевшим («Женщина-врач, – все равно, что священник»[2]). Актуальной для всех рассказов становится проблема появления нежеланного ребенка. В рассказе «Уголовное преступление» обесчещенная и забеременевшая девушка упрашивает врача сделать ей аборт, грозя покончить жизнь самоубийством. Та, осознавая последствия рождения незаконного ребенка, соглашается на это преступление. В рассказе «Бесчестная» врача зовут к отравившейся девушке. Из предсмертной записки врач узнает, что когда-то с героиней произошел случай, подобный вышеописанному, она сделала аборт. Потом она встретила любимого человека, за которого собиралась выйти замуж, но не могла ни обманывать жениха, ни сознаться ему из опасения, что он ее бросит. Поэтому она покончила с собой. Рассказчица рассуждает об общепринятых понятиях: девушка считает себя бесчестной (в понимании этого термина применительно к женщинам), в то время как на самом деле оказывается слишком честной (в общепринятом толковании

[1] «Уголовное преступление: Психологический этюд» (1913, № 9); «Бесчестная» (1914, № 6); «Почему не тот? (Из записок врача)» (1915, № 3).
[2] Сперанская Н. Почему не тот? (Из записок врача) // Журнал для хозяек. 1915. № 3. С. 24.

слова). Таким образом, поднимается тема существующей в обществе двойной морали относительно половой жизни мужчин и женщин.

Повторяемость сюжетов таких произведений доказывает незначительность самих сюжетных линий, рассказ в данном случае является полем для идеологических высказываний автора в ущерб художественным достоинствам произведения. Беллетристика Н. Сперанской соответствует характеристике, данной Розалиндой Марш женским произведениям, как «откровенно дидактическим, утверждающим очевидную мораль социальной униженности женской роли»[1].

Последовательно отстаиваемым писателями женских журналов требованием является право женщины на материнство. Степень прогрессивности этого требования неоднозначна (что подчеркивает поверхностное восприятие массовой беллетристикой актуальных идей, в данном случае, феминизма): казалось бы, авторы выступают за женскую самостоятельность, независимость ее решений от чужого мнения (будь то любимого мужчины или общества), но материнство трактуется как священный долг женщины, что формирует биологически заданный взгляд на нее.

Героиня, вынужденная по настоянию любимого мужчины отдать своего первого ребенка в воспитательный дом, осознав ошибку, отстаивает право быть матерью для второго ребенка[2]. Осознанное материнство становится своего рода инициацией, выходом женщины из подчиненности мужчине и переходом в новый статус независимого, самостоятельно принимающего решения человека: «Он любил меня, как игрушку, – не больше. Если он не хочет признавать во мне человека, женщину-мать, – то он мне вовсе не нужен… Я сумею прожить без него»[3]. Для того чтобы стать матерью, героине приходится приложить усилия. Утверждение женщиной своего мнения порождает конфликты с любимым мужчиной, отчуждение от него.

Героиня отстаивает право быть матерью независимо от своего матримониального статуса. Одинокая учительница, желающая завести ребенка, в своем внутреннем монологе обращается к воображаемому противнику – выразителю общественного мнения: «А зачем мне вообще выходить замуж? Мне хочется иметь не мужа, а ребенка. А разве нельзя иметь ребенка, не выходя замуж? И разве я не имею права быть матерью, если мне не представляется возможности выйти замуж?»[4] Другая героиня – учительница, не смогшая сопротивляться условностям и оставшаяся старой девой[5], задается вопросами: «Стоило ли “общественное мнение” того, чтобы в жертву ему приносилась целая жизнь? Смеют ли люди клеймить как позор

[1] Marsh R. Realist prose writers, 1881–1929 // A History of Women’s Writing in Russia / Ed. by A.M. Barker, J.M. Geith. Cambridge, 2002. P. 182.
[2] Лескес С. На новый лад: Повесть // Журнал для хозяек. 1914. № 3–4; Сперанская Н. Почему не тот? (Из записок врача) // Журнал для хозяек. 1915. № 3. С. 24-25.
[3] Лескес С. На новый лад: Повесть // Журнал для хозяек. 1914. № 4. С. 29.
[4] Галина Аня. «Счастье вечной жизни» // Журнал для хозяек. 1913. № 1. С. 22–23.
[5] Существовал закон, по которому учительницам запрещалось выходить замуж.

естественное стремление женщины исполнить свое назначение»[1]. В приведенной цитате материнство трактуется как естественная потребность каждой женщины, что, в принципе, соответствует традиционным взглядам, следовательно, и сама прогрессивность темы осознанного материнства оказывается сомнительной.

Проза дамских журналов не обладала высокими художественными достоинствами. Зачастую рассказ становился полем для идеологических высказываний автора, что влияло на структуру произведения, разрушало его художественность. Основными были темы семьи, детей, дома, взаимоотношений с мужчинами. Предметом для обсуждения становились новые резонансные темы табуирования женской сексуальности и угнетения женщины в семье, которые для доступности восприятия облекались в художественную форму. Ставился вопрос о границах свободы современной женщины и ее праве (не)рожать независимо от ее матримониального статуса или согласия ее партнера. Таким образом, материнство переставало быть прерогативой патриархальной семьи, становясь личностным выбором женщины. В то же время зачастую этот выбор совпадал с традиционным: героини беллетристики дамских журналов стремились стать матерями, что подтверждало консервативность этих периодических изданий.

Г.Л. Микиртичан, О.А.Джарман
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

А.Н. Антонов (1884–1947) и его «Проект подготовки девочки к материнству»

Имя Александра Николаевича Антонова сегодня малоизвестно, но его вклад в строительство системы охраны материнства и младенчества заслуживает внимания и памяти.

После окончания Военно-медицинской академии в Петербурге (1910 г.) он заинтересовался вопросами охраны материнства и младенчества (ОММ) и стал активным участником этого процесса в разных социально-экономических условиях. Его деятельность начиналась в период, когда ОММ проходила стадию становления как комплексная социальная проблема, решение которой подразумевало широкий перечень медицинских и социальных мер, когда формировалось представление о прямой зависимости жизни и здоровья ребенка от жизни и здоровья его матери, когда материнство рассматривалось как важная социальная функция женщины. Свою работу он начал ординатором в «Капле молока» в Санкт-Петербурге. В эти же годы он принял активное участие в работе Всероссийского попечительства по ОММ, созданного в 1913 г. К.А. Раухфусом. Основной целью По-

[1] Галина Аня. Вне жизни // Журнал для хозяек. 1915. № 1. С. 27.

печительства была борьба с заболеваемостью и детской смертностью. Предполагалось, что ведущая роль в деятельности попечительства будет принадлежать правительству, однако благотворительное начало стало преобладающим и зависело от общественной и частной инициативы на местах. Тем не менее, наработки Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества по борьбе с детской смертностью, по формам и методам работы различных учреждений для детей, по организации помощи матерям и детям грудного возраста, методам санитарного просвещения и многие другие были использованы после октябрьского переворота 1917 г. Ведь многие деятели Попечительства остались в России и работали в различных учреждениях, высших учебных заведениях, участвовали в строительстве советской системы здравоохранения. Материалы по разработке проекта деятельности Института ОММ Попечительства, не реализованные до революции, были использованы при создании Института Охраны материнства и младенчества в Ленинграде в 20-е гг. По сути это было осуществление проекта К.А. Раухфуса. Авторы проекта Ленинградского научно-практического института ОММ (1925 г., затем Ленинградский педиатрический медицинский институт – ЛПМИ, ныне С.-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет) А.Н. Антонов и З.О. Мичник были активными работниками Попечительства.

После Октябрьской революции 1917 г. А.Н. Антонов сразу же включился в строительство советской охраны материнства и детства, организацию лечебно-профилактических учреждений нового типа. Работая в должности ординатора-педиатра Мариинского родильного дома (ныне родильный дом № 3 Ленинграда), А. Н. Антонов организовал отделение для новорожденных, консультацию для грудных детей с молочной кухней, отделение для беременных и кормящих матерей и др. С 1918 по 1931 г. он являлся также ординатором Василеостровского пункта ОММ № 15, где выступил инициатором многих новых форм медицинской помощи детям, в 1923–1935 гг. заведовал Домом матери и ребенка. В ЛПМИ Александр Николаевич был секретарем Ученого совета, работал и в педиатрических клиниках института, в 1928 г. избран доцентом кафедры социальной гигиены женщины и ребенка, а в 1942 г. – профессором кафедры госпитальной педиатрии ЛПМИ. В эти же годы он преподавал в Институте дошкольного воспитания и в Ленинградском институте для усовершенствования врачей.

В первые годы советской власти ОММ приобретает государственный характер, начинается ее институализация, формируется законодательная база, активизируется участие общественности в решении вопросов материнства и детства. Однако реализация социальной функции государства по охране здоровья матери и ребенка была затруднена сложившейся тяжелой социально-экономической обстановкой в стране. Борьба с высокой заболеваемостью и младенческой смертностью становится приоритетной задачей государства в условиях недостаточного экономического благосостояния и уровня культуры

населения. Распространенные материнские практики воспитания детей, ухода за ребенком и его вскармливания, по мнению А.Н. Антонова, основывались на «инстинкте», суевериях и предрассудках, а не на элементарных знаниях, что и определяло высокие показатели смертности грудных детей. Он считал, что в основе всех мероприятий по охране материнства и младенчества должно лежать стремление привить женщине сознательное отношение к выполнению материнского долга, дав ей некоторую сумму знаний, без которых невозможно правильное воспитание грудного ребенка. Он понимал, что обучение взрослой женщины грамоте материнства – задача вовсе не легкая, т.к. она уже отягощена сведениями, которые успела приобрести во время девичества и детства: «Как может мать поверить врачу, что ребенку не нужны или даже вредны свивальники, соска, зыбка, если в своем прошлом она сжилась, сроднилась с ними, если с представлением об этих предметах у нее связаны воспоминания раннего детства?». А. Н. Антонов был уверен, что еще в школе девочек надо готовить к сознательному материнству, обучать уходу за ребенком. С этой целью он, используя западный опыт, в 20-х гг. проводил такие занятия в школах Старой Руссы и Ленинграда. (Антонов А.Н. Подготовка девочки к материнству. Л.: изд. НПИОММ, 1929). Им была разработана программа, рассчитанная на 10 занятий; в каждой группе занимающихся было не более 10–12 девочек в возрасте 7–12 лет. Девочкам демонстрировались различные приемы ухода за ребенком, и предлагалось тут же повторять их на куклах. Девочки этого возраста в многодетных семьях (а таких тогда было немало) нянчили своих младших братьев и сестер, что помогало им лучше ухаживать за малышами. В дальнейшем занятия с ученицами проводились сестрами ОММ под руководством А.Н. Антонова.

Для девочек старшего возраста (15–16 лет) проводилось 8 занятий по особой программе, в которую входили вопросы о социальном значении детской смертности, гигиене женщины, гигиене ребенка грудного возраста, основные законы по охране матери и ребенка, роль различных учреждений ОММ. Главными задачами этих занятий А. Н. Антонов считал «...во-первых, дать девочке некоторую сумму практических знаний по гигиене материнства и уходу за ребенком и, во-вторых, приложить усилия к тому, чтобы уже в девочке школьного возраста выработалось сознательное отношение к будущим материнским обязанностям». Он пытался исследовать, когда появляется и как долго существует инстинкт материнства у девочки, какие стадии проходит в своем развитии, в каком возрасте сказывается наиболее интенсивно, какой биологический смысл имеет игра в куклы, в каких формах чаще всего проявляется и т.д. Много внимания уделял здоровью девочек как будущих матерей.

А.Н. Антонов разрабатывал новые формы и методы работы учреждений ОММ (в т.ч. методику санитарно-просветительного патронажа, совместно с З.О. Мичник), методы санитарного просвещения (цикл лекций для беременных и матерей, читаемых в детских консультациях, в « школах материнства» при детских поликлиниках и женских консультациях, конкурс грудных детей и др.), способствующие повышению качества лечебно-

профилактической помощи детям и снижению показателей смертности, получивших распространение не только в Ленинграде, но и во всей стране.

Большой вклад внес А.Н. Антонов в подготовку среднего и младшего медицинского персонала. Он был организатором курсов для медсестер ОММ при различных учреждениях. Ему были свойственны энтузиазм, стремление к решению спорных и трудных проблем охраны материнства и детства.

А.Н. Антонов опубликовал свыше 80 научных работ по различным вопросам ОММ, физиологии и патологии периода новорожденности, вскармливанию детей грудного возраста. Характерная черта его научных работ – практическая ценность для повседневной работы врачей и сестер. Этим отличились «Спутник сестры охраны материнства и младенчества» (1930, 2-е изд. 1932), руководство для матерей «Мать и дитя», выдержавшее 4 издания (совместно с З.О. Мичник). В монографиях «Смертность грудных и малых детей, ее причины и меры борьбы (Л., 1931) и «Охрана материнства и младенчества» (Л., 1929) систематизирован имеющийся в русской и иностранной литературе обширный материал по вопросам детской смертности и ОММ.

Е.А. Поправко
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Семья как фактор индивидуации западника и славянофила (к вопросу о «гнездовой» концепции)

Традиционная марксистская историография объясняла взгляды славянофилов и западников через призму классового подхода: западник был продуктом «обуржуазивания» российского дворянства; славянофил же представал как «застрявший» в патриархальном быту дворянский либерал. Иное объяснение размежевания на западников и славянофилов дал В.Г. Щукин: «На наш взгляд, следует обратиться к тем обстоятельствам, в которых проходило детство славянофилов… перед нашими глазами воочию предстанут мельчайшие подробности *сельского уклада жизни* (выделено мной. – П.Е.А.), в атмосфере которого родились и выросли славянофилы. Это по преимуществу натуральное аграрное хозяйство, со слабыми внешними связями, с присущим ему консерватизмом, со стремлением к стабильности, с неизменным циклом трудовой и праздничной деятельности, которая регулировалась преимущественно обычаем, нравами данной локальной общности, а также сменой времен года». «Однако далеко не все «дворянские гнезда» были столь уютными и «тепло насиженными». Ведь и … западники воспитывались в усадьбах, но вынесли из своего детства совсем иные, далеко не идиллические воспоминания»[1].

[1] Щукин В.Г. Концепция Дома у ранних славянофилов // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 43–45; Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. 608 с.

Насколько соответствует фактам «гнездовая» концепция? Наиболее близкой к патриархальному идеалу представляется семья Аксаковых. Сергей Тимофеевич «страстно отдался чувству отца и почти буквально заменял для своего сына-первенца няньку»[1]. И.С. Аксаков писал об отношении брата к отцу: «Они жили, спали в одной комнате», отец был сыну нянькой в детстве, а сын – отцу, когда тот заболел[2]. Эта патриархальная «одержимость» более всего повлияла на К.С. Аксакова: «Хотя бы гостиная бала полна гостей, он точно также целовал руки у отца и ласкался к нему, как бывало в детстве»[3]. Но в истории Аксаковых есть факты, плохо укладывающиеся в «гнездовую» концепцию. Не выдерживает критики тезис о влиянии традиционного хозяйства с его циклической жизнью. «Занятие хозяйством не удавалось Сергею Тимофеевичу. Самые выгодные, по-видимому, спекуляции кончались ничем. … *Деревня надоела окончательно* Сергею Тимофеевичу, дети подрастали, их надо было учить, в Москве можно было искать должность, и в августе 1826 г. Сергей Тимофеевич *простился с деревней* – и *навсегда*. С тех пор по год кончины в 1859 г., следовательно, в течение 33 лет, он был в Надеждине только наездом, всего 3 раза»[4]. Все сыновья, кроме старшего, должны были служить. И.С. Аксаков утверждал, что «никогда не жил вместе с семьей, воспитавшись и проведя большую часть жизни вне семьи»[5].

Суммируем несовпадения: Аксаковы не жили «в деревне» (этой жизни до 1826 г. было для Константина – 9 лет, а для Ивана – всего 3); их родители не были чужды традиционных представлений о жизненном пути дворянина как о службе отечеству (определявшимся Табелью о рангах) и расставались с детьми во исполнение этой обязанности.

Биография западника Т.Н. Грановского, как правило, начинается описанием бед, которые приносил семье отец, Николай Тимофеевич. Он часто забывал о детях. С 13 до 14 лет Грановский учился в Москве в заведении Кистера, но приехав домой в Орел на каникулы, там и остался: «Отец, погруженный в лень, беспечный и занятый только карточною игрою, забывал, что сыну нужно продолжать учение. Три года мальчик оставался без учителей». Почему в это не вмешалась мать, Анна Васильевна? Она не была бессловесной, любила развлечения, устраивала приемы, «одна заботилась… о воспитании своих детей». Умела настоять на своем: когда 18-летний Грановский пожелал оставить службу в Министерстве иностранных дел и поступить в университет, именно мать, обладавшая собственными средствами, поддержала сына, хотя «отец не одобрял его намерения»[6]. А вот после ее смерти положение стало невеселым: отец забывал

[1] И.С. Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Там же. С.11.
[2] Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. М., 1894. С. 147–148.
[3] И.С. Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. С. 19.
[4] Там же. С. 19–20.
[5] Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. М., 1894. С. 147.
[6] Станкевич А. Биографический очерк // Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 1. С. 9, 7, 15.

выслать денег сыну в Петербург. Но авторитет последнего, в традиционно-патриархальном смысле слова, не был подорван неблаговидными поступками: в марте 1841 г. Грановский просит у отца разрешение на женитьбу. Не дождавшись ответа необязательного папеньки, едет на все лето в Погорелец (родовое гнездо). Грановскому 28 лет, он независим от отца материально, но и думать не может о женитьбе без родительского благословения[1].

Отец Хомякова, Степан Александрович, был разносторонним человеком, среди его увлечений были и карты. Это увлечение обременило семью долгами. Скудость средств была одной из причин отказа А.С. Хомякова от военной карьеры[2]. Родители Хомякова жили отдельно и даже в 1826 г. разделили свои хозяйственные дела, но не прервали отношений. Детьми больше занимался отец: он повез их учиться в Петербург в 1815 г., он же хлопотал об устройстве Алексея в полк в 1822 г.[3] Изначальная православная религиозность Хомякова, на наш взгляд, также может быть подвергнута сомнению, несмотря на его заверения, что и в полку, и за границей он вызывал у окружающих сомнения: «Уж не католик ли ты, что так строго соблюдаешь посты?» [4] В том, что в ранние годы Хомяков не был ортодоксом, убеждает найденная в Рукописном Отделе Российской Национальной Библиотеки записка к В.Ф. Одоевскому 1827 или 1828 г.: «*Совсем неожиданно для меня стал я говеть* на этой неделе: *вечерня и разные подобные мелочи* лишают меня удовольствия быть у вас и это конечно не самая малая из налагаемых на меня епитимий»[5]. Религиозные ортодоксы не начинают говеть «неожиданно» и, чаще всего, не шутят на эти темы.

Еще более странной для «гнездовой» концепции выглядит биография западника Б.Н. Чичерина. В неопубликованной части «Воспоминаний» Б.Н. Чичерин подробно описывает детство, родителей, их знакомства и связи. Чичерин, пишущий воспоминания в конце 1880-х гг., помнит обстановку дома до мельчайших подробностей, называет дом – «гнездом», «семейным центром», «приютом, где отдыхали сердцем, куда стекались старые и молодые»[6]. Идеалом для Чичерина был отец: «Мы дети глубоко уважали отца и боялись чем-либо заслужить его осуждение, но никогда не испытывали на себе его гнева и не слышали от него ни одного сурового слова. … Всякий, касавшийся нас вопрос, будь то учение, работа, удовольствие или даже хозяйственное распоряжение, обсуждался им заботливо и основательно, со всех сторон, но всегда в виде совета, и никогда приказания»[7]. Мать предстает как идеальная подруга жизни отца. Ее заслугой Чи-

[1] Там же. С. 119–120.
[2] Мазур Н.Н. К ранней биографии А.С.Хомякова. (1810 – 1820) // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 200–204.
[3] Там же. 201, 200.
[4] Русское общество 40–50-х гг. XIX в. М., 1991. Ч. 1. Записки А.И. Кошелева. С. 87; Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 186.
[5] РО РНБ. Ф. 539. В.Ф. Одоевский. Оп. 2. Ед. хр. 1128. Л. 5.
[6] ГА РФ. Ф.1154. Чичерины, Капнисты. Оп. 1. Д. 26. Л. 58–59, 20.
[7] Там же. Л. 6.

черин считал привитие религиозного чувства детям[1]. Отношения с окружающими строятся по патриархальному канону. Описывая приезд в 1887 г. в с. Караул, Б.Н. Чичерин вспоминает об угощениях, которые задавал крестьянам по праздникам его отец: «… я задал такое же угощение свободным уже крестьянам, с которыми, несмотря на коренную перемену положения, сохранились прежние патриархальные отношения»[2]. Не всякий славянофил мог похвастаться такой патриархально-гнездовой идиллией протекающей по преимуществу в деревне!

Пример тому – Ю.Ф. Самарин – вечный «столичный» житель. Детство Юрия Федоровича прошло в Петербурге, бывал он и в Париже. Отец – шталмейстер вдовствующей императрицы Марии Федоровны, мать – ее любимая фрейлина. В 1826 г. (будущему славянофилу 9 лет) отец вышел в отставку и перевёз семью в Москву. Самарин в той же степени, что и Хомяков, и Грановский, и Чичерин, и Аксаковы, ценит семью: хотя именно отец заставляет его уехать служить в Петербург, он не сетует на проявление самодурства «любезного папеньки», хотя служба ему и противна. Проводя лето с родителями в Измалкове (подмосковной Самариных), будущий славянофил очень мало знает о сельском быте. В 22 года, готовя диссертацию в Измалкове, он пишет отцу в Москву: «Ныне явился ко мне приказчик с рапортом и прочее. *В первый раз в жизни я почувствовал себя барином* – ощущение, не чуждое своего рода приятности»[3].

Изучая биографии славянофилов и западников, мы можем отметить, что «патриархальный быт» в 1-ой половине XIX в. – это вовсе не деревенский дом и «натуральное аграрное хозяйство». «Патриархальность» этого периода – превалирование коллективных, корпоративных ценностей над индивидуальными; подчинение традиции; безусловное подчинение старшим; восприятие отношений (с соседями, с крестьянами и т.д.) как семейных. Этот строй жизни был характерен для семей будущих славянофилов и западников. Следует возразить В.Г. Щукину в его предположении, что опыт западников всегда был менее удачным. Выше сказанное заставляет думать, что размежевание западников и славянофилов была не плодом детского опыта, а значит «гнездовая» концепция – еще один миф, не выдерживающий испытания фактами.

[1] Там же. Л. 13–14, 17–20.
[2] Там же. Л. 66.
[3] Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 12. С. 314, 318, 125.

А.В. Приходько
г. Сумы (Украина), Сумский государственный педагогический университет имени А.С. Макаренко

Социальное конструирование практик материнства и отцовства в обществах традиционного типа

Существующая необходимость создания равноправных гендерных отношений в современных семьях детерминирует исследование процесса семейного воспитания, становления традиционных практик материнства и отцовства с использованием новых методологических подходов, в частности гендерного.

Под воздействием родителей на личность детей будем понимать степень участия каждого из них в процессе воспитания, доминантность одного и второстепенность другого в выборе воспитательных средств и методов, характер воспитательного влияния (демократический, либеральный, авторитарный) и т.п.

Результати кросс-культурных исследований Г. Барри [1], П. Драпера [2], М. Лемба [3], М. Мид[4], Т.С. Уейзнера[5], Б. Уитинга[6] подтверждают, что в подавляющем большинстве культур традиционного типа превалирует тесная физическая, эмоциональная связь матерей с детьми.

На женщину возлагались все домашние работы, о чем свидетельствуют даже их локальные названия: у хакасов женщина обозначает «ипчи», что в переводе значит «домашнее нечистое существо». Именно через свою «нечистость» женщине запрещается заниматься любыми делами социального значения, кроме воспитания детей и работ по дому. Лишь после рождения и воспитания девяти сыновей хакасская женщина получала некоторые права, в частности могла ездить верхом на конях[7].

Согласно Дж. Хубер, практика «традиционных» отношений матерей с детьми характерна для обществ, которые занимались собирательством[8]. То есть для тех культур, ведущий тип хозяйства которых не предусматривал длительного пребывания женщины вне дома и не препятствовал деторождению и выкармливанию детей.

---

[1] Barry H. A cross-cultural survey of some sex differences in socialization // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1957. № 55. P. 327–332.

[2] Draper P. Cultural pressure on sex differences // American ethnologist. 1975. № 2 (4). P. 602-616.

[3] Lamb M. The role of the father: an introduction // The role of the father in child development ; [edited by Michael E. Lamb]. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2004. P. 1-32.

[4] Мид Маргарет. Культура и мир детства; [пер. с англ. Ю. А. Агеева]. М.: Наука, 1988. 429 с.

[5] Weisner T. S., Gallimore R. My brother's keeper: Child and sibling caretaking // Current anthropology. 1977. № 18. P. 169-190.

[6] Whiting B., Edwards C. P. A cross-cultural analysis of sex differences in the behavior of children aged 3 to 11 // Journal of Social Psychology. 1973. № 91. P. 171-188.

[7] Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. С. 17.

[8] Хубер Джоан. Теория гендерной стратификации; [пер. с англ.] // Антология гендерной теории : [сост. Е. И. Гапова, А. Р. Усманова]. Минск: Пропилеи, 2000. С. 77-98.

Однако, анализ отношений «отцы-дети» и «матери-дети» у разных народов и культурах, засвидетельствовал, что такие отношения не являются универсальными, имеют огромное количество вариаций: от самих тесных контактов, постоянного присмотра родителей за детьми до полного отсутствия каких-либо взаимодействий детей обоего пола с мужской или женской частью.

В частности, в обществах земледельцев и скотоводов, по этнографическим данным, роль исключительно материнского ухода за детьми незначительна, матери не являются единственными или главными агентами воспитания. При таких условиях хозяйственной жизни женщины объективно не имели времени для установления тесных контактов с детьми, ведь были заняты обработкой продуктов животноводства или садоводства. Поэтому у многих традиционных народов Австралии, Азии, Африки, согласно данным П.М. Гринфилда[1], У.У. Ламберта и Л. Минторна[2], темы материнства, репродуктивности в нынешних условиях не занимают центрального места в восприятии женщины как таковой, не являются исключительными ее характеристиками в сравнении с мужчиной. И женскому и мужскому полу приписываются репродуктивные и социально-производственные функции. Об этом свидетельствует существование обряда кувади (с фр. вынашивать) – символических правил и норм поведения мужчины во время родов, ограничивающих санкций к нему на протяжении беременности женщины[3]

Отношения на уровне «отцы-дети» также являются культурно вариативными. Изучение этнографического материала дает основания утверждать, что такие вариации связаны прежде всего с экономическим укладом жизни традиционных обществ, а также с социокультурным значением всего, что связано с понятием «мужское».

Подтверждением тому, что стратификация по признаку пола в условиях традиционных обществ определяла традиции взаимоотношений мужчины с детьми в процессе семейного воспитания, служат следующие факты. Яванских детей из пятилетнего возраста приучали относиться к отцу с уважением как к представителю высшей инстанци[4]. В подростковом возрасте отношения детей с отцом – официальные, прохладные. Даже понятие любви к матери и к отцу у яванцев носит разные названия. Такую традиционную практику взаимоотношений мужчин с детьми подтверждает Ю. Кустова, которая указывает на то, что у крестьян коми отец в свободное время может заглянуть в люльку с новорожденным ребенком, но на руки его не берет, потому что это считается не мужским делом. Согласно

[1] Greenfield P. M. Child care in cross-cultural perspectives: implications for the future organization of child care in the United State // Psychology of Women Quarterly. 1981. № 6. P. 41-54.
[2] Minturn L., Lambert W. W. Mothers of six cultures: antecedents of child rearing. N. Y.: Wiley, 1964. 289 p.
[3] Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М.: Наука, 1999. С. 73.
[4] Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Южно-Восточной Азии / [отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов]. М.: Наука, 1988. С. 22.

традиции и в дальнейшем от отца у народов коми ожидают проявлений сдержанности и строгости по отношению к детям[1].

Практику полного отчуждения родителей-мужчин от детей противоположного пола демонстрируют тоба-батаки (народность Южной Азии). В период половой зрелости отношения дочки и отца у этих народов становятся наиболее отчужденными. Если мать неким образом общается со своим взрослым сыном, хотя и в присутствии третьего лица, то отец вообще не имеет права разговаривать с дочкой[2]. Считаем, что такое отделение детей от родителей-мужчин лишь «этикет патриархального общества», который не имеет ничего общего с собственно чувствами отцов.

В противовес таким патриархальным моделям взаимоотношений родителей и детей в традиционных обществах, имеются и другие примеры влияния взрослых. Факт существования равнозначного участия обоих родителей в воспитании детей демонстрирует опыт семей племен манус, что в Новой Гвинее. Пока мать заботится о младенце, старших детей присматривает отец. Он их кормит, купает, играет с ними в течение всего дня. Спустя некоторое время новорожденный переходит в полную опеку отца[3].

В семьях нивхов, нанайцев воспитанием мальчика с 5-ти лет занимаются исключительно лица мужского пола (отец, брать отца, брать матери, деды). Впрочем, женщины в нивхском обществе играют большую роль, дополняют воспитательные функции мужчин[4].

У арапешей от женщин и от мужчин также ожидают поддержки, проявления ласки, присмотра и беспокойства за детьми. По свидетельству М. Мид, у этих народов главная мужская роль, как и женская – это материнство в традиционном понимании этого слова. Хотя мужчина в этой культуре и имеет большую власть, несколько высший социальный статус, однако лишь потому, что, по мнению арапешей, это – зло, груз, который должен нести физически более сильный член семьи[5].

Всегда готовыми заменить мать являются также мужчины-бирманцы, которые могут выполнять любую работу по хозяйству, присматривать за ребенком. Отец и мать является одинаково важными в деле воспитания детей и у дравидских народов Индии. Женщины вместе с мужчинами несут ответственность за добывание средств существования, беспокоятся о благосостоянии семьи и ее престиже[6].

Итак, можем говорить о том, что вышеприведенные данные не укладываются в рамки теории о сугубо естественном назначении женщины быть матерью, а мужчины – основным кормильцем семьи. Очевидным также является тот факт, что в силу географических, климатических, агро-

---

[1] «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Сборник научных трудов. Лен. : ГМЭ народов СССР, 1991. С. 20-21.
[2] Этнография детства… – С. 57.
[3] Мид Маргарет. Культура и мир детства… С. 202.
[4] Традиционное воспитание детей у народов Сибири : сборник статей. Лен.: Наука, 1988. С. 110-132.
[5] Мид М. Культура и мир детства… С. 50, 241.
[6] Этнография детства… С. 102, 138.

технических и др. факторов в обществах традиционного типа складывались условия для установления монополии на более значимые для жизнедеятельности народов занятия труда физически более сильными лицами, то есть мужчинами. Однако отметим, что апелляция к биологическим характеристикам мужчин и женщин в современных обществах не может быть оправданием установления стратификации и иерархии в отношениях полов, которая воссоздается в процессе семейного воспитания.

В.Н. Ракачев
г. Краснодар, Кубанский государственный университет

Советская семья в 1920–1930-е гг.: эксперименты в области социального конструирования

Пришедшие в 1917 г. к власти большевики, осознавая необходимость и историческую неизбежность модернизации российского общества, понимали, что для ее реализации требуется кардинальное преобразование коллективного сознания, освобождения его от прежней ценностно-нормативной и социокультурной базы и создание нового типа человека – «человека коммунистического». Только при таких условиях возможно было удержать власть и построить новое общество.

Трансформации подвергаются базовые социальные институты, на которые опирается общество: семья, школа, церковь, армия и др. Все было направлено на реализацию главной цели – создать управляемую человеческую массу способную выполнять поставленные перед обществом задачи.

В 1920-х гг. в США приобретает популярность «теория плавильного котла», согласно которой различные этнические компоненты активно ассимилируются и трансформируются под влиянием американского общества и государства в единую новую социальную общность – «американскую нацию». Подобная идея в это же время начинает реализовываться и в СССР, здесь начинает работать свой «плавильный котел», целью которого было создание новой коммунистической общности людей – «советского народа», и нового типа человека – «советского человека».

Выдающийся советский педагог А.С. Макаренко говорит, что условием переделки человека, создания новой личности является заключение индивида в коллектив: «Коллектив – это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности, коллектив – это социальный организм в здоровом человеческом обществе»[1].

Поэтому важная роль в советской общественной модели отводилась воспитанию детей. Еще в 1918 г. на съезде работников народного просвещения было сказано ясно и недвусмысленно: «Мы должны изъять детей

[1] Макаренко А.С. Сочинения: в 7 т. М., 1957. Т. 7. С. 13.

из-под грубого влияния семьи. Мы должны их взять на учет, скажем прямо – национализировать. С первых же дней их жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ. Здесь они воспримут азбуку коммунизма. Здесь они вырастут настоящими коммунистами. Заставить мать отдать нам, советскому государству, ребенка – вот практическая наша задача»[1].

В тон этому звучат высказывания первого наркома просвещения А.В. Луначарского: «Из нашего поколения нам вряд ли удастся создать нового человека. Гарантию перерождения дает подрастающая смена. Поэтому воспитание детей есть величайшая задача: воспитание нового человека в духе коллективизма. Цель этого воспитания, чтобы «новая» с нашей точки зрения жизнь стала совершенно естественной для подрастающей смены»[2].

Конструируется модель тотального контроля детской социализации: детские сады и ясли, а дальше школа. Вместе с тем, семья продолжает участвовать в воспитании детей, но это должна была быть новая семья, семья коммунистическая, осознающая приоритет коллективных ценностей.

Меняется и ситуация по отношению к аборту. Первоначальная легализация его в 1920 г. сменилась жестким запретом в 1936 г. и контролем над репродуктивным поведением женщин в целях программы демографического развития страны[3].

Пересматривается роль женщины в обществе, которая в первую очередь должна рассматриваться как член коллектива, а уже потом как мать и жена. Одним из наиболее ярких проводников этой идеи выступает А.М. Коллонтай: «Закрепление женщины за домом, выдвижение на первый план интересов семьи, распространение прав безраздельной собственности одного супруга над другим – все это явления, нарушающие основной принцип идеологии рабочего класса – «товарищеской солидарности», разрывающие цепь классовой сплоченности ...»[4]. Но результатом этих действий стала маргинализация социально активных женщин, которые не могут себя определить в новой роли. Являясь не только известным государственным деятелем, но и плодотворным писателем, она представляет этот образ в своих литературных произведениях. Для женщин-героев ее произведений, как и для Коллонтай ответ ясен, главное – коллективное, семья и любовь – это другие вещи, вторичные.

Это имело и определенное практическое значение, в условиях полной ликвидации безработицы и недостатка в рабочей силе к началу 1931 г. остро встал вопрос о массовом высвобождении женщин из домашнего хозяйства и привлечения их к производственному труду в промышленность, на транспорт и другие отрасли социалистического хозяйства. На 1931 г. было

[1] Зензинов В. Безпризорные. Париж, 1929. С. 36.
[2] Правда. 1927. 1 янв.
[3] Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. // СЗ СССР. 1936 г. № 34. ст. 309.
[4] Коллонтай А.М. Отношение между полами и классовая борьба [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.1917.com/XML/lRWOGpq+C0cfPfaaPKxuRrFTB-c.xml (дата обращения: 13.04.2016).

намечено привлечь в производство 1600 тыс. женщин. Фактически численность женщин составила в промышленности 660 тыс. человек (41,3% от общего числа рабочих), в строительстве – 149 тыс. (19,9% общего числа рабочих). В целом количество женщин-работниц, занятых в несельскохозяйственном секторе, составило 1620 тыс. чел., таким образом, намеченный план был перевыполнен[1].

Процесс этого вовлечения женщин в систему общественного труда и его смысл интересно иллюстрирует в одном из своих романов А.И. Солженицын. Герой романа учит «правильно» читать центральную газету «Правду» (т.е. видеть не написанное, а то, что кроется между строк). «Ну, давай, учиться читать, – развернул газету Иннокентий. – Вот заголовок: "Женщины полны трудового энтузиазма и перевыполняют нормы". Подумай: а зачем им эти нормы? Что у них, дома дел нету? Это значит: соединенной зарплаты мужа и жены не хватает на семью. А должно хватать – одной мужской…»[2].

Однако все эти нововведения с трудом воспринимались населением, оно, как отмечает А.Г. Вишневский, было враждебным многим демографическим и семейным переменам, ибо они вступали в непреодолимый конфликт с культурной традицией. В условиях этого конфликта десяткам миллионов людей пришлось на протяжении жизни переходить от усвоенных с детства ценностей и образцов поведения к новым, незнакомым – задача заведомо невыполнимая. Массовое сознание долго не могло освободиться от заветов патриархальности. В СССР целые поколения оказались маргинальными, потерявшими одну систему культурных ориентиров и не обретшими другую[3].

К концу 1930-х гг. время кардинальных экспериментов в области семьи прошло, однако принципы и основные направления этих изменений продолжали реализовываться в интересах советского государства, со временем вовлеченность женщины в общественное производство стало фактически всеобщим, социализирующая роль семьи в значительной степени уступила место государству и общественным организациям. Вместе с тем все эти изменения нельзя рассматривать как исключительно советскую практику изменения института семьи, они были частью общего процесса модернизации общества.

[1] История индустриализации СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В.Е. Полетаев. М.: Наука, 1970. С. 573.
[2] Солженицын А.И. В круге первом. Роман. М., 1990. С. 311–312.
[3] Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 137.

Е.С. Рябкова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Роли отцов и матерей в женской периодической печати в СССР (период: начало 50-х гг. – конец 50-х гг. XX в.)

Поддержано грантом РГНФ 16-01-00136

Периодическая печать в отечественном источниковедении рассматривается как одно из средств массовой информации и пропаганды, по форме представляет собой журналы, бюллетени, которые выпускались в определенные промежутки времени. Специфическим и уникальным свойством периодической печати является многоплановость, подразумевающая наличие самой разнообразной по жанру, происхождению и содержанию информации, такой, как: официальные сообщения, документы, законодательные акты, публицистика, письма, хроника, а также заметки, репортажи, интервью, объявления, некрологи, лозунги, поздравления, поучительные истории и прочие тексты[1].

Необходимо отметить еще одну особенность периодической печати, в частности, газетная и журнальная периодика является мощным средством идеологического воздействия[2]. Самыми ранними женскими периодическими печатными изданиями были журнал «Работница», издававшийся по инициативе В.И. Ленина с 1914 г. и журнал «Крестьянка», впервые вышедший в свет в 1922 г. Начиная с 1945 г., стал издаваться новый женский журнал «Советская женщина» при содействии Антифашистского комитета советских женщин и Всесоюзного центрального совета профсоюзов. Женские журналы были эффективным агитационно-пропагандистским аппаратом для мобилизации трудовых ресурсов в целях скорейшего достижения нового научного, производственного и экономического уровня, выполнения пятилетки. Проведение восстановительных мер после Великой Отечественной войны в области средств массовой информации требовалось для проведения максимального идеологического воздействия на народные массы[3].

Агитационно-производственные темы в советских женских журналах в конце 40-х – начале 50-х гг. большей частью сменились к середине 50-х – начале 70-х гг. более близкими женщинам вопросами повседневности – о здоровом питании, сохранении фигуры, о вынашивании детей и родах, о психологическом климате в семье[4]. В послевоенный период, а именно с середины 1950-х по начало 1960-х гг., вошедший в историю под на-

[1] См. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1988. С. 621.
[2] Там же, С. 622.
[3] См. В.В. Смеюха. Женские журналы в СССР в 1945 – 1991 г.г.: типология, проблематика, образная трансформация, 2012. С. 2–3.
[4] В.В. Смеюха. Женские журналы в СССР в 1945 – 1991 г.г.: типология, проблематика, образная трансформация, 2012. С. 120-121.

званием «Оттепель», тиражирование центральных женских советских журналов увеличилось. В 1964 г. журнал «Работница» был награжден орденом Ленина «За большую работу по идейно-политическому воспитанию советской женщины и привлечение ее к активному участию в строительстве коммунизма»[1]. Тиражирование «Работницы» составило в середине 50-х гг. более 200 тыс. экз., в 1961 г. – 2,5 млн., в 1970 году – более 11 млн. В 1961 году было выпущено 2 млн экземпляра журнала «Крестьянка», в 1970 году – 6 млн. 500 тысяч экземпляров[2], что дает возможность сделать выводы о возраставшей роли женской советской периодической печати с середины 50-х – к началу 70х годов. Помимо «Работницы» и «Крестьянки», ежемесячно издавался журнал «Здоровье» – о здоровье человека и способах его сохранения. Издавался с января 1955 г. Первоначально был органом пропаганды здорового образа жизни, но впоследствии стал полноценным научно-популярным журналом. Журнал был популярен в СССР. В нем печатались как статьи «для народа», так и серьёзные материалы, а также материалы для детей[3]. Большое внимание уделялось правильному питанию детей, труду детей в хороших гигиенических условиях, на свежем воздухе и с правильной дозировкой»[4]. За всем должны были следить оба родителя. Не меньшее внимание уделялось роженицам, подготовке к родам, здоровью нерожавших девушек – возраст от 20 до 26 лет определялся в середине – конце 50-х гг. как идеальное время для родов[5] при хороших условиях, предоставляемых Коммунистической партией, для воспитания детей без отрыва от производственных работ.

Помимо возраставшей популяризации женских журналов в послевоенное время, сменились тон и тема лозунгов. Громкие военные слоганы в середине 50-х гг. сменились более близкими женщинам темами. В изданиях «Работница» и «Крестьянка» освещались не только кадровые, демографические и антивоенные вопросы, но и темы здоровья, родов и вынашивания детей, секреты рукоделия и ухода за собой, советы по воспитанию детей, которые каждая женщина воспринимала адресованными именно ей лично. Материалы о любви, дружбе, советы о налаживании климата в семье стали появляться еще в начале 50-х гг. – все это являлось частью общественного морально-нравственного воспитания аудитории, которые умело совмещались специалистами-педагогами, психологами и докторами с личными вопросами внутреннего духовного мира женщин. Формула счастья с начала 50-х гг. заключалась в активном участии в производственном труде и в освобождении от семейных забот. Пропагандировались труд и аккуратность, патриотизм и трудолюбие на производстве во благо разви-

[1] Наша родословная. История «Работницы» в цифрах и лицах // Работница .1989. № 3. С. 12.
[2] См. В.В. Смеюха. Женские журналы в СССР в 1945–1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация, 2012. С. 120–121.
[3] См. http://back-in-ussr.com/2013/09/zhurnal-zdorove.html.
[4] О растущем организме и труде // Здоровье. 1959. №3. С.4.
[5] Возраст материнства // Здоровье. 1959. №3. С. 24.

тия общества: «В нашей стране женщина не замыкается в кругу семейных забот, она, как правило, работает, чувствуя себя полноправным человеком»[1]. Свое активное участие в производстве находили даже пенсионерки, поскольку им «хочется приносить пользу Родине»[2] тем, что «могут помогать в работе общественных столовых, принимать участие в контроле за строительством жилых домов, … организовывать досуг ребят, пока их матери-работницы не придут домой».[3]

Помимо женского счастья – наличия работы, занятости женщин, полноправности, ощущения своей нужности советскому обществу – на страницах женских журналов нередко можно было увидеть портреты рожениц, переполненных горем из-за потери младенцев во время родов, прочитать о муках, которые «Вы мужчины никогда не поймете, что испытывает в больнице женщина, которую никто не ждет в приемной… В самые тяжкие часы родовых мук я испытывала муки еще более тяжкие, думая о будущем»[4].

Печатая советы по воспитанию молодого поколения, авторы статей выпусков «Работницы» подчеркивали, что «с кем бы малыш ни оставался, все равно мать и отец обязаны заниматься им… обязанность отца и матери – быть в курсе всех событий, жить интересами своего малыша»[5], тем самым следуя «бессмертным, драгоценным ленинским заветам»[6]. Обоим родителям рекомендовалось активно вовлекать своих детей в участие в домашних делах «чистить на обед картофель, мыть посуду», однако, «эти усилия не должны проходить незамеченными…оценка работы, высказанная благодарность, подчеркнуть, что выполненная работа имеет большое значение для семьи»[7] – эти действия показывались на примерах рассказов о быте различных советских семей и служили образцом воспитания ребенка в семье. Авторы статей «Работницы» каждый раз указывали читательницам на то, что их освобождению от «домашнего рабства» они обязаны Коммунистической партии, которая «дает им все больше возможностей участвовать в труде, в творчестве, поскольку построены тысячи яслей, детских садов, парков, детских санаториев… производится больше бытовых предметов, облегчающих домашний труд в семье»[8]. Помимо домашней утвари и обустроенных яслей, работающие матери могли проводить время со своими малышами «в специально оборудованных комнатах матери и ребенка; сюда приносят младенцев из дома, и матери-работницы здесь их кормят»[9].

Образ матери- и жены-работницы на страницах советских женских журналов изображался как образцовой гостеприимной жены, которая

[1] Все зависит от тебя самой // Работница. 1961. № 6. С. 28
[2] Мы остаемся в строю // Работница. 1957. № 1. С. 6
[3] Там же, С.6
[4] Ее счастливый день // Работница. 1955. № 5. С.8
[5] От трех до семи // Работница. 1955. № 5. С.20
[6] Бессмертный завет // Работница. 1955. № 1. – С.5
[7] Почему Толя не уважает профессию отца // Работница. 1955. № 2. С.25
[8] Почему Толя не уважает профессию отца // Работница. 1955. № 2. С.24
[9] Наши подруги // Работница. 1955. № 3. С.5

«лишь поздно вечером вернулась домой, грязная, усталая, до гостей ли тут!...скоро вышла из-за занавески, переодетая в сухое платье… хорошая жена! Любит меня! А ведь я ее не любил…»[1]. Советская жена-работница удивительным образом совмещала все свои многочисленные обязанности: зачистить до блеска пол, с заботой приготовить обед, постирать, отработать одну, а то и две смены, а поздно вечером «быть вызванной в райцентр для передачи своего профессионального опыта»[2].

Женщин-работниц в 50-е гг. XX в. трудно назвать полностью освобожденными от гнета. Получив гражданские права, профессию, право на свободный труд и зарплату за этот труд, советских работниц нельзя считать по-настоящему счастливыми. После выполнения производственных заданий, женщин ждал быт – накормить, одеть, постирать, развлечь, а немного позже, если «повезет», посетить общественно-партийные мероприятия, что изнуряло не меньше, чем труд в более ранние периоды истории. Однако серьезным положительным нововведением было то, что на законодательном уровне значительно возвышен статус женщины как полноправного гражданина советского общества, в том числе и семьи.

Т.Н. Трофимова
г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

Матери и дочери в советской науке: Вера Николаевна и Мария Дмитриевна Фаддеевы

Вера Николаевна Фаддеева (Замятина) родилась в Тамбове в 1906 г. Ее отец – Николай Иванович Замятин – фабрикант в Тамбове и Севастополе, совладелец фирмы «Братья Замятины». Мать – Мария Васильевна Сидорова, из мещан. Вера Николаевна была старшей дочерью Н.И. Замятина, вместе с ней еще росли брат и три младшие сестры: Николай, Ольга, Ирина и Мария. Была еще сводная сестра Людмила. Незадолго до первой мировой войны семья переехала в Крым, т.к. Мария Васильевна болела туберкулезом. Мария Васильевна умерла в 1914 г. Через некоторое время Николай Иванович снова женился на сестре милосердия Наталье Федоровне Козловой. В 1925 г. семья переехала обратно в Тамбов, а в конце 30-х гг. отец и мачеха Веры Николаевны переехали в Тосно, под Ленинград.

В связи с купеческим происхождением Вера Николаевна была «лишенка», у нее не было перспектив получить достойное образование. После окончания школы она уехала учиться в Воронеж, но через год была отчислена как купеческая дочь. С детства увлекаясь математикой и стремясь к знаниям, она уехала в Ленинград, где в 1927 г. ей удалось поступить на физико-математический факультет Ленинградского педагогического института. Качество преподавания математики в пединституте ей не понра-

[1] Жена // Работница. 1958. № 1. С.5.
[2] Там же. С. 10.

вилось, и в 1928 г. она перевелась в Ленинградский университет на математико-механический факультет. Вера Николаевна окончила ЛГУ в 1930 г. по специальности «математика». В этом же году она вышла замуж за математика Дмитрия Константиновича Фаддеева, будущего чл. корр. АН СССР. В семье родилось трое детей: дочь Мария Дмитриевна, 1931 г.р., химик, сын Людвиг Дмитриевич, 1934 г.р., математик и физик-теоретик, окончил физфак ЛГУ и стал академиком АН СССР и РАН, и сын Михаил Дмитриевич, 1937 г.р., математик, окончил физфак ЛГУ.

Свою трудовую деятельность Вера Николаевна начала в 1930 г. Сразу после окончания ЛГУ она работала в Главной палате мер и весов, с 1930 по 1933 г. – в Гидротехническом институте, с 1933 по 1934 г. – в Сейсмологическом институте АН СССР, с 1935 по 1938 гг. – в Институте сооружений (под руководством академика Б.Г. Галеркина). В 1938–1941гг. обучалась в аспирантуре Государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

Летом 1941 г. дети находились на родине Дмитрия Константиновича в городе Юхнове. Вера Николаевна сумела приехать из Ленинграда до прихода немцев и перевезла их в Ярославскую область в город Буй, куда уже был эвакуирован детский сад, а сама вернулась в Ленинград 8 сентября последним поездом перед замыканием блокады. 20 декабря 1941 г. ее с мужем Д.К. Фаддеевым эвакуировали самолетом в Казань, куда ранее был переведен Математический институт АН СССР. В мае 1942 г. Вера Николаевна нашла детей, которые в то время уже находились на Урале, и перевезла их в Казань. В Казани сотрудники Математического института работали на оборону страны: Дмитрий Константинович разрабатывал «катюши», а Веру Николаевну приняли в лабораторию №2, которой руководил Курчатов, она рассчитывала задачи, связанные с изготовлением атомной бомбы. В декабре1944 г. семья вернулась в Ленинград. С 1942 г. по 1983 г. – до конца жизни – Вера Николаевна была сотрудником Ленинградского отделения Математического института им. В.А. Стеклова (ЛОМИ), пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией приближенных вычислений. После того, как Курчатов рассекретил ее работу в Казани, в 1946 г. она защитила в ЛОМИ диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему: «Об одной проблеме математической физики».

Вера Николаевна была очень энергичной, работоспособной, делала все дела от науки и воспитания детей до быта. Семью Фаддевых называли «элитным поездом»: мама – «паровоз», дети – «международные вагоны». Вера Николаевна отдала детей учиться музыке в музыкальную школу. Во время войны они учились в Казани, а в Ленинграде – во Дворце пионеров по классу фортепиано. Людвиг и Мария посещали научные кружки во Дворце пионеров: он – физический, она – химический. Каждое воскресенье зимой мама вывозила детей кататься на лыжах в Зеленогорск на базу ЛГУ и в Комарово. Летом семья каталась на велосипедах. Мама с детства при-

учила детей к книгам. В семье была хорошая библиотека. Таким образом, детям была обеспечена интересная жизнь без материальных проблем: книги, спорт, занятия музыкой, любимым делом, налаженный быт.

Мария Дмитриевна в 1949 г. окончила школу с золотой медалью, в этом же году поступила на химический факультет ЛГУ. Разногласия с матерью начались из-за выбора профессии, так как Вера Николаевна считала, что занятия на химфаке повредят ее здоровью, и оказалась права, так как во время учебы Мария Дмитриевна, действительно много болела. Но Мария Дмитриевна решила по-своему и сделала достойную карьеру. В 1954 г. она окончила химфак и была распределена старшим лаборантом в Институт высокомолекулярных соединений (ИВС) АН СССР. Там она проработала четыре года и сдала кандидатские экзамены. Однако у нее и некоторых других сотрудников был конфликт с лабораторией, и все они были уволены. Марии Дмитриевне пошли навстречу и разрешили уволиться по собственному желанию. После ИВСа она около года проработала в Институте прикладной химии (ГИПХ). Затем она поступила без экзаменов в аспирантуру в Институт цитологии АН СССР в лабораторию биохимии клетки. В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию, а в 1991 г. – докторскую. Мария Дмитриевна проработала в Институте цитологии до 2007 г.

Вера Николаевна купила машину, но сама ее не водила, так как боялась. Дмитрий Константинович тоже не водил машину, а водили машину дети – Мария Дмитриевна и Людвиг Дмитриевич, а позднее Михаил Дмитриевич, который стал первоклассным водителем. Семья неоднократно совершала длинные поездки на машине, например, однажды они поехали в Киев наблюдать солнечное затмение. Вера Николаевна много ездила за границу, как правило, на конференции. Дмитрий Константинович был за границей только один раз на конференции в Германии, так как ездить за границу не любил. Родители много ездили вдвоем по Советскому Союзу, особенно они любили Крым и Кавказ. В отличие от мамы, Мария Дмитриевна никогда не была за границей. Во-первых, она считала для себя унизительным оформлять характеристику, во-вторых, по ее словам, у нее было много работы, которую она не могла оставить надолго.

Вера Николаевна читала Солженицына и другую запрещенную диссидентскую литературу, которую доставала через свою знакомую в Публичной библиотеке, читала также в самиздате. Однако дети об этом даже не знали. Однажды она дала Марии Дмитриевне почитать стихи Пастернака из «Доктора Живаго», даже не сказав, откуда они. Она хотела оградить детей от жизненных проблем.

Вера Николаевна сдала кандидатский минимум по французскому языку, но хорошо его не знала. Мария Дмитриевна очень способна к языкам, она сдала два кандидатских минимума – по немецкому и французскому языкам, а по английскому языку училась синхронному переводу на курсах АН СССР и много работала переводчиком на различных конгрессах в СССР.

Е.С. Турутина
г. Томск, НИ Томский государственный университет,
Кризисный центр для женщин МАУ ЦПСА «Семья»

Роль семьи в обеспечении безопасности детей: проблема формирования ответственного родительства

Безопасность детей начинается с семьи. Она предполагает активную роль родителей по созданию условий для психологического, физического, экономического, социального, духовного благополучия детей и устранению факторов, способных привести к угрозам и рискам для их жизни и здоровья. Обеспечение безопасности детей в семье зависит от набора ценностных ориентаций и совокупности компетенций, сформированных у родителей (психолого-педагогической, медицинской, социальной, гендерной, информационной, тьютерской, абилитационной и др.).

При этом важнейшим условием обеспечения безопасности детей в семье является ответственное, осознанное отношение родителей к своим функциям и обязанностям. Гарантией безопасности выступает привязанность, которая при нормальном развитии детско-родительских отношений активно формируется с рождения ребенка и в течение всего дошкольного возраста. Согласно основоположнику этой теории, Дж. Боулби, для эмоционального и социального развития ребенка ему необходим контакт хотя бы с одним взрослым (родителем, опекуном, воспитателем), который должен быть физически доступным, эмоционально открытым, заботливым и отзывчивым на потребности ребенка. Подобные отношения и создают территорию безопасности и доверия. Однако все эти признаки отсутствуют в ситуации домашнего насилия и такой семейной системе, где наказание ребенка воспринимается как норма воспитания.

Наказание детей, особенно телесное, широко используемое родителями в воспитательных целях, таит в себе скрытую опасность, поскольку может перерасти в жестокое обращение, т.к. родители зачастую не владеют методами самоконтроля, саморегуляции, самоуспокоения; к тому же телесное наказание смешивает понятие самой любви с насильственным способом обучения, который с детства усваивают наши дети.[1] В этой связи мы делаем вывод о том, что применение практик наказания и насилия в отношении детей является показателем «неосознанного» родительства, низкого уровня психологической зрелости родителей и отсутствия у них педагогических компетенций.

Проблемы насилия в семье и жесткого обращения с детьми чрезвычайно актуальны для современного российского общества. Так, в России около 2 млн. несовершеннолетних в возрасте до 14 лет избиваются родителями; более 50 тыс. детей ежегодно убегают из дома, спасаясь от жесткого

[1] Кволс К. Радость воспитания. Как воспитывать детей без наказания. С. 71. [Электронный ресурс]: http://centercomfort.by (Дата доступа 28.03.2016).

обращения; около 2 тыс. ежегодно заканчивают жизнь самоубийством.[1] По данным статистики, изложенной в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Томской области, в нашем регионе в 2015 г. число преступлений против детей, совершенных родственниками, выросло в десять раз! [2]

Эти цифры – только верхушка айсберга. Повседневное зло, совершаемое родителями против детей, невидимо. По прогнозам экспертов, эти тенденции будут прогрессировать. Причины этого – нестабильность социально-экономической ситуации в стране, порождающая бедность, особенно в неблагополучных и неполных семьях, и приводящая к низкому уровню качества жизни; кризис нравственности, как следствие его – духовная пустота личности; всеобщее равнодушие и социальная отчужденность; и конечно же низкий уровень родительской осознанности и компетентности в вопросах воспитания детей.

В российском законодательстве отсутствует понятие «насилие в отношении ребенка», равно как и то, что до сих пор нет правового определения понятию «домашнее насилие». В отношении детей закреплено понятие «жестокое обращение». Ответственность за такое деяние в современном законодательстве предусмотрена ст. 156 УК РФ и ст. 5.35 КоАП РФ. Также жестокое обращение с ребенком может послужить основанием для привлечения родителей (лиц, их заменяющих) к ответственности в соответствии с семейным законодательством.

Под жестоким обращением в отношении детей понимаются действия (или бездействие) родителей, воспитателей и других лиц, наносящее ущерб физическому или психическому здоровью ребенка; «умышленное или неосторожное обращение со стороны взрослых и/или других детей, которые привели к травмам, нарушению в развитии, смерти ребенка либо угрожают правам и благополучию ребенка».[3]

Наказание детей, понимаемое нами как форма домашнего насилия и имеющее тенденцию перерасти в жестокое обращение, может выступать, с одной стороны, фактором нарушения привязанности, с другой стороны - как следствие ее слабого присутствия в детско-родительских отношениях или отсутствия вовсе. Нарушение привязанности проявляется в потере базового чувства, которое должно обеспечиваться родителями – это безопасность. Насилие, как и наказание детей, несет не только опасность для психического и физического здоровья детей, но и угрозу для жизни ребенка.

Практики насилия и наказания встречаются в разных семьях: с высоким и низким достатком, с наличием образования у родителей и не имеющих его, в благополучных и неблагополучных, последние бывают с явной

[1] Насилие в семье: координация межведомственных усилий в сфере профилактики, кризисной интервенции и реабилитации пострадавших/ под ред. В.В. Печенкина, О.В. Шляпниковой, Ю.А. Пановой. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2011. 226 с. С. 15-16.

[2] В Томской области в 10 раз чаще стали бить и мучить детей. [Электронный ресурс]: http://www.tomsk.ru/news/view/112725.

[3] Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008. С. 12.

(открытой) формой неблагополучия и со скрытой формой неблагополучия (внутренне неблагополучные). Отличительной чертой всех неблагополучных семей является жестокое обращение родителей со своими детьми.

С одной стороны, современное общество и государство в России, как никогда ранее в истории, благосклонно к институту детей: формируется система защиты детства и поддержки материнства и многодетных семей. Дети воспринимаются как реальная ценность. По данным социально-гигиенического мониторинга, «дети» и «семья» входят в тройку лидеров среди жизненных ценностей (64,9% и 64,7% соответственно), уступая место лишь ценности здоровья (пятерку жизненных ценностей завершают «деньги» и «работа»).[1] В классификации семей прочно утвердился термин «детоцентристская семья», где дети – на первом месте, где смысл и существование семьи подчиняется детям, их рождению, воспитанию и образованию, этим объясняются нередкие случаи разводов супругов именно после взросления детей, поскольку в подобных семьях ценности супружества имеют второстепенное значение.

При этом мы наблюдаем оборотную сторону: 1. преступления против детей растут с каждым годом; 2. большинство родителей все еще далеки от той мысли, что дети – равноценны и равнозначны взрослым; среди последних преобладает представление, что маленькие – это «недочеловеки». Поэтому мы считаем, что кульминацией развития детоцентристкой семьи в современном обществе должно стать глубокое понимание и осознание «детскости», его роли и значении как в развитии культуры в целом, так и в судьбе отдельной личности, в целом формирование нового отношения к Ребенку.

Сегодня не все родители готовы выразить согласие со словами Симоны де Бовуар, высказавшей их более 50 лет назад, о том, что, «каждый ребенок рождается божеством, а потом опускается до человека». Действительно, дети совершеннее взрослых по многим нравственным качествам – добрее, чище, светлее, искреннее. Но проблема, по мнению многих современных философов и психологов, в том, что «внутренний ребенок» подавлен в нас, а, значит, истинно прекрасное и доброе в человеке еще не получило своего полного развития. В этом плане мне очень созвучны идеи Клаудио Наранхо (чилийского психолога, международного авторитета в области гештальт-психологии, пионера трансперсональной психологии, интегрирующего психотерапию и духовные практики, знатока философии и поклонника творчества Георгия Ивановича Гурджиева и Альберта Тотилы), утверждавшего, что внутри каждого здорового человека должна быть «внутренняя семья», члены которой живут в гармонии и взаимной связи как равнозначные друг другу начала. Речь идет о «внутреннем отце», «внутренней матери» и «внутреннем ребенке». По мнению этого психолога и мыслителя, наша эмоциональная жизнь должна представлять собой «триединство наших внутренних лично-

[1] Максимова Т.М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М. 2002. С. 13.

стей». На деле в условиях патриархатных ценностей происходит разлад между ними, потому что скипетр власти в партиархатной системе принадлежит рассудку, интеллекту. Суть патриархатного мышления в том, что гегемония рассудка над любовью и здоровыми инстинктами нарушает равновесие трех начал личности и приводит к различным граням всеобщего невроза: так как «внутренние мать и ребенок отступают перед абсолютным отцом, даже когда бессознательно восстают против него и сопротивляются ему, что в большей или меньшей степени приводят к дисфункции»[1]. Результатом тирании отцовского начала в психическом плане жизни человека является идеализация интеллекта (сферы должного) за счет подавления чувств и эмпатического материнского начала и приводит к обесцениванию священного и невинного эроса (инстинкта)[2].

Таким образом, наказание и насилие в отношении детей – следствие патриархатной культуры современного общества, ее ценности и нормы сдерживают формирование нового отношения к детству, равно как и старости, воспринимающиеся с оттенком неполноценности. Поэтому, если речь идет о ценности детей как смыслообразующем начале семейной жизни, кульминацией этой стадии развития семьи должно стать *новое отношение к Ребенку*, предполагающее новое отношение, как к конкретным детям, так и своей детской части внутренней личности.

В последнее время в России обозначился запрос на формирование ответственного, осознанного родительства. На эту тему пишут гранты и книги, защищают диссертации, читают лекции, проводят тренинги для родителей. При этом важно понимать, что ответственность – это морально-психологический продукт, порожденный соединением разума и эмоций. Строгая рациональность, свободная от чувственности, не способна сформировать зрелую ответственность и осознанность. Родительская любовь не может зиждиться только на отвлеченных моральных правилах, она предполагает глубинное и вселенское «вчувствование» в мир маленького человека, своего ребенка. При этом материнская любовь в идеале должна включать элементы традиционной отцовской любви, более свободной от созависимых форм отношений, а любовь отцов должна быть обогащена проявлениями материнской любви, безусловного принятия своего ребенка, полной заботы и эмоционально-психологической поддержки. Все это не возможно без получения родителями знаний и навыков, направленных на гармонизацию детско-родительских отношений и формирования родительских компетенций. Преследование именно таких целей было положено нами в реализацию Проекта «Академия осознанного родительства», получившего финансирование от Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Данный проект мы осуществляем в течение 2015–2016 гг. на территории Города Томска, в рамках которого происходит апробация технологии выявления се-

[1] Наранхо К. Исцелить цивилизацию. М.: Независимая фирма «Класс», 2014. С.91.
[2] Там же. С.90.

мей на ранних стадиях проявления дисфункциональности, которую порождают не только случаи насилия в семье, переживания трудной жизненной ситуации, но и практики наказания детей.

По итогам проекта:

- 11 семей выявлено с домашним насилием;
- более 700 родителей охвачено собраниями из 30 дошкольных учреждений;
- более 80 человек прошли углубленный тренинг «Осознанный родитель»;
- более 50 детей этих же родителей приняли участие в психологических занятиях;
- создана родительская группа самопомощи; в том числе «ВКонтакте» (vk.com/club94496221).
- 12 томских психологов познакомились с методикой консультирования мужчин-авторов насилия;
- по итогам этого обучения 5 отцов приняли участие в программе консультирования субъектов насилия и получили возможность осознать и изменить свое поведение в отношении близких людей.

И пусть мы не стремились к выдающимся количественным показателям в рамках реализации этого проекта, главная его цель все же была достигнута – это предупреждение насилия в семье и жестокого обращения с детьми. В целом проект был направлен на то, чтобы научить родителей поновому любить своих детей, что всегда есть альтернатива насилию и наказанию детей в семье и настоящие, искренние чувства к ребенку можно выразить гуманным способом.

Н.П. Хозяева

г. Минск (Беларусь), ОО «Сотрудничество деловых и творческих женщин»

Медийные гендерные инициативы в проблемном поле родительства

В докладе поднимается проблема повышения качества жизни в самый ответственный и значимый период жизни женщины – во время беременности. Потенциал современных информационных технологий позволяет перевести подготовку этого сложного периода в цифровой формат, предоставив молодым родителям инновационный и интересный медийный продукт, построенный на использовании восточных дыхательных практик.

Одной из самых важных ценностей современного общества является стремление к достижению гендерного равенства, когда и мужчины и женщины имеют равные права и возможности для реализации своего жизненного выбора. Это свидетельствует о нарастании интереса к гендерной проблематике в самых разнообразных сферах нашей жизни. Это особенно важно, поскольку гендерное неравенство негативно сказывается не только на росте экономике, так и на благополучии отдельно взятых людей в тех сферах, где

сохраняется дискриминация по признаку пола. В частности, низкий уровень образования женщин, неравный доступ к информационным технологиям, ведёт к повышению младенченской и детской смертности. Проблема родительства, на наш взгляд, также имеет гендерные аспекты, поскольку позволяет акцентировать внимание на участии в прохождении женщиной беременности, рождении и воспитании детей обоих родителей.

Белорусское информационное пространство пока не богато на примеры проектов в сфере родительства, репродуктивных прав и защиты материнства. Однако всё же необходимо отметить онлайн-проект «Академия материнства» авторов Н. Навроцкой и И. Шабалиной. В основе концепции проекта находится система обучения и поддержки современных мам, включающей обучающие курсы, вебинары, воркшопы, мастер-классы. Вопросами адаптации и социализации будущих молодых мам занимается социальный центр «Счастливый малыш» в г. Минске. Данный центр под руководством И. Шмак предоставляет широкий спектр возможностей для семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Целевой аудиторией являются несовершеннолетние и молодые (до 35 лет) мамы, многодетные семьи, дети до трёх лет, беременные женщины, которые не уверены в том, что способны будут справиться с воспитанием своего будущего ребёнка. На базе центра проводятся занятия для молодых родителей, развивающие занятия для детей разных возрастов, консультации логопеда-дефектолога и других специалистов. Также проводятся семинары и тренинги по преодолению семейных конфликтов, формированию конструктивных детско-родительских отношений, консультации по планированию семейного бюджета. Полезны и значимы проекты общественного объединения «Здоровый выбор», целевой аудиторией которых являются молодые одинокие и несовершеннолетние мамы. На семинарах этой организации своим успешным опытом создания семейных домов делятся эксперты из Швеции. Большое значение в своей работе с молодыми семьями эксперты уделяют сочетанию в образовательных программах вопросов медицинского патронажа беременных женщин, психологического консультирования одиноких и молодых мам, поднятия статуса ответственного родительства как со стороны женщин, так и со стороны мужчин.

В современном информационно-коммуникативном обществе возникает потребность артикулировать моменты, связанные с участием мужчин-разработчиков медийных продуктов для женщин. В докладе хотелось бы привести пример разработки медийного визуального продукта, проблематика которого относится к чисто женской сфере – заботе о качестве жизни беременной женщины и её будущего малыша.

Речь идёт о мультимедийной разработке двух полноценных комплексов: «Тайцзи для будущих мам» и «Цигун для будущих мам» с комментариями профессиональных врачей, инструкциями и музыкальным сопровождением. Авторами комплексов являются А. Апанасик и Ю. Стомова, неоднократные победители национальных и международных соревнований

по техникам восточных единоборств, которые могут быть адаптированы как оздоровительные техники дыхательной гимнастики. Полное вхождение в тему ответственного родительства и проверка на практике (Ю. Стомова – в качестве демонстрационной модели) оздоровительного эффекта разработанных методик восточной дыхательной гимнастики позволили А. Апанасику создать качественный медийный проект – видеофильм «Тайцзи и цигун для будущих мам». Музыкальное сопровождение и англоязычный доступ к комплексу позволяют использовать данный продукт не только в медицинской практике, но и в образовательных проектах для будущих родителей не только у нас в стране, но и за рубежом.

По мнению А. Апанасика, практика «Тайцзи и цигун для будущих мам» помогает избежать или свести к минимуму характерные для беременности депрессию, излишнее увеличение веса, отечность рук и ног, болей в спине, повышение давления и другие отклонения. Более того, сам процесс родов у мам, которые занимались во время беременности, проходит гораздо легче. Главный принцип, которым надо руководствоваться на занятиях беременной женщине – здравый смысл и учет тех изменений, которые протекают в организме. Женщины, которые практиковали комплекс, говорят о том, что они стали сильнее, энергичнее, менее подвержены стрессу в связи с изменениями в жизни во время беременности и после родов. В связи с тем, что растущий ребенок чувствует эмоциональное состояние мамы, покой и расслабление, которое вызывает практика комплекса, идеально помогает маме и малышу сформировать полноценную связь еще до рождения. Тем более что беременность и роды протекают легче, когда мама расслаблена и находится в хорошем настроении.

В заключение, необходимо отметить, что столь глубокое проникновение в «женскую тему» А. Апанасика являет собой пример разрушения стереотипа об обязательной мужественности мужчины, традиционный формат которой не приветствует внимания к «женским» мелочам и участия в период беременности женщины, если только это не связано с выполнением профессиональных обязанностей (врачи, например).

М.В. Хорольская
г. Москва, ИМЭМО РАН

«Чтобы женщина могла совмещать свои задачи гражданки и трудящейся со своим долгом жены и матери»: отношение общества и государства к проблеме соотношения материнства и женской занятости в ФРГ, ГДР и объединенной Германии

Отношение общества и государства к проблеме женской занятости и материнству изменялись с течением времени. Однако даже в течение одного периода и в рамках одного народа «женский вопрос» решался поразному в странах с различной экономической и политической системой.

Представляется интересным посмотреть, как рассматривалась проблема соотношения материнства и занятости в двух частях разделенной Германии и сохранились ли отличия между ментальностью восточных и западных немцев после объединения.

Политика в «женском вопросе» Федеральной Республики Германия находилась под влиянием католической «социальной доктрины» с преобладанием консервативных тенденций. Несмотря на то, что в Основном законе 1949 г. говорилось, что мужчина и женщина равны[1] (ст. 3 п. 2), данное положение не подкреплялось практическими мерами. Закон о равноправии мужа и жены был принят только в 1957 г. Семейная политика была направлена на закрепление традиционной роли женщины и модели мужчины кормильца/женщины домохозяйки[2]. Первый министр по делам семьи Франц Вюрмелинг в 50–60 гг., утверждал, что ничто не может заменить детям материнскую заботу, в связи с чем выступал, как резкий противник женской занятости, создания детских садов и яслей.

К концу 60-х гг. под влиянием феминистического движения, спроса на рабочую силу, возможности контролировать рождаемость традиционная роль женщины-домохозяйки постепенно сменялась ролью женщины, которая отдает свое время работе в той мере, в какой это позволяет ее основная роль матери. Новый министр по делам семьи Бруно Хек также выступал за сохранение традиционной семьи, но также высказался за сочетание трех фаз в жизни женщины – работа до рождения ребенка, семейный период, возвращение к работе[3].

В 1970-е гг. в ФРГ были проведены значительные реформы семьи и брака. Была закреплено право обоих партнеров на занятость. В 1979 г. был введен оплачиваемый декретный отпуск продолжительностью 4 месяца[4] (в 1980-х гг. детские пособия стали выплачиваться вне зависимости от занятости, а срок отпуска по уходу за ребенком возрос до 3 лет). Однако отсутствие в Западной Германии достаточного количества воспитательных институтов для детей дошкольного возраста затрудняло женщинам возможность совмещать материнство и работу. Также в 70-х гг. усилилась критика §218 УК ФРГ, устанавливающего уголовное наказание за аборт[5] (в ГДР аборт был легализирован в 1972 г.). В 1976 г. было принято компромиссное решение – не подлежащим уголовному наказанию объявлялись аборты, сделанные в первые 3 месяца беременности по серьезным причинам[6].

---

[1] Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 [Электронный ресурс] г.ttp://www.1000dokumente.de/index.html/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения 12. 05. 2016)

[2] Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии. СОЦИС. - 2003. - №10. С. 80.

[3] Informationen zur politischen Bildung. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. 1997. №254. S. 16.

[4] Ibid. S. 19.

[5] Однако некоторые гражданки ФРГ делали аборты в соседней Голландии. Поздние аборты разрешены в ФРГ только в исключительных случаях. [Электронный ресурс] http://www.dw.com/ru/поздние-аборты-разрешены-в-фрг-только-в-исключительных-случаях/a-4248531 (дата обращения 1.04.16)

[6] Informationen zur politischen Bildung. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. 1997. №254. S. 28.

Политика ГДР в «женском вопросе» была обусловлена как идеологическими, так и экономическими причинами – коммунистической идеей освобождения женщин и нехваткой рабочей силы. В Конституции ГДР 1949 г. говорилось, что «мужчина и женщина равны» (ст. 7 п.1.), а также закреплялось равенство мужчины и женщины в семье (ст. 30 п. 2). Отдельный пункт был посвящен проблеме женской занятости: «Женщины получают особую поддержку в трудовых отношениях. Постановлением республики будут созданы учреждения, которые обеспечат, чтобы женщина могла совмещать свои задачи гражданки и трудящейся со своим долгом жены и матери» (ст. 18. п. 5.)[1]. В Конституции ГДР 1968 г. в ст. 20 п. 2 подтверждалось, что «мужчина и женщина равноправны» и «поддержка женщин, особенно в сфере занятости является общественной и политической задачей»[2].

Таким образом, закон ГДР не только утверждал равенство полов, но предписывал государству и обществу помогать женщинам для реального достижения этого права. Однако, одновременно, данные положения затрудняли достижения равенства, так как закрепляли за женщиной традиционные обязанности жены и матери, как дополнение к занятости. При этом в ГДР создавался образ «новой женщины», но не формировался образ «нового мужчины»[3], способного разделить обязанности в быту. Хотя согласно исследованию Мейера и Шульца степень вовлеченности восточногерманских мужчин в домашнее хозяйство была выше, чем у западногерманских[4].

В 70-х гг. вследствие снижения рождаемости и увеличения неполной занятости женщин руководством СЕПГ были проведены дополнительные меры в поддержку матерей – продолжались строиться детские сады и ясли, для матерей двух детей был введен дополнительный выходной, оплачивался больничный по уходу за детьми и годовой декретный отпуск[5].

Как следствие, в ГДР была достигнута практически полная женская занятость. Восточные немки имели больше возможностей для карьерного роста, меньшую разницу в заработной плате с мужчинами, чем западные.

Однако, по мнению исследователей, Траппе и Розенфельда, в положении гражданок ФРГ и ГДР было больше сходств, чем отличий – более низкий уровень дохода относительно мужчин, отсутствие женщин на высших уровнях управления, гендерная сегрегация профессий, закрепление роли жены и матери[6]. К тому же проведенная СЕПГ «эмансипация сверху» способствовало тому, что в восточногерманском обществе не сформировалось

---

[1] Die Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik [vom 7. Oktober 1949] [Электронный ресурс] http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1949.html (дата обращения 12.05.16)

[2] Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968 [Электронный ресурс] http://www.documentarchiv.de/ddr/verfddr1968.html#II (дата обращения 12.05.16)

[3] Geißler R. Die Sozialstruktur Deutschlands. Die gesellschaftliche Entwicklung vor und nach der Vereinigung. 3., grundlegend überarbeitete Auflage Wiesbaden: Westdeutscher Verlag 2002. S. 385.

[4] Meyer S., Schulze E. Die Auswirkungen der Wende auf Frauen und Familien in den neuen Bundesländern // Gensior S. Vergesellschaftung und Frauenerwerbsarbeit. Ost-West-Vergleiche. Berlin: Sigma, 1995. S. 255.

[5] Informationen zur politischen Bildung. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. 1997. №254. S.17-18.

[6] Trappe H., Rosenfeld R. A. (2001). Geschlechtsspezifische Segregation in der DDR und in der BRD. Im Verlauf der Zeit und im Lebensverlauf // Bettina Heintz B. Geschlechtersoziologie. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft. 2001. №41. S. 155.

женское движение, способное «снизу» отстаивать свои права. Соответственно, двойная нагрузка женщин практически не рефлексировалась, не были внесены в общественный дискурс такие разработанные на западе темы, как женская культура, особенность языка, борьба с насилием[1] и т.п.

После объединения Германии в 1990 г. на восточные земли было распространено западногерманское право, в том числе и в вопросе прерывания беременности. Декретный отпуск стал доступен обоим родителям на срок до достижения ребенком 3 лет. Также 2007 г. была проведена реформа детских пособий, по которой родитель, ушедший в декретный отпуск, стал получать 67% своего дохода[2], что увеличило число отцов, подавших заявку на получение детского пособия с 20,8% в 2008г., до 29,3% в 2014 г[3].

Однако, несмотря на то, западногерманские семейная политика и культурные идеи распространились на всю Германию, в восточных землях продолжали сохраняться различия в вопросах соотношение женской занятости и материнства. Согласно статистическим данным, в 1990-е гг. 85% женщин из восточных земель хотели работать полный рабочий день, 60% считали, что труд и профессия – очень важные для них сферы, в то время как в западных землях так считали 35%. Лишь 12% восточных немок критически относились к детским садам и яслям, в то время как на Западе так полагали 47%[4].

В связи с этим разнятся и стратегии материнства в новых и старых федеральных землях. Уровень рождаемости на востоке и западе страны близок (в бывшей ГДР несколько ниже), однако в восточной Германии больше семей, имеющих хотя бы одного ребенка, в то время как в западной – больше семей с двумя детьми и не имеющих детей совсем[5]. Однако выровнялся средний возраст рождения первого ребенка. В 2013 г. восточные немки заводили первого ребенка в 28,1 года, а западные – 29,5 (в то время в 1989 г. эти данные составляли 22,6 и 26,8)[6]. В восточных землях выше процент родителей, не состоящих в браке[7], и родителей, воспитывающих ребенка в одиночку[8], что, возможно, объясняется политикой поддержки матерей-одиночек в ГДР. Также в восточных землях сохраняется больший процент детей рожденных вне брака[9], что также связано с историй Восточной Германии, где внебрачные дети всегда признавались.

---

[1] Rommelspacher B. Ost-West Frauenbilder. Zur Konfliktlage von Frauen im vereinigten Deutschland. [Электронный ресурс] http://www.birgit-rommelspacher.de/neu/ost_west_frauenbilder.pdf (дата обращения 8. 05. 2016)

[2] Иудин А.А., Шпилёв Д.А. Германия: гендерная политика как основа гендерной культуры // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С. 84

[3] При этом статистические данные не показывают корреляцию изменения в семейной модели мужчины и принадлежностью к восточным или западным землям. Наибольший процент отцов, взявших отпуск по уходу за ребенком отмечено в Саксонии (бывшая ГДР) и Баварии (бывшая ФРГ). 25 Jahre Deutsche Einheit. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2015. S. 91.

[4] Там же. С. 84-85.

[5] Goldstein J. R. , Kreyenfeld M. Has East Germany overtaken West Germany? Recent trends in order-specific fertility // Population and development review. 37(3). S. 465.

[6] 25 Jahre Deutsche Einheit. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2015. S. 18.

[7] Почти половина в восточных землях и ¼ в западных при общей тенденции к увеличению.

[8] Ibid. S. 30.

[9] Ibid. S. 19.

Число детей в возрасте до 3 лет, посещающих детский сад, возросло во всей Германии (с 17,6% в 2008 г. до 32,3% в 2014 г.), при этом в восточных землях эта доля значительно выше, чем в западных[1].

Уровень занятости на полный рабочий день женщин после объединении в НФЗ значительно превышал показатель в землях бывшей ФРГ (около 73% и 52%), однако к 2013 г. эти показатели сближаются (76% и 72%)[2]. На востоке страны также выше доля женщин, имеющих более высокий доход, чем их партнеры – 22% (в старых федеральных землях их доля 12%)[3].

Таким образом, мы видим, что в ГДР и ФРГ сложились разные семейные модели. Восточногерманская декларировала равенство мужчины и женщины, которое понималось, как равная обязательная занятость. Политика ФРГ тяготела к консервативно понимаемой роли женщины. В обеих частях разделенной Германии традиционные обязанности женщины не ставились под вопрос. Но если в ГДР государство обеспечило женщинам совмещение роли матери/жены с работой, то в Западной Германии женским движениям приходилось добиваться возможности работать, что позволило им поставить и неравное распределение бытовых обязанностей под вопрос.

Сохранение различий в отношениях к женской занятости, материнству, воспитанию детей в новых и старых федеральных землях показывают, что гендерный уклад зависит не только от экономического и правового строя государства, но и от традиций, культуры[4]. Однако, как мы видим, по ряду показателей происходит сближение западногерманских и восточногерманских практик.

Л.Л. Шпаковская
г. Санкт-Петербург, НИУ Высшая школа экономики

Что значит быть «хорошей матерью»: культурные конструкты материнства в нарративах российских матерей, представительниц городского образованного среднего класса

Несмотря на то, что материнство является одним из базовых компонентов повседневного опыта многих современных женщин, оно редко становится предметом социологического анализа. Вместе с тем, проблематика исследования материнства как особого дискурсивного конструкта является чрез-

[1] в Бранденбурге, Саксонии-Ангхальт и детский сад посещало почти 60% детей до 3 лет, а в Рейнланд-Пфальц и Шлезвиг-Голштейне немногим более 30%, в Баден-Вюртенберге, Баварии, Сааре – около 26%, меньше всего в земле Северный Рейн-Вестфалия – около 24%. 25 Jahre Deutsche Einheit. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2015. S. 90.

[2] 25 Jahre Deutsche Einheit. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2015. S. 60–61.

[3] Internationaler Frauentag: Bei 14 % der Paare hat die Frau das höhere Einkommen [Электронный ресурс] https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/ImFokus/Bevoelkerung/EinkommenPaare.html (дата обращения 10.05.2016)

[4] Хотя гендерный уклад в ГДР также складывался «сверху», но, можно предположить, что 1945 год, был «нулевым годом» и для ряда социальных отношений, позволив стремиться к формированию принципиально нового общества. В противоположность этому восточные немцы стремятся к сохранению своей индивидуальности. Пфау-Эффенгер также высказывает предположение, что стремление к полной занятости женщин в восточных землях связанно с их исторческой аграрной специализацией, предполагавшей женскую занятость.

вычайно продуктивной для понимания специфики воспроизводства не только гендерного порядка современных обществ, но социального порядка, как такового, и требует более детального внимания.

Применительно к российскому контексту исследователи говорят о распространении модели ответственного или неимперативного родительства (Чернова, 2008; Майофис, Кукулин, 2010; Исупова, Кон, 2009) как результате реконфигурации обязанностей между государством и семьей в осуществлении заботы о детях, отказа от «прямой» интервенции государства в приватную и семейную жизнь граждан, когда воспитание детей становится главным образом ответственностью граждан (Ассонова 2010, Свешникова 2010). Такое родительство имеет неэссенционалисткий смысл, понимается как результат выбора типа и стиля воспитания, подразумевает активную гражданскую позицию, стремление объединяться и отстаивать свои интересы и права (Чернова, 2013; Шпаковская, 2013). Формирование данного типа родительства и материнства становится возможным в результате того, что государственные институты (образования и здравоохранения) утратили монополию на производство и трансляцию знания о содержании и идеологии родительских ролей, практик воспитания и заботы о детях. В переопределении материнства активную роль начали играть медиа (научно-популярная литература для родителей, специализированные глянцевые журналы, реклама, интернет и др.), рынок товаров и услуг для детей, включающий негосударственный сегмент медицинских и образовательных сервисов, связанных с планированием семьи, родами и ранним развитием ребенка. Множество конкурирующих между собой акторов вместе с предлагаемыми товарами и услугами воспроизводят идеологии и практики материнства, осуществляя управление и контроль родительского поведения (Чернова, Шпаковская 2011).

Материнство оказывается на пересечении множества конкурирующих дискурсов, которые борются за определение того, что составляет «интересы ребенка», «правильные» родительские практики и «хорошую заботу».

Мать становится особенно значимой дискурсивной фигурой, поскольку она воспринимается экспертным знанием и политическим дискурсом (как либеральными, так и консервативным), как основной агент, ответственный за воспитание ребенка и поддержание семейных отношений. Женщины видятся ответственными за эмоциональный климат в семье, за ведение домашнего хозяйства. Именно женщин обвиняют в неспособности сохранять семейные отношения, идти на уступки, нежелании полностью посвятить себя семье по причине карьеры или стремлении разрушить традиционные семейные ценности и отношения. Нормативная полная гетеросексуальная семья полагается в качестве основы социального порядка и социальной стабильности. В свою очередь, правильное воспитание и хорошая забота о ребенке рассматриваются, как условие формирования социально компетентного индивида и гражданина. Таким образом, женщине приписывается ответственность за производство «хорошего общества», «хорошего гражданина» и социального порядка в широком смысле (Lowler, 2000: 38–39).

В этом качестве мать постоянно находится под наблюдением ученых, экспертов и политиков. От матери ожидается, что она будет компетентной, будет располагать необходимыми знаниями о «правильной» заботе и воспитании, следовать советам экспертов. На основании имеющихся у матери знаний и получаемых ею экспертных предписаний, она будет осуществлять постоянное наблюдение и контроль поведения ребенка, а также менеджмент семейных отношений. Материнство дискурсивно нормализуется, и одновременно выступает мощным инструментом субъективации для женщин (Нартова, 2012: 301). Нормальность производится через эксплицитные оценки состояния здоровья, благосостояния, уровня знания и способов поведения матери со стороны экспертов и представителей государственных служб. Однако процессы производства нормальности часто оказываются скрытыми, замаскированными риторикой личного выбора и личным стремлением матери дать ребенку «все самое лучшее».

В докладе представлены результаты эмпирического исследования, включающего 50 глубинных интервью с матерями, представительницами среднего класса, проживающими в Санкт-Петербурге. При анализе интервью основное внимание было уделено тому, как женщины используют различные формы знания о материнстве для описания своего специфического материнского опыта, оценки его в качестве нормального или патологичного. В тоже время материнство рассматривается как классово дифференцированная практика.

Н.К. Эйнгорн
г. Екатеринбург, Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

Родительство: морально-нравственное здоровье и патология

Здоровье и патология родительства детей зависят от морально-нравственного здоровья или патологии семьи. Современное состояние общества, семейно-брачных отношений вынуждает обращаться не к анализу, а к диагнозу здоровья-нездоровья семьи и родительства. Больная семья и больное родительство являют собой не просто неразвитось, несовершенство, а причиняют боль и страдания ее членам. Пронзительно писал о нравственно больных семьях И.А. Ильин в работе «Путь духовного обновления»[1].

Жизнь в несчастных и разлагающихся семьях есть сплошное мучительство, лицемерие и надрыв. Семья, «растрачивающая свои силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и «семейных сцен», есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений неврастенической вялости и жизненного «неудачничества»[2]. И происходит это потому, что «…семья есть как бы живая «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных… с тем отличием, однако, что в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают,

[1] Ильин И.А. – «Путь духовного обновления». Глава V «О семье». М., Русская книга, 1996. С. 210.
[2] Там же, с. 88

что делают, и действуют, как придется. Ибо семейная «лаборатория» возникает от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиции и нужды; здесь люди не задаются никакой определенной творческой целью, а просто живут, удовлетворяют свои собственные потребности…»[1]

«Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека – быть отцом и матерью – делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы, не задумываясь, наложить на себя это призвание… «А чтоб детей иметь – кому ума недоставало!?» *(Грибоедов»).*[2]

Бывают эпохи, кода эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению: «Это как раз те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма**.** В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая «пропасть», которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают «понимать» своих детей, а дети начинают жаловаться на «абсолютную отчужденность», водворившуюся в семью; и, не понимая, откуда это берется, и, забывая свои собственные детские жалобы, выросшие дети завязывают новые семейные ячейки, в которых «непонимание» и «отчуждение» обнаруживаются с новою и большею силою».[3]

Это явление объясняется совсем иначе, а именно – «заболеванием и оскудением человеческой духовности и в особенности духовной традиции. Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком духовного кризиса. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство – а именно чувства взаимной духовной сопринадлежности».[4]

Духовные, нравственные способности ребенка развиваются в здоровой и счастливой семье, где отсутствуют зависть, ревность, вражда, ненависть, болезненное раздражение и болезненное отвращение друг к другу, отсутствует чувство стыда за убогость и низость отношений в семье.

Нравственно здоровая семья не просто уберегает ребенка и родителей от отмеченных выше негативных переживаний и душевных страданий. Семья есть для ребенка первое родное место на земле, первое «мы», «лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытым священные врата совести. Она есть для

[1] Там же, с. 87
[2] Там же, с. 87
[3] Ильин И.А. «Путь духовного обновления». Глава V «О семье», с. 87-88.
[4] Там же, с. 88.

него школа взаимного доверия и совместного, организованного действования. Не ясно ли, что *истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?»*[1]

Нравственно здоровая семья учит верному восприятию авторитета, есть первая, естественная школа свободы, настоящее воплощение взаимопомощи и так называемой «социальности». Особенностью здоровой и счастливой семьи – является спокойная, достойная дисциплина, особое искусство правдивости и искренности, взаимное чувство личной незаменимости. Из духа семьи и рода, из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности.

Нравственно здоровая семья есть первооснова Родины: «Уберечь от болезни и гибели духовно-нравственную здоровую семью – это значит спасти Родину, спасти ее и наше будущее – спасти детей. Нравственное здоровье семьи и родителей – это способность противостоять деструктивным, патологичным тенденциям социальной и индивидуальной жизни. Это способность сохранить и развить Человеческое в Человеке».[2]

О.Ю. Бойцова
г. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

От традиции к «научному материнству» и обратно: Случай Бабая, злого дяди и милиционера

В докладе пойдет речь о различных представлениях о материнстве в русскоязычной культуре XX и начала XXI в., которые будут рассмотрены на примере одного кейса – персонажей фольклора, используемых родителями в качестве «устрашителей» детей.

Персонажи-устрашители известны во всех культурах мира[3]. Они фигурируют в фольклоре взрослых, обращенном к детям, и имеют целью добиться от ребенка послушания. В восточнославянской традиционной культуре устрашителями являются Бука, Бабай или Бабайка и др.[4] В формулах пугания детей ребенку о них сообщается обычно только наименование и функция: персонажи-устрашители якобы могут «прийти», «забрать», «унести», «съесть» ребенка. Помимо мифологических персонажей, в качестве

[1] Там же, с. 94.
[2] Эйнгорн Н.К. Нравственное здоровье семьи и ребенка. // Семья и здоровое поколение России (информационно-методический сборник). Екатеринбург, 1998. С. 22–23.
[3] Widdowson J.D.A. Traditional Threats and Threatening Figures in Childhood // Tradition Today. March 2016. 5. 49–60. <http://centre-for-english-traditional-heritage.org/TraditionToday5/TT5_JDAW_TRAD_THREATS.pdf>.
[4] Буйских Ю.С. Персонажи — устрашители детей в современных мифологических представлениях украинцев Полесья // Визуальное и вербальное в народной культуре: Тезисы и материалы Междунар. школы-конф. М., 2013. С. 80–82; Хафизова Л.Р. Бука как персонаж детского фольклора // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 198–211.

устрашителей детей в восточнославянской традиционной культуре, как и в других культурах мира[1], могли выступать звери или люди, например представители других этнических групп[2].

В последней четверти XX в. использование персонажей-устрашителей бытовало в русскоязычной культуре воспитания детей, о чем свидетельствуют данные проведенного мной анонимного интернет-опроса, в котором участвовали 78 респондентов. Из них 31 человек, чье детство прошло в Москве, Московской области, Ленинграде, Киеве, Волгограде, Рязани, Саратовской области, Свердловской области, Башкирии и других местах СССР (годы рождения с 1973 по 1989), вспомнили, что их кем-либо пугали в детстве. Список названных персонажей-устрашителей, к которым апеллировали в детстве респондентов, если его выстроить как рейтинг популярности, возглавляют бабай, бабайка, дед бабай, Мамай – его/ее упомянули 16 человек; милиционер – 9 человек; баба-яга – 8 человек; злой/чужой дядя – 6 человек. Также в вопросе респонденты называли волка, соседей, цыган, птиц: филина, ворона; доктора, летчика, «адидаса», бармалея, черта, соседскую собаку, Пушкина, спортивного комментатора Нину Еремину и буку.

Традиция запугивания детей влияет на современных родителей (под традицией понимается передача информации, например, приемов воспитания детей, устно между поколениями). Некоторые родители, которых пугали в их детстве, сами используют этот прием, ср. в комментарии в блоге: «иногда пугаю,что бабайка придет, если слушаться не будет. так у нее [дочери] это восторг вызывает. “Да!” говорит:) меня в детстве пугали, что в детдом отдадут»[3]. Однако традиция – это не единственный фактор, который влияет на современных матерей.

В XIX в. появляется и в XX в. развивается представление об экспертизе в области материнства[4]: материнство начинает рассматриваться как сфера, в которой следует прислушиваться к научному авторитету. В России на этот процесс действовали те же факторы, что и в США: рост авторитета науки, увеличение ценности каждого отдельного ребенка в связи с уменьшением количества детей в семье. Особенностью СССР К. Келли называет то, что научные рекомендации для родителей совпадали с научными рекомендациями для работников казенных учреждений для детей[5].

Посмотрим, как в отечественном экспертном дискурсе XX в. о воспитании трактуется вопрос персонажей-устрашителей. В брошюре «Детские страхи и борьба с ними», которая переиздавалась с 1926 по 1930 г. каждый год, ее автор Е.Н. Кривошеина писала: «Кто не знает обычных разговоров о дяде с

[1] Widdowson J.D.A. Traditional Threats…
[2] Буйских Ю.С. Персонажи — устрашители детей...
[3] <http://malyshi.livejournal.com/34852219.html?thread=713239675#t713239675>.
[4] Об этом процессе в США см.: Apple R. Constructing Mothers: Scientific Motherhood in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Social History of Medicine. 1995. Vol. 8. No. 2. P. 161–178.
[5] Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 281, note 158.

бородой, татарине с мешком, цыганах, которые берут непослушных детей, о собаке и волке, которые придут и съедят их, если они будут плакать, и пр.» Подобное «запугивание», как пишет автор, занимает «очень важное место в ряду причин возникновения страхов среди детей». В пособии для молодых матерей «Мать и дитя», много раз переиздававшемся «Медгизом» с 1948 по 1959 г., лаконично говорится: «Никогда не следует его [ребенка] запугивать “чужим дядей”, “черным человеком”, “медведем” и т.д.: страх — плохой помощник в воспитании». Важным событием в советском «научном материнстве» стал выход в 1970 г. на русском языке книги Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним». В этой книге также неоднократно повторяется, что «вредно пугать ребенка колдунами, милиционерами или “чужими дядями”», с той же мотивировкой – предупреждение возникновения детских страхов.

Помимо апелляции к детским страхам, мотивацией для неприятия этой практики может быть ее «некультурность». Так, например, Е.Н. Кривошеина характеризовала эту практику как педагогический прием «недостаточно культурных и неопытных родителей и воспитателей». Запугивание представителями профессий высмеивалось в рассказе Николая Носова «Милиционер» (1946 г.), поэме Сергея Михалкова «Дядя Степа — милиционер» (1954 г.), опубликованном в «Работнице» в 1960 г. фельетоне «Пугало», где повествователь-геолог жалуется, что матери пугают им детей – т.е. в дидактических публикациях, имеющих целью повышение культурного уровня читателей. Во всех этих случаях высмеивались представления о представителях профессий как о «чужих», тогда как в советском обществе эти профессионалы должны быть «своими» для всех граждан.

В XXI в. в России расширяется круг возможных источников экспертного знания о материнстве: появляются подходы, альтернативные официальной педиатрии и педагогике, которые тоже позиционируют себя как экспертные. В одном из них, подходе «Рожаны», возрождается использование персонажей-устрашителей. Его создательница, Ж.В. Цареградская, в своем курсе лекций «Развитие ребенка от 1 года до 3 лет» рекомендовала использовать Бабая в тех случаях, когда ребенок убегает на прогулке и не ложится спать. В качестве аргумента «за» Бабая Ж.В. Цареградская апеллирует к любви детей к страшным историям: «Это природное стремление, потому что ребенку для развития интеллекта не хватает здоровых опасений. Вы его обезопасили настолько, что дикие тигры и кабаны не бегают, никто не тревожит. А нужно же бояться, иначе у нас мозг не развивается так, как надо». Здесь наукообразные формулировки, такие как «стимул для развития интеллекта», поддерживают представление читательниц и слушательниц о материнстве как сфере экспертного знания. При этом одной из возможных мотиваций использования Бабая здесь может быть как раз его традиционность, которая в XX в. была одной из мотиваций его осуждения.

Впрочем, курс «Рожаны» по обучению родительству является единственным среди новых теорий «осознанного» родительства, где персонажи-

устрашители получают оправдание. К примеру, в другой теории, недавно ставшей популярной на русскоязычном пространстве, – теории привязанности Гордона Ньюфелда – запугивание персонажами-устрашителями классифицируется как пример «разделяющей дисциплины», от которой родители должны воздерживаться, чтобы не разрушить привязанность.

Таким образом, современные русскоязычные матери получают противоречивые послания об использовании персонажей-устрашителей со стороны традиции, теоретиков педагогики и идеологов неотрадиционалистского воспитания. В то же время из-за того что «научное материнство» налагает на мать ответственность за последствия воспитания для дальнейшей жизни ребенка, для матери критически важно становится сделать правильный выбор в любом вопросе, касающемся воспитания. Для разрешения противоречий матери обращаются в интернет: «Девочки, а вы пугаете своих детей? Ну, т.е. типа сейчас бабайка придет, собачка прибежит и т.д.? Тут соседка у нас услышала и типа психику ребенку испортишь...»[1] В этом вопросе позиции эксперта и матери, которая нуждается в экспертном руководстве, меняются местами: носительницей экспертной точки зрения оказывается соседка, что маркировано словом «психика» из научного лексикона, а автор вопроса подвергает ее слова сомнению и обращается для поддержки своей точки зрения за личным опытом других, равных ей по статусу, матерей.

Итак, на примере кейса персонажей-устрашителей видно, что к XXI в. «научное материнство» апроприируется носителями культуры и переносится в горизонтальное общение, а наряду с ним в воспитании детей в XXI в. растет значение рассказов о личном опыте, которые вновь приобретают такой же вес, как «экспертная» точка зрения.

Т.И. Дрынкина
г. Санкт-Петербург, Академия русского балета им А.Я. Вагановой

Временная перспектива и семейные отношения

Одна из причин устойчивого исследовательского интереса к тематике семейных и детско-родительских отношений заключается в том, что семья – это тот социальный институт, который нас сопровождает на протяжении всей жизни. Сначала мы имеем опыт проживания в родительской семье, потом мы заводим свою семью, иными словами, это такие практики, которые нам всем известны. С другой стороны, это социологическое понятие, не имеющее однозначного ответа на то, что же является семьей, есть так называемые нормативные определения, что такое семья. Соответственно, социальные исследования пытаются по-новому определить это сложное и интересное социальное явление, а также понять, каким же образом происходят

[1] <http://malyshi.livejournal.com/34852219.html>.

изменения детско-родительских, партнерских отношений. И, соответственно, сами люди, которые в своей повседневной жизни придают определенные смыслы и значения вот этим своим семейным отношениям, в зависимости от их сконструированных ожиданий.

В контексте настоящего анализа нам представляется существенным рассмотреть вопрос о социокультурных аспектах конструирования семейных отношений с учетом организации временной перспективы. Человек живет в пространстве времен: в прошлом, в настоящем, в будущем. При этом в каждый момент его существования в нем присутствуют все три цвета времени, которые и составляют временную перспективу. К. Левин дал термину «временная перспектива» следующее, сходное, определение: «существующая в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого»[1]. Все части временной перспективы субъективно переживаются как одновременные и в равной мере определяют поведение человека. Будущее и прошлое каждого из нас составляют два основных аспекта временной перспективы и жизненного сценария. Поэтому обязательным посредствующим звеном выступает включённость апперцепции, т.е. следов памяти, сформированных в прошлом (например, детском) опыте и воплощённых в тех извлекаемых из памяти образцах, с которыми сличается каждый актуальный образ. Будущее определяется настоящим, настоящее контролируется прошлым, прошлое, в свою очередь, создает ситуацию, когда будущее связывает ценности прошлого и настоящего. Таким образом, нам представляется важным изучение семейных отношений относительно оси психологического времени, вдоль которой будут организованы восприятие актуального жизненного пространства, воспоминания прошлой семейной жизни и представление о будущем семейном проекте, которые так или иначе друг с другом взаимодействуют.

Предварительный анализ отечественных исследований позволяет говорить о том, что тенденция к определенным видам семейных отношений проявляется уже в раннем детстве и требует обращение к биографическим фактам. Историческая природа человека требует от исследователя изучения или хотя бы учета исторических обстоятельств ее жизни, поэтому изучение семейных отношений требует обращения к биографическим данным, так как жизненный путь личности насыщен событиями, и эта событийность сказывается как на характере его семейных отношений, так и на полноте воспоминаний.

Таким образом, основными аспектами нашего исследования стали социокультурные аспекты конструирования семейных отношений с учетом организации временной перспективы. Мы исходим из положения, что вдоль временной оси организованы представления относительно будущей семейной жизни, которые определялись особенностями восприятия актуального жизненного пространства, которое, в свою очередь, явно или неявно контролируется воспоминаниями из прошлой семейной жизни.

[1] Левин. К. Теория поля в социальных науках.: Пер с англ. – «Сенсор», 2000. – 368 с.

В качестве объекта исследования выступили татарские и русские руководители среднего звена. Общее количество испытуемых 180 человек в возрасте от 26 до 55 лет; выбор обследуемых производился по таким социально-демографическим критериям как этническая принадлежность, гендерные различия, возраст.

Результаты исследования свидетельствуют, что у всех опрошенных, в целом, наблюдается достаточно ровное эмоционально-оценочное отношение к автобиографическому прошлому и к актуальным семейным отношениям, однако, был выявлен ряд статистически значимых различий по воспоминаниям о своем детстве и оценке актуальных семейных отношений[1].

Татарские мужчины с позиции своих лет, по сравнению с татарскими женщинами значительно чаще вспоминают взаимоотношения в детстве с родителями как близкие и доверительные; при этом они выражают желание дать своим детям ровно столько же, сколько им дали их родители. Можно предположить, что у татарских мужчин-руководителей сильнее выражены эмоционально-доверительные отношения с родителями. Они демонстрируют большую удовлетворенность сложившимися семейными отношениями и оценивают уровень своей жизни значительно выше, чем татарские женщины. В целом, можно отметить, что у татарских мужчин наблюдается самый высокий уровень эмоционально-оценочных представлений о своем детстве и об актуальной семейной жизни.

Татарские женщины несколько уступают татарским мужчинам по оценке эмоционально-доверительной близости с родителями, несмотря на то, что они часто делились своими заботами и советовались с ними в детстве. Татарские женщины чаще вспоминают дисгармоничность отношений с отцом. Вероятно, их детские поступки, стремления, желания не находили нужной поддержки у отца. В отношении своих детей у татарских женщин сильнее выражена потребность устанавливать близкие доверительные отношения с ними. Они считают, что необходимо помочь своим детям получить лучшее образование, оказать поддержку и понимание, дать больше независимости. Скорее всего это является попыткой компенсировать, восполнить в собственной семье то, чего они не получили в детстве. Требования к качеству жизни у татарских женщин гораздо выше, чем у мужчин, они более критично оценивают степень удовлетворенности семейной жизнью.

Таким образом, у татарских женщин, по сравнению с татарскими мужчинами, прослеживается меньшая удовлетворенность как прошлой (детство, юность), так и настоящей семейной жизнью.

Русские мужчины, демонстрируя, в целом, достаточно ровное эмоционально-оценочное отношение к своему детству и юности, чаще, чем русские женщины, отмечают эмоционально-доверительные отношения с

[1] Дрынкина Т.И. Социокультурные особенности организационного поведения (на примере татарских и русских руководителей). Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Российский государственный педагогический университет им. Герцена. Санкт-Петербург, 2008.

отцом. Таким образом, мы можем видеть, что, судя по воспоминаниям русских и татарских мужчин, в детстве они занимали более значимое положение в семье, чем девочки. Русские мужчины выражают желание оказать больше поддержки и понимания своим детям, кроме этого, они хотели бы предложить своим детям более высокий жизненный стандарт. У русских мужчин, по сравнению с татарскими мужчинами и русскими женщинами, сильнее выражено желание устанавливать близкие доверительные отношения со своими детьми. В целом, русские мужчины, по сравнению с другими респондентами, демонстрируют самую высокую удовлетворенность актуальной семейной ситуацией.

Русские женщины-руководители, по сравнению с русскими мужчинами, гораздо чаще отмечают отсутствие эмоционально-доверительных отношений с отцом в детстве. Скорее всего, их детские желания и поступки не встречали ожидаемой поддержки у родителей. По отношению к своим детям русские женщины выражают желание помочь в получении лучшего образования и оказывать им больше внимания и поддержки. Можно предположить, что в своих планах и желаниях по отношению к детям они проецируют эмоционально-оценочные представления о прошлой семейной ситуации (детство и юность). Тем не менее, потребность в установлении близких доверительных отношений с детьми у них выражена меньше, чем у русских мужчин. Также как и татарские женщины, они критичнее, чем мужчины, оценивают уровень жизни своей семьи, у них выше степень неудовлетворенности своей семейной жизни. Таким образом, у русских женщин эмоциональная оценка своего детства и настоящей семейной жизни несколько ниже, чем у мужчин.

По оценке уровня жизни семьи в настоящее время выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами. Мужчины (29%) по сравнению с женщинами (5%) чаще оценивают уровень жизни своей семьи выше, чем у большинства людей ($t=2,33$, $p<0,02$). Таким образом, мужчины имеют тенденцию оценивать уровень жизни своей семьи выше, чем женщины. Можно предположить, что женщины по сравнению с мужчинами имеют более высокие требования к аспектам материальной обеспеченности семьи.

В семейных отношениях человека практически постоянно одновременно проявляются мотивационные факторы различного происхождения, которые, как было показано, функционируют в качестве программы жизненного сценария[1]. Мотивационные компоненты жизненного пространства актуально функционируют в рамках настоящего времени, но ее объектноцелевые и собственно операционные компоненты понятным образом обращены к будущему. Учитывая факт, что в семейных отношениях практически постоянно одновременно проявляются мотивационные компоненты жизненного сценария,

[1] Карпова Е.А. Перспективы развития конфликтологической компетентности// Акмеология. 2015. №3 (55). С. 85-259.

актуально функционирующие в рамках настоящего времени, рассмотрим эмоционально-мотивационную сферу наших респондентов.

Было выявлено, что заработная плата, интерес и увлеченность делом выступают основными значимыми мотивами для татарских и русских респондентов. Но, тем не менее, татарские респонденты значительно чаще отмечают заработную плату ($t=–2, 82$, $p<0,01$) и перспективы профессионального роста ($t= –2,96$ $p<0,001$) как самые важные в выполняемой ими работе, что показывает различия двух исследуемых выборок руководителей.

Результаты корреляционного анализа подтвердили и уточнили наши предположения о социокультурных особенностях взаимосвязей относительно прошлой, настоящей и будущей семейной жизни.

В татарской выборке обращает на себя внимание статистически значимая положительная связь между воспоминанием о родительском желании сохранить близкие отношения и инструментальным мотивом перспектив профессионального роста. Также существует взаимосвязь мотива заработной платы с ожиданием от себя как от родителя обеспечить своих детей более высоким жизненным уровнем ($r= 0,48$, $p<0,01$) и помочь получить лучшее образование ($r= 0,47$, $p<0,01$). Иными словами, прогнозируемый результат, направленный в будущее – ожидание обеспечить своих детей более высоким жизненным уровнем, помочь детям получить лучшее образование – сочетается активацией действий, направленных, прежде всего, на финансовое укрепление своей семьи в настоящем.

В свою очередь, у русских респондентов прямых связей между биографическими характеристиками и мотивацией выявлено не было.

Анализ результатов исследования временной перспективы и семейно-родительских отношений позволяет предполагать, что, принимая во внимание своеобразие национально-культурного воспитания и существующую в каждый настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего прошлого и будущего, можно прогнозировать характерные тенденции в конструировании семейно-родительского пространства.

Н.В. Ким
г. Нижний Новгород, НИУ Высшая школа экономики

Образ женщины-матери как центральный элемент реализации семейной политики в СМИ

Проект РГНФ: 16-03-00399

В современном мире семейная политика государств становится все более комплексной и начинает использовать различные инструменты влияния на общество, включая СМИ. Причем зачастую отмечается, что женские образы, при реализации целей семейной политики через СМИ, играют первостепенную роль.

Большинство исследователей как за рубежом (Gallagher, Kunchenhoff, Adnan, Fernandez, Kalis и Neueddorf, Busby, Durkin, Basow) так и в России (Н.И. Ажгихина, О.А. Воронина, О.М. Здравомыслова, И.С. Кон, и др.) отмечают стереотипность представления образа женщины в СМИ, доминирование мужских образов на экране и в печати. При этом отмечается, что женщина в основном представлена в рамках узкого социального контекста межличностных отношений (Kunchenhoff), чаще всего – в аспекте замужества и родительства. Родительская роль чаще ассоциируется именно с женским образом, чем мужским в американских СМИ (Ceulemans, Fauconnier), в СМИ Канады женщины чаще представляются женами и матерями, нежели мужчины – мужьями и отцами (O'Bryan, Raices). В российских СМИ эта тенденция так же просматривается – самым распространенным (около 33% всей образной системы) является образ «женщины-матери» (Соколова Е.А.).

Исследователи отмечают, что последние десятилетия в мире в целом характеризуются большим интересом со стороны СМИ к проблемам деторождения и роли матери, например, через реалити-шоу о беременности и родах (Morris, McInerney, Sears, Godderis). Отмечается, что СМИ является важным источником получения знаний о рождении и материнской роли (VandeVusse и VandeVusse), при этом согласно некоторым исследованиям женщины более активно ищут информацию по теме материнства именно в СМИ (Bernhardt, Felter) и действительно полагаются на СМИ в этих вопросах (Handfield и другие, доклад Listening to Mothers II). При этом исследователи особо выделяют период второй половины 90-х гг. XX в., как поворот в репрезентации образа матери, совмещающей семейную жизнь и работу (England, Li, Hegewisch, Bianchi, Robinson, Milkie, Thornton, Young-DeMarco).

Большинство исследователей рассматривает образ женщины-матери в контексте его влияния на адресата коммуникативного сообщения в СМИ и не рассматривает, как сами СМИ изменяют свой информационный продукт под внешним воздействием, в том числе и семейной политики. Рубежным годом для анализа изменений «нормативной модели» семейных отношений в России является 2006 г., когда семейную политику в РФ аналитики стали считать пронаталистской, направленной на решение демографических проблем. Представляемое исследование позволит определить, действительно ли женские образы в целом и образ женщины-матери в частности составляют центральное содержание коммуникативной активности СМИ, реализующих современную семейную политику в России. На основе анализа публикаций государственных и негосударственных российских СМИ за период с 2000 по 2015 гг. будут реконструированы «нормативные модели» семейных отношений, в частности место женщины в семейных отношениях, ее взаимодействие с другими членами семьи и реализация материнских функций.

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ РОДИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕПЦИЯХ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ФЕМИНИЗМА; МАТЕРИНСКАЯ ТЕМА, ТЕМА СЕМЕЙНЫХ РОЛЕЙ В ЖЕНСКОМ ДВИЖЕНИИ РАЗНЫХ СТРАН В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

О.В. Ванюшина
г. Тверь, Тверской государственный технический университет

Личная жизнь женщин, административно высланных в Тверскую губернию в 1881–1917 гг.

Личная жизнь женщин – революционерок была сложна и достаточно трагична. Собранные автором данного исследования сведения позволяют говорить о том, что, из 84 женщин, высланных в Тверскую губернию за «политическую неблагонадежность» в период с 1881 по 1917 гг., лишь 16 были замужем, 3 женщины вышли замуж, находясь в месте водворения, 3 женщины состояли в гражданском браке, 5 – остались вдовами. Большинство же высланных женщин были незамужними (43 из 84 т.е. 51,2 %), о семейном положении 14 женщин ничего не известно. Как видим, в период тверской высылки семейное положение большинства женщин не изменилось.

Как показывают архивные документы, мемуары в среде высланных женщин существовало неоднозначное отношение к браку и семье. Наиболее радикальные революционерки отвергали брак, как несовместимый с деятельностью революционера вообще. Так, А. Прибылева писала о своих отношениях с мужем: «Жизнь, посвященная одному человеку, была для меня невозможна в то время, как я хотела служить целому народу. В этом состояла наша драма»[1]. Эти женщины стремились к возвращению к активной революционной деятельности, и семья не входила в число их приоритетов.

Определенное распространение среди высланных женщин имел гражданский брак (не оформленные в церкви, но постоянные отношения). Сложность процедуры бракоразводного процесса в России в рассматриваемый период не редко являлась причиной, препятствующей заключению законного брака.

Собранный биографический материал позволяет говорить о том, что среди административно высланных были женщины, которые умело совмещали, казалось бы, несовместимые вещи – семью и революцию. Эти женщины не оставляли противоправительственной деятельности после замужества и рождения детей. Необходимо отметить, что это преимущественно касается тех случаев, когда супруги были единомышленниками в вопросах политики.

Среди высланных женщин появляется новый подход к браку, отличный от патриархальных стереотипных представлений о замужестве. Эмо-

[1] Прибылева-Корба А.П. Автобиография // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 40. [б.м., б.г.]. Стб. 378. (2-й паг.).

циональная близость, чувство симпатии, равноправие партнеров, личная независимость, духовное единение рассматривались как фундамент семейной жизни. Появляется новая модель отношений. Мемуары свидетельствуют об искренней привязанности молодых людей, заботе друг о друге. Д. Голубятников писал своей невесте Юлии Зборомирской, отбывавшей срок высылки в Твери: «Позволят ли кончить курсы в этом году: для меня важно, чтобы ты была самостоятельна, постарайся для окончания уехать за границу: дядя вероятно поможет»[1].

Отсутствие понимания со стороны супруга чаще всего приводило к разрыву в семейных отношениях. Так, дважды высылавшаяся в Тверскую губернию А.В. Артюхина разошлась со своим первым мужем «…по той причине, что он считал невозможным для своей жены заниматься революционной работой»[2].

Изучая пребывание административно высланных женщин в Тверской губернии, мы обратили внимание на то, что в большинстве случаев мужья не следовали вслед за своими женами и лишь по мере возможности навещали своих близких в месте водворения. В то же время, часть женщин, высланных в Тверскую губернию, вслед за мужьями отправилась в Сибирь. Так, А.А. Сухомлина в 1886г. была выслана в Тверь за участие в Одесских революционных кружках, а в 1887 г. с разрешения Министра внутренних дел выбыла за своим мужем, осужденным на каторжные работы в Карийскую тюрьму[3]. В свою очередь поднадзорной А.П.Прибылевой было разрешено отбыть остающийся срок гласного надзора в г. Минусинске Енисейской губернии, куда после содержания в Московской тюрьме был выслан ее муж[4]. С.Н.Рабинович, высланной в Тверь в 1911 г., в ответ на ее прошение было разрешено переехать в Иркутск в место заключения ее жениха ссыльно-каторжного Абрама Гоца[5].

Вопрос материнства фактически не отражен в воспоминаниях и архивных источниках, поэтому является достаточно сложным для изучения. Среди 84 высланных женщин, матерями были 12 (т.е. 14,2% от общего числа высланных женщин). Имеющиеся в нашем распоряжении документы сообщают о том, что не каждая женщина решалась взять с собой детей в новый, незнакомый город, где она не имела работы, жилья, родных и близких, которые могли бы оказать помощь. Поэтому часть административно высланных в Тверскую губернию женщин, вынуждена была оставить детей под присмотром супруга или родственников. Как правило, разлука с семьей тяжело переносилась поднадзорными женщинами. В подобной ситуации оказалась Дарья Муратова, высланная в Тверь из Москвы в 1909 г. по подозрению в переписке с политическими арестованными. Д. Мурато-

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 102. Д-3. Оп. 84. 1888 г. Д.235. Л.40 об.
[2] Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ) Ф.114 Оп.2 Д.7 Т.1. Л. 67.
[3] Государственный архив Тверской области (ГАТО) Ф.56. Оп.1 Д.9588. Л.13 об.-14; Д.9704. Л.52об.-53.
[4] ГАТО. Ф.927. Оп. Д.1478. Л.96; там же. Ф.56. Оп.1.Д.13119. Л.1, 13, 10 об.-11
[5] ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.13386. Л.24-26.

вой пришлось оставить в Москве семерых детей на попечение мужа и престарелой матери. Она неоднократно обращалась в МВД с просьбой отменить высылку: «Находясь уже более года в совершенно чужом городе, без всяких средств и будучи оторвана от родной семьи, которой я только живу и дышу и за несчастную участь которой я горько страдаю, я не в силах больше выдержать невольную разлуку с ней. К тому же моя старшая дочь, на руках которой осталась моя семья, недавно вышла замуж и оставила родительский дом. С этих пор моя несчастная семья, и без того погибавшая от моей высылки, теперь стала совсем распадаться». При этом Д. Муратова уверяла Департамент полиции в своей политической благонадежности. Ходатайства как самой ссыльной, так и ее мужа были оставлены без последствий, по причине того, что в Твери Муратова, по сообщению Тверского ГЖУ «вошла в сношение с лицами проходившими уже по наблюдению Управления и кроме того секретно были добыты сведения, что она имеет партийные связи по Москве и другим городам»[1].

Второй вариант взаимоотношений, когда высланная женщина приезжала в место водворения с детьми, но при этом продолжала вести антиправительственную деятельность. Так, например, произошло в семье высланной в 1909 г. в Тверь из Москвы М.Н. Майновой.

Третий вариант, когда дети приезжали с матерью, которая под воздействием ежедневных семейных забот оставляла революционную работу, делая выбор в пользу семьи, а не революции. Среди женщин, которые поступили именно так, следует назвать мещанку, уроженку Калязинского уезда Тверской губернии М.И. Ганцеву, высланную в 1900 г., за участие в деятельности противоправительственного кружка Колпинских рабочих из Санкт-Петербурга на родину[2]. Поднадзорная одна воспитывала троих детей. Постоянная забота о средствах существования, тяжелое материальное положение семьи, надзор со стороны полиции привели к тому, что М.И. Ганцева изменила свои политические взгляды на более умеренные. В частности, полицейские, наблюдавшие за М.И. Ганцевой отмечали, что поднадзорная «нравственности и поведения за все время состояния в Калязине под надзором полиции, была хороших»[3]. В то же время анализ архивных источников и источников личного происхождения показал, что для большинства женщин, высланных в Тверскую губернию, было не характерно жертвовать своими политическими убеждениями в пользу размеренной семейной жизни.

[1] ГАРФ. Ф.102. ОО. 1910. Д.9 ч. 77 Б. Л.33об., 20.
[2] ГАТО. Ф.56. Оп. 1. Д. 12075. Л. 13 об. -14; ГАРФ. Ф.102. Д-3. 1904г. Д.81. Л.10-10 об.
[3] ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.12072. Л.19.

Э.Ю. Михайлова
г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
Институт истории и международных отношений

Е.К. Брешко-Брешковская: несостоявшаяся мать и «бабушка русской революции»

В России середина XIX в. характеризуется как новый этап в ее историческом развитии, проявившийся в бурном проявлении общественно-политической мысли. Наряду с мужчинами в легальных и нелегальных кружках и организациях появились и женщины. Участвуя во всеобщем «освобождении» от царизма, параллельно женщина высвобождалась не только из-под опеки семьи, но и государства. Возникнув как самостоятельное, женское движение постепенно переплеталось с русским освободительным движением. На фоне оформления революционных, освободительных идей одним из ярких феноменов России стала женщина-революционерка. Первым поколением революционеров стало так называемое «поколение семидесятников», а первой крупной акцией революционного народничества 70-х гг. стало массовое «хождение в народ» летом 1874 г., одной из участников которого была Е.К. Брешко-Брешковская, получившая в истории прозвание «бабушки русской революции» и ставшая одной из самых известных революционерок.

Целью данной статьи является изучение феномена русского освободительного движения и степени участия в нем женщин, соотношения семейных и революционных ценностей в жизни русских феминисток конца XIX – начала XX в. Формирование взглядов в отношении революции не было неким «прыжком в бездну». Как и тысячи ее соратников, либерально настроенных молодых людей, она долгое время лелеяла надежду на союз с государством, на легальную борьбу против бесправия и несправедливости. Однако реакционные действия государственной власти породили движение, желавшее падения царского режима, по словам Е.К. Брешковской, боявшегося сознательности народа и старающегося держать его в рабском бесправии.[1] С 1873 г. начинается совершенно новый этап в жизни, будущей революционерки: оставив семью (мужа и двухмесячного ребенка), Е.К. Брешковская переехала в Киев, чтобы влиться в революционную среду и посвятить дальнейшую жизнь революционной борьбе. Женщина в революции – явление, которое сглаживает различие между полами, нивелирует перед обществом разделение на мужское и женское и дает строгое клишированное наименование, а для кого-то призвание – революционер. Оно изначально подразумевает, что женщина вопреки гендерным стереотипам стремится участвовать в борьбе за свои идеалы наравне с мужчинами. Такая женщина готова пойти на серьезные жертвы. Е.К. Брешко-Брешковской пришлось оставить семью и «окунуться» в рево-

[1] Стайтс Р.Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930. М.: РОССПЭН.2004. С.99.

люцию «с головой». Так описывает переломный момент в жизни героини В.М. Чернов: «Катерина Брешковская отвечает на разгром культурной работы уходом в революционную работу. Мужу она предъявляет ультиматум: или идти вместе по предстоящему ей тернистому пути, или разойтись. Идти ей приходится одной. Муж остается где-то позади. Но у Катерины, кроме мужа, есть еще и ребенок. После многих бессонных ночей принесена и эта, еще более тяжкая жертва. Младенца берет на свое попечение жена брата Катерины, и он вырастает, считая свою тетку матерью, а настоящую мать – теткой».[1] В этом случае она была одной из многих женщин, которым предстояло принять правила «революционной игры», где необходим был принцип равенства полов. Сама Е.К. Брешковская отмечала: «Я не была единственной женщиной, принесшей такую жертву. Между женщинами, отдававшими свои силы борьбе за свободу России, было немало таких, которые предпочли лучше оставаться борцами за социальную справедливость, чем матерями жертв русского деспотизма».[2] Таким образом, материнство, а затем и образ «бабушки» воплотились не в собственной кровной семье, а в семье революционной. Отказ от ребенка не лишил Е.К. Брешковскую возможности испытать, хотя бы частично, материнские заботы. В работе Киевской коммуны помимо сугубо официальных пропагандистских дел «еще одной обязанностью Брешковской был уход за периодически находившимися в Коммуне грудными детьми революционеров»[3]. Мы видим, как происходит подмена семейного родства на родство революционное, основанное на тесном идейном сплочении. Функционирование революционного подполья включало вопросы не только пропагандистского характера, но и быта революционеров, где, естественно, появлялись функции материнства и отцовства. В дальнейшем по мере развития революционного движения экстраполяция типа семейных отношений четко прослеживается на примере сообщества революционеров. На наш взгляд, это является одной из культурных особенностью российского революционизма, отмеченной еще Н.А.Бердяевым, устроенного по типу «большой», разветвленной семьи.[4] В 90-х гг. XIX в. активную работу начало второе поколение революционеров, начали оформляться политические партии, которым требовались наставники, обладавшие ценным опытом в деле пропаганды и организации революционной деятельности. Одним из таких наставников стала и Е.К. Брешко-Брешковская. В этот период начинается формирование образа «бабушки», истоки которого лежат в личности самой Е.К. Брешковской, и в отношении к ней современников, а именно молодого поколения революционеров. Во многом образ «бабушки» сложился по объективным причинам:

[1]В.М. Чернов Перед бурей. Воспоминания. N.-Y. Изд. имени Чехова. 1953. С. 129.// Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/c/chernow_w_m/text_0020.shtml (Дата обращения 11.05.2014)

[2] Фролова Е.И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская//Вопросы истории. 2004. №8. С.72.

[3] Иванишкина Ю.В. Е.К.Брешко-Брешковская: общественно политические взгляды и деятельность. М.2006. С.43.

[4] Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Наука, 1990. С. 50–80.

возраст Е.К. Брешковской, ее внешний облик, манера поведения, особенности характера. Все это подтверждает в воспоминаниях сама Е.К. Брешковская, те же характеристики мы встречаем в записках и воспоминаниях современников. Е.К. Брешковская была не единственным проявлением категорий «материнства» и «отцовства» в истории русской революции: также известна фигура знаменитого «дедушки» анархиста Петра Кропоткина.

Таким образом, мы видим, что участники российского революционного сообщества сумели приспособиться в морально-этическом и культурном плане к жизни в условиях политического противостояния с царской властью. Символизм, связанный с экстраполяцией ролей кровно-родственной семьи, нашел свое отражение в появлении такого прозвания Е.К. Брешко-Брешковской как «бабушка русской революции». Удовлетворение биологических и социальных потребностей материнства проявилось в отношении женщин-революционеров в устройстве революционного сообщества как семейной иерархии, где гендерные роли могли проявляться напрямую и были связаны с заботой о детях членов революционных организаций, обустройстве быта и т.д., а могли выражаться символически в различного рода прозваниях и типом отношений в коллективе. Е.К. Брешко-Брешковская является типичным примером женщины-революционерки, судьба которой была сходна с тысячами судеб российских женщин.

Ю.А. Монахова
г. Тверь, Тверской государственный университет

Концепция материнства А.М. Коллонтай

Концепция материнства известной российской революционерки, комиссара государственного призрения в советском правительстве, А.М. Коллонтай может быть весьма актуальна для современной отечественной государственной политики в области демографии, которая пытается преодолеть известный «русский крест».

Концепция материнства рассматривалась А.М. Коллонтай как составная часть более масштабного проекта женской эмансипации. В.И. Успенская полагает, что «А. Коллонтай предложила более развернутый проект, радикальность которого состояла в том, что социалистическая революция есть лишь необходимое условие для дальнейших революционных преобразований в обществе»[1]. «Новая женщина», «работающая мать» – тот женский сегмент, для которого предлагала Коллонтай свои идеи: «Вопрос об охране и обеспечении материнства и раннего детства… отравляет жизнь

[1] Успенская В.И. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Марксистский феминизм: коллекция текстов А.М.Коллонтай. Тверь: ТвГУ, 2002. С.21.

представителей рабочего класса, ложится бременем на плечи десятка миллионов матерей, принужденных самостоятельно зарабатывать на жизнь»[1].

Поскольку гендерный контракт «работающая мать» стал основополагающим для советской системы, то проблема совмещения материнских и профессиональных обязанностей женщин стояла на тот момент очень остро. Российская исследовательница И.И. Юкина считает, что тему материнства «феминистки также начали разрабатывать задолго до нее, и А.М. в значительной части воспроизводила многие сюжеты»[2]. На мой взгляд, идеи решения данной проблемы А.М. Коллонтай в рамках патриархатной российской культуры были поистине революционные. Т. Осипович указывает на важность идей А. Коллонтай: «Ее предшественники, как правило, заявляли о несовместимости женского труда и материнства. Коллонтай считает, что подобное совмещение возможно и необходимо»[3]. Комиссар государственного призрения предложила следующий метод решения женского вопроса: провести ряд институциональных преобразований, которые дали бы возможность женщине одновременно быть и работником и матерью.

Первым необходимым условием решения проблемы материнства Коллонтай выдвигает «революцию быта», которая предполагала радикальное преобразование экономики. В работе «Революция быта» А. Коллонтай указывает, что трансформация бытовых условий связано с коренной перестройкой всего производства на новых началах коммунистического хозяйства: создание системы учреждений общепита, молочных кухонь, развитой сети банно-прачечных предприятий и т.д.

Труд женщины, по мнению Коллонтай, давал её возможность быть экономически независимой от мужчины, повышал её статус в семье. Сама же семья базировалась отныне не на экономических интересах, а представляла собой основанный на любви свободный союз женщины и мужчины. Однако по мнению Коллонтай, «не меньшим бременем, приковывающим ее к дому, закабаляющим в семье, являлась забота о детях и их воспитании». Поэтому считала социал-революционерка, «это бремя Советская власть своей коммунистической политикой в области обеспечения материнства и социального воспитания решительно снимает с женщины, перекладывая его на социальный коллектив, на трудовое государство»[4]. Как известно, идея общественного воспитания детей впервые предлагается древнегреческим философом Платоном в работе «Государство». Тем не менее, обоснование данной идеи у Платона и Коллонтай различаются.

---

[1] Коллонтай А. Введение к книге «Общество и материнство» // Избранные статьи и речи. М.: пол. лит-ра, 1972. С.160.

[2] Юкина И.И. На пути к марксистскому феминизму: деятельность Александры Коллонтай. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-marksistskomu-feminizmu-deyatelnost-aleksandry-kollontay (дата обращения - 09.05.2016).

[3] Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай Общественные науки и современность. 1993. №1. С.174–175.

[4] Коллонтай А. Революция быта // Марксистский феминизм: коллекция текстов А.М.Коллонтай. Тверь: ТвГУ, 2002. С.234.

Американская исследовательница С. Окин, анализируя творчество Платона, указывает, что разрушение семьи необходимо для обеспечения подчинения части (человека) целому (государству)[1]. Коллонтай же видит в государственном воспитании условия для самореализации женщин: «Советская женщина – полноправная гражданка своей страны»[2].

А.М. Коллонтай требовала, чтобы государство материальными и юридическими гарантиями поддерживало и защищало матерей: «Общество обязано во всех формах и видах расставить на пути женщины «спасательные станции», чтобы поддержать ее морально и материально в наиболее ответственный период ее жизни»[3]. В то же время государство, по мысли наркома, должно поддерживать матерей только в случае исполнения ими трудовых функций: «Трудовая республика подходит к женщине, прежде всего как к трудовой силе, единице живого труда; функцию материнства она рассматривает как весьма важную, но дополнительную задачу, притом задачу не частно-семейную, а также социальную»[4]. Таким образом, Коллонтай вписала интересы работающих женщин-матерей в контекст выполнения общегосударственных задач.

Нарком предлагала материнство как проект «для себя» и «для других»: «Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республикой: «Будь матерью и не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян» – должен научить трудящихся женщин *по-новому* подходить к материнству. Допустимо ли, например, чтобы мать, нередко даже коммунистка, отказывала в своей груди чужому младенцу, хиреющему за недостатком молока только потому, что это не ее ребенок?»[5] Женщины–дети–государство являются сторонами единого треугольника, конструируемого А.М. Коллонтай. Можно согласиться с мнением Н.Н. Козловой, что «в результате планируемой Коллонтай гендерной политики государство берет на себя функции мужчины, заключая тем самым квазисемейный союз между женщиной и государством»[6].

Эмансипация женщины от мужчины при рождении детей обеспечивалась советским государством. Однако вопрос – где же мужчина-отец – оставался за скобками рассуждений политика. Мне представляется очевидным, что А.М.Коллонтай не увидела патриархатную природу советского государства, которое функции социального воспроизводства ценило меньше, чем непосредственного производства.

---

[1] Okin, S. Women in Western Political Thought / S. Okin. NYC.: Princeton university press; 1992. P.70.

[2].Коллонтай А.М. Советская женщина – полноправная хозяйка своей страны // Избранные статьи и речи. М.: пол. лит-ра, 1972. С.378.

[3] Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Марксистский феминизм: коллекция текстов А.М.Коллонтай. Тверь: ТвГУ, 2002. С.228.

[4] Коллонтай А.М. Революция быта // Марксистский феминизм: коллекция текстов А.М.Коллонтай. Тверь: ТвГУ, 2002. С.234.

[5] Там же. С.236.

[6] Козлова Н.Н. Общество и материнство в теории Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь: Золотая буква, 2003. С.116.

Сатоко Китаи
г. Токио (Япония), Токийский государственный университет, кафедра свободных искусств и науки

Символическое матереубийство в произведениях А.М. Коллонтай

Данная работа посвящена теме «символически-культурного давления на материнство» и «разрыва связи между женщинами», изложенной в сборнике «Любовь пчел трудовых» (1923 г.), написанном известной революционеркой советского времени, А.М. Коллонтай. Как известно, Коллонтай, сотрудничая с советским правительством, осуществляла целый ряд передовых мероприятий для трудящихся матерей. В рамках этой деятельности в январе 1918 г. она создала Отдел по охране материнства и младенчества. Однако Коллонтай придала самому слову «материнство» негативную коннотацию, используя такие слова, как, «закабалять», «приковывать», «крест материнства», «вопрос о раскрепощении женщины от бремени материнства» и т.д. Кроме того, она осудила материнскую любовь только к своим детям и обозначила ее как эгоистическое чувство. У Коллонтай можно выделить два противоположных взгляда на материнство: признание его необходимым условием для социального воспроизводства и, в тоже время, понимание материнства как негативный фактор, стоящий на пути раскрепощения русских женщин. В основе этих противоположных воззрений лежит следующий тезис – освобождение женщин через давление на материнство.

Чтобы понять такую *антиматеринскую* тенденцию в системе идей Коллонтай в послереволюционный период, сначала стоит обратить внимание на теорию философа и психоаналитика Люс Иригарей о «матереубийстве» в античной мифологии как основе патриархальной цивилизации. В 1980 г. Иригарей прочитала лекцию в Канаде под заглавием «Удар тела против тела матери». В этой лекции, затрагивая тетралогию «Орестея» Эсхила, Иригарей сказала, что «*когда Фрейд, особенно в книге «Тотем и табу», объяснял и теоретизировал отцеубийство как основополагающее действие для первоначальной орды, он забыл упомянуть про еще одно древнее убийство, а именно убийство женщины-матери, которое необходимо для основания особого порядка в городе*». Иригарей анализирует миф, в котором Клитемнестру убил ее сын Орест при поддержке своей сестры Электры, и делает следующий вывод. Современное патриархальное общество и порядок создано в результате исключения матери из него, и отсюда начинаются разрывы связи как вертикальных (между дочерью и матерью), так и горизонтальных (сестринского) женских взаимоотношений. Также это приводит к обмену женщин между мужчинами.

Затем Иригарей продолжает, что с некоторыми вариациями «*наше воображение еще работает согласно схеме, установленной греческой мифологи-*

ей и трагедией».[1] В нашей работе мы также приходит к выводу, что символическое матереубийство и его результат – разрыв связи между женщинами, повторяются и в произведениях Коллонтай. Например, ее рассказ «Любовь трех поколений» обычно трактовался как история эволюции любви или половой морали на протяжении трех поколений – до, во время и после революции. До сих пор исследователи творчества Коллонтай особое внимание уделяют моральной распущенности героини молодого поколения, которую зовут Женя. Но мы придерживаемся альтернативной точки зрения, согласно которой этот рассказ можно интерпретировать как историю о разочаровании дочерей в своих матерях. Так, большевичка Ольга вступила в активные прения о любви со своей матерью Марией. «*В первый раз в жизни я чувствовала, что мы с матерью друг друга не понимаем и что я ошиблась, когда ехала к ней в надежде на "опору"*»[2]. То же самое разочарование повторяется между Ольгой и ее дочерью Женей. Дочь говорит следующее: «*и все-таки в глубине души я чувствую, что мама не права, а правы мы с Андреем*»[3]. К тому же Женя прекратила беременность, решившись на аборт.

Из вышесказанного следует, что в рассказе «Любовь трех поколений» окончательно подавлено всякое материнство. Однако здесь нам надо отметить большую разницу между героинями Коллонтай и Электрой. После убийства матери, Электра желает войти в мир «братства», из которого, в конце концов, она исключается[4]. Но Женя не просто покорно защищала патриархальной порядок. Она преодолевает ограниченность своего гендера и даже биологического пола, чтобы участвовать в *братском* мире рабочих.

В ходе данного анализа было выявлено, как оказывалось давление на материнство в рамках идей Коллонтай и разрывались связи между женщинами, а также как героини литературного произведения Александры Коллонтай «Любовь пчел трудовых» радикально преодолевают патриархальный мир.

О.М. Морозова
г. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

Революционные кукушки

Еще во времена народничества революционная среда сформировала этический комплекс, ориентированный на устранение всех препятствий на пути полного погружения в идею. В итоге там соединились созидание и деструкция.

Самопожертвование было признано высшим проявлением товарищеского духа. Принять вину другого; подставить себя под пулю, спасая друга; невозможность уйти в сторону, когда гибли товарищи. Так, Т.И. Лебе-

[1] Irigray, Luce. "Le Corps-à-corps avec la mère", Sexes et parentés, Éditions de Minuit, 1987, P. 23.
[2] Коллонтай А.М. Любовь трех поколений / Любовь пчел трудовых. М.: 1923. С.21.
[3] Там же. С.48.
[4] O'brien Mary. The Politics of Reproduction. Routledge & Kegan Paul. Boston.1981, PP.150-158.

дева, о чьем участии в производстве нитроглицерина и динамита не было известно следствию, сама заявила на суде об этом: «Ей не хотелось отставать от товарищей…»[1]. Тут не только «неловко» быть оправданной, но и модель поведения, которой уже следовал А.И. Желябов в ходе процесса. Он стремился использовать суд над собой и товарищами для пропаганды своих идей и действий. Лебедева логично объяснила суду, как само правительство толкнуло ее и других на путь террора. Это произвело большое впечатление и на товарищей, и на судей[2]. Орест Веймар, врач, имевший личное покровительство цесаревны Марии Федоровны мог избежать каторги, если бы подал прошение о помиловании. Он отказался и умер от чахотки. И это при том, что сам участия в движении не принимал, а лишь оказывал народникам помощь как дружескую услугу. Он был владельцем рысака по кличке Варвар, который участвовал в убийстве Мезенцева – шефа жандармов, и на нем был совершен побег П.А. Кропоткина из тюремной больницы[3]. Другой народник, Оболешев, при аресте скрывал свое имя, назвавшись Сабуровым, а его принимали за Кравчинского, который успел скрыться за границей.

Странное поведение, когда включается механизм самоуничтожения, в действительности имеет много общего с обычным самоубийством. Женщины-революционерки представляли еще один, весьма чудовищный тип самопожертвования – отказ считать детей главной ценностью жизни. Для соратников это было свидетельство абсолютной преданности идее. А.Д. Михайлов писал о подобном поступке Ольги Натансон: «Это была самопожертвованная натура. Она постоянно забывала себя для других и отдала все для дела. У нее было двое прелестных детей, она их обожала, но они ее связывали, мешали ее политической деятельности, и она решилась расстаться с ними, отдать их отцу. Дети были 2–3 лет, т.е. в таком возрасте, когда они наиболее дороги материнскому сердцу. Немногим известно, чего стоило ей это решение. Она никогда не могла привыкнуть к разлуке с ними, а между тем свидания с ними были невозможны. Сначала количество дел, лежавших на ней, а потом нелегальность были постоянными препятствиями для свиданий с ними. В продолжение трех лет она могла увидеть их, кажется, только один раз. […] …В начале 78 года Ольга лишилась обоих своих детей. Они умерли почти разом. Ее материнское сердце было окончательно растерзано этим ударом. Ее жестоко мучило сомнение, что, быть может, она сама виновата в их смерти, отдав старикам, которые не могли ухаживать за ними так, как то делала бы мать. Это горе сильно пошатнуло ее здоровье, а крепость окончательно убила ее. Ее несколько писем у нас в архиве. После суда ей сильно хотелось еще жить»[4].

---

[1] Фроленко М. Татьяна Ивановна Лебедева–Фроленко // Каторга и ссылка. 1924. IX .С. 224-230.
[2] Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/5043#page/1/mode/grid/zoom/1 (дата обращения: 13.02.2015)
[3] ОР РНБ. Ф. 110. Д. 9. Л. 20-28.
[4] Михайлов А. Письмо товарищам. URL: http://saint-juste.narod.ru/Plekhanov.html#_ftn1* (дата обращения: 14.01.2015).

Матерей-кукушек среди революционерок было немало, что и не удивительно, учитывая сознательный выбор образа жизни, наименее подходящего для материнства.

В ходе работы над темой о женщинах-революционерках сложилось мнение, что целесообразно выделять три периода женской борьбы в составе революционного движения. Основным критерием в данном случае служат социальные параметры, наиболее типичные для каждого из этапов: происхождение (сословная принадлежность), уровень образования, сфера занятости. Если для эпохи народничества характерна образованная девушка, чаще дворянка, гораздо реже мещанка. Для второго этапа – девушка-работница, обученная азам грамоты, но иступлено тянущаяся к знаниям. Нередко ее приход в кружок связан с тем, что там, среди студентов можно приобщиться к культуре и образованию, найти бесплатного репетитора, да и вообще иметь досуг, отличающийся от разухабистых фабричных гулянок. И материнское поведение этого этапа иное, материнское поведение возвращает к традиционным формам.

В агентурной записке Отделения по охране общественной безопасности в Москве «о порядке организации и результатах деятельности конференции РСДРП в январе месяце 1912 года» упоминает сотрудницу газеты «Копейка» В.Н. Лобову, которая отказалась от выполнения партийного поручения «по семейным обстоятельствам»: наличие малолетнего ребенка, болезнь мужа, необходимость сохранить за собой рабочее место, чтобы обеспечивать семью[1].

Третий этап начался после февраля 1917 г., когда набирающее обороты военно-политическое размежевание вбирало в состав вооруженных отрядов тех, кто еще недавно ничего иного, кроме своего тихого уголка не видел и не мыслил. Женщины-простолюдинки в несколько месяцев совершили скачок в царство абсолютной свободы. Свободы от родных и близких, от оков традиций. Ставропольская крестьянка Е. Черкасова вступила в красноармейский отряд Шейко вслед за мужем и четырьмя братьями, оставив грудного ребенка старикам-родителям. Ее отец одобрил решение, потому что отбыл на каторге 10 лет за покушение на убийство помещика в 1895 г[2].

Левая эсерка Н.И. Введенская оставила записки о своей жизни в 1916–1919 гг. Тогда у нее на руках был маленький сын, привезенный из ссылки в Сибири. Рожден он был от любимого мужа и, по-видимому, был дорог матери. Но в тексте Введенской ни разу он не упоминается. Не исключено, что он был отдан в чужие руки, много работающая и активно передвигающаяся женщина явно не связана его присутствием[3].

Но подлинный шок возникает от модели материнского поведения, которую демонстрировала Мария Макарова, жена и соратница участника волне-

[1] Артемов С. Жизнь и смерть за копейку // Личное дело. 2002. №6(51). URL: http://www.prpc.ru/gazeta/51/copeck.shtml (дата обращения: 16.03.2016).
[2] Женщина в Гражданской войне. Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. Б.м.: Огиз, 1938. С. 218.
[3] Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336.

ний 1905 г., командира красного партизанского отряда на Екатеринославщине Н.М. Макарова[1]. В 1918 и в 1919 гг., когда территория находилась под контролем немцев, затем деникинцев, она выполняла разведывательную работу, сама и с помощниками добывала секретные документы, собирала сведения, участвовала в разложении войск. Марию не смущало, что у нее маленькие дети. Девочек двух и четырех лет она использовала (!) в своей работе. В своих воспоминаниях она писала: «Я взяла на руки Лиду, предварительно зарядила воззваниями». Она таскала их с собой по холоду, пешком или в набитых вагонах, рискуя их жизнью, благополучием, добавляя им бытовых неудобств и привнося в их жизнь дополнительные испытания. При этом нельзя сказать, что она не любит своих детей. В описании присутствуют свидетельства материнской нежности: «Еле пришла на квартиру со своей драгоценной ношей, а она крошка пригорнулась и шепчет: “Мама, мама”. Не видела я дороги за слезами». Однако, приоритеты революционной борьбы настолько сильны, и для нее очевидны и естественны, что Макарова не пытается как-то объяснить или оправдать свои действия с детьми. Наоборот, в нескольких местах жизнеописания есть свидетельства, что она понимает, что делает («Приходилось выполнять самые сложные и секретные задания в большинстве случаев со своими малютками, подвергая свою жизнь и жизнь детей смертельной опасности»), более того, возможно, в ее глазах это является свидетельством настоящей преданности делу.

Такое кукушество соратниками не осуждалось, поскольку виделось высшим подвигом женской натуры.

Е.О. Науменкова
г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

«А нужна ли жертва?» Критик А. Богданович о роли и месте женщины в обществе

В апрельском номере журнала «Мир Божий» за 1904 г. появилась статья главного редактора журнала А. Богдановича, анализирующая состояние современной женщины на основе малоизвестных рассказов, раскрывающих положение прекрасного пола. Появление данной статьи незамедлительно вызвало бурный общественный резонанс, поскольку Богданович выступал против исключительно традиционных обязанностей женщины, таких как содержать дом и рожать детей. «Не стоит идти общей дорогой большинства девушек – выходить замуж, рожать детей и только. Женщине необходимо развивать в себе личность раз сознавшую себе цену и понявшую, что выше, важнее и ценнее нет ничего на свете. Однако чтобы стать личностью необходимо долгая и упорная борьба с жизнью, с самим собой, с людьми». Автор статьи неоднократно подчеркивает, что нерешенность женского вопроса будет пре-

[1] Там же. Ф. Р-4533. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-31.

пятствовать дальнейшему развитию цивилизованного общества. Однако решить данную проблему может только сама женщина.

Богданович резко опровергает аргументы слабого пола, утверждавшего, что они жертвовали собой, своими устремлениями и желаниями ради мужа и детей. Это совершенно бессмысленные жертвы! Богданович задает вопрос: «А нужны ли были эти жертвы?» На данный вопрос он отвечает отрицательно. «Разве будет счастлив муж, зная, что по его вине жена становится жертвой, то есть он палачом. Разве мужчина не способен понимать чужие страдания? Да и какое счастье выслушивать постоянные упреки супруги, что именно по его вине она отказалась от своих юношеских мечтаний»[1]. Богданович делает вывод, что данная жертва совершенно не нужна палачу, она не доставила ни малейшего счастья, а наоборот – отравляет жизнь в конец.

Следующий раз женщина приносит себя в жертву своим детям. И в этом случае женщина приносит совершенно напрасную жертву. «Принижая себя, свою личность, отказываясь ради детей от своих прав на полное и яркое существование, такие матери губят прежде всего своих детей» – заключает автор. Что смогут дать подобные женщины своим чадам? Они лишь создают детям такую же нудную, серую, никчемную, как и своя собственная жизнь. Именно поэтому самые лучшие из детей, начинают свою самостоятельную жизнь, полностью порвав с отчим домом.

Богданович идет еще дальше, он утверждает, что жертва своим собственным достоинством может вызывать лишь осуждение. «Нельзя жертвовать собой, но необходимо быть самим собой». Необходимо бороться всю жизнь с физическим и умственным голодом. Что же мешает молодой девушке преодолевать препятствие и почему же муж и дети должны обязательно высасывать из нее все силы? «Если велика потребность борьбы, муж и дети только бы усилили эту потребность, послужили бы новым толчком, новым стимулом для борьбы с жизнью. Однако в жизни выходит как раз наоборот, мы получает кислую даму, готовую жаловаться первому встречному на свою несчастную долю, как в рассказе Дмитриевой»[2].

По мнению Богдановича, женщина ни при каких жизненных обстоятельствах не должна жертвовать своей личностью. Он называет это фальшивой жертвой: «Человеческая личность – самое высокое достояние, что погубить ее в себе – грех против Святого Духа. И не высокого калибра та жалость, которая заставляет приносить подобные жертвы. В ней есть что-то унизительное для обеих сторон. Не из жалости должна проистекать готовность давать нечто другим, а из непобедимого внутреннего влечения, несущего в себе самом удовлетворение. Женщине столько натвердили про высокую роль какой-то всеобщей сестры милосердия, что из-за нее она проглядела высшее назначение человека – никогда и ни для чего не поступаться своим человеческим достоинством». Однако подобные жертвы

[1] Мир Божий. 1904. № 4. С. 37.
[2] Там же. С. 38.

вредны и для того, ради кого их приносят. Жертвы разрушают и разлагают человека, приучат полагаться на других, а не на себя.

Богданович подчеркивает, что права женщины на самостоятельное существование уже давно отвоеваны. Надо только уметь ими пользоваться! «И в каждом конфликте жизни, где приходит в столкновение права человека и обязанности жены, женщина должна не колеблясь, отстаивать прежде всего, первые. Прежде человек, а потом уже жена, потом уже мать, и никогда наоборот, – и потому так, что только женщина-человек в высшем и всеобъемлющем значении слова может быть и истинной женой, и истинной матерью». По мнению автора, жены-кухарки и матери-наседки не приносят счастья. Напротив, с сильной, интересной женщиной любой мягкотелый мужчина сможет преобразиться, сможет стать человеком, иначе он потеряет и жену, и семью. Соответственно и детям не придется начинать самостоятельную жизнь с разрыва с семьей, потому что не будет такой пропасти между их идеалами и той семьей, которую устроит новая женщина.

Далее Богданович обращает внимание читателей на то, как изменяются русские женщины при переезде в Америку. Представительницы интеллигенции тут же начинаю чахнуть. Причину Богданович видит в отсутствии необходимости приносить себя в жертву. «Жертва – своего рода гипноз, опьянение, подымающее ее до подвига, эту бедную русскую интеллигентную женщину». «Жизнь так устроена в этом новом мире, что каждому, если есть в нем силы, находится свое место и возможность развернуться, проявить себя. Если только есть что проявлять»[1]. С другой стороны, простая русская «баба» превращается в совершенно иного человека. «Подавленная у себя на Родине нуждою и приниженностью, душа женщины в новых условиях, быстрее, чем мужчины подымается и крепнет, как растение, выбившееся из-под снега. Просыпается чувство товарищества, благожелательства и взаимной поддержки». Таким образом, Богданович призывает женщин не ограничиваться семьей и домом, а развивать в себе личность.

Н.Ю. Терехова
г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

Феминизм как отказ от родительства

Удивительная параллель прослеживается в судьбах двух женщин, матери и дочери – русской анархистки Юлии Гортынской-Дебогорий и ее дочери, американской журналистки Натали Дебогорий-Сонниксен. Несмотря на разное воспитание и разную модель отношений в паре «мать – ребенок», обе пришли к выводу, что совершенствование личности и профессиональная карьера намного важнее, чем материнские обязанности, а гражданский долг перед обществом состоит не в воспитании детей, а исполнении революционного долга (Юлия Гортынская) или борьбе за равенство с мужчинами на профес-

[1] Там же. С. 39.

сиональном поле (Натали Дебогорий). Можно рассматривать «линии судеб» этих двух женщин, имея следующие точки для сравнения: 1) в какой семье родились, как прошли ранние годы жизни; 2) образование и формирование взглядов в подростковом возрасте; 3) возраст невесты и окружающая среда, диктовавшая гендерное поведение; 4) замужество и семейная жизнь, причина развода; 5) отношения между родителями и детьми после развода родителей.

Юлия Александровна Гортынская родилась в 1860 г. Чернигове в семье военного, росла в большой и дружной семье. Воспитанием занимались оба родителя, т.к. отец вышел в отставку по ранению. Огромное влияние на Юлию оказало общение с двоюродными сестрами М.В. и О.В. Гортынскими, воспитанными своим отцом в весьма либеральной атмосфере и равенстве между дочерями и сыновьями[1]. Старшие кузины мечтали о естественнонаучном образовании, чего и достигли: Мария стала первой женщиной-профессором палеонтологии, Ольга – одной из первых российских женщин-врачей. Особо доверительные отношения сложились с матерью Александрой Петровной, в старости та разделила судьбу дочери, находящейся под надзором полиции и часто меняющей свое местожительство.

Натали Дебогорий (Наталия Владимировна Дебогорий-Мокриевич, Natalie Debogory) родилась в Женеве в 1887 г., куда ее родители-революционеры перебрались из Болгарии незадолго до родов матери. Большую часть времени девочка проводила в тесном общении с матерью, связной русской эмиграции, совершающей бесконечные поездки по Европе и Российской империи. Девочка с ранних лет привыкла к игре в конспирацию, суровому и скромному быту вне дома. Постоянная перемена мест, многочисленные встречи и контакты с незнакомыми людьми, разговаривающими на разных языках – все это быстро развивало живого и любопытного ребенка, но лишило того, что называется «детство в полноценной семье», которое и формирует представление о традиционных отношениях между родителями и детьми[2]. Ребенок чувствовал себя равноправным партнером.

Как и старшие кузины, 10 лет от роду Юлия поступила в Киевский ИБД, где девочек воспитывали как будущих идеальных матерей и жен, но никак не ученых женщин. По свидетельству родственников, в ранней юности Мария и Юлия были очень близки, и обожание старшей сестры, ее авторитет подвигли Юлию продолжить образование. Окончив ИБД в 1877 г., Юлия через год поступила на Киевские Высшие женские курсы на физико-математический факультет. Убийство Александра II и последующие события не оставили равнодушными киевскую молодежь, наука уже не кажется панацеей исправления общества. Юлия бросает курсы и уезжает в Швейцарию.

До 11 лет Натали Дебогорий не расставалась с матерью; было много счастливых дней, когда они жили у отца в болгарском городке Чирпане, где многоопытный и мудрый Владимир Дебогорий, практически отошед-

[1] Любина Г.И. Семейный клан Гортынских: распределение в нем гендерных ролей //ИИЕТ им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2013. Т. 1. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 254-255
[2] ГАРФ. Ф. 102.ОО (Особый отдел). Оп. 226. 6 ч. № 239

ший от революционных мечтаний и планов построения нового общества, пытался создать семейный очаг. К сожалению, Юлия, которая была моложе его на 12 лет, ставила общественную жизнь выше личной, не захотела быть просто женой болгарского дорожного инженера[1]. В браке с Дебогорием Юлия обнаружила у себя много талантов, она оказалась замечательным редактором, корректором, журналистом и переводчиком. Супруги принимают решение дать друг другу свободу, дочь остается с матерью. В 1897 г. Юлия едет в Лондон, а в 1898 г. вступает в одну из вновь образованных толстовских коммун в Перли. Попытка следовать толстовским законам простой и честной жизни потерпела крах, и русская часть колонии переезжает на новое место в Глостершире, где нет никаких условий для нормальной жизни. Отсутствие гигиенических условий и жизнь впроголодь приводят Юлию к мысли отдать дочь в закрытую английскую школу. Через год Юлия уходит из коммуны и возвращается к революционной деятельности, но взрослеющая дочь уже не помощница, а помеха. Поэтому Натали остается в школе, достаточно дорогой и престижной. Образование необходимо женщине так же, как и мужчине. Но одиннадцатилетний ребенок воспринимает это как предательство. Редкие приезды матери уже не радуют девочку, и вскоре она просто перестает общаться с ней. Переписка Дебогория с дочерью говорит о том, что родители сохранили между собой теплые дружеские отношения. Он уговаривает дочь написать матери, объясняя, что мама ее оставила в школе, потому что так было нужно. Но характер у девочки не по-детски тверд. После выпуска Натали едет в Болгарию к отцу, с матерью они больше не виделись и не переписывались.

Институтка Юлия Гортынская, строго воспитанная и романтически настроенная девушка, влюбляется в Женеве в русского эмигранта, известного революционера, бежавшего из сибирской ссылки, и решает разделить с ним все тяготы и невзгоды жизни в эмиграции, стать его верным другом и помощником. Владимир Дебогорий пользуется вниманием у женщин, но тем радостнее победа! Молодая пара не имеет собственного жилья и около 5 лет живет во времянках у дорог, которые строил Дебогорий в Болгарии как дорожный мастер[2].

Воспитанница закрытой английской школы, руководимой двумя просвещенными дамами с репутацией феминисток, Натали Дебогорий также выбирает себе любовный объект, которого добиваются многие женщины. Американский журналист Альберт Сонниксен пишет репортажи – как написали бы теперь – из горячих точек, много повидал, несмотря на молодой возраст. На момент знакомства с Натали им уже написаны две главные книги: «В плену на Филиппинах», «Морские разбойники», на подходе «Исповедь македонского повстанца», которая и сделала его почитаемым в Болгарии и Македонии до настоящего времени. Натали тоже решила стать журналистом: пример отца и матери – пишущих, спорящих, перепрыги-

[1] Терехова Н.Ю. Без Юлии словарь неполный! //Нева.-2016.-№ 5
[2] Генадиев, Никола Иванов. Мемоари. Т.1.- гл. «Спомени от Съединението». - София, 1923. С. 54–99.

вающих с русского на французский или немецкий – оказался заразителен. Альберт напоминает отца решительностью, неким авантюризмом и фантастическим везением. Альберт был представлен Владимиру Дебогорию. Главные мужчины в жизни Натали понравились друг другу и дружили до смерти Дебогория. Молодые поженились 26 декабря 1906 г. в Болгарии[1], в сентябре 1909 г. у них родился сын Эрик.

События в России и Европе начала XX в. не менее бурные и разрушительные для молодых умов, чем 1881 г. И молодая мать Натали Дебогорий, смертельно оскорбленная тем, что ее собственная мать предпочла семье и материнским заботам «служение народу», выбирает то же самое! Как и муж, она пишет статьи, рецензии, проводит журналистские расследования, пытаясь доказать, что и профессионал. Знакомство с американскими родственниками разочаровало ее. Но и родители мужа тоже не были рады выбору сына. Семья бывшего датского посла, натурализовавшегося в США, была шокирована и короткой стрижкой невестки, и косынкой на голове вместо шляпки, но, главное, тем, что жена сына не хочет заниматься бытом мужа-кормильца, а предпочитает делать публичную карьеру. Противоречия нарастали, и в 1919 г. произошел скандальный развод. По решению суда Натали как мать, не уделяющую должного внимания воспитанию ребенка, лишили права видеться с сыном, разрешалось только писать несколько раз в год.

Закрытая школа дала знание восьми европейских языков, Натали работает в Нью-Йорке в Иммиграционной службе, и большинство ее статей 10-20х годов – это анализ причин, заставляющих женщин из Европы переезжать в США, сравнение положения женщин «там и здесь», критика устоев и традиций Старого Мира. «New York Times», «Herald Tribune», «Outlook» публикуют ее статьи по женскому вопросу. Много публикаций посвящено т.н. «бракам по фотографии», когда натурализовавшиеся итальянцы, чехи, поляки, армяне вызывают для женитьбы женщин из своих стран или «выписывают» «просто азиаток», ущемляя права американских женщин, претендующих на равенство с мужчинами, в то время как «выписанные» европейки или азиатки поддерживают модель брака, где женщина традиционно занимает подчиненное положение[2]. Русское происхождение заставляет ее остро реагировать на события 1917 г., она оказывается втянутой в шпионский скандал. В Историю Натали попадает как первая переводчица на английский «Протокола Сионских мудрецов». Семья не знает точно, был ли ее переезд в Париж заданием ЦРУ или попыткой убежать из недружелюбной страны, лишившей ее радости материнства.

Как и Юлия, Натали больше детей не имела. Замуж обе женщины больше не выходили. Обе полностью отдались работе и служению обществу. В 1907 г. по амнистии Юлия возвращается в Россию, где занимается пропагандой вегетарианства, переводит статьи и книги научно-просветительского характера для киевских журналов и издательства «По-

[1] Документы Натали были предоставлены автору ее внучкой Ингрид Сонниксен.
[2] Natalie de Bogory. Adventurers in marriage//The Outlook.-August 17, 1921. pp. 618-620.

средник». Следы ее теряются в Геленджике в 1933 г. Натали работала в Париже корреспондентом «New York Herald» до своей смерти в 1939 г., прах ее хранится в колумбарии кладбища Пер-Лашез. Не дожив до Второй Мировой, она ухитрилась оставить свой след и там: в начале 30-х гг. отвела своего приятеля по Нью-Йорку Иоахима фон Риббентропа[1] к известной парижской ясновидящей Blanche Orion, которая предсказала молодому красавцу-немцу стремительный взлет и успех в политической карьере и трагический финал!

Итак, на примере двух поколений женщин одной семьи можно сделать вывод, что совмещение двух функций женщины: матери и общественного деятеля-профессионала даже не предполагалось, был осознанный выбор в пользу общественной и профессиональной деятельности. Использование труда няни (даже при наличии средств!) считалось эксплуатацией женщины, родительские же обязанности рассматривались как препятствие к самоопределению женщины и становлению ее как личности и профессионала.

А.Ю. Чередникова
г. Геленджик, филиал Южного федерального университета в г. Геленджик

Эмансипация и традиционное материнство: женщины Веймарской республики (1919–1933 гг.)

В силу происходящих социально- и военно-политических событий в мире в настоящее время междисциплинарные исследования, изучающие изменение положения, статуса и роли женщин в условиях стремительно меняющейся внешне- и внутриполитической обстановки и коренной ломки и деформации политических и общественно-социальных институтов, привычной повседневной жизни, являются крайне актуальными[2]. Первым таким переломным историческим эпизодом в истории Германии XX в. можно назвать 1919–1933 гг. – время Веймарской республики. В зарубежной историографии веймарский этап женской истории изучен достаточно основательно, выработан ряд концепций и теорий[3], то в отечественной науке

[1] Prieur, Jean. Hitler médium de Satan.- Paris: Éditions Lanore, 2004.-p.71 или http://www.ephphata.net/livres-promotion/hilter-medium-satan/hitler-jean-prieur-intro.html#sommaire

[2] Например: Волков М.Г. Женская повседневность в экстремальных условиях войны (региональный аспект) / Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы VI Международной научной конференции РАИЖИ, 3-6 октября 2013 г. в г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), - Нальчик-Москва, - В 2х тт. Т. 1, 2013. С. 184-186; Ермаков А.М. Гендерные роли женщины в идеологии германского фашизма / Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31. М.: ИВИ РАН. С.36-53; Чуракова О.В. Трансформация гендерных статусов женщин в период мировых войн (на примере повседневной жизни девушек г. Архангельска в годы Великой Отечественной войны) / Там же. С. 184-186 и т.д.

[3] Например: Frauen und andere Ereignisse. Publizistik und Erzaehlungen von 1915 bis 1970. Berlin, 2001; Frevert U. Frauen-Geschichte zwischen bürgerlichen Verbesserung und neuen Weiblichkeit. Berlin. 1986; Gerhard U. Femenismus und Demokratie: die europäische Frauenbewegungen der 1920er Jahre, koenigstein im Taunus. Helmer, 2000; Hart und zart. Frauenleben 1920-1970. Berlin, 1990; Nave-Herz R. Die Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland. Opladen, 1993; Usborne C. Frauenkörper – Volkskorper. Geburtenkontrolle und Bevoelkerungspolitik in der Weimarer Republik. Muenster, 1994 u.s.w.

этому направлению уделено фрагментарное внимание[3]. Однако исследователи справедливо отмечают возникший диссонанс, возникший в ходе трансформации образа мысли, образа жизни, всех сфер существования всего немецкого общества и женщин, в частности. Наиболее выпуклыми гранями этого диссонанса в жизни женщины Германии тех лет без сомнения следует назвать эмансипацию и сохранение сконцентрированной на семье и воспитании детей традиции.

В данном материале мы попытаемся выяснить, насколько эмансипация и приобретение различных прав и свобод немецких женщин повлияла на изменение стратегии женского родительского поведения[1], как бытовало традиционное материнство в отношении изменившихся социальных ролей женского населения и влияния их на семейный институт и воспитание детей в Германии указанного периода.

Феномен эмансипации женщин Германии первой половины XX в. в последнее время изучался с позиций междисциплинарного подхода[2]. Подчеркнем лишь, что процессы женской эмансипации в разных сферах жизни – политической, профессиональной, морально-поведенческой, духовной – довольно проблемно коррелировали с традиционным укладом жизни женщин в Германии. Так, предоставление женщинам политических прав стало следствием деятельности женского движения в Германии. Став ко времени окончания войны очень значимой частью трудоспособного немецкого общества, женщины были морально готовы к получению политических прав, а государство – к декларации и обеспечению этих прав. А вот профессионально-трудовая и образовательная эмансипации, которую немецкие женщины обрели в тяжелые военные и послевоенные годы, стала для большей части немок вынужденной. В 20-е гг. обретение женщинами политических и трудовых прав происходило синхронно с морально-поведенческой эмансипацией, которые обоюдно подпитывались, и тем самым, «освобождали» женщинам новые просторы для деятельности (педагогика, культура, искусство и пр.). Женщины из «элитной» среды, как правило, испытывали меньше потребности в борьбе за равноправие с мужчинами, они пожинали ее плоды. Женщины из средних слоев по-прежнему составляли пошатнувшийся, но – оплот традиции в семье и обществе. Немки из рабочей среды, трудившиеся на производстве, получавшие небольшие зарплаты, были вынуждены объединяться в союзы, вступать в политические партии и требовать у государства и правительства

[3] Например: Малахова Т.В. Положение женщины в семье и обществе в период Веймарской республики // Вестник Пермского университета, 2011. №15. С. 141-155, Шульц Э.Э. «Женский вопрос» в Веймарской республике в свете проблемы гендерного голосования: к постановке проблемы // приволжский научный вестник. 2015, №9 (49). С. 24-29 и др.

[1] Исупова О., Чканикова А. Интенсивное материнство – знак нашего времени? // Первое сентября. № 18, 2013 / http://ps.1september.ru/article.php?ID=201301824 [10.05.2016]

[2] Вырупаева А.П. Мода, изменившая мир: эмансипация и рождение современного образа женщины в Веймарской Германии //Вестник Челябинского государственного университета. 2011, №23. С. 169–175; Чередникова А.Ю. Некоторые проблемы женской эмансипации в Веймарской республике (1919–1933) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. - Санкт-Петербург, 2009. - №17. С. 131–151 и т.д.

дозволенных прав. Женщины из низов общества, из малообеспеченных семей нередко ступали на путь проституции, что было продиктовано общей экономической ситуацией – сложными для выживания периодами послевоенной разрухи и экономических кризисов 20-х гг., и возможностью относительно быстрого заработка. Очевидным был тот факт, что среди всех слоев женского населения Германии отмечался общий морально-нравственный упадок. Подобное «освобождение» женщин противоречило как традиционным общественным устоям, так и идеалам женского движения в Германии.

Давнишнее кредо немецких женщин в семье и обществе «трех К» - Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь), нередко дополняемая «четвертым К» – Kleider (одежда), – не могла исчезнуть без следа за несколько веймарских лет. В условиях эмансипационных процессов и приобретений новых, не всегда желаемых, социальных ролей, одно из важных предназначений человека и женщины, в частности – родительское – подверглась серьезной коррозии. В большей степени это относится к тем слоям женского населения, которые принадлежали к бедным, нуждающимся, занятым на производстве, относились к разряду матерей-одиночек и в чьих семьях в послевоенное время оказались на иждивении не только дети, но и мужчины-инвалиды, мужчины-безработные. Как мы уже отмечали, зачастую женщины поступали на работу не по социальным мотивам, связанными с идеями эмансипации и стремления к абсолютному равенству с мужчинами. Причиной была экономическая необходимость, вынужденность трудиться на производстве с целью обеспечения дополнительного, а нередко и основного, семейного дохода, в особенности при отсутствии (инвалидности) кормильца-мужчины. Материнство, таким образом, выступало в годы Веймарской республики уже не в качестве единственно допустимой социальной роли, но в качестве составляющей жизнедеятельности женщин (вынужденной или избранной), а нередко – и ее альтернативы.

Итак, работающая мать отныне должна была сочетать несколько различных функций – занятость на производстве и в общественной жизни, забота о семье и муже, ведение хозяйства, причем родительская становилась отнюдь неглавной. Поэтому рабочая семья, семья среднего достатка с работающими родителями, а тем более, с одинокой работающей матерью являла собой, как отмечает отечественный историк И.Я. Биск, пример «неполноценной ячейки общества»[1]: женщина в силу своей занятости на производстве не могла традиционно основательно заботиться о семье и детях. Родительское участие женщин в воспитании детей сводилось к минимуму. Это негативно сказывалось на крепости института семьи – гаранта целостности немецкого общества, здоровье женщин, воспитании подрастающего поколения, не восприятия детьми семейных ценностей.

[1]Подробнее: Биск И.Я. История повседневной жизни населения Веймарской республики. Иваново, 1990.

Совершенно очевидно, что традиционные роли немецкой женщины – мать и жена, в ходе эмансипации подверглись коррозии. Материнство, как стратегия родительского поведения, более не являлось приоритетным жизненным вектором женщин упомянутых слоев населения. Семейные ценности, воспитание детей в духе традиционного немецкого общества и сам институт семьи были поколеблены. На этом диссонансе виртуозно сыграли всего несколько лет спустя национал-социалисты, вернув женщину в семью. Отстранив женщин от руководящих должностей практически во всех сферах жизни общества, имеющим детей женщинам и вовсе запретив работать, ограничив их возможности в обучении в вузах страны, национал-социалистическая власть стимулировала рождаемость, поощряла здоровый образ жизни, приветствовала вовлеченность женщин в общественную и общественно-политическую жизнь и пр. На недолгий период (до начала Второй мировой войны) традиционное материнство было провозглашено высшим гражданским и политическим долгом женщин и единственным путем и целью ее существования.

А.М. Ермаков
г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет

«Оберечь мать, сохранить ее для ребенка»: проект страхования материнства немецкой социалистки Лили Браун

Большие масштабы использования женского труда в промышленно развитых странах Европы в конце XIX в. привлекли внимание общества к работающим матерям и вызвали к жизни первые проекты законодательной защиты материнства, авторами которых выступили феминисты Италии и Бельгии. На тот момент германское социальное законодательство являлось самым передовым в мире. Оно предусматривало шестинедельный послеродовый отпуск и – по заключению врача – шестинедельный дородовый отпуск при сохранении 75% заработной платы, бесплатном медицинском обслуживании и акушерской помощи. Эти меры не распространялись на 670 тысяч женщин, работающих на дому, в сельском и лесном хозяйстве, а также в качестве домашней прислуги. Немецкие феминистки сосредоточивались на борьбе за избирательное право и доступ женщин к академическим профессиям, поэтому инициатива в разработке мер по защите работающей матери оказалась в руках немецких социалисток. Пионером на этом поприще выступила Лили Браун (1865-1916) – дочь прусского генерала фон Кречмана, порвавшая со своими социальными корнями и через увлечение идеями этического социализма пришедшая в СДПГ в 1896 г.

Поздней осенью 1897 г. она задумала написать фундаментальную книгу, в которой женский вопрос получил бы социалистическую трактовку. В основу своего будущего труда Браун планировала положить мысль о страховании материнства. «Оберечь мать, пока она носит дитя под сердцем, сохранить ее

для ребенка, хотя бы пока она кормит его грудью – такой цели, казалось мне, стоило добиваться», - рассуждала она. Намерение Браун не встретило поддержки среди социал-демократических активисток, считавших, что все необходимое уже есть в Эрфуртской программе СДПГ, книге Августа Бебеля «Женщина и социализм» и статьях Клары Цеткин. Подчеркивая чуждое классовое происхождение генеральской дочери, они заявили, что «такому образованному человеку, как товарищ Браун, книжку сочинить не так уж трудно». Тем не менее она приступила к работе над книгой, оттолкнувшись от убеждения в том, что капитализм не может обойтись без все большего вовлечения женщин в производство. С одной стороны, производительный труд женщин - прогрессивное явление, так как он способствует экономической независимости женщины от мужчины. С другой стороны, наемный труд подрывает здоровье женщины-матери, создает угрозу «самому существованию человечества... В конце концов, человечеству придется выбрать одно из двух: пожертвовать либо самим собой, либо капиталистическим строем».

Книга «Женский вопрос. Его историческое развитие и экономическая сторона» вышла в свет в конце 1901 г. «В каждой фразе своей я взывала к материнству. Верила и надеялась, что из первобытного чувства, не выходящего за пределы колыбели собственного ребенка, оно разовьется в силу, которая покорит вселенную», - вспоминала Браун 10 лет спустя. Она подвергла критике германскую систему страхования материнства, на тот момент самую развитую в мире, и предложила изъять попечение работающих матерей из ведения больничных касс, передав его специальному страховому учреждению, открыть приюты для беременных и рожениц, а также яслей для младенцев. Браун высказалась за выплату женщинам пособия в размере зарплаты в течение 4 недель до и 8 недель после родов, обеспечение матерей бесплатными услугами врача, няни и домработницы, а также бесплатными лекарствами. Средства для выплат матерям предлагалось получить за счет страховых взносов и налога на бессемейные и бездетные семьи. Проект был продуман довольно слабо, о чем свидетельствовали заимствование ряда идей бельгийского феминиста Луи Франка и поверхностное отношение к вопросу об источнике страховых средств.

Браун считала, что «выковала несокрушимое оружие для пролетарок», книга получила множество положительных отзывов, в том числе Августа Бебеля, однако Цеткин публично назвала это произведение бесполезным. Она же провалила попытку Браун добиться одобрения своей программы всеобщего страхования материнства на женской конференции СДПГ 1902 г. Делегаты, которые сочувствовали матерям-работницам, не осмелились выступить против Цеткин – авторитетного руководителя пролетарского женского движения, громившего проект Браун «с такой горячностью, словно дело шло о защите основных принципов социализма».

После этого конфликта Браун уже не могла публиковаться в журнале Цеткин «Гляйххайт» («Равенство»), однако свои страницы для нее предоставлял независимый от СДПГ теоретический журнал «Социалистический

ежемесячник», который ортодоксальные социал-демократы, в том числе Цеткин, считали оплотом международного ревизионизма. В 1903 г. в «Социалистическом ежемесячнике» появилась статья Браун «Страхование материнства и больничные кассы». Три года спустя она в доработанном виде вышла отдельной брошюрой в издательстве СДПГ «Форвертс». Детально продуманный, снабженный ссылками на «авторитетов в области медицины» и собственный материнский опыт, проект включал распространение социального страхования на все категории работающих женщин; запрет работы на вредных производствах для беременных; предоставление отпуска сроком 8 недель до и 8 недель после родов; введение прогрессивного подоходного налога для выплаты пособия в период отпуска; увеличение суммы пособия до 100, а в отдельных случаях – до 150% заработной платы; обеспечение беременным и роженицам бесплатных услуг врача, акушерки и домработницы; создание сети родильных домов и домов для рожениц; выплату премий и продление послеродового отпуска кормящим матерям; создание сети домов малютки и детских садов. Наконец, у социалистки Генриетты Фюрт, такого же аутсайдера в СДПГ, как и сама Браун, была заимствована идея обязательного страхования всех женщин с ежегодным семейным доходом менее 3000 марок, в том числе неработающих жен пролетариев.

В январе 1905 г. Браун, вопреки официальной партийной линии на отказ от сотрудничества с «буржуазными феминистками», стала одной из основательниц Союза защиты матери и вошла в его правление. Поначалу Союз сосредоточился на реформе сексуальной этики, но в марте 1906 г. его руководство единогласно приняло предложенную Браун программу защиты материнства, более умеренную, чем та, которую она отстаивала в печати.

Статьи, брошюры и бесчисленные выступления превратили Браун в признанного эксперта по проблемам материнства и его защиты, ее взгляды были известны зарубежному социалистическому и феминистскому движению. В России книга «Женский вопрос» публиковалась в двух различных переводах в 1902, 1903, 1906 и 1922 гг., а брошюра «Страхование материнства» вышла в 1909 г. В Германии идеи Браун использовала Генриетта Фюрт, в 1911 г. выпустившая объемную книгу «Страхование материнства».

Тем временем сама Браун, разочарованная в социал-демократии и переживавшая кризис отношений с мужем, постепенно отходила от партийной жизни. После начала Первой мировой войны она выступила за отказ от всех требований женского движения до достижения победы, а летом 1915 г. полностью порвала с СДПГ.

Л.С. Быша
г. Тверь, Тверской государственный университет

Формы репрезентации афроамериканских матерей-подростков в антропологическом прочтении Ш. Родригес

В XXI в. афро-американская молодежь по-прежнему негативно представлена в средствах массовой информации, педагогами и даже некоторыми молодежно-ориентированными организациями. Афроамериканские матери-подростки, в частности, отвечают за бедность, возрастающий процент исключений из школы, жестокое и пренебрежительное обращение с детьми, зависимость от социального обеспечения и преступность. Несмотря на стойкость этих отрицательных представлений, исследователи, стремящиеся понять жизнь афроамериканских молодых матерей, считают, что существуют как скрытые, так и явные формы сопротивления негативным стереотипам, так же как и стратегии для самоопределения.

В своей работе «Beyond Today and Pass Tomorrow»[1] Ш. Родригес исследует жизнь матерей-подростков в двух малообеспеченных общинах. Автор рассматривает формы проявления самоэффективности («self-efficacy), которые возникают в ходе интервью с молодыми женщинами. Ш. Родригес выступает не только в качестве независимого исследователя, но и заинтересованного участника, погруженного в жизнь изучаемой социальной единицы: она выступает за критическую потребность в организации молодежных программ в малообеспеченных общинах, а также вносит некоторые программные предложения, касающиеся матерей-подростков. Кроме того, она указывает на важность феминистского антропологического ракурса при исследовании молодежно ориентированных программ.

Ш. Родригес акцентирует свое внимание на следующих проблемах: как афроамериканские девушки формируют определения своего прошлого, настоящего и будущего в постгражданском обществе XXI в.? Как они отстаивают свои интересы и выражают себя на фоне исторических, широко принятых стереотипов о чернокожих женщинах как о матриархах-праматерях, «мамушках» и других негативных образов.

Ш. Родригес поднимает вопрос о том, как могут исследователи и координаторы программ молодежных организаций научиться опознавать самоэффективность молодых матерей-подростков и основываться на этих навыках, чтобы воспитать лидеров среди афроамериканских женщин, которые внесут вклад в изменение жизни своих общин, как они могут облегчить жизнь этим молодым женщинам, чтобы они могли уверенно двигаться из сегодня в завтра.

[1] Rodriguez Ch. Beyond Today and Pass Tomorrow: Self-Efficacy Among African-American Adolescent Mothers // Voices Vol. 8, No. 1 Spring, 2008. P. 18–22.

Для того чтобы понять поведение, которое можно охарактеризовать как самоэффективность, необходимо рассмотреть некоторые мифы, сконструированные об афроамериканских матерях-подростках политиками, СМИ, педагогами и другими лицами, которые пытаются упростить жизнь этих молодых женщин. В своем исследовании подросткового материнства среди афроамериканок, Е. Каплан апеллирует к некоторым из них в следующих вопросах: «Ответственны ли афроамериканские матери-подростки за социально-экономические проблемы, преследующие афроамериканские сообщества? Имеют ли афроамериканские матери-подростки другие моральные ценности по сравнению с большинством американцев? Есть ли у них дети, которые обеспечат им благосостояние, как утверждают политики? Оправдывают ли семьи афроамериканских матерей-подростков их девиантное поведение, согласно популярному мнению?»[1].

Как утверждает Е. Каплан, реальность матерей-подростков состоит в том, что они должны принять стратегии для выживания, которые им кажутся осмысленными в рамках своей социальной среды. Хотя эти стратегии могут показаться недостаточными, они часто являются формами самоэффективности. Ш. Родригес использует термин «самоэффективность» («self-efficacy»), подразумевая способы, которыми молодые женщины отстаивают свое мнение, пытаются определить себя или указывают на осознание вызовов, стоящих перед ними. В то же время Ш. Родригес пытается определить, что некоторые феминистские исследователи рассматривают в качестве деструктивного поведения и сопротивления[2], которые – в связи с другими аспектами их жизни, такими как духовность, родственные и дружеские связи – могли бы способствовать как выживанию, так и трансформации себя. Существует четкая связь между тем, что автор называет самоэффективностью и концепцией устойчивости. Исследователи изучения этой концепции исходят из специфического поведения, основанного на способности восстанавливаться в условиях травмы и адаптации – всех тех характеристик и навыков, которые играют важную роль в жизненных ситуациях молодых женщин, однако при попытке практической реализации самоэффективности, Ш. Родригес выходит за рамки простого выживания в условиях травмы – она смотрит в будущее, основанное на независимом выборе.

В своих интервью с матерями-подростками Ш. Родригес обнаруживает, что молодые женщины, как правило, основываются на реалиях собственной жизни. Большинство респонденток в определенный момент беседы рассматривают свою жизнь в контексте своего социально-экономического статуса. Так, одна молодая женщина рассказала несколько историй, обнаруживающих

[1] Kaplan E.B. Not Our Kind of Girl: Unraveling the Myths of Black Teenage Motherhood. Berkeley: University of California Press, 1997.
[2] Cf.: Fordham S. «Those loud black girls»: (Black) women, silence, and gender "passing" in the academy. Anthropology and Education Quarterly 24(1):3-32, 1993. Ward J. V. Raising Resisters: The Role of Truth Telling in the Psychological Development of African American Girls. In Urban Girls: Resisting Stereotypes, Creating Identities. N.Y.: New York University Press, 1996. Pp. 85-99.

жестокую бедность, серьезные проблемы со здоровьем, усугубляемые ограниченными финансовыми ресурсами ее матери. Ее жизнь только усложнилась, когда она стала матерью в возрасте шестнадцати лет. Большинство информанток выявили понимание вызовов, поставленных перед ними в связи с рождением ребенка. Они также понимают восприятие афроамериканских матерей-подростков обществом в целом. Ш. Родригес подчеркивает, что большинство молодых женщин выражают идею о важности семьи, даже когда они говорят об отсутствии поддержки со стороны последней. Даже в самых бедных общинах молодые афроамериканки часто высказывают мечты и устремления в успешное будущее, независимо от того, насколько нереалистичными их идеи могут показаться людям вокруг них.

И.В. Бобров, А.Л. Шишелякина
г. Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН

Репрезентации образов материнства в русском националистическом движении

В условиях продолжающейся социетальной трансформации, часть российского общества обращается к ценностным установкам, которые принято определять как этнические, апеллирует к историко-культурным традициям для создания системы координат в современном мире. Формирующиеся на основе этого социальные констелляции пытаются преобразовать не только свою жизнь, но и окружающих их людей в соответствии с собственной картиной мира, на основе чего формируются разнообразные этнополитические концепции – национализм[1].

Современный русский национализм разнообразен как по концептуальным основам, так и по политическим стратегиям. Одна часть сообществ русских националистов апеллирует к религиозным ценностям как различных течений православия, так и конструируемого ими «славянского», «арийского» язычества. Другая – в целом остается в рамках нерелигиозного восприятия мира, хотя зачастую склоняется к светским, квазинаучным иррациональным концепциям (например, расизм, концепция «живой и мертвой воды»). Одни сообщества националистов более нацелены на социальные изменения, вторые исходят из необходимости первоочередности радикальной политической перестройки общества. Часть русских националистов занимает провластные или, по крайней мере, комплементарные позиции в отношении современного политического режима, иные же считают российский политический истеблишмент антирусским, прямо или опо-

[1] Национализм – тотальная этнизация (культурная соотнесенность) всех социетальных отношений, а человеческие и гражданские права признаются лишь в связи с этнической соотнесенностью человека, т.е. лишь в ассоциации с культурно определенной группой, которые признаются националистами принципиально неравными, разделяются на доминирующие и доминируемые. Таким образом, весь социальный порядок носит сегрегационный характер.

средованно действующим в интересах нерусских этнических групп или иностранных государств.

Подобное ценностное и политическое многообразие оказывает свое воздействие на принципы осмысления гендерного порядка и места, которое занимают вопросы, связанные с ним в идеологии и практической деятельности различных сообществ русских националистов.

Важным замечанием, позволяющим лучше понять отношение сообществ русских националистов к гендерным проблемам, является то, что указанные сообщества – это мужские группы, нацеленные на политические изменения, в условиях, как кажется русским националистам, катастрофического или апокалиптического положения России и человечества, требующие от своих последователей сверхчеловеческих усилий.

Женщина, зачастую, рассматривается лишь как спутница мужчины, чья функция – оказание содействия мужчине. За женщиной не признается творческих начал, она вторична по отношению к мужскому влиянию на мир. В националистической среде крайне негативно воспринимается женская эмансипация, столетний результат, которой оценивается с позиций снижения ведомости женщины мужчинами, «обабивания» мужчин и кризиса традиционной семьи.

Естественная сфера женщины с точки зрения русского националиста – семья. Причем семья воспринимается как жизненная необходимость, неизбежность. Надо отметить, что образ семьи в общественной мысли русского национализма не разработан. Постоянно используется метафора «традиционная семья», с отсылками к православной церкви, средневековых текстов («Домострой») русских религиозных философов конца XIX – начала XX в. Как представляется, в условиях современной мобильности мира, образ-метафора семьи в понимании русских националистов является последним оплотом понятности мира, постижимости человеческих отношений, отличии от всех остальных форм современных социетальных отношений.

Примерно в такой же степени осмысленности пребывает и образ «материнства». Образы матери, материнства – декларативны. Задачи материнства связаны с воспитанием детей, т.к. отец занят более важными с точки зрения современного существования проблемами. Образ матери в текстах сообществ русских националистов переплетён с образами «Родины», «Богородицы». Надо отметить, что и отношения материнства тоже не могут быть осмыслены националистами через призму человеческих отношений, а поэтому нагружены иррациональными смыслами.

Рождение детей понимается и как задача демографического возрождения белого человечества и как задача рождения христиан и воспитания детей для Бога, поэтому националистами различается правильное и неправильное материнство. Правильным материнством является лишь отвечающее указанным выше целям. Материнство, воспроизводящее иные женские и семейные стратегии, является неприемлемым. Истинная любовь и ис-

тинное материнство проявляются лишь в материнском «подвиге», самоотречении, прообразами которого являются – Богородица, и женщина, рождающая и воспитывающая детей не для их счастливой человеческой жизни, а для служения нации, белому человечеству.

Таким образом, в мировоззрении русских националистов материнство не рассматривается как нечто возникающее в результате естественных отношений матери и ребенка, матери и отца ребенка, а является функцией женщины, проистекающей из ее предназначения для реализации идеи нации.

РАЗДЕЛ 4. ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЕЙНАЯ КУЛЬТУРА, БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ, РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

А.В. Фролова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

Девушка в празднике: игры, развлечения, праздничное поведение (по материалам Русского Севера начала XX в.)

Работа выполнена при финансовом содействии гранта ОИФН Президиума РАН«Историческая память и национальное самосознание»

Нормы поведения молодежи и ее статус в праздники в традиционной деревенской общине Русского Севера существенно отличались от праздничного времяпрепровождения взрослых. Молодежь не участвовала в общем застолье, отдельно гуляла по улицам. Одним из проявлений признания совершеннолетия было разрешение участвовать в праздничных молодежных гуляниях, хороводах, посиделках (беседах, вечерянках) с определенными ролевыми обязанностями. Для девушек это было очень важно, так как именно на праздниках и приуроченных к ним гуляниях, особенно летних (*гульбищах,* игрищах, метищах, петровщинах, кругах), а также на посиделках и беседах происходило общение и сближение молодежи, происходили знакомства, складывались потенциальные брачные пары.

Праздник требовал от нее особого раскованного поведения, и в праздники позволялось многое. Молодежь начинала гульбище, в первых рядах процессий шли девушки в праздничной традиционной одежде – повязочницы в большом наряде. Первой общественной демонстрацией было наличие праздничного наряда. Хваление одежды входило в систему приветствий девушек. Наличие только одного праздничного комплекта одежды у молодых людей брачного возраста считалось верхом неприличия.

В крестьянской среде сформировался определенный стиль праздничного поведения невест и женихов. В первую очередь у нее должен был быть *дроля*, задушевный друг, в глазах общественного мнения девушка, не встречавшаяся с юношей, не бывавшая на беседах – не просто ненормальна, более того, она

сглажена или ее испортили. По мнению окружающих, такое поведение (и со стороны юношей тоже) могло нанести вред всей общине.

В невесте первую очередь ценилась крепость телосложения, позволявшая рассчитывать на нее как на хорошую работницу. Северная красавица должна была иметь округлые формы, поэтому севернорусские крестьяне при выборе невесты обращали внимание на то, чтобы она «была здорова, тельна, тучна, как бывают девушки у зажиточных родителей, работящая и, по возможности, из зажиточного дома».[1] Изящных и стройных девушек называли худыми и тощими, а рослым девушкам вообще нельзя было рассчитывать на скорый и удачный брак.

Каждая из девушек была на виду в деревне. Существовал целый ряд шуток над слишком тихими, несмелыми девушками и над теми, кто вел себя дерзко и развязно. Парни «пели про отдельных девчат сложенные прибаутки, частушки:

Эх, милая моя,
Чем ты брови подвела?
Не чернилом, не пером,
А из печки помелом! »[2]

Девушка должна была суметь ответить на это такой же насмешкой-частушкой:

Милый мой мастеровой,
Веретёнки точит.
Не умеет целоваться –
Только губы мочит.
У милого у избушки
Нет ни скобечки, ни дужки –
Дырочка провернута,
Веревочка продернута![3].

В праздники существовали особые песни и частушки, которыми девушки встречали парней из соседних деревень. Они носили обрядовый характер и являлись типовыми формами словесной коммуникации. Некоторые исследователи усматривают в них генетическую связь с ритуальными словесными поединками[4]. В таких песнях давались прозвища жителям соседних деревень, под них иногда и танцевали. Вот, например, отрывок текста: «Ходит Ваня по угору», очень популярный на Пинежье:

Ходит Ваня по угору,
Носит гусли под полою,
Звончатые под полою.
Кебена-то – рыболовы, ***(д. Кеба)***
Были олемцы хороши, ***(д. Олема)***

---

[1] Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004, с. 200
[2] ГААО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
[3] Тунгусов А.А. Кабы не Арза – не река… Заметки о фольклоре и его сборе. Архангельск, 2006, с 89
[4] Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004. С.200.

Резчена были пригожи, ***(д. Резя)***
Чулащёла – коневалы, ***(д. Чуласа)***
Были русомцы – бахвалы, ***(д. Русома)***
Уж как прялки писать,
да стволы колупать – это палащёла. ***(д. Палащелье)***»[1].

Небольшой отрывок такого перепева девушек из деревни Веркола и парней из деревни Летопала Пинежского уезда, который носил характер поединка. Девчата насмешничали над парнями и укоряли их за то, что они слишком горды и перестали ходить к ним в деревню. Начинали девушки:

Летопала-то не ходя –
Уваженья требуют.
С кем бы, с кем бы наказать –
Мы не будем уважать.
Летопальские ребята
Захотели пофорсить –
Вместо семечек в кармане
Стали уголья носить.
А парни им в ответ отпевали:
Как в Верколу идти –
На дороге тычки.
Веркольские ребята
Наголо затычки[2] .

Посиделки в своей основе представляли символическое разыгрывание свадебного обряда. Игры «*Хожу я гуляю вдоль по хороводу*» и «*Вьюн*», в основе которых было хождение юношей и девушек парой, символизировали знакомство молодых; а игра «*Вокруг столба*», когда молодежь распределялась по парам и их *припевали в кругу* – что символизировало благословение «мира» на брак. На молодежных встречах часто возникали ситуации, когда их участники сами могли припеть юношу и девушку, чувствовавших взаимную симпатию друг к другу. «За мной в молодости Ванька Чивиксин ухаживал. Веришь ли, куда ни пойду, он за мной, так девчонки на вечёрках его ко мне всё одной песней припевали:

Кинарейка девушка –
Да и Марьюшка.
Припоём ей женишка –
Да Иванушка…..»[3].

В первые десятилетия XX в. игра на балалайках и гармошках начала вытеснять хороводные игры и песни, молодежь на беседах стала отдавать предпочтение танцам. «*Барыню*», «*Краковяк*», «*Подыспань*», «*Яблочко*», «*Тустеп*», разные виды кадрилей с большим количеством фигур танцевали до 1950-х гг[4]. На посиделках играли в «*Люб ли сосед*», «*Колечко*», «*Руче-*

[1] Дранникова Н.В. Указ соч. С. 288–289.
[2] Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Архангельск. 2002. С. 72.
[3] Иванова А.А, Калуцков В.Н. Светлое Пинежье: путешествие по краю. 2008. С. 54.
[4] ПМА. 2003 г. Пинежский р-н.; Сугревушка, ты моя, 1998. С. 68–80.

ек», «*Сахаринка*», «*В скамейку*», «*Фанты*», «*Кормить голубей*». Последние игры назывались «поцелуйными»[1].

В материалах АОИРС имеются описания молодежной вечеринки. «Парни приходят позже. Садятся прямо на колени [девиц], или рядом, кладя одну ногу на колено подруги, обнимаются и целуются и не прикрываются рукой. Некоторые парни иной вечер обходят *порядовочку* и целуют всех девушек от первой до последней»[2].

В соответствии с принятыми нормами поведения во взаимоотношениях девушек с парнями объятия и поцелуи допускались: «Целуйся, как люб, не убудет губ»[3]. Более того, часто высмеивались юноши, которые не умели целоваться. В Котласском р-не были распространены частушки, объединенные запевом: «Дроля любит, не целует...»:

Дроля любит, не целует –
Ой, какой он молодец!
Он свои толстые губы
Бережет на холодец.

Дроля любит, не целует –
Только обещается.
А любовь без поцелуев,
Строго воспрещается[4].

Беседы и вечеринки помимо поцелуйных игр были наполнены забавами с поцелуями. Парни старались тайно взять у девушек какую-нибудь вещь, платочек, ленточку и т.п., а затем, исполнив припевку, требовали за это выкуп – поцелуй.[5]

Общественное мнение, религиозно-нравственные нормы морали требовали от девушки сдержанности, нравственности и чистоты, она должна была вести себя скромно и с достоинством – с одной стороны, а с другой стороны, нормы внутригруппового поведения принуждали ее к игровой раскованности. Девушка должна была обладать темпераментом, необходимым для роли подруги-*дролечки* парня. В подобном балансировании на грани дозволенного было чрезвычайно трудно, многим сдерживать себя, вероятно, здесь следует искать причину ханжеского отношения молодежи к нормам сексуального поведения.

Не нужно забывать, что в крестьянской среде добрачные связи осуждались как греховные. «Беременность девушки составляет уже для родителей крайнюю степень позора и бесчестия»[6]. Религиозно-нравственные нормы поведения доминировали в сознании крестьян и тяжелое преступление, совершенное односельчанами, ложилось пятном на репутацию всего общества. И тем не менее севернорусские крестьяне считали рождение ребенка вне бра-

[1] См. подробнее: Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А. Календарные и семейные праздники Русского Севера. М., 2011.
[2] Изв. АОИРС. 1911. N 2. С. 94.
[3] АРЭМ. Ф. 7.Оп. 1. Д. 889 (Олонецкая губ., 1899 г.).
[4] Вирячева С.Г. Любовные частушки Котлосского р-на//Наука.Север.Регион. Архангельск-Котласс, 2005, с. 196
[5] АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ. Зима 1976 г. Дер. Большие Нисогоры, Лешуконский р-н, Архангельская обл. Тетр. 19 (55). – N 3.
[6] Громыко М.М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские. М, 1999. С. 681.

ка наименьшим грехом, чем аборт или убийство новорожденного младенца[1].

Интересны мужские частушки, в которых парни хвастались сексуальными похождениями, и рождение ребенка называли всего лишь «несчастьицем».

У милашечки во спаленке
Не тухнет огонек.
У ней несчастьице случилося –
Родился паренек[2].

Н.В. Алексеева
г. Череповец, Череповецкий государственный университет

Материнские проклятие и молитва в русской духовной традиции

Пресвятая Богородица и Мать-Сыра Земля – это два великих образа крестьянской духовной жизни. Их ипостаси определяли самые основы бытия. Поэтому тяжелый грех брал на свою душу человек, «матерно» бранившийся, т.к. он осквернял одновременно и Пресвятую Богородицу и Мать-Сыру Землю. Как повествуется в одном из духовных стихов:

Вы, народ Божий, православный,
Мы за матерное слово все пропали,
Мать Пресвятую Богородицу прогневили,
Мать мы Сыру-Замлю осквернили;
А Сыра-Земля матушка всколебается,
Завесы церковные разрушаются,
Пройдет река к нам огненная,
Сойдет судия к нам праведная.[3]

Земля крестьянами рассматривалась как лоно предков, последний приют всех живших на ней. В русском обществе широко бытовало представление о том, что у каждого человека есть три матери: родная, крестная и Мать-Сыра Земля.

Женщина в традиционной культуре рассматривалась как носительница плодородной функции земли и, следовательно, обладательницей ее силы. По этому, материнская молитва и благословление, ровно, как и проклятие, имели огромное значение и, неминуемо отражались на жизни ребенка. Отсюда обязательное родительское благословление молодых пред свадьбой: отца, как главы рода и ответственного за судьбу своих детей перед богом, общиной и своим родом, и матери, как носительницы репродуктивной силы этого рода.

В комплексе крестьянских религиозно-этических оценок поведения человека и его поступков, благословение означало не только «признание

[1] См. подробнее: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988.
[2] ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.
[3] Алексеева Н.В. «Покаяние в православной традиции русских крестьян XVIII–XIX вв. (по материалам Европейского Севера России)». Дис… к.и.н. Вологда. 1998. С. 136.

нравственной правоты задуманного и расценивалось не только как одобрение или разрешение того лица, у которого оно было испрошено, но и как гарантия поддержки всего мира христианских святых». Недаром обычной формой ответа на просьбу благословить была – «Бог благословит». Поэтому нежелание родителей благословить брак, а еще страшнее – проклятие за ослушание – сулило большие беды молодой паре.[1]

«Даже самый дом, скотина, постройки, дети и проч. носят на себе отпечаток проклятия отца и матери... Работы, яровыя и озимовыя хлеба, вообще все бывает худо и проклято. Крестьяне верят, что благословение родителей «ни в воде не тонет, ни в огне не горит».[2] Но, прежде всего, родительское проклятие обрекало молодых на бездетность. Здесь можно привести рассказ крестьянина Городищенского уезда Пензенской губернии о многострадальной судьбе своей семьи. Родители невесты не желали их брака и поженившихся «самоходкой» молодых не только не простили и не благословили, но и прокляли: «Чтоб ей, говорят, век как осине трястись да деток своих не видывать». После этого у несчастной женщины пошли один за одним выкидыши. После безрезультатного обращения к лекарям и знахарям, совершенно отчаявшись, она хотела уже «руки на себя наложить». Услышав это родители «помягчали». Тогда, по воспоминаниям рассказчика, «пошли мы к ним на прощеное масленое воскресенье и упросили их Христовым именем простить нас и благословить. И что же? Баба моя стала краше солнышка. Весела хоть куды и через полгода сына хорошего родила. Вот как жить на свете с проклятьем-то родительским»[3]. Угроза со стороны родителей не дать благословения на брак заставляла часто молодых людей отступать от своих планов.

Однако в народе бытовало мнение, что проклятие имеет и обратную силу: сам проклявший еще при жизни будет наказан богом за это.[4] Неудивительно, что это средство применялось в крайнем случае. Но, все же, его использовали.

Вера в силу родительского проклятия были важными стабилизирующими факторами семейной жизни. Зная, что оклики «Иди к лешему!», «Унеси тебя с ветром!», «Черти бы тебя взяли!» может осуществиться в полном соответствии со смыслом сказанного, не смели ожесточиться сердцем, поддаваться вспышкам гнева, так как «злое» слово, в понимании русского крестьянина, бывает опаснее телесного наказания.[5] На этот счет существовала масса легенд. В Вологодском уезде, в деревне Копылово, по рассказу информатора, мать с дочерью работали в другой деревне, а после работы дочь попросила разрешения остаться на гулянье, но, получив отказ, продолжала настаивать. На что мать ответила: «Неси тя леший, анафема этакая!» – и ушла. Утром дома девушку не нашли, а когда начали искать в

[1] Там же. С. 101.
[2] Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.
[3] Листова Т. А. Заметки о русской свадьбе. // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 125–126.
[4] РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 216. Л. 89.
[5] Новичкова Т. Доля и душа, горе и беда.// Родина.1996. № 1. С. 115.

других местах, мать вспомнила, что прокляла ее. «Стали молить Бога, чтобы Он возвратил им дочь. Прошло около трех месяцев, а девушку все не нашли. Родители решили принести кресты к себе на дом из церкви. Принесли кресты и стали служить водосвятный молебен. Отец, а особенно мать со слезами на глазах усердно молились о потерянной дочери. В это время при пении: «Спаси, Господи, люди Твоя!...» вдруг раздался сильный шум в воздухе и потом послышался стон с крыши дома. Поглядевши туда, а там на «князьке» сидела их дочь Марья. Сняли ее оттуда и едва могли узнать, до того похудела. Оказалось, по ея рассказам, что ее водил и путал леший».[1] В Кадниковском уезде рассказывали случай о том, как мать утром детей прокляла за то, что просили есть, а ничего не было. Дети ушли в лес за ягодами и один пропал. Искали его больше недели, а когда нашли – отвели в церковь и священник отслужил водосвятный молебен, но мальчик после этого прожил только семь лет, почти ничего не говорил и с детьми не общался. По его словам, в лесу его «дедка кормил». После этого случая женщины говорили своим детям: «Вот ведь как худо, ковды матки-то проклинают своих ребят-то».[2] Кроме пропавших детей, говорили и об утопленниках, что их тоже родители прокляли «от того и потонул».[3]

И все же, как бы ни был велик соблазн воспользоваться силой проклятия, мудрая женщина пыталась находить иные способы воздействия на детей и членов семьи. Этому учила и церковь. Кроме того женщине приходилось решать не только вопросы непослушания. Здесь вступает в силу православная традиция и обращение за помощью к высшим силам посредством молитвы, которая становилась основой для других покаянный практик, т.к. использовались все доступные способы: чтение святоотеческой литературы, милостыня, «жертва» приходскому храму или монастырю (свеча, украшение, предметы рукоделия…), особый пост, паломничество к святым местам и т.д. Были случаи, когда, часто болеющих, детей на время отдавали в услужение в монастырь. По сути, в ситуации с больными детьми, мать брала на себя ответственность за нездоровье ребенка и «отмаливала грехи», которые, по ее мнению или мнению ее духовника, могли быть причиной несчастья.

Таким образом, народная традиция наделяла женщину-мать огромной духовной силой, а значит, и ответственностью за благополучие своих детей, равно как и за благополучие всего рода. Ответственность женщины за здоровье и жизнь членов семьи и, особенно, детей, (так как ее главной задачей было обеспечение их выживаемости) и обусловила особую ее роль в покаянной практике повседневного и обетного уровней. Именно поэтому, здесь доля женщин в разы превышает мужское присутствие и сильно уменьшается на уровне ухода от мира.

[1] РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.
[2] Там же. Д. 266. Л. 1-3.
[3] Там же. Д. 171. Л. 17.

С.Д. Багдасарян
г. Сочи, Сочинский Государственный Университет

Традиционная роль женщины в крестьянской культуре юга России в 1920-е гг.

Роль женщины, как носителя черт традиционной повседневной культуры в крестьянской среде исторически имела четкую гендерную ролевую позицию в патриархальном семейном укладе. Исторический дискурс позволяет осветить проблему заполнения лакуны – традиционная роль женщины в крестьянской культуре в условиях неорганической модернизации советского строительства новой модели социальных ролей в семье и обществе.

Крестьянская традиционная культура обладает механизмом сохранения и передачи из поколения в поколение черт, по которым и определяется этническая принадлежность. Культурная доминанта крестьянского мира несет в себе взаимосвязь выполнения трудовых обязанностей с творчеством, домашние заботы с досугом и праздниками. В этом плане ценностно-ориентационный, социально-значимый вектор праздничная культура выполняла в любую историческую эпоху, содействуя культурной самоидентификации индивидов, интегрированию в культурное пространство, и наиболее важную роль транслятора играла женщина, бабушка, мать, жена, сестра, дочь.

1920-е гг. представляют особый научно-исследовательский интерес в изменении гендерных ролей, столкновение традиционных, патриархальных устоев роли женщины в семье, обществе, государстве с советским идеологическим революционным видением места женщины в построении коммунистического общества. Эта новая векторная идиома для всей традиционной крестьянской культуры закреплена в нормативно-правовой базе Советского государства: первый кодекс о актах гражданского состояния 1918 г., декрет о отмене усыновления, семейном кодексе 1926 г. РСФСР. До революционных потрясений крестьянская культура юга России сохраняла старые устои семейных ценностей, при этом полиэтничность мира Кавказа, Причерноморья не нарушала разные культурные миры, в них во всех женщина играла важнейшую роль с одной стороны хранительницы очага, воспитателя подрастающего поколения, сохранения меж родственных связей, кровных уз. Но для такой крестьянской традиционной культуры не было места новой социальной роли женщины-политика, женщины-руководителя, ведь гендерная роль женщины в крестьянской семье подчиняться миру мужчины.

Советская модернизация 1920-х гг, несмотря на присущий ей радикализм, оказалась не способна сразу полностью изменить социальную роль женщины в крестьянской традиционной культуре, быте, досуге. И особенно это проявлялось в религиозной праздничной культуре, наибольшую приверженность которой демонстрировали крестьянки, что являлось следствием, как их образовательного уровня, приниженного социального статуса, так и особенностей женского темперамента и психологии. Религиозная празд-

ничная культура несла в себе для крестьянского мира, особенно женского возможность отдыха от тяжелого повседневного хозяйственного быта, а предложенная советская праздничная культура противопоставила новую парадигму – политизированного, мало понятного праздника. Указанная функция знаменательных дат «красного календаря» обладала наибольшей важностью именно в 1920-х гг., когда новый политический режим еще был неустойчив, особенно в деревне, где позиции коммунистической идеологии были не так прочны.

С другой стороны, советские торжества отличались от сельских религиозных праздников своей «непраздничностью». Революционные мероприятия демонстрировали общую «деловитость и торжественность»[1]. Конечно, праздничные дни «красного календаря» тоже, как и раньше, были нерабочими. Но, важнейшей целью устраивавшихся в эти дни торжественных мероприятий выступал отнюдь не отдых, а пропаганда и агитация, направленные на укрепление просоветских настроений среди населения.

В данном случае, показательной представляется разработанная сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа в 1926 г. программа празднования 8 марта – Международного дня работниц. Программа предполагала проведения праздника «с привлечением широких масс работниц и крестьянок, а в деревне местной советской интеллигенции, в первую очередь учительниц»[2]. Сами торжества по случаю 8 Марта в деревне мыслились сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа как череда торжественных заседаний и митингов. Как видим, в праздничной программе предусматривалось все, что угодно, кроме непосредственно праздника. Были запланированы различные заседания, собрания, сходы, демонстрации, митинги, выпуск учащихся школ ликбеза, организация женских коллективных хозяйств. Однако не планировалось никаких народных гуляний, никаких театральных представлений, киносеансов и т.п.

Наиболее же важной причиной затрудненности советизации крестьянской праздничной культуры в 1920-х гг. нам представляется сохранение традиционного уклада жизни в доколхозной деревне, и в этом большую роль играла женщина. Поэтому, на всем протяжении 1920-х гг. официально одобренные советские праздники занимали отнюдь не самые широкие и прочные позиции в жизни крестьянства, заметно проигрывая в популярности церковным торжественным ритуалам.

По справедливым замечаниям исследователей, в эпоху нэпа, да и позже, «продекларированное равенство женщин и мужчин ещё не означало реально равных возможностей для обоих полов», о чём, в частности, свидетельствовало проведённое в 1926 г. секцией государства и права Коммунистической академии обследование быта и имущественных отношений крестьянского двора. Оно показало отсутствие «особых перемен в семей-

[1] ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
[2] План празднования 8-го марта // Молот. 1926. 2 марта.

ном укладе крестьян» и ограниченность фактических прав женщин, более того, изменений здесь практически «ещё не наблюдалось»[1]. Сказывалась, конечно, сильнейшая инерция патриархальных порядков, когда женщины-казачки «в своей жизни ограничивались кругом семьи и редкими знакомствами с соседками, не имея права участвовать в беседах и делах мужчин»[2]. Особенно сильна эта инерция оставалась в небольших сельских населённых пунктах; да и в крупных сёлах и станицах (например, в Новочеркасском районе Донской области в начале 1920-х гг.) женщины зачастую «никак не могли взять себе в толк, что они равноправны со своими мужьями»[3]. Ещё более важным являлся традиционализм хозяйственного уклада, когда основная масса сельских жителей, как и столетия назад, получала средства на жизнь за счёт ведения собственного хозяйства и не имела альтернативных источников дохода. Соответственно, крестьянки и казачки, недовольные своим мужем, не могли воспользоваться законным правом на развод, поскольку в одиночку вести хозяйство им было бы не под силу. Отчасти, те же причины препятствовали и внебрачному деторождению: одинокая мать не смогла бы прокормить своего ребёнка.

В этих условиях, у мужей-самодуров наличествовали высокие шансы обуздать даже общественно активных женщин или, по крайней мере, осложнить им жизнь. Характерный случай наблюдался в селе Благодарном Ставропольского округа Северо-Кавказского края в 1925 г., где местную крестьянку Дашу Саломатину выбрали в состав делегатской группы, и, значит, ей предстояло активно заниматься общественной работой. Её муж, «по наущению кулаков, начал ругать и бить её», а потом пришёл к секретарю райкома компартии и потребовал исключить Саломатину из делегаток, не приглашать на собрания, мотивируя это так: «Надо мной мужики смеются, и я за себя не ручаюсь, прогоню её». Старания ревнивого ретрограда не дали результатов: Саломатина продолжила общественную работу и, в конце концов, доросла до сотрудника районной советской администрации[4]. Но зачастую общественная активность сельских женщин гасла под пятой домашнего тирана. Как свидетельствовал в 1925 г. всё тот же П.М. Горюнов, в сельсовет станицы Старо-Щербиновской Ейского района при перевыборах выставили кандидатуру «казачки 50 лет, матери двух взрослых сыновей», но её пришлось отклонить, так как «муж грозил прогнать из дому»[5].

Если уж даже активные, просоветски настроенные сельские женщины в 1920-х гг. нередко вынужденно смирялись с волей мужей, то подавляющее большинство крестьянок и казачек, привыкших к покорности, бессловесно терпели самодурство и насилие со стороны супругов. Как и ранее, в эпоху нэпа крестьянкам «частенько приходилось испытывать силу кулака,

[1] Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897 – 1959 гг. С. 140.
[2] Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов: науч.-полем. дискурс. Ростов н/Д., 2005. С. 20.
[3] Деревянкина А. До председателя РИКа // Красные косынки. С. 110.
[4] Шимченко-Ксендзова П. «Достижение фактического равноправия…» // Красные косынки. С. 97.
[5] Горюнов П.М. О казачьем вопросе. С. 17.

различные мытарства и издевательства со стороны нетрезвых мужей»[1], которые нередко стремились «насильственно… использовать [жену] как женщину»[2]. Даже в конце 1920-х гг., во время проведения одного из опросов среди крестьян, почти половина опрошенных дала утвердительный ответ на вопрос, можно ли бить жену[3].

По сравнению с замужними крестьянками, сельская молодёжь в 1920-х г. проявляла гораздо больше бунтарских качеств и значительно более активно, чем в досоветскую эпоху, протестовала против тирании родителей. Подтверждением этому служат вышеприведённые примеры сыновнего бунта против родительского волюнтаризма, когда сыновья не соглашались с волей отца и женились на милых их сердцу девушках, а не на тех кандидатурах, которые им предлагали родители. В тоже время, далеко не все молодые жители села могли противостоять давлению «большака»; особенно это касалось девушек, намного более ограниченных в возможностях трудоустройства вне деревни и потому сильно зависящих от воли родителей. Так что, в основном можно согласиться с мнением М.И. Мирошниченко и говорить об устойчивости тенденции, когда в эпоху нэпа «парни и девицы женились и выходили замуж за любимого человека чрезвычайно редко. Браки совершались по указанию родителей», а «молодёжь покорно соглашалась» с волей отца и матери[4]. Эта тенденция отмечалась и на Юге России. В частности, на Кубани в 1920-х гг. сохранялись пережитки старых порядков, когда казаки запрещали своим сыновьям жениться на девушках из иногородних семей.

Итак, после своего прихода к власти большевики осуществили ряд серьёзных мер, нацеленных на преобразование гендерных, половых и семейно-брачных отношений в доколхозной деревне.

Н.П. Востокова
г. Пенза, Пензенский государственный университет

Феномен ритуального полотенца и воспитание детей в семье как проблема сохранения культурно-исторического наследия русского народа

Вопросы брака и семьи занимали особое место в традиционной системе ценностей русского народа. Создать семью, стать мужем и женой, отцом и матерью считалось делом чести, главным предназначением, основой жизни русского человека, одним из главных условий его благополучия, здоровья и достойного положения в обществе.

В традиционной культуре русской семьи, наряду с иконой и свечой, к особо почитаемым предметам принадлежит и полотенце.

---

[1] Журавлёв С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 299.
[2] ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 97. Л. 6. Д. 121. Л. 2, 8, 22.
[3] Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897 – 1959 гг. С. 144.
[4] Мирошниченко М.И. Личное и частное в жизни девиц-казачек на Урале в середине 1920-х гг. // Частное и общественное: гендерный аспект. С. 358.

Наша задача – показать место и значение ритуального полотенца в обрядах и ритуалах, связанных с рождением, крещением и дальнейшей повседневной жизнью детей в семье и обществе.

Весьма многообразны варианты использования ритуальных полотенец в родильном и крестильном обрядах.

Повитуха или повивальная бабка – одна из важных на деревне профессий. Она готова была не только оказать помощь женщине при родах, но и находилась при ней в течение нескольких дней, пока женщина не окрепнет. Повивальной бабке за помощь при родах было не принято давать деньги. Среди подарков повитухе обязательно должно было быть расшитое полотенце. Для крестильного обряда в крестьянской семье было несколько полотенец. Одно из них опоясывало грудь и спину женщины и завязывалось на левом плече. Ребёнок при этом лежал у женщины на груди как в сумке. Она поддерживала его снизу левой рукой, а в правой, свободной руке, могла нести узелок с вещами. По окончании крещения, было принято расшитое орнаментом полотенце подарить священнику. Крёстный и крёстная также получали от матери ребёнка по расшитому полотенцу как подарок в знак благодарности за оказанную честь.

Полотенце, на которое принимали ребенка из купели во время крещения, забиралось его родителями домой как знак особо важного и памятного события его жизни. В традиционной культуре русского народа расшитое красным орнаментом полотенце использовалось для оберега зыбки (люльки), а соответственно и младенца, лежащего в ней.

Когда ребенку исполнялся год, крестные родители дарили ему расшитое красным орнаментом полотенце как символ нового этапа жизни. Белильце - наименование полотенца – подарка крестнику. Ритуальное полотенце постоянно использовалось в ходе детских праздников и развлечений. Так, в народной культуре был известен праздник для девочек десяти-двенадцати лет под названием «Похороны кукушки».

Мифологические представления о кукушке связаны с тем, что она не имеет своего гнезда, не высиживает своих птенцов, и что у неё нет мужа. Считалось, что девочки, похоронившие кукушку, не останутся одинокими как она, что они обязательно выйдут замуж. В празднике использовались расшитые полотенца, которыми закреплялся венок из наклонённых друг к другу верхушек, рядом стоящих высоких кустов или молоденьких деревьев. Именно через этот венок девочки обменивались медными крестиками, после чего считались подругами.

К весенне-летнему циклу праздников относится также и «Семик». Это седьмой четверг после Пасхи. Семик – девичий праздник. Суть праздника заключается в следующем. Девушки выбирали себе подруг. Заранее договорившись между собой, под пение окружающих подходили к венку, закрепленному расшитыми полотенцами.

Одним из известных осенних праздников был день святого пророка Наума (14 ноября). Этот день был первым днем обучения мальчика грамо-

те. Обучение заключалось в изучении всего одной буквы: «Аз». В благодарность за обучение мать одаривала учителя расшитым полотенцем, символизирующим начало учебы.

Расшитое полотенце постоянно использовалось также и во время детских развлечений. Например, в избе для посиделок собирались ребятишки. Они складывали в блюдо мелкие личные вещи: ленточки, бантики, браслеты, серёжки, колечки.

Блюдо накрывалось расшитым полотенцем. Все хороводом шли вокруг блюда с пением песни. Дети вытаскивали из-под полотенца наугад одну из вещиц. Самым удачливым оказывался тот, кто вытягивал последний предмет. Потом они выкупали друг у друга свои вещи. Для этого требовалось выполнить задание. Иногда даже поцеловать кого-то. Расшитое полотенце выполняло в ритуале функцию единения детей.

Зимой расшитые полотенца использовались в святочных гаданиях. Молоденькие девушки во время посиделок раскладывали на столе колоски из снопа. Накрывали их сверху расшитым полотенцем. Каждая девушка вытягивала наугад один из колосков. Если попадался длинный и толстый, за эту девушку все радовались, значит, муж у неё будет красивый и полный. Если колосок попадался тоненький, значит, муж у нее будет худеньким. Над ней смеялись, некоторые «несчастные» даже плакали. Тогда все «везунчики» кидались успокаивать. Несмотря на то, что не всем везло, никто ни на кого не обижался.

Подготовка приданого невесты – ответственный момент в жизни каждой крестьянской девушки и не только для неё самой, но и для всей её семьи. К четырнадцати-пятнадцати годам девочка должна была овладеть самой сложной работой, уметь собрать ткацкий станок и работать на нем. Систематически девочке внушалась мысль: «Ты должна быть хорошей хозяйкой, хорошей рукодельницей, мастерицей». Уже во время сватовства отец девушки выводил её к столу из «закутка», держа не за голую руку, а руку, обёрнутую расшитым полотенцем. Ритуал объясняется боязнью «голого места», через которое в это время нечистая сила, якобы, может приблизиться к девушке. Полотенце в этом случае выполняло функцию её оберега.

Рукобитье, пожатье рук родственниками жениха и невесты как знак согласия с обеих сторон, делалось не голыми руками, а через платок или полотенце. В начальный этап свадьбы могло входить домашнее обручение, когда жениха и невесту просили положить обе руки на стол. После этого следовал сам ритуал, который имел символическое значение. Мать невесты накрывала руки молодых людей красивым расшитым полотенцем из приданого. Этот ритуал символизировал первое единение будущих супругов, а расшитые полотенца выполняли в ритуале одну из важнейших своих функций – коммуникативную, то есть функцию единения.

К моменту приезда за невестой свадебного поезда она должна была стоять в полном свадебном убранстве, а её родители должны находиться рядом с ней. Мать невесты должна держать икону, украшенную расшитым

полотенцем. Отец невесты, выводя её к жениху, должен держать её не за голую руку, а обёрнутую орнаментированным полотенцем, выполняющим в данной ситуации (в ритуале) функцию оберега. В ритуале встречи молодожёнов после венчания на крыльце родительского дома также использовались расшитые и украшенные кружевом льняные ритуальные полотенца.

Таковы лишь некоторые примеры, отражающие место и значение расшитого полотенца в обрядах и ритуалах рождения, крещения и последующей повседневной жизни детей в семье и обществе.

М.А. Жигунова
г. Омск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Основные изменения в сфере брака и семьи у русских сибиряков в середине XX – начале XXI в.

Исследование проводится при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-50-00036

Русское население Сибири отличается довольно высокой гетерогенностью. В данной работе мы не будем останавливаться на специфических традициях отдельных локальных групп, посвятив основное внимание наиболее общим моментам, характерным для подавляющего большинства современных русских. Заявленная проблематика очень широка, и охватить все относящиеся к ней аспекты в одном докладе не представляется возможным, поэтому мы рассмотрим лишь некоторые основные изменения в сфере брака и семьи, произошедшие со второй половины XX в.

Наш доклад базируется на материалах историко-этнографических экспедиций ОмГУ и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, проведенных под руководством автора в 1985–2013 гг. на территории Западной Сибири, а также – в Хакасии и Красноярске. Дополнительным источником послужили материалы, собранные лично автором в результате командировочных поездок, преподавательской деятельности, а также – материалы органов ЗАГС.

Подавляющее большинство опрошенных считают, что главным поводом для вступления в брак является любовь (далее идут материальная выгода и беременность невесты, поиск стабильности, регулярный секс и др.). Слово «семья» чаще всего вызывает позитивные ассоциации: родители, дети, дедушки-бабушки, супруги, дом, уют, семейный очаг, любовь, поддержка, общность интересов, ответственность. Наряду с этим, бытует поговорка, что «Хорошее дело браком не назовут». Изменяются ролевые функции половозрастных групп, более независимыми становятся женщины и молодежь. Увеличивается доля малых семей, растет количество разводов и детей, рожденных вне брака. Так, например, по Омской области количество детей, рожденных у одиноких матерей, составило в 2015 г. 15 %.

В целом позже стали создавать семью, средний возраст невест составляет 18–24 года, женихов – 25–29 лет. В ближайшее время прогнозируется еще более позднее вступление в брак. Средний возраст первичных родов составляет у женщин 27–29 лет. Современная молодежь (особенно – юноши) зачастую не готова к самостоятельной семейной жизни, негативно относится к традиционным семейным обрядам, предпочитая совместное проживание без обоюдных обязательств и регистрации брака. Не хватает пропаганды позитивных примеров счастливых и многодетных семей, положительного отцовства и материнства. Интересно, что для большинства молодежи отсутствие брачных уз не ограничивает их половую жизнь, а разнообразные сексуальные связи считаются нормальными, а для юношей – даже обязательными. Между тем, медицинские работники утверждают, что чем больше половых партнеров имела девушка до замужества, тем сложнее ей будет забеременеть.

В советский период времени венчание уступило место гражданскому обряду бракосочетания в ЗАГСах. Так появилось понятие гражданский брак в противовес церковному браку. В настоящее время повсеместно гражданским браком называется сожительство. Совместное проживание без оформления документов и обоюдных обязательств в начале XXI в. становится распространенным явлением. По свидетельству сотрудников органов ЗАГС, до половины всех регистрируемых браков приходится на беременных невест. Зачастую одновременно совершается регистрация брака и установление отцовства, встречаются случаи регистрации брака и регистрации рождения ребенка. 70% браков совершаются торжественной регистрацией. Церковные обряды венчания, возобновившиеся с конца 1980-х – начала 1990-х гг., в настоящее время проводятся как одновременно с гражданским обрядом бракосочетания, так и до, и после него. Встречаются случаи венчания людей, не состоящих официально в браке. Иногда венчаются люди, прожившие вместе уже не один десяток лет.

Традиционные семейные обряды русских имели трехчленную структуру, делясь на обряды, предшествующие событию, сопровождающие его и проводившиеся после его завершения. В настоящее время обряды предсвадебного, предродильного и предсмертного циклов сохраняются фрагментарно, а ритуалы, следующие за совершенным обрядом, сохраняются лишь в похоронно-поминальном цикле.

Существенно трансформировались представления о нормах поведения. Раньше родители строго контролировали поведение молодежи, молодые до сватовства не оставались наедине. Так, например, мы нашли газетную заметку, датированную 1972 г., в которой осуждался комсомолец за то, что открыто гулял по улице со своей девушкой. В настоящее время молодежь встречается открыто не только в различных общественных местах, но и дома. Привычной становится картина целующихся на улице или общественном транс-

порте парня и девушки. Это вызывает открытое возмущение представителей старшего поколения, и они называют молодежь «бесстыжими».

В настоящее время существенно расширился круг брачных партнеров (включая не только соседние населенные пункты, но и разные области, города, страны). Родители почти утратили влияние на выбор своих будущих зятьев и снох, зачастую узнают о решении своих детей пожениться незадолго до свадьбы, и знакомятся с новыми родственниками на регистрации в ЗАГСе. Появилась возможность выбрать предпочитаемый день для бракосочетания. В начале XXI в. возникла своеобразная мода на проведение свадеб в «магические дни» – 02.02.02 (второе февраля 2012 г.), 03.03.03, 04.04.04, 05.05.05 и т.д. Согласно свидетельствам сотрудников органов ЗАГС, пары, зарегистрировавшие свои отношения в такие «красивые» даты» довольно часто разводятся. Зато традиционная примета, согласно которой «В мае жениться – век маяться», многими в начале XXI в. воспринимается как шуточная или устаревшая. Количество свадеб в мае существенно не отличается от других месяцев. Более того, статистика разводов свидетельствует об обратном: майские браки наиболее стойкие. Если раньше (в соответствии с народными этическими нормами), члены семьи умершего должны были до года соблюдать траур, им запрещалось выходить замуж или жениться, то сейчас эти запреты соблюдаются не всеми, или срок их исполнения сокращается до 9–40 дней. Но встречаются и случаи переноса или отмены свадьбы в связи со смертью близкого родственника.

Наибольшей динамике подверглись материальные компоненты семейных обрядов. Беременные женщины носят обтягивающие живот одежды и штаны, распространяются тематические свадьбы, где жених и невеста могут выступать в костюмах сказочных героев. При выборе похоронной одежды все чаще решающим фактором является не традиция, а личные предпочтения. Свадебная еда существенно разнообразится в зависимости от времени года, региона проживания, личных взглядов, вкусов и материальных возможностей. Так, например, в северных районах Западной Сибири на столах обычны уха из стерляди (горбуши, муксуна, нельмы), рыбные пироги. В целом, угощения становятся все более разнообразными и обильными.

С каждым годом усиливается профессиональная составляющая семейных обрядов, растет количество салонов, фирм, занимающихся полной организацией обрядов жизненного цикла и предоставлением всех необходимых для этого услуг и атрибутов. Особой изобретательностью отличаются организаторы свадебных торжеств, уверяя, что каждые молодожены хотят сделать свое торжество незабываемым, непохожим. Так, например, во время празднования Дня города Омска 4 августа 2013 г. омская невеста вошла в российскую «Книгу рекордов Гиннеса» как обладательница самой длинной фаты в мире (вес головного убора составил 100 кг, а длина – 3 км 686 м). Жених с невестой медленно двигались на «Лимузине», а около 300 добровольцев несли фату невесты.

Основные перемены в сфере брачно-семейных отношений обусловлены изменением социально-экономических, политических и идеологических составляющих российского общества. Всё большую роль начинают играть личные предпочтения и материальные возможности. есмотря на частичную смену ценностных ориентаций, для большинства русских сибиряков характерной остается традиционная модель семьи.

Ю.В. Зенькевич
г. Минск (Беларусь), Белорусский государственный университет

Роль отца и матери жениха в обрядах «сватовство», «помолвка», «каравай» на Беларуси

В традиционной культуре белорусов важное место занимали не только обряды календарного цикла, но и жизненного. Они оба ярко раскрывают белорусский этнос, поскольку отражают коллективные представления о формах социальных взаимодействий и взаимоотношений людей между собой, о культурных универсалах, образцах или стереотипах поведения, формах и способах воспитания и обучения, знаниях о человеке, природе и Боге. Будучи тесно связанными, эти циклы выполняют, однако, различные социальные функции: календарные обеспечивают ритм жизни коллектива, обряды семейного цикла – ритм индивидуальной жизни человека.

Обряды семейного цикла были связаны с различными моментами в жизни человека. Самыми важными праздниками были рождение, крестины и свадьба. Среди всех, самым красочным и ярким была свадьба. Этот праздник имел много обрядов, торжеств и ритуалов.

Белорусская традиционная свадьба состояла из нескольких этапов: сватовство, помолвка, каравай, венок, венчание, застолье, отъезд девушки в дом молодого и «пироги».

Подготовительный этап был самым важным, т.к. без него свадьба могла и вовсе не состояться. Как правило, родители юноши думали о свадьбе уже заранее. Когда молодому человеку исполнялось 18–20 лет, его отец и мать приглядывались к местным девушкам – искали более трудолюбивую и зажиточную. Потенциальная невеста к периоду замужества должна была уметь самостоятельно вести хозяйство: доить коров, держать свиней, стричь овец, жать рожь, выращивать и собирать лён, прясть, ткать, шить, вышивать и готовить еду. Также, если она готовилась к свадьбе, она обязана была сшить самой себе праздничный костюм и одежду родителям жениха. Отец и мать юноши не всегда интересовались о его симпатиях к девушке, и, поэтому нередко свадьба имела чисто характер сделки. Родители невесты требовали, чтобы жених умел пахать, косить, молотить и изготавливать различные орудия труда.

Сватовство – самый первый и важный этап свадебной обрядности, от которого зависит ход следующих частей свадьбы. Как правило, когда отец и

друзья юноши приходили свататься, они делали это поздно вечером или ночью. Выдавая себя за путешественников или охотников, они просили ночлега. Зачастую, родители девушки уже заранее догадывались, что происходит в их доме. Во время ужина, когда беседа постепенно подходила к разговору о сватовстве, отец юноши говорил: «А вось мы чулі, што ў вас цёлачка прадаецца, а мы вось купіць хочам такую целачку, уж дужа спадабалася яна нам», а родители отвечали: «Прадаём, прадаём цёлачку. Бярыце цёлачку за свайго бычка». Символом согласия и договорённости между сторонами было распитие бутылки, которую принёс отец жениха. После эту бутылку обвязывали поясом и насыпали вовнутрь зерно, чтобы хозяин дома был богат, здоров и удачлив. Нередко на смотрины, по просьбе юноши, ходила только одна мать жениха. Она должна была оценить свою будущую невесту и переспросить – согласна ли она выйти замуж за её сына. Если девушка была согласна, то матери с обеих сторон обменивались хлебом.

Нередкими были случаи отказов от брака, например на территории Брестского Полесья, когда отец молодого не соглашался на брак, он давал девушке свеклу. Свекла символизировала сакральный атрибут. Существовало поверье, если мужчина и женщина съедят одну и ту же свеклу, то будут любить друг друга до конца своих дней. На территории Гомельского Полесья и Поднепровья существовал другой обычай: отец брал с собой палку и, когда приходил в дом девушки ставил её возле входа в дом. Если девушка была против брака, то она выносила трость к воротам. Бывало, на вопросы родителей о замужестве, девушка начинала мести пол в сторону порога. Такой ритуал использовался в славянской магии как способ так называемой отсушки.

Иногда, когда парень девушке совсем не нравился, она не пила бутылку, которую принёс его отец. Отказать мог и парень: если девушка не понравилась, кавалер платил деньги за то, что она его угощала пищей[1]. Разнообразные знаки согласия существовали на Поозерье. Согласившись на брак, девушка выражала согласие поклонами отцу и матери жениха. В Поставском и Браславском районах Витебской области в знак согласия девушка вкручивала пустую бутылку в свой пояс и дарила сватам полотенца. Распространённым способом отказа на Поозерье было возвращение подарков сватов, а некоторые клали тыкву на воз. Использование этого предмета имело двойное значение. С одной стороны, круглая форма и способность тыквы катиться по полу была прямым намёком: «Катитесь вы отсюда, пока целы». С другой стороны, в этом овоще был заложен и более глубокий подтекст. В народной медицине лук, чеснок, яйца, плоды калины рекомендовали употреблять в пищу с целью усиления сексуального влечения, а тыкву – напротив, чтобы его уменьшить. Следовательно, вручая тыкву, сватам намекали: «чуток поостыньте».

Обычно, во всех районах в период смотрин шёл разговор о приданом, в которое входили земля, животные и деньги. Его размеры определялись только родителями. Итоги смотрин также зависели от размера приданного.

[1] Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеевай, А.М Боганева, М.А. Козенка і інш. Мінск: Бел. Навука, 2004.

Если девушка парню не нравилась, то отец или мать молодого специально увеличивали размер приданого, чтобы её родители отказались[1]. Если вопрос приданого был решён, у девушки спрашивали только её согласия. Девушка, как правило, не могла отказать, т.к. слово родителей – закон.

Обсуждению содержимого приданого и его объёма придавалось особое значение. Собственно говоря, оно было тем исходным капиталом, с которого начиналась самостоятельная жизнь молодой семьи. Следовательно, оно должно было включать в себя различные предметы быта, охватывающие основные стороны человеческой жизни и деятельности.

Далее уже договаривались о взаимных подарках и других свадебных тратах, о дне и порядке свадьбы, о количестве гостей на этом мероприятии. Данный обряд называется помолвкой или обручением. На застолье отец жениха клал в рюмку серебряный рубль и наливал в неё водку, когда девушка выпивала рюмку, то рубль она забирала себе[2]. После молодые обменивались подарками. Девушка отдавала жениху «пустую» бутылку, в которую насыпали рожь, а молодой дарил родне невесты деньги, а ей обручальное кольцо.

Следующим этапом был каравай. Пекли каравай чаще всего только у молодого. С ним он приезжал к невесте. Во время свадьбы в доме юноши собирались родственницы и соседки, чтобы испечь праздничный каравай. В каравайницы выбирали пять женщин, две из которых мать жениха, а вторая «молодица», которой передавались секреты выпечки, тем самым сохраняя преемственность. Мужчины во время этого обряда не имели права заходить в дом. Каравай в давние времена олицетворял образ бога Рая[3], который символизировал благополучие крестьянской семьи. Считали, что, когда молодые ели каравай, Рай наделял их богатством, хорошим хозяйством и урожаем.

Таким образом, родители жениха играли большую роль на подготовительном этапе свадебного обряда. Отец и мать юноши влияли на ход событий сватовства и обручения, тем самым решая его судьбу. Отцу жениха отводился финансовый аспект, а мать оценивала девушку как будущую супругу своего сына. Можно отметить, что всё же отец жениха решал значительную часть вопросов, касающихся обряда сватовства и помолвки, т.к. решалась такая важная проблема как приданое, которое позже было стартовым капиталом будущей семьи. Мать же участвовала в проведении ритуалов, имеющих сакральное значение, которые являлись обязательными в свадебной обрядности.

---

[1] Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 1. Магілёўскае Падняпроўе / аўт. кал.: Варфаламеева Т.Б. (нав. Кір. І скл.). Мінск : Бел. Навука, 2001.

[2] Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыц. жанры: Мінск. вобл. / Уклад. В.Д. Ліцвінка ; Уклад. муз. часткі Г.Р. Кутырова. Мн.: Універсітэцкае, 1995.

[3] Беларускія народныя абрады / Склад., навук. Рэд. І прадм. Л.П. Касцюкевіч. Мн.: Беларусь, 1994.

Т.А. Мищенко, С.П. Куркина
г. Новозыбков, филиал ФГБОУ ВО«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Свадьба в восточно-полесской традиции как «рубежное» время

Восточное Полесье – особый в географическом отношении район, состоящий из отдельных областей Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины. Такое «специфическое расположение данного региона»[1] оказало влияние на его историко-культурные и этнические особенности.

Уникальными в этом отношении являются особенности традиций восточно-полесской свадьбы. «Свадебный обряд – это момент многоступенчатого перехода, растянутый на целую церемонию»[2], который связан с изменением социального статуса девушек и юношей, с изменением их возрастной группы.

Для девушек (в большей степени, чем для юношей) характерно стремление выйти замуж. Поэтому довольно значительное место в жизни незамужней женщины занимали гадания, в которых заключено метафорическое представление о любви и браке. Данный ритуал, выполняя социализирующую функцию, непринуждённым образом готовит человека к жизни в обществе. Так, достигших половой зрелости девушек чаще всего интересует вопрос о замужестве.

По данным, собранным в ходе полевых исследований, символическим переходом в другую (замужнюю) жизнь в гаданиях служит такой «атрибут», как мост. По народным представлениям перейти через мост означало преодолеть границу между мирами: «[А как гадали?] ***Мостики*** *мостили. Мисачку поставлю – я всегда клала так. Тады палочек наклодим, а воды там капельку лянешь. Кто перейдеть через етый* ***мостик*** *– той и суженый будя*».[3]

Кроме того, мост может выступать в качестве своеобразного предсказания и во время сна: «*Я с одним дружила и загадала на яго. Ну и вот ну и вышло так. Вот кюветы были у нас там на латаковской дороге. Кюветы были. И я там кладочка.* ***Мостик*** *такий ляжить. И ён аттуль идеть, я – атсюляда. И мы тольки руки падали и вот стольки не хватило – мы и разашлися*. [И не сошлись?] *Не сошлись. Я не пошла за яго*».[4]

Символикой открывать доступ к невесте наделены парные предметы – ключ и замок, которые также являются постоянными атрибутами женских святочных гаданий: *«<…> Пакупляли* ***замочки*** *с* ***ключами*** *и пошли к ёй* [к подруге]. *Ты запирай нам, а мы загадаем, хто по ключик прийдеть… (замочек заплести в волосы). Стали утром никто не приходил… Скорей к ей …нихто не приходив к ей*».[5]

---

[1] Бондарчик В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И. Полесье. Материальная культура. Киев: Наукова думка, 1988. С.28.
[2] Костромичёва М.В. Свадебный обряд Орловского края. Орел: ОГУ, 2005. С. 5.
[3] Записано от Давыденко Т.П., 1927 г.р., с. Медведи Красногорского района Брянской области.
[4] Записано от Давыденко Т.П., 1927 г.р., с. Медведи Красногорского района Брянской области.
[5] Записано от Носовой Н.А., 1928 г.р., с. Шеломы Новозыбковского района Брянской области

Предсвадебным элементом, символизирующим прощание невесты с девичьей красой, является девичник. Это переходный обряд, который подготавливает молодую к принятию нового статуса (так называемая «вступительная фаза ритуального “перехода” относительно будущего»[1]) и одновременно к прощанию со статусом старым («завершающая стадия “перехода” относительно прошлого»[2]). Проведение мальчишника одновременно с девичником на исследуемой территории нами не зафиксировано.

Находясь в доме родителей, девушка ведёт вольный образ жизни: *«<…> я девушка, мине ништо не заботя. Я бегаю на танцы, я веселая, как стрекоза, я живу вольная <…>»*.[3] После вступления в брак её свобода заканчивается, ограничиваются её передвижения: «…З*амуж вышла – все, извини-подвинься. Сегодня вышла замуж, свякруха вутром – вот табе печь, вилок вугол, становися и корми сямью … хозяйство, все про гульню уже забудьте…*».[4] Никто из девушек, выходя замуж, не знает, какая жизнь ее ждет в доме мужа: «*Молодую вядуть. Плачет – с свякрухой жить – к матце ж не пойдите на двор*».[5] Переход невесты в дом жениха сопровождался рядом ритуальных действий. Так, участники свадьбы исполняли песни, в которых в символической форме предсказывалась жизнь невесты в доме свекрови: «*Як повезли, як повезли до чужие мати, / Что хотели, то робили чужому дитяти / Палажили, палажили на сырой зямле / Что хотели, то рабили у чужой сямье*»[6]

Как видим, символическое значение «перехода» в свадебной восточно-полесской традиции бытовало еще в сер. XX в. К этому времени относятся воспоминания респонденток – сельских жительниц пограничья России и Беларуси. Ритуальные действия и вербальная символика уже не воспринимаются как «смерть» и «возрождение», как в более архаичном варианте, но трактуются как смена одного этапа жизненного пути человека на другой. Данная часть восточно-полесской свадебной традиции более ярко выражена по отношению к невесте, нежели к жениху.

О.П. Илюха
г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Институт отцовства в карельской традиционной культуре

Что значило быть отцом в определенной этнической культуре? Какова была роль отца в социализации сына и дочери? И.С. Кон подчеркивал, что «традиционное семьеведение подобных вопросов обычно не ставило»[7]. В

[1] Толстой Н.И. Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 454.
[2] Там же
[3] Записано от Крупенковой М.А., 1938г, д. Столбун Ветковского района Гомельской области (РБ)
[4] Записано от Грищенко В.И., 1940 г.р., с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области
[5] Записано от Крупенковой М.А., 1938г, д. Столбун Ветковского района Гомельской области (РБ)
[6] Записано от Крупенковой М.А., 1938г, д. Столбун Ветковского района Гомельской области (РБ)
[7] Кон И. С. Мальчик - отец мужчины. М.: Время, 2009. С. 345.

последние годы в связи с оформлением в отечественных гендерных исследованиях направления по изучению мужской субкультуры, более отчетливо стал просматриваться интерес и к истории отцовства, специфике проявлений данного института в конкретной этнической и социальной среде. Это связано также с активным обсуждением феминистски ориентированными авторами современных проблем отцовства и материнства, заостряющими вопрос о том, почему в современной России быстрое освоение женщинами многих сфер социальной деятельности не сопровождается столь же быстрым перераспределением родительских ролей?[1] Все это делает актуальным обращение к теме отцовства, изучение роли мужчин в социализации детей в исторической ретроспективе.

В карельской традиционной культуре статус отца символически проявлялся уже в ритуале введения новорожденного ребенка в круг семьи, когда мать и дитя в сопровождении бабки-повитухи приходили из хлева или бани, где происходили роды. В этой церемонии включения ребенка в состав семьи, отцу отводилась пассивная роль наблюдателя. Отец играл более важную роль в формальном инкорпорировании ребенка в жизнь прихода, представлял семью в публичной сфере.[2]

Вне зависимости от пола ребенка, на раннем, особенно младенческом этапе его жизни, первостепенную роль играла, безусловно, женщина. В этот период отцы проявляли свою заботу опосредованно, выступая добытчиками, «кормильцами» семьи. Они вносили также большой вклад в создание «мира вещей», окружавших ребенка с первых дней жизни. Так, колыбель обычно изготовлялась отцом, крестным или дедом по отцовской линии. Для обучения ребенка ходьбе старшие мужчины в семье изготовляли «ходунки», а позже – лыжи, которые карельские дети осваивали вслед за навыками ходьбы. Любовь к ребенку со стороны мужчин проявлялась в изготовлении игрушек. Отцы не возвращались из поездок в город или на ярмарку без подарков, что было проявлением отцовской заботы и внимания к детям. Таким образом, отцы вносили и материальный, и эмоциональный вклад в воспитание детей. В то же время для крестьянской культуры не свойственна демонстрация отцовской ласки, тем более в присутствии посторонних. Сдержанность, строгость, а в определенных случаях и суровость – характерные определения эмоциональной «поведенческой нормы» отцов в воспоминаниях и этнографических записках.

Беспрекословное подчинение детей отцу было стандартом поведения в традиционной карельской семье. Уважение детей к главе семьи было основано в значительной мере на его авторитете, внутрисемейной власти. Карельское слово «armo», обозначающее родительскую любовь и ласку, могло употребляться при обращении к отцу или при упоминании его в третьем лице. Тем самым подчеркивалось отношение к отцу как воплоще-

[1] Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. 2000. № 11. С. 90–97.
[2] Keinänen M.-L. Creating Bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003. P. 225.

нию добродетели, заботы, опеки. Источники позволяют с уверенностью говорить о том, что наказания детей в карельской этнической системе воспитания умеренные, а физическое воздействия использовалось лишь тогда, когда были исчерпаны методы убеждения и предостережения.

Представление отцов о судьбе своих чад являлось определяющим фактором в выборе их «жизненного пути». Именно отец принимал решение об определении ребенка в школу и сроках обучения. Появление школы создавало определенную конкуренцию семейному воспитанию, поскольку часть родительских обязанностей передавалась учителям. Законодательство ограничивало родительскую власть над детьми после их поступления в общественное училище, «начальство которого заступает тогда по их воспитанию место родителей». Уменьшение собственной власти над детьми поначалу переживалось крестьянами болезненно, и это можно считать одной из причин их настороженного отношения к официальной школе[1].

Несмотря на расширение школьной сети в Карелии на рубеже XIX – XX вв., основная «практическая» подготовка к жизни будущего крестьянина осуществлялась в семье. Здесь освоение трудовых, в том числе ремесленных навыков, овладение «делом отца» осуществлялось в педагогической парадигме ученичества, путем наблюдения-участия в занятиях взрослых[2]. В рамках семейного мастерства осваивались многие занятия, шла передача «секретов» производства.

Отцы играли первостепенную роль в приобщении сыновей к отхожим промыслам, особенно коробейничеству – разносной торговле, осуществляемой карельскими крестьянами прежде всего в Финляндии. Навыки этого рискованного занятия передавались от отца к сыну, промысел приобрел характер наследуемой специализации. Многие крестьяне южной Карелии, имевшей устойчивые связи с Петербургом, мечтали видеть в своих наследниках «питеряков». Именно отцы, зачастую вопреки мнению своих жен, принимали решение об отправке сыновей в столицу в услужение или «на учебу» (фактически – на тяжелую работу) в ремесленные мастерские. Это непростое решение связывалось с надеждой на приобретение мальчиком ремесленной или торговой специальности, приоткрывавшей двери социального лифта, что позволяло семье надеяться на получение в будущем от «бурлака» денежной помощи.

В процессе освоения трудовых навыков, безусловно, конструировались гендерные различия. Отцы играли определяющую роль в обучении сыновей, матери – в обучении дочерей. Передача духовного опыта не имела столь ярко выраженного гендерного характера, точнее, не фиксировалась с такой очевидностью, как передача трудовых навыков. Тем не менее,

[1] Илюха О.П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX - начале XX в.// Исторические судьбы Беломорской Карелии Петрозаводск, 2000. С. 64–87.
[2] Безрогов В.Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008. С. 436.

по мере взросления сыновья все более оказывались в сфере влияния отцов, дочери – матерей.

Бесспорно, существовал пласт карельского «мужского фольклора», который пока еще слабо изучен. Например, возрастной состав мужских артелей сетевязов, характер их труда сформировали специфическую духовную среду, особый внутренний микроклимат таких коллективов, благоприятный для сказительства. Исполнение эпических рун, звучавших и во время работы, и в часы досуга, было «мужским делом». Замечено, что рыболовство и охота, в отличие от земледелия, способствовали сохранению эпической поэзии. Собиратели, которым довелось записывать руны от представителей нескольких поколений одной семьи, отмечают общие черты пения, исполнения «по-отцовски». Именно в детстве и юности складывался репертуар многих известных сказителей.

При имевшейся асимметрии в родительской нагрузке, отцы, выполнявшие роль добытчиков, вносили материальный и эмоциональный вклад в воспитание сыновей и дочерей. На подростковом этапе большое значение приобретало участие отцов в трудовой социализации мальчиков, осуществлявшейся в парадигме ученичества. Отцы оставались вершителями детских судеб, теми, кто учил сыновей узнавать дорогу «в большой мир».

Уклад жизни карельского крестьянина, связанный с различными промыслами, длительным отсутствием мужчин, уходивших на заработки, сказывался на состоянии традиционной деревенской культуры в целом, корректировал этническую педагогическую систему. Дети на долгое время оставались без отцов, на руках матерей. При этом возрастала социализирующая роль других старших мужчин, в первую очередь дедов. С развитием отходничества неизбежно сокращалось время, которое отец мог уделить детям, остававшимся дома, но диапазон индивидуальных практик отцовства расширялся.

О.С. Павлова
г. Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет

Воспитательные идеалы на Северном Кавказе: социально-психологический анализ

В исследовании (2009–2015 гг.), направленном на изучение особенностей представлений респондентов Северного Кавказа о целях и содержании воспитания детей, приняли участие 1713 человек, из них 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 – как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. Для того чтобы узнать, чтó наиболее важно для наших респондентов при воспитании детей, мы провели контент-анализ неоконченных предложений «В воспитании детей самое главное…».

В ответах чеченцев наиболее часто встречались слова *любовь, доброта, гармония, взаимопонимание:* в 8,5 раз чаще, чем *дисциплина, ремень и плетка, не баловать*. *Самое главное в воспитании детей – любить их, давать свою ласку и заботу, чтобы они чувствовали, что они нужны своим родным, что они – это главное в жизни своих родителей* (жен.).

Распространенными были ответы, в которых указывалась необходимость воспитывать у детей религиозность, богобоязненность, веру во Всевышнего, закладывать основы духовно-нравственного воспитания. Действительно, ислам, является основным источником морально-нравственных норм, правил поведения, является образом жизни, привив который своим детям, родители выполняют свою религиозную обязанность. Необходимыми моральными нормами, которые должны быть присущи как воспитателям – взрослым, так и воспитанникам – детям, с точки зрения ислама являются – честность и правдивость[1]. Замечания, сделанные ребенку искренне, человеком, который сам является образцом нравственности и примером для подражания, имеют гораздо большее воспитательное воздействие. Контент-анализ ответов наших респондентов показал, что *честность, искренность* (*душа и сердце*), *понимание, сдержанность, терпение* – это те качества, которые являются главными при воспитании детей. А *собственный пример* и *родительский авторитет* – это залог успешного воспитания. Необходимо подчеркнуть, что пример старших – взрослых, старших детей и других родственников – является самым действенным методом воспитания в чеченских семьях.

Еще одним важнейшим фундаментом воспитания настоящего чеченца является *уважение к своему народу*, его *традициям и обычаям*, в центре которых стоит *уважение к старшим*. Чеченец воспитывается настоящим патриотом, безгранично любящим свой народ, поддерживающим его традиции и обычаи и передающим их следующим поколениям.

В проанализированных нами ответах ингушских респондентов были такие емкие фразы, включающие в себя несколько важнейших компонентов воспитания:

- *воспитывать детей так, как воспитывали наши предки, наши родители (любовью) (*жен.*);*
- *правильно их воспитать с раннего детства, учить отличать добро от зла, прививать любовь к труду, любить свою религию, бояться Всевышнего и совершать омовение (*жен.*);*
- *религия, и скорее дать понять, к какому народу они относятся (*жен.*);*
- *уважать родителей, учить горским обычаям и религии Ислам (*муж.*);*

[1] Абдул-Мути А. Воспитание в исламе. Наши дети. Практическое руководство / пер. с англ. СПб., 2008. С. 24–25.

- *воспитать верующим, образованным, воспитанным, соблюдающим все нормы этикета (*жен.*);*
- *уважение, почитание предков, трудоспособность, выработка силы воли, патриотизм (*жен.*).*

Полученные ответы респондентов можно разделить на несколько групп.

В первую группу вошли ответы (их было большинство), характеризующие цели, которые родители ставят при воспитании детей:

- *Научить их уважать традиции своего народа, знать родной язык, быть человечным.*
- *Сделать их настоящими людьми.*
- *Придерживаться традиций и обычаев, знать родной язык и верить в Аллаха.*
- *Воспитать в них нравственные, духовные ценности и культуру народа.*
- *Воспитывать в них любовь и страх к Всевышнему.*
- *Учить их уважать старших, защищать слабых, сохранить честь семьи.*
- *Прививать любовь к своей республике.*
- *Привить им любовь и уважение к своим предкам, земле и обществу, чтобы они знали историю народа.*
- *Учить их уважать старших, защищать слабых, сохранить честь семьи.*
- *Привить им любовь и уважение к своим предкам, земле и обществу. Чтобы они знали историю народа.*
- *Воспитать их гордыми и неагрессивными.*
- *Воспитывать чувство ответственности, воспитывать в добре и порядке.*
- *Быть уважаемым и востребованным в Ингушетии и России.*
- *Научить их быть самостоятельными, уважать людей (старших), уважать добро и бороться со злом.*
- *Привить веру в единого Всевышнего.*
- *Заложить основу личности ребенка.*
- *Не стараться воспитывать их в духе времени, а сеять в них любовь к Родине, к Всевышнему, к ближним.*
- *С детства прививать уважение к старшим, трудолюбие, любознательность.*
- *Уважать родителей, обучать религии и горским законам.*
- *Вырастить достойное продолжение рода.*
- *Привить им любовь к своему языку, обычаям и традициям своего народа.*
- *Научить их быть достойными родителями своих детей.*

Ответы респондентов показывают, что ингушские родители видят перед собой задачу воспитать в детях достойного сына/дочь своей семьи, своего рода, своего народа. Воспитание осуществляется в соответствии с основными ценностями ингушской культуры, присвоение которых происходит через веру в Аллаха, а также любовь и уважение к ингушской культуре, традициям, языку, т.е. ко всему тому, что делает ингуша ингушом.

Вторую группу составили ответы, характеризующие **методы** и **средства** воспитания:

- *Пример старших.*
- *Меньше давать им своеволия, воспитывать в строгости, умеренности.*
- *Быть строгой матерью.*
- *Строгая мать, хороший отец, супер семья.*
- *Любить их.*
- *«Кнут и пряник».*
- *Уделять им должное время.*
- *Терпение, любовь, строгость.*
- *Находить подход.*
- *Умеренный консерватизм.*
- *Не переусердствовать.*
- *Хорошая жена.*
- *Внимание.*
- *Спокойствие.*
- *Не упустить момент.*
- *Твердость и справедливость.*
- *Нравственность.*

Квинтэссенцией ответов на вопрос о воспитании детей стал такой ответ 28-летней московской ингушки: «*В воспитании детей нет главного и второстепенного: важно все, даже маленькое зернышко может вырасти в огромное дерево. Воспитание детей – это целая наука. Главное, это чтобы Всевышний был доволен ими, а значит воспитать человека с большой буквы*».

В ответах карачаевцев и балкарцев на вопрос «Что самое главное в воспитании детей» отразились нормы и принципы этики «Ёзден Адет»: *Привить им уважение, и научить не делить людей по нациям (балк., жен.); Воспитать в них любовь к своему народу, уважение старших (балк., жен.); Воспитание по шариату, чтоб дети знали обычаи, зная, что не принято делать горским детям (балк., жен.); Учить быть порядочным, честным, стремиться к поставленной цели (балк., жен.); Учить учиться, быть трудолюбивым (балк., жен.); Соблюдение норм этики, обычаев, традиций, толерантность, поведение в обществе, положительное отношение к другим людям (балк., муж.); Воспитать достойного представителя своего народа и истинного мусульманина (балк., муж.); Кодекс чес-*

ти, религия и традиции (кар., муж.); Передать то, чем богат живой национальный колорит, быт, культуру, адет, намыс (кар., жен.); Привитие нравственных национальных и религиозных ценностей (кар., жен.).

Основными целями воспитания детей кабардинские респонденты назвали: *Научить их быть человечными (каб, муж.); Воспитать в них патриотизм, уважение к старшим, милосердие, приучить к вере (каб., жен.); Уважение, честность, скромность, честолюбие (каб., жен.); Уважение к другим (каб.,муж.); Привить любовь к своему языку, традициям, научить относиться к окружающим с должным уважением (каб., жен.); Научить детей не лгать, быть дружелюбными, обучать их религии (каб., жен.).*

Таким образом, анализ представлений северокавказских респондентов об идеалах воспитания показывает, что это все они связаны с традиционными и религиозными ценностями и нормами и отражают принципы морально-этических кодексов народов.

Б.Б. Абдулвахабова
г. Грозный, Чеченский государственный университет

Родительская повседневность в чеченской традиционной семье: идеалы и практика

В современных условиях глобализации традиционный институт семьи, роли родителей, взаимоотношения детей и родителей и т.д., связанное с материнством и отцовством во многих обществах, в том числе и чеченском, сегодня постепенно меняются. Разрушаются духовно-нравственные устои под воздействием агрессии зарубежных социокультурных ценностей. В Чечне, которая за одно десятилетие пережила две страннейшие войны (имеются в виду военные события в регионе в 1994–2000 гг.), привели к духовному кризису чеченское общество, система ценностей подверглась деформации, произошла ее частичная переоценка. Все эти факторы отрицательно отразились и на гендерных аспектах родительства, взаимоотношений детей и родителей, происходит трансформация традиционного института семьи.

Военные события в Чеченской Республике также породили серьезные проблемы в жизни молодого поколения чеченцев. В результате боевых действий в республике погибло большое количество молодых людей, в основном юноши и молодые мужчины. В связи с гибелью огромного количества молодых мужчин молодые женщины остались вдовами, многие – с детьми на руках, а девушки лишились потенциальных мужей.[1]

Вот почему так важно и необходимо обратиться к историческому опыту чеченцев в области семейных отношений, показать идеальные образы матери и отца, взаимоотношения детей и родителей.

[1] Гадаев В.Ю. Современная чеченская молодежь: поиск духовных ориентиров. Грозный, 2005. С.10.

Чеченское общество стоит сегодня перед необходимостью осмысления и нового прочтения своего прошлого, его обновления в настоящем: возвращение исторической памяти, восстановление забытых традиций и обычаев, несущих положительные нравственные импульсы.[1]

Из всех социальных институтов семья была всегда и остается важнейшей социальной единицей и формой организации личного быта, повседневности. В условиях традиционного чеченского общества семья играла роль универсального института, сконцентрировавшего всю совокупность общественных отношений. Она выступала мощным рычагом, механизмом социализации и защиты члена общества, основным каналом подключения человека к общественному целому.[2]

В чеченской традиционной семье четко были определены роли родителей и детей. Семейная жизнь регламентировалась особыми нормами поведения всех членов семьи, которые были выработаны жизненной практикой в течение многих веков. Семья была особой «микросредой», в которой формировались личности. В традиционном чеченском обществе это были большие неразделенные семьи, когда под одной крышей проживали родственные группы нескольких поколений. Вся повседневность такого коллектива строилась на регламентации этикетными нормами чеченского общества. «От нравственного уровня родителей и, конечно же, от нравственного уровня матери зависит эффективность процесса становления нравственных основ будущей личности».[3] В традиционном обществе чеченцев это четко осознавалось. В повседневной жизни, в быту, в выполнении трудовых обязанностей, в общественной жизни и т.д. родители должны были быть ярким примером для своих детей. Образ идеальных родителей чеченские дети в традиционных семьях воспринимали на практике, в повседневности родителей. Обычаи и традиции пронизывали повседневность родителей и детей, во многом определяя их быт, поведение, отношение к окружающему. Это были нормы повседневности, которые строились на разумном срезе идеального образа и традиционного, практического поведения в семье. Почитание родителей, старших, уважение к старости, которые до сих пор сохраняются у многих народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, это – непросто красивая традиция, а норма в повседневности родителей и детей.

Подрастающее поколение в чеченских семьях сознательно воспитывалась в духе уважения к старшим на протяжении многих веков целым рядом установлений и обычаев. Почитание старших не подменялось беспрекословным подчинением им, как эти традиции трактовались в некоторых

[1] Абдулвахабова Б.Б.-А., Гайсултанова А.А. Проблемы духовно-нравственного воспитания чеченской молодежи в постконфликтный период//Россия и Кавказ: история и современность глазами молодежи. Материалы Российской научной-Интернет конференции. Карачаевск, 2010. С.5.
[2] Умарова З.Я., Бисултанова Л.Б. Вайнахская этика. Грозный, 2008. С.49.
[3] Гадаев В.Ю. Современная чеченская молодежь: поиск духовных ориентиров. Грозный, 2005. С.47.

исследованиях советского периода.[1] В методах семейного воспитания детей полностью отсутствовали жесткие меры наказания детей.

Отец должен был служить примером своим детям, особенно мальчикам. В традиционных семьях непринято было при посторонних открыто выражать свои родительские чувства к детям. В первую очередь это относилось к отцу. Но это не означало, что он не принимает участие в воспитании детей. Его воздействие на детей происходило через мать, которая непосредственно воспитывала ребенка в уважении к отцу.[2] Дети знали отца по конкретным делам и видели его как бы глазами матери. Но, необходимо отметить, что обычно, при исполнении мальчику 7 лет, его воспитанием нередко занимались отец или дедушка. Его учили быть настоящим «къонах» (сын народа) – образ настоящего, истинного чеченца, храброго, мужественного, благородного мужчины, созданный народом идеал человека, с особым кодексом чести. Понятие «къонах» имело чрезвычайное значение для духовно-нравственного воспитания молодых людей. Отец был немногословен, сдержанный в оценке детей, родственников и т.д.

Отец своими практическими ежедневными хозяйственными делами вовлекал в посильное трудовое занятие мальчиков, тем самым формируя у них навыки трудовой деятельности (строительство дома, уборка урожая, сенокос, заготовка дров и многое другое), которые впоследствии будут для них главными в жизнеобеспечении семьи. Так, в каждодневной повседневности, на практике отец осуществлял разные формы воспитания: физическое, экономическое, нравственное и т.д.

Дети уважали отца, гордились им, в своих поступках, поведении стремились быть похожим на него, особенно мальчики и юноши.

Чистотой отношений в семье характеризовались взаимоотношения детей и матери в чеченских традиционных семьях. Ей принадлежало первое место в воспитании детей. «У чеченцев в устном народном творчестве воспет образ матери, ее доброта и преданность детям. Культ матери является не только признанием ее воспитательной роли, главным условием действенности воспитательного процесса. Он также воплощает народное представление о том, что без чувства любви и уважения к матери невозможно воспитать нравственно полноценного человека» – отмечают современные исследователи.[3] У горцев говорили: настоящий мужчина преклоняется только перед тремя божествами – Матерью, Землей и Родником. Чеченцы, как и другие народы Кавказа, заслуженно возвеличивали мать, создавали культ матери. Общество осознавало, что мать не только главный воспитатель в семье, но и то, что от нее зависит будущее народа. Материнское отношение к детям проявлялось в разумной любви к ним, понимая, что дети – это не только радость, но и долг перед обществом. В повседневной жизни оба родителя прививали детям ува-

[1] Традиции в системе духовной культуры социалистического общества. Грозный, 1986. С.17–19.
[2] Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный, 2006. С.83.
[3] Арсалиев Ш.М-Х. Этнопедагогика чеченцев. Москва, 2007. С.151.

жение к человеческому достоинству, доброте, любви к родной земле, правдивости, честности и т.д. На практике: своим поведением, отношением к труду, во взаимоотношениях с детьми, родственниками, соседями, односельчанами, своим отношением к окружающей природе, во всем родители были примером для детей. Это было обязательное условие, норма в нравственном воспитании детей в чеченских семьях.

Таким образом, родительская повседневность в чеченской традиционной семье характеризуется многообразными формами воспитания, накопленными многовековым опытом. Они воплощены в нормах и ценностях, составляющих основу духовно-нравственной культуры народа. Прививалось глубокое уважение к людям любой национальности, родителям, старшим, любовь и уважение родителей и взрослых к личности ребенка (и, как правило, отсутствие в методах воспитания жестоких мер наказания детей); широкое использование труда как важнейшего средства воспитания детей, для передачи им производственных навыков родителей; формирование у подрастающего поколения милосердия, толерантности. Все это закреплялось в сознании детей в родительской повседневности.

В условиях тотального ослабления нравственного иммунитета представляется актуальным использование прогрессивных национальных традиций и обычаев родительской повседневности в воспитании подрастающего поколения, так как они связаны со многими сторонами мировоззрения и взаимоотношений людей; в них наиболее ярко отражен накопленный тысячелетиями народный опыт, человеческая мудрость, выражается характер и душа народа, лучшие черты истории семейно-бытовой жизни общества.

Е.Ф. Вдовыдченко, О.С. Павлова
г. Москва Московский государственный психолого-педагогический университет

Особенности детско-родительских отношений в чеченских семьях: кросс-культурный анализ

Существенные различия в практике детско-родительских отношений тесно взаимосвязаны с особенностями культуры, к которой принадлежит семья. Особенности воспитания в чеченских семьях описаны в работах Ш.М.-Х. Арсалиева[1], З.И. Хасбулатовой[2], Б.Б. Нанаевой[3], О.С. Павловой[4]. В проведенном нами психологическом исследовании стояла задача эмпирически изучить особенности воспитательных практик в чеченской семье, а также провести кросс-культурный анализ особенностей воспитания в чеченских и русских семьях.

[1] Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007.
[2] Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв). М., 2007.
[3] Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М.-Ростов н/Д., 2012.
[4] Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013.

В исследовании приняло участие 72 семьи, по 36 семей чеченских и русских, имеющих детей подростков от 10 до 19 лет. В чеченской выборке приняло участие 32 матери и 4 отца, 17 мальчиков и 19 девочек; с русской стороны 32 матери и 4 отца, 22 мальчика и 14 девочек.

Эмпирическое исследование проводилось с помощью следующих методик:

– Взаимодействие родитель-ребенок (ВРР), автор Марковская И.М. «Предназначена для диагностики взаимодействия родителей и детей. Опросник позволяет выяснить не только оценку сложившейся в семье ситуации со стороны родителей, но и сформировать представление о том, каково видение взаимодействия с другой стороны – с позиции детей»[1].

– Экспериментальное исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия (ОДРЭВ). Опросник позволяет опосредованно выявлять степень выраженности каждой из одиннадцати характеристик взаимодействия родитель-ребенок[2].

– Измерение родительских установок и реакций (PARI). Авторы Е. Шефер и К. Белл, русская апробация методики Т.В. Нещерет и Т.В. Архиереева. Опросник «предназначен для изучения отношения родителей (прежде всего, матерей) к детям вообще, а также к различным сторонам семейной жизни (семейной роли). Методика позволяет оценить специфику внутрисемейных отношений, особенности организации семейной жизни»[3].

– Родителей оценивают дети (РОД). Разработана белорусскими авторами Фурмановым И.А. и Аладьиным А.А. на базе опросника АСВ – анализ семейных взаимоотношений Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. Опросник предназначен для опроса подростков и диагностирует негармоничное семейное воспитание[4].

Данные психологические тесты использовались для опроса детей-подростков и их родителей. В опросах приняли участие полные и неполные семьи с одним или несколькими детьми. Исследование чеченской выборки проводились в ряде населенных пунктов Чечни, русской – в ряде городов Российской Федерации, преимущественно Москве и Московской области. Возраст родителей – от 28 до 60 лет.

Проведенное исследование показало, что чеченские родители более требовательны, чем родители в русских семьях, в которых подросток легко нарушает запреты, родителям «не до него» и воспитанию ребёнка уделяется недостаточно внимания. В чеченских семьях родители стремятся удовлетворить потребности ребёнка максимально, но при этом подросток не

[1] Олифирович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб; «Речь», 2007. С.253–264.

[2] Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Карабанова О.А., Лебедева Н.Н., Лидерс А.Г. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М.; «Академия», 2002. С.278–287.

[3] Олифирович Н.И. Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Указ.соч. С. 243–253.

[4] Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства: Книга для психологов. МН.: "ТЕСЕЙ", 1999.

игнорирует их требования и главным критерием воспитания является непререкаемый авторитет отца и матери.

Интересные взаимосвязи показал корреляционный анализ. Чеченские матери более склонные к некритичному удовлетворению потребностей ребёнка, в то же время ожидают от него особой привязанности, особого отношения, того, которого не получают от семейной жизни. По объяснению авторов методики такого рода нарушения в воспитании наблюдаются чаще при неудовлетворенности супружескими отношениями, либо, когда они нарушены по той или иной причине: развод, смерть партнера. Учитывая, что опрос проведен преимущественно в полных семьях, можно предположить, что, ожидания от ребёнка не свойственных ему функций обусловлено тем, что чеченские матери более тревожны за своё будущее и менее склонны видеть себя самостоятельными, независимыми от семьи. Это подтверждается описательными источниками этнографов, историков, этнологов. Чеченская женщина исторически была зависима от семьи и морально, и материально, так предписано поколениями предков. Несмотря на то, что эта тенденция за последние десятилетия меняется и «вектор семейной занятости женщин»[1] смещается на общественную активность, большинство опрошенных нами чеченских женщин имеют большой стаж семейной жизни, среднее образование, являются многодетными матерями, что может свидетельствовать о том, что именно семья, семейные отношения являются для них главной жизненной ценностью. Косвенно такое предположение прослеживается при анализе опроса и по шкале «фобия утраты ребенка», которая в чеченской выборке дает высокий показатель и сильную корреляционную связь с вышеописанным нарушением в воспитании. В связи с этим мы предполагаем, что недавние военные конфликты не могли не сказаться на детско-родительских отношениях в чеченских семьях и проявить себя именно таким образом. Неосознаваемая боязнь чеченской женщины остаться одной, родителю непредвиденно потерять ребёнка способствует, с одной стороны, потворствованию его желаниям и ожиданиям от него, глубокой привязанности – с другой стороны.

Изучение взаимодействия родителей и детей показало, что чеченские родители, по их оценке, в сравнении с русскими более требовательны в воспитании своих детей. В частности, это проявляется в том, что они более строгие и более контролирующие, больше довольны эмоциональным контактом с ребёнком. Сотрудничество с детьми сопровождается б***о***льшей демонстрацией любви и принятия. Чеченские родители чаще разделяют взгляды ребёнка; при этом они более постоянны в своих требованиях, что сопровождается б***о***льшей удовлетворенностью отношениями с ребёнком. При этом чеченские родители указывают, что дети считаются с их авторитетом. Авторитет старшего в чеченской семье носит априорный характер,

[1] Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Р-н./Д.; 2009. С.205.

он не оспаривается. Чеченскому родителю нет надобности добиваться от сына или дочери послушания – это данность традиции, само собой разумеющийся факт. На этом фундаменте строится детско-родительское взаимодействие: дети считаются с авторитетом родителя, родители считаются с желаниями и потребностями ребёнка. При таком паритете нет необходимости в строгом наказании; реакции на те или иные действия и поступки как родителей, так и детей предсказуемы.

Интересным оказалось изучение параметра «отвержение-принятие». Русские родители понятие «принятия» используют как элемент воспитания. То есть совместная деятельность с ребёнком, сотрудничество с ним русскому родителю видится через его отношение к ребёнку, а именно принятия его личностных качеств, поведенческих проявлений. В чеченской выборке этот критерий совершенно не учитывается, ребёнка родители воспринимают таким, какой он есть, и, устанавливая с ним сотрудничество, ориентируются на степень согласия с ним в различных жизненных ситуациях. Чеченские родители более последовательны и постоянны в требованиях к подростку. Русских родителей в большей степени «кидает из крайности в крайность», дети (русские) отмечают это в анкетах более низким баллом по шкале родительский авторитет.

Русские дети удовлетворенность от отношений с родителями оценивают через оценку строгости родителя: чем меньше придирок от отца, тем более удовлетворен подросток взаимодействием; чем в большем принятии ребёнка находится отец, тем в большей степени подросток соглашается с его методами воспитания.

Интересен факт оценки «эмоциональной близости». Русские отцы, по мнению подростков, предпочтительны в установлении сотрудничества тогда, когда близки им эмоционально, и наоборот: эмоциональная близость предусматривает сотрудничество между отцом и ребёнком. В чеченских же семьях дети видят эту ситуацию иначе: чем выше оценка эмоциональной близости, тем меньше оценка сотрудничества с отцом. И это объяснимо, если обратиться к свидетельствам традиционного чеченского воспитания. Обычаи «избегания» в чеченской культуре семьи - интересный и отличительный факт традиции. Приличия требуют, чтобы отец не проявлял к ребёнку чувств, и дети проявление эмоциональности считают не положительным фактором, а наоборот, фактом вынужденного отдаления от родителя.

По оценкам детей мать в чеченской семье должна быть мягкой, авторитетной, некритичной, последовательной в воспитательном стиле. Поэтому эмпирические результаты показали, что чем мягче отношение матери, тем выше удовлетворенность от отношений, больше авторитет, больше принятия и эмпатии у подростка. От оценки авторитета матери зависит самосознание ребёнка как личности; чем более подросток склонен сотрудничать с мамой, тем выше его согласие с ее воспитательными мерами.

В тоже время у русских подростков непоследовательность в воспитательных мерах видится в недостаточной строгости, увеличении эмоциональной дистанции, отсутствии сотрудничества.

Изучение родительских реакций и установок показало, что чеченская мать тем больше чувствует себя «жертвой» материнства, чем более строгой и отстраненной от ребёнка она себя видит. На наш взгляд, положение матери в чеченской семье в первую очередь, – суть хозяйки дома, и только потом явное проявление ее материнских чувств. На женщине, матери в семье чеченцев держится всё хозяйство – это ее прямая обязанность, а эмоциональный фон поддерживает, прежде всего, бабушка, как правило, свекровь, именно с ней у ребенка эмоциональная близость. Она может и пожалеть, и приласкать, пожурить, похвалить. Родители же обязаны проявлять сдержанность в отношениях с ребенком, особенно в публичном пространстве, а чем старше ребенок – отстраненность.

Изучение особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия показало, что чеченские матери, оценили ниже свою способность ориентации на эмоциональное состояние ребёнка и понимание его эмоционального настроения.

Необходимо отметить, что в результате проведенного исследования мы обнаружили не только различия в воспитательных методах, во взаимодействии с ребёнком в чеченских и русских семьях, но и ряд схожих моментов. Например, все подростки оценивают отношения с родителями как положительные; придают большое значение авторитету как отца, так и матери; ждут от родителей сотрудничества и поддержки.

В тоже время мы обнаружили наличие особенностей детско-родительских отношений каждой группы, которые выявили эмпирические исследования в рамках кросс-культурного анализа особенностей взаимодействия детей и родителей в чеченских семьях.

О.Б. Наумова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

Поведение родителей похищенной девушки в традиции умыкания невесты (по материалам Кыргызстана)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (проект № 15-01-00450а)

Традиция умыкания невесты в настоящее время широко распространена в Кыргызстане, причем существенная часть похищений девушек происходит без их согласия (похищение для принудительного брака). Девушку насильно или обманом привозят в дом «жениха», где уговорами, угрозами, иногда физическим воздействием вплоть до изнасилования добиваются ее согласия, после чего извещают ее родителей. Родители могут

приехать и раньше, каким-либо образом узнав о похищении. Если дочь не хочет оставаться в доме похитителя, родители могут ее забрать, но часто многочисленная родня «жениха» начинает их уговаривать, грозя позором, одновременно предлагая подарки. Таким образом, чем завершится эта ситуация, во многом зависит от поведения родителей девушки. Их действия, в свою очередь, в значительной степени определяются ценностями и установками их социокультурного окружения.

Современное киргизское общество представляет собой совокупность разных «сред», или «окружений» в различной степени традиционных, даже архаичных, или модернизированных и европеизированных. Довольно существенен разрыв в образе жизни и ценностных ориентациях, с одной стороны, сельского населения, несмотря на все трансформации сохранившего социальную архаику: патриархальные отношения в семье, родовые связи в аиле и т.п.; с другой – городских киргизов, приобщившихся к современной европейской культуре (в ее советском варианте) и ее базовым ценностям. В любом случае следует говорить о *степени* традиционности и модерности и их *синтезе* не только в том или ином широком социальнокультурном окружении, но и в отдельных родственных группах и даже в отдельных семьях. Поэтому и действия родителей похищенной девушки не соответствуют каким-то единым социальным нормам. В самом общем плане можно увидеть два типа поведения родителей «невесты» – «традиционный» и «современный».

Традиционный тип поведения. Традиция предусматривает, что на заключительном этапе должна быть провлечена родня невесты для подтверждения согласия на брак. Получив тем или иным путем согласие девушки, посыльные от жениха должны отправляться к родителям невесты с извинениями и подарками. Сегодня же при современных средствах коммуникации многие родители сразу узнают, что их дочь похищена, и у большинства это вызывает возмущение. Они едут к «жениху» с целью забрать дочь. Однако большинство все же оставляет девушку у похитителя. Родные «невесты» в доме псевдо-жениха подвергаются такой же обработке, что и сама девушка: сначала их уговаривают, ссылаясь на традицию, умоляют не опозорить их перед односельчанами (уход девушки вызывает осуждение и насмешки окружения), предлагают подарки. Если это не помогает, в ход идут угрозы позора и бесчестия для самой девушки и ее родителей. В крайнем случае призывают аксакалов села. В результате решимость родителей бывает сломлена, и несмотря на мольбы дочери не оставлять ее в доме «жениха», они сами уговаривают ее остаться и «не позорить» их.

Ключевым для понимания поведения «традиционных» родителей является значимость общественного мнения – боязнь осуждения односельчан и родственников. В традиционной среде создание семьи и рождение детей видится главной целью жизни человека, основной ценностью общества. Неженатый мужчина и незамужняя женщина считаются неполноценными и представляют позор родительской семьи. Соответственно основной обя-

занностью родителей по отношению к детям считается женить сыновей и выдать замуж дочерей. И эта цель, в глазах родителей, оправдывает насилие, причиняемое их дочери.

Другой определяющей такой тип поведения ценностью, заставляющей девушек и их родителей смиряться с похищением, является целомудрие девушки, вступающей в брак. «Позор» для девушки и родителей состоит в том, что, побыв в доме чужого мужчины, девушка уже становится нечистой, «теряет честь», вне зависимости от того, был ли у нее сексуальный контакт. Таким образом, если она возвращается в дом родителей, то с очень двусмысленным статусом: она незамужняя, но уже и не девушка. Общественное же мнение возлагает ответственность за плохое воспитание детей на родителей. Этот «позор» дополняется страхом родителей, что их «опозоренная» дочь уже не сможет выйти замуж.

Кроме того, внушенное с детства послушание, подчинение детей родителям, младших старшим заставляет не только девушек вопреки своей воле соглашаться на брак с похитителем, но и влияет на поведение ее родителей: для давления на них привлекают старейших родственников «жениха» и даже стариков-аксакалов из аила похитителя.

Современный тип поведения. Родители, которые в конечном счете забирают дочь, также подвергаются психологической обработке, но могут ей противостоять. Конечно, легче тем, кто не так тесно связан с семейно-родовой группой, оторвался от сельского круга родни, т.е. городским и образованным людям. На них, считающих похищение не традицией, а преступлением – а эти вопросы сегодня часто обсуждаются в местных СМИ – угрозы и проклятия не действуют. Бывает, что родня похитителя, поняв, что девушку все равно заберут, предлагает деньги и подарки в обмен на обещание не сообщать в милицию. Одни соглашаются на это, другие отказываются. В конечном итоге обращаются в правоохранительные органы единицы, а после уговоров родственников неудавшегося жениха и они забирают заявления.

Предложенные названия двух типов поведения родителей похищенной девушки довольно условны: «современный» тип поведения в общем-то предусмотрен в самой традиции, которая не исключает возможности отказа. К тому же, несомненно, в реальной жизни встречаются разные варианты поведения, усложняющие и углубляющие предложенную типологию. Так, кажущееся современным поведение – забрать дочь у похитителя, может быть мотивировано не заботой о ней, а какими-то другими причинами. Также и у родителей, оставляющих дочь у похитителя, может быть совсем не традиционная мотивация (например, одна из матерей не забрала дочь, потому что к этому времени у нее был другой брак, ребенок от второго мужа и без дочери ей было легче наладить свою новую жизнь) и т.п.

Однако очевидно также и то, что эти два типа поведения отражают два типа ментальности: коллективистскую и индивидуалистскую. Те родители,

которые оставляют дочь, ставят престиж семьи, как он трактуется традиционно, т.е. в конечном счете интересы коллектива, выше интересов отдельного члена своего сообщества; групповая идентичность доминирует в их самосознании. Для тех же, кто забирает дочь от похитителя, значима не только их рефрентная группа, но и индивидуальность отдельного человека и его право на свободу выбора. И те, и другие родители не хотят, чтобы их дочь страдала, в своем большинстве они желают счастья собственной дочери, но понимают его по-разному. Для «традиционных» родителей ее благополучие заключается в следовании нормам, принятым в традиционном коллективе. «Современные» же родители уже не считают, что страдания дочери можно оправдать созданием семьи. Им важно качество этой семьи, а она должна быть основана не на насилии, а на любви и взаимопонимании.

Э.К. Собиров[1]
г. Москва, Институт языкознания РАН

О практиках родительства в советском Таджикистане

Цель доклада – воспроизвести обстановку и события, связанные с родительским домом в период детства автора.

У моих родителей было восемь человек детей: три дочери и пять сыновей.

1. **Наши имена**. Как мы, дети, получили свои имена. Наши имена полностью национальные. Частично они мусульманские (*Масъуд*), родители также носили мусульманские имена (*Камол, Муслима*), но в основном они взяты из национального эпоса «Шахнаме» Фирдоуси. Имена из «Шахнаме» в течение веков сохраняются и всегда популярны.

В 50–70-ые гг. в быту очень распространились русские имена. Ими заменяли имена национальные, например *Мухаббат > Люба, Наргис > Наташа, Зухро > Зоя, Гавхар > Галя, Кумри > Катя, Вали > Валентин, Тоир > Толик, Ромиш > Ромка́, Бехруз > Боря, Алишер > Алеша, Комил > Коля, Сиродж > Сергей, Ромин > Рома, Суруш > Серега, Сафар > Саша, Мирзо > Миша, Мазхабшо Мухаббатшоев > Михаил Матвеевич, Эрадж Камолович > Эдуард Константинович* и т.д. Но в конце 80-х годов эта мода прошла.

Дома и на улице у детей были также **прозвища**. Например, очень быструю девочку, нашу соседку, называли *Тирмор* ‘Быстробегающая’ (букв. ‘прыгающая змейка’), а ее звали *Мавджигул; Парвиз – Ашка* (букв. ‘клыкастый’).

2. **Отношение к труду.** Родители с детства приучали детей трудиться по мере сил в домашнем хозяйстве (например, автор с 5 лет начал пасти

[1] Докладчик – этнический таджик, 1968 г.р., из южного Таджикистана. Свое детство провел в кишлаке Суфиён района Орджоникидзеабад (ныне Вахдат) Таджикской ССР.

скот). Задания распределялись между детьми в зависимости от их возраста и пола. Например, девочки носили воду из родника в маленьких бидончиках, которые назывались *дарозак* (букв. ‘длинненький’), они также поливали, подметали двор и т.д. Старшие девочки вместе с матерью готовили еду.

3. **Уход за маленькими детьми.** В круг обязанностей особенно старших сестер, но и братьев, входил также уход за младшими детьми. Мы расскажем о таджикской реалии *гахвора* – это таджикская колыбель, являющаяся обязательным подарком для новорожденного со стороны родителей или близких людей. Первый раз ребенка кладут в *гахвору* в 15-ти дневном возрасте. Это особый ритуал.

4. **Награды.** В качестве одобрения за выполненные задания родители дарили мальчикам – одежду, обувь, игрушки, монеты; девочкам – платки, обувь, монеты, ткани, которые те относили к кишлачным портнихам. День рождения у мусульман не отмечается (считается идолопоклонством). Вожделенной мечтой мальчиков был велосипед, а девочек – украшения.

5. **Устройство дома**. Дом старшего поколения (в нем жили бабушка, дедушка и при них младший сын с семьей), а рядом или поблизости находился дом одного из старших сыновей с его семьей. У обоих домов ворота никогда не закрывались, и дети ходили из дома в дом. Общение было свободным и непринужденным.

Бабушку дети называли *момá*, дедушку *бобú*. К ним обращались исключительно на «ты». В таджикских многодетных семьях бабушка и дедушка играют огромную роль. Внуки их боятся и уважают (моя бабушка со стороны отца, например, могла наказать палкой). Бабушка и дедушка со стороны матери, у которых не было многодетной семьи, не знали как вести себя с внуками. В трудных случаях дедушка мог заплакать, а обиженная бабушка сидела, прикрывая лицо головным платком. В других районах республики, особенно на севере, дедушку и бабушку, отца и мать, а также старших сестер и братьев, называют на «ВЫ». В некоторых северных районах республики даже муж и жена между собой общаются на «ВЫ».

6. **О зверях.** Кошек не держали, они были дикими, но мышей ловили. Собаки были домашними, занимались охраной дома, добра и скотины.

7. **Детские интересы и детские игры.** У девочек были самодельные тряпичные куклы и связанные с ними игры в подражание взрослому быту. В том числе играли игрушечные свадьбы. У мальчиков – футбол с самодельным мячом, игра в лошадки: верхом на длинной палке – *аспакбозӣ.*

Момаҷвобак. Это название очень популярной детской игры, связанной с местными легендами и с эхом в пещерах (букв. ‘Бабушка, которая откликается’). Примерно в двух километрах от нашего дома в кишлаке Суфиён, между небольшими безлюдными холмами, была зеленая и открытая пещера. Она называлась «*Гори Момаҷавобак*» (букв. ‘Пещера Бабушки, которая откликается’; *мома* – бабушка, *ҷавобак* – короткий ответ). Пе-

щера имела примерно 100 метров длины, 30 метров ширины и 20–25 метров глубины. Там жила стая голубей. Об этой пещере ходили разные легенды. Например, наша соседка, (Кампири Нисо – букв. ‘Старуха Нисо’), когда приходила к нам в гости и оставалась на ночь, то обязательно рассказывала разные истории, то про *Мома ʯавобак*, то про горного дива Ғул, который жил недалеко от нашего кишлака и по ночам выкрадывал только что вышедших замуж девушек. *Мома ʯавобак*, по рассказам *Кампири Нисо*, была маленькой симпатичной старушкой, примерно с 1 метр ростом и в национальной одежде. Она была бескостной; жила за большими кирпичами в упомянутой пещере. *Кампири Нисо* также рассказывала нам, что ее (т.е. *Мома ʯавобак*) как-то поймал один мужчина из соседней деревни, но быстро отпустил, так как почувствовал, что у нее нет костей. Игра *Мома ʯавобак* заключалась в том, что мальчики, зайдя в пещеру, громко звали эту старушку, спрашивая, чем ее угостить («Лепешкой или халвой»), а эхо отвечало им. Помимо этой сказки, у *Кампири Нисо* было великое множество других рассказов.

Таким образом, можно сделать заключение, что воспитательная практика моих и многих других сельских родителей имела в качестве своей основы народную педагогику и психологию. Детей не баловали и спрашивали за порученное дело. Образ жизни сельской семьи был трудовым, достаточно скромным и непритязательным, а окружающая природа и фольклор развивали детское воображение.

Ю.Ю. Мариничева
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Отцовская похвала: любовь и опасность (по материалам фольклорно-антропологических экспедиций СПБГУ)

В фольклорных экспедициях факультета филологии и искусств СПбГУ на Русский Север (Вологодская и Архангельская области) мы неоднократно уделяли внимание собиранию рассказов о похвале, в частности, о похвале детей. В процессе исследования нами был собран материал по *оприкосу* (озык, сглаз) детей. Причем, по словам большинства информантов, оприкос ребенка происходит вследствие того, что кто-то из взрослых (родственников или незнакомых, «нечаянных» людей) похвалил ребенка.

Под похвалой я понимаю коммуникативный акт, обладающий своей формой, в котором участвуют как минимум два актора, один из которых положительно оценивает поступок другого актора или объект, принадлежащий ему. Чаще всего похвала реализуется в форме высказывания (собственно похвальные слова), содержание и форма которого определяются, в первую очередь, иллокутивной целью говорящего (первого актора) и пер-

локутивным эффектом самого высказывания, который выражается в реакции на это выказывание второго актора. Анализ полевых материалов показал, что событие похвалы может сопровождаться событием сглаза (похвала как речевое действие входит в состав другого сложного, уже неречевого действия – сглаза). Собственно похвальное высказывание оказывается своего рода «запуском» механизма оприкоса. Схематично этот механизм можно представить следующим образом: похвала→ оприкос→ защита. Если в ритуальных (например, свадьба) и эпических (например, былина) фольклорных жанрах похвала (и похвальба) допускаются, так как время и пространство и акторы похвального речевого действия строго регламентированы, то в повседневных хвалить не рекомендуется, так как похвала опасна и ведет к оприкосу объекта похвалы. И особенно это опасно, если объектом похвалы становится маленький ребенок.

С одной стороны, взрослые боятся оприкоса. С другой стороны, этот самый оприкос из-за похвалы является чем-то обычным в деревне. То есть подобное происходит настолько часто и со всеми, что, в общем-то, никто ни на кого не сердится, даже если точно знает, кто именно похвалил-оприкосил. И речь идет не о специальных знающих колдунах, которые портят свадьбы или наводят порчу. В этом случае реальное вредоносное действие совпадает с иллокутивным намереньем актора (знающего): он хочет навредить и он вредит. В случае с похвалой происходит иная ситуация: актор совершает добрый, с его точки зрения, поступок, который обеспечивает вредоносный эффект. Эта ситуация оказывается неприятной как для объекта похвалы (он, например, заболевает), так и для самого валящего (его обвиняют в нанесении вреда). При этом поскольку похвалить можно и случайно, то информанты сами дают характеристики потенциально «опасных» хвалящих: человек с «темным взглядом» (или просто темноглазый), конкретный человек (в редких случаях, информанты называют его имя) и, наконец, ближайшие и близкие родственники. Причем, по словам деревенских жителей, особенно опасной для ребенка является родительская похвала, хотя именно это действие чаще всего происходит непроизвольно. В случае с матерью ребенка получается, что сама мать хвалится не своим ребенком, но своими действиями (хорошо воспитала) и своим статусом «хорошей» матери. Как показало исследование, в традиционной культуре может хвалить кто угодно, но наносить оприкос в этом будет лишь тот, кого назначили агрессором в этот момент. Быть *знающим* в этом случае значит быть назначенным агрессором. Исследовательница М.В. Хаккарайнен в работе «Локальные представления о болезнях и лечении (поселок Марково, Чукотка)», основываясь на своих полевых наблюдениях, показывает, что объектом сглаза или порчи на исследуемой территории может быть ребенок (по крайне мере, именно он первый страдает от агрессии), однако в

реальности таким образом взрослые выясняют свои отношения[1]. В северорусской традиции похвала ребенка также организует сложную систему взаимоотношений между участниками самого действия: через похвалу ребенку дают оценку его матери или бабушке. Именно по этой причине возникает страх похвалы.

Таким образом, основным «противником» ребенка оказывается его собственная мать, которая хвалит наиболее опасно, и о чем ей сообщают старшие женщины (в первую очередь, свекровь). В докладе речь пойдет об отцовской похвале как о еще одном сложном явлении, предполагающем свою систему взаимоотношений.

Л.Г. Рева
г. Киев (Украина), Академия Высшего Образования Украины

Женщина и семейные отношения в украинском фольклоре

Украинская женщина – феноменальное явление.

Канонические украинские иконы представляют лики Богородицы как одухотворенной, просветленной, возвышающейся над всем суетным мира сего, Женщины. Зачастую она рядом с младенцем, иногда – держащей книгу в руках. Казалось бы, такая женщина не создана для тяжелого труда – ни для духовного, ни для физического.

В украинской культуре самыми распространенными были два мотива подобия Божьей Матери – Богоматерь Помилования – мать, которая нежит младенца, и Оранта (либо Панагея) – Заступница, Покровительница. На Запорожье почитаемая Покрова Богоматерь, оберегающая козачество своим покровом.

Ярославна – жена Новгород-Сиверского князя Игоря Святославовича своим могуществом и силой земного обаяния дорастает до популярности Богоматери – небесного образа женщины[2] . Это – каноны Украины.

На протяжении всей истории человечества Женщина вдохновляла поэтов, художников, композиторов… Она была и остается Музой, Любимой, Матерью… В то же время в литературе и искусстве нет более сложной задачи, нежели создание женских образов, раскрытие их характеров, внутреннего мира.

История Украины свидетельствует, что уже под влиянием семейного права княжеского периода государственной организации предков восточ-

[1] Хаккарайнен М. В. Локальные представления о болезнях и лечении (поселок Марково, Чукотка). Канд. дис. на сосик. ст. к. ф. н. СПб., 2005

[2] Рева Л. Духовність як домінанта загальнолюдської проблеми в образі Ярославни // "Слово о полку Ігоревім" та його доба : матеріали Міжнар. наук.-теорет. конф. (Галич, 24 жовт., 2007 р.) : на посвяту Ярославові Осмомислу, князю Галицькому / Держ. служба з питань нац. культ. спадщини, Нац. заповідник "Давній Галич". Галич, 2007. С.50–58.

ных славян первичные взгляды на женщину как на собственность, исчезли. Это нашло отражение в кодексе ряда законов «Руська правда»[1]).

Эпохи, исторические события время от времени влияли на женщину, видоизменяя ее мировоззрение, образ жизни, вовлекая в определенные стереотипы поведения и мышления.

В зависимости от культурного развития конкретного общества изменяется и роль женщины в общественной жизни. Традиционная культура, которая в своей относительной целостности держалась до начала XX в., на протяжении многих прошедших веков**,** естественно, претерпевала изменений. На основе опыта поколений вырабатывались стабильные формы самоорганизации общественной и семейной жизни, хозяйствования, общения, досуга, морали и этики, социализации личности, жизнедеятельности этноса в целом. Система традиционных норм поведения, взаимоотношений между людьми была направлена на здоровое функционирование образа жизни, предвидела его развитие и обеспечивала подражание и передачу традиций, упроченных правил поведения и приемлемого образа действий новым поколениям разнообразными средствами, прежде всего каналами устной информации, в частности, при помощи праздничной, символической системы знаков. Женщина Украины все чаще занимала достойное место не только в политике, но и в культуре, просвещении, науке, всегда неся в себе милосердие, большую любовь и семейное тепло. Уже в древние времена организация общества и обычная культура предоставляли женщине полноправные возможности до руководства государством – княгиня Ольга, жена Сулеймана Великолепного Роксолана[2], королева Франции — Анна[3]... В наше время женщина почти приравнена в своих правах и обязанностях с мужчинами, за исключением некоторых религиозных функций[4].

Фольклор, представляющий важную составную часть духовной культуры славянских народов, необычайно богат в идейно-художественном отношении. Им интересуются широкие круги читателей, о чем свидетельствует исключительная популярность сборников сказок, эпических песен, пословиц, обрядовой поэзии. Семейная обрядовая поэзия связана с обрядами, сопровождающими основные этапы человеческой жизни и отмечаются, как правило,

---

[1] Рева Л. Ігнатій Раковецький, його життя та "Prawda Ruska" // Бердичів древній і вічно молодий / Бердичів. міська рада, Житомир. наук.-краєзнав. т-во дослідників Волині, Житомир. обл. орг. Нац. спілки журналістів України [та ін. ; голов. ред. М. Ю. Костриця]. Житомир, 2005. С. 221-224. (Науковий збірник "Велика Волинь" ; т. 32).

[2] Рева Л. Турецькі впливи в Україні // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. праць (О.М. Титова (відп. ред.), С.О. Біляєва, Л.І. Виногродська [та ін.] / Наук.-дослід. Центр "Часи козацькі", Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, Історико-культурна асоціація "Україна –Туреччина", Ін-т мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України: Вип. 23. К., 2014. 618 с. [С. 577 – 585].

[3] Рева Л. В. Коптілов — мій викладач, який навчав думати і творити // Українське мовознавство: Міжвідомчий наук. збірник /Міжнар. наук. конф. "Мова як світ світів: Поетика і граматика" (Київ, 18-19 листоп., 2010) / Київ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. 2010. №40/1. [438 с.]. С.301-305.

[4] Рева Л. Роль женщины-жены в украинской художественной литературе : По материалам Международных научных чтений «Жена поэта: Божья награда? Кара Божья?, посвященных 200-летию со дня рождения Н.Н. Пушкиной-Ланской // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сб.: Вып. 24 (81). Симферополь: Крымский архив, 2012. 224 с. [С. 139-151].

в кругу семьи: рождение, женитьба и смерть. Эти обряды, а также и их поэзия, очень древние и отмечены в древнейших памятниках славянской письменности. Для семейной обрядовой поэзии характерно богатое жанровое разнообразие: стихотворения, песни, думы, былины…

Одним из малоисследованных жанров украинского народного творчества является баллада – небольшое по размеру сюжетное лиро-эпическое произведение сказочно-фантастического, легендарно-исторического или героического содержания. Впервые баллада появилась в украинском народном творчестве в эпоху романтизма в 20–40 гг. XIX в. Начиная с первых десятилетий XIX в., с развитием фольклористических исследований, много балладных сюжетов появляются среди песенных записей З. Доленги-Ходаковского (1810-е гг.), М. Максимовича, О. Бодянского (1820–1830-е гг.), М. Гоголя, В. Залесского, М. Шашкевича, И. Вагилевича, Я. Головацкого, И. Франко, Леси Украинки, П. Грабовского, А. Лазаревского и многих других собирателей и издателей устного народного творчества.

Среди эпических словесно-музыкальных жанров украинского фольклора баллады отличаются богатством сюжетов и разнообразием колоритных мелодик. Художественный мир баллад – это эпика невообразимых, преимущественно трагических судеб, драматизм ситуаций обыкновенных людей из обычной среды. Каждая баллада своим наставническим накалом обобщающего действия, либо внутренней идейной тенденцией излучает высокие человеческие этические нормы взаимоотношений, защищает свободу, справедливость, честь и достоинство, верность, глубину чувств, осуждая любую форму порабощения, лжи, измены и коварства. Отсюда – популярность народного эпоса среди населения Украины. В своих классических образцах, благодаря своему общечеловеческому звучанию, фольклорные произведения нередко переходят границы страны, кочуют и звучат по всему миру. Отражая повторяемые моменты в сфере личностного и семейного, балладное творчество стремится предостеречь, настроить против всяческой несправедливости, воспитать человеческую чуткость, справедливость и гуманность, отстаивать высокие идеалы в человеческой жизни – личное достоинство, чувство любви, верности, справедливости[1].

Одним из распространенных сюжетов баллады является завоевание любимой испытанием силы и находчивости. Воевода спасает девушку в Дунае, которая впоследствии становится его возлюбленной. Речь идет о балладе «Дунаю, Дунаю, чому смутен течеш?», известную в богатой научной литературе под названием «Стефан-воєвода». Много баллад посвящено теме колдовства, отравлению из-за неразделенной любви: «По тім боці Дунаю а вже козак гуляє» , «Ой, на горі, на горі вівчар вівці зганяє», «З-під білого туману», «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці»…; о соперничестве в любви: «Ой, засвітило два місяченьки ясних», «Ой, у чистім полі —

[1] Балади: Кохання та дошлюбні взаємини /Укл. О.І. Дей. К.: Наук. думка, 1987; Славянский фольклор: Тексты. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1987. 376 с.

все дим та туман»… Но большинство баллад посвящено теме верности в любви. В этом плане показательной является *Баллада о Дунае*[1]. Она повествует о реальном воеводе Волынского князя Владимира Васильковича (XIII в.) – Дунае, который жил при польском дворе. Богатырь Дунай в былине выступает в трех эпизодах, в которых показан как герой: при сватовстве дочки «ляховинского» короля для князя Владимира; при встрече Дуная в поле богатырши (вторая дочка «ляховинского» короля), поединок с ней, победа и бракосочетание после поединка. В этом эпизоде тесно связаны две темы: о Дунае-воеводе и Дунае-реке. В споре на пиру у князя о том, кто лучше стреляет в цель – либо его жена, действительно стрелявшая лучше, либо Дунай, вызвавший ее на соревнования: нужно выстрелить так, чтобы стрела прошла по острию ножа и попала в серебрянный перстень на голове у Дуная, когда будет стрелять жена; а когда будет стрелять Дунай – на голове у жены. Трижды стреляла она, и трижды попадала в перстень. Дунай выстрелил раз — недострелил. Выстрелил второй раз - перестрелил. Выстрелил в третий раз—попал жене в сердце. Увидев ее мертвой, Дунай от отчаяния бросился на свое собственное копье и умер. Кровь Дуная разлилась в реку Дунай, кровь женщины – в реку Днепр. Так возникли эти две крупнейшие реки, приобретая огромную популярность в украинском песенном творчестве, а названия их стали эпическими. Довольно часто они играли роль в исторических событиях казаческих времен XVII в.:

питається Дніпро тихого Дунаю:
–«Тихий Дунаю,
Чом я своїх козаків на тобі не видаю?..»
Промовить тихий Дунай до Дніпра-Славути:
–«Дніпре – батьку Славуто, сам я собі думаю та гадаю,
Що твоїх козаків у себе не видаю…»

Основная группа семейно-бытовых обрядов составляет цикл обрядов, связанных с женитьбой. Свадьба у славян представляет собой прежде всего драму, действующие лица которой заранее знают свои роли и выполняют их. Тематика баллад подсказывалась временем: борьба украинского народа за свою национальную независимость, воспевание ратных подвигов героев, извечная тема любви и преданности, победа добра над злом. Здесь уместно вспомнить о «Голубиной книге» XV в., поскольку все народное украинское творчество, не зависимо от того, какова тематика его –героика, любовная лирика либо досвадебные отношения – косвенно или непосредственно, на наш взгляд, начинаются из «Голубиной книги» – праматери всего украинского фольклора[2]. Рассматривая этот популярный поэтический памятник, в котором используется сюжет борьбы Правды и Неправ-

[1] Білецький Л. Історія української літератури: Т.1: Народня поезія. Авгсбург,1947. 328 с.
[2] Рева Л.Голубина книга як фундамент усної народнопоетичної творчості України // Наук. вісник "Межибіж": Матеріали Третьої наук.-краєзнавчої конф. "Стародавній Меджибіж в історико-культурній спадщині України":В 2 ч. / Під ред. О.Г. Погорільця, Л.В. Баженова, А.М. Трембіцького та ін. Меджибіж-Хмельницький: ПП Мельник А.А., 2010. Ч.1. С.143,149.

ды, украинский народ задавал вечные вопросы: что есть правда? что есть истина? – как философы, историки, писатели, творцы Евангелия («Блаженні алчущі і жадаючі правди, бо вони наситяться»), и безымянные авторы украинских псалмов —«Чи ти, Правдо, вмерла, чи ти заключенна, що тая Неправда увесь світ зажерла?»). М. Грушевский, обращаясь к истокам литературы, «Голубиную Книгу» XV в. трактовал как «Глубинную Книгу», нашедшую отголосок в украинских балладах, песнях и псалмах. Для историка литературы, на его взгляд, истина имеет три аспекта: 1) философский – все то, что было, есть и будет; 2) социально-моральный – справедливость и гуманизм; 3) художественный – преобразованный словом мир, правдоподобный и условный. В «Голубиной книге» говорилось о «великом прогрешении», вследствие которого неправда победила правду, земля задрожала, и народ стал «неправильным». Образ Правды соединяется с образом Матери, а с другой стороны – Правда отождествляется с Христом. Она распята на кресте в его образе[1] . Но она живет в Христе и в нем еще будет сражаться с неправдой. Эту трактовку продолжил и украинский литературовед В. Фащенко[2]).

Созданные в течение многих столетий народные баллады являются заметной составной частью поэзии украинского народа. Как высокое искусство, они и в наше время не потеряли этико-воспитательной, эстетической и познавательной ценности.

Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины является хранилищем изданий этого национального достояния.

А.В. Рафаева
г. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Мать и отец в волшебной сказке: предварительное исследование

Работа представляет собой часть большого исследования, конечным результатом которого должен будет стать электронный словарь персонажей русских волшебных сказок. В докладе будут рассмотрены предварительные результаты автоматизированного исследования ролей отца и матери в волшебной сказке по материалам указателя Аарне-Томпсона[3] (далее AaTh) и сборника сказок А.Н. Афанасьева[4] (далее Аф).

По словам Е.М. Мелетинского, «очень часто срединная («ядерная») часть волшебной сказки связана с древними мифологическими мотивами

[1] Грушевський М. Історія української літератури: В 6 т.: 9 кн. Т. IV: Кн.2: Усна творчість пізніх княжих і переходових віків XIII-XVII. К.: Либідь, 1994. С.290.
[2] Рева Л.До духовності Василя Фащенка: перманенція його поглядів // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. ст.: Вип. 18 / Наук.-дослід. Центр "Часи козацькі"; Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури; Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПІК. К., 2009. 466 с. [С. 360-367].
[3] Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Third printing. Helsinki, 1973. (FFC 184).
[4] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В.Чистов. М.: Наука, 1984 – 1985. (Лит. памятники).

(испытания у лесного демона, пребывание в иных мирах), а «обрамляющая» – повествует о гораздо более поздних «семейных» конфликтах»[1]. Е.С. Новик отмечает, что нередко «именно отношения родственников или свойственников определяют основные коллизии волшебной сказки. Это в первую очередь конфликты внутри семьи»[2]. Таким образом, очевидно, что сказок, в которых так или иначе затронуты семейные отношения персонажей, очень много. Беглый анализ материала[3] показывает, что семью может иметь не только герой сказки, но и вредитель, даритель и волшебный помощник, а также невеста героя, причём эти персонажи могут действовать независимо: так, чудесная невеста, помощница героя, может быть членом семьи вредителя, например, водяного царя[4].

Автоматизированное исследование проводится в два этапа. На первом этапе по английскому тексту указателя AaTh ищутся примеры, включающие искомые слова из списка (в рамках рассматриваемой темы это слова *mother* (мать), *father* (отец) и производные от них). На этом этапе примерно определяются основные семантические функции персонажа в сказке и его роли по Проппу. Достоинство такого подхода – привлечение огромного количества фольклорного материала; его недостатки вытекают из самой природы указателя, в котором сказочные сюжеты описаны схематично, а число описаний сравнительно редких сюжетов в разы превышает количество описаний для наиболее частых типов, т.е. чисто текстовый анализ указателя даст неполное и искаженное представление о предмете исследования. Однако такой анализ ускоряет работу, поскольку дает предварительные результаты и позволяет строить гипотезы, которые можно проверять на фольклорном материале.

На втором этапе тем или иным способом определяются ключевые слова для поиска по теме исследования и проводится полнотекстовый поиск всех ключевых слов по сказочным текстам. Найденные примеры, как и в случае поиска по указателю, анализируются вручную. Как правило, ввиду трудоемкости работы, этот этап исследования также разбивается: отдельно анализируется сборник Афанасьева, как наиболее известный сборник русских сказок, а отдельно – остальные сказки, входящие в корпус сказочных текстов.

В настоящий момент первый этап работы – анализ ролей матери и отца по указателю AaTh – практически завершен. Для второго этапа материал подобран и ожидает дальнейшего анализа. Рассмотрим основные результаты, полученные при анализе указателя и предварительном рассмотрении сказочного материала.

---

[1] Мелетинский 1998а – Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е. С. Новик. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 35.

[2] Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 139–140.

[3] Подробнее см. Рафаева А.В. Компьютер–Слово–Фольклор. М.: РГГУ, 2014.

[4] Роли сказочных персонажей приводятся по классической «Морфологии сказки»: Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Мать героя может быть действующим лицом в следующих основных случаях:

- в мотиве *чудесное рождение* ребенка (сверхъестественно сильного, обладающего пророческим даром, долгожданного, отмеченного чудесной, необычной внешностью: «по колени ноги в серебре, по локоть руки в золоте» и т.п.);
- мать олицетворяет собой родительский дом;
- мать героя или героини является вредителем; в этом случае она функционально тождественна мачехе и действует таким же образом;
- мать или сестра героя влюбляется во вредителя и пытается извести героя, чтобы воссоединиться со своим возлюбленным;
- в мотиве *сбывшегося проклятия*: мать (или отец) героя проклинают его, проклятие сбывается;
- мать героя (героини) ненамеренно вызывает порчу или лишение чудесного предмета, ложной похвальбой заставляет дочь выполнять *трудные задачи* и т.п.;
- герой *спасает* мать от похитителя – демонического существа;
- умершая мать *помогает* (советами, благословлением и т.п.) дочери или сыну избежать козней мачехи (ср. сказку "Василиса-Прекрасная", Аф.104);

Как мы видим, роли матери в волшебной сказке разнообразны: она может быть вредителем и помощником, она может быть объектом поиска героя или нарушать запрет героя на пользование волшебным предметом, тем самым вызывая новую беду или недостачу.

Перечислим основные роли отца в волшебной сказке.

- как указывал ещё В.Я. Пропп, царевна и её отец часто делят между собой функции испытателей, задавая герою трудные задачи. В предельном случае отец невесты дает невыполнимые задания с целью извести героя, а невеста является чудесной помощницей;
- отец отдает сына в обучение, а спустя некоторое время должен узнать его в виде животного (в редких случаях в этой роли выступает мать);
- отец обещает вредителю отдать то, «чего дома не знаешь»; это оказывается новорожденный сын;
- отец ребенка неизвестен, его разыскивают (иногда ребенок служит одним из доказательств богатырского подвига героя);
- отец отдает дочь замуж за чудовище или животное: за долги, чтобы избегнуть смертельной опасности, в некоторых случаях по ее собственной просьбе;
- отец устраивает свадьбу сына или дочери;
- инцест: отец (в русской традиции чаще брат) пытается жениться на собственной дочери (сестре);
- отец изгоняет сына или увозит дочь из дома, по собственной воле или из-за давления или оговора мачехи;

•отец ищет пропавшую дочь или организует поиски (отец невесты – отправитель).

Отлучка отца и матери из дома (чаще обоих вместе), как отмечал В.Я. Пропп, часто служат завязкой сказки. Как отец, так и мать могут отправить героя или героиню из дома (быть отправителем), продать героя, обучившегося оборотничеству, олицетворять родной дом (возвращение в отцовский дом/возвращение в дом матери) или всю родню (персонаж принимает вид отца, матери, брата, сестры и других родственников героини).

В докладе предполагается рассмотреть функции отца и матери в развитии сказочного сюжета детальнее и с более подробным рассмотрением примеров из сборника А.Н. Афанасьева.

А.С. Семенова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Брачный выбор и родительский контроль в фольклорных песнях

Один из аспектов, в которых материнство и отцовство представлены в фольклорных песнях, – роль родителей в выборе их дочерями и сыновьями брачного партнера. Этот аспект будет рассмотрен на материале необрядовых песен из репертуара жителей бассейна реки Мезени, записанных в ходе фольклорно-антропологических экспедиций филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета в 2007–2014 гг. Фольклорными я считаю все песни, составляющие локальный песенный репертуар, невзирая на их происхождение. Это те песни, которые «обрели фольклорный способ бытования и спонтанно исполняются»[1]. В качестве объекта рассмотрения избраны необрядовые песни, поскольку именно в них выбор брачного партнера тематизируется, становится предметом высказывания. В мезенских обрядовых песнях о выборе брачного партнера этот выбор соответствует ожиданиям родителей и не представляет собой проблемы.

Во многих песнях брачный выбор и решение о вступлении в брак принадлежат родителям. В «конформных»[2] песнях (т.е. соответствующих патриархальному этосу) дети подчиняются родительской воле. Они несчастливы, но не допускают возможности иного выбора (см., например, песни «Нонече черемуха рано расцвела», «У церкви стояла карета», «Ой, на сердечушке ледок»). Однако дети подчиняются родителям далеко не всегда: некоторые идут на компромисс – вступают в брак по воле родителей, но допускают возможность любовных отношений вне брака (например, «Я нигде дружка не вижу»).[3] Если родители не одобряют выбранного партне-

[1] Олсон Л., Адоньева С. Б. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М., 2016. С. 180.
[2] Олсон Л., Адоньева С. Б. Указ. соч. С. 184–191.
[3] См. Бернштам Т. А. Добрый молодец и река Смородина // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 29.

ра, это может привести к самоубийству («Не во нашей во деревне»). Если партнер выбирается самостоятельно, возможны два варианта развития ситуации: негативный и позитивный. В первом случае партнер не оправдывает собственных ожиданий (девушки оказываются обмануты – как, например, в песне «Ехал моряк на восток») или не принимается деревенским сообществом («Ванька в Питере родился»). Эти песни изображают крах агентивности как должное завершение избранного сценария, не соответствующего патриархальному этосу.[1] В позитивном варианте герой проявляет агентивность и уверенно делает самостоятельный выбор (правда последствия его неизвестны) («Сидела Катюшенька»).

Не во всех песнях о самостоятельном выборе партнера фигурируют родители (напр., «Что ж вы, девушки, ой, да призадумались», «Рябина, рябина, несчастная я»). Однако в этих песнях говорится не о брачном выборе, а о выборе объекта любви.

Песни о брачном выборе записывались нами от женщин и мужчин. Они пели в одиночку, в составе дуэтов, небольших групп и хоров. В настоящее время поют на Мезени в основном женщины. Большинство из них принадлежит поколению 1930–1950-х годов рождения.

Песни из индивидуального песенного репертуара входят в набор актуальных для данного человека культурных сюжетов[2] и могут использоваться для интерпретации своего прошлого или составляют «область *возможного*»[3]. На основании интервью с деревенскими женщинами второго и третьего советских поколений Л. Олсон и С. Адоньева заключают, что для них было нормой выбирать брачных партнеров самостоятельно. Они не склонны представлять себя «жертвами патриархальности», однако иногда, в частности, в песнях, которые они поют, проявляется их лояльность патриархальным нормам.[4]

Е.В. Самойлова
г. Санкт-Петербург, Фольклорно-этнографический центр им. А.М. Мехнецова

Программы гендерной дифференциации в сельской культурной традиции восточных славян конца XIX–XX в.

Антропологические исследования практик и процессов, связанных с производством гендера в различных культурных традициях, представляют одно из разрабатываемых направлений теории социального конструирования гендера, которое помогают понять каким образом происходит установление, подтверждение и проблематизация пола в рамках изучаемой

[1] Олсон Л., Адоньева С. Б. Указ. соч. С. 187.
[2] Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. СПб., 2009. С. 10.
[3] Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени: культурные сюжеты и жизненные сценарии // Труды факультета этнологии: сборник статей. Вып. 1. СПб., 2001. С. 166.
[4] Олсон Л., Адоньева С. Б. Указ. соч. С. 163-164.

культуры и каким образом семья и другие социальные институты участвуют в составлении гендерных программ. Автор развивает некоторые исследовательские идеи российских ученых – Т. Щепанской, А. Байбурина, Н. Пушкаревой и фокусирует внимание на вопросах «производства» гендера в сельской культуре восточных славян. Источниковая база: публикации, архивные материалы и данные полевых исследований автора, охватывающие временной срез к. XIX–XX вв.

«Проектирование» пола. Исследователи отмечают подвижность границ периода гендерного существования и их зависимость от природных и социокультурных факторов. У восточных славян отправной точкой можно считать совершение ритуальных действий, направленных на проектирование пола, как правило, предваряющих акт дефлорации и/или последующую беременность. Во время свадебного обряда старшие родственницы со стороны жениха/невесты клали на брачное ложе мужские или женские предметы (топор, платок, куклу, спицу, серп, трепалку) в зависимости от предпочтений относительно пола будущего ребенка. После родов в тех же целях использовали плаценту: ее закапывали под мужским или женским плодовым деревом, желая оказать воздействие на пол будущего ребенка.

Маркирование пола. Рядом инициационных актов сопровождалось рождение ребенка и период детства, предшествующий ступени перехода к вовлечению в трудовые практики, стратифицированные по признаку пола. Мужские или женские предметы (топор, веретено, одежда) использовались: при «выманивании» ребенка из материнской утробы; отсекании пуповины, захоронении последа, ритуальном купании младенца, пеленании. Возраст пострига в мужскую/женскую *стать* (пол) варьировался от года до шести лет, в зависимости от культурных традиций. К пяти-шести годам дети умели различать женскую работу от мужской.

Артикуляция пола в трудовых практиках. Следующий за ним период посвятительных обрядов можно обозначить как период освоения трудовых практиках, дифференцированных по признаку пола. Пора взросления девочек связывалась, прежде всего, с освоением женских рукоделий. Совершением магических действий сопровождались обряды посвящения девочек в *пряхи/ткахи/швеи,* проходившие в доме под контролем старших женщин: зашивали в ремень талисман, сжигали первую спряденную нить, ели пепел, рожок гусеницы, их сажали оголенными гениталиями на снег, стегали мотушкой и т.п.

Завершался период квалификационными ритуалами. Так, для девушек брачного возраста устраивали публичные смотры рукоделий, их приглашали на помочи, в т.ч. и для прядения шерсти, что требовало большей сноровки, чем прядение льна. На Псковщине девичьи помочи отмечались пирушкой и ритуальными бесчинствами, носившими оргиастический характер.

Мальчики проходили те же ступени, следуя по стопам отцов (посвящение в конюхи, охотники, зуйки и т.д.).

Социальные инициации. На территории южной России и современной Украины совершался прием в *парубоцкие*/девичьи громады, артели, которые участвовали в реализации социальных проектов: устанавливали пасхальные качели, совершали ритуальные обходы дворов, часть средств от этих сборов направлялась на ремонт/создание сакральных объектов (часовни/церкви, церковного имущества, придорожных крестов и колодцев, девичьего колодца).

Программы гендерного воспитания предполагали освоение конфронтационных стратегий: парни прибегали к приемам запугивания девушек, «метили» девичьи шалаши на сенокосах и совершали узаконенные набеги на огороды, находившиеся в ведении женщин. После квалификационных помочей, подтверждающих статус пряхи, девушкам дозволялись различные формы проявления агрессивности в отношении противоположного пола: встречные парни и даже мужчины, старались отделаться выкупом, чтобы избежать унизительных выходок со стороны разгулявшихся мастериц.

Генерация сексуальности. *Репродуктивность*. Первым шагом, связанным с культурными нормами регуляции сексуального поведения, можно считать отсечение/перевязку пуповины младенца. Считалось, что от величины завязываемой пуповины зависит развитие половых органов ребенка и сексуальный темперамент. Перевязывание пупа посконью считалось грехом и предвещало бесплодие в будущем.

Период детства, проходивший в семье под патронажем старших женщин – время наблюдений за поведением людей и домашних животных, усвоение норм публичного выражения сексуальности, формирование гендерных стереотипов на основе представлений, почерпнутых из фольклорных текстов.

Различные формы досуговой и трудовой деятельности молодежи были связаны с приобретением сексуального опыта: игры, «гаски», «подночевка» парней, различные «посвящения» и т.п. Ритуальный тест на сексуальную зрелость – один из главных элементов в структуре свадебного обряда. Сексуальный опыт, хитрость и коммуникативные качества позволяли девушке имитировать «девственность» и достойно выдержать тест.

Власть и контроль. Отметим роль института родства в формировании рассматриваемых программ: ритуальное «проектирование» пола и тестирование на сексуальную зрелость проходили под контролем родственников по крови и браку (преимущественно женщин). Ведущими экспертами (теста) выступали *свашки* и дружка. В преддверии акта дефлорации дружка раздевал и осматривал жениха, а *свашки* – невесту и ее нательное белье. О результатах теста сообщали участникам свадебного пира. При необходимости, они же замещали жениха и разрывали девственную плеву.

Ведущая роль в обрядах, связанных с рождением ребенка и маркированием пола, принадлежала повитухе. Она же контролировала обряд первого кормления (подтверждение родства с матерью), крестьбины, роди-

рины и пр., а также помогала в преодолении отчужденности отца в отношении ребенка.

Между повитухой, ребенком и его матерью устанавливалась родственная связь, закреплявшаяся в ритуалах (*Бабьи каши*, именины и др.) и терминах родства – *баба, онуки*. *Баба* руководила ритуалом *постриэюин*, занимала почетное место на свадебном пиру. Мать сохраняла родственные отношения с повитухой до смерти бабы или до времени появления собственных внуков; ребенок – до вступления в брак.

Освоение программ в период кофигуративной трансляции культуры, когда знания и опыт приобретались главным образом у сверстников, находилось под контролем лидеров молодежных групп, пользующихся авторитетом сообщества. Квалификационные тесты в сферах трудовой деятельности инспектировались профессионалами, мастерами.

Рассмотренные программы были направлены на утверждение пола, преодоление барьеров и установление связей между социальным и биологическим развитием. Брак, роды служили завершающей ступенью, ритуальной констатацией их успешной реализации и переходу от периода утверждения к периоду репрезентаций и подтверждения гендерной зрелости.

М.А. Текуева
г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет

Материнство и гендерное конструирование

Размышляя о мужчинах и женщинах, М. Мид предлагает начать «с их различия в процессе репродукции. Каким образом отражается распределение ролей в продолжении рода на различиях функций, способностей, восприимчивости, уязвимости обоих полов? Каким образом сказывается тот фактор, что участие мужчин в репродуктивном акте одномоментно, а у женщины оно занимает девять месяцев вынашивания, а потом еще несколько месяцев кормления грудью? Какова самостоятельная значимость каждого из полов самого по себе, а не в качестве дефективного варианта другого?»[1]

В адыгской культуре главными среди общественно значимых функций матери являются способности женщины закреплять или оформлять формы искусственного родства, контролировать насилие и блокировать мужскую агрессию. Прикоснувшись губами к груди старшей женщины в роду/семье, мужчина, ищущий покровительства или защиты, получал стойкий социальный иммунитет. Прибегнув к покровительству матери/бабушки кровника, могли остановить цепь убийств между враждующими кланами. Этот обычай эксплуатировался и в тех случаях, когда между разными субэтническими адыгскими обществами устанавливались союз-

[1] Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 193.

нические связи – братства[1]. Придание материнскому статусу столь серьезного значения определяется не только ее способностями к вынашиванию, вскармливанию детей, заботе об их гигиене и безопасности, но и незаменимому вкладу в их воспитание. До тех пор, пока ребенка кормят грудью, он проводит с матерью почти все время: спит в родительской спальне, держится за материнский подол во время ее работы, прислушивается к ее разговорам. Первые представления о мире ребенок получает от женщин, в кругу которых проходит его раннее детство. Трансляция женского опыта от матери к дочери вполне логична, но важно отметить, что и в воспитании «мужского» характера в сыновьях матери играли основополагающую роль. Женщины гордились мужскими поступками своих отцов, братьев, мужей и воспитывали в том же духе сыновей. Т.е. основа в конструировании универсальных маскулинных качеств – силы и агрессии – закладывалась матерями, и только в семилетнем возрасте мальчик переходил под влияние мужчин семьи. Но духовная близость с матерью мотивировала в сыновьях стремление к соответствию материнским ожиданиям и идеалам.

Не сомневаясь в верности всего сказанного в отношении материнских чувств, следует все же отметить их неоднозначность. Вопрос о правах женщины, как матери в законодательстве был спорным, но при разводе ребенок оставался с отцом; муж должен был обеспечить жену материально. И хотя после смерти отца мать (даже неродная) пользовалась всей полнотой власти над детьми, к опеке в юридическом смысле слова она не допускалась. «Права опекунства принадлежали только ближайшему родственнику мужского пола», который должен был сохранить имение для наследников, содержать их до совершеннолетия (до пятнадцати лет), после чего сдать им имение по описи. В случае развода по своей инициативе, жена предполагала разлуку с детьми. Подобная свобода выбора в целом уточняет гендерные характеристики общества. Вдова же могла вернуться в отчий дом при условии оставления детей в роду мужа. Она почти всегда выходила снова замуж, так как индивидуально она не может образовывать самостоятельную социальную единицу одного таксономического уровня с прочными семьями[2]. Судя по полевому материалу, браки с вдовами были популярны, а значит и факты разлуки с детьми от первого брака – распространенным явлением. Правда, в этом случае, речь идет не о гендерной свободе, а наоборот, о побудительных социальных установках для женщины репродуктивного возраста быть в браке. В данном случае обычное право предлагает альтернативный вариант – брак с деверем, что способствовало не только сохранению ее статуса, но и сохранению прежних связей с детьми от первого брака.

Относительная редкость в современной практике разводов случаев оставления детей на попечении отцов заставляет задуматься над значением отцов-

[1] Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 258.
[2] Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб, 2004. С. 213-215.

ства в традиционном адыгском обществе. Кавказские обычаи избегания сформировали предвзятое мнение об отцовских чувствах мужчин по отношению к своему потомству. Общим местом стали слова о «равнодушии» к своим детям, неучастии в их непосредственном воспитании, взаимосвязи отстраненности мужчины от детей с его соответствием образу «настоящего мужчины». Очевидность подобных проявлений отцовства отвлекает исследователей от объективного взгляда на положение дел. В то же время известно, что патриархальные общества (к которым, безусловно, относится традиционный Кавказ) требуют от каждого зрелого мужчины создания семьи и рождения детей. Это – обязательный элемент маскулинности, который может извинить отсутствие других. В пользу тезиса о значимости отцовской роли в северокавказском традиционном социуме говорят 1) строгая моногамия, оправдывавшая, однако развод в бездетном браке или двоеженство для рождения потомства; 2) идеологическое возвышение отцовского авторитета, в т.ч., дистанцированием и ограничением допустимых контактов с ним. Иллюзорность «отсутствия» отца в процессе воспитании окажется очевидной при условии корреляции привычных (западноцентристских) интерпретаций процесса воспитания, т.к. он полностью ответственен за его результат; 3) дополнение биологического отцовства существованием популярного общественного института воспитания – аталычества, распространявшегося больше на мужчин и позволяющего проявлять социально-отцовские функции. Дискуссии о генезисе и сути аталычества только расширяют проблемное поле и указывают на необходимость фундаментальных исследований и неоднозначных оценок.

В целом анализ взаимоотношений родителей и детей позволяет констатировать, что матери были значительно свободнее отцов в проявлении своих чувств по отношению к детям в силу сохранения пережитков архаичных социальных структур, определяющих детей младшего возраста в индивидуальную женскую ячейку общества. При этом комплекс запретов и система этикетных норм поведения регламентировала и эту сторону семейной жизни.

Избегание в детском цикле у адыгов существовало только между родителями и детьми. Хотя этнографические исследования других культур предоставляют данные о сегрегации по половому признаку братьев и сестер одной возрастной группы. На островах Самоа, например, табу на общение братьев и сестер начинается с момента, когда младший из двух детей чувствует «смущение» от прикосновения старшего.[1] Маргарет Мид описывает применительно к детям островов Самоа все атрибуты поведения, характерные для института избегания и хорошо известные нам по кавказскому материалу, но относит их к непривычному для кавказоведов комплексу избегания между братьями и сестрами, начиная с девяти-десяти лет. «После того как они достигнут возраста, в котором должны соблюдаться приличия, они не

[1] Мид М. Взросление на Самоа / Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 112.

смеют прикоснуться друг к другу, сидеть рядом, есть вместе. Запросто обращаться друг к другу, упоминать в присутствии друг друга о каких бы то ни было непристойностях. Они не могут находиться вместе ни в каком другом доме, кроме собственного дома. Им запрещено гулять вместе, пользоваться вещами друг друга, танцевать на одной и той же площадке, принимать участие в делах одной и той же малой группы».[1]

Аналогии с адыгами в подобной форме избегания не прослеживается, хотя последние две позиции – о запрете детям из одной семьи и одной возрастной группы участвовать в танцах и формировании детских и молодежных группировок по принципу возрастных классов – очень знакомы. Но одно уточнение ослабляет и это сходство: у адыгов упомянутые ограничения касаются только однополых близких по возрасту сестер или братьев. Таким образом, на Самоа речь идет о регламентации межполовых отношений родственников, что регулирует, видимо, возможные сексуальные связи между ними. У адыгов же эти ограничения носят характер внутриполовой регламентации, что направлено на сохранение брачных классов и для этого – соблюдения необходимой очередности «выхода в свет». И отношения между братьями и сестрами как родными, так и двоюродными носили характер покровительственный со стороны братьев и подчиненный со стороны девочек, что однако не исключало нежности и дружбы между ними. Братья сопровождают сестер на танцы, вечеринки, оберегают их от нескромных взглядов, вступаются за их честь. В семье принято, чтобы младший ребенок донашивал одежду старшего, допускаются объятия и поцелуи – но «по поводу»: разлуки или встречи, радости или горя.

Е.Ф. Фурсова
г. Новосибирск, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Обеты и моления о ниспослании детей в сибирской деревне первой трети XX в.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 14-28-00045.

Несмотря на тот факт, что многие семьи в сибирских деревнях были многодетными, тем не менее, случалось, что у семейной пары дети не рождались или умирали в раннем возрасте. Бездетные матери вызывали сожаление у односельчан, которые старались помочь им советом, поделиться личным или коллективным опытом. В основу статьи о коллективном опыте решения проблем бездетности или младенческой смертности положены полевые этнографические материалы[2].

[1] Там же.
[2] Материалы Восточнославянской этнографической экспедиции, организованной Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН 1988-2015 гг. Руководитель – автор.

Из бесед с пожилыми женщинами очевидно, что селяне рассматривали детей как Божий дар и их количество не зависело от наследственности. Агния Сидоровна Архипова, потомственная старообрядка-«полячка»[1], давала такие пояснения по этому поводу: «У мами девять нас было, а у бабоньки, у тятиной матери, умирали у ей шибко. А вот у меня не было детей, я ни одного не рожала. Бог не дал»[2]. В системе ценностей понятие материнства включало единение духовной и материальной составляющих. По этой причине, поясняла Агния Сидоровна, у человека, как правило, четыре матери: «Первая мать – Пресвятая Богородица, вторая мать – крёсная, третья мать – роженица, четвёрта мать – сыра земля».

Представления о том, что бездетность является наказанием от Бога, были близки русским людям. Женщины, у которых не рождались или умирали дети, давали обеты, т.е. клятвенное обещание перед Богом, прежде всего, посетить святые места. Все, что было связано с обетами, выделялось среди повседневных проявлений веры, так как совершалось в дополнении к обычным религиозным обязанностям верующего. Например, в д. Загайново Алтайского края местные жители помнят и могут рассказать историю женщины, совершившей многомесячный поход в Иерусалим. Целью было помолиться у христианских святынь о дочери, у которой «не приживались» дети. Приведем рассказ на эту тему современных односельчан: «Плачут обои. Вот полтора года, опять ребёнок умрёт. То говорит, год с лишним, опять умрёт. И вот говорит им, её мать: «Пойду в Иерусалим». И вот она в Иерусалим ходила и полтора года проходила»[3]. Ее молитвы были услышаны, по прибытию домой она обнаружила, что у дочери растет сын. Далее селяне как бы передавали слова дочери: «Мать приехала, у меня уже родился опять, и вот этот сын был первый, а потом уже девки, пятеро у меня эти остались. Да, молилась она, чтобы дети были. Раньше это не редкость была, ходили в Иерусалим люди…»[4]. Очевидно, что в Сибири, с учетом ее отдаленности, эти паломничества были особенно тяжелы из-за больших физических нагрузок.

В 1930-х гг. ушла в прошлое возможность посещения Иерусалимских святынь, но посещение местных святых мест, крестов, источников не могли запретить ни милиция, ни уполномоченные по делам религий. С незапамятных времен такие места были широко известны в Южной Сибири, куда женщины «обрекались» (давали обет) поклониться местночтимым святыням.

---

[1] «Поляками» называли старообрядцев, насильственно переселенных в 60-х гг. XVIII в. с современных территорий Брянской области России и Гомельской области Белоруссии (территорий бывшей Речи Посполитой) в указанные им районы Западной и Восточной Сибири – в Забайкалье и на Алтай. На Алтае по месту выхода получили коллективное прозвище «поляки».

[2] Архипова Агния Сидоровна, 1917 г.р., с. Топольное Солонешенского района Алтайского края. ПМА1988.

[3] Юрастова (дев. Киселева) Мария Моисеевна, 1917 г.р, д. Загайново Алтайского края. Из семьи старообрядцев. ПМА1998.

[4] Юрастова (дев. Киселева) Мария Моисеевна, 1917 г.р, д. Загайново Алтайского края. Из семьи старообрядцев. ПМА1998.

Так, еще во времена существования Колывано-Воскресенского округа на вершине горы Синюхи, примерно на высоте 1400 м, был установлен православный крест. В старые времена сюда постоянно поднимались группы старушек, чтобы прочитать молитвы по чьей-либо просьбе, приезжали молиться женщины и в одиночку. Как следует из рассказов, моления группой и в одиночку помогали исцелиться от бездетности, избавиться от детской смертности. В семье сибиряков Мурзинцевых, как считают их потомки, по грехам ли их или другому неведомому образу сложилась трагическая ситуация: когда рождался второй ребенок, то умирал первый, когда рождался третий, то умирал второй и т.д. В 1928 г. на Троицу к горе Синюхе приходили монашки, которые посоветовали этой женщине подняться с новорожденным трехмесячным ребенком на скалу и поцеловать крест. Когда мать и монашки поднялись на гору, то налетел страшный вихрь, готовый, казалось, свалить женщину. Сопровождавшие люди предлагали помощь, но Мурзинцева поднялась самостоятельно и поцеловала крест. С этого времени все ее дети оставались живы. Лишь последний мальчик-подросток погиб при подъеме опять-таки на эту гору: он шел, опираясь на ружье, которое странным образом в него же и выстрелило (ПМА1999).

В д. Подсинюшной, расположенной около горы Синюха в Алтайском крае, всей деревни известна история одной из пожилых женщин, в семье которой не было детей. Летом 1930 г. селянка поливала огород, как вдруг увидела на горе дорожки из огоньков, исходящих от вершины, где стоял крест-распятие. Ей показалось, что огоньки – это зажженные свечи около крестиков поменьше, на месте же большого креста виделся костер. Вначале у нее промелькнула мысль: «Кто же там зажег, вроде никто не проходил». Потом вспомнила, что местные бабушки говорили про это явление, во время которого, по их словам, можно загадать желание. И она загадала, чтобы у них в семье родился ребенок. Через девять месяцев после этого случая у них в семье родилась девочка. На памяти современных селян было три таких видения разным людям (ПМА1998).

На юге Западной Сибири распространены истории о посещении святых источников, результатом чего были исцеления женских болезней и обретения детей (например, источники в пос. Ложок, с. Вознесенское Новосибирской области, г. Салаир Кемеровской области и пр.). С незапамятных времен со всего Каинского округа Томской губернии совершались тайные ходы по обету к источнику (колодцу) в девятую пятницу после Пасхи, в день памяти Св. Параскевы-мученицы в с. Вознесенское. По воспоминаниям жителей, из самых отдаленных деревень округа сюда шли женщины с надеждой на материнство, а также матери с детьми на руках, чтобы избавить их от болезней и смерти (ПМА2000).

Представления в возможность вымолить детей были распространены, прежде всего среди тех селян, кого эта проблема касалась. Осознание того, что дети появились не только от плоти, но «по обету» проявлялось в бла-

годарности, чаще всего, в виде принесения даров в Божьи храмы. Из рассказа Евы Петровны Богач из Болотнинского района Новосибирской области следует, что ей дали библейское имя «Ева» в надежде, что она будет жить, так как предыдущие восемь детей умирали в младенчестве. Кроме того, мать девочки дала обет ежегодных пожертвований в церковь отрезов ткани, двукратно равных росту девочки. Приведем слова информанта: «Это скоко служила на Дальнем церква, столько мама ходила и стоко за мене оброк платила. У мамы дети не жили и восемь подряд помёрло, я девятая родилась. Да, на Плащаницу клала оброк: товару дак товару. Сколько я росту была, дак от ног до головы и до пят, в дверяди. Хоть товар, хоть полотно, хоть што носила, штобы мене накрыть спереди и сзади. Да, отрежет и понесла. Это я помню, и меня водила. И на Плащаницу. Раз в год оброк, это она обрекалася, штобы я выжила. Это ещё когда я замуж не ходила другий раз. А уже пошла замуж другий раз, она мене забыла и кинула»[1].

Среди переселенцев из украинских земель, наряду с молитвенным обращениям к святым и посещением святых мест, встречались архаические, дохристианские воззрения на проблему преодоления бездетности. Михаил Петрович Сутягин из Асиновского района Томской области рассказывал о распространенном, по его мнению, способе избавления от бесплодия: «Если взять рожь, у которой на одном стебле два колоска, поместить в кипяток, сделать настойку, то женщина забеременеет, если выпьет настойку. Если дать настойку скотине, тоже забеременеет. Этому научила мать. Это передается спокон веков»[2]. Это способ, возможно, является отголоском поверий в действенность симпатической магии, когда плодовитость хлебного злака сообщалась женщине. В процессе полевых исследований удалось записать и другие подобные представления, связанные с проблемой продолжения рода.

Таким образом, несмотря на кардинальное изменение русского жизненного уклада, в аграрной России первой трети XX в. сохранялись религиозные воззрения о ниспослании детей от Бога. Столкнувшиеся с такой проблемой женщины-крестьянки выполняли разного рода обеты и совершали паломничества к святым местам в надежде вымолить детей, прервать свое бесплодие. Сохранялись и дохристианские представления, связанные с возможностью стать матерью, восприняв благодатные силы природы.

[1] Богач Ева Петровна, 1929 г.р., д. Мануйлово Болотнинского района Новосибирской области. ПМА2015.
[2] Сутягин (Кондратенко, Сутягин – фамилия по отчиму) Михаил Петрович, 1913 г.р., род в с. Большедорохово Волынской губернии. Всю жизнь прожил в пос. Асино Томской области.

А.А. Цыбульникова
г. Армавир, Армавирский государственный педагогический университет

Традиционные кубанские женские типы в свидетельствах казака-современника

В данной статье мы рассмотрим несколько исторических типов кубанских женщин-казачек конца XIX – начала XX в. на примере семьи уроженца ст. Кавказской, блестящего офицера и яркого общественного деятеля казачьей эмиграции Федора Ивановича Елисеева, о жизни которой он подробно рассказывает в своей рукописи[1].

Первое, что мы читаем в его воспоминаниях о женщинах: «Какая казачка – будь она и красивее самой Афродиты – не принарядится в шелка и кашемирские шали, не подрумянится, не подведет свои черные брови…» Действительно, несмотря на тяжелый быт, в праздничные дни станичницы старались сделать макияж, надеть украшения и парадную одежду. Впрочем, и казачки других районов Северного Кавказа, например, терские, внимательно относились к своей внешности – сурьмили брови и ресницы, отбеливали и сильно румянили лицо различными косметическими средствами, которые готовились по местным кавказским рецептам. М.П. Карпинский писал о гребенских казачках, что они «чрезвычайно берегут свои лица от загара и предпочитают лучше задыхаться под скрывающим лицо платком, чем лишиться возможности появиться в праздничный день с белым лицом. Некоторые даже намазывают свои лица особым составом – жировкой, сохраняя их от загара, придавая им особую свежесть»[2]. И при этом Ф. Елисеев особо подчеркивает: «Крайняя простота и неискушенность были главными чертами характера… всех женщин-казачек того периода».

Еще одна характеристика, которую дает автор мемуаров своим современницам: «Казачка является полною хозяйкою дома. Многодетная, пожилая мать – почитается как «королева семьи». Станица Кавказская изначально заселялась преимущественно донскими казаками-староверами, для которых характерны большие патриархальные семьи. В подобных семьях была очень строгая статусная иерархия, в которой старшая женщина хоть и не являлась главой семьи, но действительно, имела огромный вес. Как отметил известный исследователь А.Н. Мануйлов, «она руководит всей женской сферой хозяйства, она является хранительницей семейных традиций и передает свои знания, умения, опыт детям и невесткам, с нею советуется хозяин в принятии как незначительных, так и важных решений, она – наследница статуса мужа. В случае его смерти, в соответствии с обычноправовыми нормами, она берет на себя статус и функции покойного хозяина и полноценно руководит семьей…[3]»

[1] Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф.И.Елисеева: по мотивам его воспоминаний. Краснодар: Традиция, 2013. 272 с.
[2] Карпинский М.П. Гребенские казаки и их песни //СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. 27. С. 72.
[3] Мануйлов А.Н. Обычное право кубанских казаков. СПб: Алетейя, 2007. С. 171.

В семье юного Федора Елисеева такой старшей женщиной была его бабушка казачка ст. Тифлисской Прасковья Степановна – по его определению строгая, строптивая, волевая, умная, энергичная, правдивая, и в силу всех этих качеств задвинувшая на второй план своего тихого и смирного мужа. «Великая женщина в нашем роде»: в молодости она и скакала на лошади, и косила косою наравне с мужчинами, и вязала за двоих. Она была «чудная рукодельница, чудная кухарка», и при этом «расчетливая и бережливая хозяйка». Всякая работа у нее «горела в руках». Была еще одна черта в характере бабушки, которая является яркой характеристикой того времени, о котором пишет автор. «Для своих она не жалела ничего, всё только для своих, для своего семейства и всё для семьи, чужому же да еще «даром», – ничего не попадало». Подобная жесткая ориентированность на нужды семьи была продиктована в первую очередь низким экономическим уровнем семьи, тяжелой борьбой за выживание. И в то же время именно Прасковья Степановна, несмотря на невысокий уровень дохода семьи, старалась прививать домочадцам культуру, «благородство». Так, в доме по ее настоянию были сделаны дощатые полы, камин, стояла городская мебель, имелись швейная машинка и настенные часы, выписывалась газета. Более того, рожденная в бедной казачьей семье, она, сама будучи неграмотной, всё сделала для того, чтобы и сын, и внуки получили достойное образование.

Еще одной яркой чертой характера бабушки Прасковьи была глубокая вера в бога в органичном сочетании с практичностью и железной волей. О ее религиозности говорило не только обилие святынь в доме и совершенное к святым местам паломничество. К ней шли с больными младенцами и она, не отказывая никому, «выливала из воска хвори» и лечила детей молитвами. Когда большевики расстреляли возле железнодорожного переезда вместе с другими казаками ее сына и закопали там же, 75-летняя казачка, невзирая на угрозы, поехала на место расстрела и стала руками раскапывать ямы-могилы в поисках тела, чтобы затем привезти труп домой и захоронить по-христиански.

Полной противоположностью Прасковьи Степановны была ее единственная невестка – казачка ст. Казанской Дарья Петровна Савёлова – мать 9 детей (четверо из которых умерли в детском возрасте). Впрочем, независимо от характера и возраста сыновней жены, в патриархальных казачьих семьях старшая хозяйка считала себя вправе помыкать невестками, пользуясь той властью, которую давал ей статус матери и бабушки. Ничем не отличалась в этом отношении и семья Федора Елисеева. Он пишет о бабушке: «Не любила она и мать нашу… Не любила, а точнее считала ее недостойной её сына. И очень часто ее «пилила» – за дело и без дела.». Сравнивая свою «добрую бесхитростную и весьма сердечную мать» с её свекровью, Фёдр честно признает, что бабушка умела хранить деньги и «лишнюю копейку не упустит и не выбросит на ветер», а мать была другой – «щедрою и нерасчетливою», «её легко можно было во всем обмануть», что конечно вызывало у старшей хозяйки раздражение и даже презрение.

К несчастью, именно нерешительность, ведомость матери косвенно привела к гибели отца Фёдора. Когда большевики прорвали оборону казаков и уже входили в ст. Кавказскую Иван Гаврилович приказал жене забрать детей и на линейке проехать на окраину станицы, где он их будет ждать, чтобы дальше ехать в ст. Темижбекскую. Но Дарья Петровна, послушавшись сватов, решила спрятаться с ними в саду под Кубанью. Это решение само по себе было бестолковое – так раньше прятались от набегов горцев. Но горцы грабили и уходили, а большевики планировали в станице остаться на долгие годы, а значит, укрытие в саду для семьи трех белых офицеров теряло всякий смысл. В результате слишком долго ожидавшего жену Ивана Гавриловича схватили и в тот же день расстреляли.

Описывает Фёдор Елисеев в своих мемуарах и иные женские типы – свою старшую сестру Маню, младшую сестру Надю и еще множество женщин, которые встречались ему на жизненном пути и являли собой характерные образцы кубанской женской натуры.

РАЗДЕЛ 5. СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ РОДОВ, ИСТОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ РОДИЛЬНЫХ ПРАКТИК, ИСТОРИЯ АКУШЕРСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ; РЕПРОДУКТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Н.Л. Пушкарева
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Репродуктивное поведение древнерусских женщин (X–XV вв.): поведенческие нормы церковных книг сквозь призму традиций и эмоций

Исследования поддержаны грантом РГНФ 16-01-00136

Тема продолжения жизни с древности занимала в православной концепции брака одно из определяющих мест. Славословя девственность, дидактические тексты напоминали, что в свое время каждая женщина обязана родить, ибо «велико зло есть, аще не родятся дети». Физический аспект брака оправдывался только продолжением жизни («жена человеку дана плода деля»). Вопросы сексуальной ориентации, эротизма, удовольствия и интимности в ранние века русской истории церковной литературой не поднимались. Идеалом супруги считалась не просто родившая, но именно многодетная мать, потому холопка стоила дороже холопа, а рождение дочери – будущей матери – объявлялось «честью дому».

За регулирование числа детей полагались наказания. Женщины, использовавшие контрацептивы, причислялись к убийцам. Правда, наказания сводились к церковному покаянию и денежным штрафам (а не членовредительству и побоям, как в Византии, откуда в русское право пришла эта норма). В то же время, по сравнению с византийскими первоисточниками,

в древнерусских памятниках активно присутствовала предосудительность не столько проступка как такового, сколько самого «помысла», вызванного различными обстоятельствами. Механического контроля за женским телом древнерусская культура не знала (никаких поясов верности); главным был психоэмоциональный прессинг.

Древнерусские сборники епитимий пестрят наказаниями матерям и отцам, удавившим, утопившим, «угнетшим» («заспавшим») ребенка в общей постели, а учительные сборники – описаниями мучений для таких матерей после Страшного суда. Полагаю, однако, что оценка Ф. Арьесом и Д. Херлихи раннего средневековья как времени «небрежения детей» мало согласуется с древнерусскими реалиями. Максимум наказания – если супруг был не против – было «поятие» женщины-детоубийцы «в дом церковный» (насильственное пострижение в монахини). Некоторая лазейка полагалась зажиточным семьям: избежать «дома церковного» можно было той детоубийце, родня которой не остановится перед расходами («род ю выкупит»).

Обязанность матери дать жизнь и обеспечить хорошее здоровье потомству делала женщин ответственными за часто упоминаемые в покаянных книгах прегрешения (контрацепция, аборты), которые карались так же строго, как и детоубийство. Многолетние посты назначались тем женщинам, которые «не зачати тщились», использовали для этого всякие «зелия», «наветы» и наговоры. О контрацепции как методе избавления от постоянных беременностей говорится, что она даже «паче убийства». Судя по текстам епитимийных сборников, иные женщины «всяк месяц» творили такие убийства. Абортивные операции («роскаженна») могли иметь следствием не только многолетние посты, но и отлучение: если ребенок двигался в чреве матери – предписывалось 15 лет поста; если уже оформился, но не двигался – 7 лет; если был зародышем – 5. Если ребенок был внебрачным – наказание удваивалось. Но кто выполнял эти распоряжения? Данных об этом нет.

Выкидыши и преждевременные роды абортами наказуемыми не были. Поэтому для женщин так заманчиво было избавляться от детей, просто усиливая физические нагрузки и подчас просто кланяясь в той же церкви до земли (беременным это возбранялось).

Большинство вопросов, связанных с материнством и материнским воспитанием в Древней Руси было предметом рассмотрения не светских властей, а церковнослужителей. Безусловно беря беременную женщину и мать под свое покровительство, церковь решительно выступала против пережитков языческих культов, связанных с деторождением. Но архаические обряды оставались очень живучими. Женщины шли на риск греха, пробуя вылечить бесплодие посредством колдовства, и обращались к зелейницам за советом. В могущество акушерского опыта «идоломолиц» верили не только простолюдины, но и князья, бояре.

На основании исповедных вопросов можно утверждать, что зелейницы умели не только «портить зелием» детей в чреве матери, но и обеспе-

чивать повышение мужской потенции, обучать жен лечить мужей от полового бессилия, повышать возможность зачатия («ставить детей во чреве»), «запечатывать» их (избегать выкидышей). Заговоры («Аще коли жена детятем болит», «Аще жена начнет детя родити не в борзее») упоминают характерные для народных заклинаний обвязывание головы, нашептывание в правое ухо и, наконец, особенно типичное для народного врачевания открывание окон и проемов, развязывание поясов, узлов на одежде.

Печать решительного осуждения церковью знахарства и чародейства несли особые статьи в епитимийных сборниках, касавшиеся гомеопатических гинекологических мазей на основе масляно-отварных взвесей, «взваров», порошков для присыпок. Для активизации детородной функции знахарки заставляли страждущих есть сырую «детскую пупорезину» (пуповину) и «ложе детинное» (плаценту), которым приписывалась магическая сила (равно как и «семенной скверне»). Современные исследования обнаружили в этих «знахарских яствах» токоферол (витамин Е), без которого внутренние женские органы склонны к быстрому старению. Это заставляет по-иному оценить знания и суеверия деревенских ведуний. Повторение осуждающих обличений в адрес тех, кто применял знахарские, «чародеинные» средства лечения, говорит о распространенности заболеваний, приводивших к выкидышам и к преждевременным родам.

И хотя по закону развод («разлоучение») супругов по причине болезни воспрещался, тем не менее, просьбы прихожан о «разлоучении» по причине бездетности супруги или неспособности к брачному сожительству мужа, были обычным делом. Вопрос о необходимости развода по причине бесплодия супружеской пары постоянно поднимался и часто решался положительно.

При таком пристальном внимании к вопросам деторождения немало места в церковных нормативах уделялось роженице и младенцу.

Беременности женщины боялись. Огромное число женщин и новорожденных умирали от инфекций, плохого питания, эпидемий.

Высока была смертность при родах и из-за юного возраста матерей.

Хирургическое вмешательство при родах («от врачей сечение») было, в принципе, известно из богослужебных греческих книг, однако ни одного свидетельства, говорящего о применении оперативных вмешательств при родах в Древней Руси, не найдено. Сложные роды приводили к рождению детей с увечьями. Данных о том, что с ними расправлялись – нет. Русская культура щадила убогих, детей учили не обзывать таких калек («аще уродом нареч[еш]и – итти тебе в муку»).

Страх перед рожающими женщинами оставался трудно изживаемым.

Согласно христианской концепции, роды считались делом «нечистым», как считалась «нечистой» в течение 40 дней сама мать: ей не позволялось входить в церковь и даже кушать с другими членами семьи. Зато объективно защищающим здоровье женщины был запрет супружеской

близости в первые полтора месяца после родов, как и требование «помыть всюде» перед родами и после них.

Многочисленные иконографические изображения Рождества Богородицы и святых позволяют утверждать, что рожали древнерусские женщины чаще всего лежа. Принимавшие роды повитухи и служанки (в домах аристократии) изображались занятыми гигиеническими процедурами (омыванием младенца), и потому методы их помощи при самих родах не поддаются реконструкции. Рождение женщиной будущего святого обуславливало отношение к ней со стороны живописца: она сама изображалась как святая, с нимбом вокруг головы. Примечательно, что аналогичного сияния вокруг головы отца новорожденного иконописец не рисовал: лишь мать, родившая святого, приобретала ореол святости.

В отношении простых мирянок церковный закон был строг.

Им предписывалось в первые семь дней после родов не есть ни молока, ни мяса, «блюстись» любой «нечистоты», чтобы окрестить и причастить ребенка по всем правилам. Обычно это делалось «восьми или больше дней от рождения» (иногда – «первый воскресный день после рождения»), во второй половине дня (перед литургией, а ее исполняли в 3 часа). Полагалось чем-то одаривать священника за совершение обряда.

Восприемницами могли быть любые близкие, соседи или родственники, причем в отношении женщин существовало лишь одно ограничение: они не должны были принимать участие в обряде, если он по времени совпадал с днями их «месячной нечистоты». Любопытно удивление иностранца тем, что именем младенца нарекали не родители, а священник. Последний подбирал имя по святцам, хотя пожелания родных могли быть учтены. И все же имянаречение священником было для Руси и России нормой на протяжении столетий. В древнерусских канонических текстах – в отличие о раннесредневековых европейских – не было осуждения душам некрещеных младенцев: проповедники корили лишь родителей за нерадивость.

«Матери рождешой» рекомендовался вегетарианский рацион. О «прикормах» в детском питании неизвестно. Я нашла лишь упоминание о «молозиве» от «теляти» (которое считалось «лихо», «негодно ясти» ребенку) в ответах новгородского еп. Нифонта (XII в.), а также коровьего молока, которым поили детей. Очевидно, что одного материнского вскармливания бывало часто недостаточно. В то же время женскому молоку всегда приписывались целебные свойства, что было связано с народным представлением о женском организме как носителе лекарственных средств. Позднейшие лечебники упоминают грудное молоко как терапевтическое средство для лечения ран, гнойничков, восстановления ткани. Вопросы исповедных сборников («аще млеко из грудей давах с[о]сати, милости деля, чтоб тя любили?») свидетельствуют о том, что женское молоко считалось средством приворота. Древнерусские «жены» мечтали о том, чтобы молока было много; отражением житейского стереотипа «большая грудь – более молочная», а крупные соски – облегчение младенцу процесса сосания можно

считать рецепты древнерусских лечебников, направленные на увеличение размеров груди и сосков («Коли жена хощет сосков великих»). По сути, рекомендовался массаж и достаточное количество ежедневного питья.

По мере роста ребенка приходским священникам, крестившим и причащавшим младенцев, приходилось решать немало житейских вопросов, в частности, связанных с питанием «чад» в дни постов. В дни постных недель детей дозволяли кормить молоком, особенно «возболевших», без ограничений, рыбу рекомендовали в качестве дополнения к повседневному рациону даже в дни самых строгих «въздержаний» (запреты относились лишь к сливочному маслу, яйцам и пирогам).

О.Г. Агеева
г. Москва, Институт российской истории Российской академии наук

Высочайшие родители и дети в европеизированных церемониях рождения детей дома Романовых XVIII в.

При русском дворе XVIII в. ключевые события жизни детей императорской фамилии, в том числе их рождение, являлись публичными мероприятиями, для которых создавались специальные сценарии-церемониалы. Особые роли в этих торжествах предписывались самим детям и их родителям.

Новый проевропейский церемониал рождения детей правящего дома Романовых, формирование которого началось при Петре Великом, окончательно сложился при рождении великого князя Павла Петровича в 1754 г.[1] В дальнейшем он использовался при рождении великой княжны Анны Петровны в 1757 г. и великого князя Александра Павловича в 1777 г.[2], после этого церемониал был упрощен.

Как и во всех семейных праздниках дома Романовых – свадьбах, днях рождениях и прочих торжествах – кто бы ни был их виновником, главным действующим лицом являлся правящий монарх. Церемониальные роли других членов высочайшей фамилии, включая родителей и детей, выстраивались в соответствие с их положением относительно главы дома. Пышный елизаветинский церемониал появления на свет царских детей имел две части. Первую составляли церемонии, проводимые в ближайшие дни после рождения ребенка, включая крещение новорожденного, вторую – церемония публичного поздравления матери младенца на 40-й день.

В первой части торжества были закреплены такие праздничные формы, как оповещение о рождении ребенка 201 пушечным выстрелом, публикация манифеста, благодарственные службы в церквах, иллюминация в городе и др. Во дворце после появления на свет младенца царский духовник давал ребенку имя в соответствии с желанием монарха, затем отправ-

[1] РГИА. Ф. 473. Оп.1. Д. 8. Л. 58-66 об., 73-77 об., 86, 162-167; Оп. 3. Д. 22. С.3-13 об., 16-19; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1754 г. СПб., б.г. С. 74-81, 88-90. (Далее: КФЖ ... г.).
[2] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 11 . Л. 75-77; Д. 12. Л. 7–8 об.; Д. 63. 1777. Л. 1-5 об., 8, 32 б. – 33 об., 34-35.

лялся молебен в присутствии членов высочайшей фамилии и некоторых ближайших особ. На следующий день при съезде во дворец лиц первых классов (обычно 1–5, то есть около 200 человек) проходили молебен и служба, а затем поздравление правящей императрицы или императора. Только после этого наступал черед поздравления отца ребенка – великого князя или императора (Петра Федоровича, а затем Павла Петровича – Павла I или Александра Павловича). При этом поздравление отца, великого князя, могло проходить и в его собственных покоях.

Через несколько дней при большом дворе отправлялся обряд крещения. В присутствии лиц первых 4 или 5 классов двор и императорская фамилия торжественно шествовали в храм. В процессии, как всегда при высочайших выходах, центральное место отводилось правящей особе, следовавшей за группами высших придворных чинов. Только после нее шел великий князь – отец ребенка, и далее торжественно на глазетовой подушке титулованная особа или придворная дама несла новорожденного. Ассистировали ей два придворных кавалера или военных чина 1–2 рангов.

В храме по православным канонам отправлялся обряд крещения, на время которого отец ребенка по традиции выходил из помещения церкви и потом возвращался вновь. После таинства звучал 301 пушечный выстрел (для девочек 201). Затем правящая особа как орденмейстер налагала на высочайшего младенца орден – на мальчика Св. Андрея, на девочку – Св. Екатерины. Только в 1799 г. на великую княжну Марию Александровну Павел I наложил два ордена – Св. Екатерины и Св. Иоанна Иерусалимского[1]. Особенностью крещений могло быть присутствие в храме иностранных дипломатов, представлявших своих патронов, символически приглашенных в восприемники младенцу.

Завершал первую часть торжества устраиваемый в один из следующих дней праздник в честь рождения ребенка, который включал бал для знатного шляхетства, праздничный стол, который давал отец ребенка, и огненную потеху. Так, в 1754 г. такое празднество в честь рождения Павла Петровича было устроено в Летнем дворце. После бала отец новорожденного великий князь Петр Федорович дал обед за «фигурным великолепным столом» на 140 персон, завершился вечер сожжением фейерверка и иллюминации.

Вторая часть торжеств, церемония 40-го дня, состояла из публичного поздравления матери младенца. По повесткам ко двору приезжали иностранные дипломаты и первые классы общества. С соблюдением ряда этикетных правил они вводились в парадную спальню дворца, где мать новорожденного на парадной постели принимала поздравления. Рядом с ней мог присутствовать супруг великий князь.

При Екатерине II с рождения в 1779 г. Константина Павловича церемониал торжества начал сокращаться. Сначала роль матери (великой княгини Марии Федоровны) ушла в тень, так как ее поздравление на 40 день

[1] РГИА. Ф. 473. Оп.1. Д. 81. Л. 3 об.; КФЖ 1799. Ч. 1. С. 801-802.

было заменено 40-дневной молитвой и литургией в кругу царской семьи[1]. Затем исчезло и празднество в часть самого рождения ребенка, в котором особую роль играл великий князь – отец[2]. Неизменным осталось торжество крещения с его церемониальным выходом в церковь. Дипломатический корпус в храм мог не приглашаться.

После вступления на трон Павла I полный церемониал рождения высочайших детей, разработанный в середине века, восстановлен не был, однако в празднестве появились некоторые новшества. Так, при рождении сына императора великого князя Михаила Павловича (1798 г.) и затем его внучки Марии Александровны (1799 г.) их место в процессии в храм для крещения было определено строго по иерархии, установленной в семье Романовых «Учреждением об императорской фамилии». Маленького Михаила несли после императора и всех старших братьев с их супругами, но перед его сестрами. Марию Александровну, как особу дамского пола, – после их величеств, старшего брата и старших сестер на самом последнем месте. При праздновании рождения императорского сына были устроены два стола для лиц 1–5 классов. Для его матери-императрицы новый особый церемониал 40-го дня включал принятие при съезде двора 40-дневной молитвы с участием в обрядах ребенка и проведенную на следующий день церемонию поздравления матери-императрицы по образцу поздравительных аудиенций. Церемония сороковин великой княгини Елизаветы Алексеевны по ее более низкому рангу была сведена к принятию в придворной церкви молитвы без присутствия высокой фамилии и собрания двора, после этого она присоединилась к выходу на литургию царской семьи с особами 1-2 классов[3]. Иных церемоний проведено не было.

Таким образом, патриархальный уклад жизни высочайшей фамилии, властные права правящего монарха/монархини и место в очереди на престол определяли роли высочайших родителей и новорожденных детей в проевропейских церемониях родин Романовых XVIII в.

А.В. Белова
г. Тверь, Тверской государственный университет

Роды у российских дворянок в XVIII – середине XIX в.

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ», проект № 16-01-00136

Применительно к дворянской культуре XVIII – середины XIX в. родильный обряд и антропология родов до недавнего времени[4] не изучались,

[1] КФЖ 1779 г. С. 248-250.
[2] См., например, церемониалы 1792 и 1796 гг.: КФЖ 1792 г. С. 341-346, 441-443; КФЖ 1796 г. С. 528-587.
[3] РГИА. Ф. 473. Оп.1. Д. 50. Л. 335-335 об.; Д. 80. Л. 4 – 5 об.; КФЖ 1798 г. Ч. 1. С. 174-176; КФЖ 1799 г. Ч.1. С. 798, 942-943.
[4] Подробнее о реконструкции дворянского родильного обряда см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

поскольку данная проблематика, считавшаяся прерогативой этнографов, не попадала в поле зрения историков, а этнографы, в свою очередь, как и в случае с девичеством[1], не интересовались дворянством, не маркируемым ими в качестве носителя традиционной культуры. Вместе с тем важно понять, как через опыты родов проявлялись и закреплялись механизмы социальной в первую очередь патриархатной иерархизации.

Достаточно редко упоминания о беременности и родах встречаются в письмах и дневниках, чаще в мемуарах, косвенные сведения могут быть извлечены из имущественных и родословных документов.

Согласно эпистолярным и мемуарным свидетельствам первой половины XIX в., срок предстоящих родов определялся субъективно самими беременными женщинами, которые могли ошибаться в своих подсчетах, иногда весьма существенно (вплоть до полутора месяцев), как в сторону сокращения, так и увеличения продолжительности беременности. Иногда роды начинались ранее ожидаемого женщиной срока, причиной чего могли служить либо также ошибка в хронологии, либо, по утверждению мемуаристки, воздействие внешних факторов, условно, «стрессовая ситуация». В последнем случае речь идет о так называемых преждевременных родах, которые могли протекать и без стресса как стремительные. Критерии определения срока предстоящих родов женской автодокументальной традицией не конкретизировались.

В дворянских семьях обычной практикой были домашние роды. Роды в стенах бесплатных родильных госпиталей, действовавших при созданных в 1764 и 1770 гг. в Москве и Санкт-Петербурге Воспитательных домах[2], свидетельствовали о незаконнорожденности ребенка. Поскольку присутствие рожениц в этих учреждениях было анонимным, а «все обстоятелства родильниц[3], принимаемых в родильную Гошпиталь воспитательнаго дома, должны быть сохранены свято в тайности»[4] (о чем сотрудникам давалась «приличная на сей случай инструкция, и в исполнение оной» они приводились «к присяге»[5]), выяснить процент дворянок среди женщин разного социального происхождения, «непозволенным сластолюбием или и насильством обременных» (М.В. Ломоносов), рожавших там «зазорных детей», не представляется возможным.

С. 346–428. (Сер. «Гендерные исследования».); Ее же. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. Вып. 14. С. 29–48; Ее же. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. Вып. 24. С. 69–88.

[1] Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3–18.

[2] Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 108. Московский Воспитательный дом. Оп. 1. Д. 21; Ф. 127. Московское присутствие Опекунского совета учреждений императрицы Марии. Оп. 3. Д. 125; Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1988. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. С. 55.

[3] В русском языке XVIII–XIX вв. не различали рожениц и родильниц, называя и тех, кто рожает, и тех, кто уже родил, одним и тем же словом «родильницы».

[4] ЦИАМ. Ф. 127. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

[5] Там же.

Тем не менее сама по себе доместикация родов, формально подтверждавшая статус законнорожденности будущего ребенка и означавшая символическую включенность его в домашнее, семейное сообщество, еще не гарантировала того, что ребенок не был внебрачным. Это же касалось родов, завершавших добрачную беременность.

Для дворянской культуры не характерна маргинальность пространства родов, фиксируемая в народных традициях. Хотя все-таки можно встретить свидетельство и вынужденных родов в бане.

Обычно же роды происходили в привычной для женщины-дворянки обстановке, в спальне, которая к концу XVIII в. становилась одним из атрибутов индивидуализации быта, интимизации, обособления частного пространства. Тем самым роды интегрировались в пространство женской повседневности. Можно говорить о существовании в дворянской среде обычая рожать первого ребенка в доме своих родителей либо, в случае их смерти или удаленности местонахождения, в доме родителей мужа. Ко времени предполагаемых родов дворянки в сопровождении мужей направлялись в родовые имения предков под опеку ближайших родственниц и свойственниц – матерей, свекровей.

Женское окружение рожениц – неизменный атрибут родов в дворянских семьях. Матери, тетки, свекрови и их сестры оказывались рядом с ними накануне родин, поддерживали своим присутствием, участием, наверняка, обсуждением пережитого самими опыта. Роды происходили не только при участии профессиональных акушерок, а иногда и врачей-акушеров, но и в присутствии женщин из ближайшего окружения роженицы. Важно отметить, что эти женщины относились к поколению вышедших из репродуктивного возраста.

Сестры, принадлежавшие к одной с роженицей возрастной категории, подъезжали в родовую усадьбу уже на крестины. Также одной из существенных особенностей, отличавшей дворянскую культуру от прочих традиций, было отсутствие запрета на присутствие при родах матери и, вообще, обсуждение с ней тем, касавшихся репродуктивной сферы: регул, беременности, родов. Однако в придворной среде, где дворянки оказывались вне семейного круга, им приходилось рассчитывать на сочувствие и содействие в родах не старших родственниц и свойственниц, а подруг и приятельниц репродуктивного возраста. В порядке вещей была взаимная помощь при родах женщин одной и той же возрастной категории.

Причина этого, скорее всего, заключалась в том, что женщины придворного круга в большей степени оказались подвержены европеизированным рационалистическим влияниям, нейтрализующим национальную традицию проведения родов, в то время как провинциальные дворянки непроизвольно сохраняли приверженность некоторым традиционным запретам и ограничениям, происходившим из народной культуры.

Регламентация позы роженицы является одной из характеристик, позволяющих судить о степени свободы женщины, ее активности или пассивности

в реализации репродуктивных практик, о мере дисциплинарного и репрессирующего воздействия на нее традиционных институтов. В отличие от крестьянской среды, в которой практиковались роды стоя, сидя на корточках, в движении, дворянки практически всегда рожали лежа, причем исключения из этого правила свидетельствовали лишь о еще более жестком властном нажиме на них. Фольклористы указывают на культурные ассоциации, связанные с лежащим телом как с мертвым телом. Такие ассоциации бытовали не только в крестьянской, но и в дворянской среде, тем не менее это не приводило к отказу от лежачего положения рожениц. Разумеется, возникает вопрос: почему дворянки должны были принимать не только символически, но и физиологически неблагоприятное и более болезненное, а в некоторых случаях и опасное для ребенка, горизонтальное, лежачее на спине, положение при родах? Ответ заключается в том, что роженица, как и беременная «на сносях», воспринималась как объект манипуляций со стороны и носителей семейной власти и представителей медицины. За роженицей не признавалось право на собственное волеизъявление и следование субъективным ощущениям, так же как и возможность активного поведения в родах, она должна была подчиняться регламентирующему диктату внешней инстанции (в чьем бы лице она не персонифицировалась), воплощающей символический порядок, в котором рожающей женщине отводилась лишь пассивная, инструментальная роль функционального обеспечения продолжения дворянского рода. В этой связи весьма показательна история первых родов княгини М.Н. Волконской, поведанная ею не только подробно, но и критически: «Отец требовал, чтобы я сидела в кресле, мать, как опытная мать семейства, хотела, чтобы я легла в постель во избежание простуды, и вот начинается спор, а я страдаю; наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня поместили в большом кресле, в котором я жестко промучилась без всякой медицинской помощи». В один из сложнейших во всех смыслах момент жизни дочери ее отец отстаивал свое право на власть в семье, вместо того, чтобы постараться обеспечить ей, если уж не должную медицинскую помощь, то, по крайней мере, психологический и бытовой комфорт. Боевой генерал считал для себя возможным вмешиваться в акушерскую сферу, игнорируя при этом не только пожелания и ощущения дочери, но и неоднократный репродуктивный опыт жены. Его «требование» к дочери, испытывавшей родовые схватки, «сидеть в кресле» с акушерской точки зрения некомпетентно, поскольку это вредит ребенку. Тем не менее, по ее словам, отцу удалось настоять на своем, пользуясь правом формальной власти главы семейства.

Существуют и другие примеры того, как роженицы подвергались принуждению со стороны отцов и мужей, доходившему иногда до прямого насилия.

С путевыми родами в карете ассоциировалась в литературном дискурсе квазидокументального характера и мужская романтическая мифология родин.

Повторные роды могли происходить уже не в родительском доме, а в своем собственном или на съемной квартире – в месте временного проживания в столице, – либо в доме близкой родственницы. В то время как одни от-

правлялись на время родов в загородные имения, другие, напротив, переезжали рожать в Москву или Санкт-Петербург. Очевидно, это мотивировалось наличием там более эффективной акушерской помощи по аналогии с врачебной.

Иногда и в случае первых родов жены сельский помещик «нанимал» дом в губернском городе, «чтоб не подвергнуть ее опасности родов в деревне» (Е.А. Сабанеева).

Помимо вышеупомянутых родов в дорожной карете экстремальные роды вынужденно могли происходить и на театре боевых действий «в кругу воинов» (П.Б. Раткова) и даже в застенке (Д.Н. Салтыкова, П.Ю. Гагарина).

Таким образом, в женской автодокументальной традиции зафиксирована типология родов, среди которых различались первые, повторные, легкие, трудные, оперативные, экстремальные. К этому можно добавить дифференциацию родов на домашние и госпитальные.

Иногда женщины оказывались перед необходимостью принимать срочные самостоятельные решения относительно внезапно начинавшихся родов. Однако чаще всего они пассивно следовали воле отцов, мужей, врачей, родственников, в ущерб собственным ощущениям и переживаниям. Мемуаристки фиксировали свою подчиненность в качестве рожениц и, в силу этого, необходимость согласовывать намерения и действия с носителями или носительницами семейной власти. Как синонимы «родовых схваток» мемуаристки употребляла понятия «родовые боли», «боли», «мучить». Влияние родов и отношения к ним на систему ценностей женщины осмыслялось подобно практикам выживания в буквальном и символическом смыслах.

По сравнению с крестьянской культурой организация родов в дворянской среде в меньшей степени подчинялась универсальному механизму внутренней традиции, была более ситуативной, а, следовательно, менее предсказуемой с точки зрения исхода, регламентировалась внешними санкциями носителей власти в конкретном семейном пространстве. Наблюдается важная корреляция: степень допустимой активности роженицы в процессе родовой деятельности – обратно пропорциональна ее социальному статусу. Чем выше был статус роженицы, тем более пассивное участие в собственных родах ей предписывалось, и большему репрессирующему воздействию она подвергалась.

Н.В. Никитина
г. Смоленск, Смоленский государственный университет

Организация родов и родовспоможения в российском провинциальном городе конца XVIII - первой половины XIX в. (на материалах Смоленской губернии)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-21-04001

История организации родов и родовспоможения в российском провинциальном городе конца XVIII – первой половины XIX в. не станови-

лось еще предметом специального научного исследования. Эта проблема поднималась в рамках социокультурной истории, истории повседневности и исторической феноменологии, однако основное внимание уделялось вопросам взаимоотношений между матерью и детьми, материнского воспитания[1]. Исследователь Белова А.В. сфокусировала взгляд на изучение данной темы исключительно в дворянской, в т.ч. и провинциальной семье[2]. Проблема организация родов и родовспоможения в провинциальной городской среде является сегодня практические не изученной.

Источники нашего исследования весьма немногочисленны, в отличие от представителей дворянского сословия, горожане Смоленской губернии заявленного периода оставила нам мало воспоминаний или источников эпистолярного жанра. Основной массив источников – отложенная в Государственном архиве Смоленской области делопроизводственная документация Смоленской врачебной управы (ф. 754), Смоленского приказа общественного призрения (ф. 54), а также метрические книги (ф. 48).

Профессиональное родовспоможение появилось в середине XVIII в. только в столицах, в провинции до конца XVIII века не было профессиональных акушеров и гинекологов. Роды в городской среде обычно проходили дома. Организация родов в стенах бесплатных родильных покоев свидетельствовала о незаконнорожденности ребенка. Для успешного проведения родов приглашались профессиональные или не очень акушерки, которых именовали «повивальные бабки». За свой труд они получали заработную плату от государства, а также денежное вознаграждение от семьи роженицы.

Повивальными бабками в провинции работали в основном иностранки, только с конца XVIII в. обучение «бабичьему делу» стало вестись на русском языке, появились учебные пособия и атласы. Однако еще в начале XIX в. обязательным экзаменом для закончивших обучение в Повильном институте был не только из «повивального искусства», но и «из немецкого языка»[3].

Роды проходили не только при участии профессиональных акушерок, но иногда и при участии врачей-акушеров, которые работали с учетом зарубежной практики. С 1781 г. в Смоленске работал штаб-лекарь Федор Иванович Крейцер, можно предположить, что он самостоятельно принимал роды в особенно трудных случаях, поскольку профессиональных повивальных бабок в этот же период нами не установлено[4]. После 1797 г. в

[1] Пушкарева Н.Л. Женщины в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Авт. Дисс... докт. ист. наук. М, 1997; она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовника (X – начало XIX в.). М., 1997.
[2] Белова А.В.. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 29 – 48; она же. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX века. СПб.: Алетейя, 2010.
[3] Белова А.В. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 41.
[4] ГАСО. Ф. 48. Оп. 5. Д. 352. Л. 237.

составе членов Смоленской врачебной управы появилась должность акушера, в губернии в первой половине XIX в. ее последовательно занимали Метике, после Отечественной войны 1812 года – доктор медицины Андрей Солнцев, в марте 1830 г. он был переведен на должность оператора Нижегородской врачебной управы, его сменил акушер Стрехе[1].

Вероятно, что в городах помимо профессионалов работало много повивальных бабок без образования и свидетельств, которые нелегально вели родовую практику. Сохранилось письмо Дорогобужской повивальной бабки Екатерины Гофман от 28 марта 1830 г. в Смоленскую врачебную управу:, в котом она так описывает ситуацию с организацией акушерского дела в городе «… с 1 сентября 1829 года по сие время не имела по должности своей никакого занятия по причины нахождения в г. Дорогобуже многих простых бабок, которые занимаются родильницами родами с большими вредами, ибо они родильниц поют разными горячительными напитками, ведут в баню несмотря на больную и дурное время, ставят горшки и проч., и все сие приписывают только злополучной судьбе; по сему прошу распоряжения управы о прекращении обращения простых бабок с родильницами яко вредных для роду человеческого»[2].

Отсутствие компетентной акушерской помощи приводило к высокой смертности как для рожениц, так и для ребенка. В этот период в делах Смоленской врачебной управы часто рассматривались случаи нахождения мертвых младенцев. Например, в 1845 г. Смоленский уездный врач Строганов по распоряжению Смоленского земского суда делал заключение «о причинах смерти младенца женского пола, найденного в бане», а позже обследовал «младенца мужского пола, найденный в колодезе сельца Побережье мертвым»[3]. Несомненно, трагические последствия для матери и ребенка вызывали тайно организованные роды незаконнорожденных детей.

В начале XIX в. в губернском центре практиковала «городовая повивальная бабка» Аграфена Федоровна Филипповна (с 1803 г.). В 1816–1840 гг. в городе практиковала старшая повивальная бабка Екатерина Прейс, а ее помощницей была Занфт. В 1840 г. Е. Прейс «от понесенных на оной (работе) трудов подверглась ныне столь сильным неизлечимым болезням, что решительно не может более исправлять свой должности и быть полезной в повивальном искусстве» и просила ее уволить от должности[4]. Ее сменила бывшая Бельская повивальная бабка Наталья Григорьевна Кулакова, которая после увольнения в 1834 г., решила вернуться к практике и просила определить ее на должность старшей повивальной бабки в Смоленск с предоставлением «приличной квартиры»[5].

В уездный городах в 1830 г. работали повивальные бабки: в Дорогобуже – Катерина Гофман, в Духовщине – майорша Анна Аронова (в 1829–

[1] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1(1830). Д. 4. Л. 286 об; там же. Оп. 1 (1837). Д. 100. Л. 3.
[2] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1 (1830). Д. 4. Л. 168 – 168 об.
[3] ГАСО.Ф. 754. Оп. 1 (1845). Д. 241. Л. 39, 233.
[4] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1 (1840). Д. 119. Л. 115.
[5] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1 (1840). Д. 119. Л. 116 – 117, 267.

1830 гг.), а в Сычевку определена с 4 сентября 1830 г. «Мария Бограчевская, а по мужу Генцлер»[1].

В 1835 г. Ельнинской повивальной бабкой была Каролина Штеллер, которая 27 декабря 1835 г. обратилась в Смоленскую врачебную управу с просьбой уволить ее от должности. К ее прошению было приложено свидетельство «Московской больницы, Хамовнической части штаб-лекаря Николая Воробьева в том, что в Штеллер кровохарканье и лихорадка»[2].

Самой полный список имен повивальных бабок установлен нами на 1837 г.: в Смоленске – старшая повивальная абака – Екатерина Прейс, младшая повивальная бабка – Занфт, в Рославле – Дмитриева, в Белом – Андреева, в Дорогобуже - Е. Гофман (до 1840 г.), в Вязьме – Митрофанова, в Поречье – Тепфер, в Юхнове – Петрова, в Ельне – Штраух (с 1845 г. – Матрена Медведева), в Духовщине – Алексеева[3]. В Красном профессиональной акушерки не было, в Сычевке и Гжатске их имена пока не установлены.

Заработная плата в этот период составляла: для старшей повивальной бабки – 198 рублей, для остальных – 148 рублей 50 копеек в год, что в 4 раза меньше, чем у городского врача, и в 6 раз ниже жалования акушера Смоленской врачебной управы.

В целом, проблема организации родов и родовспоможения в городской провинциальной среде еще ждем своего глубокого осмысления, ликвидация лакунарности нашего знания в данной сфере, выявление новых источников, прежде всего личного происхождения – важнейшие задачи дальнейшего исследования темы.

С.В. Заозерская
г. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Подготовка повивальных бабок в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Архангельской губернии)

Повивальными бабками или повитухами с древних времен на Руси называли женщин, не имевших никакого образования, оказывавших помощь во время родов. Профессиональная подготовка повивальных бабок в России началась в 1757 г., когда по инициативе врача П.З. Кондоиди, ставшего в середине XVIII в. во главе военно-медицинской службы, в Москве и Петербурге были организованы «бабичьи школы». С 1764 г. в Москве и с 1711 г. в Петербурге эти школы находились при воспитательных домах, которые имели родильные стационары. В разработке системы обучения повивальных бабок приняли участие русские ученые-медики XVIII в.:

[1] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1 (1830). Д. 4. Л. 1, 3, 43 об, 339.
[2] ГАСО.Ф. 754. Оп. 1 (1835). Д. 71. Л. 2, 3.
[3] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1 (1837). Д. 100. Л. 3 – 6.

Н.М. Амбодик-Максимович, А.М. Шумлянский, И.В. Руцкий, Д.С. Самойлович, Г.И. Тимченко. С 1797 г. в Петербурге и с 1801 г. в Москве «бабичьи школы» были преобразованы в повивальные институты. К началу XX в. существовало три повивальных института в Москве, Петербурге и Тифлисе, школы при акушерских клиниках университетов, при земских и городских больницах большинства губернских городов, при военных госпиталях. Институты и некоторые школы при университетах с двухгодичным сроком обучения готовили так называемых ученых повивальных бабок, а остальные (с одногодичной подготовкой) – сельских повивальных бабок. С начала XX в. они стали именоваться соответственно повивальными бабками первого и второго разряда.

На территории Архангельской губернии, самой большой губернии Европейской части Российской империи, по данным 1897 г. проживало всего 381 786 человек, при этом крестьянство составляло 80% населения губернии, женщины – 52% процента от общей численности. В силу протяженности территории губернии, разбросанности населенных пунктов потребность крестьянского населения в медицинской помощи покрывались за счет традиционной деятельности практиков из народа, где немаловажную роль играли повитухи.

Поморская женщина заботилась о своем ребенке еще до его появления на свет: во время беременности она не должна была злостно браниться, т.к. рожденное ею дитя будет злым или с какими-нибудь пороками. Поморы считали, что существуют три неумолимых греха: «убить дитятко нерожоное, украсть хлебную закваску, украсть яйцо. Это как жизнь чью украсть»[1]. Рождение ребенка представляло собой важное событие в жизни помора. «К бабе родильнице приходят всегда навестить подруги и родные и приносят «родины», состоящие из калачей и пряников, а она, в свою очередь, при рождении первенца посылает «краяны» – «вести ради»[2]. Родится крестьянский ребенок в бане под присмотром бабки-повитухи, пять суток его выдерживают в банной духоте и теплоте, часто обмывая. Роженица тоже моется и тоже до истечения пяти суток выйти из бани не смеет. В избе на шестые сутки новорожденному дается имя ставленной девкой или стариком, по старопечатному требнику и при благословении дониконовским крестом[3].

В 1876 г. в Архангельске открываются фельдшерская и повивальная школы, что было вызвано насущной потребностью в медицинском персонале, когда вакансии фельдшеров и повивальных бабок в сельской местности оставались свободными. Школы были открыты при местной больнице Приказа общественного призрения, их деятельность регламентировалась Уставом об Архангельских фельдшерско-ветеринарной и повивальной

[1] Буторина Т.С. Поморская семья - основа народной педагогики / Буторина Т.С., Щекина С.С. Архангельск, 1999.
[2] Там же.
[3] Там же.

школах, утвержденным министром внутренних дел. В повивальную школу поступали девушки и женщины 18–30 лет, умеющие читать и писать по-русски. Неграмотные могли обучаться в приготовительном классе, по окончании которого переходили в класс школы[1].

В первые годы существования школ «казеннокоштные» и вольноприходящие учащиеся обучались в течение двух лет. «Казеннокоштные» набирались из сельской местности, их обучение проводилось за казенный счет. По окончании школы, получив звание фельдшера или сельской повивальной бабки, они были обязаны работать в сельской местности по направлению врачебной управы в течение полутора лет за каждый год обучения в школе. Вольноприходящие учащиеся поступали с платой за обучение в размере 10 рублей в год.

Теоретическая и практическая части программы повивальной школы определялась уставом земской повивальной школы. С течением времени программа повивальной школы совершенствовалась. В 1891 г. в нее был введен курс «Предварительное сообщение общих понятий о человеческом организме и о гигиене, о женских болезнях, об эпидемических болезнях, о сифилисе и оспопрививании»[2], а затем излагалось акушерство. Занятия были распределены таким образом, чтобы к изучению клинической медицины ученицы приступали, имея понятие об устройстве человеческого организма. Преподаватели школы понимали, что выпускница повивальной школы будет возможно единственным человеком, обладающим научными медицинскими знаниями «на сотню верст кругом на селе». Поэтому на заседании Педагогического совета в 1891–92 учебном году было рекомендовано «при отсутствии преподавания физики и химии, коснуться их элементарных основ»[3], обратить особое внимание на поднятие умственного уровня учениц повивальной школы.

Успехи и поведение учениц школы, программа преподавания и последовательность преподавания различных предметов ежегодно рассматривались на заседаниях Педагогического Совета[4]. Между преподавателями и учащимися существовали добрые отношения. Так акушерка-надзирательница С.К. Флерова на протяжении многих лет переписывалась с выпускницами, работающими в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях. Они обращались к ней в затруднительных случаях, связанных с их профессиональной деятельностью[5].

---

[1] Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Архангельске. Архангельск, 1905. С.70.
[2] Там же. С. 71.
[3] Большесольский П.К. Отчет Архангельских фельдшерских и повивальной школ // Протоколы и труды общества Архангельских врачей за 1894 год. Архангельск, 1895. С.83.
[4] Большесольский П.К. Отчет фельдшерских и повивальной школ за 1896-97 год // Протоколы и труды общества Архангельских врачей за 1897 г. вып.1. Архангельск: Губернская типография, 1897. С.79.
[5] Большесольский П.К. Отчет Фельдшерских и Повивальной школ за 1898-99 учебный год / П.К. Большесольский // Протоколы и труды общества Архангельских врачей за 1899 г. - Вып. 2 - Архангельск: Губернская типография, 1900. – С.23-27, С.24.

В 1893–94 учебном году было возбуждено ходатайство о разрешении ученицам повивальной школы, имеющим общеобразовательный ценз не менее 5 класса гимназии, приобретать при школе диплом городской бабки[1]. С 1897 г. Министерством внутренних дел все медицинские школы были переведены на четырехгодичное обучение, причем четвертый год обучения посвящался практическим занятиям.

Согласно ежегодным отчетам за 25 лет (1876-1901 гг.) повивальную школу окончили 123 выпускницы. На протяжении 30 лет существования фельдшерско-ветеринарной и повивальной школ женщины могли обучаться только в повивальной школе. Лишь с 1907 г. на фельдшерское отделение начинают принимать женщин. В 1912 г. школа была преобразована в фельдшерско-акушерскую с ветеринарным отделением. Программа дополнилась изучением гинекологии, болезней новорожденных и детей. Школа пользовалась популярностью среди крестьян губернии, так как обучение в ней было бесплатным. До установления советской власти Фельдшерско-акушерская (повивальная) школа выпустила 410 медицинских и 476 ветеринарных фельдшеров, 265 акушерок[2].

Проблема качественной акушерской помощи на деревне не была решена на удовлетворительном уровне ни в Архангельской губернии, ни в целом по России. Тем не менее, фельдшерицы, акушерки приблизили профилактическую медицину к народу, сделав ее реально доступной.

З.З. Мухина
г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

Репродуктивное поведение русских крестьянок в период эрозии традиционного гендерного контракта

Поддержано РГНФ 16-01-00136

Деторождение и связанные с ним вопросы составляли важную часть крестьянской жизни. Об отдельных аспектах этой проблемы имеется большой массив информации, но она разнородна, несистематична и в значительной степени растворена в литературе. Данная работа, относящаяся репродуктивному поведению русских крестьянок в период эрозии традиционного гендерного контракта во второй половине XIX – начале XX в., должна частично восполнить этот пробел.

В крестьянской среде неимение детей – бесплодие – считалось несчастьем, «болезнью». В пореформенный период отношение крестьян к бес-

[1] Большесольский П.К. Отчет Архангельских фельдшерских и повивальной школ / П.К. Большесольский // Протоколы и труды общества Архангельских врачей за 1894 год. – Архангельск, 1895. – С. 72-88, С.87.
[2] Летопись города Архангельска, 1584-1989 / под ред. Г.Г. Фруменкова, Е.И. Овсянкина. - Архангельск: Сев. - Зап. кн. изд-во, 1990. - 297 с., С.84.

плодию стало не таким однозначным, как прежде. С одной стороны, в крестьянской традиции Божья благодать посылалась в виде детей, богатства и изобилия, все это находилось в одном ряду. Бесплодие рассматривали как наказание за грехи родителей или их отцов, нарушение установленного Богом предназначения женщины ложилось на нее позором, было несчастьем для семьи[1]. Детородная способность женщины полагалась предопределенной свыше. Женщина не только биологически направлена к рождению детей, но, считалось, что в организме каждой женщины изначально предопределено количество возможных зачатий ребенка каждого пола. На бездетных супругов смотрели с сожалением. Известны факты, когда в случае бесплодия приглашался посторонний мужчина, но такие случаи были редки и они осуждались крестьянским сообществом[2].

Выкидыши объясняли грехами матери: была неверна мужу, или спала с ним под праздник, или не почитала постов, нерадиво молилась в церкви и пр. Считалось, что выкидыши можно предотвратить, если их зарыть под полом или на гумне[3]. Рождение мертвого ребенка объясняли тем, что его украл «нечистый»[4]. Но существовали и вполне рациональные объяснения выкидышей неосторожным поведением: ушибы, падения, поднятия тяжестей и т.д., поэтому беременные женщины остерегались подобных случаев[5].

Причиной бесплодия могли быть какие-то нарушения в организме как жены, так и мужа. Но по народным представлениям бесплодие приписывали только ущербности жены. В то же время имели место и взгляды, что в бесплодии видели «просто неспособность к тому одного из супругов»[6]. Рождение ребенка в крестьянской семье не было событием исключительным, а только одним в долгой цепи других рождений. Репродуктивные возможности женщины определяло количество детей в крестьянской семье. В течение двадцати лет крестьянки в среднем рожали 6–10 раз, но в некоторых семьях – до двадцати раз, т.е. рожали ежегодно[7]. Уровень рождаемости варьировался по регионам[8]. Согласно С.Д. Морозову, например, воронежские крестьянки рожали 8–9 раз, ярославские и костромские – 8, рязанские – 7–8, вологодские – 6–7[9]. Следует отметить, что рождение ребенка в многодетной бедной семье могло быть явлением обременительным, «обузой» для семьи[10].

---

[1] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). Т. 2. Ч. 2. С. 365; Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 530; Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 363.
[2] РКЖБН. Т. 3. С. 318.
[3] РКЖБН. Т. 6. С. 290.
[4] Быт… С. 122.
[5] РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 235; Там же. Т. 5.4. С. 158.
[6] РКЖБН. Т. 7. Ч. 2. С. 351
[7] Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // Живая старина. 1903. Вып. I–II. С. 190.
[8] См.: Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. I. Территория и население. СПб., 1878. 390 С. 164-169.
[9] Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки 1999. М., 1999. С. 105.
[10] РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 359; Там же. Т. 7. Ч. 2. С. 601

Появлению на свет первого ребенка, все равно мальчика или девочки, радовались почти все родители, даже самые бедные: послал Бог утешение на старость[1]. С самого начала имела место дискриминация по признаку пола. В отношении рождения детей в крестьянской семье четко проявлялось гендерное неравноправие: предпочтение всегда отдавалось мальчикам, девочек рассматривали как разорительниц для семьи, что нашло отражение, в частности, в разных русских пословицах. Безвинная роженица каждый раз при родах должна была терпеть и переносить брань и, нередко, побои от мужа.

Пореформенное время внесло свои коррективы в вопрос деторождения. Радовались по-прежнему не просто рождению мальчика, который в старости родителей будет опорой семьи, а в нем видели питеряка-«наживщика», будущего «буфетчика», «приказчика»[2]. Рождению дочерей радовались меньше: если на мальчика смотрели как на будущего кормильца, то на девочку как на разорительницу (выход замуж, наряды и, вообще, лишние заботы). Однако все же отметим заметное изменение взглядов при рождении девочки. Например, если члены семьи работали на фабрике, отношение менялось, тогда больше радовались рождению девочек, т.к. именно их рассматривали как будущих помощниц, они были послушнее и скромнее, а сыновья обычно не задерживались в родительском доме[3].

С ухудшением экономического положения крестьянства в пореформенное время материальные соображения стали оказывать сильное влияние на вопросы деторождения, в этом отношении менялись и культурные стереотипы. Если в обеспеченных и малодетных семьях рождение детей встречали с радостью, то в бедных воспринимали уже как неизбежное зло[4]. На бесплодие стали смотреть как на первое счастье в жизни, дарованное Богом[5].

Бездетным супругам крестьяне завидовали и про них говорили: «“Экие счастливцы! Поди ж ты, баба ребят не носит! Не то что наши бабы, как распустят свои ненасытные утробы, то чуть не кажинный год ребенка прибуровит (Принесет или родит. – Прим. Корр. Внизу страницы)”. Сами бабы завидуют такой семье, где жена бесплодна»[6]. Это уже новое явление в жизни крестьян. Много детей – Божье наказание. Про семьи, где было мало детей, говорили: «Бог их любит!»[7]. Мать, надорвавшаяся в тяжелом труде и заботах, видела отдых в бездетном доме: «Господи, у вас чистый рай без детей-то. Все у вас на месте, в порядке, тихо, скромно, а у нас словно ад кромешный. Придешь домой, они к тебе и лезут. Один просит есть, другой пить, третий спать, не знаешь, за что схватиться. И послал же Господь наказание. У людей хоть умирают, а у нас словно на грехе, растут

[1] РКЖБН. Т. 1. С. 251; Там же. Т. 3. С. 434.
[2] РКЖБН. Т. 5. Ч. 2. С. 45.
[3] Быт… С. 264
[4] РКЖБН. Т. 5. Ч. 3. С. 36.
[5] РКЖБН. Т. 3. С. 318; Быт… С. 264.
[6] РКЖБН. Т. 7. Ч. 2. С. 601
[7] Там же.

и растут»[1]. Бездетные супруги осознавали положение «наказанных» судьбой соседей и не стремились иметь детей. Изредка кто-нибудь из таких супругов выражал желание, чтобы «вот хоть одного бы Бог послал», но тотчас добавлял: «А впрочем, и один так только люб, пока растет; а там, как женится, так пойдут только одни грехи. Посмотришь этак на людей-то – живут, да только мучаются <…>. Нет, уже лучше жить одним»[2].

Как пишет О.М. Вербицкая, высокая детская смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения, но он действовал таким образом, что значительная масса биологической энергии женщин тратилась впустую[3].

На репродуктивное поведение крестьянок в конце XIX – начале XX в. оказывало значительное влияние развитие отхожих промыслов, русско-японская война и, как результат, длительное отсутствие мужей. По данным Д.Н. Жбанкова за 1866–1883 гг., на районы развитого отходничества приходилось 5,3 родов за репродуктивный период женщины, а в «оседлых» районах – 9,2, что на 74% больше[4]. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, уровень рождаемости в России за период с 1893 по 1912 гг. снизился на 5%[5] [Цит. По: *Вербицкая* 2009: 81].

Можно говорить, что в конце XIX – начале XX в. в русской крестьянской среде репродуктивное поведение крестьянок по-прежнему оставалось довольно высоким[6], но уже началось, хотя еще в слабой степени, регулирование уровня рождаемости.

С.Б. Адоньева

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Роды в деревне. XX в. Техники тела и *метис*

Понятие техник тела было введено Марселем Моссом в 30-е гг. прошлого века[7]. То, как люди бегают, как − плачут, и даже то, какие болевые ощущения они испытывают, в значительной степени не физиологический, но культурный феномен. Техники тела воспитываются обществом, которое либо поддерживает человека в тех или иных его телесных практиках, либо пресекает их. «Положите руки на парту», «убери локти со стола», «не горбись», «вытащи руки из карманов», «встань прямо» и так далее. Подобные формы дисциплинарных высказываний адресуются детям, и дети принимают определенные очертания.

[1] Степанов В.И. Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском у. Московской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3-4. С. 222.
[2] Там же.
[3] Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. (Историко-демографический аспект). М.-Тула, 2009. С. 84.
[4] Жбанков Д.Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866-1883 гг. Кострома, 1887. С. 87.
[5] Цит. по: Вербицкая О.М. Указ. раб. С. 81.
[6] Безгин В.Б. Жизненные роли русской крестьянки (вторая половина XIX – начало XX в.) // История в подробностях. 2012. № 11 (29). С. 19.
[7] Мосс, Марсель. Общество. Обмен. Личность/ Труды по социальной антропологии. / Сост., вст. Ст. и комм. А.Б. Гофмана. М., КДУ., 2011. С.304−325.

Мы вытаскиваем руки из карманов, когда разговариваем со старшими, и раздражаемся, если младшие разговаривают с нами, держа руки в карманах. Убираем локти со стола и учим этому своих детей и так далее. Телесные практики не обязательно проговариваемы в виде общего нравоучения: очень часто они встроены в телесные привычки старших и ты их просто воспроизводишь, делаешь, как принято в той или иной ситуации. Но есть техники тела, которые предполагают наставников, одна из них – техника родов.

Разумеется, фольклористы и этнографы, исследующие русские традиции, спрашивают о родильной обрядности, а, следовательно, и о том, как раньше, до развития медицинских служб, в деревне происходили роды. Соответственно, мы знали, что существовали бабки-повитухи, что повитух в свое время сменили акушерки или фельдшеры. Но чего мы не знали, хотя, в общем, можно было бы это предположить, что женщины рожали не так, как они рожают в больнице, что традиционная телесная техника родов была иной. На одном из интервью, которое происходило в одной из деревень на реке Вашке в Архангельской области в 2007 г. в процессе разговора пожилая женщина (ей тогда было 86 лет) показала, как она рожала дома: она встала, ухватилась за кровать двумя руками и слегка присела на широко расставленных ногах. Положение тела, которое она показала − в полуприсядку − в принципе, очень похоже на то, как роды описываются в библии: «Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней; **пусть она родит на колени мои**, чтобы и я имела детей от нее». (Бытие, 30:3). Как еще одна женщина могла бы родить на колени другой? Техника тела роженицы очень отличалась от той, что принята в медицинской практике родовспоможения[1]. В тело женщины, которая живет в одном со мной государстве, говорит на том же языке, но − которая старше меня на 30 лет, встроена другая телесная практика родов. Эта демонстрация пластики родов заставила нас обратиться к пересмотру записанных нами в поле нарративов [2]. Приведу один и рассказов женщин о первых родах (запись сделана в Вологодской области от женщины 1923 г. р.): «Я сходила к свекровешке, говорю: “Корова сегодня у меня топчется, и меня мучит”. Она го(во)рит: “Ну, иди. Я приду”. Тут рядом жила свекровешка. Ну вот, Господи. Они го(во)рит “Садись”. Я села. “Прижми, - го(во)рит,- задницу (смеется: “Простите, Господи!”), прижми задницу, - го(во)рит,- напыжися”. Я как... Родила. Робенок вышел, она подобрала. Я го(во)рю: “Дак, надо в чисту завернуть”. Она в тряпку грязную завернула, так еще под порог клала, чтобы спокойный был робенок. <Да, под порог. Зачем?> Чтобы спокойной был. Я го(во)рю: “В чисту надо тряпку, у меня довольно есть, припасено”. Все она в эту, ну, как называется, в портянку завернула мужикову, чтоб был

[1] Добрынин П. И.. Полное руководство к изучению повивального искусства с изложением кратких правил ухода и пособий при женских болезнях". Санкт-Петербург, 1886; "Два века русского повивального искусства". Александр Наумов // Домашний ребенок, 2010, №11. С. 120; "Родильный дом им.проф.Снегирева, 175 лет". Л-д, 1949.

[2] Исследованию этого вопроса была посвящена самостоятельная работа: Голубева Л. В. Посвящаемые и посвящающие в родильной обрядности Русского Севера. Магистерская диссертация. 2007, СПб, архив кафедры истории русской литературы СПбГУ (рукопись).

спокойный и приметливый» (ФА СПбГУ, Ваш10-66). Как видно из этого примера, положение тела в родах – навык приобретенный. Учили ему старшие женщины, свекрови, матери или приглашенные соседки-повитухи. Этот телесный навык транслировался от одного поколения русских крестьянок к следующему, присутствие акушерок и фельдшеров в деревенской России вплоть до второй половины XX в. было не очень значительным. Тогда что же происходило, когда институты акушерства были внедрены в СССР повсеместно? Что происходило с женщиной, рожавшей до этого первого ребенка дома «на кортах», когда ее поместили в медицинское учреждение, раздели, гигиенически обработали, положили на спину и сделали акт родов публичным мероприятием, в которое вовлечены незнакомые люди, но которое, по какой-то причине, определено как неприемлемое для мужниных глаз?[1]. Телесная практика поменялась. Но с ней изменились и отношения, в которые вовлекаются все те, кто оказывается участниками родовспоможения, изменились их роли. Техника родов была признана требующей особой профессиональной компетенции и, тем самым, изъята из женского обыденного знания и телесной привычки. Матери перестали учиться рожать у старших женщин, поскольку их обыденное знание в 30–40 гг. XX в. было обесценено: повитухи оказались включены в тот же класс, что ворожеи, знахари и священники.

В повседневность вплетены навыки, которые получили название «локальных навыков» или обыденного знания. Греческое слово «мѐтис» и Мишель Де Серто, и Джеймс Скотт[2] используют, имея ввиду то умение, ту сноровку, которая переходит из рук в руки, прямым практическим обучением, наглядно, без абстрактного знания, транслируемого посредством школы. Наглядно-практическое знание передается через повседневные практики[3]. В тех его областях, куда не «зашли» государство и школа, оно способно удерживать традиционные паттерны. При этом судьбы обыденного знания, хранимого дискурсом (например – фольклором), и знания, передаваемого как совокупность наглядно осваиваемых навыков, оказались различными. Если дискурсивное знание было наиболее уязвимым, поскольку доминирующий дискурс его контролировал в первую очередь, запрещал или перетолковывал на свой идеологический лад[4], то метис, хранимый памятью тел и практик, разрушался тогда, когда происходило воздействие на тела.

[1] В деревне обсуждение приближающихся родов было табуировано, поскольку считали, что осведомленность деревни может привести к сглазу, по этой же причине сами роды были делом интимным. Но муж роженицы при родах присутствовал и помогал.

[2] Де Серто, М. Изобретение повседневности, СПб.: 2005, с. 51; Скотт, Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: 2005. С.491 и далее.

[3] В отечественной психологии такой тип знания связывался с «наглядно-практическим» способом мышления, который противопоставлялся «абстрактно-логическому», который подростки усваивают к окончанию школьного образования: Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., Изд-во «Наука», 1974.

[4] Так фольклор стал рассматриваться главным образом в категориях творчества, но не опыта.

Л.А. Дашкевич
г. Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

Становление акушерско-гинекологической службы на Южном Урале

Первое специальное лечебное заведение для оказания акушерско-гинекологической помощи женщинам возникло в Оренбургской губернии в конце XIX в. Ведущую роль в его организации сыграли местные органы самоуправления и благотворительные организации. Актуальной проблемой Оренбурга в это время было увеличение количества незаконнорожденных и брошенных детей. «Беспомощные новорожденные младенцы и подкидыши» находились на попечении оренбургской городской управы, которая отдавала их частным кормилицам с платой по 5 рублей в месяц. Однако, как свидетельствуют отчеты оренбургского губернского попечительства детских приютов, почти все эти дети умирали. Смертность среди них доходила до 95%, что не могло не вызывать сочувствия у интеллигентной публики. В 1895 г., по инициативе председательницы Общества вспомоществования бедным города Оренбурга, супруги местного губернатора Елены Михайловны Ершовой, в городе был открыт Дом подкидышей. Благотворительное общество выделило для него помещение с необходимой обстановкой, наняло смотрительницу с акушерским опытом, кормилиц, нянек. Безвозмездный труд в помощь несчастным детям предложил городской врач. В 1897 г. при приюте было открыто родильное отделение «для бедных и беспомощных рожениц» на 4 кровати. Ежегодные расходы по приюту и родильному отделению составляли в то время 1500 рублей. Для Оренбургского благотворительного общества вспомоществования бедным, занимавшегося и другими проблемами социальной помощи, это было слишком обременительной нагрузкой. По прошению местного губернатора, 24 марта 1898 г. Оренбургский приют младенцев и родильное отделение были приняты в Ведомство учреждений императрицы Марии и поступили под непосредственное управление губернского попечительства детских приютов[1]. Из его средств детское заведение стало получать ежегодно по 500, а от Общества вспомоществования бедным – по 400 рублей. Городская управа обязалась переводить на нужды детского заведения 600 рублей в год, а также обеспечивать его бесплатным отоплением[2].

В 1899 г. были утверждены «Временные правила для приюта подкидышей и родильного отделения при нем в городе Оренбурге», объявлявшие главной целью нового Мариинского учреждения призрение бесприютных младенцев города Оренбурга. На воспитании в заведении дети оставались до пятилетнего возраста. После этого девочек отдавали в губернский приют Святой Ольги, а мальчиков – на попечение «благонадежных людей».

[1] Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1898 год. СПб., 1900. С.52-53.
[2] Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. Т.1. Ч.1. С.140.

Оренбургский дом подкидышей и его служащие получили все права и преимущества Мариинских заведений. При приюте состояли смотрительница и врач, в обязанности которого входило лечение детей и постоянное наблюдение за санитарным состоянием заведения. На основании общего для Мариинского ведомства Положения о детских приютах 1891 г. врач избирался на должность директора детского заведения или почетного члена губернского попечительства[1]. Долгое время эту должность исполнял доктор Владимир Борисович Слуцкий.

25 марта 1906 г. при родильном отделении Дома подкидышей было основано родовспомогательное учебное заведение первого разряда, на обучение в которое поступило 39 девушек – жительниц Оренбурга и Оренбургской губернии. Обучение в акушерской школе продолжалось два года. По ходатайству оренбургского губернатора В.Ф. Ожаровского, для учениц школы в 1907 г. были учреждены семь стипендий: три – из казачьих хозяйственных сумм, четыре – из сумм оренбургского губернского распорядительного комитета. Родильное отделение к этому времени уже существенно расширилось, здесь был открыт особый покой для гинекологических больных, число койко-мест увеличилось до 32.

Сохранившееся описание приюта, при некоторой доле воображения, помогает представить пространство, окружавшее попавших сюда женщин и детей. «Оренбургские губернские ведомости» писали в 1897 г.: «Приют занимает две комнаты. Одна комната представляет операционную с особым для того столом, шкафчиком для инструментов и прочими принадлежностями. Тут же прекрасно устроенная ванна с проведёнными кранами холодной и горячей воды, которая нагревается медной печью особой конструкции. Другая большая комната представляет помещение для родильниц. Здесь установлены кровати для родильниц и около каждой корзинка-люлька для новорожденного».

Решая гуманистические по духу задачи охраны материнства и младенчества, Оренбургский дом подкидышей оказывал и определенное культурное воздействие на горожан. Акушерско-гинекологическая служба на Урале приживались с большим трудом. Красноуфимский доктор М.И. Мизеров, в частности, признавался, что «женские болезни это самое больное место земской медицины»[2]. Чтобы изменить ситуацию, понадобились годы работы. Благодаря стараниям врачей и квалифицированных акушерок, родовспомогательное заведение стало обычным в повседневной жизни города. В первые годы оно воспринималось лишь в качестве учреждения социального призрения. «Порядочные» горожанки сюда обращались редко. В 1898 г. родильный приют посетили лишь 86 беременных женщин[3]. В 1913 г. их число выросло

[1] Вестник благотворительности. 1899. № 5-6. С.1–3.

[2] Миненко Н.А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова. М., 2006. С.103.

[3] Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб., 1904. С.103.

до 1500, а амбулатория при приюте зафиксировала 3200 посещений тысячи двухсот женщин[1].

Отчет по Ведомству детских приютов за 1902 г. сохранил сведения о сословной и национальной принадлежности, занятиях и вероисповедании 245 рожениц, обратившихся за помощью в Оренбургский родильный приют. Судя по этим данным, большинство среди них составляли жительницы города: 121 мещанка, 3 представительницы духовного сословия, 1 почетная гражданка, 14 чиновниц. Достаточно много, однако, было и крестьянок (102 человека). По вероисповеданию преобладали православные женщины (237 человек), но встречались и представительницы мусульманской веры – 8 человек, иудейства – 6 человек, и даже 1 католичка. По национальности они распределялись следующим образом: русских – 233, татарок – 8, евреек – 7, мордовской народности – 3, польской – 1 человек. По роду занятий преобладали домохозяйки – 97, за ними следовали чернорабочие – 72, прислуга – 47, швеи – 17, занятые в торговле – 8, земледелии – 5, прачки – 3, нищие и без занятий – 3 женщины. Законную беременность имели 187 женщин, незаконную – 65. Умерших при родах в родильном приюте не было, хотя имелись мертворожденные дети – 9 мальчиков и 7 девочек[2].

Подводя итоги, можно заметить, что создание акушерско-гинекологической службы стало одной из важных модернизационных перемен в российской медицине. Успешная деятельность родовспомогательных заведений помогала преодолевать предрассудки и социальные предубеждения женщин из всех слоев общества, доказывала необходимость медикализации процесса родов и врачебного вмешательства при гинекологических заболеваниях.

Л.В. Голубева
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет

Мужчина в родильном обряде: конфликт дискурса и практики (на материале Русского Севера)

Исследования родильного обряда не могут претендовать на полную реконструкцию ритуала, поскольку они основаны не на собственных наблюдениях, и любые описания, полученные от информантов, несут определенные искажения, связанные с личным опытом. А значит, необходимо говорить о некоем противоречии дискурса и практики: с одной стороны, существуют реальные роды, событие специфическое в силу индивидуальных (физиологических, психологических, ситуационных) особенностей, и, с другой – сущест-

[1] Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1913 год. СПб., 1915. С.82.
[2] Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб., 1904. С.103.

вуют словесные описания хода обряда, чаще всего представленного в качестве совокупностей повторяющихся элементов. На примере участия мужчины в родильном обряде Русского Севера я продемонстрирую, каким образов возникает конфликт между говорением о родильном обряде (то есть дискурсом) и реальными ситуациями (то есть практикой).

На характер конфликта может оказывать влияние два фактора – это особенность представлений самого собирателя фольклорного материала и разница поколений женщин, записями которых мы располагаем. Представления первого также могут меняться в зависимости от второго. Состав участников родильного обряда оказывается в прямой зависимости от времени действия рассказа (то есть от того, когда эти роды происходили): дореволюционное время, период после революции или середина советских времен[1]. Другими словами родильный обряд в северно-русской традиции менялся в зависимости от исторического времени. Нашими собеседницами были и являлись женщины трех поколений[2]. Самое старшее поколение собеседниц – это женщины, рожденные в конце XIX – начале XX в. Ко второму поколению относятся информантки, рожденные в 1917–1930 гг. Третье поколение – это женщины, рожденные в 1930–1950 гг.

Именно для первого и второго поколений женщин участие мужчин в родах было актуальным. Возможно, это было связано с тем фактом, что женщины, роды которых приходились на 1920–1940-е гг., не уезжали в больницу, были (т.к. раньше «приходились») дома, а значит и все члены семьи неизбежно оказывались рядом. Третье же поколение женщин, воспитанных советским временем, замужество и рождение детей которых приходились на 1960–1980 гг., пользовались услугами приглашенной акушерки, которая исключала мужа и других родственников из родового процесса, или же их увозили в ближайшие родильные дома, куда мужьям по закону также доступа не было.

Таким образом, при реконструкции родильного обряда мы должны понимать, к какому поколению относилась женщина, и осознавать рефлексию собирателя на собственные представления о родильных практиках.

Можно отметить некоторое количество ярких и важных работ, посвященных вопросу мужского участия в родах. Однако почти всегда в исследовательском материале любое присутствие мужа при родах интерпретируется как рудиментарные элементы обряды кувады.

Моя же гипотеза заключается в том, что родильный обряд нельзя считать действием, исключающим участие мужчин, а также то, что их присутствие часто являлось не обрядом кувада, а личным выбором самого муж-

[1] О трёх поколений советских крестьянок подробно в книге Олсен Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М., 2016. С. 106 – 119.

[2] Стоит отметить, что касается типизации ролей рассказчика в обряде, то выделяются два главных источника информации о родильной обрядности: рассказы женщин о рождении собственных детей и рассказы женщин, принимавших участие в родах в качестве помощниц, то есть акушерок или повитух. Это, подчеркну еще раз, единственные (за редким исключением) источники информации.

чины. В родильном обряде образовывались особого рода партнерские отношения, основанные на брачном союзе и любви между супругами. Роль отца более социальна, чем матери, которая проходила обряд инициации как психологически, так и физиологически. Если беременная женщина не может выбирать, каким образом пережить посвящение в материнство, то мужчина этот выбор сделать мог. Можно заключить, что до определенного времени присутствие мужчины на родах было явлением естественным. В архивах этнографического бюро князя Тенишева, собранных в конце XIX – начале XX в., можно найти прямое указание на участие мужа в родах и на его помощь роженице в случае сложных родов. Однако в более поздних текстах обнаруживается обратная тенденция. По моим представлениям, в советское время возникает особый дискурс об отцовстве. Выросло новое поколение, полностью воспитанное советской идеологией и не имеющее возможности перенять опыт предыдущего поколения. В середине XX в. возникло два противоположных мифа: миф священного материнства и миф всегда отсутствующего отца (отца – героя революции и войны, отца – летчика, моряка, полярника и т.д.). И если любовь отцов и мужей исчезнуть никуда не могла, то способность говорить о ней исчезла. Таким образом, отец из родильного обряда никуда не исчезал, скорее всего, просто об этом стало не принято говорить.

Материалом для доклада послужили более 70 записей, в большинстве своих случаев с женщинами. Это интервью из фольклорного архива СПбГУ, сделанное на территории Архангельской и Вологодской областей в период с 1980-х гг. по сегодняшний день, а также более раннее примеры, представленные в Тенишевском архиве.

Н.А. Казарова
г. Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет

Роды и крестины в обрядовых традициях донских армян

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00319а «Донские (крымские) армяне: интеграция в российское общество и сохранение национальной идентичности.

Донские армяне, будучи выходцами из Крыма (а ранее – из средневековой столицы Армении г. Ани) представляют собой более или менее однородную группу армянского этноса, сохранившую вплоть до нашего времени многие исторические традиции, с одной стороны, характерные для всего армянского этноса в целом, а с другой – особые, присущие культурному наследию только данной группы, проявляющиеся в местном диалекте языка, фольклоре, ряде обычаев и обрядов, в частности в обряде родов и крестин. Переселенцы из Крыма в XVIII в. основали на Дону город Нахичеван и 5 сел вокруг него. Несмотря на бытовые различия городских и

сельских жителей можно говорить об общих обрядовых традициях донских армян, которые сохранялись в течение веков.

Главным источником, в котором нашли отражение обычаи и обряды донских армян является книга Ерванда Шахазиза «Новый Нахичеван и новонахичеванцы», написанная в 1903г., но переведенная на русский язык и изданная небольшим тиражом только в 2005 г.

На протяжении 200 лет существования армянской диаспоры на Дону нахичеванцы сохраняли свою национальную идентичность, обычаи и обряды, в том числе обряды, связанные с рождением ребенка и его крестинами.

С момента основания Нахичевани в 1779 г. и вплоть до XX в. роды принимали старые опытные женщины «даек-ма». Нахичеванцы на все семейные события создали свои поздравления, либо утешения и соболезнования. Для поздравления с удачными родами существует фразеологический оборот «ачки лус» (глазам свет наступил), который употребляется и сегодня. Старые нахичеванцы смотрели на деторождение как на дар божий.

Нахичеванец обычно не говорил, что он родился в таком-то году, а непременно «я возник» в таком- то году.

Кроме повивальных бабок «даек-ма», в Нахичеване были специальные старухи, чтобы ухаживать за роженицей, сидеть с ней, следить за чистотой. Это – «гоз-ана», которые за умеренную плату всегда приглашались в дом роженицы, чтобы беречь ее от злого глаза и ухаживать за ней и новорожденным.

В трудных случаях родовых схваток нахичеванские старухи прибегали к различным средствам: они в комнате роженицы открывали все закрытые, замкнутые двери, шкафы, шкатулки, чтобы скорее «открылась», освободилась и тяжелая, повелевали принести из церквей св. Георга и св. Никохайоса «топузы» – гири, ставили их на беременную, споласкивали в воде «дженки тур» – саблю раздора и поили ее этой водой.[1]. Если роды длились долго, то прибегали и к другим приёмам: стреляли из ружья, зажигали порох, надевали на голову роженицы шапку кавора (крестного), чтобы злые духи подумали, что перед ними мужчина; под голову ей клали шампуры, кусочки железа и т.д. Если до этого у роженицы дети после родов умирали, то на новорожденного надевали рубашку, сшитую из семи кусков, собранных из семи домов, чтобы злые духи не узнали, чей это ребёнок. Сорок дней после родов женщина считалась «нечистой» и должна была соблюдать целый ряд запретов. Однако в Нахичеване роженицы почти никогда не придерживались полностью сорокадневного срока после родов: в городе в конце XIX в. обычно соблюдали 22 или 30 дней, после чего или сама роженица шла в церковь или же священник приходил в дом.[2] В деревне роженица поднималась еще раньше, потому, что в нахичеванских деревнях все домашнее хозяйство возлагалось на женщину, и его нельзя было забросить надолго.

[1] Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Ростов-на-Дону.2005.С.98.
[2] Там же. С. 97.

Другим старинным армянским обычаем было посыпать новорожденного солью, чтоб он рос здоровым. Мальчиков в армянских семьях ценили больше, чем девочек[1].

Крестины совершались, как правило, сразу после родов или через 2-3 дня, но определенно установленного срока не было. Причем часто крещение проводилось на дому, в «походной купели», хотя это было нарушением религиозных порядков. Шах –Азиз объясняет это стремлением священников угодить своим богатым прихожанам, «которым конечно, не совсем приятно часто в холодную и пасмурную погоду с дальних концов города нести свой содержимый в вате «свет очей» в свою приходскую церковь на крестины.»[2]

Крестному в ответ на его обычные подарки куме и крестнику в качестве благодарности дарили серебро и холодный сахар «небэт шокар».[3]

В старину всю дорогу из церкви до дома роженицы пели шаракан, звонили в колокола, однако к концу XIX века этот обряд был утрачен. Но в церквах, рядом с другими предметами, вышедшими из употребления, еще долго сохранялся музыкальный инструмент цнцхан (тарелки).

На праздничный стол крестин обязательно ставили традиционную яичницу, после съедения которой каждый из приглашенных бросал деньги в тарелку, поставленную специально для этой цели рядом с подносом. Эти деньги отдавались как плата за работу «даек-ма».

Так обстояли дела до конца XIX в. Только после строительства Мариинской больницы был поставлен вопрос об открытии в Нахичевани родильного приюта. Многие женщины (особенно малоимущие) не могли получать квалифицированную акушерскую помощь и по традиции обращались к повивальным бабкам. Это приводило к тяжким последствиям – вплоть до смерти – как для детей, так и для матерей. Поэтому градоначальник Ростова-на-Дону Федор Коцебу-Пилар-фон-Пильхау, предложил открыть в Нахичевани родильный приют. Но поскольку у Нахичеванской думы не было денег для строительства специального помещения под роддом, было принято решение воспользоваться для такового приюта помещением в павильоне имени К. М. Попова. К.М. Попов был одним из самых богатых купцов в Нахичевани. Для родильного приюта предполагалось оборудовать южную часть павильона. На это обустройство, правда, ушло некоторое время, и все же в октябре 1905 г. детский павильон (и, соответственно, родильный приют) принял первых пациентов. Позже на средства того же К.М. Попова было построено здание родильного приюта.[4] В 1913 г. о нем упоминается в газете «Приазовский край» уже как о действующем.

Сейчас донские армянки рожают в больнице, традиционные обряды, включавшие различные магические действия, охранявшие их от злых ду-

[1] Келле –Шагинов И.М. Моя единственная жизнь.Ростов-на-Дону.2014.С.34.
[2] Шахазиз.Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы.С.98.
[3] Там же.
[4] Багдыков Г.М.Моя Нахичевань.Город и люди. Ростов-на-Дону.2015. С.184.

хов, исчезли. После выписки из больницы роженицу первой приходит поздравить («свет в твои глаза») с подарками ее мать. Она же, по обычаю, готовит приданое ребенку. Обряд крещения стараются провести вскоре после рождения, как правило – в первую неделю. Посаженый отец на свадьбе становится, как правило, крестным отцом первенца молодых. В то же время, в отличие от Армении, на Дону, по свидетельству Е. Шахазиза, уже на рубеже XIX–XX вв. в городе исчез обычай держать малышей в старинных люльках, и даже в деревнях он соблюдался не всегда[1]. При этом донские армяне и теперь сохраняют старинный обычай, по которому полагается, чтобы 40-й день ребенок встретил в доме своей бабушки - матери роженицы. Поэтому за два-три дня до этого срока молодая мать с ребенком в сопровождении свекрови идет туда, а через пять-шесть дней возвращается в дом мужа. После этого устраивают бадев – большое семейное торжество с приглашением родственников с обеих сторон. Устойчиво сохраняется у донских армян и традиция давать детям имена их бабушек и дедушек, в первую очередь по отцовской линии, причем не только умерших, но и живых (последние даже предпочтительнее). Поэтому здесь широко распространены как старинные армянские имена, так и русские.

Таким образом, обряд родов и крестин у донских армян, имея общие черты с культурой армян в целом, в то же время отличается спецификой, связанной с влиянием крымских и донских традиций.

В.И. Харитонова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

«А эт(о) – мой смертный узалóк…»: к восприятию родов как *rites de passage*

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-01-00136а «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

В далеком детстве я любила наблюдать, как моя бабушка общалась со взрослыми женщинами. Мне пришлось не раз слышать ее разговоры с молодой беременной женщиной Марусей, которая жила по соседству: вечерами она приходила поболтать с бабушкой и посмотреть телевизор, который тогда считался большой диковинкой и имелся только в паре домов. Однажды, когда Маруся была уже на сносях, я услышала, как бабушка у неё спросила: «А ты узалок-та сабе сыбрала, Марусь?» «Эт какой узалок-та?» – удивилась та. «Дыть как – «какой»? Смертный. Поди, не плясать сыбираисси: мало ли… ня дай Гасподи», – стала вразумлять Марусю бабушка (здесь и далее: ПМА[2]).

[1] Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы.С.98.
[2] ПМА – Тамбовская область, Уваровский и Мучкапский р-ны (1960–1970-г гг.)

И тут я узнала о том, что сама бабушка держит этот самый «узалок» в своём сундуке с ранней молодости. Она рассказала Марусе, которая была сиротой и, видимо, поэтому не очень хорошо ориентировалась в подобных тонкостях, о содержимом «узалка». Оказывается, там хранился венчальный наряд бабушки, свадебные полотенца, а со временем туда же добавлялись головные платки и платочки, особые тапочки, в каких хоронили умерших. Ни мне, ни, кажется, даже взрослой Марусе не было понятно предназначение этих вещей, которые сберегались отнюдь не как музейная редкость. Бабушка же, наставляя нас, рассказывала, как девушке надо было заранее готовить себе к свадьбе и будущей замужней жизни наряды и всё необходимое для дома – тканое, шитое, вышитое, выбитое, промереженное. Всё это складывалось в сундук. «Узалок» у девочки появлялся уже тогда, но он не воспринимался как «смертный» – готовили приданое.

После свадьбы венчальный наряд возвращали в сундук и он лежал там в таинственном «узалке». На мой любопытный вопрос: «А зачем?» – бабушка ответила: «Ну, а какой случа́й, а у тябя – всё есть». Я в тот момент не очень поняла про этот самый «случа́й», видимо, в отличие от Маруси, которая, махнув рукой, сказала: «Ды какой тут случа́й? Врачи есть, я в город поеду, в больницу». «А ты и впрямь, что ль, помереть-то не боисси?» – стояла на своём бабушка. «Ня я – первая, ня я – последняя», – снова отмахнулась женщина.

Через несколько дней я увидела, как бабушка со слезами на глазах достала свой «узалок» из сундука и стала что-то оттуда вытаскивать, откладывая в сторону. На мой вопрос, скупо пояснила: «Маруся в родах помярла: вот, видать, не зря разговор-то был – она сабе тут приглядвала… Сирота вить она – собрать иё надыть!»

Позже я не раз слышала в разговорах пожилых женщин вопрос: «А ты на смерть-то сыбрала, аль венешное всё держишь?» Казалось бы, странная тема для разговора, но содержимое «узалков» обсуждалось, видимо, с не меньшим энтузиазмом, чем в девичестве подготовка приданого. Естественно, это не было обсуждением самих *rites de passage*[1], но все понимали, что к уходу из жизни надо быть готовой всегда, а уж тем более – во время родов; ни одна не хотела отягощать дополнительными сложностями родных и близких. Особенно волновались те, у кого не было живущих поблизости матери, сестер, дочерей: оставить заботу о посмертном сборе необходимых для покойницы вещей на мужчин было чем-то совсем неприличным. Ну, а чтобы «в случае чего» что-то не перепутали, проводился периодический инструктаж дочек, а позже уже и внучек. Содержимое «узалка» со временем менялось, поскольку умершую в старости женщину хоронили в этом регионе не в свадебном одеянии. Собранное – платки и платочки,

[1] См.: Геннеп А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

полотенца и прочее – раздавали участникам церемонии на поминках; что-то могли оставить дома, что-то даже клали в гроб.

Умерших до замужества девушек одевали в невестин наряд из приготовленного к свадьбе «узалка», а в случае трагической гибели, когда труп не удавалось обнаружить, этот «узалок» «передавали» с первым же покойным из своей или соседней деревни – клали его в гроб с соответствующими плачами/причитаниями. Трактовалась такая передача вещей не только как необходимость для незамужней девушки предстать в потустороннем мире в наряде, символизирующем ее девичество. Существовало поверье, что нельзя оставлять в доме вещи покойного, чтобы он за ними не приходил. Поэтому ребенку клали в гробик его игрушки, а взрослым необходимые им при жизни предметы (очки, вставные челюсти, даже курительные трубки и т.д.) С тем же, видимо, была связана традиция раздавать вещи близким («на память») и участникам похорон, а также отдавать нищим. На вопрос, «ходит» ли покойный, можно было услышать ответ овдовевшей женщины: «А зачем яму ходить-та? Я ж всё яго раздала людям».

Контакт с потусторонним миром для мировоззрения человека традиционной культуры вполне реален, как и переход границы между мирами. Давно уже рассмотрены многочисленные материалы, связанные с родиной обрядностью и представлениями о родах, которые свидетельствуют о восприятии происходящего как о *rites de passage*[1]. Вопрос о том, как и почему формируется такое восприятие, практически решен. Современные исследования особенностей работы мозга подтверждают, что женщина во время беременности и родов может находиться в различных вариантах ИСС[2], что способствует трансформациям ее сознания, ведущим к порождению новых мифологизированных представлений и нарративов[3].

Однако вполне очевидно и то, что женщины воспринимали происходящее с ними реалистично, понимая прямую угрозу их жизни: смертность в родах была очень высока. Обычно реальное и ирреальное переплеталось в представлениях и восприятии. Впрочем, часто то, что исследователи

[1] См., например: Кабакова Г.И. Роды // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4 М.: Международные отношения, 2009. С. 450-452. Мне также приходилось писать на эту тему: Харитонова В.И. Родинная обрядность и поэзия с позиции «rites de passage» // Этнографічна спадщина і національне відродження: Тез. допов. да повід. міжн. конф. Київ, 1992, с.186–188.

[2] Спивак Л.И., Вистранд К.-Р., Спивак Д.Л. Измененные психические состояния при нормальных родах // Физиология человека, 1994, Т. 20, N4, с. 147–153; Груздев Н.В., Спивак Д.Л. Изучение вклада духовных переживаний в индукцию измененных состояний сознания // Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва, 21–30 июня 2004 г. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 3–7 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам – далее: ЭИ… Т. 10, ч. 2); Груздев Н.В., Спивак Д.Л. Базовые факторы индукции измененных состояний сознания (на примере физиологических родов) // Психологический журнал, 2006, № 3, с. 78–85; Харитонова В.И. Зов предков или призыв духов? (Психофизиологический и гендерный аспекты шаманизма) // Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий, М.: ИЭА РАН, 2005. С. 25–43 (ЭИ... Т. 11)

[3] Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства: Санкт-Петербург, 1990-е гг. (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С.15–27; Одна из недавних интересных работ, основанная на анализе женских нарративов: Лабащук О.В. Натальний наратив і устна традиція: синтактика, семантика, прагматика. Тернопіль, 2013.

трактуют с мифологических позиций, сами представители традиционной культуры воспринимают как обыденность. Одна из моих полесских собеседниц, рассказывая, как она в одиночку рожала своего первенца в пустой избе, зацепив за крюк в матице свадебное полотенце и повиснув на нём, с большим изумлением выслушала уточняющие вопросы по поводу использования именно свадебного полотенца и крюка, на который подвешивали колыбель. Посмеиваясь, она сказала, что полотенце взяла свадебное только потому, что оно длинное – простое нельзя длинной петлёй повесить на крюк, ну а крюк – и без того понятно: на что же ещё набросить полотенце? На вопрос, «а если бы полотенца не оказалось?» – спокойно ответила, что поискала б ещё что, – веревку или вожжи.

Градус реалистичности следующего поколения значимо возрос. Моя мама и её ровесницы (они родились в 1920-е гг., учились в школах и имели возможность получить даже высшее образование) были не очень хорошо осведомлены о знаниях и традициях своих предшественниц. В их восприятии роды и беременность – это не безопасное, но полезное для женщины событие: странное утверждение, что «с каждым ребенком организм женщины обновляется и омолаживается», мне приходилось слышать от представительниц этого поколения в различных регионах. Повсеместное распространение биомедицины и идеологические установки военного и послевоенного времени основательно переформатировали сознание женщин, которые, в отличие от своих матерей, были не только грамотными, но и вовлеченными в активную общественную жизнь. В жизни этого поколения родины, как и свадьба, утратили ту составляющую – мировоззренческую и обрядовую, – которая была окрашена трагизмом ухода из привычного мира. В свадьбе это проявилось в редукции её первой половины и последующем отмирании соответствующей обрядности. Роды, перекочевавшие из хаты, избы или бани в больницы, значимо видоизменились и были переосмыслены, хотя психофизиологический страх перед таким событием у женщин, естественно, оставался[1], а специфические состояния (ИСС) при беременности и родах способствовали особому восприятию реальности и порождению специфических нарративов магико-мистического плана. Этот аспект до настоящего времени остается недостаточно изученным.

О.В. Егорова
г. Чебоксары, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Институт повитух и акушерство в Чувашии

Земская медицина, появившаяся в России в 60-х гг. XIX в. и просуществовавшая чуть больше полувека, представляла собой уникальное явление. Она обогатила практику охраны здоровья такими нововведениями, как

[1] См. об этом, например: Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып.3. СПб.. 1999. С.389–423.

участковое обслуживание сельского населения, бесплатность и общедоступность врачебной медицинской помощи, постановка и решение задач общественной санитарии. Благодаря ей в медицинской практике появилось санитарно-профилактическое направление, базирующееся на научных основах, системе организации охраны здоровья населения[1].

Повивальная бабка – лицо, которое не избиралось, не назначалось и, как правило, нигде не фиксировалось. В разных населенных пунктах повитух называли по-разному: *эпи карчăк, эпи, кĕнтĕк эпи, абай* или *баушкá*, *ăрăмçă карчăк, апăс, ача карчăк, папаç, папаça, эпеç карчăк, мунчавар, мучавар, мăчавăр (мăчавур), апи, эпиш, эпиç, ача çураттаракан карчăк, павăшка* (от русского бабушка) или просто называли по имени, например *Уках аки*, *Кеçкене арăм*, *Альдяпи аппа*, *Настюн аппа*[2].

По ряду причин к акушеркам, впервые появившимся в чувашской деревне к концу XIX в., крестьяне обращались редко. С одной стороны, врач и акушерка оставались территориально недоступными для жителей деревни. С другой – с давних времен сложилось убеждение, что акушерки не могут принести пользу, а только вредят. Помимо того, женщины не могли перейти через сильнейший морально-психологический барьер. К врачам обращались по более «серьезным» поводам. Беременность же считалась настолько привычным естественным делом, не требующим какого-то особого внимания. Основные консультации в течение всего периода беременности женщина получала от умудренных опытом родственниц и подруг, от деревенских бабушек. Языковой барьер имел немаловажное значение в их отношениях. Некоторые акушерки не понимали чувашского языка, не знали обычаев и относились к женщинам пренебрежительно. Вдова-бабушка Покровской волости д. Кугеево Ксения Егоровна писала в своем заявлении, что хотя в восьми верстах есть акушерка, тем не менее ее не приглашали для принятия родов, поскольку у кого-то не было лошади, где-то не проехать из-за слякоти, или в зимнее время начался буран, либо ночь препятствовала, кроме «того апайки страшно боялись приглашать при родах акушерку или доктора»[3]. Некоторые женщины по причине своей бедности не имели возможности приносить белье для своих детей в больницу. По словам одной роженицы, новорожденного пришлось завернуть в половик, а в больницу она не пошла из-за отсутствия белья: «дома и в тряпки ребенка завернешь, а такое белье в больницу не понесешь»[4]. Тем не менее, врач И. Благовидов пришел к выводу, что, по сравнению с татарами, чуваши имели большее доверие к врачебному персоналу.

В каждой чувашской деревне имелась своя бабка или несколько одновременно. Роженица знакомилась с каждым действием повитухи, потом самостоятельно их применяла. Не каждая женщина могла стать повитухой. Предпочтение отдавалось уважаемым вдовам и вообще тем женщинам, ко-

[1] Мирский М.Б. Медицина России XVI-XIX вв. М., 1996. С. 314.
[2] Егорова О.В. Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. Чебоксары, 2010. С. 90.
[3] Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф. 15. Оп. 1. Д. 1115. Л. 155.
[4] Там же. Ф. 202. Оп. 2. Д. 65. Л. 454-454об.

торые вели безупречную в нравственном отношении жизнь. Повивальной бабкой могла быть пожилая женщина, у которой были свои дети. «Как они могут помочь роженице, если не родили», – говорили чуваши[1]. Подозрение в нарушении профессиональной этики могло лишить повивальную бабку доверия окружающих. Повитуха Ксения Егорова в своем заявлении в Чебоксарскую уездную земскую управу писала, что ее берут в бабушки, потому что «другой бабушки хорошей нет, даже приходится ехать в другую деревню… Большей частью меня приглашают тогда, когда роженицы находятся при смерти, а при мне постоянно бывает благополучный исход, так что всегда мать и ребенок оставались живыми»[2]. В приграничных с татарами зонах нередко приглашали татарок-повитух[3].

В источниках нет полного единообразия в описании размера и форм вознаграждения повитух со стороны родственников родильницы. Обычай требовал от роженицы существенных проявлений благодарности повитухе – ценных подарков. В источниках чаще упоминались сурбаны[4], платки, платья, рубашки, холст. Подарок зависел от степени зажиточности семьи роженицы. После завершения родов повитух обязательно угощали. Многие информаторы отмечали, что в послевоенное время было настолько тяжело жить, что даже порой нечего было дать повитухе, ограничивались добрым словом. Нет ни одного упоминания о том, что повитухи обращались или могли обратиться куда-нибудь с жалобами на недостаточность или отказ оплаты со стороны роженицы или ее родственников. Повитухи обращались с заявлениями в Чебоксарскую уездную земскую управу о назначении жалованья и выдаче единовременного пособия за помощь роженицам, их просьбы часто исполнялись[5]. Часто благодарность за оказанные при родах услуги не исчерпывалась перечисленными способами оплаты. Повивальным бабкам, особенно пользовавшимся популярностью, помогали и тогда, когда они становились нетрудоспособными.

В период земской медицины (1864–1914 гг.) на территории Чувашии было мало акушерских пунктов. Первый пункт был открыт в 1889 г. в Ядринском уезде[6]. В уездах Казанской губернии, в том числе в Чувашии, должность акушерки была введена в 1789 г. В своей деятельности они должны были руководствоваться «Уставом повивальных бабок» (1789 г.). Педиатрия в Чувашии начала развиваться в 1920-е гг., когда в уездных городах были созданы Дома охраны материнства и младенчества, детские дома, родильные палаты при больнице и т.д.[7] Акушерские пункты массово появились в период коллективизации (1935–1938 гг.).

---

[1] Никольский Н.В. Народная медицина у чуваш // Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. 1. С. 325.
[2] ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1115. Л. 155.
[3] НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6059. Л. 444.
[4] Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. I. С. 281.
[5] ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1232. Л. 155.
[6] Алексеев Г.А. Здравоохранение в Чувашии в XIX – начале XX века. Чебоксары, 1993. С. 152.
[7] Он же. Педиатрия // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 380.

Система народного здравоохранения не удовлетворяла требованиям времени: больниц было мало, специальных родильных домов не имелось. При городских больницах открывались родильные отделения с числом коек не выше шести. Однако увеличить их количество не было возможности из-за нехватки акушерок[1]. В дореволюционной Чувашии уездные врачи по своей инициативе обучали повитух[2]. Нередко роды в больницах принимали санитарки[3]. С 1926 по 1929 гг. в Чувашии число родильных палат увеличилось с 16 до 21 пункта, консультаций с 4 до 6, родильных отделений с 6 до 13, общее количество мест в них достигло 135 коек. В них работали 3 акушера-гинеколога, 71 акушерка и фельдшер-акушерка. Благодаря развитию акушерско-гинекологической службы увеличился охват беременных медицинским родовспоможением. По данным 1913 г., в уездах Чувашии с помощью медработников рожало 3,8–5,2; в 1926 г. – 6,3; в 1929 г. – 9,7 % женщин[4].

Недостаточное количество акушерок и медицинских сестер, особенно чувашской национальности, вызвало необходимость подготовки кадров. Их готовили в г. Казани в губернской земской больнице земской повивальной школы. Школа сыграла большую роль в развитии санитарно-профилактического направления, обратив внимание на проблемы предупреждения болезней, на рациональную, базирующуюся на научных основах охрану здоровья населения. С апреля 1926 г. в г. Чебоксары были организованы акушерские курсы[5]. Отдел здравоохранения облисполкома Чувашской автономной области направлял женщин на трехгодичные акушерские курсы в Москву. Кандидатуры согласовывались с женотделами. По окончании курсов они посылались на работу в деревню. Отделом здравоохранения на средства культфонда были организованы в г. Чебоксары курсы по переподготовке повитух. В 1929 г. вышло постановление правительства об организации акушерских пунктов. Санитарно-просветительская работа среди чувашек, соблюдение правильного режима в послеродовом периоде, открытие в районах республики колхозных родильных домов и акушерских пунктов в середине 1930-х гг. способствовали сокращению материнской послеродовой смертности.

Репутация хорошей повитухи основывалась на богатом личном опыте, который приобретался женщиной при оказании помощи роженицам, на глубоком знании необходимых обрядов и магических средств, переданных ей старшими повитухами. Именно так «институт» повитух обеспечивал устойчивую преемственность традиционного комплекса родильной обрядности. Сам «институт» повитух функционировал в чувашских деревнях вплоть до конца 1950 – начала 1960-х гг. (например, саратовско-пензенские чуваши пользовались услугами повитух до конца 1950-х гг., в

[1] ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 2. Д. 65. Л. 257.
[2] Алексеев Г.А. Здравоохранение в Чувашии в XIX – начале XX века. С. 152.
[3] ГИА ЧР. Ф. 1719. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[4] Клементьев В.Н. Период новой экономической политики // История Чувашии новейшего времени. Кн. I. 1917-1945. С. 129.
[5] ГИА ЧР. Ф. 1719. Оп. 1. Д. 1. Л. 470.

д. Кожай-Семеновка Республики Башкортостан – до 1961 г., в с. Трехбалтаево Шемуршинского района Чувашской Республики – до 1965 г.[1]). К этому времени во всех сельских поселениях была создана сеть медицинских учреждений. Акушерки, сохранявшие все лучшие традиции знахарок, завоевывали уважение чувашского населения. В 30–40-е гг. XX в. по мере того как медицинское обеспечение становилось все доступнее для деревенских жителей, положительные результаты работы акушеров повышали шансы на благополучный исход беременности и родов, что способствовало постепенному отходу от услуг повитух. Официальная медицина, достигнув достаточно высокого уровня развития, перестала признавать повитушество в качестве вида медицинской помощи, хотя становление акушерства в основе своей было обязано «институту» повитух.

Таким образом, повитушество, явившись практической основой современного акушерства, постепенно прекратило свое существование. В условиях серьезной трансформации общества чуваши сумели сохранить часть родильных обрядов, позволяющих реконструировать архаичную картину данного периода жизненного цикла ребенка: предпочтение рождению мальчика; обряды и действия, направленные на лечение бесплодия; множество запретов и предписаний для беременных женщин; ряд традиционных приемов, ставших элементами современного акушерства.

А.Ш. Кабирова
г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Акушерско-гинекологическая помощь в Татарской АССР в условиях военного времени 1941–1945 гг.

Годы Великой Отечественной войны пагубно повлияли на физическое здоровье населения. В связи с масштабностью боевых операций значительное число врачей было мобилизовано в Действующую армию, привлечено к работе в эвакогоспиталях. Широкая сеть госпиталей была развернута и в Татарской АССР. По решению областного партийного комитета под них отдавались лучшие здания клиник, школ, институтов, дворцов культуры и т.п. В 1941 г. в республике функционировало 50 госпиталей, к концу войны их количество увеличилось до 70[2]. Для лечения раненых и больных бойцов Красной Армии было привлечено также более половины всех наличных медицинских кадров республики: 854 врача и 3182 человека из среднего медперсонала. И это при том, что на 1 октября 1941 г. ТАССР уже мобилизовала на фронты войны 657 врачей[3].

[1] Егорова О.В. Традиционная родильная обрядность. С.99.
[2] ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 139.
[3] Подсчеты автора по: Народное хозяйство Татарской АССР к 50-летию образования: Стат. сб. Казань, Изд-во «Статистика», 1970. С. 173; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 560. Л. 79.

Решение кадрового вопроса для фронта и тыловых эвакогоспиталей создало огромные сложности в работе сети гражданского здравоохранения. Катастрофически не хватало медицинских работников. На 20 июня 1941 г. штатным расписанием в Татарской АССР были предусмотрены ставки на 1823 врача, а насчитывалось только 1008 человек[1]. Значительно сократилась, кроме того, материально-техническая база лечебных учреждений; отсутствовала нужная аппаратура, фармацевтические средства, медикаменты…

Тяжелая ситуация сложилась и в сфере оказания акушерско-гинекологической помощи. Возросшие на гражданских врачей нагрузки резко отрицательно сказывались на качестве обслуживания женщин. Это подтверждают направленные в 1943 г. в Наркомат здравоохранения РСФСР из Татарской АССР отчетные документы и материалы. В связи с недостаточным количеством коечных мест больные с различными патологиями лежали в родильных отделениях. Слабо была поставлена борьба с внебольничными абортами. Число их только в г. Казани достигало 62% к общему числу родов»[2]. К тому же в подавляющем большинстве случаев операции по прерыванию беременности носили криминальный характер, резко ухудшая состояние здоровья женщин, т.к. по закону 1936 г. аборты были запрещены.

Что касается помощи при родах, то республиканские статистические данные позволяют констатировать сокращение общего количества родильных врачебных и акушерских коек. За 1941–1945 гг. число мест для беременных женщин и рожениц в Татарстане сократилось с 1778 до 1500[3]. Уменьшилось также количество колхозных родильных домов: со 122 в 1941 г. до 82 в 1945 г.[4]

Особенно плохо родовспоможение было организовано в столице ТАССР – г. Казани. Даже при наличии родильных коек 25% родов в 1944 г. протекали на дому. Отсутствие квалифицированного сопровождения при родах приводило к высокому проценту детской смертности. В 1944 г. она составляла: по всем новорожденным – 2,4%, по недоношенным – 20,5%[5]. Важно подчеркнуть, что подобное положение было характерно не только для Казани. По районам республики квалифицированной медицинской помощью был охвачен всего 51% женщин[6]. Но и в случае обращения в специальное медицинское учреждение успешность течения родов не могла быть гарантирована. В официальных источниках отмечалось, в частности, что «роддом № 3 г. Казани не соответствует предъявляемым требованиям как в отношении охвата, так и качества оказываемой акушерской помощи. Материнская смертность в роддоме равнялась 0,3%»[7].

[1] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 98.
[2] НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-3959. Оп. 1. Д. 739. Л. 18 об.
[3] Народное хозяйство Татарской АССР: к 50-летию со дня образования: Стат. сб. … С. 175.
[4] ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 130. Л. 21; Д. 314. Л. 6 об.
[5] НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 878. Л. 20.
[6] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 868. Л. 82–83.
[7] Там же.

Мало соотносилось с установленными нормами и общее состояние роддомов. В некоторых их них температура в помещении не превышала 13 градусов, что являлось провоцирующим фактором повышения детской смертности. Не высока была обеспеченность предметами ухода, медикаментами, перевязочным материалом[1].

Неблагополучная в области оказания акушерско-гинекологической помощи ситуация начала улучшаться после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким материям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»[2].

Помимо награждений, назначения денежных государственных пособий, помощи при оформлении детей в сады и ясли, Указ предусматривал также льготы для беременных женщин и матерей: увеличение норм дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам в течение последних 3-х месяцев беременности, кормящим матерям в течение 4-х месяцев кормления; введение особого режима труда (запрещалось привлекать беременных женщин на сверхурочные работы, начиная с 4-х месяцев беременности; имеющих грудных младенцев – к работам в ночное время на период кормления ребенка). Отпуск по беременности и родам работницам и женщинам-служащим увеличивался с 63 до 77 календарных дней, продолжительность отпуска устанавливалась в 35 дней до родов и 42 дня после родов с выдачей за этот период пособия за государственный счет.

Важную роль в профилактике заболеваний должно было сыграть расширение всех видов акушерской и гинекологической помощи, открытие женских консультаций, организация на предприятиях с массовым применением женского труда комнат для кормления грудных детей и комнат личной гигиены женщин и т.п.

Анализ документов показывает, что в целом обозначенные в Указе 1944 г. законодательные инициативы в ТАССР выполнялись. Так, акушерско-гинекологические кабинеты были организованы при заводах № 3, 9, 16, 22, 230, Татваленка, 237, 387. Комнаты личной гигиены – организованы при заводах № 16, 22, 40, 230, Техкомбинате. При некоторых предприятиях были также открыты социально-правовые кабинеты, где женщинам разъяснялись их права и обязанности. Повысилась посещаемость женских консультаций гинекологическими больными. Такие койки были развернуты на базе клиник Казанского медицинского института и Института усовершенствования врачей[3].

Вместе с тем не везде введение новых требований осуществлялось оперативно. К администрации предприятий предъявлялись следующие

[1] НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 878. Л. 20–21.
[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 14 июля. № 37.
[3] НА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 1. Д. 739. Л. 69 об.

претензии: нарушения режима труда и отдыха беременных и кормящих женщин, задержка сроков выдачи отпусков по беременности, медленное обустройство комнат личной гигиены женщин, отсутствие комнат, предназначенных для кормления грудничков. Указанные помещения отсутствовали, к примеру, на прядильной фабрике, льнокомбинате, на большинстве швейных фабрик, в Управлении Казанского трамвая и т.д., где число работающих женщин достигало 80–90%.

После принятия Указа от 8 июля 1944 г. несколько улучшилась и организация системы родовспоможения, увеличился средний вес нормально родившихся детей. По данным казанского роддома № 3, если во II квартале 1944 г. он составлял 2803 грамма, то в III квартале – 2910 г, IV квартале – 3140 г, I квартале 1945 г. – 3316 г.[1] Хотя недостатки, отмечавшиеся в военный период, быстро устранить было невозможно. Так, еще достаточно длительное время сохранялись высокие проценты смертности среди новорожденных и недоношенных детей. Медленно росло число койко-мест для рожениц в некоторых районах Казани, в связи с чем роженицам приходилось обращаться в соседние дальние районы. Более того, даже в родоотделениях роженицы не всегда получали своевременную квалифицированную помощь. Так, 11 июля 1945 г. из-за отсутствия врача на рабочем месте гр-ку Судареву для оказания неотложной помощи пришлось перевозить из 5-й городской больницы Ленинского района г. Казани в родоотделение соседнего района. В результате молодая женщина погибла от потери крови[2].

Таким образом, в военные годы ослабление материально-технической базы медицинских учреждений, общее ухудшение социально-бытовых параметров жизнедеятельности людей, неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние городов и сел Татарской АССР негативно отражались на репродуктивном здоровье женщин. Стремление изменить сложившуюся в стране в результате войны неблагополучную демографическую ситуацию заставило власти принять ряд решений (среди них и Указ от 8 июля 1944 г.), направленных на повышение статуса женщины-матери, стимулирование деторождаемости, улучшение качества акушерско-гинекологической помощи.

В.В. Кавецкая
г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Фельдшерско – акушерский пункт в системе родовспоможения и его влияние на репродуктивное поведение сельских жительниц в 1960–80-е гг.

Парадоксальность ситуации, сложившейся в российском социуме в 1960-х годах, заключалась в том, что несмотря на постепенное улучшение

[1] НА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 1. Д. 739. Л. 18.
[2] Там же.

условий жизни (массовое строительство жилья, повышение уровня жизни населения, вступления в брачный возраст послевоенных поколений) неуклонно снижалась рождаемость и количество детей в семьях. Причем в 1970–80-е гг. такая тенденция стала характерна не только для городов, но и для сельской местности. В опубликованной в 1968 г. монографии А.Г. Волков отмечал, что только за последние 7 лет, (т.е. 1960–1967 гг.), общий коэффициент рождаемости снизился с 25,0 до 18,2 % – практически на треть, без надежды на повышение или стабилизацию. Автор также отметил значительные различия в уровне рождаемости между городом и деревней и разными регионами страны[1].

Тревожная тенденция вызвала не только научный, но и государственный интерес к такому значимому фактору рождаемости, как репродуктивное поведение. На основе обобщения большого количества работ О.Н. Калачикова и А.А. Шабунова определили репродуктивное поведение как «систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулирующийся биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами»[2].

Очевидно, что создавая определенные условия, государство имело возможности влиять на оба аспекта детородной активности граждан репродуктивного возраста. И прежде всего через специализированные акушерско-гинекологические учреждения в системе организации помощи сельскому населению.

Помимо основного назначения – родовспоможения, перед институциями такого рода была поставлена задача вести профилактическую и санитарно-просветительскую работу (преимущественно – с женщинами).

Как отмечает Р.С.Гаджиев, основной особенностью системы оказания медицинской помощи сельскому населению в СССР была ее этапность: сельский врачебный участок, районные и областные медицинские учреждения [3]. Территория сельского района была разделена на сельские врачебные участки – комплексы учреждений по оказанию внебольничной и стационарной лечебно-профилактической помощи, включающие: сельскую участковую больницу с амбулаторией/ самостоятельную амбулаторию; фельдшерско-акушерский пункт (ФАП); фельдшерские здравпункты; колхозные (межколхозные) родильные дома; молочные кухни; детские дошкольные учреждения (сады-ясли). Районный уровень представляли: центральная районная (ЦРБ) и районные (номерные) больницы с поликлиниками и отделениями скорой и неотложной помощи, районные диспансеры и другие медицинские учреждения. На областном уровне действовали областная больница с консультативной поликлиникой и стационаром, отде-

[1] Рождаемость и ее факторы/ Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1968. С.8.
[2] Калачикова, О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст]: монография / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. С.5.
[3] Гаджиев Р.С. Фельдшерско-акушерский пункт. М.: Медицина, 1986. С.8.

лением экстренной и планово-консультативной помощи, лечебно-диагностическими отделениями, диспансеры и т.д.

Г.А. Митерева выделила три этапа оказания акушерско-гинекологической помощи в зависимости от ее близости сельчанам, специализации и квалификации, а также уровня материально-технического оснащения в рамках названной этапности: 1 этап, включающий доврачебную и первую врачебную помощь, осуществлялся на периферии района, в учреждениях сельских врачебных участков. 2 этап – в районном центре, в акушерско-гинекологических отделениях ЦРБ и женских консультациях. 3 этап – на уровне регионального центра обеспечивал сельчанок в случае необходимости высококвалифицированной (специализированной) акушерско-гинекологической помощью в отделениях и женских консультациях республиканских, областных или краевых больниц или самостоятельных роддомах со своими женскими консультациями[1].

В Советском Союзе действовала разветвленная сеть акушерских стационаров, и беременных распределяли по степени риска родов в определенный тип стационара: а) без врачебной помощи – колхозные роддома и фельдшерско-акушерские пункты с акушерскими койками; б) с общей врачебной помощью – участковые больницы с акушерскими койками; в) с квалифицированной врачебной помощью – родовспомогательные отделения ЦРБ, городские роддома, областные акушерско-гинекологические больницы; г) с многопрофильной квалифицированной специализированной помощью – родосвпомогательные отделения многопрофильных больниц, акушерские отделения областных больниц, межрайонные акушерские отделения на базе крупных ЦРБ, специализированные акушерские отделения на базе многопрофильных больниц, родовспомогательные стационары, объединения с кафедрами акушерства и гинекологии, отделения научно-исследовательских институтов акушерства и гинекологии[2].

Самым близким к сельскому населению был сельский врачебный участок, где прием вел главврач сельской больницы или врач общего профиля (при наличии двух врачей). Он руководил акушеркой, которая помогала и в ведении родов в стационаре, и в амбулаторном наблюдении за беременными, родильницами и лечении гинекологических больных. Число родильных коек в сельской больнице (роддоме) планомерно сокращалось (одновременно с увеличением в ЦРБ) и обычно не превышало 3–5единиц. При числе коек 8 и более в участковой больнице вводилась должность акушера-гинеколога. При его отсутствии беременные и роженицы с патологиями и сложными случаями беременности направлялись на районный уровень и выше[3].

Однако, даже при наличии стационара, основной объем акушерско-гинекологической помощи на периферии района оказывал сельчанкам

[1] Митерева Г. А. Средний медицинский персонал в современной акушерско-гинекологической службе: монография. Л.: Медицина, 1982. 144 с.
[2] Савельева Г.М., Серов В.Н., Старостина Т.А. Акушерский стационар. М.: Медицина, 1984. С.6
[3] Ланцев Е.А., Абрамченко В.В. Руководство для сельской акушерки. Л.: Медицина, 1987. С.12-13.

фельдшерско-акушерский пункт. В его задачи по Положению о фельдшерско-акушерском пункте (Приложение № 53 к приказу Минздрава СССР от 23 сентября 1981 г. № 1000[1]) входили: организация патронажа детей и беременных женщин и проведение мероприятий по снижению детской и материнской смертности. Кроме того, на ФАП возлагались функции аптечного пункта по продаже населению готовых лекарственных форм и других аптекарских товаров, в том числе – контрацептивов.

ФАП имел самостоятельную смету, которая ежегодно разрабатывалась заведующим ФАП и утверждалась исполкомом сельского Советов народных депутатов, в ведомстве которого ФАП находился. В распоряжение работников ФАП исполкомом предоставлялось бесплатное транспортное средство. Во многих колхозах и совхозах были построены по типовому образцу специальные здания для размещения ФАП, оснащенные в соответствии с приказом Минздрава СССР № 1187 от 29 декабря 1975 г[2]. Причем, наряду с медицинским инструментарием и оборудованием для стационарного обслуживания, был предусмотрен набор инструментов для акушерской помощи на дому и набор патронажной сестры, а также оборудование для санитарно-просветительной работы: аллоскоп (диапроектор), выставка (витрины) по санитарно-просветительной работе, подборка диафильмов (не менее 10 лент), трансляционный динамик. Кроме того, ФАП обеспечивался массовой санитарно-просветительной литературой: плакатами, памятками, брошюрами.

Штатный состав учреждения определялся в соответствии с приказом Минздрава СССР № 900 от 26 сентября 1978 г. и предусматривал наличие следующих должностей: независимо от численности жителей – заведующий (фельдшер, акушерка, медсестра) и санитарка. Дополнительная должность среднего медицинского работника (акушерка, патронажная сестра) вводилась в зависимости от количества жителей: 0,5 ставки – от 900 до 1,3 тыс. жителей; 1 ставка – от 1,3 до 1,8 тыс. жителей; 1,5 ставки – от 1,8 до 2,4 тыс. жителей; 2 ставки – от 2,4 до 3 тыс. жителей[3].

В деятельности ФАП по медицинскому обслуживанию женщин и детей Р.С. Гаджиев выделяет ряд видов, которые напрямую касаются родовспоможения и влияют на репродуктивное поведение сельчан: наблюдение за беременными и роженицами; психопрофилактическую подготовку бе-

[1] Приказ Минздрава СССР от 23 сентября 1981 г. № 1000 «О мерах по совершенствованию организации работы амбулаторно-поликлинических учреждений» (с изм. и доп. от 16 апреля, 21 декабря 1984 г., 22 января, 30 мая 1986 г., 24 февраля 1988 г., 22 декабря 1989 г.) (утратил силу) - Электр. ресурс – Режим доступа- http://www.jurbase.ru/postr/docum873/part4.htm (дата обращения 14.05.2016)

[2] Приказ Минздрава СССР от 29.12.1975 № 1187 « Об утверждении табеля оборудования фельдшерско-акушерских пунктов» (утратил силу) - Электр. ресурс – Режим доступа - http://www.lawrussia.ru/texts/legal_574/doc574a888x486.htm (дата обращения 14.05.2016)

[3] Приказ Минздрава СССР от 26 сентября 1978 г. № 900 «О штатных нормативах медицинского, фармацевтического персонала и работников кухонь центральных районных и районных больниц сельских районов, городских больниц и поликлиник (амбулаторий) городов и поселков городского типа с населением до 25 тыс. человек, участковых больниц, амбулаторий в сельской местности и фельдшерско-акушерских пунктов» (с изм. и доп. от 24 июля 1979 г., 10 апреля, 24, 25 июня, 23 октября 1981 г., 11 октября 1982 г., 11 июля 1985 г., 30 мая, 23 декабря 1986 г.) - Электр. ресурс – Режим доступа - http://www.jurbase.ru/postr/docum1217/part5.htm (дата обращения 14.05.2016)

ременных к родам; оказание помощи роженицам и родильницам; организацию школы матери и ребенка[1].

Кроме сопровождения беременности и родов, ФАП ориентировали на работу по профилактике непланируемой беременности, определяя задачи изучения потребности района в противозачаточных средствах для своевременного предоставления заявок в аптеку; учет женщин, нуждающихся в обязательном использовании контрацептивов; организацию использования женщинами внутриматочного введения контрацептивов после искусственного аборта и обеспечение выездных акушерско-педиатрических бригад для проведения таких операций; индивидуальных бесед с родильницами накануне выписки из роддома; анализ частоты и прогноз снижения абортов по району; лечебную работу и санитарное просвещение населения о вреде абортов и возможностях контрацепции, особенно – путем применения внутриматочной спирали и гормональных средств[2].

Таким образом, можно констатировать, что комплексный подход к оказанию акушерско-гинекологической помощи сельским жительницам в СССР позволил выстроить трехэтапную систему лечебных учреждений, позволяющую предоставлять дифференцированную помощь женщинам в зависимости от медицинских показаний. ФАП как низовое, самое приближенное к населению, звено сельской системы родовспоможения оказывал значительное влияние на собственно репродуктивное поведение жительниц сельской местности, предоставляя амбулаторную и стационарную помощь беременным и роженицам в процессе их медицинского и социально-психологического сопровождения. Но также в 1980-е гг. ФАП был способен влиять и на абортивно-контрацептивное поведение сельчан путем санитарно-просветительской и профилактической работы по предотвращению непланируемой беременности и обеспечения сельского населения контрацептивными средствами.

А.Г. Кислов
г. Екатеринбург, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Архаические истоки мистификации деторождения

Разрыв/неразрыв с архаикой остается не только теоретической проблемой. Архаика обнаруживает себя повсеместно, в том числе в моделях отношения к зачатию, беременности, деторождению, детству, родительству[3]. Знакомство с этими моделями быстро разрушает все еще распростра-

[1] Гаджиев Р.С. Фельдшерско-акушерский пункт. М.: Медицина, 1986. 256с. С.12.
[2] Организация работы по профилактике непланируемой беременности в сельской местности: Методические рекомендации (с правом переиздания местными органами здравоохранения), утвержденные зам.министра здравоохранения РСФСР 26.04.1988. М.: Минздрав, 1988. 12с. С.6-7
[3] См.: Кислов А.Г. Архаическое в отношение к деторождению // Научный диалог. 2015. № 4 (40). С. 19–30.

ненный благодушный предрассудок о якобы инстинктивной любви взрослых к детям. «Чем глубже в историю – тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным»[1].

В архаических культурах человеческий младенец, тем более эмбрион и беременная им женщина, и даже коитус еще полны тем, откуда младенец, откуда, согласно архаическим представлениям, сама жизнь. В младенце, тем более эмбрионе еще много хтонического, теллурического, потустороннего, через которое докатилась в плоти и крови эманация Первоначала (мистифицированного «Архе»), неотличимого, впрочем, от Первоничто. В сравнении со взрослым ребенок содержит в себе больше первоначального-первоничтойного-первоничтожного[2]. Потому особое положение занимает среди взрослых и беременная женщина – она тоже буквально наполнена первоначальным-первоничтойным. Как правило, ничтожное-ничтойное, а значит, изначальное возрастает в старцах. Онтологическая близость новорожденного и умершего проявляется в феномене магической “нечистоты”, их окружающей некоторое время. “Нечистота” умершего распространялась на его жилище, на родственников, на всех участников похорон, из чего проистекали ограничения траура. В родильной обрядности, соответственно, суровому остракизму подвергались родители новорожденного. Весьма характерный пример: «У горных арапешей любое ровное место – “хорошее”, обрывистые – “плохие”... эти плохие места окружают каждую деревню. На них располагаются хлева для свиней, уборные. Здесь ставят хижины, куда удаляются женщины во время менструаций и родов. Опасная кровь этих женщин может принести вред деревне»[3]. Согласно их мифологии отец не должен присутствовать при родах[4], т.к. это магически опасно.

Необходимость магического “очищения” новорожденного и всего, что и особенно кто с ним непосредственно связаны, особенно роженицы, свидетельствует, что младенец – еще не нечто, принадлежащее нашему миру, хотя уже и не ничто в отношении его. В большей степени ничтожность присуща эмбриону. «Неразвитый зародыш, будь то в яйце или в матке, несомненно, был связан в представлении древних с чем-то непристойным в буквальном смысле этого слова»[5]. Напрямую связанная с эмбрионом беременная им женщина, таким образом, является полухтоническим существом, пребывающим на границе бытия с небытием, внутри этой границы. Потому отношение к ней весьма напряженное, не просто внимательное, но подозрительное, закованное в панцирь множества предписаний, табу, ритуалов, существующих в культуре на уровне «само собой очевидных» предрассудков.

---

[1] См.: Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. С. 14.
[2] См. подробнее: Кислов А.Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург: Изд-во Российского гос. проф.-пед. ун-та, 2002. С. 42–62.
[3] Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 236.
[4] Там же. С. 253.
[5] Нидхэм Дж. История эмбриологии. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1947. С. 23.

Так, в Австралии «только что появившийся ребенок, по понятиям аборигенов, – еще не человек»[1]. И «у тай нет полной уверенности в том, что беременная женщина разрешится от бремени именно человеческим существом; опасаются появления на свет неведомого существа»[2], – т.е. вдруг женщина родит «не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку» – видимо, и нашим предкам такие опасения были не чужды.

Беременность, роды нередко и по сию пору скрывают как можно надежнее и дольше, и «лишние» вопросы как самой беременной, так и о ее беременности задавать запрещают, считается, что о подобных «новостях» говорить не стоит, и отказывать, де, беременной ни в чем нельзя, а лучше и вовсе задабривать ее, в том числе подношениями[3]. Беременность по сию пору мистифицируется, воспринимается крайне магически. Даже поэтизация беременности – дань все тому же архаическому к ней отношению. Спокойное приятие беременности, родов как чего-то обыденного, повсеместно уместного в человеческой жизни редко встретишь за пределами сообществ медицинских работников и биологов, в которых тоже немало своих фантазий, так или иначе восходящих все к той же архаике.

Архаичность обнаруживает себя и в повсеместной мистификации коитуса и даже «платонических» сексуальных ухаживаний как исключительно, пусть лишь потенциально, относящихся к деторождению, не говоря уж о зачатии (оплодотворении). Множественные ритуализация, табуирование, сакрализация создают в социуме высокое напряжение относительно деторождения, по многим трактовкам, стимулирующее либидо и без того сексуально активного хомо сапиенса. Впрочем, эта дополнительная стимуляция и срабатывает только при условии архаической мистификации. И даже сознательный отказ от деторождения некоторыми нашими «очень» цивилизованными и «передовыми» современниками вполне находит себе идейные опоры во все той же архаике. Так, сознательный отказ от рождения («чайлдфри»), а потому и зачатия собственного ребенка – это вариант тяги к «Архе=Ничто» на грани суицида, только перенесенного с себя на теоретически возможное свое потомство. Жить в социуме, дистанцируясь, прежде всего, от его настоящего (быть может, погружаясь в грезах в будущее, точнее, Вечное, но имея альтернативой только прошлое, а точнее Пред-Вечное) – вот социокультурный тренд, который лишь выражается среди прочих его симптомов якобы исключительно современным феноменом чайлдфри[4]. И в современных как благодушном умилении от зачатия, беременности, родов, детства, так и в их

---

[1] Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992. С. 20–21.

[2] Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1988. С. 65.

[3] Цареградская Ж.В. Ребенок от зачатия до года. М.: Астрель: АСТ, 2005. 281 с. URL: http://www.mirpozitiva.ru/lib/mama-i-malish/rebenok-ot-zachatiya-do-goda/rebenok-ot-zachatiya-do-goda.html

[4] См.: Кислов А.Г., Шапко И.В. Социальный чайлдфри-симптом // Культура. Личность. Общество в современном мире: Методология, опыт, эмпирические исследования: Материалы XVIII-ой Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана (19–20 марта 2015). Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2015. С. 2171–2182. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32416/1/klo_2015_261.pdf

поношении просвечивает легко обнаруживаемая архаическая мистификация, не отпускающая нас ни в нашем мироощущении, ни в представлениях и оценках, ни в делах наших. И только легкость ее обнаружения позволяет думать о появившемся зазоре между нами и ею.

Ю.В. Литвин
г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Институт boabo и становление акушерства в Карелии: противостояние и поиски компромисса

Тезисы подготовлены в рамках Программы ОИФН РАН «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей», № 0225-2015-0009

Материнство составляет важнейшую культурную и социальную ценность. В традиционной культуре первые роды были посвящением в материнство, с ними были связаны определенные ритуально-магические практики, направленные на сохранение жизни и здоровья матери и младенца. Рождение ребенка означало не только пополнение в семействе, но и повышение статуса женщины в зависимости от пола новорожденного. Главной наставницей молодой матери в вопросе овладения магическими приемами лечения и защиты ребенка была свекровь. Однако первый опыт знакомства с данными обрядами крестьянка получала раньше, наблюдая за действиями повивальной бабки во время и сразу после родов. Институт повивальных бабок был распространен повсеместно в России, отличаясь этнокультурной и локальной спецификой.

На основе комплекса исторических и этнографических данных будут рассмотрены особенности института повивальных бабок в карельской культуре, раскрыты основные этапы развития профессиональной акушерской помощи в крае, представлена специфика их взаимодействия.

В Карелии в роли повивальной бабки (*poapo*, *boabo*; *buab*; *naba-buabu*) исполняла опытная родственница, свекровь, в малых семьях повитуху чаще приглашали «со стороны»[1]. Основной ее задачей было облегчение родов и сохранение здоровья ребенка и матери с помощью различных религиозно-магических действий[2].

Хорошая повитуха должна была соответствовать определенным негласным требованиям – находиться в климактерическом периоде (30–50 лет) или не иметь сексуальных контактов, иметь собственных детей и/или достаточное число удачно принятых родов[3], досконально знать весь процесс родов,

[1] Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел (конец XIX – начало XX вв.). Л., 1985. С. 23.
[2] См. работы карельских этнографов Ю.Ю. Сурхаско, Е.И. Клементьева.
[3] В Северной Карелии женщина, принявшая 40 и более родов, могла называться боабо.

иметь безупречную репутацию[1]. Повитуха выполняла важнейшую ритуальную задачу – она должна была правильно принять душу младенца из потустороннего мира, обеспечить ей благополучие в мире живых[2].

Традиционным местом для родов у карелов была баня[3]. Там же мать и дитя проводили время от 3 дней до 6 недель – периода необходимого для очищения и первых этапов социализации их в новом статусе. Все действия этого периода совершались под руководством повивальной бабки[4]. Определяющая роль принадлежала повитухе в обряде введения младенца в дом и в некоторых случаях она же совершала обряд крещения.

За оказанную помощь сельская повитуха получала от семьи роженицы ценные подарки – традиционно *боабо* полагались рубаха, полотенце и мыло[5]. Также упоминается одаривание предметами одежды или продуктами питания[6]. Повивальная бабка была желанной гостьей в том доме, где принимала роды.

Профессиональные акушерки появились в Карелии в 1870-ые гг. В 1873г. олонецкий губернатор Г. Григорьев учредил стипендию для подготовки крестьянок к профессии повивальной бабки при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении. Предпочтение отдавалось крестьянским девушкам, которые по возвращении должны были потеснить «прежних неумелых бабок»[7]. Число желающих пройти курсы оказалось невелико. Позже, в 1910 г. в Петрозаводске открылась собственная фельшерско-акушерская школа. Однако данная школа не была востребована среди местных девушек: в первый год открытия вакантными оставались еще три места[8]. Одну из причин подобного положения земство видело в низком образовательном уровне, так как для поступления в школу требовался аттестат об окончании 4-классной гимназии.

Тем не менее, к концу XIX в. Олонецкая губерния уже занимала одно из первых мест в стране по числу акушерских пунктов[9]. Однако крестьянки продолжали обращаться за помощью к непрофессиональным повивальным бабкам. По данным Ю.Ю. Сурхаско, институт *боабо* сохранялся вплоть до 1930–х гг.[10] Его востребованность коренится в крестьянских традициях и взглядах: повитуха не просто принимала роды, она обладала магическими

[1] Keinänen M.–L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003, s. 165.
[2] Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зингер. М., 2015, с. 90.
[3] Позже, под влиянием христианства, рожать стали и в хлеву, поскольку в соответствии с новозаветным рассказом, Иисус родился в пещере, которая была приспособлена для содержания домашних животных. В Суйсари, например, бытовало поверье, согласно которого в хлеву роды проходили легче.
[4] Например, только она могла перерезать пуповину. Согласно карельским обычаям, самостоятельное отрезание пуповины считалось грехом (reähkä). Также повитуха совершала обряд первого омовения, пеленание младенца, обряды оберегания и т.д.
[5] Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. № 3633.
[6] Сурхаско Ю. Ю. Указ. соч. С. 24.
[7] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Оп. 1 Д. 6/12. Л. 1.
[8] Экзамены в фельдшерской школе // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 7. С. 23.
[9] В Олонецкой губернии действовало 37 акушерских пунктов, тогда как в большинстве других земских губерний их число не превышало (См.: Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб., 1909. С. 412)
[10] Сурхаско Ю. Ю. Указ. Соч. С. 23.

знаниями для защиты матери и новорожденного, совершала ритуально-магические действия, находилась рядом в послеродовой период, оказывая крестьянке помощь в хозяйстве. Профессиональные акушерки («барышни») были молоды, не имели собственных детей, подчас не владели карельским языком, а, значит, не пользовались доверием у местных женщин.

К объективным факторам сохранения популярности услуг повивальных бабок следует отнести отдаленность многих карельских деревень, отсутствие путей сообщения, что затрудняло быстрое прибытие специалиста. Даже в 1930-ые гг. эта проблема оставалась актуальной для многих отдаленных районов Карелии.

Наконец, длительная приверженность населения традиционным практикам родовспоможения была связана со спецификой деревенского уклада. В 1920-ые гг. приезд акушерки оставался событием. Новость об этом разлеталась по деревне и могла, по мнению крестьян, нанести ущерб здоровью беременной, поскольку в этот период она и ребенок были уязвимы для любого магического воздействия (сглаза и порчи). В 1923 г. участковый врач из Паданского уезда рассказывал проверяющему инспектору, что если кто и осмеливался позвать за помощью, то на определенных условиях: «Ты уж, матушка, приходи к нам по вечеру, как стемнеет. Да не бери ты, пожалуйста, с собой евтой сумочки, а так – положи в подол свой инструмент, да иди. А то по сумочке сразу люди сгадаются, и не разродится»[1]. Тем не менее, крестьянки уже не столь категоричны в вопросе выбора специалиста и готовы идти на компромисс, пока еще тайно, стараясь не привлекать внимания односельчан.

Только после войны родильные отделения больниц стали повсеместно использоваться как место для родов. Несмотря на медикализацию родов и их перенос в специализированные учреждения, во многих карельских деревнях и сегодня сохраняются некоторые до- и послеродовые обряды. Так, беременность и предполагаемые сроки наступления родов стараются не афишировать; некоторые женщины (уже самостоятельно) совершают первое омовение ребенка в бане, используют различные обереги. Однако лишь немногие современные карелки понимают значение этих манипуляций, совершая их в качестве дополнительной меры для защиты ребенка.

Итак, можно говорить о постепенном изменении отношения к акушеркам. Роль повитухи заключалась не только в принятии родов, но в роли посредника между потусторонним и земным мирами, способности «правильно» принять душу младенца. В связи с исчезновением подобных представлений, канул в лету и институт *боабо*. Советская медицинская система взяла под контроль тело женщины, изменив взгляд на практику родовспоможения. Однако и в настоящее время карельские женщины продолжат соблюдать некоторые обычаи и совершать обряды, направленные на сохранение здоровья младенца.

[1] Алимов. В дебрях Карелии (путевые заметки) // Красная Карелия. 24 апреля 1924. № 94. С. 4.1933. С. 4.

Л.Н. Пивоварова
г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСИС»

«Много бывает – а лишних деток не бывает…» (об особенностях родильной обрядности курских крестьян)

Деторождение, как раньше, так и сейчас, является важнейшей частью семейной жизни. Оно определяло во многом и обрядовый характер традиционного ритуала создания крестьянской семьи: свадьба буквально была насыщена действиями продуцирующего характера и пожеланиями многодетности. Например, такие пожелания как: «Дай Бог Вам, Иван Иванович, богатеть, а Вам, Марья Ивановна, спереди горбатеть»[1], (т.е. беременеть) были обычными в приветствии молодых супругов.

Супружеская пара, не имевшая детей или стариков, не признавалась за полноценную семью. «Правильными» считались такие семьи, в которых имелись представители двух и более поколений. Рождение ребенка в семье было важным событием не только для матери, отца, но и всей семьи и ближайшего сельского окружения. В сознании крестьянина появление младшего поколения воспринималось как неизбежное событие и своего рода божья благодать: «У кого детей много, тот не забыт у Бога», «С детьми горе, а без них вдвое»[2]; «Много бывает – а лишних деток не бывает»[3]. Бесплодие же воспринималось людьми того времени как несчастье для семьи и позор для женщины.

В результате анализа архивных, литературных и других источников были выделены основные, общие и специфические элементы родильной обрядности русских крестьян Курской губернии, где преобладали санитарно-гигиенические и религиозно-магические действия. В общей форме их можно разделить на три этапа: 1) дородовой, 2) собственно родильные обряды, 3) послеродовой.

1. Дородовой период. Положение беременных женщин во второй половине XIX века мало чем отличалось от положения других женщин в крестьянской семье. Они выполняли все виды работ вплоть до наступления родов. Повсеместно отмечались случаи родов в поле, во время жатвы или во время каких-либо других работ.

После первых напоминаний приближения родов (первые потуги) начинали водить родильницу, не давали ей засиживаться до самого времени рождения ребенка. Женщина также сама следила за различными приметами. По народным приметам беременной женщине запрещалось смотреть на змей, лягушек, присутствовать при вносе и выносе гроба для умершего человека. Д.В.

[1] Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, Институт этнографии Миклухо-Маклая, 1989. С. 202.
[2] Жиров М.С., Жирова О.Я. Традиционные народные праздники и обряды Белгородчины. Белгород, 2002. С. 76.; Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская обл. // Опыт систематизации этнофольклорного материала. Белгород, 2000. С. 391.
[3] Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб., 1879. С. 379.

Зеленин отмечает: «В тот момент, когда гроб умершего вносят в дом, все выходят, особенно беременные женщины (последние выходят и при выносе гроба; они не должны также обмывать покойника, иначе будущий ребенок умрет)»[1]. «Считалось, что женщине во время беременности полезно смотреть и любоваться на маленьких здоровешеньких ребятенков. И часто взглядывать на мужа, чтобы ребятенок был на него похож и в него хорош и пригож»[2].

Пол будущего ребенка старались угадать по внешнему виду беременной женщины: если у беременной женщины появлялись на лице желтые пятна и она полнела, то говорили, что родится девочка, а если нет – то мальчик, «если живот острый, то ожидали рождение мальчика, если плоский – девочки»[3]. При довольно ровном отношении и любви к детям в русских крестьянских семьях все-таки больше ждали рождения мальчика. Это было вызвано, как известно, прежде всего, социально-экономическими причинами.

В то же время следует отметить, что судьба дочерей волновала родителей не меньше, чем судьба сыновей. Они мечтали о хорошем, работящем муже для дочери, достатке ее семьи. Данные мечты ярко отразились в народном фольклоре.

Рожали детей в крестьянской семье столько, «сколько бог пошлет». Каждая замужняя крестьянка имела в среднем 10–11 детей, и значит, рожала каждые два года в течение двадцати лет, некоторые имели по двадцать детей и рожали каждый год[4]. Количество детей в крестьянской семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины. Высокая детская смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения.

Вера во влияние «дурного» глаза и «дурной» мысли на состояние здоровья матери и ее будущего ребенка заставляли окружать роды атмосферой «умолчания». Считалось, что чем меньше лиц будет знать о родах, тем благополучнее они пройдут.

2. Родовой период. О приближении родов жена обычно сообщала мужу или кому-то из ближайших родственников, и тот, стараясь, чтобы об этом никто не узнал, приглашал бабку-повитуху.

К акушеркам крестьяне обращались крайне редко. Главной причиной являлась бедность населения, отсутствие лошади с подводой, чтобы отправить роженицу в больницу за несколько десятков верст. По данным врача Г.И. Попова в конце 80-х – начале 90-х годов богатые крестьяне уже чаще стали приглашать для родовспоможения и профессиональных акушерок[5].

Роды проходили: 1) в бане; 2) в хлеву; 3) в овине; 4) редко в избе. Рожали крестьянки чаще всего лежа, иногда стоя[6]. Но случалось и так, что

---

[1] Зеленин Д.В. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 348.
[2] Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов. М., 1998. С. 25.
[3] См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 29. Л. 13–14; Д. 65. Л. 4 об.–5.
[4] Миронов Б.Н. Вокруг свадьбы. Представление русского крестьянина о семье, браке, детях // Знание – сила. 1976. № 10. С. 42–45.
[5] См.: Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. СПб.:Тип. А.С. Суворина, 1903. С. 344.
[6] См. Архив СТИ НИТУ «МИСиС». Кафедра гуманитарных наук. Папка 1. Из индивидуальной беседы с уроженками пос. Углы Старооскольского района Белгородской области; См.: АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 39. Л. 7.

женщине приходилось рожать в поле (это случалось достаточно часто), тогда бабку-повитуху заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности бабки-повитухи выполнял муж[1].

Первые обрядовые действия бабы-повитухи символизировали желание предположить характер будущих занятий ребенка. Новорожденной девочке пуповину обрезали на прядильном гребне, чтобы девушка хорошо пряла. Пуповину мальчика повитуха подрубала топором, чтобы вырос умельцем и плотником или клала на плуг. Подобные действия проводились и у других народов.

От повитухи роженица ждала не только специальной помощи, но и замены ее в крестьянском семейном хозяйстве. Повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе и женщина быстрее вернулась к исполнению своих повседневных функций[2].

Следует отметить, что повивальные бабки владели большим багажом знаний по акушерству, их роль очень долго сохранялась и после революции.

Нередки были случаи рождения в семье близнецов и тройни. «Двойни всегда встречаются с ропотом и считаются за наказание», – писали корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева, А.И. Кротков и И.Морозов из Центрально-Черноземных губерний. Подобные свидетельства встречаются в рукописях корреспондентов и из других местностей[3].

«При тяжелых родах, – пишет А.С. Машкин, – женщине давали пить водку, настоянную на калгане с примесью померанца»[4]. Водили ее по комнате, заставляли перешагивать через кочергу, прикладывали мазь из заячьей желчи, сока пырея, козьего жира.

Родившегося младенца повитуха тщательно осматривала и, в случае необходимости, производила некоторые лечебные действия: вправляла грыжу, вывих, выправляла голову, ножки. Большой радостью в семье считалось, если ребенок родится в «рубашке»: счастье и благополучие ребенку будут сопутствовать всю жизнь.

После родов обмывали мать и ребенка в теплой воде, настоянной на травах: череде, мяте, васильке, душице, сенной трухе, «чтоб красивым и чистым был» и клали в воду, назначенную для купания младенца, золотое, серебряное, медное кольцо или даже серьгу, чтобы «озолотить свое дитя»[5]. Такое ритуальное купание проводилось в течение первых дней, а в последующие сорок дней купали ежедневно «в череде» и парили[6].

---

[1] См.: АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 52. Л. 2–7.
[2] См.: Безгин В.Б. Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX – начала XX века). М., Тамбов, 2004. С.85.
[3] См.: АРЭМ. Ф.7. Оп.1. Д. 415. Л. 1; Д. 676. Л. 8; Д. 928. Л.26; Д. 1366. Л.5; Д. 1014. Л. 15; Д. 1716. – Л. 46 об.
[4] Машкин А.С. Обычаи и обряды простонародья в городе Обояни. Труды Курского губернского статистического комитета. Вып.1. Курск, 1863. С. 454.; См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 52. Л. 2–7.
[5] См.: АРГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
[6] См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 15. Л. 17–18.

3. Послеродовой период. Главным содержанием послеродового периода являлось очищение матери и ребенка, их предохранение против злых сил.

После родов бабка-повитуха отправлялась в дома родных и знакомых и объявляла об этом счастливом событии, приглашая их навестить мать и ребенка. К женщине, родившей ребенка, отношение окружающих было двойственным. С одной стороны, она представлялась согласно канонам православной церкви, греховной, казалась источником «скверны», но, с другой – сама могла пострадать от порчи и сглаза.

В течение первой недели она считалась особенно опасной, поэтому в это время ее держали либо в той же бане, либо в избе за перегородкой. Женщине после родов нельзя было месить хлеб, доить корову, сажать что-либо в огороде. Только лишь после молитвы в церкви на 40-й день она считалась очистившейся, с нею возобновляли контакты соседи, она снова могла выполнять все хозяйственные дела.

Одним из характерных явлений традиционной родильной обрядности практически повсеместно являлся обряд очищения бабы-повитухи и роженицы – «размывание рук», который в большинстве сел проводился через 1–2 недели после родов[1]. По времени этот обряд совпадал с окончанием пребывания повитухи в доме роженицы, поэтому повитуха прощалась с роженицей и получала плату за свой труд.

Первое кормление грудью обставлялось не менее торжественно. Грудь омывали святой водой, осеняли крестом мать и младенца, благословляли их. Среди многочисленных обрядовых действий, совершаемых над младенцами, следует выделить обряд крещения и первого подпоясывания, но это уже самостоятельная тема для дальнейшего исследования автора.

Таким образом, традиционная родильная обрядность курских крестьян формировалась в течение многих столетий, вбирая особенности историко-культурного развития народа, региональную и этническую специфику.

Е.А. Самоделова
г. Москва, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН

Бабкина каша, крестины и разрешительная молитва после родов: эволюция обрядов (на примере Рязанской губ./обл.)

Первый официальный праздник новорожденного ребенка – крестины. Они происходят в церкви или, до Октябрьской революции 1917 г., в помещичьем доме, если в восприемники приглашали дворян. У крестьян традиционно в XIX – начале XX в. крестины проводились без участия родителей – вот пример из Зарайского уезда: «Кума выбирает отец, куму – мать. Новорожденного несет в церковь бабушка-повитушка. <...> Из церкви домой младенца несет крестная мать, и когда войдет в избу, то кладет младенца в пе-

[1] См.: АРГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

редний угол под святые иконы на разостланную шубу, и, обратясь к матери, отцу и ко всем родным, промолвит: “Поздравляю вас окрещемши младенца”, “Как видели его под крестом, так дай нам Бог видеть его под венцом!”»[1].

При крещении ребенка мыслились этапы его взросления и воспитания, изменения жизненного статуса, уже возникала мысль о его будущей свадьбе: «...новокрещенного младенца кладут на шубу с причитанием: “Как под крестом, так чтобы было и под венцом”»[2] (с. Мишино Зарайского у.).

В с. Константиново Рыбновского р-на подчеркивают особый, праздничный характер угощения, подаваемого при крестинах: «*Крестины* – сама собой. Вот какие коγда крестины, то уж это стол накрывають. Это не обязательно какое-то вкусное, бываеть любое, хто что можеть сγотовить»[3].

В д. Татаркино Старожиловского р-на сообщили: «Собирают обед – *кстины* у них. Бабка деньги за кашу собирает родильнице за столом. Бабка скажет: “Каша моя дорогая, // Её купить нужно!” А кто платочек даст.

На шубу кверху мехом в передний угол ребенка клали, чтоб богато жил, как принесут из церкви. Если нет церкви, бабка может кстить прямо дома, и мёртвых отчитывала»[4]. Обычно «ребёнок был в люльке. Новорождённого клали на шубу, чтобы богат был, принеся из церкви. Тулуп – то есть тёплое, мохнатое; ребёнка не раздевали» (Гусева Ф.П., 94 г.).

Ряд сообщений крестьян свидетельствует о том, что до крещения новорожденный еще не считался полноценным человеком. Например, в с. Константиново Рыбновского р-на полагали: «Младенец есть младенец. А потом его крест*я*ть обыкновенно, имя ему дають: Иван, или Сергей там, как γоворится, такие там имена»[5]. В д. Татаркино Старожиловского р-на рассуждали: «До 6 недель ребёнок глупенький, а как 6 недель – в молитву брать, он в глазки глядел, улыбался. Самый ближний святой к воскресенью – имя батюшка давал. Как плохо звать – имя батюшке пришло в этот день. Улитка – свекры была, а сестра тоже Улитка была – на зле, что ли?» (Гусева Ф.П., 94 г.). Согласно этим высказываниям, крестьяне понимали имянаречение как не зависящий от их воли акт: имя как бы спускалось свыше, даровалось высшими силами, но было обязательно привязано к крещению.

Еще очень важный момент: первая послеродовая молитва матери в церкви проводились после 40 дней (6 недель) – именно тогда, когда ребенок начинал проявлять себя как постигающий мир человек.

В 1930-е гг. (в связи с разработкой и укреплением нового государственного законодательства о браке и семье в 1921 и 1927 гг.) крестины стали восприниматься как светский обряд регистрации новорожденного, а не как христианское таинство; на основе церковных терминов возникла гражданская терминология. Соответственно видоизменилась традиция: от нее осталась сущность народного ритуала. Известен случай подобного акта в

[1] Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 97.
[2] С. Мишино Зарайского уезда // Рязанские губернские ведомости. 1889. № 98. С. 5.
[3] Записи автора. Дорожкина Мария Григорьевна, 1911 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 12.09.2000.
[4] Записи автора. Гусева Федосья Павловна, 94 г., д. Татаркино Старожиловского р-на, 13.08.1994.
[5] Записи автора. Горбунова Анастасия Павловна, 1930 г. р., с. Константиново Рыбновского р-на, 02.10.2003.

марте 1934 г. в с. Константиново Рыбновского р-на: «Клавдий Петрович <Воронцов, племянник покойного священника И.Я.Смирнова> и стал, как тогда говорили, *гражданским крестным* дочерей Тони. Она поначалу хотела зарегистрировать их в родном Кузьминском, но Воронцов настоял, чтобы эту процедуру сделать в Константиновском сельсовете»[1].

Уже дома праздник крещения ребенка заканчивается крестильной кашей, которой угощает повитуха, начиная с отца. Крестильная каша по своей сути перекликается с бабиной (бабкиной) кашей, только в зеркальном отражении: кашу готовят не в честь бабки, но уже она угощает отца новорожденного. Вероятно, исторически первична бабина каша. Для отца младенца каша особенная: «По окончании обеда бабушка берет горшок каши, ставит его в шапку, потом шапку на блюдо и, насыпав порядочную щепотку соли в ложку, заденет ею немного каши... <...> “Ну-ка, отец, – скажет бабушка, – поди-тка сюда, отведай-ка каши!” Когда тот хоть и поморщится, да съест, отец крестный нальет вина, поднесет ему и скажет: “Осеребри-ка”, – и тот, выпив, кладет деньги на блюдо. Класть соль в ложку отцу есть обычная шутка: глотая соль, отец должен сознавать, как солоно достается жене родить»[2].

Для матери новорожденного обязательна очистительная молитва, которую читают в церкви на 40-й день после рождения ребенка: с тех пор женщина считается «чистой» и получает право снова посещать храм. Из биографических записей художника Е.Ф. Грушина, уроженца с. Свинчус Занинской вол. Касимовского уезда, известно, что, по народному обычаю, заказывать такую молитву должен был супруг. Семья прадеда, Родиона Грушина, была многодетной, «состояла из тридцати (!) душ, в избе было весело, одних зыбок (колыбелей) шесть экземпляров. Прадед мой Родион, говорят, уже стеснялся ходить к попу, просить его давать молитву роженицам»[3].

Жители д. Деулино Рязанского р-на также рассказывали о необходимости «сороковýю брать» – заказывать в церкви чтение молитвы на 40-й день после рождения ребенка или прекращения беременности: «съръкавýйу брат’... жéн’ш’ш’инъ абóрт д’élъйит’, д’ит’éй н’ет, а пр’хóд’ýт’ съръкавýйу мал’ýтву брат’» и «Шес’т’ н’ид’él’ прайд’óт’ – съракавýйу брат’»[4]. Отказ от молитвы, пренебрежение ею порицались крестьянами: «Кадá анá за Пáшку прасвáталас’, папý дън’ас’л’ú: н’ú в’ин’ч’ áй их, анá съръкавýйу н’и бралá» (д. Деулино Рязанского р-на).

К настоящему времени исчезли институция бабок-повитух и, соответственно, обряд бабиной каши. Оказались функционально разведены обязательный ритуал гражданской регистрации рождения ребенка и факультативные (для православных) церковные крестины и чтение очистительной молитвы для матери младенца.

---

[1] Башков В.П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986. С. 172.
[2] Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайский уезд, Рязанской губернии //Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 97.
[3] Хавронин С.В. – URL: http://zarjana.blog.ru/128454131/285097158/reply?page=1&attempt=1 (дата обращения 12.03.2014).
[4] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969. С. 533.

РАЗДЕЛ 6. МЕДИКАЛИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЬСТВА. СОЦИОЛОГИЯ РОДОВ. БИОМЕДИЦИНСКАЯ И ТРАДИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОДОВ, ДВИЖЕНИЕ ЗА «ЕСТЕСТВЕННЫЕ РОДЫ». ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРАКТИК. ВРТ

З.М. Кобозева, У.О. Скачкова
г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва

Медикализация женского повседневного быта в 1920-е гг. (на примере Самарской губернии)

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00136

XX в. считается веком не только научного прогресса, но и глубоких социальных перемен. Революция 1917 г., сломавшая монархический строй в России, кардинально изменила повседневность и сознание людей. Уже с конца XIX в. все более существенную роль в формировании и внедрении представлений о норме, здоровье и гигиене в обществе стало играть научное сообщество – врачи, химики, биологи, которые активно претендовали на роль экспертов во всех сферах частной и общественной жизни[1]. В 1920-е гг. медикализация повседневного женского быта в Самарской губернии может быть прослежена на основе репродуктивного поведения и женских девиаций.

Медикализация быта, во-первых, была связана с вмешательством медицины в жизнь общества и её стремлением все социальные проблемы признать “болезнями”»[2], то есть то, что являлось отклонением от нормы – было приравнено к болезни. Такой «болезнью» общества на протяжении 1920-х гг. становятся аборты, ещё не запрещённые, но уже получившие все признаки «болезни» нравственной, социальной. После постановления циркуляра Наркомюста 1920 г. о разрешении проведения операций по искусственному прерыванию беременности[3], количество абортов к концу 1920-х гг. резко возрастает. В губернии действовала абортная комиссия. Доктор Булыгина, к примеру, в 1927 г. отмечала в своём докладе комиссии, что аборты являются «вредными и опасными для здоровья женщины»[4]. Врачи предлагали «провести широкую пропаганду предохранительных мер и разъяснительные беседы среди мужской части населения о вреде абортов, вести пропаганду применения презервативов»[5]. В конце концов, собрание комиссии постановило, что нужно «усилить меры по охране матмлада», а именно: «увеличить бесплатное снабжение противозачаточными средствами, использовав на то средства от платных абортов; в консультации для

[1] Пироговская М.М. Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860-1910-х годов: дис… на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 111.
[2] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004.
[3] СОГАСПИ . Ф. 1, Оп. 1, Д. 337. Л. 39.
[4] СОГАСПИ. Ф. 1, Оп. 1, Д. 2696. Л. 75.
[5] Там же.

женщин установить специальный приём для абортирующих и по вопросам профилактики беременности; принять более решительные меры по борьбе с подпольными абортами, для чего проводить наблюдение за женщинами, получающими отказ в абортной комиссии; выработать медицинские и социальные противопоказания к абортам»[1]. С разрешением абортов и резким увеличением их числа, со стороны медицинского сообщества началась агитация против искусственного прерывания беременности. В губернии были введены «дни лекций и бесед» о вреде абортов, и установлена тщательная слежка за теми, кто получил отказ в абортной операции, дабы избежать подпольных операций по прерыванию беременности.

Во-вторых, медикализация характеризовалась проникновением в массовое сознание медицинского языка[2]. Сам термин «аборт» обретает в просторечии исключительно негативные коннотации. Под пером Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» рождается выражение «жертва аборта»[3], активно подхваченное повседневностью. В самарской периодической печати в 1920-е гг. создаётся негативный образ женщин, делающих аборты.

Медикализация подразумевала также и закрепление ярлыков за текстами поведения, вредными как для человеческого организма, так и для общества[4]. В 1920-е гг. одной из проблем, с которой боролись врачи и работники в области охраны материнства и младенчества, было подбрасывание детей. Несмотря на то, что подкидыши существовали и в дореволюционной России, в советскую эпоху общество было призвано на борьбу с данным пороком. На городской беспартийной конференции женщин г. Бугуруслана от 8 марта 1927 г., (присутствовало 130 человек) на повестке дня был доклад товарища Хрущёвой о «значении охраны мат - млада и достижения в этой области»[5]. В прениях выступила товарищ Филипова: «Мы знаем, что в дет-приемнике положение не из хороших, там есть смертность детей, которая объясняется тем, что подкидывают детей от 2 дней – 2 недель после рождения. Был такой случай, подкинули ребёнка, у которого на голове кора (от дерева – прим. автора), после того, как ребёнка помыли, там оказались насекомые – вот причины смертности»[6] Далее, Филипова осуждала женщин, которые подбрасывают детей и говорила о том, что «если бы не было таких зверей-матерей – женщин и отцов мужчин, не было бы подкидывания»[7]. Таким образом, за женщинами, подкидывающими своих детей, закреплялся в рассматриваемый период ярлык «матери-звери». В качестве метода борьбы за сокращение такого типа поведения в обществе Филипова предлагала: «наша задача не подбира-

[1] Там же.
[2] Шухатович В.Р. Медикализация // Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. Минск, 2003.
[3] Ильф И. Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1983. С. 77.
[4] Шухатович В.Р. Медикализация // Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. Минск, 2003.
[5] СОГАСПИ. Ф. 1, Оп. 1, Д. 2550. Л. 12.
[6] Там же.
[7] Там же.

ние ребят, а раскрепощение женщины, объясняя, что такое дет-ясли, о которых некоторые не знают»[1].

Медикализация выступала и как институт «социального контроля»[2] за советской нравственностью. «Социальный контроль – это процесс противодействия девиантному поведению и поддержания социальной стабильности, осуществляемый посредством наложения санкций»[3]. Санкции выступали как наказание за отклонение от диктуемых норм, и могли быть наказанием либо уголовным, либо общественным. Лучше всего практики санкций прослеживаются в борьбе советской власти с проституцией. После уничтожения в 1917 г. системы «полицеизма», когда был упразднен Врачебно-полицейский комитет, отменена регистрация проституток, бывшие «легальные» проститутки оказались на одинаковом положении с «нелегальными» и деятельность продажных женщин перестала рассматриваться государством как профессия[4]. Начали создаваться комиссии по борьбе с проституцией, в том числе и в Самаре, которые действовали при венерологической секции Народного комиссариата здравоохранения[5]. 20 февраля 1923 г. в губернской советской больнице им. Н.И. Пирогова открылся венерологический диспансер, в котором наряду с вопросами о самих болезнях, способах их распространения, мерах предупреждения велись беседы о борьбе с проституцией[6]. Из доклада Новицкого с заседания комиссии по борьбе с проституцией, видно, что в 1920-е гг. проституция «развилась до колоссальных размеров»[7].

Таким образом, в 1920-е гг. в Самарской губернии медикализация активно выступала в роли института социального контроля. Советское общество напоминало растущий молодой организм, находящийся под внимательным контролем врача. В роли врача выступала вся идеологическая машина власти, поставившая на службу себе профессиональных медиков и учёных. В этот переходный момент, на этапе складывания новой государственности, важно было диагностировать, что является нормой, а что аномалией, что здоровьем, а что – болезнью общества. В пространстве женской повседневности происходили те же процессы. Подчинение сферы женской повседневности медицинскому дискурсу обозначено нами как медикализация. Выявлены основные точки приложения сил власти и медицины к пространству женской жизни, позволившие в 1920-е гг. инкорпорировать женский мир в советский идеологический дискурс.

---

[1] Там же.
[2] Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль / Журнал исследований социальной политики. Т. 12. №3. М., 2015.
[3] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004.
[4] Панин С. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. М., 2005. Вып. 1. С. 79.
[5] Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение / Под ред. К. Цеткин. М.-Л., 1929. С. 213.
[6] Ерендеева А.Н. Состояние сети медицинских учреждений, специализирующихся на лечении социальных болезней (на примере Самарской губернии 1920-х гг.) / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2). Самара, 2011. С. 417.
[7] СОГАСПИ. Ф. 9388, Оп. 8, Д. 96. Л. 5.

М.А. Беляева
г. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

Гендерное равенство vs репродуктивное поведение человека

На протяжении XX в. женщины тех стран, развитие которых находится под влиянием европейской культуры, активно боролись за свои права и в отдельных сферах (избирательное право, право на образование, права на труд) добились желаемых результатов. А что происходит с исходной точкой гендерного неравенства – материнским предназначением женщины, и насколько оправдано стремление преодолеть природно-обусловленную гендерную асимметрию репродуктивного поведения? Это предмет анализа данных тезисов.

Репродуктивное поведение человека – мотивированная последовательность действий, итогом которых является рождение детей или сознательный отказ от продолжения рода.

Репродуктивное поведение мужчин и женщин было и остается той сферой жизни, где вклад каждого из полов необходим, но не соразмерен. Репродуктивное поведение человека не имеет инстинктивной природы, а подчиняется общественным регуляторам, поэтому идея равенства полов, подкрепленная соответствующими ценностями (равенство, свобода, ответственность, приоритет индивидуального над коллективным) и законодательными регламентами, оказала большое влияние на гендерные диспозиции.

Другими словами, европейская культура на текущем витке своего развития, провозглашая равенство полов показателем «гуманного и цивилизованного» общества, стремится унифицировать репродуктивное поведение, создавая максимум возможностей «освобождения женщин» от тягот рождения детей и преодоления всех форм сопутствующей дискриминации. Какова видимая картинка этого тренда?

1. Очевидно снижение социальных рисков материнства, связанных с брачно-семейными нормами, профессиональным и личностным развитием. Например, негативные оценки одинокого материнства, трудности продолжения образования и карьерные потери женщин в связи с материнством сегодня минимизированы; биологические риски (материнская смертность) не преодолены, но сглажены развитием медицинских технологий и повышением общего качества жизни.

2. Женщины получили право «распоряжаться своим телом», которое, как провозглашается, не должно быть жертвой природного предназначения (зачатие, беременность, роды, лактация).

3. Мужчины вовлечены не только в процесс зачатия, но имеют возможность участвовать в родах и уходе за ребенком младенческого возраста, и их права на отцовство во всей его функциональной полноте в случае распада брака сегодня эффективно защищаются судебными инстанциями (хотя для российского менталитета и его законодательного отражения характерен примат материнства в притязаниях на ребенка).

4. Бесплодие больше не ассоциируется исключительно с женщиной, а признано обоюдной проблемой, в которой вклад полов в статистическом измерении примерно одинаков – 50/50.

5. Технологии ВРТ не только помогают преодолеть бесплодие конкретной пары, но при необходимости позволяют полностью исключить зависимость от партнера и необходимость личностного взаимодействия (донорство половых клеток и эмбрионов, а в особых случаях – суррогатное материнство).

Прокомментируем некоторые из этих тезисов. Благодаря контрацепции женщины имеют возможность отделить репродуктивное поведение от сексуальной активности, контролируя зачатие. Если зачатие «вышло из под контроля», сохранение беременности – вопрос личного выбора. В вынашивании ребенка мало вариантов уйти от природного прессинга, но существует возможность облегчить роды и/или осуществить их искусственным путем (стимулирование, обезболивание, хирургическое родоразрешение). Значительная часть европейских женщин предпочитает отказаться от лактации (полностью или частично), полагаясь на технологию искусственного вскармливания, тем самым повышается мобильность женщины на первом году жизни ребенка, снижается материальная зависимость от мужчины (брачного партнера) или третьих лиц. Если нет лактационной привязки к ребенку, женщина может делегировать непосредственную заботу о нем родственникам, нанятому персоналу или отцу. На юридическом уровне это право закреплено отпуском и пособием по уходу за ребенком, распространяющемся не только на женщин, но и на мужчин.

В целом, традиционное дистанцирование мужчин от задач, связанных с рождением детей, постепенно сменяется их все большей вовлеченностью, что и было отмечено в третьем тезисе нашего списка. Мужчины, желающие разделить все радости и тяготы беременности своей «половины», посещают медицинские учреждения, участвуют в просветительских программах для будущих родителей или изучают тематические сайты; могут из солидарности придерживаться той же диеты, что и женщина, разделить ее новые увлечения в музыке, литературе и прочее; принять объективные ограничения в образе жизни в связи с ожиданием ребенка и даже испытать себя в партнерских родах.

В моем понимании, роды с участием мужчин (брачных партнеров) – это обновленный вариант старых традиций. Этнически разнообразные обряды кувады, т.е. ритуального участия мужчины в родах, в новом культурном контексте тотальной медикализации и деинтимизации репродуктивного поведения, характерного для европейской культуры, приняли форму соучастия в родах в стенах медучреждений. Функциональное назначение партнерских родов не ограничивается психологической поддержкой роженицы или контролем за действиями медицинского персонала, а косвенно подчеркивает признание мужчинами идеи равенства полов в репродуктив-

ной сфере и их притязание на освоение новых ролей: «мужчина рожающий», «мужчина кормящий», «мужчина пестующий» свое дитя.

Хотя я употребляю эти антропологизмы с иронией, они отражают расширение мужских возможностей демонстрации родительской привязанности и заботы о ребенке в тех формах, которые ранее были им не позволительны или, по крайней мере, не должны были проявляться публично.

Это один из примеров процесса унификации родительских ролей, идеалом которого, видимо, является «бесполое родительство», когда все то, что знает и делает мама, может знать и делать папа. Это логическое продолжение «бесполого воспитания», «бесполой личностной идентичности» и расширительного понимания брака, как взаимодействия, обязательно регламентирующего сексуальную активность индивидуумов, но необязательно в традиционном смысле (альтернативные формы брака).

Что стоит за этими видимыми изменениями гендерных диспозиций в репродуктивных практиках? За этой «верхушкой айсберга» скрывается трансформация репродуктивной культуры, новые тренды в ее развитии, понимание которых позволяет спрогнозировать перспективы общества.

Под репродуктивной культурой я подразумеваю исторически динамичное ценностно-нормативное поле, детерминирующее репродуктивное поведение. Репродуктивная культура существует в общем пространстве культуры и может быть выделена только как абстрактная конструкция – часть телесной культуры, определяющей отношение человека к собственному телу, его возможностям.

Репродуктивная культура амбивалентна по своей сути и служит одновременно двум противоположным целям: реализации и сдерживании способности продолжения рода (фертильности). Когнитивное, праксеологическое и материально-предметное наполнение, отвечающее первой цели, сосредоточено в пронатальной (продетной) подсистеме репродуктивной культуры. Сдерживание рождения детей предполагает более или менее выраженную репрессию фертильности – этой цели отвечает антинатальная (антидетная) подсистема репродуктивной культуры. Целостность репродуктивной культуры обеспечивается ментальной подсистемой, объединяющей ценности и нормы (медико-биологические, правовые, этические, этнографические).

Количественный рост человеческой популяции доказывает, что на протяжении многих столетий пронатальная подсистема репродуктивной культуры превалировала над антинатальной. Депопуляционные процессы, характерные для развитых стран, свидетельствуют об обратном соотношении – антинатальная подсистема теперь доминирует над пронатальной. Это и есть главный тренд, принципиально видоизменивший репродуктивную культуру европейского (включая и российского) общества в сравнении с его недавним прошлым (например, в сравнении с XIX в.).

Имеется и ряд сопутствующих трендов, таких как деинтимизация и коммерциализация повседневных репродуктивных практик; профессиона-

лизация, универсализация, целенаправленная трансляция репродуктивной культуры[1] и, наконец, стремление к преодолению гендерной асимметрии репродуктивного поведения человека.

Под влиянием этих тенденций для современного типа репродуктивной культуры, развивающейся в условиях европейской цивилизации, характерна переоценка духовных оснований репродукции человека, выражающаяся в доминировании ценностей свободы и безопасности, девальвации ценностей родства, родительства и долга, что стимулирует развитие антинатальной подсистемы и ограничивает пронатальную. Развитие пронатальной подсистемы происходит не столько в количественном, сколько в качественном измерении, проявляясь в: 1) контроле социальных (за счет новых социальных норм) и биологических (за счет медицинских технологий) рисков родительства; 2) формировании новых стандартов потребления товаров и услуг, обусловленных родительством; 3) новом распределении гендерных ролей, связанных с перинатальным периодом.

Сглаживание гендерной асимметрии – это не первопричина, а следствие (сопутствующий тренд) принципиально иного отношения современного человека к своей фертильности, утратившей сакральные смыслы и ставшей предметом репродуктивного самоопределения личности.

На мой взгляд, преодоление гендерного неравенства в современном обществе построено на репрессивном отношении к фертильности и, вероятно, не имеет иного вектора развития. В краткосрочной перспективе мы можем «обмануть» природу, откладывая рождение детей, выдавая «папу» за «маму» и наоборот или сделав бабушек и дедушек снова мамами и папами, но что в долгосрочной перспективе?

«Противостояние насилию порождает насилие». Эта истина в проблематике гендерного равенства находит свое подтверждение. Борьба против социальных притеснений женщин, мотивированных их исключительно материнским предназначеньем, породила ответное насилие над природой – природой человеческой телесности, в данном случае – возможностью продолжения рода. Рост степени свободы женщины прямо коррелирует с антинатальными настроениями в обществе. Больше свободы – больше потребностей, конкурирующих с потребностью в детях, отсюда снижение установок детности, рост абортивных и контрацептивных практик, рост числа бездетных пар, и уже не в силу желания, а в силу отсутствия физических возможностей, как результат бесплодия. Бесплодие сегодня не стигматизирует исключительно женщину, но женщины острее переживают экзистенциальный кризис личности, вызванный обманутыми ожиданиями в репродуктивном поведении.

Таким образом, равенство вообще и равенство полов в частности есть утопия. Стремление сгладить гендерную асимметрию репродуктивного пове-

[1] Подробнее см.: Беляева М.А. Репродуктивная культура: тенденции развития и механизмы трансляции в современном российском обществе. Автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / М. А. Беляева. Киров, 2013.

дения дает некоторые тактические преимущества и женщинам, и мужчинам, одновременно актуализируя риски репродуктивного поведения в глобальном и локальном измерениях. Самый явный риск – депопуляция, развивающаяся не только в силу количественного снижения показателей рождаемости, но и нормативного хаоса (аномии) репродуктивного поведения, в том числе обусловленного достижениями научно-технического прогресса.

Новые идеи и технологии привносят в нашу жизнь и в сферу репродукции новые достижения и новые потери. Природа равнодушна к стремлениям и страданиям человека, она заинтересована в равновесии и гармонии, а европейская цивилизация в поисках гендерного равенства пока не достигла баланса между культурными и природными детерминантами репродуктивного поведения.

С.Д. Предыбайло, Д.Г. Лин
г. Гомель (Беларусь), Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Кризисные особенности репродуктивного поведения женщин в Беларуси на современном этапе

Репродуктивное поведение в своей основе включает в себя систему действий и отношений, опосредующих рождение женщиной определенного числа детей как в семье, так и вне брака[1]. С середины XX в. репродуктивное поведение относится к системе социального контроля и рассматривается как потребность иметь определенное число детей, формируемая в ходе социализации женщины и обусловленная бытующими в обществе социокультурными нормами детности. Потребность в детях – главный двигатель репродуктивного поведения женщин.

На начальном этапе формирования семейных ценностей человечества, социальных норм фамилизма существовали нормы многодетности, включающие в себя поощрение всеобщей и ранней брачности, слитность сексуального и репродуктивного поведения, пожизненный брак и ориентацию семьи на деторождение в течение всего репродуктивного периода женщины[2].

С установлением в обществе капиталистических отношений нормы многодетности во многом были разрушены. Разрушение шло в направлении ослабления семьи, перехвата некоторых семейных функций другими социальными институтами, ликвидации потребности в высокой рождаемости. Наступил разрыв в слитности брачного, сексуального и репродуктивного поведения. С этого времени на смену многодетности пришли нормы малодетности, что, главным образом, означало, что деторождение отделялось от сексуальных отношений. Для современного общества стало характерным уменьшение

[1] Медков, В.М. Демография: учебник. М.: ИНФРА-М, 2003.
[2] Вишневский, А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история / А.Г. Вишневский. М.: Наука, 2005

числа детей в семье, регулирование сроков их рождения, а также продолжающийся уход от общества со строгой репрессивной сексуальной моралью к обществу, в котором реальные брачные отношения и их юридическое оформление могут не совпадать друг с другом по времени.

Далее мы намерены обратиться к статистическим данным, характеризующим некоторые кризисные особенности репродуктивного поведения женщин в Беларуси на современном этапе.

Количественным подтверждением кризиса семьи является рост внебрачной рождаемости. Еще недавно, в 1970–1980 гг. годовая численность рождений вне брака в Беларуси поддерживалась на уровне 6–8%, но начиная с середины 1980-х гг. этот показатель стал стремительно увеличиваться, достигнув максимума в 2005 г. (в селе 33,2% и в городе 20,9%). По сути, начало перестройки в СССР совпало по времени с интенсивным ростом нерегистрируемой брачности и сожительства, причем эти процессы развивались на фоне сокращения официальных браков. После 2005 г. началось снижение внебрачной рождаемости и в 2014 г. процент такого рода детей снизился до 21,2% в селе и 13,1% в городе.

Внебрачная рождаемость неравномерно реализуется в различных возрастах женщин. По сравнению с 1990 г. процент внебрачных рождений к общему числу родившихся повысился почти во всех возрастных группах женщин, однако возрастная зависимость рождаемости вне брака к 2014 г. имеет два максимума. Первый соответствует младшей группе, т.е. 15–19 лет и составляет 34,6% в сельской местности и 27,1% в городской. Второй располагается в области женщин старше 35 лет. Так, значения показателя рождаемости вне брака в возрастной группе 40–44 года в 2014 г. составляли 34,8% (село) и 25,5% (город).

На фоне отрицательной динамики общей рождаемости (суммарно в браке и вне его) увеличение доли детей, рожденных вне брака, еще не является свидетельством того, что интенсивность такого вида рождений увеличивается во времени. Необходимо сопоставить так называемые «чистые» коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости. Для расчета таких коэффициентов в общем числе рождаемых в год находили число детей, которые были рождены вне брака, и тех детей, родители которых на момент рождения ребенка состояли в браке. Найденные числа детей относили к общему числу женщин репродуктивного возраста. В результате определяли специальные коэффициенты, относящиеся к тому или иному виду рождаемости. Оказалось, что «чисто брачный» коэффициент рождаемости вначале несколько увеличивался во времени (1970–1985 гг.), после чего наступил его интенсивный спад (до 2004 г.). На этом участке средняя скорость падения коэффициента составила –1,8‰ (село) и –1,9‰ (город). Что касается «чисто внебрачного» коэффициента, то он, напротив, после 1985 г. явно увеличивается, хотя среднегодовая скорость его нарастания относительно невелика: 0,4‰ в селе и 0,12‰ в городе. Отсюда становится ясным, что

произошел рост не только доли внебрачных рождений, но и интенсивности этого вида рождаемости. После 2004 г. интенсивность рождаемости стала медленно нарастать, в то время как соответствующий показатель для внебрачной рождаемости стабилизировался на постоянном уровне. Поэтому можно считать, что наблюдаемый с 2005 г. спад долевой численности рождений вне брака обусловлен увеличением интенсивности рождаемости в условиях брака и этот факт свидетельствует о некотором оздоровлении демографической ситуации в обществе.

Как уже отмечалось, в последнее время все большее число молодых людей не регистрируют свои брачные отношения, то есть пребывают в состоянии сожительства. Есть целый ряд причин, объясняющих такое положение: желание не связывать себя семейными узами, боязнь неправильного выбора партнера, тревога за его отношения с детьми от прошлого брака, отсутствие денег на свадьбу и возможный бракоразводный процесс и др. На распространенность сожительств и увеличение внебрачной рождаемости сильное влияние оказало введение государством различного рода пособий и льгот для женщин, воспитывающих детей без мужа.

Фактически в обществе происходит переход к новому виду брачности. При этом переходе реализуются другие, не используемые ранее, формы брачных союзов: заключаются «пробные» браки, легко разрываются зарегистрированные браки, периодически меняются брачные партнеры; брачная жизнь может проходить при сознательном отказе от детей, возможности рожать вне брака и воспитывать общих детей, находясь в разных браках. Зачастую такие временные и свободные союзы мужчины и женщины приводят их к регистрации брака, то есть по времени начало фактического нахождения в браке намного предшествует официальному оформлению брачного союза.

И.Р. Чикалова
г. Минск (Беларусь), Белорусский государственный педагогический университет

Концепты «материнство», «отцовство», «родительство» в социокультурном пространстве Беларуси

Составной частью является идеология и политика в отношении полов, сексуальности и репродукции. Государство на макро-уровне участвует в воспроизводстве, трансформации или даже в подрыве устоявшихся гендерных отношений и гендерных иерархий в обществе, а его основной документ – Конституция – задает не только дискурсивную нормативность, но и является текстом, в течение жизни хоть раз обязательно прочитываемым ее гражданами.

В отличие от советских конституций, полностью игнорировавших институт *отцовства*, Конституция Беларуси 1994 г. впервые отказалась от редуцирования концепта *родительство* к *материнству*, поставив институт

отцовства также под защиту государства («Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства»). На первый взгляд незначительный лингвистический «поворот» на практике обещает вылиться в важный социокультурный сдвиг. В условиях сохранения патронирующей роли государства женщина-мать в отдаленной перспективе более не только не рассматривается как обязательная (и вынужденная) клиентка социальных служб, но и правомочна делегировать часть обязанностей по уходу за детьми мужчине, что нашло отражение вслед за Конституцией в Трудовом кодексе (1999), который закрепил дополнительные гарантии для отцов, в том числе отпуск по уходу за ребенком до достижения им 3-х лет. Но традиции оказываются сильными: в 2012 г. мужчины составляли всего 1,4% от всех находившихся в отпуске по уходу за ребенком.

В последние годы под равенством стало пониматься равное положение, независимость, ответственность, всеобъемлющее участие во всех сферах общественной и частной жизни. Важным приобретением стало включение в политический дискурс этического понятия справедливости (достижение равенства понимается как реализация принципа справедливости), а «позитивная борьба с существующими стереотипными с точки зрения пола ролями для того, чтобы добиться структурных изменений на всех уровнях и, в конечном счете, нового социального порядка» – как эффективный инструмент достижения этой справедливости. Примерами такого понимания является «Национальный план по обеспечению гендерного равенства» на 2011–2015 гг. Акцент в нем сделан на трансформацию общественного сознания, искоренение гендерных стереотипов, связанных с идеей превосходства и доминирования одного пола над другим. Особое внимание в нем уделено *вовлечению мужчин в сферу домашнего труда и процесс воспитания детей*. Таким образом, государство нацеливает и мужчин, и женщин на изменение традиционного взгляда на распределение гендерных ролей не только в публичной сфере, но и в частной.

Достаточно давно проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве «приватных» женских (домашнее насилие, проституция, теснейшим образом связанная с торговлей людьми, а также аборт и репродуктивные технологии) стали соревноваться между собой за приоритетное место в политическом дискурсе современных демократий. Так и в Беларуси в политическую повестку выдвинулись вопросы «частной жизни», государство вынуждено давать на них ответы и по их поводу вырабатывать идеологию, политику и стратегии. Можно сказать, сегодня мы имеем утверждение нового взгляда и на проблему насилия в семье, и на проблему проституции. И в том, и в другом случае произошел перенос «тяжести ответственности» за содеянное на истинного виновного. Но самая острая тема сегодня – это репродуктивные права и границы этих прав. Это – и право на аборт, и право на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), и право на использование услуг суррогатного материнства. Это вопросы, которые имеют и экономическое, и социаль-

ное, и политическое, и этическое измерение. Но это и очень тонкие вопросы, по поводу которых государство по существу внедряется в женское тело. Среди них право на аборт и, соответственно, борьба против него имеет наибольшую историю. И здесь идеология нашего государства, несмотря на различные соглашения, которое оно через свои структуры заключает с церковью, остается *либеральной*, *светской*, *pro-choice*.

Идея репродуктивных прав поддерживается белорусским государством, причем уже сегодня диапазон поддержанных прав максимально широк. Тем не менее, в последние годы в Беларуси можно наблюдать наступление консервативных религиозных организаций: представители *pro-life* групп при поддержке церкви добиваются лишения женщины права на выбор. Не так давно они пытались провести изменения в Закон о здравоохранении. Речь шла о запрете абортов и ряда репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатного материнства), поскольку «современные вспомогательные репродуктивные технологии не соответствуют нравственности и считаются неприемлемыми, как противоречащие семейным ценностям и традициям семьи – союза мужчины и женщины». И официальная, и неофициальная риторика наполнена высказываниями в защиту традиционных ценностей, аборт противопоставляется в качестве антипода материнству, «истинной женственности», семье, детям и даже существованию нации, спасти которую могут многодетные семьи. Тем не менее, прагматизм и здравая оценка в этих вопросах берет верх, магистральная линия государства остается прежней – принципиальное сохранение права на аборт и курс на расширение репродуктивных возможностей (последнее также актуально в свете поставленных демографических задач).

Наиболее свежими в современной общественной повестке темами стали ЭКО и суррогатное материнство. Хотя в Беларуси ЭКО проводится с 1995 г., конкретную регламентацию эта процедура, как и суррогатное материнство, получили в 2006 г. Тогда в «Кодексе о браке и семье» появилась статья, закрепляющая право на суррогатное материнство. Следующий шаг в этом направлении сделан в 2011 г. Несмотря на сопротивление со стороны православной и католической церквей, парламент принял «Закон о вспомогательных репродуктивных технологиях», и в январе 2012 г. он был подписан Президентом. Его опубликование вызвало волну откликов в Интернете как одобряющих, так и резко осуждающих узаконение новых репродуктивные технологий («Этот закон – опасная бомба замедленного действия! Несмотря на отношение людей – духовные законы никто не в силах отменить»).

Безусловно, основным полем противостояния либеральной и консервативной идеологий в нашей стране в перспективе будет не проблема политического и иных форм участия мужчин и женщин в обществе и семье (полезность и необходимость соучастия их на паритетных началах в принципе более не оспаривается даже самыми традиционалистскими кругами),

а широкая идея *репродуктивных прав* и *репродуктивных технологий*, которая более не будет связываться исключительно с т.н. «женским вопросом», но станет разделительной полосой между консервативным и либеральным лагерями нашего общества.

Е.С. Богомягкова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Вспомогательные репродуктивные технологии в современной социальной политике

В последние десятилетия в связи со значительной убылью населения, особое внимание уделяется демографической политике, направленной, прежде всего, на стимулирование рождаемости и формирование ценностей традиционной многодетной семьи. Данное направление поддерживается многочисленными социальными программами. Наше внимание сфокусируется на роли вспомогательных репродуктивных технологий в реализации современной социальной политики, а также том воздействии, которое они оказывают на трансформацию представлений о родительских ролях.

Рождение ребенка является такой сферой, где пересекаются и конкурируют интересы государства и отдельной семьи и личности. Поскольку всякое общество нуждается в детях, то оно всегда проявляет повышенное внимание к женской фертильности и детородной активности. Государство заинтересовано в расширенном воспроизводстве населения и рождении здоровых детей; отсутствие детей у женщины во все времена считалось проблемой. Достижения современной науки, а именно появление и все большее распространение вспомогательных репродуктивных технологий трансформируют традиционные представления о процессах зачатия и рождения ребенка, а регулирование доступа к ним становится частью социальной политики. Под вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ) понимают все методы репродукции человека, при которых отдельные этапы или весь процесс зачатия и раннего развития эмбрионов происходит вне организма – в пробирке (in vitro). Наиболее распространены такие методы ВРТ, как искусственная инсеминация спермой донора, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), перенос замороженных эмбрионов. Вопросы, связанные с рождением человека, сопряжены со многими философскими, религиозными, морально-этическими проблемами, большая часть из которых не имеет однозначного решения. Каждый вид ВРТ вызывает спектр различных дискуссий правового, экономического, биоэтического характера.

Согласно официальным данным Российской Ассоциации репродукции человека (РАРЧ), число случаев использования методов ВРТ растет на протяжении 1995–2013 гг., а в 2013 г. по общему количеству выполненных

циклов ВРТ (69 025) наша страна находилась в первой пятерке европейских стран[1]. Доля детей, рожденных в циклах ВРТ, в 2013 г. составила 0,93% от общей совокупности всех рожденных детей. В США данный показатель также колеблется на уровне 1%[2]. Доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[3], а также различными программами государственной поддержки. С 2006 года в России в рамках национального проекта «Здоровье» действовала программа бесплатного лечения бесплодия методом ЭКО, а с 2013 года предоставление ЭКО в случае диагностированного бесплодия включено в программу обязательного медицинского страхования[4]. Однако, данные механизмы государственной поддержки не относятся к другим видам ВРТ. Более 60% центров, проводящих процедуры ВРТ, относятся к коммерческому сектору, что затрудняет доступ к данным услугам со стороны малообеспеченных групп населения.

В процессе регулирования доступа к ВРТ наиболее остро и наглядно реализуется контролирующая функция государства и общества в этой сфере, а распространение дорогостоящих технологий оплодотворения in vitro медикализирует проблему бесплодия. Бесплодие начинает восприниматься как техническая проблема, которая поддается техническому решению; социальные, культурные, духовные аспекты оказываются за рамками внимания. Беременность трактуется как болезнь или инвалидность, и поэтому становится проблемой, которая теоретически может быть «вылечена». Социальные проблемы беременности и родов становятся техническими и медицинскими проблемами как на уровне государства, так и для отдельной личности. Кроме того, мы можем наблюдать две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, рост ценности рождения ребенка; исследователи отмечают, что современная культура становится детоцентристской. С другой стороны, в условиях технического прогресса рождение ребенка становится не только и не столько потребностью, сколько индивидуальным проектом, который может быть не связан с сексуальным поведением, созданием семьи, и все меньше ограничивается состоянием здоровья и возрастом будущих родителей.

Медицина начинает оказывать и дисциплинирующее, и регулирующее воздействия, а использование и распространение ВРТ в полной мере выражают цели современной биополитики. Регулирование происходит и на уровне индивидуального тела (реализация права и доступа к ВРТ), и на уровне населения в целом как часть социальной политики рождаемости.

---

[1] Регистр ВРТ. Отчет за 2013 год. Российская ассоциация репродукции человека, Санкт-Петербург, 2015.
[2] Lemke Th. Biopolitics: an advanced introduction. New York and London: New York University Press, 2011.
[3] Собрание законодательства РФ. 2011. №48. Ст. 6724.
[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 18 октября 2013 г. N 932 г., Москва, "О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов", Российская газета, 22 октября 2013 года, URL: http://www.rg.ru/2013/10/22/medpomosch-site-dok.html (дата доступа 14.05.2016).

«Биополитика, диктуя определенные способы воспроизводства населения, дисциплинирует женские тела и подчиняет их правилам репродуктивного поведения»[1]. Ценность женщины, ее социальная значимость и статус определяются, прежде всего, возможностью иметь детей. Женщина как социальный субъект реализуется только в качестве матери, соответствуя традиционным ожиданиям и ценностям. Эта установка усиливается под влиянием ВРТ – бездетная жизнь оценивается как неполноценная, а бездетные люди как нереализованные люди[2]. Ряд авторов[3] называют этот феномен пронаталистской политикой (идеологией), т.е. политикой, направленной на расширенное воспроизводство населения, а на символическом уровне принуждающей женщин любыми способами иметь детей. В результате нередкими становятся случаи отказа от ребенка и нежелания и неумения его воспитывать. Кроме того, создается вера в то, что технологический и медицинский прогресс могут преодолеть любые биологические «пороки», однако далеко не всем медицина способна помочь. В условиях подобного символического принуждения неудачи женщинами воспринимаются крайне тяжело. Отдельного разговора заслуживает и тема непредвиденных последствий ВРТ для здоровья и благополучия женщины – ятрогении.

Можно заключить, что в современном мире большинство стран, в том числе и Россия, использует вспомогательные репродуктивные технологии как инструмент семейной и гендерной политики, поддерживая с помощью него наиболее приемлемую для государства форму семьи, что оказывает значительное влияние на индивидуальные жизненные траектории настоящих и будущих родителей.

С.О. Звонок
г. Ставрополь, РО «Русское технологическое общество»

Биоэтические и правовые проблемы новых репродуктивных технологий

Современная наука, в связи с бурным развитием, широким распространением и повсеместным применением новейших технологий, не могла не признать, что человечество вступило в новую, технологическую эру. Потому вопросы нравственности и морали в правовом регулировании встают во главу угла.

[1] Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте со временной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. №1. С. 9.
[2] Кожевникова М. Люди «из пробирки». Обзор этических проблем, связанных с ВРТ// Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 66–80.
[3] Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте со временной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. №1.С. 7 – 24, Исупова О. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорства яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2012. №3. С.381–393.

Болезни века, ослабление генофонда нации, изменение гормонального фона у обоих полов порождает проблемы и в российских семьях. Тысячи семейных пар не могут иметь детей. Наука приняла этот вызов. Стали появляться репродуктивные технологии, основные из которых – методы экстракорпорального оплодотворения. (ЭКО и ИКСИ) и суррогатное материнство.

Сегодня они объявлены способом терапии бесплодия и новыми формами размножения.[1]

Следует констатировать, что современные биомедицинские технологии все чаще создаются и применяются в условиях разрыва взаимосвязи нравственности и науки, при формальном соблюдении норм позитивистского (рассудочного) права. А без нравственности возникает полунаука, о которой говорят со времен св. Василия Великого. Так уж сложилось исторически, что попытки российских юристов ввести нормы нравственности в правовую ткань российской правовой системы встретили ярое сопротивление российских позитивистов, желавших шагать «в ногу с Западом».

Редко кто из российских юристов мог так остро понять суть русского правосознания. «Нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа живут в слитном состоянии», – утверждал Б.А. Кистяковский.[2] Позитивисты во всем отстаивали свой подход к праву и не допускали нравственность (за исключением «шиканы», «добрых нравов», «благочиния», «благонравия») в правовую ткань цивилистики.

После революции гражданское право и его часть, медицинское право, получили твердую теорию диалектического материализма, утвердившую диалектический подход. Естественные права людей были попраны и забыты. Даже правоспособность от первого Гражданского кодекса 1922 г и до сегодняшней новой редакции ГК РФ подразумевает возникновение правоспособности (возможности иметь права) у ребенка не в силу рождения, а лишь с момента рождения (время) и в силу закона (т.е. с чьего-либо разрешения).

Нельзя не отметить, что и в теории советской цивилистики встречались робкие попытки заявить о морали. Так, Д.М. Генкин[3] и И.Б. Новицкий[4] считали, что договор не должен противоречить ни закону, ни морали.

Потому выделившееся сегодня в самостоятельную отрасль медицинское право и развитие биомедицинских технологий сделали возможным нынешнее положение дел: «Закон разрешает…, а учитывать нравственные начала человеческого общества мы не обязаны», – говорят врачи и юристы.

Лишь в ст. 169 действующего ГК РФ относительно сделок есть упоминание «нравственности». Так, признается ничтожной сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности.

---

[1] Силуянова И.В. Вызовы и заветы. Непростые ответы на трудные вопросы современной медицины. М., 2015.

[2] Кистяковский Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) //Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции (1909). – М., 1991. С. 122–149.

[3] Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки ВИЮН. Вып. V. М., 1947. С. 49.

[4] Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 66.

При этом, понятия «основы правопорядка» и «основы нравственности» являются оценочными понятиями, и их содержание зависит от того, как именно его трактуют участники гражданского оборота и, главное, судейское толкование и правоприменительная практика.

И ещё, срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166) и в новой редакции ГК РФ составляет всего три года (ч.1 ст. 181), т.е. если в этот короткий срок она не оспорена, то становится «нравственной» и даже перестает противоречить правопорядку, так как порождается свободной волей двух лиц в договоре.[1]

Зав. кафедрой биомедицинской этики РНИМУ им. Н.И. Пирогова, профессор, д.ф.н. И.В. Силуянова указывает, что уже сложились процедуры ЭКО, нарушающие этические нормы: они связаны с уничтожением «лишних» человеческих эмбрионов; допущено применение ЭКО не для супружеских пар; не нужны медицинские показания к ЭКО; купля-продажа донорских половых клеток и самого суррогатного материнства.

При этом в ЭКО существуют 4 этапа, которые сопровождаются гибелью эмбрионов человека, а ведь в эмбрионе уже есть человеческая жизнь.

После рождения такого плода возникает нарушение прав ребенка – он не может знать природных родителей, только социальных. Кроме того, статистика неумолима, методы ЭКО до сих пор несовершенны, частота различных осложнений и пороков развития у таких детей больше и составляет от 1,5 до 4 раз в сравнении с детьми, рожденными обычным способом. «Потенциальные родители» также обрекают себя на проблемы и всегда знают, что выносила это дитя другая женщина.[2]

Последовательно с этим борется публично лишь МП РПЦ на основе завета и традиции: «Использование ЭКО во всех его вариациях с христианской точки зрения является грехом и поэтому недопустимо.

Конечно, бесплодие семьи может тяжело переживаться супругами. Но ведь бесчадие в Новозаветное время в отличие от Ветхозаветного времени, не считается ни позором, ни бесчестием. Цель, какая бы благородная она ни была, вряд ли может быть достигнута с помощью неприемлемых моральных средств».[3]

Массовое применение ЭКО на основе новых биомедицинские технологии повлекли за собой социальные изменения: пересмотр ценностей традиционной морали, потребовали создание новых норм права – «изобретенные» права» («репродуктивные права», «сексуальные права» и т.п.).

---

[1] Звонок С.О. О пороках нового законодательства о недействительности сделок: постановка проблемы // Сборник материалов Международной научно-практической кнференции «Актуальные проблемы гражданского права и процесса, посвященной памяти и 70-летию со дня рождения профессора Я.Ф. Фархтдинова». Вып. 2/ Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. Казань, 2006 С. 139–143.

[2] Силуянова И.В. Там же.

[3] В Основах социальной концепции РПЦ (2000 г.) и Заявлении Церковно-общественного совета по биомедицинской этике МП РПЦ (2010 г.) об этом сказано жестко.

За пределами Гражданского кодекса РФ был создан и новый комплексный Договор (найма), по которому происходит найм женщин для вынашивания чужого ребенка. Материнство из «генома» нравственности, отвечающее за сохранность человечности в человеческом обществе превращается в работу по договору, в которой преобладает стремление к личной выгоде. Сам ребенок как результат договора приобретает цену, превращается в «подобие» товара. Налицо и попрание прав ребенка иметь биологических родителей, отца и мать.

Суррогатное материнство регулируется у нас Семейным кодексом РФ от (1995 г.), а также ст. 9–10 и 55 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.).

В этом же законе появились новые субъекты медицинского, а следом и семейного права России – «потенциальные родители (состоящие и не состоящие в браке)» и «одинокая женщина», т.е. не семья, а один человек или два, чьи половые клетки использовались для оплодотворения.

Кроме того, как известно с конца 90-х, а особенно в 2000-е на материальное право мощное воздействие стала оказывать правовая позиция судов региональных инстанций.

Так, столичный Бабушкинский ЗАГС, опасаясь взять на себя ответственность за отказ в регистрации новорожденного, заставил пришедшего к ним гражданина обратиться в суд по факту рождения «суррогатного» ребёнка у «одинокого» мужчины…

Бабушкинский районный суд г. Москвы в августе 2010 г. вынес первое – прецедентное для России – решение об обязании районного ЗАГСа зарегистрировать ребёнка, родившегося по программе гестационного суррогатного материнства (при гестационном суррогатном материнстве генетического родства между будущим ребенком и суррогатной матерью нет) с донорскими ооцитами для одинокого мужчины. В результате было получено первое в стране свидетельство о рождении «суррогатного» ребёнка у «одинокого» мужчины с прочерком в графе «мать».

В этом своём, ставшем знаковым для всей страны решении, суд установил, что в российском законодательстве «отсутствуют какие-либо запреты или ограничения относительно возможности для женщины или для мужчины, не состоящих в браке, реализовать себя как мать или отец с применением методов искусственной репродукции».

Подобная законодательная трансформация семьи формулирует новые стандарты поведения в обществе: легализация суррогатного материнства обесценивает ценность материнской любви в общественном сознании; дополнительно формируются неполные семьи и нередко с элементами присутствия одного пола в трех поколениях (бабушка, мама, дочь, по статистике – 30%); подобным рождением узаконивается временное сожительство и «гражданский брак».

Таким образом, узаконением в праве новых медицинских репродуктивных технологий игнорируются базовые конституционные и гражданские нормы российского законодательства, признаются ничтожными каноны всех мировых религий. Мы видим очередной вызов обществу радикальных позитивистских воззрений в праве.

О.О. Гоглова
г. Иваново, Ивановская государственная медицинская академия

Биоэтические проблемы новых репродуктивных технологий

В последние десятилетия в связи со значительной убылью населения, особое внимание уделяется демографической политике, направленной прежде всего на стимулирование рождаемости и формирование ценностей традиционной многодетной семьи. Данное направление поддерживается многочисленными социальными программами. Наше внимание сфокусируется на роли вспомогательных репродуктивных технологий в реализации современной социальной политики, а также том воздействии, которое они оказывают на трансформацию представлений о родительских ролях.

Рождение ребенка является такой сферой, где пересекаются и конкурируют интересы государства и отдельной семьи и личности. Поскольку всякое общество нуждается в детях, то оно всегда проявляет повышенное внимание к женской фертильности и детородной активности. Государство заинтересовано в расширенном воспроизводстве населения и рождении здоровых детей; отсутствие детей у женщины во все времена считалось проблемой. Достижения современной науки, а именно появление и все большее распространение вспомогательных репродуктивных технологий трансформируют традиционные представления о процессах зачатия и рождения ребенка, а регулирование доступа к ним становится частью социальной политики. Под вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ) понимают все методы репродукции человека, при которых отдельные этапы или весь процесс зачатия и раннего развития эмбрионов происходит вне организма – в пробирке (in vitro). Наиболее распространены такие методы ВРТ, как искусственная инсеминация спермой донора, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), перенос замороженных эмбрионов. Вопросы, связанные с рождением человека, сопряжены со многими философскими, религиозными, морально-этическими проблемами, большая часть из которых не имеет однозначного решения. Каждый вид ВРТ вызывает спектр различных дискуссий правового, экономического, биоэтического характера.

Согласно официальным данным Российской Ассоциации репродукции человека (РАРЧ), число случаев использования методов ВРТ растет на протяжении 1995 – 2013 гг., а в 2013 году по общему количеству выполненных циклов ВРТ (69025) наша страна находилась в первой пятерке ев-

ропейских стран[1]. Доля детей, рожденных в циклах ВРТ, в 2013 году составила 0,93% от общей совокупности всех рожденных детей. В США данный показатель также колеблется на уровне 1%[2]. Доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[3], а также различными программами государственной поддержки. С 2006 года в России в рамках национального проекта «Здоровье» действовала программа бесплатного лечения бесплодия методом ЭКО, а с 2013 года предоставление ЭКО в случае диагностированного бесплодия включено в программу обязательного медицинского страхования[4]. Однако, данные механизмы государственной поддержки не относятся к другим видам ВРТ. Более 60% центров, проводящих процедуры ВРТ, относятся к коммерческому сектору, что затрудняет доступ к данным услугам со стороны малообеспеченных групп населения.

В процессе регулирования доступа к ВРТ наиболее остро и наглядно реализуется контролирующая функция государства и общества в этой сфере, а распространение дорогостоящих технологий оплодотворения in vitro медикализирует проблему бесплодия. Бесплодие начинает восприниматься как техническая проблема, которая поддается техническому решению; социальные, культурные, духовные аспекты оказываются за рамками внимания. Беременность трактуется как болезнь или инвалидность, и поэтому становится проблемой, которая теоретически может быть «вылечена». Социальные проблемы беременности и родов становятся техническими и медицинскими проблемами как на уровне государства, так и для отдельной личности. Кроме того, мы можем наблюдать две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, рост ценности рождения ребенка; исследователи отмечают, что современная культура становится детоцентристской. С другой стороны, в условиях технического прогресса рождение ребенка становится не только и не столько потребностью, сколько индивидуальным проектом, который может быть не связан с сексуальным поведением, созданием семьи, и все меньше ограничивается состоянием здоровья и возрастом будущих родителей.

Медицина начинает оказывать и дисциплинирующее, и регулирующее воздействия, а использование и распространение ВРТ в полной мере выражают цели современной биополитики. Регулирование происходит и на уровне индивидуального тела (реализация права и доступа к ВРТ), и на уровне населения в целом как часть социальной политики рождаемости. «Биополитика, диктуя определенные способы воспроизводства населения,

[1] Регистр ВРТ. Отчет за 2013 год. Российская ассоциация репродукции человека, Санкт-Петербург, 2015.
[2] Lemke Th. Biopolitics: an advanced introduction. New York and London: New York University Press, 2011.
[3] Собрание законодательства РФ. 2011. №48. Ст. 6724.
[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 18 октября 2013 г. N 932 г., Москва, "О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов", Российская газета, 22 октября 2013 года, URL: http://www.rg.ru/2013/10/22/medpomosch-site-dok.html (дата доступа 14.05.2016).

дисциплинирует женские тела и подчиняет их правилам репродуктивного поведения»[1]. Ценность женщины, ее социальная значимость и статус определяются, прежде всего, возможностью иметь детей. Женщина как социальный субъект реализуется только в качестве матери, соответствуя традиционным ожиданиям и ценностям. Эта установка усиливается под влиянием ВРТ – бездетная жизнь оценивается как неполноценная, а бездетные люди как нереализованные люди[2]. Ряд авторов[3] называют этот феномен пронаталистской политикой (идеологией), т.е. политикой, направленной на расширенное воспроизводство населения, а на символическом уровне принуждающей женщин любыми способами иметь детей. В результате нередкими становятся случаи отказа от ребенка и нежелания и неумения его воспитывать. Кроме того, создается вера в то, что технологический и медицинский прогресс могут преодолеть любые биологические «пороки», однако далеко не всем медицина способна помочь. В условиях подобного символического принуждения неудачи женщинами воспринимаются крайне тяжело. Отдельного разговора заслуживает и тема непредвиденных последствий ВРТ для здоровья и благополучия женщины – ятрогении.

Можно заключить, что в современном мире большинство стран, в том числе и Россия, использует вспомогательные репродуктивные технологии как инструмент семейной и гендерной политики, поддерживая с помощью него наиболее приемлемую для государства форму семьи, что оказывает значительное влияние на индивидуальные жизненные траектории настоящих и будущих родителей.

М.В. Ломоносова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Трансформация института семьи в контексте развития вспомогательных репродуктивных технологий

В 2010 г. Нобелевская премия была присуждена Роберту Эдвардсу со следующей формулировкой – «За открытие технологии искусственного оплодотворения», тем самым был подведен некий символический итог десятилетиям научного поиска в этом важном направлении. Первое искусственное оплодотворение человека методом ЭКО, завершившееся рождением ребенка, произошло в Англии в 1978 г. В СССР первый ребенок «из пробирки» (девочка) родился в 1986 г. в Москве под руководством профессора Б.В. Леоно-

[1] Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте со временной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. №1.С. 9.
[2] Кожевникова М. Люди «из пробирки». Обзор этических проблем, связанных с ВРТ// Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М.: МГУ, 2015. С. 66–80.
[3] Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте со временной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. №1.С. 7–24, Исупова О. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорства яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2012. №3. С.381–393.

ва. В том же году в Ленинграде, благодаря усилиям руководимого профессором А.И. Никитиным коллектива, в результате ЭКО на свет появился мальчик. Эмбриональные исследования в СССР проводились с 1936 г. В 1991 г. была создана Российская Ассоциация репродукции человека (РАРЧ). Таким образом, если ещё три десятилетия назад рождение ребенка воспринималось как одна из величайших тайн природы, то стремительное развитие науки в конце XX в. полностью поменяло не только представление людей о сущности процесса зачатия и рождения ребенка, но и повлекло за собой появление новых социальных отношений и практик.

Современная социологическая теория зачастую «отстает» в поисках ответов на актуальные проблемы современности и предлагает устаревшие модели и теоретические схемы анализа новых социальных явлений и процессов. Так произошло и с новыми вспомогательными репродуктивными технологиями (ВРТ), влияние которых давно вышло за пределы медицины и повлекло за собой лавинообразные изменения традиционных социальных структур и моделей взаимодействия. При этом очевидно, что для адекватного анализа этих процессов требуется разработать новые концепции и теоретические модели или попытаться использовать весь эвристический потенциал уже имеющегося теоретико-методологического базиса современной социологии.

Стоит выделить два блока наиболее актуальных проблем и вопросов и как следствие, направлений исследований в контексте развития социологического знания при анализе процессов и явлений, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

Отчетливо выступает первый блок вопросов, создающий перспективное проблемное поле для современной социологии – появление новых форм и видов неравенства. В настоящее время возникла парадоксальная ситуация – развитие ВРТ, изначальное предназначение которых заключалось в преодолении «биологического» неравенства в области репродуктивного здоровья и возможности зачатия и рождения ребенка, повлекло за собой ещё большее усиление «биологического» неравенства, а также появление новых форм и видов неравенства как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных социальных групп и обществ. Так, например, вопрос о статусе эмбриона и его праве на жизнь; доступ к использованию ВРТ финансово обеспеченных слоев населения при наличии достаточного уровня здоровья для рождения ребенка без применения ВРТ, и их недоступность при наличии медицинских показаний для малообеспеченных слоев населения; различия в законодательстве стран мира и многие другие проблемы в этой области с неизбежностью повлекли за собой формирование и утверждение новых форм неравенства. Кроме этого, при моральной оценке использования ВРТ очень важным является конфессиональный аспект, ещё больше актуализируя новые формы неравенства. Таким образом, «использование и распространение ВРТ не просто отражает существующую струк-

туру социально-экономической дифференциации, но производит новые конфигурации неравенства как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран, прежде всего в сфере реализации репродуктивных прав и поддержания репродуктивного здоровья»[1].

Второй фундаментальный блок вопросов и проблем в рамках предметного поля социологии связан с трансформацией социального института семьи.

С появлением ВРТ, особую актуальность приобретают проблемы трансформации институтов семьи и родства, возникновения новых семейных ролей и статусов, осмысления участия третьей стороны в процессах зачатия и рождения ребенка. Сегодня базовая функция семьи – репродуктивная – может осуществляться за пределами самой семьи, с участием третьих лиц (медицинского персонала, доноров, суррогатных матерей) или медицинских процедур. В ряде случаев без участия третьих лиц зачатие и рождение ребенка просто невозможно, что делает профессионалов полноправными участниками процесса прокреации. Этот феномен нашел свое отражение в концепции дисперсного родства. Происходит проблематизация биологического и социального элементов родства. Таким образом, и теоретически, и практически в одной семье может быть до 5 «родителей», а формирование новых типов семей и новых форм детско-родительских отношений становится реальностью. При «постепенном» использовании криоконсервированных эмбрионов «близнецы» могут быть разного возраста. Кроме этого, изменяются представления о семье, поддерживаемые существующими социальными нормами и практиками в большинстве современных обществ: так, например, сегодня женщина одновременно может выступать в качестве носителя социальных ролей и статусов «молодой мамы» и «бабушки», ещё 15–20 лет назад строго детерминируемых биологическим возрастом. Внесение в семью «чужого» генетического материала (при донорстве гамет и эмбрионов) может породить проблемы юридического порядка, связанные с правом наследования. Безусловно, эти изменения свидетельствуют о трансформации традиционных семейных и репродуктивных ценностей, приводят к возникновению новых этических и правовых коллизий, основанных на конфликте прав детей и родителей. Нужно обратить внимание и на такие социальные последствия, как проблемы социальной идентичности детей, которые могут возникнуть в новых типах семей.

Отдельной проблемой является проблема «молчания» – родители не склонны раскрывать способ рождения детей в случае использования ВРТ. На основе проведенного исследования российского публичного дискурса О. Ткач описывает существующие практики замалчивания использования ВРТ, дискурсивные стратегии минимизации роли доноров и суррогатных

[1] Ломоносова М.В., Богомягкова Е.С. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. №9. С. 90.

матерей в системе родства, и другие эффекты, связанные с нормализацией практик использования ВРТ[1] .

Таким образом, социология семьи, традиционно рассматривающая семью как согласованно действующую группу людей, состоящих в единстве отношений родительства, супружества и родства, вынуждена смещать фокус исследования. Благодаря влиянию ВРТ и отношения родительства, и отношения родства, и отношения супружества приобретают новые характеристики, кроме того, появились качественно новые виды «семейных» отношений. Все они требуют самостоятельного изучения с позиций социологии семьи, не позволяя ей концентрироваться на семье как на группе людей, связанных единством и целостностью трех специфических отношений.

Тем не менее, распространение ВРТ расширяют возможности иметь ребенка тем группам и семьям, для которых еще 20–30 лет по медицинским показаниям это было невозможно. В мире уже живет два поколения «детей из пробирки». И здесь, безусловно, стоит особо выделить положительный аспект новых медицинских технологий. Рождение ребенка становится правом родителей, а ВРТ способствуют реализации этого права для большего числа людей.

Однако как на уровне отдельных стран, так и в глобальном масштабе существуют значительные различия для разных социальных групп в реализации репродуктивных прав и обеспечении репродуктивного здоровья. Реализация репродуктивных прав ограничивается как биологическими факторами (способностью зачать и родить ребенка естественным способом), так и экономическими (способностью его растить и воспитывать). В современном мире большинство стран использует вспомогательные репродуктивные технологии как инструмент семейной и гендерной политики, поддерживая с помощью него наиболее приемлемую для государства форму семьи.

А.С. Курленкова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Трое «родителей»: близость и дистанция в отношениях между донорами и реципиентами яйцеклеток

Поддержано грантом РГНФ 16-01-00-136

Использование технологии донорства яйцеклеток предполагает решение вопроса о том, должны ли быть знакомы и общаться между собой все участвующие стороны: сама женщина или пара, которой врач рекомендует использовать донорские яйцеклетки для зачатия ребенка, женщина-донор, а также дети, родившиеся в результате этого новейшего способа «терапии бесплодия». Последнее словосочетание – это медицинский термин, кото-

[1] Ткач О. «Наполовину родные?» проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. №1. С.53–65.

рый говорит нам что-то о том, как производится процедура донорства (*терапия* как нечто производимое медиками с использованием специального оборудования, лекарств, процедур), но ничего – о том, какие новые социальные связи создаются в ее результате и как он вписываются в систему уже существующих родственных отношений. История Нового времени знает примеры того, как к *воспитанию* ребенка привлекались гувернеры и няньки, однако до последней четверти XX в., не было прецедентов того, чтобы в *зачатии* ребенка участвовало более двух человек. После того, как ученые, проявлявшие не меньший интерес к зачатию, чем молодожены, выявили (создали?) и смогли воспроизвести клеточные механизмы репродукции человека, зачатие ребенка стало возможным вне тела (экстракорпорально), и смогло мыслиться отдельно от его вынашивания. Выведение процесса зачатия из тела женщины и технический контроль за ним позволили совершать манипуляции над самими гаметами и получившимся эмбрионом, а также варьировать состав человеческих участников этого события: людей, предоставляющих сперму и яйцеклетки, и женщины, вынашивающей плод. Вскоре появились практики привлечения «третьей стороны» к традиционному составу участников (семейной паре)[1], которая хотела, но не могла «сделать себе» ребенка. Так сама технология установила новые правила игры: определила контингентное количество человеческих игроков, состав которых мог варьироваться в целях самих участников. Зачатие тут же приобрело новые, доселе не виданные качества: из приватного события оно превратилось в публичный, и конкретно – медицински /технически/ институционально ассистированный процесс; из дела одного или двух «исполнителей» – в дело трех: двух генетических и одного гестационного (связанного с вынашиванием плода) «родителя», при том что все три партии могли играть разные люди, или же один участник мог брать на себя две роли (комбинации: донор яйцеклеток–муж–жена; донор спермы–жена–жена; муж–жена–суррогатная мать; донор яйцеклеток–муж–суррогатная мать, и так далее).

Образовавшиеся новые биологические треугольники нуждались в расчерчивании новой сетки социальных координат. При этом некоторые моменты зачатия и вынашивания ребенка становились основанием для установления родительства (Чарис Томпсон называет эту стадию «реляционной» (relational) – то есть служащей базой для установления родительства), а другие – отбрасывались как незначительные («опекунская» (custodial) стадия, включающая заботу о донорских гаметах как важных целях самих по себе, которые не могут, тем не менее, претендовать на родительство) (Thompson 2005: 148). В случае интересующего нас донорства яйцеклеток, сложился такой алгоритм «создания» материнства, согласно которому матерью считается та

[1] Для удобства я говорю о модели «традиционной семьи», состоящей из мужчины и женщины – именно такая семья впервые использовала донорские гаметы для зачатия ребенка. В некоторых контекстах значительный процент реципиентов доноров состоит из одиноких мужчин или женщин, а также гомосексуальных пар.

женщина, которая вынашивает плод (гестационная мать), при этом роль женщины, предоставляющей генетический материал (донора яйцеклеток), юридически не включается в семейные отношения. Взаимодействие новопроизведенной «семьи» (т.е. одного или двух людей, имеющих статус родителей, и ребенка) с донором определяются действующим на этой территории законодательством и предпочтениями самих участников.

Дистанция между «семьей» и донором может принимать спектр значений, на одном конце которого – неанонимное донорство, часто предполагающее вовлечение родственниц или подруг в процедуру донорства, на другом – отношения полной анонимности и безличности, предполагающие максимальное выведение донора за границы видимости пациентов и ребенка.

Неанонимное донорство родственниц и подруг пациентов часто вписывается участниками в уже существующие практики и представления о родстве и воспитании. Ч. Томпсон приводит в пример историю афроамериканской пациентки Паулы, которой в возрасте 30 с небольшим лет был поставлен «синдром истощения яичников», после чего она предложила стать донором яйцеклеток своей подруге. Паула объяснила, что в ее сообществе женщины нередко становились матерями или «вторыми матерями» для детей своих сестер, дочерей или друзей. Разделение обязанностей по воспитанию ребенка между разными поколениями женщин, сестрами и друзьями было частью их культуры. Таким образом, Паула нормализовала свой репродуктивный опыт «разделения» генетического и гестационного материнства, встроив его в существующие социальные связи. Так же поступила 51-летняя мексиканка Флора, договорившаяся с собственной дочерью о том, что та станет донором яйцеклеток, а сама Флора выносит ребенка, используя сперму своего нового молодого мужа. Казалось, что женщина не переживает по поводу того, что станет мамой «собственных внуков» и родит одновременно «дочь и сестру» собственной дочери. Флора апеллировала к знакомым ей традициям воспитания внуков бабушками и дедушками.

На другом конце спектра «дистанцирования» между пациентам и донорами находится анонимное оплачиваемое донорство. Такой тип донорства, в частности, наиболее распространен в России, где, по данным европейского опроса, 89,3% доноров неизвестны родителям ребенка (еще 4,3% – члены их семьи) (Pennings et al. 2014: 1080). Анонимность донора, типичная для российского контекста, «вошла в тело», стала габитусом самих доноров, пациентов и сотрудников клиники. Мир пациентов и мир доноров здесь максимально отделены друг от друга. На поддержание этой невидимой стены направлены многие мелкие, едва заметные усилия менеджеров по работе с донорами, которые несут ответственность за конфиденциальность их информации: хранят бумажные карты доноров в специальном шкафу, запираемом на ключ; постоянно помнят о том, какую информацию о доноре они должны сказать пациенту, а какую – обязаны скрыть. Эту «стену» также подпирает врач, который должен, к примеру,

сохранять бесстрастное лицо, если пациентка и предназначенный для нее донор буквально сталкиваются на пороге его кабинета. Ходя по одним и тем же коридорам клиники, доноры и пациенты одновременно видят и не видят друг друга, а врачи клиники – контролируют узнавание и неузнавание в них этих социальных ролей. Отсутствие личности донора в жизни пациентов, объектификация донорских гамет помогает сохранить статус-кво в структуре традиционной диадной семьи.

О.И. Кубарь
г. Санкт-Петербург, НИИ эпидемиологии и Микробиологии имени Пастера

Этический взгляд на правовое регулирование коммерческого суррогатного материнства

Принятие этически оправданной концепции правового регулирования коммерческого суррогатного материнства и внедрение данной технологии в практику здравоохранение с морально-этических позиций должно следовать принципам деклараций ЮНЕСКО: «Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека» (11 ноября 1997 г.), «Международной декларации о генетических данных человека» (17 октября 2003 г.) и «Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека» (19 октября 2005 г.). Следование универсальным этическим принципам, заложенным в данные документы, необходимо для осуществления целого ряда административных и консультативных мер, предполагающих создание унифицированного стандарта юридических, социальных и этических процедур суррогатного материнства. Достижение данных целей в свою очередь, предполагает необходимость формирования и принятия стандартных определений по правовой и медицинской части суррогатного материнства, включающей все элементы защиты прав человека и основных свобод и уважение человеческого достоинства. Помимо базовой цели существенным с точки зрения этики и права, является соблюдение принципа открытости и доступности информации, в части суррогатного материнства, путем создания соответствующих материалов и ресурсов для образования, информационного обеспечения, дискуссии и общественного диалога. Это обстоятельство определено отсутствием в обществе адекватного понимания и нравственного принятия в данной сфере, что, безусловно, требует формирования публичного доверия. Фактор доверия должен зиждется на позиции справедливости, что во многом зависит от наличия равноправного доступ к суррогатному материнству на основе обоснованного определения медицинских показаний, что и должно стать частью предоставления услуг в данной сфере. В административном и юридическом плане должна быть предусмотрена последовательная и согласованная правовая и этическая структура мониторинга процесса для обеспечения специальных стандартов качества с учетом предполагаемых/неожидаемых последствий,

включая систему обязательной аккредитации учреждений, где проводятся данные медицинские процедуры.

Особое внимание следует уделить как разработки программы скрининга для принятия мер по определению социально-экономического обоснования государственного/страхового обеспечения суррогатного материнства, так и созданию независимого общественного института принятия решений (комитеты по этике) и независимого консультативного медицинского совета. В рамках деятельности указанных структур целесообразно решение вопросов научной и этической обоснованности, баланс пользы и риска, гарантии рассмотрения альтернативных мер, исключения потенциального конфликта интересов и давления в сфере принятия решений. Специальное значение заслуживает вопрос информированного согласия в силу принципиальной необходимости включения многоуровневой структуры: индивидуум, пара, семья, общественная группа.

За рамками правого регулирования не должны остаться и следующие проблемы: конфиденциальность и автономность с учетом интересов всех членов семьи, в том числе и интересов будущих детей; защита от дискриминации и стигматизации; уважение и принятие культурного и религиозного разнообразия. В целом, все вышесказанное свидетельствует о междисциплинарном характере рассмотрения и принятия решений для детальной оценки правового поля проблемы суррогатного материнства с этических, юридических, социальных, медицинских и экологических позиций.

А.А. Ожиганова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Домашние роды: стратегии индивидуального выбора

Поддержано грантом РГНФ 16-01-00-136

Как писала Изабель Габриэль, духовная акушерка и активный пропагандист водных родов: «Роды – не только естественный физиологический процесс, но и мировоззренческая проблема. Те, кто подходят к ней вплотную, встают перед вопросами этики, философии, психологии, нравственности, экологии[1]. Общаясь, с одной стороны, с врачами акушерами-гинекологами, а с другой, – с женщинами, сделавшими выбор в пользу домашних родов, я смогла убедиться в том, сколь сильно мировоззрение влияет на восприятие процесса родов.

Узнав, что я собираю интервью об отношении врачей к домашним родам, М.Л., врач акушер-гинеколог, много лет проработавшая на специализированной акушерской скорой помощи, воскликнула: «Может быть, Вы, наконец-то, объясните мне, зачем они это делают?!» Мой ответ: «Женщи-

[1] Габриэль И. Аквариус. К всемирному синтезу. Серия "Аквакультура", выпуск 1. М.: Центр "Экология семьи", 1992. С. 74.

ны хотят рожать естественно», – не показался ей убедительным: «Кто же им не дает? Рожайте, пожалуйста. У нас кесарево делают только по медицинским показаниям»[1]. Она говорила о трагедиях, свидетелем которых она была, о погибших новорожденных младенцах и женщинах, потерявших в домашних родах здоровье. О том, что этого можно было избежать, если бы они вовремя поехали в роддом.

Этот эпизод показывает всю глубину взаимонепонимания между врачами и пациентами, в данном случае, беременными женщинами, увлекшимися идеями «естественного родительства». Для врачей *естественные роды* – это роды через естественные родовые пути, а не посредством кесарева сечения. Для идеологов домашних родов *естественность* – это ключевое понятие, восходящее к философии Нью-Эйдж, своего рода обращение к магическим силам природы. *Естественность* обладает исключительно положительными коннотациями и противопоставляется *искусственности,* свойственной *больной цивилизации*. В то же время, для большинства женщин, решившихся на домашние роды, *естественность* – это всего лишь *нормальность*: отсутствие осложнений, здоровый ребенок и психологический комфорт, – которая, как они уверены, недостижима в условиях роддома[2]. Другие важнейшие понятия концепции «естественного родительства» – *осознанность* и *ответственность* – также не находят у врачей понимания. За редким исключением медики относятся к домашним родам как к проявлению крайней безответственности и непонимания тяжести возможных последствий. Стоит отметить тот факт, что врачи крайне негативно отзываются именно о запланированных (*сознательных*) домашних родах. В то же время ситуация, когда женщина рожает дома, потому что не успела вовремя выехать в роддом, вызывает сочувствие, но не возмущение.

Число женщин, сделавших сознательный выбор в пользу домашних родов, в нашей стране очень невелико (около 0,5%), в основном, это хорошо образованные жительницы крупных городов. Однако, неутихающая общественная дискуссия, поднятая вокруг проблемы домашних родов: с одной стороны – попытка криминализации домашних родов, с другой – надежда на их легализацию, – показывает, что на самом деле это вопрос политический. Практика домашних родов затрагивает множество социальных проблем, в том числе, обнажает неспособность государственной медицины обеспечить населению качественную помощь.

Я провела несколько десятков интервью с женщинами, некоторые из которых благополучно родили в домашних условиях нескольких детей. Их рассказы подтверждают, что в большинстве случаев причиной этого решения стали страх перед медициной и недоверие к врачам. Для многих женщин именно во время первой беременности происходит первое серьезное столкновение с отечественной системой здравоохранения. Первые (роддомовские) роды, гос-

[1] ПМА. Интервью с М.Л. Москва, 2009.
[2] О концепте «естественные роды» см.: Бороздина Е. Социальная организация естественных родов (случай центра акушерского ухода). Журнал исследований социальной политики. Том 12, № 3. С.413-428.

питализация во время беременности, общение с врачами в женской консультации становятся источником глубокой травмы. Женщины начинают поиск альтернативы и часто находят ее в центрах подготовки к родам, сотрудники которых неофициально занимаются акушерской практикой на дому.

Успешный опыт домашних родов укрепляет недоверие к медицине, способствует формированию последовательной стратегии отказа от медицинской помощи. В тоже время, женщины, у которых не сложились отношения с сотрудниками центров подготовки к родам, или оказавшиеся в роддоме в результате нештатной ситуации уже в процессе родов, демонстрируют высокий уровень критичности по отношению к домашним акушеркам, но при этом сохраняют недоверие к роддомам. Как призналась одна из таких респонденток: «Я равным образом боюсь и роддомов совковых, и левых этих акушерок домашних»[1].

Женщины, рожавшие дома, часто становятся проводниками антивакцинаторства, сторонниками гомеопатии и других альтернативных медицинских и целительских систем, а также практики самолечения. Они формируют собственные социальные сети из друзей-единомышленников, специалистов альтернативной медицины, и целителей и стараются не обращаться ни в учреждения государственной медицины, ни в платные клиники, не доверяя им в равной степени.

В медицинской практике времен Австро-Венгерской империи был принят термин «терапевтический нигилизм», означавший доверие к исцеляющим силам природы и минимум активного вмешательства в организм больного. Американский историк У. Джонстон использует это понятие для обозначения особой социальной и метафизической позиции, распространенной среди австрийской интеллектуальной элиты[2]. В современном российском обществе формируется особая форма медицинского нигилизма – отказ от медицинской помощи, связанный с крайней формой недоверия по отношению к врачам и медицинским учреждениям в целом, доходящей до страха за свою жизнь и здоровье в случае обращения в институты государственной медицины.

В.Н. Покусаева, Е.И. Мариновичева
г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Репродуктивные планы и перспективы их реализации: взгляд не со стороны

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00136

Снижение уровня рождаемости в России началось в конце 60-х годов прошлого столетия. При продолжающемся росте смертности это привело к демографическому явлению, характеризуемому как «Русский крест» – смертность превысила рождаемость. Сегодня уровень рождаемости в 2 раза

[1] ПМА. Интервью с М.Н. Москва, 2015.
[2] Джонстон У. Австрийский Ренессанс. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 640 с.

ниже, требующегося для простого воспроизводства населения. В ряде регионов Центральной части России, в том числе в Смоленской области, суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,39–1,48. Одной из причин этого, помимо прочего, является постепенное сокращение количества подростков и женщин фертильного возраста. В связи с этим предпринимаемые Правительством России усилия направлены не просто на стимулирование рождаемости, а на формирование «ориентированности на семью с двумя детьми и более».

С целью определения особенностей реализации Концепции демографического развития России на территории Смоленской области мы попытались выяснить, какой реальный репродуктивный потенциал мы сегодня имеем и каковы перспективы его реализации. Были проанализированы статистические данные по области за последние годы, рождаемость, количество женского населения региона (репродуктивного возраста, подростков и детей). Проведен ретроспективный анализ медицинской документации (журналы родов) ОГБУЗ Клиническая больница скорой медицинской помощи г. Смоленска за 2003 и 2013 гг. Изучены возраст женщин, паритет беременности и родов. Дополнительно проведено анкетирование 110 первородящих женщин, родоразрешенных в ОГБУЗ Клиническая больница скорой медицинской помощи города Смоленска, на предмет их репродуктивных планов.

Так как существует мнение, что сокращение рождаемости связано с изменением общих социальных ценностей, и, в том числе, потребности иметь детей, дополнительно мы провели анкетирование 238 девушек и юношей, не имеющих на момент опроса детей: выпускники школ - 66, студенты медицинской академии 1 курс – 74, 4 курс – 40, 6 курс – 58. Возраст опрошенных от 16 до 25 лет. На основании анализа этих данных мы представили реальный репродуктивный портрет современной городской семьи на Смоленщине и ее планы на будущее.

Имеющиеся статистические данные по Смоленской области свидетельствуют, что на фоне сохраняющегося отрицательного прироста населения региона уменьшается и число потенциально репродуктивного поколения: женщин фертильного возраста - на 5%, подростков – на 36%, детей – на 3%. Особенно ощутимы «потери» среди подростков, рожденных в период максимального спада рождаемости. В целом рождаемость с 2009 г. сравнительно стабильная (10,4-10,8 на 1000). Причем стабильность последних лет в некоторой степени благодаря новой форме учета родов – с 22 недель.

На примере акушерского стационара больницы скорой медицинской помощи г. Смоленска мы проследили типичную для нашего региона динамику демографических показателей, касающихся рождаемости. Количество родов за период с 2003 по 2013 гг. увеличилось в 1,3 раза (с 949 до 1250 родов, p=0,000), что соответствует общей динамике рождаемости в Смоленской области (8,7 и 10,6 на 1000 населения в 2003 и 2013 гг., соответственно) и обусловлено увеличением числа вторых и более родов. На этом фоне закономерно уменьшается число первородящих женщин с 73,9% (701) до 53,7% (671) (p=0,000). Позитивной тенденцией можно считать, что

среди первородящих выросла доля первобеременных – с 64,3% (451) до 71,3% (487) (p=0,002), что косвенно свидетельствует о снижении числа абортов у нерожавших пациенток. Существенно, в 3 раза, возросла доля женщин, с высоким паритетом родов (3 и более) – с 3,8% (36) до 12,2% (153) (p=0,000). В то же время опрос родильниц показал, что дальнейшие репродуктивные планы первородящих крайне туманны. Только половина (53 – 48,2%) уверена в том, что готова увеличить размеры семьи, 10 (9,1%) категорично отказались от этой мысли, около 40% (47) – колеблющиеся.

Из негативных тенденций также можно отметить «старение» женщин, осуществляющих репродуктивные планы (с 26,0±5,0 до 28,2±5,4 лет, p=0,000). В значительной степени это происходит за счет «старения» первородящих. Их средний возраст за последние 10 лет увеличился практически на 1,5 года (с 24,4±4,2 до 25,9±4,7 лет, p=0,000). Тенденция к рождению первого ребенка после 25 лет становится все более очевидной и демонстрируется, в частности, увеличением возраста женщин, которые имели первую беременность (с 23,8±4,2 до 25,2±4,5 лет, p= 0,000).

К сожалению, ожидать снижения этого показателя в ближайшие годы мы не можем. Так, более половины опрошенных нами студентов медицинского ВУЗа планируют родить первого ребенка в возрасте старше 25 лет: в 25–30 лет – 55,8%, после 30 лет – 2,9%, не определились – 2,9% и только треть (38,4%) хотели бы родить до 25 лет. Более позитивные результаты получены при анализе репродуктивных планов молодежи. 11,6% планируют иметь только 1 ребенка, 61,8% – двух, а 24,9% – трех и более. Не определились с планами 1,7%. И хотя выявлена связь между числом детей в их собственных семьях и репродуктивными планами (r=0,24, p=0,000), отрадно, что опрошенные намерены (хотя и статистически незначимо) родить больше детей (2,2±0,7), чем их родители (1,8±0,6, p=0,08).

Таким образом, доля фертильного населения Смоленщины в ближайшие годы будет неуклонно уменьшаться. Увеличение рождаемости в регионе поддерживается за счет повторных родов. Этому, вероятно, в немалой степени способствуют меры социально-экономической поддержки семей с 2 и более детьми, осуществляемые Правительством России на протяжении последних лет. Устойчивая тенденция к увеличению возраста, в котором женщина решается на материнство, отражает общемировую тенденцию к «старению» первородящих и не связано с ростом числа абортов. В целом, за прошедшее десятилетие жительницы Смоленщины стали более ответственно относиться к планированию семьи и сохранению первой беременности.

Кроме того, позитивный настрой молодежи региона позволяет надеяться на то, что за счет реализации одной из основных Концепций демографического развития России (ориентация на семью с двумя и более детьми) нам удастся относительно стабилизировать ситуацию с рождаемостью. Популяризация многодетности и меры социально-экономической поддержки могут способствовать принятию положительного решения о возможности увеличения семьи среди женщин, имеющих одного ребенка.

И.В. Черепанова, О.А. Черепанов
г. Могилев (Беларусь), Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова

Психологический портрет первородящей женщины с угрозой невынашивания беременности и без угрозы самопроизвольного аборта

Психология материнства и беременности – одна из наиболее сложных и мало разработанных областей современной психологической науки. Актуальность развития психологического подхода к изучению беременности подкреплена тем, что, несмотря на современные достижения в области физиологии, гинекологии и акушерства, повышение научного уровня и применение различных форм психотерапии, психологические проблемы материнства и беременности, возможности их решения средствами психологической помощи остаются во многом нерешенными.

На сегодняшний день более 75% беременных женщин имеют те или иные заболевания, которые негативно влияют на внутриутробное развитие плода и приводят к ухудшению состояния здоровья детей. По данным статистики, 15–25% беременностей завершаются самопроизвольным абортом, диагноз «угроза прерывания беременности» ставится практически каждой второй беременной женщине. Поиски решения этой важной для общества проблемы актуализируют исследовательские задачи, связанные с ранним выявлением симптомокомплексов, свидетельствующих о нарушениях естественного (физиологического) процесса беременности и обусловливающих их факторов. Наряду с медицинскими и соматическими факторами, влияющими на протекание беременности, большой вес имеет психологический фактор.

В исследованиях Ж.В. Завьялова, Г.Н. Вараксина, Е.Г. Ветчагина, Г.В. Залевского, Г.Б. Мальгина, И.Л. Шелехова, К.Д. Хломова, С.Н. Ениколопова[1] представлены индивидуально-психологические и личностные особенности, а также характеристики психоэмоционального состояния беременных женщин с нарушениями физиологических процессов беременности. Согласно результатам исследования К.Д. Хломова и С.Н. Ениколопова, тревожность, отмечавшаяся самими беременными, является главным фактором, проводящим границу между женщинами с нормальной физиологической беременностью и осложненной. Эти данные соответствуют аналогичным сведениям, полученным зарубежными исследователями: высокий уровень тревожности и депрессии, низкая самооценка играют важную роль в этиологии низкой перинатальной массы плода.

Основной идеей нашего исследования является предположение о наличии зависимости между риском самопроизвольного прерывания беременности и рядом личностных черт беременной женщины.

[1] Хломов К.Д., Ениколопов С.Н. Исследование психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей беременных с угрозой прерывания // Перинатальная психология и психология родительства. 2007. № 3. С. 38–49

Исследование проводилось на базе отделения патологии беременных и отделения консервативной гинекологии УЗ «Могилевская больница № 1» и в женской консультации № 4 при поликлинике № 4 г. Могилева в период с 28.09.2015 года по 10.05.2016 года. Всего в исследовании принимало участие 180 беременных женщин со сроками беременности от 6 до 40 недель: 90 женщин с первой беременностью, протекающей без патологий и 90 – первородящие женщины с угрозой невынашивания беременности. Анализ психологических характеристик первородящих женщин был проведен с помощью следующих методик:

– Тест отношений беременной И.В. Добрякова.

– Опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко.

– Опросник исследования самоотношения Р.С. Пантелеева.

– Анкета беременной женщины, разработанная авторами настоящего исследования.

Для проведения сравнительного анализа психологических характеристик первородящих женщин с угрозой невынашивания беременности и без угрозы самопроизвольного аборта, нами были использованы непараметрические критерии U – критерий Манна-Уитни, критерий φ^*-угловое преобразование Фишера. Большое количество испытуемых и сравниваемых переменных обусловило необходимость компьютерной обработки данных. Математико-статистическая обработка результатов настоящего исследования была произведена с помощью статистического пакета SPSS 11.5. Проверка статистических гипотез с помощью критерия φ^*-угловое преобразование Фишера производилась вручную. Выбор был сделан в пользу непараметрических критериев, так как, несмотря на достаточное для того, чтобы проявилось нормальное распределение, количество испытуемых в каждой выборке, некоторые из анализируемых переменных измерены в порядковой и номинативной шкалах измерения.

Анализ полученных результатов показал, что по критерию *мотивации к беременности* для женщин с угрозой невынашивания беременности, как правило, беременность была запланирована, долгожданна, решение о сохранении беременности принималось сразу. Но при этом они не очень положительно оценивают свой брак. Более того, респондентки считают, что со стороны их брак можно оценить скорее как неудачный, чем как благополучный. Эти женщины не всегда довольны своим супругом, пытаются менять характер своего партнера по браку, высказывают негативное мнение относительно брака вообще и своего в частности.

Далее, для первородящих женщин с угрозой невынашивания беременности характерно, в отличие от женщин с нормальным течением беременности, *не реалистичное восприятие своего состояния, а истерический способ реагирования*. Беременность для них является средством манипулирования, способом изменения отношений с мужем, достижения меркан-

тильных целей. При этом декларируется чрезмерная любовь к будущему ребенку, возникающие недомогания и трудности преувеличиваются. Такие женщины претенциозны, требуют от окружающих повышенного внимания, выполнения любых прихотей. Врачи, курсы дородовой подготовки посещаются, но далеко не ко всем советам пациентки прислушиваются и не все рекомендации выполняют или делают это формально. Для указанной категории женщин характерен более низкий уровень *самоценности,* чем для первородящих женщин с нормальным течением беременности. Эти женщины не всегда заинтересованы в собственном Я, характеризуются спокойным отношением к себе, не всегда ощущают ценность собственной личности, могут сомневаться в ценности своего Я для других. Они, как правило, склонны к созависимым отношениям.

Вышеприведенная характеристика позволяет предполагать, что для таких женщин характерна соматизация как один из способов решения неосознаваемых жизненных проблем, ипохондрический способ реагирования. Возможно, одной из стратегий овладения сложной и неопределенной ситуацией жизненного пути является сама беременность как способ бегства от проблем.

Таким образом, мы можем утверждать, что для первородящих женщин с угрозой невынашивания беременности в отличие от первородящих женщин без риска прерывания беременности ($p \leq 0,05$), характерен низкий уровень самоценности, неудовлетворенность браком, истерический способ реагирования на жизненные трудности, «корыстная» мотивация беременности, склонность к созависимым отношениям.

РАЗДЕЛ 7. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СЕМЬИ, РОДИТЕЛЬСТВА. ОХРАНА МАТЕРИНСТВА, МЛАДЕНЧЕСТВА И ДЕТСТВА В РОССИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ.

О.А. Иванова, А.М. Семёнов
г. Санкт-Петербург, ЛГУ имени А.С. Пушкина

Императорская забота о матерях и детях дворян в России в XIX в.

«Первый предмет, обративший на себя моё внимание, это дети» – писала Мария Федоровна в докладе о работе воспитательных домов и приютов императору[1]. В другом своем письме императрица упоминала о призрении «страждущих болезнями и ранами…, или овдовение... без достаточного, при старости своей, пропитания …»[2]. Именно эти две идеи попечения вдов и сирот осуществились в таком заведении, как Вдовьи дома. Это первые в России учреждения для призрения вдов с патриархальным

[1] Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России. Исторический очерк. М.: Дом, 1993. С. 13.
[2] Каспарк Н.А. Столетие Вдовьего дома // Всемирное обозрении. 1903. № 7. С. 55.

характером во внутренней жизни, рассчитанные на лиц дворянского происхождения[1].

Дома в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены для призрения бедных и помощи достойным вдовам, которые, «оставшись по смерти мужей… по старости и слабости или по каким другим причинам безвинно не имеют никакого содержания и не от кого и ниоткуда пансионов и награждений не получают. В сих домах будут они снабжены всем нужным к пропитанию и содержанию их»[2]. Принимали женщин, как правило, не моложе 40 лет с детьми и не моложе 45 лет – без детей, но бывали и исключения.

Словом, Вдовий дом, по мысли его основательницы, должен был представлять собой общину, с выборною настоятельницею и её помощницею или помощниками, которая бы ведала всей внутренней жизнью заведения по образцу монастырскому. Вдовьи дома были основаны специально для помощи нуждающимся дворянкам. Хозяйственно-организационное устройство заведения в XIX в. показывало, что императрица Мария Федоровна позаботилась не только о самих вдовах, но и об их детях.

Женщинам, имевшим двух детей, позволялось брать их с собой, но при матери могли быть приняты лишь те (обоего пола), чей возраст не превышал 8 лет. Те женщины, у которых было больше двух детей, не принимались. Однако действовало и исключение, за плату (до 17 лет платили по 30 р., начиная с 17-летнего возраста, по 60 р. в год за каждую) разрешалось проживать и взрослым незамужним дочерями (опять же не больше двух). Эти девицы должны были вместе с матерями обедать и ужинать за общим столом, являться в установленной одежде и подчиняться тому же порядку, который обязаны были соблюдать и их матери. Проживание взрослых дочерей во Вдовьем доме, по мнению почетного опекуна, «приучила их к праздности и беззаботной жизни. Они затруднялись найти себе выход из своего положения по смерти матери, а иные из них даже оказывали явное упорство, когда их просили оставить Вдовий дом, так что начальству даже приходилось прибегать к судебной власти»[3].

Что касается малолетних детей, то в 1810 г. была внесена поправка в «Правила, предлагаемые для Вдовьих домов», в которой говорилось, что после смерти вдовы-матери, малолетних её детей оставляли во Вдовьем доме под присмотром смотрительницы, до тех пор, пока их не смогут поместить в институты и корпуса на воспитание[4].

Для воспитания детей в Санкт-Петербургском Доме были устроены «детские номера» – сначала «круглый», под куполом юго-западной башни, затем – «модельное зало» северо-западной башни и в верхнем этаже над

[1] Иванова О.А. Поддержка детей вдов как одна из форм государственной благотворительности в России в XIX в. // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2016. № 2. С. 42.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 38. Л. 40.
[3] Знаменский К.И. Санкт-Петербургский Вдовий дом с филантропическими отделениями. 1803–1903 гг. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 88.
[4] Там же. С. 27.

квартирой настоятельницы. Занимались с детьми и готовили их для поступления в учебные заведения сами вдовы, их дочери, а также особые няни и смотрительница[1].

Именно образование детей и помещение их в учебные заведения Мария Федоровна считала самым главным. Она определила: «…при наступлении наборов в училища, представлять в них для приёма дочерей вдов во Вдовьем доме призреваемых, которые по возрасту, по чинам и состоянию родителей, могли быть приняты в эти учреждения…», а именно: штаб-офицерских дочерей от 10 до 12 лет в училище св. Екатерины, обер-офицерских от 11 до 13 лет в Мещанское училище[2]; природных же дворянок от 8 до 9 лет – в Общество благородных девиц. Если мать не соглашалась отдавать дочь, то она должна была сама пристроить её[3]. Точно также было назначено распределять мальчиков по кадетским корпусам, сообразно их происхождению.

Из всего этого следует, что Вдовьи дома – это универсальные заведения, в которых заботились о вдовах, вдовах-матерях и их детях. Причем поддержка оказывалась в системе: до 8 лет – обеспеченье проживанием в Доме, после 8 лет – устройство в образовательное учреждения, а с достижением совершеннолетия денежная помощь и трудоустройство. Считалось, что пребывание во Вдовьем доме детей вносило в это заведение семейную атмосферу, помогало скрашивать жизнь женщин. В целом же такая система оказывала существенное благо как вдовам, так и сиротам, помогая им «встать на ноги».

Создание учреждений было одной из форм поддержки, другой же, но не менее эффективной, – подача прошений в Комиссию прошений[4]. Высшие сословия заботились о своих детях и писали прошения с просьбой отправить их детей в то или иное престижное учебное заведение[5]. «Коллежский советник Уткин просит об определении сына в пажеский корпус»[6], «графиня Цукато, вдова генерал-майора, просит принять сына ее в пажеский корпус»[7], типичная резолюция императора заключалась в словах «Высочайше повелено определить»[8].

Ежегодно поступали просьбы приблизительно следующего содержания: «Жуковская жена попутчика просит о восприятии от купели новорожденного

---

[1] Там же. С. 28.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 38. Л. 49.
[3] Жерихина Е.И. Смольный. История зданий и учреждений. СПб.: Лики России, 2002. С. 180.
[4] Временко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX в. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии его императорского величества по
принятию прошений) // Вестн. молодых ученых. Сер. Ист. науки. СПб., 2004.
№ 2. С. 32–43; Семёнов А.М. История формирования Комиссии прошений в России // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 20-21 апр. 2016 г. / ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 91–95.
[5] Временко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: Европейский дом, 2009. С. 613.
[6] РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 710. Л. 3.
[7] Там же. Л. 54.
[8] Там же. Л. 31.

сына»[1]. Такие однотипные прошения составлялись целыми списками, где их количество доходило до 30 штук в месяц. На них всех стояла отметка императора: «Одобрено». В жизни это означало, что император становился крестным отцом того или иного ребенка, что было очень удобно для просителей, так как каждое такое крещение сопровождалось денежными выплатами родителям крестника. «В январе 1845 г. дворцовому гренадеру Данилову на крестины выдали 50 р.»[2]. Так помимо этого, Николай I такого рода крестникам высылал подарки два раза в год: на именины и на Новый год.

В итоге мы видим, что все высшие сословия заботились о своем благополучии и не упускали шанса получить свою выгоду от работы ведомства и благотворительных учреждений.

А.А. Кальсина
г. Пермь, Пермский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Первые детские сады в Пермской губернии (О.М. Варфоломеева-организатор дошкольного воспитания в г. Перми)

Первые детские сады в России появились в 60-х гг. XIX в. по инициативе частных лиц, благотворительных и филантропических обществ, некоторых передовых земств. Было их мало, и, за редким исключением, все они были платными.

Государство не принимало участия в их организации. Плата за посещение частных детских садов была очень высокой, время пребывания в них ограничивалось обычно 4-мя часами, поэтому их услугами могли пользоваться только состоятельные родители. Направление воспитательной работы и подбор персонала всецело зависели от лиц, содержавших детские сады. Первый бесплатный, так называемый народный детский сад для детей низших слоев населения был открыт в 1866 г. при благотворительном «Обществе дешевых квартир» в Петербурге. Занятия в нем, как и в других дошкольных учреждениях, проводились по системе немецкого педагога Ф. Фрёбеля[3]. Фрёбелевская методика воспитания в детском саду базировалась на том, что ее автор считал целью воспитания – развитие природных способностей ребенка. Ядром педагогики детского сада Ф.Фребеля была игра. В ней он видел выражение внутреннего мира детей, игра использовалась как одно из средств нравственного воспитания. Ф. Фрёбель ввел разнообразные виды детской деятельности: работу с так называемыми «дарами» – строительным материалом, подвижные игры, рисование, лепку, плетение и вырезание из бумаги, вышивание, выкладывание

[1]РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 717. Л. 97.
[2]РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 731. Л. 21.
[3] Развитие общественного дошкольного воспитания. Москва, Просвещение.1978. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.detskiysad.ru/ped/doshkol05.html

из металлических колец, палочек, бус. Многие из этих занятий применяются и в современных детских садах[1].

В целом развитие дошкольных учреждений в России шло крайне медленно. Государственные ассигнования на дошкольное воспитание были ничтожны. В государственном бюджете Российской империи на 1913 г. по статье «Занятия с детьми дошкольного возраста» предусматривались затраты в среднем на одного ребенка-дошкольника в размере 1 коп. в год. К октябрю 1917 г. в стране имелось всего около 280 детских садов, сосредоточенных в крупных городах, из них 250 – платные[2]. Такое положение дошкольных учреждений в дореволюционной России вполне закономерно. Перед ними и не ставилась задача организации воспитания детей широких народных масс.

В начале XX в. возникли первые детские сады в Пермской губернии. В 1912 г. в г. Перми, благодаря энтузиазму Олимпиады Максимовны Варфоломеевой была создана общественная организация, которая получила название «Светлая юность». Ее деятельность положила начало развитию дошкольного воспитания в Пермской губернии. Первое заседание организации состоялось 14 марта 1912 г. На нем присутствовали лица, которых интересовали новые формы воспитания детей. Это были: учащаяся молодежь, врачи, педагоги, служащие некоторых городских учреждений, рабочие. В апреле того же года был разработан Устав общества «Светлая юность». Согласно Уставу, членами организации могли быть представители всех сословий, состояний и званий, которые вносили в кассу общества один рубль в год. Средства в организацию поступали от устройства платных вечеров и лекций. К концу первого полугодия общество насчитывало свыше 200 человек. Его целью было содействие умственно-нравственному и физическому воспитанию детей и юношества. 10 июня 1912 г. в Перми впервые открылась первая детская летняя площадка. Ежедневно площадку посещало от 80 до 100 детей, и работала она с успехом все лето 1912 года[3]. Дети были объединены в три группы: 4–7, 7–12 и 12–16 лет. Игры и занятия распределялись по возрасту. Уделялось большое внимание подвижным играм; дети постарше писали рефераты, доклады, рисовали с натуры, собирали коллекции для школ. Праздники проводились широко и торжественно с оркестром, лозунгами. За лето 1912 г. было зарегистрировано 6340 посещений площадки[4]. В последующие годы такие же площадки были открыты не только в губернском городе Перми, но в уездах Пермской губернии.

Вдохновившись успехом, в сентябре 1912 г. общество «Светлая юность» приступило к созданию детского сада, и уже 21 ноября 1912 г. в торжествен-

---

[1] Жеравина А. Н. П. И. Макушин и детский сад по методике Фрёбеля. Эл ресурс. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/p-i-makushin-i-detskiy-sad-po-metode-frebelya-v-tomske#ixzz48BteobIY

[2] Первые детские сады в России. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.detskiysad.ru/ped/doshkol05.html

[3] «О Земле Пермской». Электронная энциклопедия. Режим доступа: http://www.uralhistory.ru/

[4] Мельчакова О. А. От первого детского сада до дошкольного колледжа. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.permarchive.ru/index.php.

ной обстановке был открыт первый детский сад в Перми. Он состоял из 6 больших светлых комнат. Специально по заказу организаторов была изготовлена детская мебель из дуба, приобретен рояль. Первыми «детскими садовницами» (воспитательницами) стали Л.Г. Пачгина, выпускница Московских педагогических Тихомировских курсов, и А.А. Нидерман, учительница немецкого языка и француженка М.И. Террачиано[1]. Всего было принято 50 детей. Дети были разделены на две группы: младшая – от 3 до 5 лет и старшая – от 5 до 8. Воспитательницы следили за тем, чтобы дети соблюдали режим дня. Занятия начинались с девяти утра и заканчивались к четырем часам дня. От двенадцати до часу детей кормили горячим завтраком. Остальное время было посвящено играм, рисованию, лепке, ручному труду, изучению иностранного языка (немецкий и французский) и прочим занятиям. Содержание ребенка в детском саду составляло 3 руб. в месяц[2].

Большую роль в организации первого детского сада и дошкольного образования в г. Перми сыграла Олимпиада Максимовна Варфоломеева, она родилась в 1865 г. в г. Соликамске Пермской губернии в семье канцелярского служителя. О себе Олимпиада Максимовна писала: «В семье родителей я была семнадцатым ребенком. Отец мой не имел средств для моего образования, но моя личная цель была стать народной учительницей. Братья мои самоучки, так же народные учителя помогли мне окончить 8 классов Пермской женской гимназии со специальностью русского языка и словесности»[3]. После окончания гимназии она была назначена в Чердынское женское училище, которое окончила сама, а затем его возглавила. Будучи народной учительницей в глухой северной провинции Пермской губернии, в г. Чердыни, вместе со своим мужем земским врачом, она оказалась среди «темных народных масс, не умеющих говорить по-русски», ей приходилось много работать над тем, чтобы приучить их к школе и к больнице. Проработав так в течение десяти лет, в 1907 г. из-за болезни своих маленьких детей (их было у Олимпиады Максимовны четверо), ей пришлось выехать в Крым, где она случайно увидела первую детскую площадку общества «Забота»[4]. В г. Севастополе ее старшие дети были определены в школу, а младший ребенок пошел в частный детский сад, который организовала «фрёбеличка из Санкт-Петербурга» А.А. Степанова. Самой О.М. Варфоломеевой удалось устроиться практикантом в этот детский сад, где она смогла познакомиться с фрёбелевской методикой развития дошкольников. Олимпиада Михайловна была в полном восторге от системы работы детского сада, и в 1910 г. уже вернувшись в Пермь начала активную работу по организации детского сада в г. Перми. Сначала пермские власти довольно скептично отнеслись к данной идее. О.М. Варфоломеевой пришлось неоднократно писать статьи в местную газету, о необхо-

[1] «О Земле Пермской». Электронная энциклопедия. Режим доступа : http://www.uralhistory.ru/
[2] Варфоломеева О. М. История дошкольного воспитания в Перми, в Урало-Камском крае (1912-1922 г.)/ Пермский краеведческий вестник. Вып.IV. Пермь, 1928. С.197.
[3] Там же, С.188.
[4] Там же, С.190.

димости развития системы дошкольного воспитания. И только когда в губернском г. Перми, да и в целом, в России прошла серия детских самоубийств, власти города обратили серьезное внимание на организацию детского досуга, и разрешили создание общественной организации для детей «Светлая юность». План деятельности организации был следующим: 1) устройство летних площадок в г. Перми: 2) открытие первого «Детского Сада»; 3) организация выставки «Детский труд и отдых»; 4) открытие библиотеки-читальни; 5) устройство зимнего катка[1].

В 1913 г. общество «Светлая юность» направило О.М. Варфоломееву на съезд по семейному воспитанию в Петербург, где она прослушала лекции по дошкольному воспитанию, познакомилась с выставкой детских работ, посетила Фрёбелевские курсы и частные курсы Мирославской. «Такое обилие новых и ценных знаний дало мне широкий размах в начатом деле»[2]. Вскоре возникла необходимость в подготовке кадров по дошкольному воспитанию. Сделать это удалось, когда в Перми открылся университет в 1916г. О.М. Варфоломеева вспоминала: «Собрав все привезенные из Петрограда программы, я обратилась к профессору А.И. Сырцову помочь с организацией Фрёбелевских курсов. Он чутко отнесся к нашей просьбе и горячо принялся за дело».[3] В 1917 году в Перми открылись первые на Урале Фрёбелевские курсы, а спустя два года был создан специальный институт по дошкольному воспитанию при Пермском университете. Директором был избран профессор, специалист дошкольного воспитания Н.Е. Румянцев. О.М. Варфоломеевой удалось получить скромную должность секретаря. Лабораторией института по дошкольному воспитанию стал детский сад, основанный в 1912 г. он был хорошо оборудован, уже специально построенной мебелью по размеру детей 3-х возрастов. Все слушательницы вели практические занятия в этом саду под наблюдением особой педагогической комиссии. Комиссией предварительно просматривались конспекты даваемых уроков, а после занятий происходил разбор и критика данных уроков. После сдачи весенних зачетов все слушательницы дошкольного института были направлены на практику на детские площадки по всей губернии.

По воспоминаниям О.М. Варфоломеевой в годы революции и Гражданской войны, работа по организации детских садов продолжилась, тем более что военное время сделало многих детей сиротами. К 1921 г. В Пермской губернии, в каждом уезде насчитывалось в среднем уже 35 дошкольных учреждений. Следовательно, в общем, по губернии – 220.[4]. В 1921 г. О.М. Варфоломеева будучи заведующей Подотделом дошкольного воспитания при Пермском Губернском Отделе Народного Образования по-

[1] Варфоломеева О. М. История дошкольного воспитания в Перми, в Урало-Камском крае (1912-1922 г.)/ Пермский краеведческий вестник. Вып.IV. Пермь, 1928. С.194.
[2] Там же С .200.
[3] Тамже, С. 203.
[4] Варфоломеева О. М. История дошкольного воспитания в Перми, в Урало-Камском крае (1912-1922 г.)/ Пермский краеведческий вестник. Вып.IV. Пермь, 1928. С.210.

стоянно занималась вопросами дошкольного образования и внесла огромный вклад в дело дошкольного воспитания в Пермском крае.

С.О. Куприянова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Практики ухода за младенцем в деревне и социальная политика в области охраны материнства и детства

Жанр колыбельной является актуальным для русской городской и деревенской традиции на протяжении XX–XXI вв. несмотря на то, что телесные практики ухода за ребенком оказываются подвержены идеологическому воздействию со стороны государства.

Исполнение представляло собой вербально-акциональный комплекс: чаще всего их пели, качая ребенка в зыбке, ритмический рисунок текста был связан с движением колыбели. Так помимо смысловых категорий, заложенных в тексте, вместе с колыбельной усваивались определенные техники тела.

Первые этнографические описания народной педагогики появляются только в 90-е гг. XIX в. Как правило, они имеют довольно четкую структуру: описание беременности, родов, крещения и ухода за ребенком в первые годы его жизни. Иногда в качестве дополнения в публикациях приводятся тексты колыбельных песен, потешек, описываются детские игры.

Несмотря на присутствие акушерки в некоторых населенных пунктах, женщины либо рожали сами, либо прибегали к помощи повивальной бабки. Ее функции не ограничивались помощью в родах. В ее обязанности входило мытье ребенка в бане, «правление» (разглаживание частей тела новорожденного). Это было не столько гигиенической процедурой, но скорее магической практикой, в ходе которой повитуха заговаривала новорожденного для того, чтобы он был здоровым и спокойным. После ухода повитухи за младенцем присматривала мать. Летом, во время полевых работ, для присмотра за детьми могли нанимать нянек. Ночью дети спали в зыбке или с матерями. Днем, находясь под присмотром няньки, ребенок большую часть времени проводил в люльке. Конструкция зыбки позволяла сильно раскачивать ее вверх-вниз. Зыбки занавешивали пологом, чтобы посторонние люди не смотрели на ребенка. Качать ребенка в люльке можно было рукой или ногой. При качании ногой, руки оставались свободными для работы.

Этнографические описания — не единственный источник, из которого можно почерпнуть информацию о том, как был организован уход за ребенком на рубеже XIX–XX вв. Начиная с 1870 г. появляется большое количество популярных медицинских изданий о гигиене и воспитании. Основные рекомендации сводились к нескольким предписаниям, как можно заметить, зачастую противоположным деревенским практикам ухода за ребенком: не пеленать туго; кормить грудью через определенные проме-

жутки времени; не укачивать; не закрывать пологом; не использовать соску; не мыть и не парить в бане.

Для внедрения одобренных медициной методов по уходу за детьми была организована комиссия по распространению гигиенических знаний в народе[1], которая в том числе проводила так называемые «народные чтения». В 1914 г. комиссией издаются листки для распространения, в которых помимо сведений о различных болезнях, также была представлена информация о родах и вскармливании[2]. Согласно новым требованиям, уходом за ребенком должны были заниматься люди, имеющие медицинское образование или хотя бы знакомые с нормами гигиены.

После 1917 г. «пропаганда грудного кормления и правильного ухода за ребенком раннего возраста как один из активных способов борьбы с детской смертностью» становится делом всенародным и оказывается в компетенции новой власти[3]. Основные положения новой социальной политики в отношении детства и материнства отражены в статьях Н.К. Крупской «Женщина и воспитание детей» (1899), «К вопросу о коммунистическом воспитании молодежи» (1922), «Проблема коммунистического воспитания» (1924), в книге А. Коллонтай «О государственном страховании материнства»» (1916).

В 1922 г. в Москве был создан Государственный научный институт охраны материнства и младенчества[4]. С 1923 г. разрабатывается программа патронажа[5]. Помимо фиксации данных по уходу за ребенком врач был обязан описать в своем отчете санитарное состояние жилища и социальное положение родителей. Медицинская сестра показывала матерям, как правильно купать и пеленать ребенка. Если большая часть требований, как правило, принималась матерями, то как отмечает автор статьи, труднее всего было отучить от укачивании на руках и использования соски.

Помимо пафоса борьбы с детской смертностью, в работах о воспитании появляется еще одна тема: режим питания и сна, как эффективное средство успокоения взамен вредным традиционным способам, распространенным в среде «непросвященных», по мысли авторов заставляет приспособиться к определенным правилам, что является первым шагом для «овладения инстинктами», и для того, чтобы новый человек поддавался воспитанию – формированию – воздействию. [6]

---

[1] Справочник по устройству медицинских народных чтений / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. Комис. по школ. гигиене и распространению гигиен. знаний. М., 1904.

[2] Листок № 4. О родах. 1914 г.; Листок № 5. О вскармливании грудных детей.

[3] «...в октябре 1917 г. трудящиеся взяли в руки власть, они получили возможность воспитывать подрастающее поколение так, как они считают это нужным» // Крупская Н.К. 1988, С. 16.

[4] Ковригина М. Забота государства о матери о ребенке. Горьковское областное издательство. ОГИЗ, 1946. С. 13.

[5] Мелентьева Е. П. Опытная работа патронажа Гос. науч. института охраны материнства и младенчества. НКЗ за 1926 г. // Труды IV Всесоюзного съезда детских врачей. Москва. 30 мая - 4 июня 1927 г. / Под ред. проф. Г. Н. Сперанского. С. 462; Вассерман В. А. О Методике ведения патронажа при консультации для детей грудного возраста // Труды IV Всесоюзного… С. 461.

[6] Черни А. Врач как воспитатель ребенка. Л., 1928.; Петрова В.А. Воспитание правил поведения и привычек у детей раннего возраста. М., 1949.

При описании деревенской практики важно понимать, какие схемы были унаследованы из традиционной системы воспитания, а что было изменено в соответствии с новой социальной политикой.

Г.Н. Яковлева
г. Витебск (Беларусь), ВГУ имени П.М. Машерова

Проблемы материнства и детства на страницах газет г. Витебска 1920-х гг.

Советизации практик материнства в 1920-е гг. способствовали дискурсы гигиены, культурности и государственной заботы о *матерях и детях*[1]. Рассмотрим, в какой степени они нашли отражение в витебских газетах 1920-х годов. Публикации в них влияли на выбор жизненной стратегии, который делали женщины: венчаться или регистрировать брак, крестить родившегося ребенка и называть его по святцам или «октябрить», при уходе за малышом слушать «бабок» или учитывать мнение врачей?

Номера газеты «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП» за 1924 г. полны материалов о «советских свадьбах», сопровождавшихся регистрацией в ЗАГС. Молодожены призывали других «отрешиться от религиозного дурмана и последовать их примеру»[2]. На конференции женщин в 1924 г. провели политсуд над «современным браком». Зал поддержал работницу М. Кускову, которую не устроил ни первый муж, считавший, что место женщины на кухне, ни второй, «легкомысленный и фатоватый», «пустомеля и барахло»[3]. Политической социализации родителей способствовали октябрины, утверждавшие новую практику имянаречения детей. В январе 1924 г. на фабрике «Двина» на октябринах девочку назвали Лениной. «Культурное шефство и наблюдение за воспитанием в советском духе – вот задача шефских организаций. Пока ребенок находится в младенческом возрасте, шефы должны следить за тем, чтобы мать воспитывала ребенка не по советам «бабок», а несла бы его в консультацию и ясли», – писал автор заметки[4]. Но многие женщины не воспринимали новых веяний. Из публикации «Такие в партии не нужны» узнаем, что исключили из партии Фрадкова С. и Топорского Л., т.к. по требованию жен они сделали новорожденным обрезание[5].

Способствуя «гигиеническому материнству» газеты приглашали женщин на курсы по уходу за детьми, публиковали материалы о важности роддомов, пагубности абортов у знахарок. В Полоцке на два года принуди-

[1] Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920-1930-е годы // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М, 2007. URL: http://www.fedy-diary.ru/?p=3679#
[2] Государственный архив Витебской области (далее ГАВО) Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93. Л. 47.
[3] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93. Л. 120 об.
[4] Там же. Л. 120 об., 131 об.
[5] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 118. Л. 113 об.

тельных работ осуждена «Катька-ворожея», которая выкидыши делала, не одну женщину отправив на тот свет. «Пагубно думать, что аборт – плевое дело, что его можно делать и без доктора», – писала автор заметки, призывая женщин обращаться в больницу, а не к очередной Катьке-ворожее[1].

«Заря Запада» агитировала подписаться на журнал «Гигиена и Здоровье Рабочей и Крестьянской Семьи», рекламировала книгу «Мать и дитя», которая должна была стать «противоядием против нелепых и опасных советов невежественных бабок»[2]. Рекламировались средства лаборатории отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава: «Требуйте! Противозачаточные средства. Шарики "Концентрацептин". Паста "Преконсоль"»[3]. Уделялось внимание проблеме насилия над детьми. В 1924 г. в заметке «Позорное пятно» говорилось об истязании работницей витебской фабрики «Двина» Пильской детей 9 и 11 лет. Она их била и держала впроголодь, хотя «живет не бедно и имеет корову». Автор требовал общественного суда над Пильской, как «подрывающей основы здорового воспитания будущего поколения». Другие требовали судить работницу по нормам УК, а детей отдать в коммуну, делегатки предлагали вникнуть в обстоятельства жизни работницы, способствовавшие такому обращению с детьми, а затем устроить политсуд для разъяснения «сотням Пильских», что дети – это не их собственность, а общественное достояние и будущее страны[4].

Резко возросло число матерей-одиночек. Одни оставляли детей на ступеньках храмов, подбрасывали в подъезды домов центральных улиц города, рассчитывая, что там их быстрее обнаружат. Другие решались на детоубийство. Иногда заметки характеризуют абсолютную нравственную глухоту женщин. Обвинялась в преднамеренном убийстве ребенка крестьянка одной из деревень Витебского округа. Отца ребенка она не знала, ребенка «годовать» не хотела: «Чего ж иметь некрасивое дитя?»[5]. Обманутая хозяином, утопила ребенка в колодце 18-летняя работница, «неграмотная, темная, абсолютно некультурная и неразвитая, объяснить свой поступок не смогла»[6]. Третьи отдавали детей в приюты или ясли. Дом ребенка в Полоцке на треть состоял из подкидышей, остальные – дети матерей-одиночек из рабочих или крестьян. В яслях «штатные койки заполнены детьми, имеющими только матерей, брошенных отцами. Матери имеют случайную черную работу, но плохо обеспечены».

В 1926 г. становится очевидным курс ВКП(б) на укрепление семьи и её ответственности за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. В печати обсуждался проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. В колонке «Суд и

[1] Там же. Д. 93. Л. 124.
[2] Там же. Д. 110 а. Л. 43 об.
[3] Там же. Д. 118. Л. 16 об.
[4] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93. Л. 120 об., 126 об., 161 об.
[5] Там же. Д. 110. Л. 241 об.
[6] Там же. Д. 106. Л. 7 об.

быт» «Заря Запада» освещала дела с исками о признании отцовства и уплате алиментов. Они показывают разные модели поведения женщин-матерей и разные стратегии минимизации обязательств со стороны мужчин. Еврейская камера народного суда Витебска в клубе щетинного комбината слушала дело рабочего М. Израилита, «франтоватого молодого человека», отрицавшего свое отцовство. Решение суда о выплате ответчиком в пользу ребенка 20% зарплаты комментировалось газетой: «Так такому хлюсту и полагается»[1]. В суд с требованием алиментов обратились 6 жен «худощавого старика 55 лет» Анисимова. К нему за помощью обращались деревенские вдовы 35-40 лет. Имея зажиточное хозяйство, он помогал им, а помогая, прижил 6 детей. Ни с кем брак не регистрировал, но ситуация женщин устраивала, т.к. никто не был обижен. Но потом он отказался помогать, т.к. обеднел. Женщины же утверждали, что он завел 7-ю жену. Суд приговорил его к году лишения свободы, а имущество пошло на обеспечение иска[2].

Медучреждения играли заметную роль в дискурсах заботы о материнстве и детстве, гигиене и культурности. Мать, усвоившая новые подходы к материнству, пропагандировала работу детской консультации в Витебске, которая дает «лечение, совет, лекцию, книгу». Сетуя, что из 1500 женщин, стоявших на учете, лекции посещали лишь 30–40, автор убеждала мам, желавших иметь здоровых и правильно воспитанных детей, носить их в консультацию, и слушать лекции специалистов[3].

В 1926 г. в БССР действовал 41 детский сад, 14 яслей и 63 детские площадки[4]. На лето 1926 г. предполагалось организовать 137 площадок в деревнях республики. На всебелорусском съезде крестьянок-латышек, проходившем в Витебске в 1926 г., член латышского бюро ЦК КПБ призывала их добиваться создания коек для рожениц при больницах, акушерской помощи на дому, консультаций для беременных и детских яслей на летнее время[5]. Детские учреждения женщин устраивали, потому что дети в них были «сыты и целы». Для власти же важным было не только воздействие на детей, но и влияние детских учреждений на матерей через приобщение их к «советскому» взгляду на мир, к «культуре» и «гигиене». В Витебске руководители «1-го еврейского детского очага» вместе с родительским комитетом старались влиять на жизнь и быт рабочих, изжить религиозные предрассудки, привить культурные навыки, научить родителей гигиене и тому, как воспитывать детей[6]. Делегатка, прикрепленная к 4-му белорусскому детскому саду, отмечала, что дети учатся рисовать, лепить, часто ходят на экскурсии. «Обязательно все рисуют Ленина в гробу, это наиболее обычная тема для ребят» [7]. В Витебске в центральном детском очаге

[1] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106. Л. 133.
[2] Там же. Д. 106. Л. 9 об.
[3] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 б. Л.183 об.
[4] Там же. Д. 106. Л. 99 об.
[5] Там же. Л. 95.
[6].ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106. Л. 88 об.
[7].Там же. Д. 110 а. Л.9.

дети лепили «ящик или корыто, в котором лежит фигурка, означающая человека». Руководители поясняли, что это Ленин в гробу. Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок – «Ленин в гробу» – много[1]. В другом случае впечатлила рабкора «песня 6-летнего человека, ожесточенно ударявшего при пении по столу шахматной доской»: "Старый барабанщик, старый барабанщик, / Долго, долго, долго спал. / Он проснулся, / Перевернулся, / Всех фашистов разогнал"[2]. На площадке очковой фабрики царило «полнейшее равноправие, проведена общность имущества, общий котел, общие игрушки». И если одни опасались садов и площадок, то другие вручали их руководительницам цветы, подарки и даже – «Стенографический отчет 14-го съезда ВКП(б)»[3]. *В 1920-е годы думали о том, как дать матери возможность разумно отдохнуть и поправить свое здоровье. Интересна в этом контексте заметка работницы А. Бизуновой «Нужен дом ребенка».* В духе времени она предлагала создать временный летний дом ребенка, куда мать смогла бы сдавать малыша, уезжая в дом отдыха[4]. Редакция отметила, что это предложение, идущее из низов рабочей массы, заглохнуть не должно. Продолжения эта инициатива не имела.

Таким образом, печать позволяют почувствовать атмосферу эпохи и увидеть ту роль, которую играли детские учреждения в идеологизации и коммунализации жизни детей с ранних лет, в воспитании их и матерей в советском духе. Однако шли эти процессы в основном в городах.

А.В. Чебаковская
г. Петрозаводск, аспирант Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Складывание сети детских домов в Карелии в первой половине 1920-х гг.

В связи с обострением в современной России проблем безнадзорности, детской и подростковой преступности возросла необходимость поиска наиболее эффективных способов их решения. В этом отношении возможно провести аналогии с подобными явлениями в прошлом и критически осмыслить опыт переходных моментов исторического развития. Именно 1920-е гг. начала складываться новая система учреждений защиты детей, включавшая в себя государственные и общественные организации, участвовавшие в заботе о здоровье детей, обеспечении их быта и развития, борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, а также система профилактики детской безнадзорности. Согласно официальной статистике в 1921–1922 гг. число беспризорных детей при родителях и без них определялось в РСФСР в 7 млн. чел.

[1] Там же. Д. 93. Л. 105.
[2] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110 а. Л. 9.
[3] Там же. Д. 106 б. Л. 93.
[4] Там же. Д. 106. Л. 140 об.

В дореволюционной России сеть детских благотворительных учреждений включала детские приюты, в которые входили в основном круглые сироты или дети, чьи родители в силу крайней бедности или болезни не могли содержать их. Благополучие учреждений во многом зависело от количества жертвователей и выделяемых ими средств, которые были едва ли не единственным источником для существования воспитанников.

В годы Первой мировой войны заметен рост числа беспризорников и детей-бродяг.

После революции 1917 г. была построена система детских домов, которая обеспечила воспитание и обучение, подготовку к будущей профессии, социализацию бывшим беспризорным. Именно государство выступило гарантом существования детских учреждений, взяло на себя ответственность за судьбы миллионов сирот. В условиях социальных потрясений 1917–1922 гг. ставка на семейное воспитание не могла быть реализована, в первую очередь, в силу экономических причин. Детские дома принимали участие не только в ликвидации массовой детской беспризорности, достигшей своего пика в 1922 г., но и явились экспериментальной площадкой для новых педагогических теорий.

Выстраивание новой системы детских учреждений в условиях революции, гражданской войны, голода и эпидемий не было последовательным. Работу с детьми продолжали педагоги-воспитатели с дореволюционным стажем, сами учреждения нередко находились в антисанитарных условиях, проблемы учебы и воспитания отступали перед повсеместной нехваткой одежды, белья, обуви, продуктов питания. Сеть детских домов росла стихийно: в пустующие дома свозились беспризорные и сироты, отдел народного образования выделял работников, в задачу которых входила не только повседневная работа с детьми, но и удовлетворение материальных нужд учреждения. Если в 1917 г. в детских домах насчитывалось 30 тыс. детей, то в 1919 г. с развертыванием масштабов гражданской войны – уже 75 300, а в 1920-м г. – 400 тыс[1].

История решения детского вопроса, становления системы детских домов в Карелии мало изучена. Вместе с тем проблема охраны детства в этом крае имела свою специфику. Воздействие на состояние детского вопроса в Карелии оказали гражданская война и интервенция, после которых тысячи карельских беженцев покинули родину. И затем в мирное время близость границы драматически отражалась на положении всего населения, в том числе и детей. Национальная политика также сказывалась, например, на формировании детских учреждений. Так, школы и детские дома делились на карелофинские и русские, что было связано, прежде всего, с подходами к решению языковых проблем. Финские педагоги, работавшие в детских учреждениях, также привносили своеобразие в организацию жизни советских детей.

[1] Народное образование в СССР. М., 1985. С. 334.

К концу 1925 г. по АКССР функционировало 10 школьных детских домов, из них 8 русских и 2 карело-финских, в которых находилось 690 воспитанников[1]. Было учреждено 7 детских домов дошкольного типа, где находилось 176 человек[2]. Большинство детей по национальности являлись русскими, карелами и финнами. В основном в детские дома попадали дети-сироты, полусироты, но были и случаи, когда дети имели обоих родителей. По социальному положению большинство воспитанников происходили из семей крестьян и рабочих.

Об открытии учреждений для детей можно узнать из заметок в газете «Красная Карелия». В частности, сообщалось об открытии детского дома школьного типа в пос. Салменицы, рассчитанного на 25 человек. Он имел особое значение в связи с тем, что был предназначен для «беспризорных-националов» [3].

В 1925–1926 году было намечено открытие карело-финского детского дома в Петрозаводском уезде, где предполагалось заменить русских педагогов карелами, а во всех русских детдомах вести обучение финскому языку[4].

Особой строкой в планах и отчетах выделялся Космозерский детский дом (Повенецкий уезд), входивший в состав детский учреждений Социально-правовой охраны несовершеннолетних. В него направлялись правонарушители и дети, трудные в воспитательном отношении.

Главными средствами по содержанию воспитанников детских домов являлись дотации, которые отпускались в распоряжение Наркомпроса Совнаркомом и ЦИК АКССР. Источником существования Детской комиссии КарЦИК выступали также субсидии, доходы от киосков, устройства лотерей, распространение изданий, пожертвования и случайные поступления[5]. В 1923 г. начался переход финансирования детских учреждений на еще не окрепшие местные бюджеты, что привело к сокращению их сетей. Это вызвало ломку всей системы ликвидации детской беспризорности: переполненные приемники-распределители отказывали в приеме бездомных детей.

Начиная с 1923 г., в Карелии периодически проводилась «Неделя беспризорного и больного ребенка», в ходе которой трудящиеся направляли денежные отчисления в пользу детей. Так, в 1924 г. население за неделю до самого мероприятия извещалось о возможности помочь детским домам[6]. За год «неделя» была проведена несколько раз. В частности, ставилась задача привлечь каждого рабочего и крестьянина к участию путем добровольных пожертвований, отчислений от заработка и распространения билетов «Друг детей» и марок. На эти деньги были открыты некоторые детские учреждения.

---

[1] Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р.-630. Оп.1. Д. 10. Л. 14.
[2] Положение школьных учреждений Карелии / Красная Карелия 1925. № 286. С.3.
[3] В Салменицах открыт новый детский дом / Красная Карелия. 1926. №29. С.2.
[4] НАРК. Ф.Р.-630. Оп.1. Д. 10. Л. 14.
[5] НАРК. Ф.Р.-630. Оп.1. Д. 10. Л. 171.
[6] Неделя беспризорного и больного ребенка / Красная Карелия. 1924. №150. С.1.

Питание в детских домах признавалось удовлетворительным, хотя отмечалось однообразие. Экипировка воспитанников была в целом приемлемой, но в отдельных случаях плохой: не хватало обуви, одежды, постельного белья. В Наркопрос АКССР поступали просьбы выслать учебные пособия и материалы, которые были в дефиците, в детских домах отсутствовали библиотеки и читальни.

Как способ экономии средств и одновременно форма воспитания, в детских домах было организовано самообслуживание детей. Все дети школьного возраста участвовали в хозяйственной жизни учреждения, убирали помещения, помогали в столовой, на кухне, участвовали при приеме и выдаче продуктов, чинили одежду, пилили дрова, носили воду и другое.

Особое внимание в работе детских домов было уделено трудовой подготовке воспитанников. На средства Деткомиссии при КарЦИКе функционировало 19 мастерских: столярные, сапожные, швейные, переплетные, чулочно-вязальные. В обучение ремеслам было втянуто примерно 30% воспитанников детских домов. Также детский труд находил применение на полевых и огородных участках и внутри самих детских учреждений. Острой проблемой являлось трудоустройство детей, достигших 17-летнего возраста. Затруднения при выпусках воспитанников встречались и в виду того, что детские дома в период с 1918 по 1923 г. не могли дать воспитанникам достаточной подготовки к жизни как в области образовательной, так в области профессиональных навыков, но это положение постепенно менялось. Проводились мероприятия по улучшению подготовки воспитанников детских домов к трудовой общественной деятельности.

Активно проводилось общественно-политическое воспитание через организацию детской среды, пионерской работы, политкружков, стенгазет и журналов. Но и в пионерской работе ощущался острый дефицит опытных и авторитетных руководителей[1]. Велась различная кружковая работа, создавались театральные, хоровые кружки, кружки любителей чтения и изучения сельского хозяйства и садоводства. Для воспитанников детских домов организовывали летние колонии. Проживание детей вблизи с озером и сосновым бором способствовало укреплению здоровья. В колониях создавались пионерские отряды, ставились спектакли, оказывалась помощь в полевых работах крестьянам.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. стала складываться новая система детских учреждений, направленных на охрану детства. Общественные организации принимали участие в создании и обеспечении функционирования детских учреждений, но основная роль отводилась государству. Детские дома являлись ключевым звеном по ликвидации детской беспризорности. В Карелии одной из их особенностей было деление на «национальные» и прочие детские дома, отражавшее специфику национальной политики в крае.

[1] НАРК. Ф.Р.-630. Оп.1. Д.10. Л. 57.

А.Д. Реутова
г. Иваново, Ивановская государственная медицинская академия

Организация детских яслей в Иваново-Вознесенской губернии в 1920-е гг.

Современная система дошкольного образования начала формироваться после Октябрьской революции. До 1917 г. в России существовал опыт устройства яслей, но их функции, задачи, обустройство существенно отличались от подобных учреждений, появившихся в нашей стране с утверждением советской власти.

Вопрос охраны материнства и детства был поднят ещё задолго до известных событий октября 1917 г. Зачинщиками в решении данной проблемы были европейские страны. В России данный вопрос обсуждался в годы работы третьей Государственной думы (1909–1912 гг.)[1].

В ноябре 1917 г. была принята программа социального страхования рабочих, в которой предусматривался отпуск женщинам по беременности и родам с сохранением полного заработка (12 недель для женщин, занимавшихся умственным трудом и 16 недель для тех, кто был занят тяжёлым физическим трудом). Кормящие матери получали право отлучаться с работы на 30 минут через каждые три часа. Администрация предприятия не имела права увольнять с работы кормящих матерей и беременных женщин. Кроме того, указанным категориям женщин советское правительство обязывалось в первую очередь обеспечивать продовольствием и специальным пособием на приобретение предметов ухода за ребёнком в размере среднемесячного заработка.

Так же в ноябре 1917 г. в составе образованного Государственного комитета по просвещению был создан отдел дошкольного воспитания и помощи детям. Однако отсутствие с его стороны законотворческой работы, послужило поводом для роспуска уже через 11 дней. Одновременно с этим под руководством А.М. Коллонтай, возглавившей после революции Народный комиссариат государственного призрения (с апреля 1918 г. Комиссариат социального обеспечения), был организован отдел по охране материнства и младенчества. Ему и было поручено развернуть сеть детских учреждений, которые должны были помочь женщинам совмещать материнство с профессиональной работой. Покончить с ведомственной неразберихой помог декрет от января 1918 г., по которому все обслуживающие ребёнка учреждения, в том числе и деревенские ясли, передавались в ведение отдела по Охране материнства и младенчества при Народном комиссариате социального обеспечения[2].

---

[1] Коллонтай А.М. Введение к книге «Общество и материнство» // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи под ред. Шкаренковой Г.П. Политиздат, М., 1972. С. 162-164.

[2] Декреты Советской власти [Текст]. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. Т.1. С. 59–60, 111-112; Лебедева, В.П. Забота о матерях и детях [Текст] / В.П. Лебедева // Женщины в революции: сб. воспоминаний. М., 1959. С. 319–320.

О необходимости государственного попечения о младенцах и рожающих их матерях А. Коллонтай говорила ещё до революции, считая, что «забота о новом поколении должна лежать на той хозяйственной единице, на том социальном коллективе, который в нем нуждается для своего дальнейшего существования»[1]. Данный взгляд был продиктован существовавшими реалиями жизни, а именно высокой младенческой и детской смертностью. Кроме того, Александра Михайловна в государственном попечении видела не просто помощь временно неработающим матерям, не премию им за услугу рождения детей, оказываемую государству, а «шаг вперед в направлении передачи в руки социального коллектива попечения о потомстве, как на одну из мер, ведущих к освобождению личности женщины»[2].

В новых советских условиях, когда каждый должен был трудиться на благо общества, активный женский труд нужно было применять без ущерба для материнства, поэтому ясли, как и другие детские учреждения, являлись просто необходимостью. По мнению В.И. Ленина, организация общественных столовых, детских садов, пионерских лагерей, детских площадок и яслей – те учреждения, которые на деле способны освободить женщину, и уменьшить ее неравенство с мужчиной[3].

В 1918 г. в Москве были сформированы первые девятимесячные курсы, после окончания которых их слушательницы должны были заняться обустройством детских учреждений «нового типа» на местах (дома младенца, дома ребёнка, дома матери и ребёнка, ясли, консультации, молочные кухни и т.п.). В условиях гражданской войны и экономической разрухи решение данной задачи было трудновыполнимо. К тому же необходимо учесть менталитет людей того времени, которые привыкли поручать вопросы воспитания своих детей незамужним сёстрам, старшим детям, старикам. По воспоминаниям М.А. Шустовой, возглавлявшей в тот период отдел по охране материнства и младенчества в Иваново-Вознесенской губернии, «… в таком огромном текстильном центре, как Иваново-Вознесенск, где женский труд был всегда преобладающим; где почти в каждой семье все от подростков до глубоких стариков работали на фабрике, – понятие о яслях было связано с легендой о рождении Христа в яслях, то есть в кормушке для скота, других яслей в Иванове текстильщики не знали»[4]. Подобное высказывание не совсем верно. Конечно, до революции при некоторых фабриках ясли уже были обустроены (например, на одном из предприятий Коновалова они были организованы в 1910 г. в честь пятидесятилетнего юбилея фабрики), но имелось их явно недостаточное количество, и они не отвечали современным требованиям.

---

[1] Коллонтай А.М. Введение к книге «Общество и материнство» // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи под ред. Шкаренковой Г.П. Политиздат, М., 1972. С. 169.
[2] Там же. С. 172.
[3] См. Коллонтай А.М. Советская женщина – полноправная хозяйка своей страны // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи под ред. Шкаренковой Г.П. Политиздат, М., 1972. С. 378.
[4] Государственный архив ивановской области (ГАИО). Ф.П. 295. Оп. 1. Д. 243. Л. 34.

В первую очередь ясли создавались в губернском городе. Для повсеместного появления подобных учреждений, особенно в отдалённых районах и деревнях, не хватало ни средств, ни людских ресурсов. Так, выше упомянутая М.А. Шустова писала, что в Макарьевском уезде, вошедшем в состав Иваново-Вознесенской губернии в 1924 г., в деревнях по инициативе и за счёт средств самого населения создавались сезонные ясли (на время полевых работ). В них не только не уделялось внимания вопросам развития и воспитания детей, но они даже не отвечали санитарным требованиям того времени. Они обустраивались, как могли – по-старинке. «… Лубочные зыбки сносились в одну избу; ни специального белья, ни оборудования не было. Несли ребёнка и вместе с ним несли лубочную зыбку и 2–3 вонючие пелёнки, сшитые из старья; несли бутылку молока, горшок пшённой или ржаной каши, картошку, иногда пару круто сваренных яиц… Из этих горшков няньки брали и жевали кашу для соски, закладывая её в грязную тряпку. Из этих горшков кормили всех ходунков одной деревянной ложкой по очереди. Клопы, тараканы и другая нечисть кишмя кишела как головастики…»[1].

С целью усиления работы, придания ей важности и выстраивания общей линии воспитательного процесса в 1921 г. по распоряжению правительства все детские дошкольные учреждения были переданы в Отдел народного образования, т.е. перешли в ведение Народного комиссариата просвещения.

В первые годы советской власти в Иваново-Вознесенской губернии ясли создавались в основном при фабриках с двухсменным обслуживанием детей. В 1926–1927 гг. фабрики начали переходить на трёхсменную работу. Возникла необходимость перевода дошкольных учреждений на трёхсменный приём ребят. Впервые подобная работа в рассматриваемом регионе была опробована по заданию Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в яслях при фабрике имени Дзержинского. Однако этот эксперимент показал свою нецелесообразность, т.к. ежедневно менялся режим дня детей. Поэтому было решено перейти на круглосуточную работу яслей с пребыванием в них ребёнка в течение всей недели, кроме выходного дня.

Неудобство в работе яслей доставляло и то, что детские учреждения, прикреплённые к фабрикам, комплектовались только детьми работниц данного предприятия. А т.к. женщины жили в разных уголках населённого пункта и его пригородах, то им вместе с детьми приходилось преодолевать расстояние в несколько километров. Поэтому матери нередко оставляли своих малышей дома. Вследствие этого неслучайно специально делегированные работницы, проверяющие детей из-за их длительного отсутствия в дошкольном учреждении, находили их запертыми дома на замок, причём нередко привязанными к ножке кровати.

[1] Там же. Л. 76-77.

Одновременно с распространением ясельной системы началась работа по убеждению женщин, имеющих малолетних детей, посещать детскую консультацию. В этом вопросе также было встречено сопротивление со старыми предрассудками. Отныне за дошкольными учреждениями закреплялись врачи и данная практика быстро доказала свою эффективность и целесообразность.

С каждым годом сеть яслей расширялась. Например, в 1928 г. на 1000 тружениц приходилось 28 мест в яслях, а к 1931 г. – 88[1]. Очевидно, что проблема устройства малышей в государственные учреждения оставалась по-прежнему крайне острой.

В апреле 1931 г. на Всероссийском совещании по вопросам охраны материнства и младенчества было принято решение о широкой организации массовых форм ясельного обслуживания. Но, несмотря на все усилия, вопрос об обеспечении необходимого количества мест в яслях и качественного обслуживания детей в них оставался открытым на протяжении всех 1930-х годов.

Таким образом, создание яслей было необходимым, но сложным делом в условиях становления советской власти. Развитие ясельной системы в Иваново-Вознесенской губернии, как и по стране в целом, – это процесс, имевший глубокую идеологическую составляющую.

Л.А. Явнова
г. Бийск, Алтайский государственный гуманитарный педагогический университет имени В.М. Шукшина

Социальная политика государства и компания по ликвидации беспризорности на Алтае в первой трети XX в.: опыт патроната

Государственная политика в отношении детей существовала практически на всех этапах истории России. В 1924 г. правительство начало программу по поддержке патронирования, которое рассматривалось как средство трудового воспитания и способствовало освобождению мест в детских домах. В апреле 1926 г. вновь было узаконено усыновление, запрещенное Семейным кодексом 1918 г. Принимая во внимание неудовлетворительное функционирование многих детских домов, колоний, интернатов, представители большевистского руководства в середине 1930-х гг. решили полностью изменить приоритеты в методике борьбы с детской беспризорностью.

В 1935 г. в Западно-Сибирском крае при помощи женских организаций было выявлено 8 тыс. 439 беспризорных и безнадзорных детей. На 1 февраля 1936 г. в Западно-Сибирском крае имелось 130 детских домов, в которых находилось 11 тыс. 721 чел. 79% детей совершили преступления, каждый или 11% был больным. Одной из основных причин беспризорно-

[1] Социальное страхование по ИПО за два года. 1929-1931г. Иваново-Вознесенск, 1932. С. 65.

сти детей являлась их бытовая неустроенность и семейное неблагополучие. Из 8 тыс. 439 детей только 4 тыс. 264 ребенка отчетливо помнил своих родителей, только 22% из них имели отца и мать, а остальные 87% только отца или мать, либо были круглыми сиротами[1]. За год с 1936 г. по 1937 г. выбыло из детских домов 1 тыс. 426 детей. Из них на производство были направлены 136 воспитанников, к родным 420, убежали 47, на потранирование было отправлено 74, умерло 37 детей. Остальные были направлены в другие детские дома всего 671 чел[2].

В резолюции о деятельности Отдела Социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) по Павловскому району Алтайского края за 1928–1929 гг. так же было отмечено: «… детские дома района находятся в тяжелых условиях: оборудования и снабжения не достаточно и местами доходит до того, что дети пьют ложками, нет кружек, мисок и необходимой посуды, обед проходит в две-три смены т.е. до девяти смен[3]. Положительным опытом организации детского дома являлась деткоммуна «Муравейник», который располагался в с. Алтайское. Его руководителем был В.С. Ершов. В деткоммуне «Муравейник» всегда была семейная обстановка, В.С. Ершов относился к воспитанникам как отец, а дети называли его отцом, при выходе из деткоммуны некоторые дети носили его фамилию и поддерживали с детдомом связь. Многие, получив образование, возвращались в детский дом и работали воспитателями. Самые разные профессии выбирали себе воспитанники детского дома. В газете Алтайская правда за 1938 г. приводились примеры: «…В.В. Русина работает начальником почтового отделения в Солонешенском районе, Пещин В.П. работает в районном НКВД в с. Алтайское, Ершова А. – учитель в средней школе»[4]. Именно создание семейной обстановки и отеческая забота В.С. Ершова делали детей детского дома воспитанными и прилежными, чего не могли добиться руководители других детских домов и часто вели с В.С. Ершовым переписку по этому поводу.

Детские дома и другие подобные учреждения перестали рассматриваться в качестве основного средства содержания беспризорных детей. Тогда основной упор советское руководство сделало на опеку (патронирование) и усыновление детей. Порядок патронирования, превратившегося в ведущий метод преодоления беспризорности, был определен в ряде нормативно-правовых актов. ВЦИК и СНК РСФСР 1 апреля 1936 г. приняли постановление, согласно которому патронирование (патронат) определялось как передача детей, не достигших возраста 14-ти лет, на воспитание в «се-

[1] Воробьева М.И. Участие женщин Западной Сибири в ликвидации безнадзорности и беспризорности: исторический аспект // Вестник филиала ВЗФЭИ в г. Барнаул.-2010 г. № 15. С. 111.
[2] ГААК. Ф.Р. – 573. Оп 1. Д. 207. Л. 1.
[3] ГААК Ф.Р. -35. Оп. 1. Д.58 Л. 67 об.
[4] ГААК Ф.Р.-1644. Оп. 1. Д.6. Л. 17.

мьи трудящихся». Воспитание детей в порядке патронирования продолжалось «до достижения патронируемым 15-летнего возраста»[1].

Усыновление детей не имело широкого распространения. Всего по Сибирскому краю усыновлено со времени издания декрета об усыновлении по 1 октября 1927 г. из детдомов, беспризорных и живших в семьях – 300 детей. Преимущественно усыновлялись дети в младенческом возрасте. Для сравнения в начале 2000-х гг. семейные формы устройства сирот охватывают преимущественно детей до 7 лет. В основном усыновляются дети в возрасте до 1 года – 86%, от 1 года до 3 лет – 8% и от 3 до 10 лет – 6% . Чаще усыновляли мальчиков – 52%[2].

Отдача подростков на воспитание в трудовые крестьянские и рабочие семьи в интересах трудовой подготовки по специальным договорам (патронат). В апреле 1926 г. был принят закон «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду». В мае 1928 г. был принят закон «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящимся в городах и рабочих поселках» По договору семья должна была получать государственную поддержку в виде пособия на содержание детей. За переданными на патронат устанавливалось наблюдение: в городской местности – со стороны отделов народного образования, в сельской – со стороны сельсоветов.

Своеобразной формой решения проблем беспризорности стала передача детей в крестьянские и рабочие семьи. Институт патронирования в Алтайском крае был развит слабо, проверка положения патронируемых не была введена в систему, что приводило к уходу детей из крестьянских семей и к эксплуатации взятых на непосильных работах[3]. В большинстве случаев дети передавались в семьи, которые были не в состоянии нормально воспитать и обеспечить ребенка[4]. Число патронированных по районам Алтайского края в 1938 г. значительно выросло, до 3 тыс. 606 чел.[5]

В начале июня 1936 г. вышла инструкция Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, дополнявшая и уточнявшая порядок патронирования. В инструкции, в частности, отмечалось, что «на воспитание не отдаются дети в состоянии острых и хронических заболеваний, а также умственноотсталые». Таким образом, соответствующие органы должны были сначала обследовать ту или иную принимающую семью, дабы выяснить, способна ли она принять беспризорного на воспитание. Воспрещалось передавать детей в семьи, «где уплата за патронат являлась бы основным источником существования семьи», но такие случаи все равно имели место. Установившаяся в стране новая

[1] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» от 1 апреля 1936 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_4069.htm
[2] Морченко Ю. Брошенные дети. Третья волна беспризорности // Парламентская газета. 2005. № 1824. С. 42.
[3] ГААК Ф. Р.-35. Оп. 1. Д.58 Л. 67 об.
[4] ГААК Ф. Р.-7. Оп. 1. Д.2. Л.3.
[5] ГААК Ф. Р.-7. Оп. 1. Д.7. Л. 3. Подсчитано автором

власть выработала собственную систему воспитания, что, несомненно, отразилось на борьбе с беспризорностью, которая включала как изъятие детей с улицы, так и своевременное оказание помощи нуждающимся детям.

Е.С. Рябкова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Роль жены- и матери-труженицы в период Большого скачка в КНР (1950-е гг. XX в.)

Поддержано грантом РГНФ 16-01-00136

Мао Цзэдун отмечал, что «китайское женское освобождение – это часть китайского революционного движения и формирования социализма, а также – это этап процесса освобождения человечества»[1]. «Во имя создания народного богатства», – писал он, – «необходимо участвовать в общественном производстве, повышая экономический, политический и социальный статус женщин. Это и есть основное условие женского освобождения[2].

С целью активного вовлечения женщин в трудовой процесс, в мае 1950 года КПК издала «Закон о браке», один из первых законов, появившихся в Новом Китае, который устанавливал «запрет на угнетение женщин, возвышение статуса мужчин и принижение статуса женщин; приветствовалось презрительное отношение к феодальному институту брака в пользу интересов своих сыновей и дочерей. Необходимо воплощать в жизнь принцип свободного вступления в брак мужчин и женщин, принцип «один муж – одна жена», принцип равноправия мужчин и женщин. Закон защищал права женщин в условиях становления нового демократического института брака и семьи[3].

Молодым девушкам предписаны следующие пункты: во-первых, женщинам абсолютно не стоит выходить замуж в период взросления и физического развития! Во-вторых, перед тем, как вступать в брак, молодым девушкам нужно набраться жизненного опыта и приобрести необходимые навыки, хоть это всегда считалось лишь мелким делом; в-третьих, женщина должна самостоятельно и независимо от кого-либо подготовить себе средства на материальное содержание самой себя в послеродовой период»[4].

Воспитание детей Мао рассматривает как неотъемлемую часть успешного развития китайского общества, и на что необходимо обращать большое внимание. Председатель КНР пишет о великой роли женщины – в воспитании детей, трудясь во имя общества, «но не стоит забывать и так

[1] Мао Цзэдун. Сочинения. Пекин, 1993. Т. 1. С. 82.
[2] Там же, С. 85
[3] Зачем живут женщины?, Пекин, 1964. С. 31
[4] Там же, С.33

называемый «институт влюбленности» до заключения брака, который молодое поколение может создать совместными усилиями!»[1].

Контролируемое партией издательство Женского совета издавало книжки и брошюры с указаниями, какую роль женщины играют в обществе, как не обидеть мужа и как быть примерной женой. Любовные встречи перед заключением брака были официально разрешены, если женщина не понимала толк в свиданиях, то она не смогла бы создать счастливую семью[2]. Работа ставилась на первоочередное место для женщин и мужчин в равной степени. Общественное благо ставилось на первое место, а личная жизнь человека на второе. Партия, не желая отрывать будущих молодоженов от производственных работ, «освободила» коммуны от празднований свадебных церемоний, а воспитание детей партийные работники взяли полностью на себя как в сельской, так и в городской местности

Партия призывала не жениться мужчинам моложе 28, не выходить замуж женщинам моложе 24 лет. Так, в одном из журналов встречаться и ходить на свидания, морочить себе голову любовными встречами в юношестве не стоит, ибо еще не выполнен вклад в общественное развитие, нет наработанных рабочих, трудовых навыков. Только приобретя необходимые навыки, можно создавать семью. Свидания официально разрешались, даже пропагандировалась их польза к формированию семьи, однако на деле они были ограничены обыденными беседами[3].

Разводы в сельской и городской местностях обсуждались коллективно – в коммунах и на партийных собраниях. В большинстве случаев обвинялись женщины в антикоммунистических мыслях и во вреде обществу. Однако, несмотря на ощутимое партийное влияние на бракоразводный процесс, динамика подач на развод двигалась в сторону увеличения. Так, сразу после обнародования «закона о браке» в 1950 г. было подано и одобрено 186 167 заявлений на развод, в 1952 году – 398 243 заявления, в 1955 г. – 518 794 заявления по инициативе женщин[4]. Главной причиной стала смена вех – переход от старого к новому обществу, когда «один все еще следовал «старым феодальным принципам, а второй принял новые»[5] Второй самой распространенной причиной были «угаснувшие чувства любви между супругами[6], которые отныне активно пропагандировались КПК. Как указывалось в партийных семейных и брачных книгах-инструкциях, хорошей женой называлась та, которая успевала отработать много смен в сутки, успеть подарить ласку детям и мужу дома, хорошо работать, много работать, служить во имя китайского народа.

[1] Зачем живут женщины?, Пекин, 1964. С. 31.
[2] Между женщиной и мужчиной. Пекин: Изд. «Китайские женщины». 1964. С. 38.
[3] Там же С. 39.
[4] Женщины участвуют в политике: 60 лет институциональной эволюции в Новом Китае. Пекин. 2009. С. 125
[5] Почему разбиваются отношения между супругами? Пекин: Изд. «Китайские женщины». 1955. С. 3.
[6] Там же С. 5.

Цзюн Чанг, одна из современниц периода Большого скачка пишет: «Отец всегда злился, когда видел нежности матери к нам, и что мы оставались подолгу дома с бабушкой и не уходили в наши «детские дома», чтобы мы воспитывались в коллективном духе. Отец помимо камерной партийной работы исполнял инспекционные работы в селе, проверял, как проходит процесс обучения селян, как работают в полях. Мать занималась агитационной работой в организациях, бывших в ее подчинении. Верила ли она в то, что делала? Отчасти. Всю неделю мы учились и жили в детских домах. Так учились все[1].

Результатом было то, что многие дети, в том числе и мы, возвращались часто больными из детских домов домой, вопреки их активной пропаганде со стороны КПК. При нас родители не ругались, многие дети рассказывали, что родители при них молчали и были спокойны. Однако нередко из комнаты доносились ругань и крики. Мамы часто приходили ночью к своим детям, и это было единственным моментом, когда они могли прикоснуться к ним. Прилюдные прикосновения к детям, к женщинам, своим детям и женам, подругам запрещались, это каралось выговором и воспитательными работами. Отец позволял себе даже дома лишь легкие хлопки по плечу своим сыновьям, то есть моим братьям. Прикосновения отцов и дочерей запрещались строго-настрого[2].

Коммунистическая Партия учила, что все время каждого дня, кроме перерыва на обед и сон, должно быть уделено труду, на семью не оставалась времени никогда, кроме пары дней в месяц, когда можно было гулять с детьми свободно в парке. Однако объятие детей считалось антиреволюционным актом. Женщины, которые говорили о семьях на работе, критиковались другими работницами и начальниками за пустую трату времени. Детям нередко хотелось упасть в объятия родителей. Но они не могли позволить себе этого[3]. Если работница не подчинялась общественным правилам по воспитанию, правилам работы, то партийный работники следили за тем, чтобы развести супругов, чтобы забрать детей у нее навсегда. Женщина-китаянка часто должна была жертвовать своим временем, своей семьей ради партии, народа и КНР. Ибо детей воспитывала партия. К женщинам-работницам предъявлялись следующие требования, которые им оглашали партийные руководители производственных групп: на работе можно было говорить только благодарственные слова партии, которая одевала и кормила женщин и их семьи. Друг с другом о семьях и детях говорить было не разрешено. Рабочее и семейное время четко разделялось[4].

В 1954 году Мао объявил о реализации программы планирования семьи, по которой женщины должны были рожать больше детей, Мао хотел

[1] Юн Чжан. Дикие лебеди, Нью-Йорк, С. 287
[2] Там же, С. 288
[3] Там же, С. 289
[4] Там же, С. 291

сильную, многодетную нацию. Однако денег платили очень мало. В газетах то и дело с гордостью писали о строительстве новых роддомов (по 40–50 штук в год, с самыми лучшими условиями)[1].

Однако семьям было не на что кормить семью. Женщины нередко занимались пропагандой партийной детородной политики, будучи уже в положении, ибо это входило в их рабочие обязанности. Зачастую женщины – городские, сельские – не хотели больше детей, имея уже 2–3. Мао категорически отказывался от политики ограничения деторождений в семьях. Женщины-работницы, партийки и сельчанки нередко просили разрешение у партии на аборт. Аборты разрешались в редких случаях партийным работницам, занимавшимся агитацией и оргработами. Операции были очень болезненны, без всякой гигиены и анестезии. Только партийные работницы более высокого ранга могли позволить себе аборт и получить на это разрешение, объясняя это сильной занятостью и боязнью потерять стимул ко вкладу в общественные работы[2].

Вовлечение женщин в производственный процесс с наделением их гражданскими правами и свободами положительно отразилось на их общественном правовом статусе, однако, имело отрицательный отпечаток для семейной жизни.

А.Н. Куликова
г. Москва, независимый исследователь

Родительство эвенков Якутии в условиях трансформации традиционной модели семьи посредством образовательной системы (школы-интерната)

Традиционная модель эвенкийской семьи Якутии до начала 20-х гг. XX в. представляла собой расширенную большую многодетную семью, численностью, колеблющейся от 5 до 12 человек и более. Родовая организация семьи (дюган (эвенк.) – букв. домашние) составляла сложную систему родства, состоящую из двух-трех поколений, ведших совместное кочевое хозяйство. С началом эпохи глобального советского переустройства традиционной жизни «порабощенных царизмом народов» в 1924 г. Президиумом ВЦИК был создан Комитет Севера по социально-экономическим и культурным делам для осуществления нового уклада в среде малочисленных народов Севера, включающий в себя перевод на оседлый образ жизни и расширение хозяйственной деятельности в рыночных целях[3]. Обязательной инновацией было предписано введение массового образовательного процесса среди коренного населения. Для охвата детей учебой было решено расши-

[1] Столетний обзор жизни китайских женщин, Шаньдун, 2000. С. 5
[2] См.
[3] Макарова К.И. Наследие моих сородичей. - Нерюнгри: Полиграфический центр. 2012. С.16.

рить сеть интернатов по всей республике (в Тимптонском районе республики в 1950 г. было построено 6). Население, ведя кочевой образ жизни, натуральное хозяйство, не хотело отпускать своих детей в создававшиеся школы-интернаты, в которых дети должны были проживать до 9 месяцев в году, несмотря на полное государственное обеспечение. Поэтому, несмотря на открытие школ-интернатов, многие дети охотников и оленеводов в школу не приезжали. В отчетах указывалось, что родители умышленно укрывают детей, так в 1932 г. партийный деятель П.Г. Свидоч докладывал: «никогда не бывает так, чтобы открыли школу и туземцы сразу же повели своих детей. По два года пустуют иные школы. Учителя надевают лыжи и едут на вербовку детей, доказывая родителям необходимость учебы»[1].

Наряду с увещеванием и убеждением необходимости обучения детей, практиковалось насильственное изымание детей из эвенкийских стойбищ с транспортировкой их в отдаленно расположенные школы-интернаты. Мне доводилось слышать рассказы информантов с. Иенгра, когда в эвенкийское стойбище осенью прилетал вертолет забирать детей в школу, взрослые, слыша подозрительный шум, говорили детям, чтобы они убегали и прятались в тайге. Дети бросались врассыпную, кто куда, чтобы не нашли. Никому не было понятно, зачем и куда увозят детей?![2] Постепенно взрослые стали принимать новые вызовы и нехотя, но уже самостоятельно отдавать детей в школу учиться. Старожилы вспоминают, «что родители были сознательные люди, всех детей отдали в школы, и вступили в колхоз»[3].

Государство в буквальном смысле «забрало» функции воспитания и обучения эвенкийских детей с отрывом ребенка из семьи и естественной среды в специализированные школы-интернаты, что, спустя десятилетия существующей схемы государственного воспитания / образования / обеспечения, коренным образом трансформировало традиционные формы жизнедеятельности этноса. Такое циничное внешнее вмешательство в личную жизнь практически каждой семьи было болезненно воспринято эвенками. Но постепенно образовательная система школы-интерната прочно вошла в новую «цивилизованную» жизнь эвенков как неотъемлемая часть со всеми положительными и отрицательными последствиями. Учреждение школ-интернатов с подменой модели семейного воспитания и образования на государственную породило уродливое, деформированное созданное государственной системой убеждение большинства эвенков, что *государство обязано обеспечивать, воспитывать и обучать детей, а после и студентов «малочисленных»*. Так, среди сегодняшнего поколения родителей и опекунов – оседлых поселковых жителей, также получивших воспитание в интернате, бытует общераспространенное мнение: «Мы выросли, и они (на-

[1] Румянцев Н.А. Тимптонские эвенки Южной Якутии История и современность. Нерюнгри: Печатный дворъ. 2015. С 164.
[2] Полевые материалы автора, с. Иенгра, Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия) 2014 г.
[3] Информант Тихонова К.С. Полевые материалы автора, с. Хатыстыр Алданского района Республики Саха (Якутия) 2014 г.

ши дети – *прим. ав*.) вырастут. Ничего плохого в этом нет, всегда будут сыты»[1]. Родители с заметной легкостью передают своих детей в школу-интернат, «на полное государственное обеспечение», освобождаясь от обузы[2]. Фиксируется фактически полный отказ от материального содержания и моральной ответственности за психологическое, физическое, учебное состояние ребенка. Таким образом, роль родительства в жизни детей фактически сводится к нулю самими родителями. Позиция большинства родителей и опекунов поражает своим равнодушием и единомыслием – государство, школа, учителя и воспитатели *должны сделать так,* чтобы их дети были воспитанными, хорошо учились, являлись образцом для сверстников. По понятным причинам такая «идеальная государственная модель воспитания-обучения» в представлении многих поселковых родителей не оправдывает их ожиданий. Как правило, дети плохо слушаются педагогов, зачастую не организованы, недостаточно дисциплинированны. При выпуске из школы дети из этой категории пополняют ряды маргинально настроенной молодежи. В подобной ситуации не совсем ясна позиция родителей таких воспитанников, обвиняющих школу в том, что они плохо присматривали, плохо учили и не развивали способности ребенка.

Значительная деформация социальных ролей семьи в воспитании детей, к сожалению, имеет широкое распространение и является следствием советского государственного строительства; целенаправленного, долговременного и неуместного протекционизма, «медвежьей услугой» для без того немногочисленных якутских эвенков. Вина за укоренившееся в нескольких поколениях порочного убеждения о «государственном обеспечении» и пагубные последствия оного, конечно же, лежит на принимавших подобные решения партруководителей. Переустроительные меры жизненного уклада и семейного воспитания крайне негативно сказались на саморегулирующемся механизме воспитания ребенка в институте семьи и значительной этнической дезориентированности, утрате национальных и культурных черт, языка, религии, народной родительской педагогики и кризису преемственности поколений. Устойчивая социальная структура кочевого эвенкийского общества, подверглась сильной трансформации, что привело к реальной демографической проблеме и сужению национального генофонда[3]. Сегодняшнее настоящее эвенкийского этноса пребывает в маргинальном положении – много фактов мужского и женского (в том числе подросткового) алкоголизма, суицид, асоцильность, безработица, крайне низкая продолжительность жизни, девиантность молодежи. В связи с этим значимость детствосбережения в воспитании и образовании детей, преемственность национальных традиций в натуральной, а не искусственной среде школы-интерната осознает интеллигенция

[1] Полевые материалы автора, с. Иенгра, Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия) 2014 г.

[2] В Золотинской школе-интернат с. Иенгра такие дети составляют 50% (!). Полевые материалы автора, с. Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия) 2014 -2015 гг.

[3] Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20-30-х годов XX века: очерки истории. Влад.: Дальнаука. - 2001. С. 194.

эвенкийского этноса национальных районов Республики Якутия. В реальностях настоящего активистами, главами родовых общин рассматривается ретроспективный воспитательный процесс – возврат образования в родовую семейную среду посредством кочевых школ.

Л.В. Лебедева
г. Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Организация детских яслей: проблема двойных стандартов

Первое десятилетие советской власти стало поворотным в гендерных отношениях. Государство определило новое место женщин в обществе, предоставив им равноправие в семейной, трудовой и политической жизни. Наравне с мужчинами, они приобретали одинаковый статус «трудящихся»[1]. Для реализации двух задач: улучшения демографической ситуации в стране, рождения и воспитания здорового поколения, и сохранения «классовой активности» женщин, новая власть предложила идею общественного воспитания детей[2].

Организация яслей находилась в ведении отдела Охраны материнства и младенчества при Народном комиссариате здравоохранения. Первые ясли были созданы уже в 1917 г. При фабрично-заводских предприятиях удалось организовать 14 постоянных яслей. В последующие годы происходило их увеличение. В 1918 г. их насчитывалось 78, в 1919 г. – 126, в 1920 г. – 620, в 1921 г. – 713, в 1922 г., несмотря на голод в ряде губерний, – 1287 яслей. Однако передача содержания яслей на местный бюджет привела к их резкому сокращению. В 1923 г. их уже было 558, в 1924 г. – 575[3].

Оценивая первые годы работы яслей, Наркомздрав отмечал их частичную результативность. К положительным итогам их деятельности было отнесено «освобождение матери-работницы от ухода за своими детьми на время своей работы». К невыполненным задачам относилось более широкое привлечение в ясли детей грудного возраста. В процентном отношении детей до года посещало только – 26,6 %, до трех лет – 57,7 % и старше – 15,7 %. В некоторых губерниях последних было около 50 %, т.е. ясли превращались в детский сад и детскую площадку. Недостаточным было обеспечение яслей медперсоналом. Не во всех были врачи. В среднем ясли обслуживали 2 медсестры и 4–5 нянь, 4 человека подсобного персонала. Отмечалась слабость культурно-просветительной работы среди матерей, не налаженность первичной регистрации детей[4].

---

[1] Лебедева Л. В. «Теперь мы равноправные граждане, теперь мы, бабы, такие же люди…» // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ. Ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 583–604.
[2] Коммунистка. 1920. № 6. С. 29.
[3] Генса А. Деятельность постоянных яслей за 1923 год. М.: Отдел Охраны материнства и младенчества Наркомздрава, 1925. С. 1–3.
[4] Там же.

Организация яслей проходила и в деревне. Она имела ряд особенностей. Крестьянская семья включала в себя несколько поколений, была многодетной. В ней существовало четкое распределение обязанностей между всеми. Маленькие дети находились на попечении бабушек, дедушек, старших сестер и братьев. Традиционно они рассматривались как основная сила в воспитании детей. В то же время, в период жнитва, которое привлекало к себе большие силы, в поле выезжали все: беременные женщины «на сносях», и на второй день после родов, и кормящие матери с грудными детьми[1].

Для организации яслей в сельской местности использовался опыт города. Первоначально в 1919 г. отделы Охраны материнства и младенчества Наркомзема на местах стали организовывать комиссии содействия. В 1921 г. ЦК партии обязал губернские комитеты провести широкие кампании по организации сельских яслей. С 1924 г. в связи с политикой усиления советов на местах на основании постановления ВЦИК от 24 ноября на сельские советы, волисполкомы и райисполкомы была возложена «забота об охране материнства и младенчества». При этих органах власти создавались постоянные комиссии во главе с членом совета, куда входили представители от комитета взаимопомощи, местного кооператива, комсомола, врач, акушерка, народный судья, волорганизатор, делегатки-крестьянки. В их задачу входила организация и оказание содействия (трудового и материального) в создании яслей[2]. Доля родителей в расходах на содержание детей в яслях составляла примерно 25–30%.

В связи с сезонной необходимостью в яслях, активной занятостью крестьян с апреля по ноябрь, отсутствием средств в стране, в сельской местности организовывались летние ясли в страдную пору. Им отводилась роль «школы для матерей-крестьянок» по вовлечению их в общественную работу, обучению при посещении яслей «правильному вскармливанию, уходу за детьми и воспитанию». Кормящие матери должны были приходить 2–3 раза в день в ясли, чтобы покормить своих детей[3].

При приеме детей в ясли, в соответствии с проводимой политикой, в первую очередь принимались дети бедняков, батрачек, красноармейцев и во вторую – дети середняков и служащих. Существовали возрастные рекомендации-ограничения. Желательным был прием детей с 6 месяцев до 3 лет, хотя возможно было принимать в ясли до 6 лет включительно (детские сады находились в ведении Наркомпроса)[4].

Были продуманы меры медицинского характера. Кроме ежедневных осмотров, детям обязательно прививалась оспа. В случае эпидемии кори, скарлатины, коклюша, тифа и др. открывать ясли было запрещено.

---

[1] Лебедева Л.В. Жизненные трудности крестьянки 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. С. 225.
[2] Генс А. Как организовать летние ясли в деревне. М.-Л.: Долой неграмотность, 1926. С. 6–8.
[3] Там же. С. 12.
[4] Там же. 20–21.

Первая агитационная работа имела скромные результаты. В 1921 г. в РСФСР было создано 689 летних яслей, которые охватили 32180 детей. Особенностью их работы было время содержания детей – с 4 утра до 23 часов вечера[1]. Рост числа сельских яслей наметился во второй половине 1920-х гг. В 1925 г. их уже насчитывалось 2614[2]. В рамках одной губернии рост численности сельских яслей выглядел следующим образом. Например, в Пензенской губернии в 1924 г. было всего 29 яслей, из них 2 фабричных и 1 городские в г. Пензе и 26 сельских (летних и стационарных). Они охватили всего 822 ребенка[3]. В 1925 г. было организовано 51, в 1926 г. – 70, в 1927 г.– 100 сельских яслей[4]. Их рост происходил как благодаря активности государства, увеличению плановых показателей (например, в Пензенской губернии в 1928 г. они должны были увеличиться до 134), так и по инициативе крестьянок, положительного опыта организации яслей, под воздействием агитации.

Таким образом, организация яслей, в первую очередь была продиктована экономическими потребностями государства в его обеспечении трудовыми кадрами. Они создавались как учреждения, «раскрепощающие быт работниц и крестьянок», в рамках большевистской идеологии они должны были помочь совмещать воспитание и уход за ребенком с производственной и общественной деятельностью. На детях отражалось социальное неравенство. Главным недостатком в организации яслей было отсутствие средств, их существование за счет местных бюджетов, поддержки различных организаций, населения, что существенно сдерживало их развитие. В результате охват детей был незначительным. Крайне слабым было медицинское обеспечение. Положение сельской женщины и младенца в области охраны здоровья оставалось незащищенным. В то же время, воспитательная работа, распространение знаний о санитарии и гигиене, уходе за ребенком, способствовали медицинскому просвещению, изменению, в первую очередь, быта деревни. Новые знания меняли представление о воспитании детей.

Двойные стандарты в отношении яслей сохранялись долгое время. С одной стороны, это была заинтересованность государства в привлечении женщин на производство, разработка социальных программ семейной поддержки, включающих строительство детских яслей. С другой, поддержка в первую очередь городских жителей, неравномерность распределения финансирования, что приводило к перекосу привлечения детей в ясли. Цифры показательны. В начале 1950-х гг. каждый третий городской ребенок мог посещать ясли, в сельской местности один из двенадцати. Только крупные, экономически крепкие колхозы могли осуществить строительство отдельных помещений, хорошо их оборудовать, привлечь квалифицированные кадры для их обслуживания. Для остальных хозяйств сохранялась ситуа-

[1] Коммунистка. 1922. № 3–5. С. 17
[2] Беднота. 1926, 2 марта. № 2348.
[3] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926. Пенза: Центральное статистическое управление, 1927. С. 107
[4] Полбицын Г.Т. 10 лет октября. Пенза: Издание Пензенского губисполкома, 1928. С. 73.

ция летних яслей с временным помещением и работниками[1]. Например, в Пензенской области в связи с тем, что женщины, имеющие малолетних детей, не вырабатывали минимума трудодней, в 1954 г. Областным отделом Здравоохранения были организованы сезонные ясли на 7067 мест. В основном их создавали в частных домах, и дети находились в помещении совместно с хозяевами домов. Санитарное состояние в таких яслях далеко не соответствовало необходимым нормам. Медработники посещали ясли раз в месяц. Контроль приготовления пищи отсутствовал. Ощущалась нехватка постельных принадлежностей, посуды.[2].

Политика сильного нажима на деревню приводила к сохранности архаичных форм материнства и младенчества. Женщины вынуждены были брать детей, в том числе и грудных, в поле, на ферму, оставлять одних, что приводило к травматизму, несчастным случаям, болезням. К началу 1980-х гг. каждый четвертый населенный пункт страны не имел яслей и детского сада, многие из существующих находились в аварийном состоянии[3].

Т.И. Митрохина, И.М. Крючкова
г. Рязань, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Социально-психологические аспекты современной социальной рекламы в защите материнства, младенчества и детства

Поддержка материнства, младенчества и детства является актуальной проблемой для современного общества. Ведь на протяжении нескольких десятилетий в России наблюдается демографический кризис. Несмотря на то, что в последние годы ситуация улучшилась, все же еще рано говорить об окончательном выходе из этого кризиса. Повышение рождаемости становится важным направлением социальной политики нашей страны.

Семья – это основополагающая ячейка общества. Она занимает особое место в жизни каждого человека. От состояния семьи зависит состояние государства. Материнство, детство, семья представляют собой взаимосвязанную систему социальных факторов, которые определяют состояние всего общества и перспективу его прогрессивного развития, нормальную смену и преемственность поколений, подготовленность новых членов общества, будущих родителей.

Природное назначение женщины – быть матерью, но современная жизнь диктует новые тенденции, связанные с тем, что женщины все реже стремятся заводить детей, что в свою очередь приводит к снижению воспроизводства жителей страны.

---

[1] Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М., 2011. С. 356.
[2] Новинская Т.Ю. Благосостояние населения Пензенской области (1946-нач. 1960-х гг.). Дис. на соискание ученой степени канд. истор. наук. Пенза, 2002. С. 160, 162.
[3] Денисова Л.Н. Указ. соч. С. 357–360.

В настоящее время многие благотворительные фонды, коммерческие организации, институты государственной власти, волонтерские движения занимаются созданием и распространением социальной рекламы, ставящей перед собой цель привлечения внимания к проблеме повышения рождаемости, поддержки семьи, материнства, младенчества и детства. С ее помощью формируется общественное мнение по данному вопросу, активизируются действия для решения проблемы. Она также способствует изменению поведенческой модели общества и содействует развитию государственной социальной политики.

Социальная реклама в поддержку материнства, младенчества и детства несет в себе сжатую информацию, представленную в художественной форме: в виде слогана и графических изображений, являющихся составной частью плакатов, фотоколлажей, рекламных щитов, видеороликов.

Реклама посвящена различным темам, среди которых можно выделить распространение модели многодетной и полноценной семьи, защиту жизни нерожденных младенцев, положительные семейные отношения и другие.

Так, серия социальной рекламы по распространению положительного образа многодетной и полноценной семьи включает в себя различные формы ее представления, содержащие в себе такие слоганы, как «Тройная радость материнства», «Мама, папа, брат, сестра – мы отличная семья!», «Третью улыбку в каждую семью!», «Третий ребенок – тройное богатство в третьем тысячелетии», «Путь к смыслу жизни в три раза легче», «Большая семья – большая радость!», «Детей много не бывает», «Моя семья бесценна, когда полноценна», «Счастье – это дети!». Антиабортная серия может быть представлена следующими фразами: «Выбери жизнь!», «Впусти меня в свое сердце», «Отказ от аборта – билет в будущее», «Дождись его улыбки!», «Счастье быть мамой», «Сохраните дитя!», «Если я появлюсь на свет – я буду радовать тебя!», «Подумайте сердцем». [1]

Также социальная реклама посвящается вопросам воспитания и благополучия детей, охране семейного здоровья. Она может выражаться в таких слоганах, как: «Семья нужна каждому», «Ребенок имеет право на жизнь без насилия», «Я выбираю семью, а не болезни», «Берегите детей!» и так далее.

В нашей стране существует «Всероссийская информационная программа по поддержке материнства, детства и семьи», организованная Благотворительным фондом защиты семьи, материнства и детства. Она направлена на информационную поддержку и решение репродуктивных проблем. Ее участниками создаются макеты социальной рекламы, популяризирующие семейные ценности и направленные на профилактику абортов. В свою очередь многие другие благотворительные фонды и организации также активно практикуют подобную деятельность.

[1] Коллекция социальной рекламы в поддержку семьи, материнства и детства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kolybelka.nicwebsite.ru/socialreklama.

Создание социальной рекламы, направленной на защиту материнства, младенчества и детства должно стать приоритетным направлением, поскольку реклама может оказывать мощное психологическое воздействие на людей, способствуя изменению отношения к данному вопросу[1]. Специфика ее воздействия заключается в том, что совершенствование жизненного пространства человека осуществляется благодаря активной, целенаправленной деятельности, при этом она указывает направление реализации энергетического потенциала через воздействие на духовную и психическую составляющую жизненных сил.[2] Социальная реклама меняет модели поведения в соответствии с определенной проблемой, поэтому она играет важную роль в формировании стереотипов всего общества в целом, в том числе и по проблеме поддержки материнства, младенчества и детства.

Большое значение имеет то, что в современном мире она является актуальным способом передачи информации, ведь многие обращают внимание на различного рода баннеры и плакаты, размещенные на улице и в транспорте, изображения и видеоролики в сети Интернет. Социальная реклама доступно излагает призыв к решению той или иной социальной проблемы.

В настоящее время очень важно развивать практику ее создания, так как в долгосрочной перспективе она может привести к благосостоянию всего государства.

С.В. Павлова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская юридическая академия

Семья как основа государственности

Сколько бы научная мысль не рассуждала о стабильности государства, об эффективности государственного механизма, она сталкивается, прежде всего, с вопросом о сущности государственной власти, с самим понятием государства. Поэтому государственная власть как научная категория есть актуальнейшая идея для отечественного правоведения, формирующая конкретно исторический опыт каждого государства.

История политико-правовой мысли выделила две традиции понимания государства: как «полисного союза, основанного на согласии в вопросах, что есть право, отождествляемого со справедливостью», и «аппарата принуждения». Все возможные модификации производны от этих двух типов понимания государства и права. С этих позиций можно говорить о государстве «в широком» и «узком смысле слова». Оба подхода верны и взаимообусловлены, выбор того или иного определяется поставленной целью исследования политико-правовых явлений.

[1] Крючкова, И.М. Особенности социальной рекламы в регионе [Текст] // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: проблемы гетерогенных групп и инклюзивного образования: материалы Международной научно-практической конференции 9-11 октября 2014 года / ред. Л.А. Байковой, Н.В. Евтешиной, И.С. Исаевой, Э.В. Самариной; РГУ имени С.А. Есенина. Рязань, 2014. С. 70–73.
[2] Ковалева, А. В. Эффективность социальной рекламы: опыт измерения [Текст] // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: АлтГУ, 2006. № 2 С. 74–77.

Социальные основания власти, несомненно, кроются в естественно-правовой доктрине, с античных времен ищущей критерий справедливости для определения политико-правовых явлений. Аристотелевская теория синойкизма, объясняющая происхождение государства из семьи, стала фундаментом не только древней, но и средневековой мысли, связав понятие государства как «наивысшего союза людей для жизни совершенной» с семьей, как начальной ступенью общежития.

Природа государства и права обусловлена природой человека – главный тезис античности. Следовательно, исследуя государство и право, рассуждаем, прежде всего, о человеке. Каковым бы ни признавала политическая мысль самого человека – полисным существом или асоциальным, метафизическим или биологическим, правовым существом или «винтиком государственного механизма», очевидна связь права и правопонимания с человеком во всех проявлениях его бытия. «Нельзя установить права и обязанности лиц, не зная, что такое право, где его источник и какие из него вытекают требования. Это начало тесно связано с самой человеческой личностью, а потому необходимо исследовать природу человека, ее свойства и назначение»[1].

Источник и основание всякого права – человеческая личность, с главной ее характеристикой – *духовной природой* и вытекающими из нее требованиями.

Человек есть метафизическое, сверхчувственное существо. Источник высшего достоинства человека в том и заключается, что он носит в себе сознание Абсолютного[2]. На признании духовного начала в человеке покоится исходное начало философии права – личность. Личность есть краеугольный камень всего общественного здания; и определяющее начало всех общественных отношений. Общество лишь через личность обретает свой смысл и ценность.

Само понятие о душе есть краеугольное для права, для нравственности и всех общественных наук.[3] Право и нравственность имеют корни в духовной природе человека[4]. Отсюда справедливо утверждение современной науки о духовной природе права. «В основе всякого права, и правопорядка, и всякой достойной государственной формы лежит духовное начало человека»[5]. Поэтому «творить *внешний порядок* жизни право может только через *внутреннюю упорядоченность души*»[6].

С богословских позиций человек есть существо духовное[7], а государство как общежительный союз выступает, прежде всего, как *духовный союз* людей[8]. Высшей целью государственного союза признавалось сохранение нравственного идеала нации. Также и о праве.

---

[1] Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Либроком. 2010. С. 2.
[2] Там же. С.55
[3] Там же. С.4,15.
[4] Там же. С.89.
[5] Ильин И.А.О монархии и республике//СС в 10-ти тт. Т.4. С.446.
[6] Ильин И.А. О сущности правосознания //СС в 10-ти тт. Т.4. С.408.
[7] См. подробнее: Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991.
[8] Свт. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Творения. М.. 1994. С.312-313.

Отсюда, государство может быть понято как духовный организм. «Государство есть организованное единение духовно солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотическою любовью и поддерживающих ее самоотверженной волею»[1]. Поэтому «*духовная солидарность* есть подлинная и реальная основа государства».[2] Каждая нация формируется вокруг избранного духовного идеала. При его утрате, отказе от него распадаются и сами общественные связи, распадается и государственный союз. *Поэтому главная задача жизни состоит в устроении души человека*[3].

С этих позиций народ имеет не столько социальное и биологическое, сколько, прежде всего, духовное начало, которым определяется основная ценность бытия (культуры) этого народа. «Государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом».[4] Без чувства родины прекращает существование и государство, которое есть *патриотическое* единение людей. Патриотизм истинный всегда духовен, потому что он руководствуется высшими смыслами бытия, сконцентрированными в национальной идее. В ней есть осознание общей радости и общей беды. Только духовное осмысление государства и права «вскрывает» их природу. Для этого, по слову классика, наука должна отойти от поверхностных описаний внешних явлений, а осмысливать процесс исторического движения через аксиомы религиозного опыта.

Основой национальной идеи следует признать *духовно-нравственную ориентацию* гражданского общества. Именно ее содержание включает систему духовно-нравственных ценностей, определяющих качество культуры общества, в основе которой полагается нравственное начало. Идеология нравственности определяет и зрелость правовой культуры. Только в таком ключе нравственного начала в праве правомерно говорить о правовом законе и правовом государстве, заданность которого действующей российской конституцией обусловливает научную значимость и практическую востребованность категории национальной идеи.

Все выше сказанное определяет значение института семьи как основы формирования и существования стабильной государственности. Семья есть не только первичная социальная, биологическая, правовая ячейка. Семья есть, прежде всего, в своей идее *духовный союз* мужчины и женщины, воспроизводящей и воспитывающей потомство, сохраняющее генетический человеческий код.

Именно в семье формируются духовные ценности, определяющие личность человека и общества, а в конечном итоге, «лицо» нации и эпохи. Именно к отцу пришел «крошка-сын» за ответами на вечные вопросы бы-

[1] Ильин И.А.Родина и мы. Смоленск, 1995. С.331.
[2] Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало. 2003. С.267.
[3] Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Либроком. 2010. С.169.
[4] Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2003. С.290.

тия. Поиском истины как Адамовым деланием заняты все поколения мужчин, роль которых в этом смысле непреходяща. Ведь они призваны эту Правду защищать, что и закреплено в качестве конституционной обязанности защиты отечества. Если размывается понятие справедливости в отдельно взятом сознании, обезличивается сама личность, которая утрачивает дух любви и мужественности.

Назначение женщины – по своим природным данным и с чувством красоты – сохранение семьи на основе веры в идеал Любви. Деторождение для женщины это не просто социальная роль, а духовная потребность выразить любовь как природную частицу собственного бытия. В этой любви проявляется начало единения всего человеческого рода, тяготеющего к Творцу.

В современном мире, когда сотрясаются основы нравственности и правопорядка, именно семья, по сути своей основанная на любви к ближнему, может выполнить задачу сохранения нравственного идеала, веры, национальных традиций. В семье, содержащей родственные взаимоотношения, воспитывается культура сердца, совести и чувства*;* культура служения, самоотречения и жертвенности; веры, храбрости и подвижничества. Именно из любви к ближнему вырастает патриотическое чувство, лежащее в основе понимания родины, как духовного смысла государства.

Россия смогла стать великим государством, когда смогла объединить многочисленные племена и языческие культуры на духовных началах равенства и любви. Поэтому высшая цель государства заключается в ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих данному политическому союзу[1].

Исторический опыт свидетельствует, что напряженность между индивидуальными и общественными интересами может быть преодолена тогда, когда права и свободы человека согласуются с нравственными ценностями, а главное – когда жизнь человека и общества оживотворяется взаимной любовью. Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими ее людьми, делая человека способным полностью реализовать свою свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве.

Т.Н. Павлычева
г. Нижний Новгород, Нижегородский институт развития образования

Тема семьи на страницах печатных средств массовой информации: динамика за 2000–2015 гг.

При поддержке РГНФ 2016г., проект № 16-03-00399 «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ»

Семья традиционно признается основой любого общества, поэтому состояние института семьи во многом определяет решение общенацио-

[1] Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России// СС в 10-тт. Т.9–10.С.267.

нальных задач. На постсоветском этапе семья в России получает существенную свободу, опирается лишь на собственные ресурсы, что можно охарактеризовать как доминирование либеральной модели. Однако с 2007 г., после послания президента РФ Федеральному собранию[1], государственная семейная политики России меняет направление в сторону решения наиболее острых – демографических проблем. Таким образом, 2007 г. можно считать рубежным, начиная с которого политика в области семьи в России начинает приобретать черты пронатализма.

Связующим звеном между политикой и гражданами выступают средства массовой информации, предлагая свое видение и интерпретацию событий, происходящих в областях общественно-политической жизни. В данной работе предпринимается попытка оценить чувствительность печатных средств массовой информации к происходящим изменениям семейной политики в России в последние десятилетия.

В качестве объекта для анализа выбрано издание «Аргументы и факты». Это еженедельное печатное общественно-политическое негосударственное издание, одно из самых популярных в России, выходящее тиражом 2,2 млн. экземпляров. Читательская аудитория одного номера составляет более 6 миллионов человек[2].

В качестве эмпирических материалов были использованы архивы издания за 16 лет (с 2000 по 2015 гг.). По ключевым словам были выбраны статьи, посвященные теме семьи. Из массива текстовых данных случайным образом были отобраны 7-8 статей за каждый год. В итоге, 120 статей (в изданиях с 2000 по 2015 гг.) были подвергнуты качественному и количественному анализу с использованием компьютерной программы Atlas.ti.

В результате контент-анализа статей выделены пятнадцать категорий, характеризующих ту или иную сторону семейной жизни. Выделенные категории анализа представлены в таблице 1. В этой же таблице отражено число упоминаний (в общем количестве и в процентном) каждой категории в текстах издания «Аргументы и факты» по двум периодам: с 2000 по 2006 гг. и с 2007 по 2015 гг. Достоверность различий частоты появления категории в текстах (по двум выделенным периодам) оценивается при помощи критерия φ* – углового преобразования Фишера.

Анализируя получены данные, отметим, что есть категории (8 из 15), частота появления которых в текстах двух временных периодов остается неизменной. Это касается таких категорий как «экспертное мнение», «экономические аспекты семейной жизни», «сложности в семейной жизни», «жизнь до брака и вне брака» и некоторых других.

Рассмотрим подробнее категории, частота появления которых в текстах выделенных временных периодов различается. Существенно чаще,

[1] Российская газета - Федеральный выпуск №4063, 11.05.2006г. Послание Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации: http://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html

[2] Издательский дом «Аргументы и факты»: http://www.aif.ru

начиная с 2007 г. на страницах «Аргументов и фактов» предстают различные аспекты современных тенденций в области семейного устройства (в т.ч. суррогатное материнство, вопросы усыновления, многодетность). В одной статье, например, для компенсации недостающих в детских садах мест предлагается альтернативный вариант – семейные детские сады, когда мама становится штатным воспитателем близлежащего детского сада, получая заработную плату, но воспитывает собственного ребенка и еще несколько чужих ребят у себя дома[1]. Позитивно представлен опыт Удмуртии по стимулированию многодетности[2].

Подчеркивание важности семьи для общества, нюансы законодательного регулирования семьи в России, влияние государства на семью так же значимо чаще фигурируют в текстах периода 2007–2015 гг. по сравнению с периодом 2000-2006 гг.

Начиная с 2007 г., тема религии все чаще вплетена в тексты о семье на страницах издания. Религия, отстаивая патриархальные идеи и ратуя за традиционные ценности семьи, помогает государству в решении демографических задач[3]. Более частое упоминание категории «статистика и демография» кажется очевидным в свете актуальной политики в области семьи в России.

Таблица 1.

Содержание текстов издания «Аргументы и факты» за 2000–2015 гг., посвященных теме семьи

№	Категории анализа	Упоминание категории анализа в текстах (120 текстов)				Значение критерия φ*-Фишера* (φ* кр.)
		За 2000-2006 гг. (53 текста)		За 2007-2015 гг. (67 текстов)		
		всего	%	всего	%	
1	Избавление родителями от детей (в т.ч. аборты, детоубийства)	15	1,3	18	1,2	0,2
2	Современные тенденции в области семейного устройства (в т.ч. суррогатное материнство, вопросы усыновления, многодетность)	39	3,3	101	6,5	3,9
3	Взаимоотношения родителей и детей, Воспитательные практики	291	24	285	18	3,9
4	Влияние СМИ и массовой культуры на семью; важность семьи для общества, законодательное регулирование семьи	73	6,1	175	11	4,6
5	Женщина в семье	63	5,3	66	4,2	1,4

[1] Статья «Ситуация с детскими садами «больная» для всей России» // Аргументы и факты, 18.02.2009г.
[2] Статья «Республика Удмуртия удерживает лидирующие позиции по демографии» // Аргументы и факты, 24.12.2013г.
[3] Статья «Господь видит, кто хочет жить»// Аргументы и факты, 13.08.2008г.; статья «В России третий раз отмечают День семьи, любви и верности»// Аргументы и факты, 07.07.2010г.; статья ««Борьба идёт за каждую душу». Приёмная мама об усыновлении детей»// Аргументы и факты, 28.09.2013г.

6	Жизнь до барака и вне брака	101	8,5	118	7,6	0,9
7	Мужчина в семье	74	6,2	48	3,1	3,9
8	Разное	40	3,4	63	4	0,8
9	Семья и Другие; родственники,	114	2,2	95	6,1	3,4
10	Семья и религия	5	0,4	34	2,2	4,4
11	Сложности в семейной жизни (в т.ч. разводы и их последствия)	68	5,7	92	5,9	0,2
12	Статистика и демография	10	0,8	37	2,4	3,3
13	Супруги в семье	180	15	230	15	0,2
14	Экономические аспекты семейной жизни	32	2,7	58	3,7	1,5
15	Экспертное мнение	87	7,3	136	8,7	1,4
	Итого	1192	100	1556	100	

* критерия φ*– угловое преобразование Фишера оценивает достоверность различий между процентными долями двух выборок. Различия достоверны, если φ*кр.≥2,31 (p≤0,01).

Есть категории, которые стали реже фигурировать в статьях «Аргументов и фактов» после 2007 г., это – «мужчина в семье», «родственники» и «взаимоотношения детей и родителей; воспитательные практики». Последние две категории, отражая внутреннее, интимное устройство семьи, похоже, представляются не так очевидно значимыми в решении демографического вопроса. А вот более редкое появление «мужчины в семье» выглядит дискриминирующим.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что печатные средства массовой информации, а именно издание «Аргументы и факты», являются достаточно чувствительными в области отражения государственной семейной политики. В настоящее время основное направление семейной политики определено как повышение уровня семейного благополучия, улучшение демографической ситуации в стране, разрешение проблемы социального сиротства[1].

В.Д. Путинцева
г. Екатеринбург, Уральский Федеральный университет

Счастливая семья – счастливое родительство

В современном мире, где научный, технический, информационный прогресс достиг невероятных высот, стало разрушаться то, что является надёжным фундаментом и опорой для любого человека – семья. Деструкция семьи влечёт за собой несчастье для отдельного человека и для целого государства.

Возможна ли здоровая, счастливая семья в современном обществе? Какова роль родительства, материнства и отцовства в счастливой жизни семьи?

[1] Концепция государственной семейной политики Российской федерации на период до 2025 года. На сайте Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей: http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html

На эти вопросы пытается ответить современный французский философ Конт-Спонвиль: «Семья начинается с ребенка. Бездетная супружеская пара это не семья, это именно супружеская пара. Зато незамужняя мать, одна воспитывающая ребенка или нескольких детей, это, очевидно, семья. Мне возразят, что детский дом, в котором детей очень много, все-таки не является семьей. Разумеется, но все дело в том, что в детском доме к детям относятся именно как к детям, а не как к сыновьям и дочерям. <…> Семья – это принимаемое всеми, подразумевающее ответственность, культивируемое родство. Ибо семья в такой же, если не в большей, мере есть факт культуры, в какой она есть биологический факт. Двое взрослых, усыновивших ребенка, – это семья. Супруги, бросившие своего ребенка, – это не семья. Семья это родство по духу или становление духа родства»[1].

Самый лучший подарок, который могли бы преподнести родители своему ребенку – это любовь друг к другу. Любовь и гармония в семье является мощнейшей опорой человека на протяжении всей его жизни. Дети, растущие в таких семьях более устойчивы к неблагоприятным событиям и ударам судьбы. Об этом упоминает русский философ Иван Ильин: «В любовной и счастливой семье воспитывается человек с не поврежденным душевным организмом, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать».[2]

Весьма важно, чтобы все члены семьи ощущали себя счастливо и гармонично. Именно счастье «способствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения».[3]

Счастливые люди обладают любовью к жизни, осознанию ее ценности, они ощущают себя более целостно и надежно, в отличие от несчастливых. Несчастные люди, зачастую, сами того не осознавая, приносят вред окружающим. От травм и душевных ран, полученных в детстве, они склонны к моральной неустойчивости.

В семье, где родители ощущают себя счастливо и чувствуют любовь по отношению друг к другу, растут здоровые члены общества. «Семья есть для ребенка первое родное место на земле; сначала – место-жилище, источник тепла и питания; потом место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытым священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действования. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?»[4]

---

[1] Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012.
[2] Ильин И. А. Путь духовного обновления. СПб.: Шпиль, 2004 . С. 90
[3] Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 120–132
[4] Ильин И. А. Путь духовного обновления. СПб : Шпиль, 2004. С. 94

Таким образом, можно сделать вывод, что счастливая семья возможна в современном обществе и необходима как для отдельных людей, так и для государства в целом. Счастливая семья – счастливое общество и процветающее государство. Но культура семьи и семейных отношений требует многих планомерных и сознательных усилий, как со стороны государства, так и со стороны каждого человека. Счастливая семья – это культурная семья, культурное единение родных душ, культурное родительство. Для этого необходимы и ничем не заменимы специальное просвещение и специальное воспитание.

Н.К. Радина, Е.В. Щербакова
г. Нижний Новгород, НИУ Высшая школа экономики

Семейная политика государства и формирование модели семейных отношений в дискурсе государственных СМИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-03-00399 «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ»

В России семейная политика получила самостоятельный статус в русле социальной политики в 1996 г. после указа Президента РФ[1]. В советский период низкий уровень автономности семьи был обсуловлен подчиненностью семейного и репродуктивного поведения советских граждан интересам государства[2].

Переход от советского патерналистского к либеральному периоду связан с новыми концепциями семейной политики (1991 и 1993 гг.), а также Указом Президента (1996 г.)[3].

Либерализация семейной политики со стороны государства способствовала значительным изменениям в установлении мер государственной поддержки семьям. В этот период государство предоставляло минимальные материальные льготы и пособия по принципу нуждаемости в зависимости от социального положения семьи. Либеральная модель российской семейной политики 90-х отличалась ориентацией на паритетное распределение семейных обязанностей, на родительское партнерство в семье, доминирование категории «родительство», расширение числа факторов семейной политики.

Однако в настоящее время, согласно исследованиям[4], российская семейная политика совершила новый разворот от либеральной модели к пронаталистской[5].

Приоритетной задачей семейной политики, обозначенной в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2006 г.[1] становится укрепление се-

[1] Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики».
[2] Абатурова, Л.Г. Семьеведение: учеб. пособие. Хабаровск: ДВГУПС, 2005.
[3] Об основных направлениях государственной семейной политики. Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712.
[4] Чернова Ж. В. Семейная политика в современной России: «пятый нацпроект» // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 100-113.
[5] Пронатализм – политика, направленная на повышение рождаемости.

мьи и повышение уровня рождаемости. В качестве ключевых механизмов решения поставленной задачи государство использует экономические стимулы: женщинам предоставляются выплаты пособий по уходу за детьми, пособий по беременности и родам (для работающих), по уходу за ребенком, а также выплаты материнского капитала при рождении второго (последующего) ребенка. Фактически пронаталистская модель является вариантом советской патерналистской модели, когда государство создавало женщинам условия для совмещения материнских и профессиональных обязанностей, а обязанности по заботе о детях распределялись между матерями и государством.

Пронаталистская направленность российской семейной политики подвергается критике со стороны академического сообщества[2], поскольку мировой опыт показывает, что политика, укорененная в экономическую поддержку семей, недостаточна для комплексного решения проблем в области семейно-брачных отношений[3].

Цель представляемого исследования – реконструкция нормативных моделей семейных отношений, воссоздаваемых на страницах государственных российских СМИ (а именно «Российской газеты»), под влиянием изменений семейной политики в России на основе методов культуромики[4] (используемое программное обеспечение – AntConc и Content Analyzer).

Из архивов «Российской газеты» было извлечено 2942 текста, из которых на основе тематики были отобраны 2619 публикаций объемом в 8 131 695 знаков с пробелами (без официальных государственных документов, телепрограммы и юридических рекомендаций).

Временная рамка анализируемых материалов – 17 лет (2000–2016 гг.). С целью проследить изменения в освещении российской семейной политики на постсоветском этапе учитывался объем извлеченных материалов за два периода: либеральный (2000–2006: 401 830 слов) и пронаталистский (2007–2015: 695 517 слов).

Для реконструкции нормативной модели семейных отношений в газетном корпусе были использованы ключевые слова, отражающие сложную структуру семейных отношений (семья, супруги, муж, жена, дети, ребенок, родственники, родители, мать/мама, отец/папа, бабушка, дедушка, материнство, отцовство, семейный).

Согласно проведенному исследованию, с 2006 г. частота встречаемости и объем текстов, посвященных семейным отношениям, в «Российской

---

[1] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 г. // Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 2000–2006 гг.

[2] Печерская Н. В. Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 94-105; Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14 - 25 и др.

[3] Blanchet D. The Demographic Impact of Family Benefits: Evidence from a Macro-Model and from Macro-Data / D. Blanchet, O. Eken-Jaffe // Ermisch J., Ogawa N. (eds). The Family and the State in Ageing Societies. Oxford: Clarendon Press. 1994. P. 79–104.

[4] Культуромика - форма вычислительной лексикологии, занимающаяся изучением культурных тенденций с помощью количественного анализа оцифрованного текста.

газете» увеличились. Без значительных изменений осталась частота встречаемости таких ключевых слов как «супруги», «муж», «родственники», «мать/мама», «отец/папа», «дедушка», «семейный».

Наиболее значительным изменениям (существенно увеличилась частотность в изучаемом газетном корпусе) подверглись ключевые слова «семья», «дети», «ребенок». Несколько выросла частотность ключевого слова «бабушка», снизилась частотность ключевого слова «жена».

Таким образом, содержание статей в государственной «Российской газете», посвященных семейным отношениям, с 2006 г. определенно изменяет вектор направленности, формируя обновленную – детоцентристскую и пронаталистскую модели семейных отношений. Следовательно, политика государства формирует «повестку дня» как для общества в целом, так и для государственных массмедиа, а активность «четвертой власти» (государственных СМИ) оказывается производной и зависимой от государственных решений.

Н.Х. Гафиатулина
г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Модели родительства в контексте обеспечения социального здоровья семьи и безопасности российского общества

Семья, родительство и детство являются ключевыми объектами социальной политики, так как от благополучия российской семьи во многом зависит социальное здоровье всего общества, его демографическая безопасность[1]. Семья является залогом стабильности всего общества. В семье каждый человек получает путевку жизнь, семья определяет контуры этой жизни и в своей совокупности организация семейной жизни в обществе коренным образом влияет на характер развития самого общества, его демографические показатели, уровень социальной безопасности. Бесспорно, что благополучная семья выступает основой социального здоровья молодых поколений россиян и основой обеспечения безопасности российского общества. По оценкам специалистов, молодое поколение в российских семьях характеризуется снижением уровня физического, психического и социального здоровья, а также интеллектуального и духовно-нравственного потенциала[2].

Поскольку социальное здоровье подрастающего поколения является результатом процесса семейной социализации, необходимо указать на кризис социализационных механизмов семьи. Отметим, что сегодня социализация молодых поколений россиян протекает в сложных условиях, связанных с

[1] Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России // Инженерный вестник Дона. 2015. №3 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2015/3195.
[2] Самыгин С.И., Верещагина А.В. Духовная безопасность России как основа российской государственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1 (2). С. 13-16.

длительной трансформацией постсоветского российского социума, сопровождающейся процессами аномии, кризисом основных институтов социализации и в первую очередь – института семьи. И не секрет, что результатом здоровой, гармоничной социализации молодого поколения является формирование его социального здоровья. При этом уточним, что социальное здоровье молодого поколения формируется на основе социализационных механизмов биологического и психосоциального генеза[1]. Под социальным здоровьем молодого поколения, в рамках данной статьи, мы будем понимать состояние благополучия, рассматриваемое в ракурсе первичной семейной социализации, детско-родительских отношений, системы социализационных семейных ценностей и предпочтений, этических и нравственных норм семейного социума, а также отражение отношения родителей к своим детям.

Результаты проведенного Л.А. Грицай исследования среди молодых семей позволили выделить пять основных моделей родительства: родительство, сохраняющее остатки традиционности; «расколотое» родительство; девиантное родительство; «индивидуалистическое» родительство и созидательное родительство[2].

Первая модель родительства основана на частичном сохранении традиционных родительских установок в отношении рождения и воспитания детей, в целом, характеризующаяся благополучным опытом родительства. В силу своей ориентированности на традиционное восприятие родительства, вынесенное из опыта своих родительских семей, в современной ситуации социальной и нравственной нестабильности, неопределенности достаточно уязвима перед вызовами и угрозами внешнего мира, что отражается на социальном здоровье такой семьи.

Вторая модель «расколотого» родительства характерна, как правило, для неполных семей, в которых только один родитель занимается воспитанием детей, совмещая в себе функции и отца и матери, что не проходит бесследно для формирования личности ребенка и его социального здоровья. Конечно, неполная семья не может быть признана неблагополучной, и мы, авторы данной статьи, категорически против такой оценки в отношении этого типа семьи при всем том, что данная точка зрения является достаточно распространенной в отечественной фамилистике. Но отрицать тот факт, что полный ролевой набор родительства в такой семье отсутствует, и это сказывается на формировании социального здоровья и семейных ценностей и последующих семейных стратегиях, мы не можем.

Третья модель родительства, представленная как девиантная, уже по своему названию позволяет определить ее как источник неблагополучной семьи, так как в таких семьях родители ведут асоциальный образ жизни, а

[1] Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2014. №11. С. 175–180.
[2] Грицай Л.А. Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. 2001. № 2. С. 187–201.

дети находятся без надзора и должного ухода, что никак не сочетается с понятием благополучного социального здоровья.

Следующая модель родительства – индивидуалистическая, характеризуется проявлением отношений между родителями и детьми двух типов – партнерских или авторитарных. И в том и в другом случае, по мнению Л.А. Грицай, для данной модели характерно отчуждение членов семьи друг от друга. В первом случае за счет свободного воспитания, акцента на моральной независимости детей от родителей, а во втором – за счет авторитарности родителей и подавлении воли детей, превращении их в зависимых личностей. Так как о каком обеспечении высокого уровня социального здоровья может идти в данном случае речь?

Пятая модель родительства – созидательная, по мнению вышеуказанного автора, наиболее эффективная, поскольку опирается на прочную мировоззренческую платформу, соответствующую духовно-нравственному наследию России и ее семейным ценностям. Соглашаясь с тем, что прочная ценностная и духовно-нравственная платформа необходима для формирования социально и физически здоровой личности, мы хотели бы заметить, что в современной России данная модель родительства не может быть эксплицирована как реально функционирующая, поскольку сама эта платформа на данный момент отсутствует. Россия утратила единые ценностные и духовно-нравственные основания, и, соответственно, ее социализационное пространство не содержит уже базовых, целостных и разделяемых всеми агентами социализации ценностно-нормативных основ. В этой связи мы вынуждены констатировать, что пятая модель родительства может быть рассмотрена как некая идеальная модель, на которую, быть может, следует ориентироваться, но для этого необходимо восстановить целостное духовно-нравственное пространство российского общества и социализационную систему, разрушенную за годы постсоветских преобразований. В данном контексте, опираясь на выделенные модели родительства, условность которых определяется любой попыткой классификации изучаемых явлений и процессов, что не умаляет их научной ценности, можно сказать, что наиболее эффективная модель (созидательная) на данный момент нефункциональна в российских условиях. Также стоит согласиться с тем, что более распространенной в России является модель родительства, сохраняющая признаки традиционности при явных тенденциях роста семей девиантного и индивидуалистического типа с соответствующим моделями родительства.

На этом основании можно предположить, что благополучное родительство в России как отражение доминирующей модели родительства с признаками традиционности пока сохраняет статус доминирующего.

При этом надо сказать, что высокий уровень удовлетворенности семейной жизнью, детско-родительскими отношениями, положительная оценка родителями будущего молодых поколений не характерна для

большинства россиян. На данном этапе развития российского общества семьи, как правило, волнуют многочисленные проблемы. Среди них: неудовлетворительная материальная база семьи, жилищные проблемы, вопросы духовно-нравственных отношений в семье, отсутствие репродуктивной установки или ограничение рождения детей, отрицательная оценка будущего своей семьи и пр. проблемы, то можно говорить о кризисе института семьи, проблемах социализации, а, значит, и о неудовлетворительном уровне социального здоровья семьи и угрозе безопасного развития социума. Современная семья не может эффективно выполнять свои социализационные функции и положительно влиять на развитие новых поколений. К сожалению, отрицательный потенциал такой семьи имеет долговременные тенденции, которые могут найти выражение в социальном нездоровье семьи, в частности, и угрозе безопасности общества в целом.

О.Н. Безрукова, В.А. Самойлова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Защита социально-трудовых прав молодых матерей: презентация исследования

В период экономического кризиса 2009–2010 гг. в Российской Федерации, в том числе в Санкт-Петербурге, значительно возросло число обращений работающих матерей в органы государственной власти и общественные организации в ситуациях, связанных с нарушением трудовых прав со стороны работодателей. Отмеченные тенденции обращений женщин в органы государственной власти (Государственная инспекция труда, Фонд социального страхования, Комитет по социальной политике Правительства Санкт-Петербурга, Уполномоченный по правам человека и др.) проявились и в период экономического кризиса в 2014–2016 гг.

Отметим, что примерно половина женщин, обратившихся в 2013 г. на телефоны «горячей линии» общественной организации «Петербургская ЭГИДА», нуждалась в разъяснении своих прав (Уроки…, 2013)[1]. Треть матерей интересовалась порядком начисления пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком до 1,5 лет, порядком их назначения и получения. Каждая седьмая женщина обратилась за разъяснением своих трудовых прав и гарантий (порядок перевода на другую работу, предоставление неполного рабочего времени, ежегодного оплачиваемого отпуска и др.). Основной вопрос, который беспокоил женщин – невыплата или несвоевременная выплата пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Среди других причин обращений – увольнение беременных, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком (принуждение к увольнению по собственному желанию или увольнение по инициативе ра-

[1] Уроки женского лидерства. СПб. 2013.

ботодателя). Значительное число обращений связано с нарушениями социально-трудового права (отказ в переводе беременной на другую работу, предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска, неполного рабочего времени и т.д.). Таким образом, с началом экономического кризиса проблема невыплаты пособий работодателями стоит очень остро. Увеличение числа обратившихся в органы государственной власти свидетельствует о распространенных нарушениях социально-трудовых прав, недостаточной информированности беременных женщин и матерей с маленькими детьми о своих правах, о дискриминации данной категории работников, принуждении работодателями женщин к увольнению по собственному желанию путем создания для них худших условий труда (Безрукова, 2011)[1].

Ситуация усугубляется тем, что до настоящего времени в законодательстве Российской Федерации отсутствует механизм досудебного решения вопросов гендерной дискриминации на рынке труда, а в Трудовом кодексе Российской Федерации не раскрыт термин «дискриминация». До сих пор не приняты федеральные и региональные законы по гендерному равноправию, нет института Омбудсмена по гендерному равенству, отсутствует организованная, в том числе со стороны профсоюзов, поддержка в случае гендерной дискриминации. В связи с этим значительная часть матерей обращается за восстановлением своих прав в надзорные органы власти, а не находя поддержки, – в суды. Это влечет за собой большие затраты средств и времени, поэтому большинство женщин, подвергшихся гендерной дискриминации на рабочих местах, оказываются не в состоянии отстоять свои социально-трудовые права

Сложное положение беременных женщин и молодых мам в сфере труда – это следствие не только исключительно экономических причин или пробелов в правовой области, но также проявление невысокого уровня культуры гендерных отношений в обществе, в частности, проявление феномена стигматизации беременных работниц, характерного не только для России. Данные исследований в разных странах показывают, что материнство в общественном мнении работодателей, а также и коллег по работе, довольно часто связано с негативными стереотипами, число которых нарастает в связи с беременностью женщин (Fox,Quinn 2014), со стигматизацией беременных женщин, как не соответствующих ожиданиям работодателя об «идеальном работнике» (Williams 2000). Беременным женщинам часто приписывается большая эмоциональность, недостаточность рациональных решений, меньшая компетентность по сравнению с другими работниками (Butensky 1984), сниженная приверженность своей работе (Halpert, Wilson & Hickman 1993). Коллеги по работе часто подозревают беременных в неспособности уложиться в срок, в перекладывании своих трудовых функций на других, что повышает для последних угрозы допол-

[1] Безрукова О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. СПб. 2011.

нительной нагрузки (Gueutal, Taylor 1991). Одним из таких стереотипов о беременных является представление о том, что женщина не вернется на работу после рождения ребенка (Halpert, Burg, 1997; Major, 2004). Другими словами, негативные стереотипы могут быть достаточными основаниями для коллег и работодателей, чтобы объяснять свои поступки, ущемляющие права матерей и беременных женщин (Fox, Quinn 2014).

В докладе рассматриваются результаты авторского эмпирического исследования, которое сфокусировано на трудовой сфере, особенно значимой для благополучия молодой семьи. Цель исследования состояла в анализе нарушений социально-трудовых прав матерей, в т.ч. беременных женщин, а также практики их социальной защиты. Исследование проводилось в период с 2009 по 2012 гг. методом кейс-стади. Для исследования использовалась целевая выборка двух групп матерей - «благополучных» и «социально-уязвимых», отобранных по следующим критериям: (1) брачный статус, (2) самоидентификация экономического положения, (3) наличие постоянной работы до беременности, (4) качество семейной и дружеской поддержки. Всего проведено 72 индивидуальных интервью с женщинами и 18 с сотрудниками общественных организаций, сфокусированных на поддержке матерей. Все молодые матери столкнулись с ситуацией невыплаты пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком. Исследование показало, что основными нарушителями трудового законодательства являются владельцы малых предприятий и индивидуальные предприниматели. Правовая безграмотность и перенос личной ответственности на работодателя и государство, проявившиеся у части женщин, повышают вероятность трудовой дискриминации. Кроме экономических и правовых факторов, в материалах интервью прослеживаются проявления стигматизации беременных работниц. При обращении за помощью в исполнительные и надзорные органы женщины встречают препятствия, обусловленные формальным отношением чиновников, а также нестыковками правового регулирования отношений бизнеса и государства. Совершенствование практики солидарной ответственности государства и бизнес-сообщества, а также повышение правовой грамотности и умения отстаивать свои права самих граждан (индивидуально или при поддержке общественных организаций), развитие институтов гражданского общества – те необходимые механизмы, которые будут способствовать оформлению нового «морального порядка» в отношении поддержки материнства. По результатам исследования сделан вывод о необходимости реконфигурации системы социальной поддержки молодых семей в России и повышения ответственности всех взаимодействующих акторов: государства, семьи, работодателя (Bezrukova O., Samoylova V., 2015).[1]

[1] Bezrukova O., Samoylova V. The Rights of Working Mothers and Social Support of the Young Family in Russia. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. №5 (82), pp. 27-44.

О.Б. Савинская
г. Москва, НИУ Высшая школа экономики

Когда ответственного родительства недостаточно: принципы для разработки новых форм социальной поддержки семей с детьми

Успешность родительства в современном мире сопряжена с согласованностью родительских практик по воспитанию ребенка и практик прямо или косвенно помогающих им организаций социальной сферы.

Социальная сфера за последние пять лет претерпевает глубокие структурные реформы, основная цель которых – уход от патерналистской модели, доставшейся в наследие советского периода. Законодательство, регулировавшее деятельность социальной сферы, традиционно исходило из социально-экономического подхода, основанного на тезисе патерналистского отношения государства к населению и организации необходимой поддержки населения в трудной жизненной ситуации, чаще всего основной мерой является прямая денежная выплата адресным группам. Этот базовый подход в социальной поддержке позволяет решить многие вопросы, но далеко не все. Новые подходы к решению сбалансированного и благополучного развития детей расширяют функции социальной политики. В данном случае речь идет об уже признанном подходе повышения самостоятельности граждан, развитии их активности, в том числе экономической, а также создании инфраструктурных условий и услуг для реализации самостоятельной деятельности взрослых.

В 2013 г. был принят новый Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (№ 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г.), который задал новые рамки для реализации социальных услуг для семей. Однако, в процессе реструктуризации и возникающей дискретности отдельных услуг, возникают ситуации, которые не «покрываются» имеющимися услугами. Родители не всегда информированы об изменениях в социальной инфраструктуре, а дети остаются без помощи со стороны государства или же НКО, которые в свою очередь не имеют ясных механизмов и достаточных ресурсов для предоставления такой помощи. Какие принципы должны формировать новые стандарты оказания социальных услуг семьям с детьми, соответствующие потребностям родителей и детей и создающие сложную и адресную инфраструктуру для семейного благополучия? Кратко характеризуем их.

Первый принцип – это принцип непрерывности и преемственности развивающего пространства инфраструктуры детства. Здесь должны быть зафиксированы временные и пространственные измерения.

Услуги должны предоставляться для всех возрастов детей – от рождения и до совершеннолетия. В данной работе мы фокусируемся на разрывах, которые существуют для детей от рождения до 1,5 лет; от 1,5 лет до 2,5 лет; от 2,5 до 3,5 лет и наконец, до достижения школьного возраста. Эти разрывы объ-

ясняются Трудовым законодательством и сроком выплаты пособий по уходу за ребенком, окончанием предоставления услуг молочно-раздаточным пунктом, приоритетным возрастом начала получения полнодневных услуг детского сада и т.д. Необходимо, чтобы каждый из этих разрывов был осознан и сформированы дополняющие услуги, которые не позволяли бы родителям попадать в кризис в «переломные» моменты. Особо стоит вопрос для решения проблем детей, требующих особого внимания сразу же после рождения. Записанный в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» принцип пока еще не реализуется.

Упрощение процедуры заявления о потребности в услуге и прозрачность ее выполнения. Например, анализ социальных сетей сообществ московских родителей, многие из них испытывали трудности в устройстве ребенка в детский сад, несмотря на появившуюся в последние годы систему ОСИП. Предоставление документов и решение каких-то критических вопросов все равно требует личного посещения, что не снимает проблему временнЫх затрат на оформление отношений по получению самой услуги. Еще большие трудности вызывают заполнение документов для получения социальных услуг в центрах социальной помощи.

Последнее измерение непрерывности – континуальность предоставления самой услуги. Некоторые услуги носят сами по себе дискретный характер, однако, решение проблем конкретно взятой семьи или ребенка требует продолжительного времени. В этом случае, должны сочетаться две или несколько услуг параллельно, и курироваться в рамках социального сопровождения.

Второй принцип – открытость и активность организаций, предоставляющих социальные услуги семье и детям. Как показывают опросы, родители остаются слабо информированными о возможных услугах и порядках их предоставления, так же как о ценности данных услуг. Все это приводит к тому, что имеющиеся потребности оказываются не выявленными среди населения и не реализованными. Между тем, своевременное предоставление социальных услуг – иногда единственно возможная эффективная мера инвестиции в человеческий капитал родившегося поколения или же профилактики будущих социальных проблем. Для преодоления этих «границ» или барьеров важно добиваться в деятельности центров большей открытости, информирования через самые разные каналы распространения информации, среди которых хотелось бы остановиться на «сарафанном радио» или на оповещении большого количества общающихся друг с другом членов местного сообщества для распространения информации об услуге. Например, необходимо активнее задействовать пространство учреждений здравоохранения (ЖК, роддома, детские поликлиники) для распространения информации о социальных услугах для детей, требующих особого внимания. Причем, эта информация должна сообщаться не только при закрытых дверях в ситуации подозрения на определенный диагноз, а широко. Важно, чтобы достаточно широкий слой родителей с малолетними

детьми был осведомлен об этих услугах. Общаясь в своих дворах и поддерживая отношения соседства, они могут оказаться важным каналом донесения информации родителям особых детей через доверительное межличностное общение. Отдельные акции, мастер-классы необходимо проводить в открытых пространствах регионального масштаба (местных парках, скверах, больших детских площадках). Также важно в целях открытости и доступности развивать оказание услуг на дому.

Третий принцип – признание важности эмоционального труда и компетенций управления эмоциями в профессиональных стандартах социальных работников. Родители детей, требующих особого внимания, могут оказаться в длительной стрессовой ситуации, депрессии т. д. и в отличие от более успешных и благополучных граждан могут особо остро ощущать эмоциональную атмосферу взаимодействия с социальным работником. Невыполнение этого критерия может привести к разрушению отношений либо к потере мотивации борьбы за будущее здоровье и благополучие ребенка.

Четвертый принцип – включение всех секторов в работу по решению проблем детей, в том числе имеющих особенности в развитии. Необходимо активнее создавать условия для государственно-частного партнерства в сфере дошкольного образования и социальной работы, развивать механизмы субсидирования этих видов услуг со стороны негосударственных организаций, в том числе индивидуальных предпринимателей.

О.И. Урсан
г. Кишинев (Молдова), Институт Истории Академии Наук Молдовы

Гендерная политика в сфере отпуска по уходу за ребенком в Молдове

Современная семья находится на этапе смены ролей между мужчиной и женщиной. Женский образ «домохозяйки» и «главного воспитателя» сменяется на успешную женщину-предприниматель и политика. Статус мужчины «лидер во всем», сменяется на социальный статус «отца-воспитателя» и «мужа-домохозяина».

Если еще в первой половине XX в. отец был, прежде всего, добытчиком (breadwinner), которому в категориях Парсонса, предписывалась инструментальная функция – обеспечивать детей материально и контролировать их поведение, то в 1960-е отец мыслится исследователями как воспитатель (nurturer).[1] Традиционная семья, в которой отец работает полностью вне дома, а мать полностью поглощена домашними делами, уже перестала быть самой распространенной социальной системой в нашем обществе.[2]

[1] Авдеева А. Вовлеченное отцовство современной России: новая форма мужского родительства. Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Тверь, Т. 2, стр. 113.
[2] Смелзер Дж. Сексуальные различия и социальные вознаграждения. // Социологические исследования. Москва, 1992, №10, стр. 79.

Экономическая независимость молдавской женщины привела к смещению гендерных акцентов в семейно-ролевых отношениях, но синтагма «мужчина в декретном отпуске» остается теоретически – возможной, гипотетически – мнимой. Возможность состоит в том, что молдавское законодательство позволяет мужчинам уходить в отпуск по уходу за ребенком на основании статьи 124 части (4) Трудового Кодекса РМ. В указанной статье, указывается, что частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком может быть использован, по выбору, на основании письменного заявления и *отцом ребенка*, непосредственно осуществляющим уход за ребенком.[1] Отметим, что статья 124 часть (3) ТК РМ, обеспечивает сохранение трудового стажа, в том числе стаж работы по специальности и в страховой стаж.[2]

На основании статьи 126 части (1) ТК РМ, мужчина вправе воспользоваться не только частично оплачиваемым отпуском по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, но и дополнительным отпуском без сохранения заработной платы по уходу за ребенком в возрасте от трех до шести лет с сохранением места работы (должности).[3]

Важно заметить, что ТК РМ позволяет во время дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком работать в условиях неполного рабочего времени или на дому. К тому же, время дополнительного отпуска без сохранения заработной платы засчитывается в трудовой стаж, в том числе стаж работы по специальности[4].

В итоге законодательные нормы дают отцам одинаковое право наравне с матерями участвовать в воспитании своего чада в духе индивидуальности, самовыражения и семейной гармонии. Мужчина и женщина по своим природным и душевным особенностям хоть и противоположны, но дополняют друг друга и тем самым составляют единство[5]. Семейное единство, как известно, зависит от общего участия мужа и жены в воспитании детей и сохранении семейных ценностей.

Считаем, что идея декретного отпуска по уходу за ребенком для молдавских мужчин остается мнимой по некоторым причинам:

1. **Заработная плата мужчины выше, чем доход женщины.** Муж не решиться оставить свой более достойный заработок и жить на более низкий доход жены. К примеру, в 2006 году разница в доходах составила около 4800 лей в год. Существенная разница наблюдается в сфере публичной власти. Зарплата мужчины в этой сфере (на 2006 г.) составила 3200 лей, соответственно женщины – 1950,8 лей. В 2007 году ситуация существенно не изменилась, зарплата мужчины в финансовой области составила – 4400,9 лей, женщины – 3330,0 лей.[6] Притом, что в 2006 году был принят закон „об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин“,

[1] Трудовой кодекс Республики Молдова, статья 124 часть (4).
[2] Там же, статья 124 часть (3).
[3] Там же, статья 126 часть (1).
[4] Там же, статья 126 часть (2), (3).
[5] Иеромонах Иов. Что такое брак. Москва, 2011, стр. 12.
[6] Femei şi bărbaţi în Republica Moldova. Ediţia a 4-a. Chişinău, 2008, p. 89.

целью которого было устранение всех форм дискриминации по признаку пола.[1] Это не первая высказанная нами энтимема о декларативности некоторых законопроектов в Молдове.[2]

2) **Проблемы с работодателем.** Так как тема декретного отпуска по уходу за ребенком для мужчин в Молдове находиться в состоянии апатии, то вероятность недовольства со стороны руководителя велика. Де-юре, обоим известно, что работодатель нарушит закон, если откажет отцу семейства уйти в отпуск. Де-факто, работодатель, зная о намерениях своего подчиненного уйти в отпуск по уходу за ребенком, может найти массу аргументов в пользу расторжения индивидуально-трудового договора. В этом случае следует обжаловать отказ руководителя, обратившись в профсоюз, в судебную инстанцию или в государственную инспекцию труда[3].

3) **Гендерный стереотип.** Молдавское общество ещё только в процессе перехода от традиционного мышления к современному мировоззрению, основанному на половом равенстве в социальной, экономической и политической сферах. Поэтому мужчина может столкнуться с недопониманием, усмешкой, критикой в свой адрес со стороны представителей анахронизма и устаревших взглядов. Одной из причин данной ситуации является традиция предвзятого взгляда на положение и статус женщин в обществе.[4]

В современной молдавской семье отец осознает, что воспитание детей это «дело» обоих родителей, равное времяпровождение с ребенком – залог здоровой социальной интеграции детей в обществе. Оба родителя в ответе за то, кто и кем станет их ребенок, будет ли ценить и уважать их, станет ли он гендерно-воспитанным и компетентным.

Участие мужчины в воспитании детей, отцовский отпуск по уходу за ребенком, это серьезный шаг в воспитании здорового, интеллектуально-развитого, гендерно-воспитанного человека/поколения. Молдавское общество не готово воспринимать его как социально нужный этап в продвижении демократических свобод. Апатия на уровне государства, патриархальный принцип жизни, особенно в сельской местности затрудняет процесс гендерного уравнения в Республике Молдова на современном этапе.

---

[1] Закон „об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин“. // Monitorul Oficial Nr. 47-50 , статья № 200, от 24.03.2006.

[2] См. Урсан О. Социальный статус женщины в современном молдавском обществе. Материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории, 3-6 октября, 2013. Нальчик, Т.1, с. 156-160. Урсан О. Женщина в молдавской политике: решения и перспективы. // Buletin ştiinţific al tinerilor istorici, Scriere nouă, I (VI). Chişinău, 2012, p. 289-293.

[3] Закон о создании Государственной Инспекции Труда вступил в силу 01.01.2002 года.

[4] Заболотная Л. Гендерная стратегия в современной политике Молдовы. Власть, этнос, семья: гендерные роли в XXI веке, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАИЖИ. Москва, 2010, стр. 84.

Л.Р. Шафигуллина
г. Зеленодольск, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова

Участие женских общественных организаций Республики Татарстан в преодолении проблем матерей с диагнозом ВИЧ

Большую тревогу вызывает рост заболеваний СПИДом. Если в 2001 г. в РТ было зарегистрировано 2629 ВИЧ-инфицированных, то в 2015 г. эта цифра достигла 17 929 чел.[1] Эта динамика выглядит пугающе, к тому же эти данные нельзя считать полностью достоверными, так как не все случаи выявлены и зафиксированы.

Растет и число женщин, заразившихся ВИЧ. По России более 44% женщин с ВИЧ от общего числа зарегистрированных[2]. В РТ на 2014 г. – 5546 женщин с диагнозом ВИЧ-инфекция, что составляет 32,7%[3]. Всего от ВИЧ-инфицированных матерей родилось 2003 ребенка[4].

Совершенно отличные проблемы от мужчин возникают у ВИЧ-инфицированной как матери. Многие узнают о том, что они ВИЧ-инфицированы только при беременности. «Это очень тяжело принять, с этим надо учиться жить, это совершенно новая жизнь. А когда ты видишь такое негативное отношение со стороны общества, больше драматизируешь ситуацию, изолируешься»[5]. Впоследствии многие из этих детей становятся «отказниками». Они изолируются от других детей, воспитываются отдельно. Зная ситуацию с обеспечением детей-сирот в обычных детдомах, то можно представить в каких условиях существуют эти дети, а они требуют особого ухода, поскольку иммунная система их организма очень слаба.

В то же время, использование антиретровирусной терапии позволило существенно увеличить продолжительность и повысить качество жизни ВИЧ-инфицированных лиц, а также современные методы профилактики снизили риск заражения ребенка до 1–2 %. Отмечается, что женщины, инфицированные ВИЧ, в последние годы всё чаще планируют беременность и рожают детей. Необходимо вовремя пройти лечение, чтобы ребенок не родился с ВИЧ, а стоимость препаратов достаточно высокая, немногие могут это позволить себе. К этому прибавляется резко негативная реакция общества и медперсонала в том числе. В неофициальной беседе с С. Изамбаевой (руководитель Фонда охраны здоровья «Мать и дитя») зам.министра здравоохранения РТ признала, что очень малое количество медицинских сотрудников обучено работе с ВИЧ-инфицированными. В Казани нет отдельного роддома для них. Закупка необходимых препаратов не осуществляется вовремя, в ре-

[1] Количество инфицированных ВИЧ, зарегистрированных на территориях России на 31 декабря 2015 г. // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН ЦНИИЭ Роспотребнадзора. [Электронный ресурс]. URL: http://aids-centr.perm.ru/
[2] Серж Головач. Звезды против СПИДа / Объединенная Программа ООН по ВИЧ/СПИДу в РФ. Москва, 2009. С. 1.
[3] В Казани открылся ВИЧ-Центр // Журнал «Собака.ru» [Электронный ресурс]. URL: http://www.sobaka.ru/kzn/city/city/21428
[4] Там же.
[5] Интервью с С. Изамбаевой. 15 мая 2009 г. // Личный архив автора.

зультате больные не получают лекарств, а это вредит общему их лечению, которое должно проводится систематически.

К тому же особую актуальность приобретает проблема психической адаптации ВИЧ-инфицированных женщин к рождению ребёнка. В большинстве исследований констатируется, что «поглощенность женщин собственными переживаниями на фоне общей эмоциональной нестабильности приводит к невозможности сосредоточиться на потребностях ребенка, восприятию его естественного поведения как неоправданных претензий на внимание»[1].

Не всегда государственные структуры могут с полной отдачей отреагировать на проблемы, стоящие перед обществом. В таких ситуациях на помощь приходят общественные организации, созданные по инициативе людей с активной жизненной позицией. В течение 1990-х гг. к проблеме СПИДа обращалась организация «Женщины Татарстана», которая провела несколько тематических акций, конкурсов, благотворительных концертов, круглых столов. Однако во второй половине 2000-х гг. в РТ появилась организация, осуществляющая напрямую поддержку ВИЧ-инфицированным женщинам и их детям, – некоммерческий благотворительный фонд «Светланы Изамбаевой». Ныне он действует под названием Фонд охраны здоровья «Мать и дитя» «НБФ Светланы Изамбаевой». В начале 2000-х гг. С. Изамбаева выиграла конкурс красоты среди девушек ВИЧ+, а затем открыла стране и лицо, и статус, и свою историю болезни. Впоследствии возникла идея создания организации, которая до 2008 г. функционировала как самоорганизация женщин.

Фонд постоянно добивается улучшений условий в Центре для ВИЧ-инфицированных в РТ. В группах взаимопомощи «Ева+» женщины делятся со своими проблемами (о нарушениях прав, умышленных заражениях ВИЧ от мужчин при изнасиловании). Просветительское направление включает в себя консультации специалистов, семинары, лекции не только для зараженных ВИЧ, но и для медицинского персонала. Организован детский класс «Кнопики», где дети могут провести время с педагогом, когда мама занимается в группе. Открылась школа для беременных, где женщины обучаются правильному лечению и потреблению лекарств. В 2011 г. был запущен проект «Наставница». Женщины, столкнувшиеся с ВИЧ-инфекцией и уже получившие опыт, знания и навыки, выступают в роли опытных подруг. В 2015 г. был реализован проект «Невидимые женщины и невидимые дети», целью которого стала «организация и предоставление доступа в систему комплексных (социально-психологических) услуг детям и беременным женщинам, живущим с ВИЧ, и их родственному окружению (родителям, опекунам)». Периодически проводятся акции раздачи заменителя грудного молока детям, рожденным в РТ от ВИЧ-позитивных матерей с целью предотвращения передачи ВИЧ/СПИДа через грудное вскармливание, которое увеличивает риск инфицирования ребёнка на 16–27%. Поэтому при рождении ВИЧ-

[1] Алехин А.Н., Афанасьева Е.Д. Общение с ребенком как индикатор психической адаптированности ВИЧ-инфицированных матерей // Медицинская психология в России. 2011. №4(9). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer08.php

инфицированной матерью здорового ребенка с ней проводятся консультации о необходимости искусственного питания для ребёнка с первых дней жизни. Одной из цели данной акции является внесение для данной категории детей заменителя грудного молока в категорию жизненно важных лекарств первой необходимости, как средство профилактики передачи ВИЧ/СПИДа от матери к ребенку через грудное вскармливание.

Методы работы этой организации можно назвать «малыми делами», то есть организация конкретного дела, помощи конкретному человеку или группе лиц. Поскольку основная цель организаций – помочь себе в решении проблемы, а затем окружающим.

Роль лидера в таких организациях, конечно, не маловажна. Всегда это яркая личность, сумевшая объединить вокруг себя людей, создать концепцию организации. Обязательно столкнувшаяся сама с проблемой в данном случае ВИЧ-инфицированная и сумевшая взять себя в руки и своим примером помогать другим.

Нехватка средств – распространенная проблема среди женских организаций. Основными источниками средств является благотворительная помощь, которую приходится искать самостоятельно, и гранты. Однако существуют сложности в России и за рубежом в плане толерантного отношения к СПИДу, «легче привлечь средства на лечение ребенка больного другими заболеваниями, чем с ВИЧ»[1]. Приостановка финансирования того или иного проекта лишает помощи многих нуждающихся, поэтому бессистемность в этом вопросе негативно сказывается на деятельности.

А.Р. Казарян, И.Л. Йегуди,
г. Брест (Беларусь), г. Минск (Беларусь) Брестское общественное объединение Демографической безопасности

Подвластные источники угроз демографической безопасности Республики Беларусь

Концепция Национальной Безопасности Республики Беларусь, п. 27, среди угроз национальной безопасности называет: депопуляция, общее старение нации, снижение темпов рождаемости, ухудшение других основных показателей демографии; утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций.

Нами определены следующие взаимосвязанные *подвластные* источники этих угроз:

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Статья 27 Закона о Здравоохранении от 16 июня 2014 г. № 164-З открывается концептуальным постулатом: «Женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве». Тут же определяется

[1] Интервью с С. Изамбаевой. 15 мая 2009 г. // Личный архив автора.

должностная обязанность врача производить аборты, а начальника ЛПУ – обеспечивать их непременное проведение.

Сторонник этакого «права» для славянских женщин, рейхсфюрер СС Эрхард Ветцель писал в своих замечаниях к плану «Ост»: «… *Следует всячески способствовать расширению сети абортариев. Чем качественнее будут производиться аборты, тем с большим доверием к ним будет относиться население… Вполне понятно, что врачи также должны иметь разрешение производить аборты. И это не должно считаться нарушением врачебной этики»*[1].

Массовое нисколько не сдерживаемое государством внутриутробное убийство (точнее, КАЗНЬ – ибо осуществляется по приговору властей соответствующими исполнителями[2]) подхлёстывает процесс депопуляции и помимо самого факта *НЕрождения* уже зачатых, НАЧАВШИХ ЖИТЬ детей:

– Принцип «легче убить, чем прокормить» в отношении ребёнка – в соответствии с которым приходит «желание» «искусственно прервать» его жизнь в утробе – признаётся государством легитимным и достаточным для ликвидации уже существующего ребёнка.

Этот фундаментальный факт априори сводит на нет все усилия государства, Церквей, общественных организаций поднять в рутинном сознании рядовых граждан престижность любых духовных/национальных/семейных ценностей.

– Законодательно утверждённая привязка «решения вопроса о материнстве» к периоду жизни внутриутробного ребёнка и его отрыв от действительного контекста, момента вступления в интимные отношения (по определению, могущие привести к материнству) – способствует легитимации в рутинном сознании рядовых граждан половой разнузданности, эгоизма и жестокости; влечёт закрепощение женщины и пренебрежение её человеческим достоинством[3].

– Массовое абортирование подрывает репродуктивное здоровье женских поколений, ведёт к перманентному росту процента выкидышей и недоношенных младенцев; причём вызванная абортами склонность женского организма к отторжению беременности наследуется – см. http://riss.ru/smi/4516/.

– Законодательно закреплённая обязанность акушера-гинеколога производить аборт, и обязанность начальников требовать письменное заявления от не желающих это делать – способствуют неизбежной элиминации из родо-

[1] DOKUMENTATION. Der Generalplan Ost //Vierteljahrshefte fuer Zeitgeshichte. – Stuettgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1958. – http://www.ifz-muenchen.de/heftarchiv/1958_3.pdf. C. 518.

[2] Депутат Совета Республики, врач-кардиолог Т. С. Долгошей в отношении отказа врачей от исполнения аборта: ««Почему, собственно, акушер гинеколог должен выступать в роли палача?» см. http://respublika.sb.by/zdorove-11/article/ritm-normalnyy-dykhanie-rovnoe.html.

[3] Правда жизни в том, что легальный аборт - это не "право женщины решать", а возможность любого, кто обладает ресурсом давления на женщину - жизни её детей лишать. См. напр. https://youtu.be/8C8It4cJ7zo, https://youtu.be/NX1wgZ6XziI, https://youtu.be/v5Y24odauU0 . Это и есть УЛЬТИМАТИВНОЕ "ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ", но о нём молчат все «гендерные» «феминистские» организации.

вспоможения всех верующих[1], и всех врачей, мотивированных на сохранение жизни – что влечёт соответствующее качество родовспоможения[2].

В Законодательстве Республики существуют сегодня и другие Законы, генерирующие вышеназванные угрозы:

Закон о «защитном предписании» («Об основах деятельности по профилактике правонарушений» № 122-З от 4 января 2014 г., ст. 31) фактически даёт чиновникам власть без суда и следствия лишать крова и имущества одного из членов семьи по требованию другого члена.

Это способствует полному подрыву привлекательности самого института семьи в рутинном сознании рядовых граждан, как и задумано политтехнологами Западного мира[3].

Угрозу институту семьи несут и законы, касающиеся непосредственно так называемых «прав детей» и формирующие угрожающую систему «ювенальной юстиции» в Беларуси[4].

А на ближнем горизонте уже маячит перспектива «усыновления» изымаемых из кровных семей детей – «однополыми» извращенцами[5].

По инициативе Глобальных фондов в Республике Беларусь принимаются создающие угрозу национальной безопасности законы не только в области семьи и репродукции. Так была введена на Беларуси ЗМТ, «замещающая метадоновая терапия», после соответствующей законодательной легитимации[6]. Отрицательные мнения представителей, в частности, правоохранительных структур, – проигнорированы [7].

2. СОТРУДНИЧЕСТВО С ГЛОБАЛЬНЫМИ ФОНДАМИ (далее: ГФ)

Рутина не коррелирует с декларациям. В важнейших аспектах демографической безопасности – репродуктивной и семейной стратегии – в стране осуществляется политика ГФ, которые посредством т.н. «страновых комитетов» и финансируемых из-за рубежа НГО (таких как «Гендерные шаги», «Гендерный маршрут» и т.п.) подчиняют через чиновников-грантофагов различные Министерства своей стратегической линии.

---

[1] Свобода совести – не для акушеров. – http://krynica.info/ru/blogi/svoboda-sovesti-ne-dlya-akusherov-2/.

[2] Состояние родовспомогательной отрасли в Республике Беларусь .– http://krynica.info/ru/2014/08/12/igaehl-jjegudi-abortivnaya-orientaciya-minzdrava-rb/ .

[3] Павел Парфентьев: «Я совершенно убежден, что концепция семейного насилия направлена против семьи как таковой». – https://www.miloserdie.ru/article/pavel-parfentev-ya-sovershenno-ubezhden-chto-koncepciya-semejnogo-nasiliya-napravlena-protiv-semi-kak-takovoj/.

[4] Е.Ярошевич. Осторожно: на пороге ювенальная юстиция. – http://www.pro-life.by/antisemejnye-tehnologii/yuvenal-naya-yustitsiya/ostorozhno-na-poroge-yuvenal-naya-yustitsiya .

[5] И.Л. Йегуди. Полготовка общества к однополому «усыновлению». – http://era-oikonomos.org/materialyi-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-sotsium-i-hristianstvo/ . – С. 47-48.

[6] На научной конференции «Социальная защита и здоровье личности» в БГУ 27 ноября 2015 г. мы задали вопрос к.м.н. О.В. Лисковскому об обстоятельствах легитимации метадона белорусским Парламентом.
Олег Владиславович ответил, что он сам был в числе экспертной группы белорусских учёных, представивших резко отрицательное заключение в отношении этого шага. Тем не менее парламентарии предпочли домогательства чиновников мнению учёных.

[7] Кому нужен легальный метадон? – http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=124493 . – Дата доступа: 09.05.2013. – Сохранён в: https://cloud.mail.ru/public/44fK/KnCrct8Ec .Метадоновую заместительную терапию для наркоманов проводить нельзя, заявил глава МВД Беларуси. – http://naviny.by/rubrics/society/2015/05/13/ic_articles_116_188872 .

Инвазия осуществляется под лозунгами «репродуктивного здоровья», «репродуктивных прав», «прав детей» и «подкрепляется» неисчерпаемым финансовым ресурсом стоящего за ГФ «Всемирного» правительства[1] .

Все вышеназванные чреватые угрозами национальной демографической безопасности Законы приняты *под непосредственным кураторством ГФ.*

Среди них – и такие, что уже вышвырнуты с территории России, например USAID.

Президент призывает Церковь активнее бороться с наркоманией, ссылаясь на христианские ценности[2].

А не стоит ли – в отношении *наркотиков* прислушаться к мнениям *учёных и правоохранителей* (см. выше сноски 9, 10), а не Минздрава и его кураторов из ГФ.

А в отношении *репродуктивной политики* – совершенно верно, к мнению *Церкви*. Опять-таки – не Минздрава и его кураторов из ГФ.

По всей Беларуси разбросаны клубы ЮНЕСКО, в которых молодёжь «учат» «толерантности» и «репродуктивному здоровью».

ЧТО ЖЕ ИМЕННО стоит за этими фасадами?

А какую науку преподают в направляемых ГФ «дружественных подросткам» кабинетам Минздрава, и как соотносится она с аксиологическим полем национальных интересов? не говоря уже о «традиционных для нашей страны христианских ценностях»…

3. ОТСУТСТВИЕ НАДВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД МИНЗДРАВОМ

В иных неизмеримо менее критических для общества областях нежели репродуктивная политика, – осуществляется чёткий надведомственный контроль. ЖКХ, строительство, деревообработка, кондитерские фабрики, список велик.

Существует надведомственный *Комитет при Президенте по охране животного и растительного мира.*

Ничего подобного в отношении репродуктивной политики Минздрава не предпринимается.

Из невообразимого списка в полторы сотни т.н. «медицинских показаний»[3] для аборта и поголовной принудительной УЗИ-«диагностики» вытекает по факту принудительное массовое абортирование «по показаниям» и ради «показателей»[4]. Так насаждается диффамация плода и беременности, детофобия, страх и отвращение перед беременностью, родами, нормальными интимными отношениями.

---

[1] Новый мировой порядок Четвёртого Рейха. – http://geurasia.org/rus/1635/meotxe-raixis-axali-msoflio-cesrigi.html – http://geurasia.org/panel/uploads/Novtj-Mirovoj-Porjudok.pdf

[2] Лукашенко: на пути наркотиков должна стать Церковь. – http://krynica.info/ru/2014/12/04/lukashenko-na-puti-narkotikov-dolzhna-stat-cerkov/ .

[3] две первые: возраст матери до 18 и после 45 – в предыдущей редакции был до 40 – свидетельствуют об уровне «адекватности» всего списка.

[4] Медицинские «показания» на службе «медицины показателей». – http://krynica.info/ru/2014/08/22/igaehl-jjegudi-medicinskie-pokazaniya-na-sluzhbe-mediciny-pokazatelejj/ .

Приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 288 от 23.12. содержит «Инструкцию по пренатальной диагностике врожденной патологии плода», согласно которой целью ПД является выявление пороков плода с последующим абортированием. В Заключении инструкции говорится:

«В настоящее время мы не можем предотвратить появление аномалий у плодов, однако мы можем предотвратить рождение больных детей». SIC.

В традициях Третьего Рейха, ГФ Четвёртого поставляют оборудование и инструкции для ПД, влекущей массовое избиение внутриутробных детей.

О характере этой «диагностики» в России см. https://youtu.be/v5Y24odauU0 .

Представляемая Минздравом статистика абортов занижает реальное число абортов в разы[1]. *Факт несоответствия действительности представляемой Минздравом[2] статистики отмечен на самом высоком уровне*:

в Декларации Глав и представителей Глав *всех традиционных конфессий страны* 14.03.2014 г. в Минске[3] .

В задачах «кабинетов планирования семьи», изложенных в десятках изученных нами официальных ответах Минздрава – отсутствует упоминание о стимулировании к сохранению беременности и вообще о каком-либо содействии «*формированию высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений ... формированию высоких репродуктивных потребностей населения*», в соответствии со ст.5 Закона о Демографической Безопасности.

В 2011 г. в качестве условия получения Минздравом гранта от соответствующих ГФ в Беларуси была принята «новая единая информационная стратегия» (далее ИС) по ВИЧ-СПИДу. Существовавшая ранее социальная реклама на эту тему была «забракована» и по сути запрещена; именно потому, что она основывалась на ценностном подходе[4].

Мировой медицинский опыт свидетельствует, что насаждение рекламы т.н. «безопасного секса» – реклама презервативов, фактически – реклама похоти лишь приводит к усилению промискуитета и ещё большему распространению ЗППП, в частности через психологические механизмы «компенсации риска»[5] .

В рамках ИС Минздрав на деньги ПРООН снял восьмисерийный (!) фильм (режиссёр – ярый оппозиционер), в котором воспевается промискуитет, романтизируется антиобщественное поведение, диффамируются органы правопорядка[6].

---

[1] Ты сер, а я, приятель, сед… – http://stop-abort.by/ty-ser-a-ya-priyatel-sed .
[2] Необходимо отметить, что в стране не существует подпольных, вне ЛПУ производимых абортов.
[3] БЕЛОРУССКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА – http://church.by/ru/node/2359 .
[4] Приложения ИС. – http://aids.by/upload/iblock/943/attachments_information_strategy_251_262.pdf .
[5] http://www.pro-life.by/bioetika/medicine/profilaktika-i-kompensatsiya-riska-oshibki-programm-profilaktiki-vich; http://www.pro-life.by/analyst/zashhita-zachatogo-rebenka-v-pol-she/ .
[6] ПРООН: деньги на растление. – http://krynica.info/ru/blogi/proon-dengi-na-rastlenie/ .

«Страновой координатор» по ИС Сергей Кручинин призывает не останавливаться на «достигнутом»: «*Мы не нашли еще «языка», новых подходов для разговора на тему мужчин, имеющих секс с мужчинами, женщин секс-бизнеса*[1]*… Но замалчивать эту тему – себе во вред, нужно искать новые информационные, коммуникативные подходы, с учетом нашей ситуации и твердо придерживаясь мировых стратегических целей…*»[2] .

Частью общего «ВИЧ-ПРОЕКТА» является и ЗМТ.

То, что в последние годы белорусский официоз упорно называет «ростом рождаемости» – на самом деле *рост числа рождений по стране,* и это – результат вхождения в активный детородный возраст *многолюдных последних советских* поколений.

Рождаемость же на женщину фертильного возраста – не растёт, а стратегически падает[3].

Д.Б. Вершинина
г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Проблема родительского отпуска в американской президентской кампании 2016 г.

Выборы 2008 г. вошли в историю США как первые, на которых победу одержал афроамериканец. Через восемь лет после его триумфальной победы президентская кампания 2016 г. обещает американцам еще одно историческое событие: впервые Демократическая партия практически в одном шаге от выбора женщины в качестве кандидата в президенты. По данным на 7 мая 2016 г., после победы на праймериз в целом ряде штатов Хиллари Клинтон, жена бывшего президента Билла Клинтона, набрала 2205 голосов выборщиков из нужных для номинации 2383[4]. О своей приверженности феминистским ценностям гендерного равенства Клинтон заявила еще 20 лет назад на Всемирной конференции ООН по проблемам женщин в Пекине, где она выступила с пламенной речью о том, что «права человека – это права женщин, а права женщин – это права человека»[5]. Как писала впоследствии сама Клинтон, она «хотела, чтобы … речь была простой, яркой и сильной с точки зрения заложенной в ней идеи о том, что

[1] Таковой БИЗНЕС, кстати, на Беларуси – в отличие от «дерьмократических» стран – ЗАПРЕЩЁН.
[2] Сергей Кручинин. Поймали волну? http://aids.by/blogs/blog.php?page=post&blog=Sergey_Kruchinin&post_id=26&BLOGER_ID=19 .
[3] М.В. Тимошенко. Основные демографические тенденции в Республике Беларусь через призму социологического исследования в студенческой среде //Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы IX Международной научной конференции, Гомель, 21-22 мая 2015 г. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015. С.217-218.
[4] Неофициальные результаты: Хиллари Клинтон выиграла кокусы на острове Гуам // http://newsru.co.il/world/07may2016/clinton_513.html
[5] Clinton H.R. Remarks to the U.N. 4th World Conference on Women Plenary Session // www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintonbeijingspeech.htm

права женщин нельзя считать второстепенными и что они неотделимы от прав человека, которыми наделен каждый»[1]. А одно из последних заявлений Клинтон о ее стремлении сформировать кабинет, который будет отражать Америку как общество 50–50 (равного представительства мужчин и женщин)[2], четко позиционировало ее как кандидата, стремящегося к гендерному равноправию и учету гендерного разнообразия. В этом контексте неудивительно, что гендерная проблематика вышла в президентской кампании 2016 г. на один из первых планов.

Одной из наиболее острых проблем, связанных с положением американок, является вопрос об оплачиваемом декретном отпуске. Традиционно патриархатное американское общество XX в. активно реализовывало доктрину сепаратных сфер, доставшуюся в наследство от ханжеского XIX в. и ограничивавшую сферу деятельности женщин домом, семьей и материнством. Однако благодаря мировым войнам, а затем женскому движению второй половины XX в. американки стали активно включаться в сферу производства: если в 1970 г. работала лишь половина женщин наиболее трудоспособного возраста (25–54), то к 1993 г. эта доля выросла до ¾ и с тех пор остается примерно на этом же уровне. При этом женские заработки, как утверждают исследователи и правительственные структуры, становятся все более значимой частью общесемейного дохода: женщины являются кормильцами или сокормильцами в 2/3 семей с детьми[3].

Несмотря на то, что американские феминистки выдвинули требование оплачиваемого декретного отпуска начиная с первых шагов возрожденного женского движения в первой половине 1960-х гг., успеха на этом поприще они так и не достигли. Единственным их достижением стал Акт о семье и медицинском отпуске (The Family and Medical Leave Act), принятый при муже нынешней претендентки в президенты в 1993 г. и гарантировавший американкам, которые работают полную рабочую неделю (1250 часов в год), 12 недель неоплачиваемого отпуска, и то лишь в крупных и средних фирмах (то есть там, где работает не менее 50 работников)[4]. В результате, согласно данным 2015 г., только 12 процентов работающих женщин получают в Америке оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком[5], и все они либо работают в крупных компаниях вроде Facebook или Apple, которые могут себе позволить ввести самостоятельно подобные новшества, либо живут в штатах, продвинувшихся дальше ограниченного федерального законодательства. Среди подобных штатов Калифорния, которая платит 55%

[1] Клинтон Х. Тяжелые времена. М., 2015 // https://books.google.ru/books?id=fNP6CwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

[2] Hillary Clinton Says Half Of Her Cabinet Will Be Women // www.huffingtonpost.com/entry/hillary-clinton-cabinet-women_us_571fdc6ce4b0b49df6a98491

[3] The Economics of Paid and Unpaid Leave // www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/leave_report_final.pdf

[4] Family and Medical Leave Act // http://employment.findlaw.com/family-medical-leave/family-and-medical-leave-act.html

[5] Gilpin L. 10 Things You Need to Know About Maternity Leave in the US // www.techrepublic.com/article/10-things-you-need-to-know-about-maternity-leave-in-the-us/

от зарплаты в течение 6 недель после родов, Нью-Джерси с 67% зарплаты в течение такого же срока, Род-Айленд с той же суммой в течение 4 недель и Нью-Йорк, планирующий с 2018 г. оплачивать матерям 12 недель отпуска по рождению ребенка (те же 67%)[1].

Современная ситуация с законодательством, касающимся оплачиваемого декретного отпуска, в США является одной из наиболее плачевных не только среди развитых стран, но в мире в целом. Согласно официальным данным, к 2016 г. только три страны в мире не предоставляют женщинам оплачиваемый декретный отпуск: помимо США, это Папуа Новая Гвинея и Оман. В связи с этим вполне логично, что для претендентов на пост кандидата в президенты от Демократической партии вопрос о материнском отпуске стал принципиальным, и в итоге оба ведущих претендента – Хиллари Клинтон и Берти Сандерс – высказались за введение 12 недельного оплачиваемого отпуска по рождению ребенка. В отличие от них республиканские претенденты не увидели в отсутствии оплачиваемого отпуска ту проблему, которую видят миллионы американских женщин, бросающих работу (43% из всех матерей, согласно статистическим исследованиям, в течение своей жизни добровольно прекращают работать[2], и немалое их число делает это именно в связи с родами) или, наоборот, возвращающихся к ней тогда, когда эмоциональная связь с ребенком и такая жизненно важная для него вещь, как кормление грудью, еще не налажены в полной мере (каждая четвертая женщина в США выходит на работу через 2 недели после родов).

Единственным из республиканских кандидатом, который предложил ввести 25-процентные налоговые льготы для тех частных компаний, которые предоставят своим работницам оплачиваемый отпуск, стал лидер Движения чаепития Марко Рубио, однако после поражения на праймериз во Флориде в январе 2016 г. он снял свою кандидатуру. Что же касается Дональда Трампа, номинация которого от Республиканской партии стала очевидна уже в марте 2016 г., то экстравагантный бизнесмен известен своими сексистскими взглядами, и единственный путь решения проблемы, который видит Трамп, – это создание самими компаниями условий для совмещения их работниками родительства и карьеры вроде яслей при компаниях[3].

Таким образом, проблема родительского (прежде всего материнского, хотя Сандерс неоднократно проявлял свою активность в кампаниях по введению отцовского отпуска по уходу за ребенком) отпуска по-прежнему остается, с одной стороны, серьезным барьером на пути к полноценному участию женщин в жизни американского общества (не случайно исследо-

[1] Почему в США нет оплачиваемого декретного отпуска?// www.slavicsac.com/2016/04/17/usa-vacation/
[2] Hewlett S.A., Luce C.B. Off-Ramps and On-Ramps: Keeping Talented Women on the Road to Success // http://hbr.org/2005/03/off-ramps-and-on-ramps-keeping-talented-women-on-the-road-to-success/ar/1
[3] Johnson J. Donald Trump Says Companies Can 'Very Easily' Offer Child Care to Employees // www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/11/19/donald-trump-says-companies-can-very-easily-offer-child-care-to-employees/?postshare=2821448036009622&tid=ss_tw

вания называют материнскую роль женщин одной из причин неравной оплаты труда между полами), а с другой – ограничивает возможности родителей по полноценному общению со своими детьми и соблюдению всех рекомендаций как Всемирной организации здравоохранения, так и Американской педиатрической ассоциации. В связи с этим президентская кампания 2016 г. в случае победы любого из демократических кандидатов дает миллионам американцев надежды на серьезное продвижение в этом болезненном для общества вопросе.

Т.М. Дмитриева
г. Томск, Кризисный центр для женщин МАУ ЦПСА «Семья»

О роли государства в социальной поддержке одиноких матерей

В рамках данной статьи будет представлен опыт анализа социально-экономического и психо-эмоционального состояния одиноких матерей, обратившихся за помощью в Кризисный центр для женщин города Томска и общественную организацию «Женский голос».

В связи с трансформацией общественных и личностных ценностей формируется как разнообразие форм материнства, так и отношение к этому феномену.

В последние годы в России резко увеличилось число семей, состоящих из одного родителя и детей. В статье будут описаны семьи одиноких матерей (материнские семьи), воспитывающие детей. Доля детей, родившихся у женщин в Томской области, не состоящих в зарегистрированном браке, на протяжении последних лет стабильно составляет: в 2013 г. – 27,6%, в 2012 г. – 28,2% (данные за 2014–2015 гг. в ежегодном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Томкой области за 2014 г., отсутствуют)[1]. Из числа женщин, обращающихся в Кризисный центр, одинокие матери составляют 15%.

В узком юридическом смысле термин «одинокая мать» относится к тем женщинам, родившим и воспитывающим ребенка, не состоящая в законном браке и если нет совместного заявления родителей об установлении отцовства при регистрации ребенка в органах ЗАГС. Отец такого ребенка официально не установлен. Он не несет никаких обязанностей в отношении матери и ребенка. При этом матери выдается справка по особой форме № 25, подтверждающая статус матери-одиночки. Статус одинокой матери определяет отсутствие у ребенка отца, по данным основаниям одинокая мать получает государственное пособие.

Автор статьи является одним из руководителей ТРОО «Женский голос» и сотрудницей Кризисного центра для женщин одновременно. В рам-

[1] Ежегодный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Томкой области за 2014 г.// http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/75029/Doklad_o_polozhenii_detej_za_2014_god.pdf

ках последнего удалось накопить почти пятилетний опыт включенного исследования проблемы женского неблагополучия.

Объектом данной статьи являются одинокие женщины-матери, как правило, переживающие трудную жизненную ситуацию, а предметом – трансформация образа материнства в современной России. Рабочей гипотезой признается положение о том, что одинокое материнство будет все более распространенной формой материнства, что общество и государство должны осмыслить этот процесс и принимать меры по повышению статуса одиноких матерей и улучшению их социально-экономического положения. Авторы также считают, что только превентивные меры, направленные на улучшение качества жизни отдельных категорий граждан, недостаточны для решения проблем одиноких матерей, необходимы серьезные социально-экономические изменения в сфере трудовых отношений, значительные изменения в социальной политике, в частности в жилищной, которые приведут к улучшению качества жизни значительных слоев населения, в том числе одиноких матерей.

Таким образом, задачей статьи является – показать многообразие неполных семей, в частности одиноких матерей, выявить социально-психологические проблемы семей одиноких матерей и поставить вопрос о необходимости изменения сторон социальной политики в отношении одиноких матерей.

Среди исследователей существуют две позиции на осознание положения семей одиноких матерей. Ряд исследователей считает такие семьи даже девиантными, отклонением от нормы (традиционная школа исследователей). Такие исследователи делают упор на повышение нравственных и моральных устоев общества, усиление воспитательной работы в образовательных учреждениях, повышении знаний детей об институте семьи. Другая группа ученых, которых можно отнести к либеральной и феминистической направленности, считает, что одинокая материнская семья имеет полное право на существование и рост количества таких семей является следствием глобальных социально-экономических трансформаций, происходящих в современном мире (О. Здравомыслова, Л. Лунякова, Т. Гурко, Ж. Черноваи др.).

Автор статьи придерживается второго направления и считает, что общество и государство должны принять факт существования таких семей и проводить в отношении них адекватную государственную социальную политику и осуществлять моральную поддержку через сеть социальных учреждений. Практика показывает, что в работу по оказанию поддержки одиноким материнским семьям должны активно вовлекаться и некоммерческие организации.

Преобладающим типом семьи современной России остается супружеская пара с одним или двумя детьми. Другой тип семей представляют неполные семьи. Из числа таких семей мы выделим семьи одиноких матерей

(материнские семьи), образованные не в ходе развода, а семьи женщин, изначально не состоявших в зарегистрированном браке, не поддерживаемых биологическими отцами, опирающимися на собственный ресурс, рожающих детей и не планирующих связать свою жизнь с биологическими отцами детей. В Семейном кодексе такие семьи определяются следующим образом – «рождения, зарегистрированные по заявлению матери, не состоящей в браке»[1]. Установить число материнских семей непросто, так как нет официальной статистики по этой категории семей. Об этом пишет в своей работе Л. Лунякова, которая приводит сведения о внебрачных рождениях с 1990 по 1999 г., которые выросли почти в два раза, с 14,6% до 27,9%, а в ряде регионов – до 40%[2]. Большое количество неполных семей; пар, проживающих без официальной регистрации; регистрированных семей, проживающих раздельно, свидетельствует о многообразии существующих семейных укладов и необходимости изучения этой проблемы для научного обоснования государственной политики в этом направлении и поддержки наиболее уязвимых семей.

В ходе общения с такими семьями, можно выделить несколько их типов.

Одинокие матери, родившие ребенка от сожительства без расчета на помощь биологического отца, часто от случайной связи. Даже если они какое-то время проживают с отцом ребенка, брак не регистрируется с целью получения статуса одинокая мать (в официальной литературе и дискурсе – это матери-одиночки) и мер социальной поддержки. Таких женщин среди работников социальной сферы называют «профессионалками», так как дети их основной ресурс для проживания. Одна из таких клиенток Кризисного центра на первичной беседе сказала: *«А на что я буду жить, если не буду рожать детей»*. Они зачастую стоят на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и постоянно находятся под угрозой лишения родительских прав. Как правило, такие женщины не работают, так как рожают одного ребенка за другим. Сложность их социального положения могут усугублять следующие обстоятельства: они не имеют собственного жилья, часто обналичивают материнский капитал, но не проживают в приобретенном жилье.

Другая группа – одинокие матери, родившие ребенка в расчете создания семьи, но оставленные сожителями, не желающими иметь семью и детей. Эти женщины ведут упорядоченный образ жизни, имеют родственников и опираются на их поддержку. Как правило, они имеют одного ребенка и являются ответственными матерями. В число таких матерей могут входить женщины, имеющие детей-инвалидов. С Кризисным центром эти матери активно сотрудничают, посещают социальные и психологические тренинги, участвуют в благотворительных программах.

Еще одна группа – женщины, родившие детей от одного мужчины, но не оформившие с ним официальный брак, имеют от него эпизодическую под-

[1] Семейный Кодекс Российской Федерации, ст. 51, п. 2,3.
[2] Лунякова Л. Семейные узы: модели сборки. Новое литературное обозрение. М., 2004. С. 62.

держку, дети сознают, что у них есть отец, но такие отцы активно не участвуют в воспитании и материальной поддержке детей. Такие матери проживают в бедности, имеют доход от детских пособий или пособий по инвалидности, случайных заработков, поддержки благотворительных организаций.

Самая сложная группа женщин, одиноких матерей, проживающих в областном центре, не имеющая регистрации в городе Томске. Такие женщины лишены возможности получать детские пособия и другие меры социальной поддержки, не имеют возможности найти постоянную работу, перебиваются случайными заработками или находят постоянно меняющихся мужчин, которые хотя бы как-то поддерживают их, чаще совместно снимают жилье или находят другие варианты проживания. Эти женщины являются постоянными клиентами мест раздачи бесплатной одежды, еды, «прибиваются» к православным приходам, поселяются в приютах для бездомных. В своей практике мы называем таких женщин «невидимками», поскольку они незаметны ни обществом, ни государством. Подробно об этой категории женщин-матерей мы писали в статье, опубликованной в сборнике по итогам предыдущей конференции.[1]

Многие одинокие матери не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами и кризисами и часто по инициативе органов опеки они лишаются родительских прав.

Основная проблема одиноких матерей с детьми – бедность. Группа одиноких матерей, которую мы выделили, характеризуется низким социальным статусом. Они вышли чаще всего из неблагополучных семей и не имели накопленного родительского капитала, часто не имеют своего жилья, у них низкий уровень образования, что не дает им возможность найти хорошо оплачиваемую работу; слабые социальные связи, которые ограничивают их маневренность. Спутницей жизни таких женщин стало одиночество, которое самым прямым образом связано с депрессивным состоянием. С годами, многие женщины признавались, что они уже привыкают жить одни, со своими детьми, и не надеются на личное счастье.

Необходимо отметить, что количество и качество мер социальной поддержки, оказываемых малоимущим семьям и одиноким матерям, свидетельствует об отсутствии существенного намерения государства оказывать им помощь. Эти меры так многочисленны, но так незначительны по своему денежному наполнению, что не могут создать условия для реализации всех потребностей человека в современном обществе. Условия проживания описываемой группы матерей часто связаны с неформальными формами организации своей жизни – неформальная занятость, несовпадение мест проживания и официальной регистрации, не дает им возможности

[1] Турутина Е.С., Дмитриева Т.М. Женщины-«невидимки»: пути трансформации // Пол. Политика Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы VII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9-12 октября 2014 г., г. Рязань: В 2-х томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. С. 273-282.

воспользоваться всем перечнем мер социальной поддержки, предоставляемой государством.

В Томской области кроме федеральных мер поддержки семей существуют дополнительные преференции – региональный материнский капитал в размере 100 000 руб.; ежемесячные денежные выплаты на оплату проезда детей к образовательному учреждению из малоимущих и многодетных семей 100 руб.; один раз в год могут получить единовременную материальную помощь семьи в трудной жизненной ситуации в размере от 3 до 25 тыс. рублей, пособия на сбор детей в школу, льготы на оплату детского сада, жилищную субсидию, одинокие матери могут воспользоваться бесплатными путевками в зимние и летние детские лагеря и подарками к новому году. Из числа обратившихся лиц в социальные службы города за мерами социальной поддержки одинокие матери составляют от 30%.

Как пишет исследователь Л. Лунякова: – «По сути, процедура предоставления и выплаты пособий осуществляется не по обращениям и признаку нуждаемости, с учетом глубины бедности и остроты проблем, а по принципу соответствия тем процедурам, которые прописаны в законах о предоставлении мер социальной поддержки». [1]

Практика работы с женщинами, одинокими матерями не показала существенного отличия в формировании детско-родительских отношений у этой категории матерей. Это опровергает некоторые положения, представленные в научной литературе о том, что одинокие матери малоответственные и их дети слабее по успеваемости от своих сверстников из парных семей. Единственным препятствием, которое встает на пути выстраивания плодотворных детско-родительских отношений является нехватка времени для общения с детьми, так как этим женщинам приходится много времени уделять как домашним заботам, так и работе. В условиях, когда эти матери попадают в поле зрения социальных учреждений, которые могут им предоставить дополнительные образовательные, психологические услуги и осуществляют хотя бы элементы сопровождения этих женщин, они охотно пользуются ими и с интересом занимаются своим личностным ростом.

Таким образом, рабочая гипотеза о многообразии форм одинокого материнства подтвердилась на опыте работы Кризисного центра для женщин г. Томска и знакомства с исследованиями по этому вопросу.

Проблема одинокого материнства требует дальнейшего научного исследования и обобщения для того, чтобы предложить действенные программы для работы с родителями и оказания социально-психологической и педагогической помощи родителям. Авторы статьи согласны с выводами феминистских исследователей Т. Гурко, О. Здравомысловой о применении при разработке социальных программ гендерно-чувствительных подходов, что станет залогом к формированию дружественного женщинам государства.

---

[1] Лунякова Л. Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки. Сб. статей. М.: НЛО. С. 79.

РАЗДЕЛ 8. МАТЕРИНСТВО/ОТЦОВСТВО В МАРГИНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ (ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО И ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ). «ПЛОХИЕ» РОДИТЕЛИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО, СОЦИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО, СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И МЕДИЦИНСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А.С. Чувашева
г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

«Матери опасные для государства»: властные женщины в работах Тацита

Римские историографы не делают женщин объектом своего описания. Женские персонажи включены в контекст политических событий. Сложившийся в 27 г. до н.э. режим единоличной власти принцепса[1] изменил статус женщин в обществе. Он давал женщинам, связанным с императорской семьей неофициальный голос и авторитет. Отчасти поэтому Тацит отводит женщинам больше места в произведениях, чем другие древние авторы[2], именно этим и был обусловлен выбор источника для данного исследования.

Наряду с простыми эскизами личности, которые он использует для второстепенных героев, Тацит раскрывает несколько женских персонажей, делая их интересными, объемными. В Анналах, достаточно женских персонажей, которые в той или иной мере помогают читателю понять образ мужчины, с которым они связаны. В трудах Тацита появляется тип женщины, рвущейся к власти, это Ливия Друзилла и Юлия Агриппина Младшая, которые предстают в роли матерей и влияя на своих сыновей – Тиберия и Нерона, связаны с управлением империей[3]. Между ними много общего: обе являются доминирующими в отношениях с мужчиной, обе стремились контролировать сыновей и были честолюбивы. «Рабская покорность женщинам» – serviendum feminae, устойчивый элемент сетований на принципат в труде Тацита. Несомненно, римский автор не воздерживается от негативных суждений по поводу влияния женщин на самых выдающихся мужчин того времени.

Ливия Друзилла – третья жена императора Августа, мать императора Тиберия. Она стала женой императора, когда уже родила одного сына – Тиберия, и была беременна вторым ребенком, и ее муж, Тиберий Клавдий Нерон, «уступил» ее Августу. Как сообщает Тацит: «пленившись её красотою, Цезарь отнял её у мужа»[4]. В качестве важнейшего результата влияния Ливии на Августа можно назвать то, что она добилась от нового мужа

[1] Обнорский Н. П. Принципат // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 25. С. 235.
[2] Bartman E. *Portraits of Livia: Imaging the Imperial Woman in Augustan Rome*. Cambridge University Press, *1998*. p. 208.
[3] Swindle Jenifer M. A Rhetorical Use of Women in Tacitus' Annales // Studia Antiqua. 2003. Vol. 3. № 1. P. 106.
[4] Тацит Анналы V, 1.

усыновления Тиберия и назначения его наследником. Несмотря на то, что Тиберий был наследником Октавиана, Ливия после смерти Августа, обеспечила необходимое наследование власти, отдав приказ убить последнего возможного соперника[1]. После смерти Августа, Ливия характеризуется выражением «muliebris inpotentia»[2] – женская необузданность: «сообщают также, что его (Тиберия) изгнало из Рима и властолюбие матери, которую он не желал признавать своей соправительницей и от притязаний которой не мог избавиться»[3]. Ливия попрекала сына, тем, что власть он получил от нее в подарок. Этим обосновывается все более враждебное отношение Тиберия к Ливии. Помимо таких высказываний и суждений о необузданности Ливии, из текстов нельзя извлечь каких-либо точных указаний на ее могущество как матери императора.

Не менее влиятельной матерью была Агриппина Младшая, супруга императора Клавдия и мать императора Нерона. Для античного историка Агриппина – «semper atrox» – жестокая и упорная – такая характеристика нетипична для женщины, она говорит о присвоении ей мужских черт характера и выход за рамки, отводившиеся обществом женщине[4]. Тацит пишет «она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке»[5].

Как и по отношению к Ливии, Тацит говорит о необузданности, это своего рода топос, который автор использует для определения женщин, которые, по его мнению, заправляли делами Рима[6]. В изложении Тацита, Агриппина имела влияние на Клавдия, и «кознями и ухищрениями толкала Клавдия на ничем не оправданные жестокости»[7]. Историк очень критичен в оценках Агриппины, часто при её характеристике он напоминает о лицемерии, распутстве, властолюбии: «честь, благопристойность, стыд – все это для неё не имеет значения по сравнению с властью»[8], называет её «одержимой всеми страстями жестокого властолюбия и поддерживаемой Палатином»[9]. По мнению Тацита, она не побоялась пойти на отравление Клавдия, ибо «она желала доставить сыну верховную власть»[10].

Как видно из выше упомянутого, автор рисует перед читателем образы женщин, которые предпринимают все, чтобы помочь своим сыновьям сделать политическую карьеру или застраховаться от ее краха, и из текстов нельзя извлечь ни малейшего намека на какую-либо попытку этих женщин

[1] Тацит Анналы I, 6.
[2] Тацит Анналы I, 4.
[3] Тацит Анналы IV, 57.
4 Griffin M. Claudius in Tacitus// *The Classical Quarterly.1990. P. 489.*
[5] Тацит Анналы XII, 7.
[6] Тацит Анналы XII, 7.
[7] Griffin M. Claudius in Tacitus// *The Classical Quarterly.1990. P. 485.*
[8] Тацит Анналы XII, 64.
[9] Тацит Анналы XIII, 2.
[10] Тацит Анналы XII, 64.

выносить самостоятельные решения[1]. И Тацит понимал это, «она (Агриппина) обратилась к халдеям с вопросом о грядущей судьбе Нерона, и, когда те ей ответили, что он будет властвовать и умертвит мать, она сказала: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал»»[2].

Необходимо учитывать, что женщина всегда связана с мужчиной, и когда Тацит говорит отрицательно о Ливии или Агриппине, он говорит отрицательно и об их сыновьях. Когда Тацит приписывает Агриппине мужские черты, то традиционная женская роль, в ее отношениях с сыном, переносится на Нерона, который, к слову, управляет государством. Если еще учитывать представления римлян о неспособности женщин выносить рациональные решения, встает вопрос о возможности Нерона руководить государством. Так, вводя образ властной матери, Тацит критикует не столько женщин, которых описывает, сколько мужчин, на которых они влияют.

С.В. Омельянчук
г. Владимир Владимирский филиал МФЮА

К вопросу о применении насилия в воспитании детей на Руси

На Руси всегда большое внимание уделялось вопросу формирования личности ребенка. Особую роль в формировании воспитательных методик сыграла церковь, под юрисдикцией которой находилось регулирование семейных отношений. Усиливая власть обоих родителей над детьми, духовенство требовало от отца и матери уделять как можно больше внимания воспитанию своих чад.

Родители должны были научить своих детей «страху Божию и вежеству и всякому благочинию»[3]. Недостойное поведение выросшего ребенка, его преступные наклонности рассматривались как небрежение в вопросах воспитания, ответственность за которое перед Богом несут только родители: «Аще что дети согрешаютъ отцовымъ и матернимъ небрежениемъ, имъ о техъ гресехъ ответъ дати въ день страшнаго суда»[4]. Поэтому, опираясь на поучения Иоанна Злостустого, представители духовенства внушали родителям, что «аще кто детей своих не научает воли Божий, то лютее разбойника осудится. Убийца убо тело умертвит, а родитилия, аще не учат чад своих, то и душу погубят»[5]. Более того, погубив душу своего ребенка, безответственные родители и сами лишались права на спасение: «Того

[1] Шепт Т. «Власть женщин» в ранней римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей»// THESIS, 1994, вып. 6. С. 259.
[2] Тацит Анналы XIV, 9.
[3] Домосторой Сильвестровского извода. СПб., 1891. С. 16.
[4] Там же.
[5] Слово к родителем о наказании – научении детей // Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып.3. СПб.,1897. С. 125.

ради, братие и сестры наказуйте дети своя … да ныне не примете про них от людей срама, а в будущий век с ними муки вечныя»[1].

Для того, чтобы придать еще большую убедительность словам в защиту необходимости воспитания детей, церковь не ограничивалась обещанием только посмертной ответственности родителей перед Богом, но и обращала внимания на негативные земные последсвия их невнимания к чадам. Как указывалось в Домосторое, «а дети аще небрегомы, въ ненаказании отцовъ и матерей», будут отличаться недостойным поведением, что может привести не только к насмешкам и осуждению со стороны других людей («отъ людей укоръ и посмехъ»), но и к разорению всей семьи «дому тщета, а себе скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота»[2].

Суровые требования предъявлялись к воспитанию как сыновей, так и дочерей. В «Слове Иоанна Златоуста о добрых и злых женах» рекомендовалось «положить» на дочь «грозу», чтобы она в «послушании» ходила, и не «испоскудила девство свое», попав под чужое влияние («да не свою волю приимше»)[3].

Самой действенной и даже безопасной воспитательной методикой считалось наказание. Памятники церковно-учительной литературы вторят друг-другу, что даже если ребенка «жезлом биеши», то он не только не умрет, «но здравее будетъ»[4], да к тому же «рана сынови, то яко вода на виноград възливается»[5]. И эффективность телесного наказания, по мнению авторов многочисленных поучений, была весьма высокой, оно не только способно душу воспитуемого спасти[6], но и как указано в «Книге притчей Соломоновых» «розга и обличение дают мудрость»[7].

Воспитанием детей рекомендовалось заниматься с самого раннего детства. Византийский сборник изречений и наставлений XI в. «Пчела» объясняет это тем, что так же «как члены телесные наших детей в час рождения повивают, чтобы крепче, прямее были и тверже, так изначала следует нам и детский характер направлять»[8]. В свою очередь русские памятники учительной литературы в этом вопрос высказываются куда более прямолинейно, и, наверное, понятнее простому обывателю: «Не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ», потому как «ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досажение, и болезнь души, и тщета домови, погибель имению, и укоризна отъ суседъ, посмехъ предъ враги, предъ властию платежъ и досада зла», поэтому «казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душе тво-

[1] Там же. С. 126.
[2] Домострой. С. 16.
[3] Слово Иоанна Златоустаго о добрых женах и злых // Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. С. 122.
[4] Слово к родителем о наказании – научении детей С. 125 ; Домосторой. С. 17.
[5] Повесть об Акире Премудром // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980. С. 250.
[6] Слово к родителем о наказании – научении детей. С. 125 ; Домосторой. С. 17.
[7] Библия книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1968. С. 663.
[8] Пчела // Памятники литературы древней Руси XIII в. М., 1981. С. 505.

ей»[1]. О том, насколько глубоко эти рекомендации вошли в народное сознание, свидетельствует их широкое распространение в поговорках: «Бей жену до детей, а детей до людей» или «Бей сына пока поперек лавки ложится, а когда вдоль будет, тогда поздно»[2].

Учительная литература регламентировала объем и виды наказаний применяемых при воспитании детей. Иоанн Златоуст советовал: «Аще ли не слушает дитя твое, то не пощади его: шесть ран или 12 сыну или дщери; аще ли вина зла, то и многи раны дай ему плетию»[3]. Однако родителям рекомендовалось быть сдержанными и «не озлоблять детей наказуя»[4]. Но не все, по всей видимости, следовали этим советам. Так, мать будущего настоятеля Киево-Печерского монастыря Феодосия «грозою» пыталась отвратить сына от стремления посвятить себя Богу. Когда Феодосий самовольно попытался уйти из родительского дома, присоединившись к странникам, его мать, догнав беглеца «имъше за власы, и повърже его на земли, и своими пъхашети ногами», а после, приведя сына, связанного как преступника домой, начала «бити его, донеже изнеможе», а, чтобы не допустить впредь подобных побегов «сы гневомъ одрьжима сущи, възложи на нозе его железа тяжка и тако повеле ему ходити»[5].

Случай с Феодосием Печерским не являлся исключением. О жестокости мер наказания, бытовавших в древнерусских семьях, свидетельствует и то, что юридическая ответственность за убийство родителями своих детей появилась только в Соборном Уложении 1649 г. и отличалась мягкостью: «А будет отец, или мать сына, или дочь убиет до смерти: и их за то посадити в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви Божий, и у церкви Божий объявляти тот свой грех всем людем вслух, а смертию отца и матери за сына и за дочь не казнити»[6].

Таким образом, ответственность за воспитание детей, их судьбу и спасение их души церковь возлагала на родителей. В основе, распространенной и одобряемой в обществе воспитательной методики, лежал принцип насилия и наказания. И даже, если в процессе воспитания родители проявляли излишнюю жестокость, которая могла привести к гибели ребенка, это, судя по мягкости наказания, рассматривалось законодателем не как убийство, а как превышение родительских прав.

---

[1] Слово к родителем о наказании – научении детей. С. 125-126 ; Домосторой. С. 17-18.
[2] Архив историко-юридических сведений относящихся до России издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 2. П. 2. М., 1854. С. 183.
[3] Слово к родителем о наказании – научении детей. С. 125
[4] Там же.
[5] Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерьскаго монастыря. // Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 17-18.
[6] Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 430.

В.Б. Безгин
г. Тамбов, Тамбовский государственный технический университет

Дела о семейных побоях в практике волостных судов

В крестьянской семье жена нередко становилась жертвой насилия со стороны мужа. Поэтому особенно интересно выяснить, как часто женщины прибегали к судебной защите, чтобы унять семейного изверга, и как суды, состоящие из мужиков, реагировали на такие обращения.

Исследователи конца XIX в. расходились в оценке эффективности таких обращений крестьянок. Юрист И.М. Красноперов считал, что волостные суды не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин, считая это дело семейным. Из 118 случаев побоев мужьями своих жен, зарегистрированных в волостных книгах, суды приговорили к наказаниям только четырех виновных, да и то не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство[1]. По мнению специалиста в области обычного права С.В. Пахмана, волостные суды не только не уклонялись от разбора дела о личных обидах между супругами, но весьма энергично защищали жен от деспотизма мужей[2]. На основе изученных материалов волостных судов за 1860–70-е гг., современный исследователь Л.И. Земцов утверждает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде», и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано»[3].

Волостные суды, в отличие от общинных судов, не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. Так, Горельский волостной суд 5 марта 1872 г. рассматривал жалобу крестьянки. В ней говорилось о том, что ее муж Сергей Антонов Бетин ни за что избил ее, изорвал на ней рубаху и юбку и вырвал много волос. А затем, связав ей руки, водил по селу. Суд приговорил виновного к аресту на 7 дней[4]. Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. П. Березанский в своем исследовании обычного права крестьян Тамбовской губернии приводил в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказать семейного дебошира 20 ударами розгами и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своем семействе смирно[5].

По мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации сельских женщин в частности, к концу XIX в. в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях. В ряде случаев суды вставали

---

[1] Красноперов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 279.
[2] Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. с. 249.
[3] Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Мат-лы. междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.
[4] Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 217.
[5] Там же. С. 218.

на защиту чести и достоинства женщины и наказывали семейных деспотов. Правовед А.Х. Гольмстен приводил примеры, когда волостные суды за нанесение побоев женам приговаривали их мужей к наказанию розгами от 10 до 20 ударов[1]. Решительная позиция волостных судов в отношении семейного насилия находила свое подтверждение в содержании их решений. Так, крестьянин с. Воейкова Тимофей Иванов по жалобе его супруги, что тот «всегда в пьяном виде бьет ее без пощады», решением волостного суда был подвергнут двадцати ударам розгами[2]. Иногда такие обращения заканчивались миром да наставлением: жене велят мужа слушаться, а мужу – жену не тиранить[3]. Чтобы не допустить повторения рукоприкладства, с мужей–дебоширов бралась подписка в том, что они будут обращаться с женой и родными должным образом[4]. Такие подписки носили предупредительный характер, и к наказанию виновных суды не прибегали[5].

Следует признать, что обращения крестьянок в суд с жалобами на жестокое обращение с ними мужей были все-таки явлением редким. Не всегда просительницы достигали желаемой цели. Состоящие из мужчин-мужей волостные суды порой становились на сторону обвиняемого, опасаясь своим решением поколебать авторитет и власть мужа над женой, дать «бабам повадки». Да и действенность расписок с обязательством должного обращения с супругой вызывала у современников сомнение. Один из сельских информаторов по этому поводу сообщал, что «подписки для мужа не имеют никакого значения, а жене скорее вредят, так как озлобляют мужа, наказанного по жалобе жены, заставляют его обращаться с ней хуже прежнего»[6].

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Волостной суд строго карал тех, кто, нарушив сыновний долг послушания, позволял себе оскорблять, или хуже того бить родителей. Так, Воейковский волостной суд Данковского уезда Рязанской губернии 12 ноября 1872 г. слушал словесную жалобу крестьянки сельца Богословки Матрены Спиридоновой. Истица показала, что ее сын, Михаил Кузьмин «ругал ее сквернословными словами … начал ее бить, разбил во многих местах до крови». Судьи постановили: за оскорбление матери подвергнуть Кузьмина наказанию розгами к 20 ударам[7]. Это было максимальное количество ударов, которое мог назначить волостной суд.

---

[1] Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 87.
[2] Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002.С. 110–111.
[3] Чернов И.Д. Об обычном семейном и наследственном праве крестьян // Труды Киевского юридического общества. Киев. 1883. С. 267.
[4] Пахман С.В. Указ. соч. С. 68.
[5] Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882. С. 42.
[6] Лозовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6-7. С. 368.
[7] Земцов Л.И. Волостной суд в России … С. 224.

Строго волостной суд наказывал побои, как ближайших родственников, так и родни по свойству. Так, решением Воейковского волостного суда крестьянин д. Новой Иван Дмитриев был подвергнут аресту на двое суток за постоянные побои свояченицы[1]. По жалобе крестьянки Любови Алексеевой на сноху Федосью Кондратьеву, что та нанесла ей побои кулаками по лицу и по рукам била рогачём, волостной суд 14 сентября 1875 г. принял решение «за нанесение обиды свекрови подвергнуть Кондратьеву трехдневному аресту при волостном правлении и взыскать с нее в пользу судей 75 коп.»[2].

Следует признать, что семейное насилие было обыденным явлением в крестьянском быту. В селе не было принято бабе жаловаться на побои мужа, а тем более искать на его управу в суде. Но по мере эмансипации крестьянки, роста ее самосознания, ситуация менялась. С введением волостных судов у сельских женщин, ставших жертвами семейного насилия, появилась возможность защитить свою честь и достоинство посредством обращения в суд. И тот, преодолевая стереотипы обыденности, становился на сторону потерпевшей, вынося приговор не основе правового обычая, а согласно положениям официального законодательства.

И.А. Гордеева
г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

«Похищение» детей князя Д.А. Хилкова: отобрание детей как способ борьбы с инакомыслием в истории России

21 октября 1893 г. у князя Дмитрия Александровича Хилкова (1858–1914) и его жены Цецилии Владимировны Винер (1860–1922) были отобраны их дети, четырехлетний Борис и двухлетняя Оля. Детей увезла бабушка Юлия Петровна Хилкова. Это произошло среди белого дня при большом стечении народа в немецкой колонии Екатериненфельд. Изъятие детей производилось местной полицией по приказанию царя. Главным основанием для отнятия послужили сообщения бабушки о дурном обращении с детьми их матери и ужасных условиях их содержания[3].

Семья Хилкова жила в Закавказье в духоборческом селе Башкичет, куда Дмитрий Александрович был сослан за свои религиозные убеждения. Хилков и Винер поженились без венчания в 1889 г., в это время они оба были последователями Льва Толстого. Мать Хилкова возмущалась тем, что они лишили своих детей состояния и титула. В Башкичете Хилковы жили в плохой хате в спартанских условиях, всю зиму дети болели, так что Цецилии пришлось с ними временно переехать в расположенную непода-

[1] Там же. С. 115.
[2] Там же. С. 374.
[3] Подробную информацию о этом случае см.: Похищение детей Хилковых: Сведения, собранные Владимиром Чертковым. Christchurch: Свободное слово, 1901.

леку немецкую колонию, где были более благоприятные условия. Беспокойство за будущее внуков привело к тому, что Юлия Петровна получила разрешение у Александра III забрать детей себе, для этого ей пришлось сильно приукрасить бедственность их положения.

После отобрания детей Цецилия Владимировна поехала в Петербург и подала императору прошение об их возвращении, но не имела возможности доказать, что факта дурного обращения с детьми не было, поэтому ее прошение было оставлено без последствий. Также бесполезным оказалось обращение в Комиссию прошений к генералу О.Б. Рихтеру. Оказалось, генерал уже был наслышан об этой истории и у него не возникало сомнений в том, что Винер плохо относилась к детям, которых нашли «в ужасном состоянии»: «они были как зверьки», больные, грязные, нечесаные, совершенно заброшенные. Рихтер также высказал опасение, что дети могут сделаться такими же анархистами и коммунистами, как и их отец[1].

Оглашение этого случая в печати также не помогло вернуть детей. После свиданий с детьми Цецилия обнаружила, что бабушка настроила их против нее, а лакей вообще сказал детям, что их мать умерла[2]. Вскоре княгиня узаконила детей, они приобрели княжеский титул и в дальнейшем воспитывались в аристократических традициях, в разлуке с родителями.

Выдуманное княгиней плохое отношение матери к детям стало лишь предлогом для отобрания детей, главной же причиной были религиозно-общественные взгляды Хилкова и Винер, несоблюдение ими обрядов православной церкви, отказ от богатства и условностей дворянского быта, аскетизм материальной обстановки, проживание в среде крестьян, свободное воспитание детей.

Хилков прожил «красивую, полную волнений жизнь»[3]. Воспитанник Пажеского корпуса, в 1875 г. он был произведен в офицеры и поступил в лейб-гусарский полк. Он принял участие в русско-турецкой войне, к двадцати годам имел множество знаков отличия, в 22 года стал подполковником.

Во время войны у Хилкова начался религиозно-духовный переворот, который привел к уходу с военной службы в 1884 г. Дмитрий Александрович поселился в имении своей матери Павловках Сумского уезда Харьковской губернии. Получив в подарок от матери землю, он очень дешево продал ее местным крестьянам, оставив себе небольшой надел, и сам занялся сельским хозяйством. В это время он познакомился с учением Толстого и стал его последователем. В 1891 г., обвиненный в религиозной пропаганде среди крестьян, Хилков был выслан под надзор полиции в Закавказье, где и произошло описанное происшествие.

В дальнейшем Хилков еще не раз менял свои убеждения. Очутившись в 1898 г. за границей, он сотрудничал в толстовской прессе и занимался уст-

[1] Там же. С. 67.
[2] Там же. С. 69-74.
[3] НИОР РГБ. Ф. 369. К. 47. Д. 13. Л. 79.

ройством духоборов, но его политические симпатии в это время были уже на стороне революционеров. В 1904 г. Хилков примкнул к эсерам, к их «молодой» фракции, которая планировала направить эмиссаров в Россию для организации «боевых крестьянских дружин», прежде всего среди сектантов, у которых князь пользовался огромным авторитетом[1]. Заподозрив в Азефе провокатора, он вышел из партии и опять поселился в Павловках.

В 1910 г. Хилков и Винер пережили самоубийства двух дочерей, увезенной бабушкой Ольги и Елизаветы, которая родилась у них в 1894 году. Весной покончила с собой Ольга, воспитывавшаяся бабушкой, осенью того же года застрелилась дочь Елизавета, жившая с матерью в Тифлисе. После этого Хилков вернулся к православию и жил в своем имени, занимаясь сельским хозяйством. С началом мировой войны он отправился на фронт и, пробыв там всего две недели, погиб в боях под Львовом 21 октября 1914 г. О дальнейшей судьбе Цецилии Винер у нас информации нет.

Случай с детьми Хилковых, при всей своей исключительности, связанной с социальным происхождением главы семьи, – это лишь один из многих случаев из истории гонений против религиозного разномыслия в Российской империи. Также имеет он свои параллели в истории позднего СССР, когда массовый характер приняло отобрание по суду детей и/или лишение родительских прав сектантов, и прежде всего баптистов, пятидесятников и адвентистов. Помимо этого, верующих наказывали за религиозное воспитание детей.

Характер массовой кампании это явление приняло с начала 1960-х годов и, с разной степенью интенсивности, продолжалось до конца советского периода. Точно так же, как и до революции, общественность была настроена против «сектантов», о которых ходили самые дикие слухи, и требовала отбирать у них детей. Антисектантские настроения общества подогревались прессой.

Издававшийся баптистами-инициативниками нелегальный «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» систематически сообщал о лишении верующих родительских прав и отобрании у них детей. В 1969 г. возник Совет христианских матерей, который ставил свой целью борьбу с подобной практикой советского государства[2]. В 1976 г., вскоре после создания Московской Хельсинкской группы, баптисты обратились в группу с жалобой на отобрание детей у верующих родителей. МХГ выпустила по этому поводу документ «Репрессии против религиозных семей»[3].

История отобрания детей и лишения родительских прав в качестве наказания за инакомыслие еще требует своего дальнейшего изучения. При всей многоаспектности данного вопроса, важнейшей составной частью

[1] НИОР РГБ. Ф. 369. К. 47. Д. 13. Л. 93-93 об.
[2] Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 174.
[3] URL: http://www.mhg.ru/history/1458985

этой истории является проблема дисциплинарной власти современного государства, воплощенной в системе контроля поведения и мыслей индивидов с помощью целой сети учреждений, таких, как полиция, пенитенциарные, медицинские и педагогические учреждения.

В обществах со сложившимися дисциплинарными системами важное значение приобретает понятие «нормы», представления о том, «что нормально, а что – нет, что правильно и что неправильно, что нужно делать, а что – нет»[1]. При такой установке под подозрение попадают в первую очередь те, кто не вписывается в норму, – религиозные диссиденты, социальные маргиналы и общественно активные люди. Именно такие люди в первую очередь начинают сопротивляться контролирующим институтам и практикам. Их вера, их совесть, их субъективность в таких условиях становятся проблемой. И они же становятся первыми жертвами таких государств, которые вмешиваются в их частную жизнь с целью «нормализации» их ценностей, коррекции образа жизни, практик воспитания детей и т.п.

С.А. Докина

г. Кишинев (Молдова), Институт Истории Академии Наук Молдовы

Семейное насилие в среде болгарских и гагаузских колонистов юга Бессарабии (конец XIX – начало XX в.) на основе фольклорных материалов

С переселением в Бессарабию болгарские и гагаузские колонисты привезли с собой все, что характеризовало эти народности к началу XIX в.: разговорный язык, особый менталитет, опыт хозяйствования, нравы в семейной и общественной жизни, обычаи и обряды, верования, фольклорное богатство и проч.

В данной статье мы ограничимся фольклорными источниками, которые являются важной составной частью духовной культуры народа и содержат ценные, вековые свидетельства о жизни народа. В отсутствии других источников (например, археологических, письменных и др.) фольклорные материалы выступают практически единственным источником, помогающим восстановить жизнь и быт отдельных народов. Ярким примером данного утверждения может служить история и фольклор болгар и гагаузов, переселившихся на южные окраины Российской империи после русско-австро-турецких войн XVIII в[2]. К этому следует добавить, что до конца XIX века гагаузы были еще и бесписьменным народом.

[1] Фуко М. Истина и правовые установления // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. М., 2005. С. 110.
[2] Грек И., Червенков Н. Българите от Украина и Молдова. Минало и настояще. София, ИК «Христо Ботев», 1993. С. 10.

Целью настоящей статьи является изучение проблем семейного насилия в семьях болгарских и гагаузских колонистов юга Бессарабии в конце XIX – начале XX в. на основе фольклорного материала.

Семья – один из наиболее древних и значимых общественных институтов. Как отмечали исследователи XIX в., «у *болгар* до сих пор (до 1878г. – прим.авт.) сохраняется старославянский обычай жить большими семьями или «задругами», так что семейство иногда состоит из нескольких десятков человек…, но все подчиняются главному хозяину в семье, который зовется «дядо» или «домочина»[1]. Российский этнограф конца XIX в. В. Мошков утверждал, что «строй *гагаузской* семьи – чисто патриархальный, с сильным преобладанием отцовской власти»[2]. Причем, отец имеет над детьми, «право жизни и смерти»[3].

Патриархальный тип семьи характеризуется бесспорным главенством старейшего члена семьи, ярко выраженной зависимостью жены от мужа и детей от родителей. Все дети, включая состоящих в браке, оставались при отце, который имел над ними и внуками безоговорочную власть. Собственность не дробилась; ею, как и работой, распоряжался исключительно глава семьи. По смерти отца правопреемником становился один из сыновей, определенный им по завещанию[4].

В условиях патриархальной семьи достаточно часто встречались случаи т.н. «патриархального терроризма» – систематического применения физического и психологического насилия к женщине или детям со стороны мужчины[5]. То есть в роли носителя зла и его жертвы выступают самые близкие люди: супруги, дети[6], а иногда и старики-родители. Не случайно об уровне развития общества судят по отношению в нем к женщинам, старикам и детям.

О беспрекословном подчинении главе рода детей говорят *болгарские* пословицы: «Кога бащата говори, **децата** да мълчат» («Когда говорит отец, дети молчат») [7]

Несмотря на то, что детей любили, к ним довольно часто применялись телесные наказания: у болгар тому свидетельство в пословице «Нека плаче детето, да не плаче после майката» – «Пускай дитя плачет сейчас, чтобы потом мать не плакала»[8].

Несмотря на бесспорное уважение к старшим, все же фольклор сохранил до наших дней и возмутительные случаи, когда дети плохо поступали со своими престарелыми родителями. Об этом косвенно свидетельствуют

[1] Народы России. Издание редакции журнала «Природа и люди», СПб, 1878, С.477.
[2] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1901, №2, С. 1.
[3] Там же, С. 2.
[4] Астахова Ю.Г. Социология семьи: учебное пособие. Липецк: ЛГТУ, 2012. С. 25.
[5] Геронимус И. Корни домашнего насилия/ /Отечественные записки, 2013, №2(53), С. 208.
[6] Попова И.В. Опыт исследования проблемы семейного насилия // История. Социология. Культурология. Этнография Выпуск No 4 / 2012. С. 127.
[7] Български предания и легенди, гатанки, пословици и благослови, съст. А.Калоянов, Велико Търново, 2000, С. 171.
[8] Българско народно творчество в 12 тт., т.12, Изд.Български писател. София, 1963, с. 248.

болгарские пословицы: «Млад бях: „Мълчи, ти не знаеш“; остарях: „Кой те пита?“» («Маленьким был: «Молчи, ты не знаешь», постарел: «Кто тебя спрашивает?»), «Човек два пъти става слуга вкъщи: кога е малък и кога е стар»[1](«Человек дважды становится слугой в доме: когда он маленький и когда постарел»). И у болгар, и у гагаузов (впрочем, как и у многих народов Европы) встречается сюжет сказки о неблагодарном сыне, который сделал корыто для кормления своего престарелого отца, а потом был посрамлен своим же малолетним сыном, который начал вырезать подобное корыто для своего отца[2].

Иногда случаи насилия в отношении *болгарских* стариков были просто вопиющими: например, когда невестка готовила для свекрови голубцы из табачных листьев, давала ей чай с мелом вместо сахара[3] и, в конце концов, выгнала свекровь из дома.

В *гагаузском* фольклоре есть песни (*Oollan boba daavaya giderlär* /«Отец с сыном идут в суд», *Mariya* /«Мария»), в основу сюжета которых положены случаи судебной тяжбы между детьми и престарелыми родителями.

Жена в семье *болгарских* колонистов должна была подчиняться мужу, который имел право даже побить ее, что, впрочем, осуждалось обществом: «Ако биеш жена си, биеш глава си» («Если бьешь свою жену, бьешь себя по голове») [4]. *Гагаузские* пословицы, касающиеся униженного положения женщины в семье: «Кто не бьет своей жены хотя бы раз в неделю, тому жена обязательно изменит», «Семь баб по уму равны одному мужчине»[5].

В репертуаре *гагаузов* Молдовы есть песни, в основе которых лежит сюжет о том, как отец, у которого умерла жена, не найдя ей подобной, решил жениться на собственной дочери, т.к. та была похожа на мать (песни «Рахель», «Тудорка»)[6]. Как видим, в гагаузских селах встречались случаи инцеста, хотя обществом это явление через песни осуждалось (цитата из песни: «Где это видано, где это слыхано?»)[7].

Насилие над женщиной совершалось часто еще до свадьбы. У болгар и гагаузов того времени было поверье, что краденая жена обладает более крепким здоровьем (т.к. была тайно уведена, и, значит, укрыта от козней злого духа), кроме того, кража была экономически выгоднее (чтобы не делать свадьбы по всем обычаям). Поэтому среди этих народов в данный период была сильно развита кража невест. Парень силой уводил возлюбленную к себе домой и там лишал невинности, чтобы она не могла уйти к своим родителям. Лишенную невинности девушку уже никто не брал в жены,

---

[1] Ка се казвали дедите ни?/съст.С.Кьосева, Будапеща, 2008. С. 16
[2] Ка се казвали дедите ни?... С. 33
[3] Тартарен из Тараскона Баба Чана//в сб. Живая старина в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX-нач. XX вв. под ред. Ижболдиной И. –К.: Civitas, 2012. С. 207.
[4] Български пословици и поговорки, съст. Милко Григоров и Костадин Кацаров Изд. Науки и изкуство, София, 1986.- 544 с., с. 247.
[5] Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда// Этнографическое обозрение, 1901, №1. С. 129.
[6] Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни».- К.: «Elan INC» SRL, 2011. – 568 с., с. 109.
[7] Там же, с. 341.

поэтому родители невесты волей-неволей должны были согласиться на ее брак с похитителем[1].

Приходя в новую семью, невестка нередко становилась объектом насилия для свекрови. В песне, исполнявшейся при заплетании косы *гагаузской* невесте, есть намек о том, что жизнь в доме свекрови будет горька:

Ana-boba kapusu –	Родительский дом –
Eşil feslen kokusu,	Запах зелёного базилика,
Kaynna-kaynata kapusu –	Дом свёкра и свекрови –
Hacı pelin kokusu.	Горький запах полыни[2].

Но жертвы патриархального насилия чаще всего терпеливо сносили издевательства родственников. Столь терпимое отношение к насилию в патриархальных обществах, на наш взгляд, объясняется тем, что человек там рассматривался не как отдельная личность, что типично для Запада, а как представитель семьи и рода.

Таким образом, в сельских общинах гагаузов и болгар юга Бессарабии в конце XIX – начале XX в. фольклор выполнял важную воспитательную функцию и способствовал сохранению традиционных ценностей: почитание старших и родителей, главенство мужа, подчиненное положение женщины и т. д.

В целом можно говорить о том, что в гагаузском и болгарском фольклоре нашел отражение процесс ослабления традиционных норм, который выражался в падении авторитета старших в глазах младших, родителей перед детьми. Подобное изменение традиционных норм и ценностей было связано с усилением капиталистического развития и распадом семейной общины.

И.В. Титова
г. Воронеж, Воронежский областной краеведческий музей

«Сила родительского проклятья» (на материалах мифологических рассказов русских европейской части России XIX–XX вв.)

В русской традиционной культуре отношения между родителями и детьми были строго регламентированы и строились на принципах вертикальной подчиненности. Этот принцип был освящен не только исконной традицией уважительного отношения к старшим, но и религиозными нормами, ветхозаветной заповедью почтительного отношения к отцу и к матери. Нарушение этой традиции, отклонение от нормативного поведения по отношению к собственным родителям могли повлечь за собой серьезные негативные изменения в судьбе человека. Эта ментальная установка подкреплялась не только авторитетом традиции, религиозными и нравственно-этическими нормами, но и бытовавшими в народной среде представлениями о силе родительского проклятья.

[1] Стойков Н. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии…//Кишиневские епархиальные ведомости. Кишинев, 1910, №41. С. 1471
[2] Цит. по: Квилинкова Е.Н. Указ.соч., с. 222

Мифологические рассказы о так называемых проклёнутых, а также суеверные представления о силе родительского (особенно материнского) проклятья имели широкое распространение в среде русских крестьян и на протяжении XIX–XX вв. сохраняли свою устойчивость.

Основные сюжетные линии рассказов о проклятных не отличаются особым разнообразием, более того, многие из них практически идентичны и лишь в ряде случаев дополняются отдельными деталями, предающими тому или иному рассказу определенную индивидуальность.

Базовая ситуация в подобных рассказах абсолютно обыденна, жизненна и по-человечески понятна. Мать просит ребенка что-то сделать (например, «присмотреть за овцами») или не делать (например, остаться дома, «в лес не ходить), ребенок же (как сын, так и дочь) не слушается, своевольничает, и, как следствие, мать гневается, «бранится». Однако ни детское непослушание, ни гнев матери сами по себе не являются провоцирующими факторами наступления мифологического события. Таковыми являются слова матери, допускающие к ребенку опасную (нечистую, нехорошую) силу. Слова эти –гневные высказывания матери – содержат в себе упоминание лешего или черта.

В основной массе имеющихся в нашем распоряжении материалов все подобные высказывания с поминанием нечистой силы сводятся к простым общим словесным формулам: «леший тебя возьми», «леший тебя унеси», «черт с тобой». Произнесенные «в сердцах», «с горяча», «не в добрый час», подобные высказывания не только допускали «нечистого» духа к ребенку, но, более того, мать через подобные словесные формулы сама лично отдавала свое дитя в руки нечистой силы, в то время, когда главной ритуально-обрядовой обязанностью матери по отношению к собственным детям являлась обязанность сделать все возможное, чтобы не допустить к ребенку нечистую силу. Далее с ребенком происходят определенные изменения, описываемые в рассказах как «умом ослабел» и его (или ее) «уносила» нечистая сила (в основном леший или же черт, реже водяной, еще реже – домовой).

Во всех рассказах о проклёнутых подчеркиваются негативные последствия родительского проклятья как для самого ребенка, так и для родителей: ребенок оказывается в «том» мире, во власти нечистой силы, мать же, которая, безусловно, любит собственное дитя, спохватывается и приходит в ужас от случившегося, однако, сделать уже ничего не может. Обратного пути нет. Или практически нет.

Что же происходит с человеком в «том» мире, после того, как он подвергся родительскому (материнскому) проклятью? Здесь в мифологических рассказах имеются разночтения. Одни из них, повествуют о страданиях, которым подвергаются «проклятые». В других рассказах сами «проклятые» вспоминают о своем «пребывании» в «том» мире как о достаточно комфортном состоянии: «дедушка на руках носил», «кормил тем, что без молитвы положено было». Как третий вариант, побывавшим в «том» мире после родительского проклятья и вернувшимся в «этот» мир говорить о

том, как было «там» категорически запрещается (тем же лесным хозяином): «а сами говорят: рассказывать не будем, нельзя». В целом же ряде случаев, в мифологических рассказах о «проклятых» возможность их возвращения в «этот» мир рассматривается как нереальный сценарий. Единственный шанс вернуть «проклятого» ребенка представляется только в том случае, если проклявший свое чадо родитель вовремя (тут же) предпримет все для этого возможное.

Согласно бытовавшим поверьям сами родители крайне редко могли «выручить» своего ребенка из той ситуации, в которой он оказался в силу действенности проклятья. Однако меры, как уже отмечалось выше, нужно было принимать незамедлительно. В таких случаях обычно рекомендовалось обращаться к «знающим» людям (знахарям, колдунам, «бабкам»), к священникам, в ряде случаев вызволить ребенка из рук нечистого могли только крестные родители. Если же родитель вызволял своего ребенка из «потустороннего» мира сам, то он действовал обычно «по совету» знающего человека. К вышеприведенному перечню знающих можно добавить еще одного интересного с точки зрения изучения народной мифологии персонажа – солдата, который часто в подобных ситуациях выступает как лицо, относящееся к категории «знающих». Но даже в том случае, если ребенка удавалось «вернуть» в мир людей, для него пребывание в «том» мире не оставалось без последствий. Да, человек возвращался, но возвращался поврежденным. У такого человека были повреждены волевые качества, рассудок, либо же он бы очень болезненным и вскоре умирал[1].

Народная молва устроена так, что должна непременно назначить виновного. Однако применительно к данным ситуациям, эта самая народная молва была удивительно деликатна. Рассказы о проклятых подчеркнуто трагичны и, если рассказчик повествует о лицах ему известных, в самом его повествовании не содержится и толики осуждения, лишь напоминание о том, что «проклинаться через ребенка нельзя, а то умрет, русалкой будет», тем самым рассказчиком подчеркивается, что проклиная, родитель карает не свое непослушное дитя, а самого себя.

Таким образом, распространенные рассказы о проклёнутых и суеверная вера в силу родительского проклятья подчеркивали нравственную установку на послушание детей родителям, на воспитательное значение страха у детей перед родительским гневом. Так мифологические рассказы о «проклятых» детях подчеркивали и необходимость терпимого отношения к детям со стороны самих родителей, Всем этим указанные рассказы задавали определенную культуру в системе внутрисемейных межпоколенных взаимоотношений, обозначая ту грань, за которую нельзя (и даже опасно) переходить.

[1] Особую группу рассказов составляют повествования (приближающиеся по своим характеристикам к сказочной прозе) о женитьбе молодого парня на проклятой девке-красавице, которая сама обучает парня тому, как ему следует поступить, чтобы вернуть ее в «этот» мир (через надевание, «накидывание» на нее нательного крестика). Однако данные рассказы выходят за рамки тезисов нашего доклада.

Н.А. Мицюк
г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Материнская социализация, дефлорация и брачное насилие в дворянских семьях начала XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01217/16 «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы»

Проблемное поле представленного доклада состоит в том, чтобы изучить табуированную область супружеских взаимоотношений в дворянских семьях XIX в. – брачное насилие и связанную с ней проблему низкой сексуальной просвещенности и материнской социализации дворянок. Основными источниками исследования явились женские и мужские эгодокументы (дневники, воспоминания), произведения художественной литературы, а также врачебные случаи, изложенные в медицинских изданиях.

Одной из причин распространения насильственных действий супруга во время первой брачной ночи в дворянских семьях, а также драматичный опыт дефлорации дворянок были обусловлены, с одной стороны, сексуальной просвещенностью мужей, с другой – отсутствием соответствующего опыта и знаний женщин.

В гендерной социализации девочек присутствовали явные противоречия. Родители, ограничивая общение девочек с противоположным полом, подогревали их кокетство, чувствительность, в том числе посредством светских мероприятий. Амбивалентность ситуации приводила к возникновению разного рода проблем и отклонений в психоэмоциональном и половом развитии девочек. На основании около трех десятков изученных подростковых дневников можно выделить следующие формы девиации[1]: неразборчивость в выборе объекта сексуальных влечений; сублимация интимных желаний на представительниц своего пола; прогрессирование разных форм неврастении.

Большой массив источников личного происхождения демонстрирует, что для подавляющего большинства девушек интимные отношения ассоциировались исключительно с трепетными ухаживаниями, невинными поцелуями и романтическими свиданиями. Пределом их отношений должен был стать страстный поцелуй или объяснение в любви. Девушки подробнейшим образом описывали свой первый поцелуй и испытанные при этом эмоции, в то время как рассказы о переживаниях первого полового акта напрочь отсутствовали в женской мемуаристике. Откровенные мужские порывы страсти рассматривались невинными созданиями как проявление высоких чувств. В девичьем восприятии половые отношения, если о них вообще имелось представление, ассоциировались не иначе, как «всякая грязь», «позор», «животное наслаждение», «скверность», «неведомая сила»

[1] Под «девиацией» я подразумеваю поведение, которое не вписывалось в принятые стандарты того времени.

«двойная жизнь», «половая похоть», «надругательство над душой». В самом факте физического сближения виделось что-то «животное», «гадостное», «свинское». Девушки с трепетом ожидали любовных отношений, ухаживаний, свиданий, но со страхом думали о первой брачной ночи. Подавляющее большинство дворянок, вступавших в брак, имели скудные знания о сути сексуальных отношений и особенностях собственной фертильности. Невесты могли очень любить своих женихов, однако сама мысль о возможности полового контакта приводила их в отчаяние.

Первая брачная ночь для дворянок, живущих в мире многочисленных условностей и доминирования социального контроля над сферой их личной жизни, становилась дверью в новую, взрослую жизнь. По сути, она являлась своеобразной инициацией. Сюжеты столь интимного характера помогают понять женщину-мать прошлого, сложный мир ее эмоциональных переживаний. Описание первой брачной ночи в женской мемуаристике практически не встречается, в отличие от мужской автодокументалистики. Это свидетельствует о том, что для женщин сфера сексуальных отношений продолжала оставаться табуированной и неприличной не только для обсуждения, но и для рефлексивных размышлений на страницах собственных дневников. Даже название полового акта в личных документах они старались избегать, употребляя для его обозначения слова с меньшей смысловой нагрузкой: «близость», «связь», «двойная связь», «двойная жизнь», глагол «сошлась».

Причина драматичности ситуации и тяжести переживаний девушек, вышедших замуж, коренилась в их низком уровне полового просвещения. Они имели смутное представление о сути сексуальных отношений, будучи абсолютно уверенными, что апогеем страсти является поцелуй. О собственной сексуальной инфантильности вспоминала А.А. Знаменская: «*Я вышла замуж в 16 лет. В 15 лет я была уже невестой. У меня даже ни разу не являлось желание почувствовать своего жениха, когда он обнимал или целовал меня, я неумело отвечала ему. Меня интересовал приезд его, переписка с ним, но и только*»[1]. Репрессированная девичья сексуальность, непросвещенность в половых вопросах превращали первую брачную ночь в насильственный акт над женщиной. А. Знаменская признавалась, что физическая близость доставляла ей много страданий, а страсть к мужчине она впервые испытала только в 37 лет. Несмотря на относительную просвещенность в вопросах половых отношений, двадцатилетняя Елизавета с ужасом представляла возможные сексуальные отношения, сравнивая женщину с «*овцой*», которую неизвестно когда «*заколют*»[2].

Положение девушек осложнялось тем, что их матери ни до свадьбы, ни во время приготовления к ней не пытались подготовить дочерей к испытанию первой брачной ночи. Незнание романтично настроенными де-

[1] РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 21.
[2] Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 132-133.

вушками физической стороны любви, неожиданно обрушившейся на них после замужества, приводило к тому, что они часто впадали в глубокую депрессию, граничившую с суицидальными порывами. «*Обыкновенная мужская страсть показалась ей оскорблением всех ее заветных мечтаний и привела ее в такое отчаяние, что она мечтала о самоубийстве*», – писала о своей матери В.П. Багриновская[1].

Под впечатлением «Крейцеровой сонаты» смоленский помещик – известный в начале XX в. публицист Сергей Федорович Шарапов – увлекся собиранием рассказов знакомых ему мужчин, в которых они описывали поведение жен в первую брачную ночь. Его интерес к этому вопросу подогревал повторный брак на юной смоленской дворянке Зинаиде, которая была младше жениха на 20 лет. С.Ф. Шарапов стал обладателем «любопытной коллекции» историй, которые позволили ему сделать неутешительные выводы относительно половой морали, различия в воспитании мужчин и женщин. Откровенные рассказы дворян, события которых относились к концу XIX в., являются ярким свидетельством крайне низкой сексуальной культуры как мужчин, так и женщин. Он цитировал слова одного графа, который рассказывал о том, что его жена в «первую ночь» «*в одной рубашке и босиком убежала к матери*», при этом она кричала, что молодой муж с ней «*что-то отвратительное делает*»[2]. С.Ф. Шарапов сравнивал мужчин с «дикарями», «животными», которые «за эти четверть часа» глумятся над невинными созданиями. Типичный сюжет рассказов из «коллекции» С.Ф. Шарапова: «*Она была совсем ребенком. Ни о какой страсти не могло быть и помину. Не забуду, как она испугалась и побледнела, когда мы остались вдвоем. Вижу, как она страдает, и говорю ей: «Знаешь, мы должны скорее окончить это, ведь уже это нужно!» Она говорит: «Как хочешь». На постели было очень неловко. Я снял ее и положил на ковер около постели. Она стиснула зубы и не шевелилась ни одним мускулом… она почти не могла подняться и повторяла: «Это ужасно». Я отнес и уложил ее на постель, а сам свернулся калачиком и уснул на диване. Рядом с нею я лечь не мог*»[3]. Если и существовал протест молодой жены, то он выражался исключительно в бегстве от происходившего. С.Ф. Шарапов, основываясь на признаниях своих многочисленных друзей, пришел к выводу, что в большинстве семей в начале интимных отношений превалировало насилие над собственными женами. Это дало основание «собирателю» семейных историй окрестить первую брачную ночь «позорным жертвоприношением». Подобные истории из интимной жизни новобрачных приводили врачи, исследовавшие половую жизнь населения. Они отмеча-

[1] РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Д. 159. Л. 19об.
[2] Там же. Л. 45.
[3] Там же. Л. 46.

ли, что весьма часто после первой брачной ночи половой акт в восприятии добропорядочных жен оставался в качестве «*грязного придатка любви*»[1].

Драматизм первой брачной ночи объяснялся и тем, что происходившее воспринималось дворянками, воспитанными в лучших традициях, как покушение на их свободу, честь, достоинство, идеализированные и романтичные представления о сути любовных отношений. Мужья, как правило, мало интересовались тем, что чувствовали молодые жены. Они считали вполне естественным процессом «завоевать» женщину, подчинить ее себе, сломить ее волю. Судя по автодокументалистике, со стороны начитанных мужчин-гуманистов в конце XIX в. стали появляться те, кто искренне желал посвятить свою невесту во все тайны интимных отношений, получить от нее полное согласие и породить совместное желание физической близости. В личной переписке с будущей женой Зинаидой Сергей Шарапов раскрывал ей суть плотских отношений, рекомендовал прочитать соответствующую художественную или научно-популярную литературу. Подобный сюжет был обнаружен в личной переписке и на страницах дневников Екатерины Кравченко и Анатолия Половцова[2].

Существование брачного насилия в дворянских кругах, наравне с крестьянским миром[3], подчеркивает зависимое положение женщин в патриархатных обществах, ее бесправность, противоречивые запросы в отношении «идеальной женственности» и тяжесть традиционного гендерного порядка для приобретения женщинами собственной идентичности, осознания себя как личности и развития женской сексуальности.

Ю.В. Шевчук
г. Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Мотив «плохой» матери в ранней лирике А. Ахматовой

В ранней лирике Ахматовой мотив «плохой» матери имеет отношение к развитию конфликта между двумя ипостасями лирической героини – ее женской природой и ощущением необходимости самозабвения в поэзии. В 1910-е гг. исполнение творческих планов требовало от молодого художника определенного имиджа, настроения, пребывания в столице, поиска материальной и моральной опоры в лице равных по духу мужчин. Одним из сквозных автобиографических мотивов поэзии Ахматовой является чувство нравственной вины перед семьей: «Я с неба ночного упала / На эти сухие поля. // И встала. И к дому чужому / Пошла, притворилась своей, / И терпкую злую истому / Принесла с июльских полей» («За то, что я грех

[1] Форель А. Половой вопрос. Т.1. СПб.: Вестник знания, 1906. С. 150.
[2] РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
[3] Muravyeva M. Sex, Crime and the Law: Russian and European Early Modern Legal Thought on Sex Crimes // Comparative Legal History. 2013. Vol. 1. № 1. P. 74-102

прославляла…», 1914)[1]. Несомненно, глубоко пережитой стала тема материнства, она остро звучит уже в ранних стихах («Из первой тетради. Отрывок», 1909, 1960-е гг.; «Где, высокая, твой цыганенок…», 1914; «Буду тихо на погосте…», 1915).

Впервые образ женщины из народа, с которым связан мотив «плохой» матери, возникает в лирике 1911 г. Лирическое «я» Ахматовой переживает драматические моменты жизни как бы с оглядкой на «многих», типичным состоянием жизни которых поэт считает материальные лишения, твердые нравственные установки и веру в то, что их страдания оправданы Божьей Волей.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,
И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.

Ситуацию несчастного материнства («Из первой тетради. Отрывок», 1909), сопровождающуюся переживаниями страха, вины и раскаяния героини, автор изображает опосредованно, с помощью описания внешней обстановки. Лирическое «я» не отождествляется с точкой зрения матери, что было характерно для женской поэзии, оно растворяется в тревожной атмосфере дома, где находится больной ребенок. Напряжение передается через восприятие звонких, но субъектно-неопределенных голосов («Говорили тревожно, звонко, / Кто-то ехал в далекий путь, / увозил больного ребенка» [19]), на фоне которых Ахматова изображает бьющуюся в отчаянии мать. В женском портрете подчеркивается жест рук, от волнения не способных быстро найти детские вещи («А мать в полутемных сенях / Ломала иссохшие пальцы / И долго искала впотьмах / Чистый чепчик и одеяльце»). Главная деталь в описании дома («полутемные сени») косвенно «подключает» мотив «плохой» матери к народной теме.

В образе «высокой» цыганки, в безумии бродящей по «комнатам темным» в поисках колыбельки своего умершего цыганенка, предстает лирическое «я» в стихотворении «Где, высокая, твой цыганенок…» (1914). Признание и раскаяние женщины Ахматова облекает в драматическую форму диалога между героем и хором. «Голос» первой строфы проявляет заинтересованность в судьбе женщины, входя в подробности ее недолгого материнства:

«*Где, высокая, твой цыганенок,*
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?».

Тема материнства в предвоенной лирике несет в себе ноту личной трагедии и предчувствие неизбежности жертвы. К моменту написания сти-

[1] Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / Сост., подгот. текста, коммент. и ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. С. 213. Далее ссылка на это издание дается в тексте, с указанием страницы в квадратных скобках.

хотворения Льву Гумилеву было полтора года. Ахматова незадолго до этого выпустила второй сборник, который принес ей настоящую славу, сделал поэта фигурой профессионально востребованной и публичной. По произведениям этого периода складывается впечатление, что Ахматова интенсивно переживает драматическую несовместимость творческого восхождения и личного женского счастья.

«*Доля матери – светлая пытка,*
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.
Каждый день мой – веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне».

Для творчества Ахматовой второй половины 1910-х годов будет характерно народно-религиозное претворение мотива, в основе которого лежит вечно женское переживание сострадания к жизни, но при этом готовность женщины, приняв на себя долю духовного материнства, принести в жертву собственного ребенка ради общего блага. Произведения, написанные до и сразу после рождения сына Льва в октябре 1912 года, подготовили почву для выведения матери за пределы «домашнего пространства».

Напряженная социальная ситуация, сложившаяся в России в связи с началом Первой мировой войны в определенном смысле стала оправданием ахматовского «бегства» от тихого семейного счастья («Буду тихо на погосте / Под доской дубовой спать, / Будешь, милый, к маме в гости / В воскресенье прибегать»). Ахматова открывает для себя одну из самых плодотворных граней состояний счастья и исполненного долга – блаженство самопожертвования. В стихотворении «Молитва» выражается настроение героического отречения от женского счастья и поэтического дара ради мирного неба над Россией:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

С другой стороны, Ахматова достаточно рано, сразу после начала войны, задумывается о проблеме выбора жизненного пространства в ситуации социально-исторического кризиса. Мечта о путешествии в Англию описывается как реальное событие в миницикле «Сантиментальное путешествие» (1917), состоящем из произведений «Просыпаться на рассвете…» и «Это просто, это ясно…». Первая публикация стихотворения «Это

просто, это ясно…» (газ. «Петроградское эхо». 1918. 22 января. Вечерний выпуск) вышла со следующими строками 9–11: «Оттого, что, бросив друга / И единственного сына, / Бросив город мой заветный <…>». Упоминание «единственного сына», «друга» и «заветного» города создавало впечатление автобиографичности произведения. Конечно, это была игра поэтической фантазии, однако родилась она от реальной ситуации выбора, который стоял перед автором. Э. Герштейн приводит документы, подтверждающие намерение Ахматовой покинуть страну в 1920-е годы, и при этом отмечает: «Но отказаться от своего призвания Анна Ахматова не могла. Долг матери столкнулся с долгом Поэта. Вот где было заложено начало настоящей, невыдуманной трагедии. Это предрешило трудную судьбу Льва Николаевича Гумилева»[1].

Решение остаться в стране и продолжать выполнять свой долг поэта Ахматова, видимо, долго обдумывает и принимает, понимая возможные последствия, связанные с судьбой сына, отец которого в 1921 г. был расстрелян новой властью. В поздние годы она сознательно соединяет мотив материнства с политической проблематикой, образ Богоматери и распятого Сына в ахматовском творчестве станет трагическим символом эпохи тоталитаризма («Реквием», 1935–1940).

А.А. Савчук
г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

«Обвинение в бытовом разложении и издевательстве над бывшей женой подтверждается»: уклонение от уплаты алиментов и морально-бытовое разложение в дальневосточном обществе в 1930-е гг.

Реализация советского брачного законодательства на Дальнем Востоке России в 1920-х гг. привела к тому, что уже в 1928 г. на 16,3 тыс. заключенных браков приходилось 5,4 тыс. разводов[2]. Распадался фактически каждый третий семейный союз. При этом быстрее всего этот процесс шел в крупных городах, характеризующихся повышенной социальной мобильностью. Причины разводов были самыми разными: это и укреплявшийся взгляд на свободу отношений между мужчиной и женщиной, и тяжелые жилищные условия, когда супруги не могли жить вместе, и стремление женщин к общественной работе, повышению грамотности, работе на производстве, которое далеко не всегда находило понимание у мужей. Еще одной причиной разводов стало выдвижение рабочих на высокие государственные или хозяйственные должности, обычно сопровождавшееся образовательным ростом одного из супругов (как правило, мужа). Супруг с более низким образовательным уровнем переставал «соответствовать» и брак

[1] Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 346.
[2] Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е годы. Хабаровск, 2010. С. 341.

распадался. В целом основные причины разводов на Дальнем Востоке были такими же, как и в Европейской части РСФСР. Кроме того, для Дальнего Востока России было характерно и такое явление, как сбежавшие от алиментов мужья из разных уголков СССР, переносившие данную модель поведения в дальневосточную среду и способствовавшие её усвоению среди местного населения.

Однако с началом коллективизации и индустриализации советское государство все больше отходило от идеи общественного воспитания детей, перекладывая бытовое обеспечение и каждодневное воспитание в основном на мать и оставляя за собой лишь регулирующую и идеологическую функции. Материальное обеспечение детей было возложено на отцов, которым предлагался гендерный контракт «строителя/защитника» коммунизма,[1] предполагающий высокую мобильность мужчин на стройки коммунизма и в армию, а также умение не показывать свои эмоции. Обеспечение своих детей прямо вменялось в обязанности мужчинам и государство старалось следить за тем, чтобы мужья не уклонялись от содержания оставленных жен и детей.

И хотя встречались и случаи радикального решения проблемы алиментов через убийство ребенка (например, в случае Г.Ф. Волкова, попытавшегося удавить своего малыша, так как он не считал себя его отцом и не хотел платить на его содержание; преступник был вовремя остановлен и получил год тюрьмы за свои действия[2]), чаще всего наблюдалось именно уклонение от уплаты алиментов через переезд в другую часть страны. Женщины, лишившиеся денег на содержание своих детей, разыскивали сбежавших отцов, в том числе и на Дальнем Востоке. Однако дело могло затянуться надолго и не привести к положительному результату. «С тех пор, т.е. в продолжении больше года, я получила из Комендатуры 56-го Пограничного отряда ОГПУ всего 20 руб. 80 коп. и более ни одной копейки, − жаловалась одна из брошенных жен прокурору г. Благовещенска. – Хотя неоднократно запрашивала Комендатуру. А между тем ребенок 1 год и 9 месяцев, он нуждается в материальной помощи и уходе, лишая меня возможности устроиться так, чтобы я могла его содержать»[3]. По алиментным делам могли потерять исполнительный лист, передать дело в другой регион, так как ответчик перебрался туда, или передать его другому прокурору для поиска выбывшего в неизвестном направлении ответчика. Но даже если сбежавшему мужу и присуждали алименты, их размер, считавшийся от официального заработка, мог быть невелик. Так, с секретаря одного из дальневосточных сельсоветов с окладом в 23 рубля было взыскано всего лишь 3 руб. 50 коп. алиментов, установить прочие его доходы не

[1] Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007. С. 141.
[2] Суд из-за алиментов // Правда. 1927. №223. С.5.
[3] РГИА ДВ. Ф. Р-2671. Оп.1. Д.350. Л.28.

представилось возможным ввиду временности заработка[1], другого дальневосточного крестьянина обязали платить 5 рублей алиментов на содержание ребенка и еще пять – на содержание нетрудоспособной жены[2].

Более пристальное внимание уделялось поведению мужчин, состоящих в партии. Дурное обращение с женщинами и девушками получило в прессе и публичных дискуссиях множество названий («давидсоновщина», «коренковщина», «сухарничество»), но в официальных отчетах партии и комсомола чаще всего именовалось морально-бытовым разложением. В 1934 г. была проведена выборочная проверка по материалам 700 партийных дел, которая в сравнении с данными партколлегии позволила выделить распространённость разных типов партийных проступков и болезненных явлений в дальневосточной парторганизации. Пьянство и бытовое разложение занимали третье место и составляли 15,8% по данным партколлегии и 15,5% − по данным ВКП(б)[3]. Чаще всего дурное обращение с женами шло как отягчающее обстоятельство к ряду других партийных проступков: «исключить из партии за обман партии и бытовое разложение»[4], «исключил из партии за моральное разложение и использование служебного положения»[5], «исключен из партии за антипартийные разговоры и избиение жены»[6] и др. В комсомоле были выявлены «наличие неустойчивости, шатаний и т.п. в вопросах половой жизни, неправильных взаимоотношений между юношами и девушками в работе (запугивание, отсутствие товарищества)»[7], принуждение к сожительству комсомолок, изнасилования, опаивание наркотическими средствами (шпанскими мушками).

К сожалению, советское брачное законодательство 1927 г., нацеленное на разрушение старого мещанского брака, предоставило возможность недобросовестным мужчинам избегать ответственности за брошенную семью и иметь неограниченное число любовниц. Подобное положение дел не отвечало ни представлениям основной массы советских граждан о семье, ни стремлениям высшего руководства страны сохранить семью как низовую ячейку общества. На Дальнем Востоке России ситуация усугублялась как достаточно активной миграцией, так и половой диспропорцией, присущей данному региону. И хотя дальневосточные партийные и комсомольские органы много говорили о существующих проблемах в области семейного строительства, нам не удалось обнаружить в дальневосточных архивах подтверждения того, что они смогли взять ситуацию под контроль. Положение дел еще больше усугубилось с началом хетагуровского призыва, строительством Комсомольска-на-Амуре и появлением трудовых лагерей на Дальнем Востоке, окончательно дестабилизировав дальневосточную семью.

---

[1] РГИА ДВ. Ф. Р-2671. Оп.1. Д.180. Л.275.
[2] Там же. Л. 526 – 526 об.
[3] ГАПК. Ф. П-5. Оп.1. Д.68. Л.44.
[4] ГАПК. Ф. П-5. Оп.1. Д.78. Л.7.
[5] Там же. Л. 11.
[6] Там же. Л. 13.
[7] ГАХК. Ф. П-618. Оп.1. Д.1. Л.114.

Н.В. Ходырева
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Социальные и психологические факторы симультанного филицида и феминицида в семье

Убийства мужчинами бывших жен и собственных детей после развода представлены в российских СМИ как эмоциональные шокирующие инциденты. Психологи и криминологи описывают подобное поведение, в основном, в терминах психопатологии, игнорируя ситуационный контекст и мотивы. Так расширенное убийство близких, и затем меланхолическое самоубийство связывают с бредовой депрессией, с бредом самообвинения, с садистической педофилией (у приемных отцов).

Филицидом (filicide) называется убийство собственного или приемного ребенка старше одного года одним или обоими родителями. Имеются противоречивые данные по проблеме гендерной симметрии/асимметрии среди убийц собственных детей (Bourget et al., 2007; Liem and Koenraadt, 2008). Но в России пока нет описания случаев преследования женщинами бывших мужей и их убийств совместно с детьми.

Исторически инфантицид в разных формах был распространен как: 1) жертвоприношение, 2) регулятор рождаемости, 3) ритуал и.т.д. В современных международных правовых документах и национальных законодательствах большинства стран фелицид и феминицид криминализированы, некоторые страны реализуют специальный закон против насилия над женщинами, а Стамбульская конвенция претендует реализовать подобный закон по всей Европе.

По данным Следственного Комитета Российской Федерации в 2015 г. были убиты 2063 ребенка, по крайней мере, 15% из них – в семье. Статистика партнерского насилия отсутствует. По статистическим данным в США в 1997 г., убийство являлось четвертой причиной смерти детей возрастной группы 0–4 лет, третьей для детей в возрасте от 5 до14 лет и второй для лиц 15–24 лет. Наиболее часто от рук родителей погибали дети, не достигшие возраста 4 лет.

Гендерный анализ случаев подобных «семейных» убийств, которые иногда сопровождаются финальным самоубийством бывшего мужа и отца семейства, поможет выявить социальные и психологические факторы-предикторы и стратегии превенции. На основании ведения совместных дел о семейном насилии с государственными социальными службами, полицией и СК устойчиво наблюдается игнорирование связи между гендерным насилием, последующим сталкингом жены и филицидом со стороны бывшего мужа. Социальные службы, прежде всего, обеспокоены безопасностью ребенка, но не его матери, но, в результате, отсутствие безопасности для матери приводит к нарушению психосоматического здоровья ребенка. Все это требует пересмотра практики обеспечения безопасности детей и их матерей.

Часто, как отмечают зарубежные исследователи, отцовство конструируется как ненасильственное, если мужчина применял насилие только к жене/партнерше. Наиболее опасным фактором риска является предоставление насильственному отцу общения с ребенком после развода. Такой мужчина продолжает использовать насилие над женщиной, манипулирует ребенком.

Психологическим предиктором насильственного поведения в отношении детей является разрыв между конструктом традиционного мужчины, который должен быть агрессивным и ролью отца, который притязает быть эмоциональным и поддерживающим. В результате мужчина, как отец испытывает проблемы с развитием качеств, необходимых для ненасильственного общения с ребёнком. Забота о малолетних детях в России пока является приоритетным занятием женщин, несмотря на начавшиеся инициативы по продвижению отцовства и папа-групп. При этом надо понимать, что в сознании большинства отцовство является добровольным делом, никто не наказывает отца за отсутствие контактов с ребенком. С другой стороны, требования к современному материнству высоки, и результаты женщины часто рассматриваются как недостаточно компетентные в материнстве, не обеспечивающие необходимый контакт и качество общения с ребенком. Поэтому гендерный дисбаланс смещен в сторону преобладания обвинений женщин-матерей со стороны педагогов и психологов, органов опеки и уполномоченных по правам несовершеннолетних.

Как рекомендуют шведские исследователи, в случаях насилия над партнершей, необходимо исключать общение отца с ребенком, даже если этот отец не совершал физического насилия непосредственно по отношению к ребенку. Ценность контактов ребенка с насильственным отцом после развода представляется сомнительной, если ребенок является свидетелем насилия в отношении своей матери, что приравнивает его к пережившему насилие.

Также необходимо включать в процесс принятия решения о контактах с насильственным бывшим мужем оценку риска филицида, феминицида и расширенного самоубийства. Такие шкалы включают оценку прошлого криминального опыта, истории совершения гендерного насилия, умения обращаться с оружием, опыта профессионального военного, зависимости от наркотиков, угроз убийством, повреждения вещей и жестокости к животным и т. д.

Среди социальных системных факторов в России можно выделить отсутствие закона о превенции насилия в семье. Более того, предлагаемая декриминализация ст.116 и 119 УК РФ, т.е. декриминализация гендерного насилия де-юре, сделает невозможным принятие комплекса эффективных мер для защиты от насилия в семье. Также отсутствуют обязательные по суду посещения психокоррекционных программ по изменению насильственного поведения, алиментарные фонды для разведенных матерей с детьми, предлагается декриминализация неуплаты алиментов.

Последние годы дискурс равных прав мужчин на участие в родительстве, утверждения прав отцов на общение с ребенком после развода, роли отца в когнитивном и эмоциональном развитии ребенка затмил проблему продолжающегося в некоторых случаях после развода партнерского насилия. Несмотря на декларируемое стремление к гендерному равенству в родительстве, при гендерном дисбалансе власти и экономическом неравенстве женщины и дети становятся более уязвимыми к насилию.

Таким образом, на основании случаев даже после развода насильственные мужчины продолжают контролировать бывшую жену. Даже после сепарации и развода мужчины продолжают осуществлять патриархатную власть над бывшей женой и детьми, распоряжаясь их жизнями и здоровьем. Таким образом, продвижение отцовства может быть использовано (и используется) для продолжения патриархатного контроля мужчин в семье, который женщина пытается избежать при помощи развода. При кумулировании вышеназванных социальных и психологических факторов риска подобные контакты могут закончиться симультанными филицидом и феминицидом.

Л.В. Штылева
г. Москва, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО

Проблема межведомственной интеграции в защите детей от насилия в семье

Социальная безопасность детей и молодежи в современном российском социуме – актуальная и многогранная проблема, включающая в себя социально-экономические, нормативно-правовые, психолого-педагогические, организационные и другие аспекты. Так, в течение ряда лет наблюдается тенденция к увеличению числа несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, сопряженных с *насильственными действиями, совершенными членами их семей, фактически проживающими совместно с ними (курсив – ЛШ)*: в 2010 г. – 5 208; в 2011 г. – 5 354; в 2012 г. – 6 305. Постоянно увеличивается доля этих преступлений среди общего числа жертв преступлений рассматриваемой категории: в 2010 г. – 59,4% (4 044); в 2011 г. – 64,2% (4 091); в 2012 г. – 67,6% (4 580). Если в 2012–2013 гг. наблюдалась тенденция сокращения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (2012 г. – 8,8 тыс., 2013 г. – 8,5 тыс.), то в 2014 г. их число увеличилось на 16,8% (9,9 тыс. преступлений).[1] Появились случаи физического, сексуального и психологического насилия над приемными детьми. Так, только в 2012 году было отменено 6 069 решений (в 2011 г. – 6 677, в 2010 г. – 8 214), из них более 878 решений – в связи с ненадлежащим выполнением

[1] Доклад о положении детей и семей, имеющих детей в Российской Федерации. 2014г. [Электронный ресурс] / www.rosmintrud.ru/.../Doklad_o_pol..._2014_god.doc

замещающими родителями своих обязанностей по воспитанию детей (в 2011 г. – 897; в 2010 г. – 1093); 34 – по причине жестокого обращения с детьми (в 2011 г. – 36; в 2010 г. – 28) и т.д.

Жизнь показала, что даже самому могущественному ведомству не под силу решить эту проблему в одиночку, необходимо координировать и интегрировать усилия, стратегии и ресурсы различных государственных и общественных институтов. Об этом все чаще говорят, как представители социально ориентированных общественных организаций, так и представители различных государственных структур и ведомств.

В этой связи актуальна проблема межведомственной интеграции в реализации семейно ориентированной модели психолого-педагогического обеспечения социальной безопасности детей и молодежи в российском социуме на примере защиты детей и молодежи от насилия и жестокости в близких отношениях (т.н. «домашнего насилия»).

Методологической основой для выявления и анализа практик психолого-педагогической поддержки детей и молодежи, выделения их среди других программ и практик различных ведомств и организаций, ориентированных на защиту детей и молодежи от жестокости и насилия, в нашем исследовании служит структура *модели психолого-педагогического обеспечения социальной безопасности современной молодежи*, обоснованная в трудах Института социальной педагогики РАО (Алаторцева И.С, Борисова Т.С., Бочарова В.Г., Плоткин М.М и др.).[1] Она включает когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный и инициативно-деятельностный компоненты. С учетом характеристики объекта исследования *когнитивный компонент* предполагает наличие у членов семьи определенного уровня компетентности, знания нормативно-правовых аспектов прав ребенка на безопасную среду, уважения к личности, права на физическую неприкосновенность и др. *Мотивационно-ценностный компонент* предполагает развитие психофизических качеств личности всех членов семьи, как детей, так и взрослых, навыков преодоления негативных состояний, психологической устойчивости в различных ситуациях в жизни семьи и др. *Эмоционально-волевой компонент* в структуре психолого-педагогического обеспечения защиты детей и молодежи от домашнего насилия предполагает формирование навыков преодоления чувства раздражения, тревоги и страха, способности управлять своим поведением в стрессовой ситуации и осознанно противодействовать развитию негативных отношений. *Инициативно-деятельностный* компонент семейно ориентированной модели подразумевает формирование готовности каждого члена семьи к участию в программах профилактики и реабилитации, к выбору ответственной линии поведения, в основе которой – убежденность в

[1] Алаторцева, И.С. Борисова Т.Б. Модель психолого-педагогического обеспечения социальной безопасности современной молодежи: научный доклад. М.: Изд-во «Современное образование»,2014. С.60.

недопустимости насилия и жестокости в близких отношениях, желание изменить жизнь к лучшему.

Резюмируя результаты исследования, необходимо подчеркнуть следующее:

Насилие и жестокое обращения с детьми в семье – одна из самых застарелых и латентных проблем российского общества, которая является одним из системообразующих компонентов социально-психологического неблагополучия семьи, детерминантой социального сиротства и последующей криминализации молодежи.

Учитывая опыт, накопленный государственными и общественными организациями, необходимо объединить и скоординировать их усилия в формировании превентивных мер по недопущению жестокого обращения с детьми и молодежью, изменения общественного сознания и общественной атмосферы, которая должна быть нетерпимой ко всем формам проявления насилия и жестокости.

Ключевым условием межведомственной интеграции в реализации семейно ориентированной модели психолого-педагогического обеспечения социальной безопасности ребенка в семье являются то, что все меры по защите ребенка в рамках открытого случая жестокого обращения осуществляются на основе *единого реабилитационного плана,* который предусматривает назначение из числа специалистов *куратора случая*, которому поручается проведение диагностики семейной ситуации и разработка комплекса мер помощи.

С учетом вышеизложенного предпочтительным является создание *межведомственной* структурной единицы оказания такой помощи на уровне муниципалитета – *кризисной службы для детей и подростков*, которая должна стать системообразующей во всей профилактической и реабилитационной работе с пострадавшими от жестокого обращения детьми на конкретной территории. Этот полномочный орган (организация) должен исполнять *ключевые координирующие и контрольные функции* и принимать на себя всю полноту ответственности за случаи жестокого обращения в отношении детей и их последствия. Комплексный план работы со случаем должен сопровождаться постановлением уполномоченного органа, в котором четко указаны сроки и форма контроля, ответственность за невыполнение и нарушение сроков исполнения.

Для объективного анализа ситуации с проблемами жестокого обращения в отношении детей и молодежи и разработки профилактических мер необходимо также расширение учетных показателей, упорядочение и размещение в открытых источниках статистической информации, четкое выделение возрастных групп, включая группу от 18 до 23 лет, повышение квалификации специалистов.

Т.З. Козлова
г. Москва, Институт социологии РАН

Люди, лишённые родительских прав: гендерный аспект

Одной из проблем российского общества является социальное сиротство. По последним данным Министерства образования и науки в 2014 г. было выявлено и учтено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, 61 621 человек[1]. Две трети из них – социальные сироты. Это дети – сироты при живых родителях. У одних из них родители лишены родительских прав, других оставили матери в роддомах.

Ребёнок, воспитанный без опеки родителей, особенно в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознаёт свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. Около половины выпускников детских домов «пропадает» для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

В настоящее время в России сформирован институт замещающей семьи, т.е. семьи, принявшей ребенка-сироту на воспитание. Цель замещающей семьи – обеспечить успешную социализацию ребенка. Один из видов замещающей семьи – опекунская.

Мы провели социологическое исследование среди опекунов в 8-ми городах. Объект нашего исследования – опекуны внуков-сирот. Предмет исследования – «первичная» семья (семья опекунов), в которой формировались будущие родители внуков – сирот. Цель исследования: изучить социализацию людей в «первичной» семье (семье опекунов), а также создание и крушение семей детей опекунов. Метод исследования – интервью с опекунами по единой методике.

Как показало социологическое исследование, по всем исследуемым нами городам примерно 35% (34,9%) дочерей не состояли в браке. Значительная часть гражданских браков, не дожив до официального брака, распадалась, имея уже детей. Среди зарегистрированных браков и разводов в последнее десятилетие (2005–2014 гг.) сохраняется такое соотношение: на 1000 человек населения около 8,5 браков и 4,7 разводов[2].

Как молодая семья идёт к разводу? Как показало наше исследование, на момент рождения ребёнка (после пяти лет заключения брака) у значительной части семей (43%) отношения были неблагополучные («безразличные», «напряжённые», «конфликтные»). Респонденты назвали такие причины распада семей своих детей: *1.* «*Муж нашёл другую женщину и ушёл»; 2. «Муж стал пить»; 3. «Жена пила»; 4. «Мужа посадили»; 5. «Умер муж» или «Умерла жена».*

[1] Усыновление в России.[Электронный ресурс] www.usynovite.ru/2014/1 (дата обращения 4.4.16)
[2] Россия в цифрах.2015. Крат.стат.сб./Росстат-М., 2015, с.83

Почти четверть семей была разрушена из-за легкомысленного поведения супруга («*ушёл к другой*»). Надо заметить, что иногда и женщины могут уйти из семьи, но это бывает гораздо реже. Уход мужа из семьи для некоторых женщин выливается в такой стресс, который они не могут пережить. Некоторые из них начинают пить.

Известный учёный З.М. Саралиева пишет, что для современных мужчин и женщин «пожизненное супружество не по силам»[2] «Всё более деструктивную роль играет осознание женщиной гендерного неравенства, пробить панцирь которого ей пока не удаётся. Наоборот, на неё обрушиваются в первую очередь все социально-психологические проблемы. Пока под бревно забот и быта, что тащат женщины, как муравьи, мало мужчин торопятся подставить плечо»[1].

Если к моменту распада семьи матери только начали употреблять спиртное, то к моменту лишения их родительских прав, они уже не контролировали своё поведение. Больше половины таких женщин употребляли спиртное, около 15% употребляли наркотики, вели беспорядочную личную жизнь, встречаясь с разными мужчинами. Некоторые из них, рожая детей, не знали точно, кто отец ребёнка.

М.Н. Бородатая (один из известных социологов, занимающихся проблемами конфликтных семей) так обозначила гендерное соотношение людей, лишённых родительских прав: «Чаще всего лишались родительских прав дочери опекунов – в 87% случаев. В 43% случаев родительских прав были лишены оба родителя»[2].

Можно объяснить такое соотношение в лишении родительских прав. Дело в том, что женщину лишают родительских прав тогда, когда её мужа уже «след простыл». Осталась одна мать, которая в большинстве случаев и стала пить из-за того, что муж ушёл, или он её споил перед своим уходом. Одним словом, мы считаем, что у российских людей, лишённых родительских прав не «женское лицо». Скорее всего, это «мужское лицо». Именно мужчины, любители выпить, погулять, не имеющие никакого представления, что нужно нести ответственность и за семью, и за воспитание детей, виновны и в распаде семьи, и в том, что оставленных ими жён лишили родительских прав.

---

[1] Саралиева З.Х. Семья-клиент социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2003 С..287

[2] М.Н.Бородатая. Особенности жизни опекунской семьи.//Социальное сиротство в современной России: истоки и предотвращение, судьбы родителе детей-сирот/ Под ред. Т.З.Козловой.-М.:РИОР:ИНФРА,2010.- С. 99

И.В. Савина
г. Минск (Беларусь), Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Охрана прав детей, оказавшихся в социально опасном положении: опыт Республики Беларусь

Государственная политика Республики Беларусь направлена на стимулирование рождаемости, охрану материнства и детства, формирование престижа полноценной семьи. Повышенное внимание уделяется предупреждению семейного неблагополучия и профилактике социального сиротства.

Декрет Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», предусматривающий административное отобрание ребенка (далее – Декрет № 18) стал вехой, с которой связаны системные изменения, призванные оказать долговременное позитивное воздействие на положение детей в стране. Данным нормативным правовым актом повышена ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей и пренебрежение их нуждами.

Административное отобрание ребенка осуществляется, если установлено, что родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на детей, являются хроническими алкоголиками или наркоманами либо иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию детей, в связи с чем они находятся в социально опасном положении.

Под социально опасным положением понимается обстановка, при которой:

- не удовлетворяются основные жизненные потребности ребенка (не обеспечиваются безопасность, надзор или уход за ребенком, потребности ребенка в пище, жилье, одежде, получение ребенком необходимой медицинской помощи, не создаются санитарно-гигиенические условия для жизни ребенка и т.д.);
- ребенок вследствие беспризорности или безнадзорности совершает деяния, содержащие признаки административного правонарушения либо преступления;
- лица, принимающие участие в воспитании и содержании ребенка, ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, злоупотребляют своими правами и (или) жестоко обращаются с ним либо иным образом ненадлежаще выполняют обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи с чем имеет место опасность для его жизни или здоровья (ч.3 ст. 67 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь).

В таком случае ребенок приобретает особый статус, помещается на государственное обеспечение, а к родителям применяются установленные меры воздействия, в том числе лишение родительских прав, взыскание расходов, затраченных государством на содержание их детей, наложение

запрета на отчуждение недвижимого имущества и транспортных средств, выселение из занимаемых жилых помещений.

Во исполнение Декрета № 18 было принято ряд нормативных правовых актов, которые образовали комплекс правовых норм, объединенных единой направленностью, создана система государственных органов, ответственных за защиту прав ребенка.

Незаселенные жилые помещения, принадлежащие изъятым из семьи детям, могут быть сданы родителями-воспитателями, опекунами (попечителями), приемными родителями указанных детей по договорам найма жилых помещений частного жилищного фонда для проживания других лиц с предварительного письменного разрешения органов опеки и попечительства, которое дается каждый раз, когда возникает необходимость в сдаче таких жилых помещений для этих целей.

Доходы от сдачи жилых помещений, остающиеся после внесения платы за жилищно-коммунальные услуги, зачисляются на специальные банковские счета, и не подлежат направлению на погашение родителями расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Имущественные права ребенка, изъятого из семьи, защищены законодательством, даны правовые гарантии, что ребенок не останется «на улице» и причитающиеся ему поступления не будут присвоены.

Установлены и гарантии прав детей, если они утрачивают статус детей-сирот: договор найма подлежит расторжению, а жилое помещение – возврату; если же это невозможно, ребенку предоставляется другое жилье.

Но если взыскание расходов, затраченных государством на содержание их детей, осуществляется в судебном порядке и подробно урегулировано, то решение об отобрании ребенка принимается в административном порядке, хотя также влияет на его права.

Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на то, что осуществление заботы о ребенке государственными органами должно рассматриваться как временная мера, пока не будет восстановлена семья [1]

В литературе также указывают на недостаточную эффективность Декрета № 18, так как в нем делается упор на антикризисное вмешательство в большей мере, нежели на оказание помощи и методы профилактической работы. Отсутствует четкое определение понятия «аморального образа жизни», которое внесено в список признаков социально опасного положения [2].

Применение установленных Декретом № 18 мер воздействия, в том числе само отобрание ребенка оказало положительное влияние на многие

[1] Куропацкая, Е.Г. Опека и попечительство в системе защиты прав несовершеннолетних в России и Англии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Куропацкая Елена Григорьевна. М. 2009. С. 18.

[2] Подофёдова А.С. Актуальные проблемы социального сиротства в Республике Беларусь // Адукацыя і выхаванне. 2006. № 11. С. 3 – 8.

неблагополучные семьи и позволило им изменить свой образ жизни, чтобы вернуть своих детей.

Однако практика показала, что реализация мер, предусмотренных Декретом, путем возбуждения уголовных дел не дала положительных результатов, поскольку требовала содержать уже не только брошенных детей, но и их родителей.

Следовало бы конкретизировать на уровне закона и что имеется в виду под «иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию детей», особенно с учетом того, что оценку этих обстоятельств осуществляет не суд.

Представляется необходимым урегулировать ситуацию, когда у родителей уже был изъят ребенок, и должен появиться еще один. Обычно такие люди ведут асоциальный образ жизни, и дожидаться пока ребенок родится, и в отношении него будут совершены действия, дающие возможность применить нормы Декрета № 18, означает оставить его в опасности. На практике несколько дней, необходимых для применения административных процедур по изъятию новорожденного из семьи, он находился без питания, что приводило к его смерти.

Хотелось бы указать на то особое место, которое судебная защита должна занимать при защите несовершеннолетних. Суд независим и подчиняется только закону, судья профессионально сведущ в вопросах права, что обеспечивает соблюдение процессуальных гарантий при вынесении решения и позволяет преодолеть всякого рода злоупотребления, по возможности учесть мнение ребенка, оказавшегося в социально опасном положении. Именно судебная защита должна быть предусмотрена в качестве общего правила для любого изъятия ребенка из семьи, учитывая серьезную значимость подобного шага, как для психики ребенка, так и для его имущественного положения. Исключение может быть сделано для случаев, когда жизни или здоровью ребенка угрожает опасность.

Однако обеспечение благоприятных условий для полноценного развития подрастающего поколения, повышения качества жизни детей невозможно только путем ужесточения мер ответственности. Необходима разработка эффективной системы мер, направленных на стимуляцию правомерного, общественно полезного поведения.

Н.В. Аронина, Е.С. Гусева
г. Владимир, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Проблема домашнего насилия в отношении женщин в современной Саудовской Аравии

Насилие в отношении женщин в семье – одно из самых острых социальных явлений сегодня. Научный интерес к этой проблеме значительно

вырос с 1970-х годов. Первоначально изучались вопросы, связанные с физическим насилием, затем – с сексуальным[1]. Во многих мусульманских странах женские права рассматриваются через зеркало религии. И надо признать, что влияние религиозной догматики зачастую имеет серьезные отрицательные последствия для социально-правового статуса женщин.

С проблемой домашнего насилия сталкивается огромное количество женщин Саудовской Аравии, где патриархальное распределение ролей в семье – это традиция, которая освящена религией. Даже королевская семья не является исключением. Так, саудовская принцесса под псевдонимом Султана в начале текущего столетия в своих мемуарах затронула проблему семейного насилия, рассказав историю своей старшей шестнадцатилетней сестры, которую выдали замуж за пожилого мужчину, и спустя пять недель после свадьбы она попыталась покончить жизнь самоубийством. После вмешательства её семьи стало известно, что она ежедневно подвергалась физическому и сексуальному насилию со стороны мужа. Молодую женщину спасла лишь принадлежность к королевской семье: её родители настояли на том, чтобы муж развелся с их дочерью. Султана говорит о том, что ислам предоставляет право развода для мужчин, не спрашивая их о мотивах. В свою очередь женщине очень сложно добиться развода. Если бы на развод подала её сестра, сразу бы возникло большое количество сложностей, потому что религиозные авторитеты сказали бы, что она просто не понимает того, что Аллах делает для её же собственной пользы, и принудили бы её остаться с мужем[2]. Остаётся только догадываться, какой процент населения женщин подвергается насилию со стороны супруга, не имея возможности попросить защиты у родственников и общества, поскольку институт полигамии делает почти невозможной процедуру развода по инициативе женщины и, наоборот, достаточно простой по инициативе мужчины[3].

Согласно принятым конвенциям, женщины в Саудовской Аравии защищены от насилия, жестокого обращения, пыток и других жестоких видов наказания и обращения: «Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин»[4]. Тем не менее, как показывает практика, саудовское общество больше опирается на законы религии, чем на официальные документы.

---

[1] Мурашко Е.Н. Причины домашнего насилия в отношении женщин // Семья и женщина в современном мире: социальные и культурные аспекты. Материалы международной конференции. Минск, 2012. С. 228.

[2] Дж. Сэссон. Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии. Электронный ресурс [http://www.e-reading.club/book.php?book=55522] 10.04.2016

[3] Иноземцева Е.Н. К вопросу о положении женщин в исламе // Власть. 2009. №12. С. 99.

[4] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Электронный ресурс [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml] 10.04.2016; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Электронный ресурс [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml] 10.04.2016

Что же на самом деле говорит исламская религия о домашнем насилии?

По законам шариата, муж является главой семьи и обязан материально её содержать («Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими, и потому что они расходуют из своего имущества», Коран, 4:34)[1], жена должна воспитывать детей и во всём подчиняться мужу[2]. А значит, как считают многие религиозные авторитеты, допустимо и физическое наказание, если у мужа есть основания для этого, и оно не несет серьёзного вреда для здоровья его супруги. Они ссылаются на то, что в Коране (4:34) говорится: «А тех женщин, непокорности которых вы опасаетесь, увещевайте, избегайте на супружеском ложе и побивайте. Если же они станут покорны вам, то не обижайте их»[3]. Таким образом, фактически религия позволяет мужчинам бить жён в случае их непослушания и неповиновения без уважительной причины. Но, вероятнее всего, речь здесь идёт о лёгком «побивании», которое не унижает достоинства женщины, а лишь предупреждает о недозволенности её поведения. Легкое «побивание» разрешено, если только уже использованы первые два метода воспитания (увещевание и отстранение от ложа) и они не принесли результата. Но неправильное толкование хадисов и аятов сразу дает мужчинам «право» на применение насилия в отношении женщин.

Для того чтобы «спасти честь семьи» мужчины отрубают головы женщинам и девушкам, душат их, хоронят заживо, заключают в «женские комнаты» – эти обычаи процветают в XXI в. в исламских странах. Согласно мемуарам саудовской принцессы, подругу её сестры постигла участь быть заключенной в тёмную комнату, где ей предстояло находиться до конца своих дней, за то, что она общалась с молодым человеком, который не являлся мусульманином[4].

В 2008 г. в Саудовской Аравии в нескольких крупных городах были построены приюты для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию из-за семейных проблем[5].

Однако женское домашнее насилие не рассматривалось в качестве уголовного дела в Саудовской Аравии до 2013 г. И только в августе 2013 г. был утвержден новый закон, по которому насилие в семье приравнивалось к уголовному преступлению, за него было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 саудовских риялов и лишения свободы сроком до

[1]Коран: Перевод смыслов / пер. с араб. Э.Р. Кулиева. М., 2014. С. 97
[2]Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / Отв. ред. Н. А. Голованова. М., 2011. С. 62
[3]Коран: Перевод смыслов / пер. с араб. Э.Р. Кулиева. М., 2014. С. 97
[4]Дж. Сэссон. Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии. Электронный ресурс [http://www.e-reading.club/book.php?book=55522] 10.04.2016
[5]Saudi Arabia launches powerful ad campaign against domestic violence. Caitlin Dewey. Электронный ресурс [https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2013/05/01/saudi-arabia-launches-powerful-ad-campaign-against-domestic-violence] 10.04.2016

одного года. Данным законом предусмотрена ответственность за физическое, сексуальное и психологическое насилие[1].

В настоящее время проблема домашнего насилия в отношении женщин в Саудовской Аравии привлекла к себе внимание со стороны государства, в результате чего было принято решение о разработке национальной стратегии борьбы с домашним насилием.

РАЗДЕЛ 9. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕВИЧЕСТВА И ЮНОШЕСТВА. МАТЕРИНСКАЯ И ОТЦОВСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, «ВОСПРОИЗВОДСТВО» МАТЕРИНСКИХ РОЛЕЙ, СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

В.М. Овчинников
г. Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Новые подходы к женскому воспитанию и образованию в эпоху раннего Нового времени как фактор трансформации гендерных ролей в обществе

Женщина эпохи раннего Нового времени проявляет невероятную активность на всех уровнях общественной организации – в первую очередь, бытовом и экономическом, однако ее влияние можно обнаружить и в целом ряде других – интеллектуальном, игровом, а с учетом специфики эпохи конфликтном и даже военном[2]. Участвуя в событиях, разрушающих традиции и устои современного её общества, женщина стремилась занять иное место в трансформирующейся социальной структуре общества, занимая фактически все ступени социальной иерархии, постепенно предъявляя претензии на все более активное участие в различных видах деятельности, пиком чего в рассматриваемый нами период станет Фронда, которую можно трактовать в равной степени не только как социальную революцию своей эпохи, но и революцию гендерную, что приводило многих современников, и даже ряд исследователей в настоящий ужас[3].

«Хотя она действительно вездесуща в повседневной реальности, тем не менее, приходится удивляться тому огромному месту, которое отводится ей в пространстве дискурсов и репрезентаций, легенд и проповедей, а также в пространстве научного и философского бытия»[4].

Подобного рода однообразный дискурс сводится современниками к необходимости сдерживать представительниц противоположного пола, что соответствует традициям предыдущей эпохи, создавая наиболее привлека-

[1]Saudi Arabia cabinet approves domestic abuse ban. Sebastian Usher. BBC News. Электронный ресурс [http://www.bbc.com/news/world-middle-east-2387215] 10.04.2016
[2] История женщин на западе. Т.III Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. Под редакцией Н.З.Девис, А.Фарк. СПб.,2008, С.13.
[3] Там же, С.13.
[4] Там же, С.13.

тельный образ женщины, опасной в своих крайностях, и поэтому требующей контроля для эффективного выполнения своей базовой материнской функции, которая, с учетом специфики этого процесса, находит отражение в стремительном для своего времени развитии образования, которое мы рассмотрим применительно ко Франции эпохи «военной революции в Европе»[1]. Изменения в этой области были закономерным фактом развития европейской цивилизации, таким образом, и появляется один из первых предфеминистических манифестов: «Образование и воспитание девушек из бедных семей с самого раннего возраста являются одним из основных благ, которые христиане могут создать и предоставить, и одним из самых великих деяний и самых насущных богоугодных дел, которые они могут совершать ради спасения душ»[2].

Перед нами яркая демонстрация роли личности в истории, и такой личностью можно считать Жанну де Летоннак из Бордо, племянницу Мишеля де Монтеня, которая, преисполненная благими побуждениями, открывает в 1607 г. Общество Марии Богородицы, создающей многочисленные школы по обе стороны Пиренеев, охватывая юго-запад Франции и значительную часть Испании, добираясь даже до заморских владений этой державы.

Не менее важным шагом в деле развития женского просвещения, ломавшего стереотипы эпохи, станет деятельность мадам Акари и мадам де Сент-Бев, которые руководят созданием двух монастырей урсулинок в 1610 и 1621 годах соответственно. Оставившая после себя богатейшее эпистолярное наследие философского и морализаторского толка баронесса Жанна де Шанталь[3] основывает орден визитадинок в Аннеси(Савойя), при помощи Франсуа де Саля в 1610 г. В Лотарингии Алиса Леклерк и Пьер Фурье создают конгрегацию Богородицы, санкционированную папой в 1615 г. Следующим этапом станет развитие движения дочерей милосердия, в значительной степени повлиявшее на формирование образа женщины своей эпохи, что связано с именем Луизы де Марийяк, известнейшей сподвижницы Венсана де Поля, их последователи наводнили Европу, даруя блага врачевания и просвещения всем страждущим.

Однако перед нами лишь одна из граней процесса становления образа женщины новой эпохи, новые приоритеты, связанные с появлением предпосылок Просвещения, превращают литературу в мощнейшее оружие в борьбе за новый образ просвещённой женщины, стремящейся к равноправию. Высший свет не раз посвящал свои собрания полемике о женском образовании, подобно кругам на воде стали распространяться мысли великого Мольера, который бросил эти камни в заболоченный пруд обществен-

[1] Шишкин В. В. Дворянское воспитание и образование во Франции в первой половине XVII в. // Европейская педагогика от Античности до Нового времени. М., 1993. Ч. 3.

[2] Règlemens pour la communauté des filles établies pour l'instruction des pauvres filles de la paroisse Saint-Roch. Paris, 1688.

[3] Sainte Chantal, sa vie et ses oevres. Vols. 1-8. P.,1874-1879

ной морали, *Смешные жеманницы*[1] и *Ученые женщины*[2] разбудили сознание многих, кто не страдал женоненавистничеством, в том числе и поэтому просвещенные умы эпохи Короля-Солнце благосклонно принимали рассуждения просвещенных литераторов; мадемуазель де Скюдери и мадам де Севинье, которые встают на защиту справедливого образования, рассуждали об интеллектуальных достоинствах двух полов. Обладает ли женщина или нет таким же разумом, как и мужчина? Нет, отвечал Малерб. Да, отвечает решительно Пуллен де Ла Барр, публикуя в 1673 г. свой трактат *О равенстве двух полов* (*De l'égalité des deux sexes*)[3], знаковое событие в истории феминистской мысли. Будучи яростным кортезианцем Пуллен де Ла Барр рассуждает о равенстве интеллектуальных возможностей, без различия гендерного признака, видя в дискриминации прошлого лишь несуразный стереотип, бороться с которым необходимо посредством идентичности образования без различия пола: «Если бы женщины учились в университетах вместе с мужчинами или же в специально учрежденных для них, они бы смогли получать степени и звания докторов и магистров теологии, медицины, канонического и гражданского права: и их талант, который так счастливо располагает их к тому, чтобы обучаться, может так же удачно располагать их к тому, чтобы обучать»[4].

Тридцать шестая глава *Трактата о выборе и методе обучения* (*Traité du choix et de la méthode des études*) аббата Клода Флери, изданного в 1685, затрагивает проблему (а она уже становится таковой) женского образования[5]. Не без доли иронии он упоминает, что прекрасному полу недостает некоторого прилежания, мужества и твердости, но эти недостатки компенсируются живостью ума и понимания, мягкостью и скромностью. Имея в виду то «влияние и уважение, которыми женщины пользуются в обществе», им необходимо давать образование. В программу обучения женщин, по мнению Клода Флери, должны входить основы богословия, чтение, письмо, обучение азам стилистики составления текста, немного практической арифметики, фармакопеи (фармацеи), домоводства и юриспруденции. Не без иронии он упоминает «пусть лучше они посвятят им свое свободное время, чем читать романы, играть или вести разговоры о юбках и лентах»[6].

Трактат о воспитании девиц (De l'éducation des filles; 1687 г.) знаменитого аббата Франсуа Фенелона, появившийся десятилетием позже, – проникнут небывалым для своего времени либерализмом и человеколюбием, он трактует образование уже не как праздную забаву, чуть ли не бо-

[1]Les Précieuses ridicules, comédie [de Molière], représentée au Petit Bourbon.P.1659.
[2]Les femmes savantes , comédie, par J.-B. P.Molière.P., 1672; Lamarche-Courmont, Ignace Hugary de Réponse aux différens écrits publiés contre la comédie des Philosophes, ou Parallèles des Nuées d'Aristophane, des Femmes savantes, du Méchant et des Philosophes , par M. D. L. M. C.. 1760.
[3] Poullain de La Barre De l'égalité des deux sexes , discours physique et moral où l'on voit l'importance de se défaire des préjugez.P., 1673.
[4] Poullain de La Barre. De l'égalité des deux sexes.P., 1673. P. 162–163.
[5] Fleury C. Traité du choix et de la méthode des études, par M. Claude Fleury.... P.,1686.
[6] Freury C.Traité du choix et de la méthode des études. Paris, 1686. P. 270.

рющуюся с грехом уныния, а как механизм интеллектуального развития, являющийся условием появления просвещенного человека открытого к инновациям, призывая использовать для этого кроме всего прочего литературу, историю, латынь, музыку и основы живописи, что видится известным обличителем социальной несправедливости путем достижения великой цели, превратить девочку в хорошую супругу и добрую христианку.

Мадам де Ментенон прямо следует фенелоновским принципам, составляя программу обучения для королевской школы Сен-Сир, которую она основывает в 1686 г, ставя перед собой цель близкую идеям своего «духовного учителя»[1].

Торжество рационализма делает воспитание и образование предметом разнообразных дискуссий, как в стенах Академии, так и модных салонах. Результатом становится новый образ свободного человека, являющегося социальным существом, подобный тому, который искал при свете дня древний философ с факелом в руках, вопрошая, ищу человека.

А.И. Громова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Художественная литература как источник сексуального просвещения девушек в России на рубеже XIX–XX вв.

Работа поддержана грантом РГНФ 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVII-XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

В конце XIX – начале XX в. проблема полового воспитания подрастающего поколения активно поднималась в трудах российских педагогов, ученых и врачей. Итогом их совместной деятельности было признание того факта, что сексуальное просвещение детей и подростков является необходимостью, и в этом деликатном и сложном деле важна организованная и слаженная работа родителей и школы.[2] Как особенно отмечали педагоги, нельзя допускать, чтобы ребенок тайком искал иные источники сведений о половой жизни, которые могут сформировать у него искаженное представление о ней.[3]

Однако значительные достижения специалистов в области сексуального просвещения относились по большей части к теоретической стороне вопроса. На практике в России рубежа веков половое воспитание детей и юношества находилось на очень низком уровне как в семье, так и в школе. В большей степени это касалось девочек, для которых сексуальная сфера

[1] Mme de Maintenon. Lettres sur l'éducation des filles. Paris, 1854. P. 140.
[2] См.: Девятых С.Ю. Половой вопрос и сексуальная педагогика в России на рубеже XIX – XX вв. // Социальное воспитание. 2016. № 1(7). С. 47-60.
[3] Колпачева О.Ю., Мижева С.Р. Становление теоретических основ полового воспитания в трудах западно-европейских и отечественных педагогов конца XIX – начала XX в. // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 1. С. 164.

оставалась практически столь же табуированной, как и в прошлые столетия. Особенно непросвещенными в половом отношении были девушки из образованных и состоятельных слоев общества, дворянства и интеллигенции, где физическую сторону жизни женщины было принято обходить молчанием. Даже добившись возможности получать образование и имея более широкий спектр выбора жизненных стратегий по сравнению со своими предшественницами, в вопросах пола девушки начала XX в. оставались почти столь же непросвещенными и неподготовленными. О сексуальной жизни они вынуждены были узнавать не от родителей или учителей, а из других, «побочных», источников – от чего так предостерегали педагоги и что не устраивало самих девушек. «*Я хочу это знать, я должна... Это должна знать каждая девушка, потому что с каждой из нас может быть, что угодно. Ведь, нелепо подавать нам жизнь под каким-то розовым покрывалом... Нелепо? А нам всегда, всегда лгут! Мы узнаем жизнь от горничных, от кухарок, от случайных намеков, подслушанных анекдотов... Узнаем пошло, грязно и делимся друг с другом, потому что это интересно и нужно знать. А те, кто нам должен говорить об этом, те делят все на то, что можно сказать, и то, чего нельзя... И то, «что можно», показывают нехотя, по обязанности, с какой-то смущенной, виноватой серьезностью...*», – с негодованием говорит молодая девушка Надя, героиня одноименного рассказа из журнала «Студенческая мысль».[1]

Одним из самых информативных и «наглядных» источников полового просвещения для девушек из образованных семей была художественная литература. Несмотря на то, что родители всячески старались ограничить для своих дочерей доступ к книгам эротического содержания, которые стали массово появляться на рубеже веков, девушки все же находили способ ознакомиться с «недозволенными» произведениями. Как вспоминает Л.Д. Менделеева, поступив на курсы, она получила возможность читать французские романы, которые раньше были для нее «запретным плодом»: «Мопассан, Бурже, Золя, Лоти, Доде, Марсель Прево, за которого хваталась с жадностью, как за приоткрывшего по-прежнему неведомые “тайны жизни”». Однако, как далее отмечает Любовь Дмитриевна, из-за незнания физиологии событий она ничего не понимала из прочитанного и представляла «невероятную чепуху». Ее «неведение было столь несомненно», что даже на порнографических картинках она ничего не могла увидеть, «кроме каких-то анатомических “странностей” (уродств), вовсе не интересных».[2]

Лидирующее положение в деле сексуального просвещения девушек занимали произведения Л.Н. Толстого, в особенности скандальная «Крейцерова соната» (1890). Слишком откровенное по тем временам изображение супружеских отношений приоткрыло завесу тайны над половой жизнью для целого поколения девушек. Доказательством этому служит множество указа-

[1] Витальский В.Э. Надя. (Из недавнего прошлого) // Студенческая мысль. 1915, № 1. С. 45-46.
[2] Блок Л. И быль и небылицы о Блоке и о себе // Жизни гибельный пожар. М.: ПрозаиК, 2012. С. 58.

ний на тот факт, что именно эта книга послужила для них источником сведений подобного рода. «Первым произведением его, которое оказало на меня сильное впечатление, была «Крейцерова Соната». Мне было тогда пятнадцать лет, и многое из нея я узнала впервые»,[1] – пишет молодая девушка. Врач Е.А. Васич также вспоминает о сильных эмоциях, которые вызвала у нее эта книга. Впечатление усугублялось тем, что она тогда не имела представления о сексуальной жизни: «*Прочитав «Крейцерову сонату» – я поделилась своими впечатлениями с братом Володей, сказав ему, что я не понимаю, в чем дело. Он первым рассказал мне о том, что между людьми существуют половые отношения. Это поразило меня, я бы сказала, что это было для меня настоящей драмой. Я стала отрицательно относиться к своей матери, избегала общества мужчин, и долго не могла прийти в равновесие. Я впервые осознала тогда содержание многих произведений, которые читала раньше, но понимала как-то иначе (отношения Вронского и Анны). Впоследствии я примирилась с этой мыслью и болезненная реакция совсем прошла. Но все же я никогда не могла забыть этого*». В итоге Васич делает следующий вывод: «Я думаю, что детям надо раньше говорить о половых отношениях между людьми, в простой и серьезной форме, тогда, когда у них не проявляется еще половых признаков».[2]

Проповедуя воздержание и клеймя плотские отношения как скотские и нечистые, писатель, чей авторитет у молодежи был непререкаем, сформировал у подрастающего поколения искаженное представление о сексуальной жизни. Это может служить ярким примером того, как субъективное мнение одного человека, пусть и столь великого, как Лев Николаевич, может негативным образом повлиять на непросвещенные умы. Имея самое отдаленное понятие о физиологической стороне жизни мужчины и женщины, – а подчас не имея даже никакого представления, – молодые девушки слепо принимали на веру нарисованную писателем картину супружеской жизни и понимали сексуальные отношения как нечто постыдное, безнравственное, вызывающее отвращение. Елизавета Дьяконова, которой на тот момент было 17 лет, пишет в своем дневнике от 22 апреля 1891 г.: «Только кончила читать “Кр. Сон”. Я читала её, наслушавшись разных суждений и толков, которые сводятся к одному: окружающая жизнь становится противной и гадкой вследствие страшно тяжёлого впечатления от произведения. <…> Но, может быть, вследствие моего полного незнакомства с отношениями мужчин и женщин, незнания жизни и каких-то страшных пороков и болезней, – на меня “Крейцерова соната” не произвела чрезвычайно сильного впечатления».[3] Однако, перечитав это произведение

[1] Хирьяков А.М. Влияние Толстого // Студенческая мысль. 1915. № 1. С. 39.
[2] Васич Е.А. Мои воспоминания (1800-е – 19150-е гг.) // НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1284. Ед. хр. 5.
[3] Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 59-60.

спустя несколько лет, Дьяконова называет его «глубоко нравственным» и уверена в безусловной правоте писателя.[1]

Итак, можно сделать вывод, что сексуальное воспитание детей и подростков в России рубежа веков находилось на весьма низком уровне. Несмотря на многочисленные труды специалистов, в которых с педагогической, медицинской и психологической точек зрения рассматривалась проблема полового просвещения, на практике молодое поколение было достаточно плохо осведомлено в вопросах пола. В особенности это касалось девушек, которые вынуждены были искать свои источники информации о «тайнах жизни». Таким источником в большинстве случаев оказывалась художественная литература, которая не всегда давала правильные примеры отношения к сексуальной жизни и даже могла сформировать негативное отношение к ней.

З.А. Платонова
г. Москва, Институт истории, естествознания и техники РАН

О запрете студентам Петербургского университета вступать в брак (1880 г.)

В разное время отношение к ранней женитьбе молодых людей было разным и изменялось от осуждения союзов «незрелых умов» до благосклонного отношения к таким бракам. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде Петербургского университета хранится дело, озаглавленное: «О воспрещении студентам университета вступать в брак», содержание которого вызывает особый интерес при изучении отношения к вступлению в брак молодых людей в конце XIX в. Согласно материалам дела 19 января 1880 г. министром народного просвещения графом Дмитрием Андреевичем Толстым (1823–1889) было написано письмо господину попечителю Петербургского учебного округа за № 28 с пометкой «конфиденциально», в котором содержалось предложение о введении запрета студентам Петербургского университета вступать в брак. Среди оснований для запрета граф Толстой приводил следующее: «обязанности главы семейства не совместимы ни с положением, ни с обязанностями учащегося, а при крайней бедности большинства наших студентов, не соответствуют средствам существования»[2].

Дмитрий Андреевич писал, что: «университетские власти считают браки для студентов запрещёнными, а потому, когда студент обращается за дозволением вступить в брак, отвечают им отказом, но по имеющимся в министерстве сведениям студенты иногда обходят это затруднение»[3]. По сведениям Д.А. Толстого студенты заявляли о своем желании отчислиться

[1] Там же. С. 82.
[2] ЦГИА Ф. 14. Оп. 25. Д. 76. Л. 1.
[3] Там же. Л. 1.

из университета, забирали документы и, вступив в брак, меняли свое решение об отчислении, возвращаясь к учебе уже женатыми. В связи с этим граф Толстой предложил, чтобы «студентам отнюдь не дозволялось вступать в брак и чтобы в число студентов не принимались лица женатые»[1]. Тем из студентов, которые уже вступили в брак до получения на месте настоящего распоряжения, предлагалось «дозволить окончить курс, не делая, однако же, им никаких послаблений ни в учебном, ни в дисциплинарных отношениях»[2]. А студентам, заявляющим о желании вступить в брак или просящим о выдаче им бумаг «ясно с этой целью предостерегать: что по вступлении в брак они не будут вновь принимаемы в студенты»[3].

Распоряжение о запрете вступать в брак было принято к исполнению и студентам, которые пытались забрать свои документы «очевидно с целью вступления в брак»[4], начали объяснять, что женатые люди не могут быть зачислены в Петербургский университет. На что студенты совершенно естественно «просили указать на закон, воспрещающий им быть студентами по вступлении в брак»[5]. Ввиду таких заявлений со стороны студентов граф Толстой в письме от 15 марта 1880 г. за № 3350 попечителю Петербургского учебного округа попросил сделать официальное распоряжение о запрете студентам вступать в брак на основаниях, предложенных в письме от 19 января сего 1880 года, с включением его в правила для студентов Петербургского университета, что вскоре и было сделано.

Студенты нашли способ, как обойти этот запрет. Рассмотрим их тактику на примере дела о разрешении руководством Петербургского университета брака студента первого курса юридического факультета дворянина Владимира Петровича Климова и Елизаветы Раевской. 21 мая 1880 г. Савелием Раевским (отец Елизаветы Раевской) было написано письмо ректору Петербургского университета с просьбой разрешить женитьбу его дочери и студента Климова «с оставлением его в числе студентов университета для дальнейшего образования»[6]. В письме Раевский пишет, что знает Климова «с детства»[7] и «с отличной стороны»[8].

В итоге 30 мая 1880 г. было принято решение[9] в пользу студента Климова и ему было дано разрешение на вступление в брак с Елизаветой Раевской ввиду исключительных обстоятельств, которые заключались в том, что: 1) «Климов был помолвлен с девицей Раевской ранее распоряжения министра народного просвещения о запрещении студентам вступать в брак»[10], 2) Климов имел денежные средства «на содержание – 1500 рублей

[1] Там же. Л. 1 об.
[2] Там же. Л. 1 об.
[3] Там же. Л. 1 об.
[4] Там же. Л. 10.
[5] Там же. Л. 10.
[6] Там же. Л. 17.
[7] Там же. Л. 17.
[8] Там же. Л. 17.
[9] Там же. Л. 18.
[10] Там же. Л. 18-18 об.

в год»[1], 3) Савелий Раевский дал «свое согласие на брак своей дочери»[2]. При этом ключевым фактором, повлиявшим на принятие решения, стало ходатайство отца невесты.

Данный запрет просуществовал довольно длительное время. Анатолий Евгеньевич Иванов – один из ведущих специалистов в области истории российской высшей школы, автор классических монографий по истории российского студенчества конца XIX – начала XX в., в книге «Студенчество России конца X1X – начала XX в.: социально-историческая судьба» упоминает, что в связи с огромным количеством заявлений, поступавших в министерство народного просвещения с просьбой о разрешении на вступление в брак, министерство в 1898 г. отменило общий запрет, препоручив в каждом конкретном случае разбираться попечителям учебных округов, а в 1906 г. эти функции перешли непосредственно к администрации учебных заведений.

Среди самих студентов отношение к браку различалось. П. Иванов в очерках «Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы» описывает счастливые и несчастливые браки с точки зрения студентов. Вот, например, мнение одного женатого студента о своём счастливом браке: «…что ни говорите, а я счастлив… Мы довольствуемся немногим и счастливы, потому что каждый из нас поддерживает другого в минуту тоски»[3]. Стоит отметить, что брак этот был бездетным. А другой женатый студент и молодой отец жалуется, что: «Заниматься почти некогда – нужно хлеб зарабатывать… Обедаю в бесплатной комитетской столовой, т. е. беру оттуда 2 обеда для себя и жены – позволили в виду крайне стесненных обстоятельств. Тоже и с университетом: вот уже 2 год на третьем курсе сижу»[4]. Видимо именно поэтому некоторые студенты говорили, что «лучше совсем не жениться, чем жениться и потом приносить науку в жертву семейной жизни…»[5]. Несмотря на то что книга описывает не петербургское, а московское студенчество и в более поздний период, но рассматриваемый вопрос актуален «во все времена», поэтому, приведенные выше примеры, по нашему мнению, вполне уместны.

Вопрос вступления в брак для студентов, которые были не столь скептически настроены по отношению к институту брака, был довольно актуальным, и его жесткая регламентация вызвала негодование и поиски путей обхода данного запрета. Дело «О воспрещении студентам университета вступать в брак» включает в себя 61 лист хранения и содержит как официальную переписку между ректором Петербургского университета, министром народного просвещения и начальником Петербургского учебного округа, так и конфиденциальную переписку, доносы, просьбы и ходатайства студентов, родителей студентов и т. д. Что подтверждает, что этот запрет не был встречен покорностью.

---

1 Там же. Л.18 об.
2 Там же. Л. 19 об.
3 Иванов П. Студенты в Москве. Быт, нравы, типы (очерки). М.: Типография Штаба Московского воен. округа, 1903. С. 97.
4 Там же. С. 95-96.
5 Там же. С. 93.

И.И. Яковлева
г. Иваново, Ивановский государственный университет

Воспроизводство традиционной женственности: епархиальные училища как институт социализации девушек в дореволюционной России

Функционирование института образования обусловлено потребностями общества. Выполняя своего рода «социальный заказ», образование ориентировано на предоставление тех услуг, которые будут востребованы различными социальными группами. В российской истории доминирование мужчины в общественной и семейной жизни было закреплено в «Домострое», написанном Сильвестром в XVI в[1]. Здесь была сформулирована патриархальная концепция, отводившая женщине строго ограниченную сферу домашнего быта. Господством данных представлений объясняется то, что вплоть до XX в. в России женское образование не входило в круг проблем государственной важности и было ориентировано на воспроизводство материнских ролей.

Первая программа развития женского образования в России была разработана по инициативе российского государственного деятеля и педагога И.И. Бецкого («высочайше утвержденные» в 1764 г. доклады «О воспитании юношества обоего пола» и «О воспитании благородных девиц»). В ее основе были два главных положения: во-первых, научное образование для девочек не являлось важным и отодвигалось на второй план; во-вторых, подчеркивалась необходимость создания условий для обучения детей разных сословий. Первым шагом в реализации этой программы было создание (указом 5 мая 1764 г.) Воспитательного общества благородных девиц в Санкт-Петербурге при Вознесенском монастыре для дворянских дочерей (Смольный институт). Главной задачей этого учреждения было воспитание послушных дочерей и добродетельных жен[2]. Итак, женские учебные заведения уже с самого своего возникновения имели прагматические цели: были ориентированы, прежде всего, на практическую подготовку девушек, чтобы дать им навыки, которые могли бы пригодиться в семейной жизни.

Процесс социализации молодого поколения в традиционном обществе детерминирован религиозным мировоззрением. Поэтому церковь принимала активное участие в развитии женского образования в дореволюционной России. Начало возникновения учебно-воспитательных заведений для девиц духовного звания было положено в 1843 г., когда в Царском Селе было открыто первое женское духовное училище. По данному образцу духовные женские школы были открыты и в других городах. Их целью было воспитание «истинных христианок и таких жен, которые были бы способ-

[1] Домострой. М., 1991.
[2] Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. X. М., 1912. С. 14, 294.

ны доставить приятное общество своим мужьям…». Поэтому предполагалось вводить только те предметы, изучение которых необходимо «для благочестивой жизни в пределах семейных обязанностей»[1].

В 1868 году все существовавшие в духовном ведомстве женские средние учебные заведения разделились на две категории: 1) женские училища духовного ведомства, 2) епархиальные женские училища. Целью этих заведений было дать образование и воспитание дочерям духовенства, чтобы они могли быть "достойными супругами служителей алтаря Господня и попечительными матерями, которые воспитывали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия"[2]. Руководству духовных семинарий предписано было рекомендовать лучшим воспитанникам жениться на воспитанницах женских духовных училищ. В соответствии с основной целью данных учебных заведений, программа образования в первые годы их существования носила элементарный характер[3].

Организация епархиальных училищ, созданных по типу женских гимназий, была определена Уставом 20 сентября 1868 г. Они принадлежали к типу полузакрытых учебных заведений и имели целью «воспитание девиц в правилах благочестия по учению православной церкви и в русском народном духе…»[4]. Жизнь в епархиальных училищах отличалась строгой замкнутостью и аскетизмом. Отпуск в учебное время в город к родственникам давался неохотно и лишь в редких случаях, только на дни летних каникул с середины июля по первое сентября. Основу педагогического процесса составляло строгое религиозно-нравственное воспитание: кроме утренней и вечерней молитвы, они читались при начале и окончании каждого урока; обязательным было посещение богослужений; большое количество часов отводилось на Закон Божий – 4 раза в неделю[5].

Содержание общеобразовательных предметов также определялось религиозными принципами благочестия и смирения. Об этом свидетельствуют темы итоговых письменных сочинений Ионафановского епархиального женского училища в Ярославле: «Положение женщины в семье и обществе по Домострою», «Приносят ли пользу богатые дарования, если они не направлены разумным воспитанием и возвышенным целям», «Страх как воспитательная мера» и т.п.[6] После основных уроков, кроме выполнения домашних заданий, воспитанницы должны были посещать спевки для приготовления к богослужебному пению, занятия рукоделием, хозяйством, уроки кройки, рисования, слушать лекции по гигиене; некоторые обучались игре на рояли и скрипке[7].

---

[1] Преображенский А. История Владимирского епархиального женского училища за первый период его существования (1865-1879). Владимир, 1902. С. 1-10.
[2] Об училищах для девиц в уездных городах. М., 1859. С. 5.
[3] Там же. С. 268.
[4] Устав епархиальных женских училищ. Пенза, 1880. С. 17.
[5] ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об, 11.
[6] ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 21. Л. 13, 20 об. Д. 29. Л. 1.
[7] ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 21. Л. 19, 56.

По первоначальному уставу изучение рукоделий полагалось в возможно более широком объеме, круг общеобразовательных предметов назначался весьма узкий и курсы их полагались краткие. Для занятий общеобразовательными предметами ежедневно выделялось в каждом классе только по 2 урока. До принятия в действие Устава 1868 г. преобладающими учебными занятиями были практические и хозяйственные. Учениц Владимирского епархиального женского училища обучали шитью, «прачечному искусству и кухонному хозяйству», приучали к огородному хозяйству в саду при училище. В первые годы из училища не удалялись те ученицы, которые «оказывались неспособными к изучению теоретических предметов». Они исключались из числа изучавших науку, но их оставляли в списках заведения для усвоения практических и хозяйственных предметов обучения. Например, после испытаний в 1870 г. из числа воспитанниц 2 класса 5 учениц были исключены по неуспеваемости с оставлением в училище до 16-летнего возраста для рукодельных и домашних занятий[1].

Для обеспечения реализации воспитательного процесса в каждом классе была воспитательница, которая руководила им с момента поступления учениц до окончания. Прежде всего, они должны были приучать учениц к внимательному выполнению всех христианских обязанностей. Воспитательницы должны были следить за точным исполнением всех обязанностей, возлагаемых на воспитанниц, постоянно наблюдать за ними в религиозном, нравственном и учебном отношениях. Поэтому они присутствовали в классах во время уроков и должны были вместе с наставницей по рукоделиям учить воспитанниц вязанию, кройке, шитью и другим домашним рукоделиям. Большая роль в воспитании учениц отводилась наставнице по хозяйству, которая заведовала всем училищным хозяйством. Она должна была приучать к нему и воспитанниц, которые поочередно учились готовить, печь пироги, варить варенье, шинковать и заготавливать впрок капусту и т.д.[2]

Таким образом, женские епархиальные училища были институтами материнской социализации девушек, в которых прививались традиционные религиозные ценности и навыки, необходимые будущим женам и матерям.

Т.А. Мищенко
г. Новозыбков, филиал Брянского государственного университета в г. Новозыбкове

«В ожидании любви»: система ценностей и поведенческих установок молодежи рубежа 1950-1960-х гг. в частной переписке.

Идеал «романтической любви» как наиболее приемлемый мотив брака был весьма распространен в советском обществе второй половины прошлого

[1] Владимирские епархиальные ведомости. 1870. № 16. Оф.ч. С. 718.
[2] ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-6.

столетия[1]. Школьное воспитание и образование, русская и советская литература, идеологическая пропаганда брака как «союза сердец», а не имущества наряду с процессами урбанизации и модернизации общества активно способствовали утверждению этого идеала. В то же время социологи и демографы опасались некоторых последствий развития этого феномена: «…Практическое отождествление понятий «любовь» и «сексуальное влечение» ведет к скороспелым бракам, заключенным на основе весьма преходящих чувств»[2]. Заметим, что не только для общества, но и для советских исследователей 1960–1970-х гг. сексуальное общение еще не обособилось от брачного и репродуктивного… В 1980-х гг. к выводам о необратимости эволюционных сдвигов в самом институте семьи, формировании новой системы ценностей и отношений: адаптации, интимности, автономии, приходит С.И. Голод[3]. В эти же годы И.С. Кон указывает на причины либерализации половой морали, а также отмечает «…юношеская мечта любви и образ идеальной возлюбленной часто лишены сексуального содержания»[4].

Изучение эмоциональных состояний, мотивов, установок поведения молодых поколений советских людей ограничивалось доступным социологам, психологам и демографам инструментарием исследования. В работе А.Г. Харчева и М.С. Мацковского отмечается: «В частности, мы еще весьма мало знаем об особенностях духовного общения между женихом и невестой, о частоте их встреч и т.д.»[5]. Восполнить представления об установках, мотивах брака, любовных и сексуальных ожиданиях молодежи рубежа 1950-1960-х гг. помогают источники личного характера, в том числе переписка. В рамках данной статьи исследуются письма, найденные школьниками в пустующем доме в одном из сел Новозыбковского района Брянской области. Это переписка Инны В. с матерью, квартирной хозяйкой, школьным другом, сокурсницами по вузу, несколькими молодыми людьми, а также учениками Инны из сибирского села. Были обнаружены 67 писем за 1954–1962 гг. Все письма датированы авторами, находятся в «родных» конвертах, читаемы (за исключением сокращений и намеков, понятных адресатам). Писем Инны В. всего два (одно из них не отправлялось адресату), остальные адресованы ей. Таким образом, близкий круг общения молодой девушки (школьницы, студентки, учительницы), вербализирует в частной переписке в том числе проблемы отношений между полами, поиск ответов на вопросы «что такое любовь?», «должна ли любовь выступать главной причиной брака?», «насколько допустимы интимные отношения между полами и где проходят границы ухаживания?». Анализ писем по-

[1] См.: Юркевич Н. Мотивы заключения и стабильность брака / В сб. Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс. 1970 с. 107
[2] Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М., 1978 с. 87
[3] Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты/ Под ред. Г.М. Романенковой. Л., 1984
[4] Кон И. Психология ранней юности. М., 1989.
[5] Харчев А.Г., Мацковский М.С. Указ. Соч., с.71

зволяет выявить скрытые экспектации – многочисленные ожидания людей, не проявляющиеся открыто, в виде четких формулировок.

Заметим, что в письмах матери совершенно не обсуждаются подобные вопросы, забота о дочери проявляется в беспокойстве о еде, теплых вещах, погоде. Наиболее откровенны письма девушек. Так, в них поднимается тема счастья, которое молодые выпускницы вуза, оказавшиеся по распределению в сибирских селах, видят не в профессии, а в наличии поклонников, женихов, будущего мужа: «*Инна, я часто задумываюсь над тем, неужели счастье уже прошло и его больше не будет? Думаю, что сидя в этом Мойчане, который мне уже душу отравил, никакого не найдешь счастья, а только вид потеряешь человеческий и нервной дурой станешь*»; «*Вот кому стоит позавидовать – это Тюпич. Ей всюду везет. Уже завела себе любвей и верных пажей. Нигде не пропадет*»; «*Райка Л. в Москве, тоже поехала к какому-то своему жениху. Вот скажи, везет же людям, а тут сидишь и киснешь*».

Многие из писем содержат установки на брак, в том число поздравление с праздником от квартирной хозяйки: «*Инна, поздравляю тебя с новым годом 1961 г. желаю тебе здоровья успеха в работе и счастья в жизни чтобы ты вышла замуж 61 году и меня на свадьбу пригласила*».[1] Девушкам не более 23 лет, но они боятся остаться «старыми девами»: «*Может быть, наши судьбы одинаковы будут? Ты можешь остаться старой девой слишком перебирая, а я – из чрезмерной «верности», то есть дурости*». В то же время девушки рассуждают о превратностях брака, неравных браках: «*…Т. Машка вышла замуж за шофера, Розка П. за радиста, а за остальными девчонками нашими бегают шоферы и за Нинкой тоже. Видно мы в спросе у них. Какой дешевый товар, подумать только! Стоило из-за шофера ехать сюда?*»; «*Больше всего мама боится, чтобы я здесь замуж не вышла, ну а я и не собираюсь. Как подумаю, что это сколько хочешь не поспи, вари да стирай – провалиться бы лучше*».

Любовь как романтический идеал и мотив для брака постоянно присутствует в переписке девушек. Они уверены, что любовь должна быть взаимной: «*Не знаю, что делать с Попковым. Хоть я и писала, что не люблю его, все равно он продолжает писать, говоря, что будет счастлив со мной и без взаимности. Слишком редкий экземпляр в наше время. Любить восемь лет без взаимности продолжать дальше – это слишком уже не по-современному*». Подруги делятся с Инной чувственными переживаниями, также называя их любовью: «*…Мы наконец остались одни…Я была с ним вместе всю неделю. Инна, милая, вот когда я поняла, что раньше у меня было все не то, что я просто иногда забавлялась скуки ради, принимая те или иные встречи за любовь. Нет, только теперь я ощутила поцелуи от любимого человека (прости за откровенность). Как все чудно, прекрасно!*». Сексу-

[1] Орфография и пунктуация автора сохранены

альная жизнь обсуждается как возможное нарушение границ личного пространства, излишнее давление на девушку: «*Ну, Иночек,…К. еще не разубедился, что ты не д….? Вот осел! Верно, он недавно согрешил, и всех стал мерять на свой аршин*»; «*Недавно прислала письмо Тюпич…По-прежнему обнимается со своим верным пажем, который уже начинает сомневаться в ее девичестве и требует «проверки». В общем, Л. в своей роли!*»

Письма поклонников Инны представляют особый интерес. Ни в одном из них нет прямого выражения своих чувств, эмоционального тепла. Валентин использует литературный прием метафоризации: «*Я еду в Брасовский район со своей женой, которая зовется одиночеством. …Она меня угнетает. Инна, я серьезно хочу развестись с одиночеством…Я хочу законного брака*». Еще более формальны письма Николая. Перескакивая с обращений «ты» на «вы», он требует от девушки признания в чувствах: «*Тот человек, который не находит в себе реальной решимости честно признаться друг другу во всем, тот человек труслив, безвольный, тому человеку нельзя верить. Мы давайте будем людьми воспитанными в условиях социалистического общества*». Создается впечатление, что ему не хватает лексического запаса, чтобы письменный текст не выглядел казенным штампом: «*…знаешь, занимался до часу ночи, а спать почему-то не хочется. Лег на койку почитать художественную литературу, но почему-то в голове другие мысли*». Лишь в одном из писем, из которого ясно, что молодые люди решили пожениться, тон письма более «человечный»: «*Инночка, родненькая, здравствуй! Большой привет от мамы и папы Галине Петровне, Михаилу Корнеевичу…Пиши, Инночка, быстрее. Ну всего лучшего крепко целую Коля*».

Анализ личной переписки позволяет увидеть скрытые ожидания молодежи поколения рубежа десятилетий 50-60-х гг.: связь брака и жизненного счастья, ценность взаимной любви. Более статусными выглядят девушки, которые в любой ситуации (учеба, поездка, работа по распределению) могут окружить себя поклонниками. В девичьих (но не в материнских) письмах обсуждаются чувственные аспекты любви: поцелуи, объятия. Считается проблемой сомнение в их девственности и «покушение» на нее до брака. Юноши очень скрытны и сдержаны в проявлении своих чувств, прибегают к иносказаниям, речевым штампам, но требовательны к искренности девушек.

О.Д. Попова
г. Рязань, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Материнские функции «Подружки» на страницах «Работницы» (в 70-е гг. XX в.)

На рубеже 60–70-х гг. XX в. на страницах журнала «Работница» появилась рубрика, обращенная к совсем юным читательницам – девушкам-

подросткам и молодым женщинам, только вступающим в жизнь. Безусловно, это особый возраст, который вызывает очень проблем, период острого кризиса взаимоотношения между родителями, обществом. Порой юные девушки гораздо охотнее обсуждают свои проблемы с подружками, иногда даже с незнакомыми людьми, чем с близкими родственниками. Поэтому и название рубрики было соответствующим – «Подружка». Выходила она раз в два месяца, т.е. через номер. В некоторые годы она даже выпускалась в особом формате, что бы ее можно было сложить в виде книжечки. Безусловно, журнал использовал эту рубрику как механизм пропаганды и формирования тех качеств личности, которые отвечали именно советскому строю. Однако делал это очень умело, используя различные приемы, учитывая сложности возраста. Расчет делался на то, что многие девочки, зайдя в тупик в отношениях со своими родителями, прислушаются к такому авторитетному изданию как «Работница».

Часть «Подружки» стоилась в форме диалога между читательницами и редакцией, которые оформлялись в виде рубрик «Мамины уроки» и «Встретились два письма». В последней рубрике редакция, как правило, обычно сопоставляла две совершенно противоположные точки зрения на какой-нибудь болезненный для девушек вопрос, вызывая читателей на дискуссию. Через какое-то время редакция публиковала обзор писем читателей.

Одной из наиболее актуальных тем была проблема ухода за своим телом. При этом надо сказать, что эта тема обсуждалась очень мудро и деликатно. Очень часто она поднималась через вопросы девушек о внешнем виде, одежде, прическах. Например, девочки спрашивали, нужно ли обязательно летом надевать чулки или обязательно заплетать косички[1]. В своих ответах «Подружка» не только разъясняла вопрос по сути (например, по поводу косичек авторы ответа писали, что распущенные волосы идут далеко не всем девочкам), при этом особо подчеркивали необходимость соблюдать личную гигиену. Однако следует отметить, что на наиболее деликатные аспекты, связанные с процессом гормональной перестройки авторы «Подружки» говорить со своими читательницами не решались.

Безусловно, не могла «Подружка» пройти и мимо вопросов моды. Данная проблема актуальна всегда, однако в 70-е гг. она подогревалась проблемой дефицита и начавшимся стремительным имущественным расслоением населения, различными возможностями добывать модную одежду. Как показывают письма девушек, в обществе складывались весьма разночтивые представления о том, как следует одеваться старшеклассницам и молодым девушкам. Наиболее ярко эта проблема была отражена в мартовском журнале 1972 г. Здесь было опубликовано два письма. В одном 17-летняя девушка Рита из Казани жаловалась на своих родителей, что они ей не покупают дорогие и модные вещи: «Подруги ходят в приличных сапо-

[1] Работница. 1975. № 4. С. 16.

гах за 70 рублей, модных пальто с большими меховыми воротниками, а меня одевают как подростка». В тоже время юноша Борис из Воронежа жаловался, что когда в его семье были материальные трудности, и у него не было возможностей приобретать модную одежду, то все его старания завоевать расположение понравившейся девушке оказались тщетны. Девушка обратила на него внимание только тогда, когда он, наконец, смог прийти на танцы, одевшись по-современному[1]. Как следует обзор писем читателей, оба эти письма вызвали большой поток откликов и мнений. Разумеется, редакция подобрала ответы таким образом, что бы убедить читательниц, что большинство считают, что тряпки это не главное в жизни[2].

Также очень показательным является вопрос читательницы: «Можно ли пойти в театр в платье из вельвета? Считается ли это приличным?» Примечательно, что в ответе редакция подчеркнула дешевизну данной ткани и свела свой ответ к мысли, что для театра платье из дешевой материи не является препятствием, опять же в очередной раз отметила необходимость соблюдать аккуратность и чистоту[3].

Одновременно «Подружка» давала различные советы по уходу за одеждой, некоторые несложные советы по пошиву. Майский номер 1972 г. был сопровожден выкройками выпускных платьев.

Безусловно, некоторые советы сейчас удивят современных читателей. В частности в одной из публикаций шел разговор про брюки. Редакция признавала удобство этого вида одежды, но в тоже время предостерегала читательниц: «Брюки надо уметь носить. Брюки нельзя надевать со шпильками, лучше обувь без каблука. Брюки – это наряд спортивный, поэтому не носи их с нарядными блузами, отделанные рюшами или воланами»[4].

Большое место занимали вопросы профессионального выбора. Особенно активно эта тема осуждалась весной, когда молодежь оканчивала школу. «Подружка» стремилась предостеречь читательниц от поспешного выбора, обусловленного модой (например, стать актрисой) или желанием уехать из села в город или же стремлением во что бы ни стало стать студентом высшего учебного заведения. Поэтому печаталось очень много писем девушек, которые рассказывали о своей работе, учебе. Конечно, ставилась цель сформировать престиж рабочих специальностей, работе на селе. В этом плане очень показательный майский выпуск «Подружки» за 1972 г. В частности две девушки Света и Нина из Нижнего Тагила высказали свое желание уехать учиться в Одессу и просили выслать адреса училищ этого города. В ответ на это послание редакция опубликовала мнение девушки, которая пыталась найти свою профессию вдали от дома, но в итоге вернулась в родное село и стала работать дояркой. Она счастлива[5]. В этом же

[1] Работница. 1972. № 3. С. 17.
[2] Работница. 1972. № 11. С. 21-22.
[3] Работница. 1972. №1. «Подружка». С. 9.
[4] Работница. 1971. № 2. С. 18.
[5] Работница. 1972. №5. С. 28.

выпуске было письмо молодой учительницы, которая в юности мечтала о карьере учительницы, но нашла свое призвание в работе с детьми на селе.

И конечно, тему, которую не могли обойти авторы «Подружки» – это тема взаимоотношений с подругами и мальчиками. На эту тему печатались совершенно разнообразные вопросы: «Прилично ли пригласить к себе мальчика домой послушать пластинки?», «Можно ли взять мальчика за руку во время прогулки?», «Стоит ли ходить на день рожденье друга без подруги?», «Нужно ли здороваться во время свиданья с мальчиком с другими знакомыми молодыми людьми?». Таких вопросов на страницах «Подружки» обсуждалось множество. Отвечая на эти вопросы, авторы «Подружки» пытались сформировать хорошие манеры поведения, рассеять множество предрассудков.

Таким образом, власть использовала журнал «Работница» не просто как средство агитации и пропаганды среди взрослых женщин, но и как механизм воспитания молодежи. Безусловно, довольно эпизодические выпуски не могли стать непререкаемым авторитетом для молодой девушки. Однако «Работница» была очень популярной среди женской части населения и поэтому «Подружка» может рассматриваться как один из агентов социализации, который, тонко учитывая психологию возраста, пытался формировать наиболее актуальные проблемы общества и молодежи, важные социальные качества.

В.В. Козловский
г. Санкт-Петербург, Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский государственный университет

Трансформация сексуальности в контексте множественных модерностей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-33-00020 «Сексуальность и жизненный путь: социальные траектории, модели и практики».

В научной литературе и общественно-политическом дискурсе сложился ряд устойчивых традиций медицинского, сексологического, психологического, социологического, криминалистического, культурологического, исторического, гендерного, феминистского изучения сексуальности. Вместе с тем ее природа при всем многообразии подходов скрыта за семью печатями. В одном из ведущих направлений, медико-биологическом, в центре внимания находятся физиологические, гинекологические, репродуктивные процессы половой жизни человека. В другом направлении, психолого-юридическом, рассматривается общая эволюция психических аспектов половой идентичности, половой зрелости, сексуальные отклонения. В третьем направлении, культурно-историческом и социогуманитарном, обсуждается широкая тематика гендерной дифференциации и порядков, фемининности и маскулинности, сексуальной культуры. Можно кон-

статировать, что наиболее полно история, характер человеческой сексуальности описаны и объяснены с половой и гендерной стороны, но не во всей полноте человеческой сексуальности.

Поэтому понимание трансформации сексуальности и весьма необычных в сравнении с традиционным, аграрным и индустриальным обществом ее современных форм и состояний оказывается затруднительным. Специфичное сексуальное поведение, практики и сексуальные ориентации, традиционно признаваемые в качестве девиантных или ненормативных выдвигаются в повестку дня публичного обсуждения и общественного признания. Среди них такие уже известные практики в сексуальной сфере, как: ЛГБТ (лесбияны, геи, бисексуалы, трансгендеры) (основа пытался формировать нетрадиционная сексуальная ориентация и гендерные установки), БДСМ (ролевые игры в господство и подчинение через сексуальные практики), свинг (групповые сексуальные контакты, обмен партнерами), barebacking (секс без использования контрацепции), darkroom (анонимный секс), асексуалы и др.

Исследователями также отмечается появление новой типологии половой идентичности, включающей помимо традиционного деления на женский и мужской пол в соответствии с биологическими первичными признаками: интерсексуальность (гермафродитизм – наличие смешанных гениталий), фемининный псевдогермафродитизм (наличие преимущественно женских, но с мужскими элементами, гениталий), мужской псевдогермафродитизм (обладание преимущественно мужских, но с женскими элементами, гениталий)»[1]. Следует отметить, что основной тренд роста знаний о сексуальной сфере как области половых влечений и взаимоотношений, таким образом, направлен концептуально, прежде всего, на выявление психосоматики, физиологии, гигиены половой жизни и практически не затрагивает базовые свойства сексуальности. Редукционизм генитальной направленности в понимании сексуальности фактически является определяющим в изучении столь сложного социокультурного феномена современного человека.

Мы предлагаем, на наш взгляд, существенное уточнение концепта сексуальности как сложной мозаики самых разнообразных свойств, качеств, состояний и динамических процессов человеческого индивида, связанных с половой сферой. Это означает, во-первых, наличие в индивидуальности человека подвижной комбинации биологически, психосоматически сформировавшегося и генетически закрепившихся способов (модусов) половой активности, половых инстинктов, влечений и признаков. Во-вторых, это свидетельствует о специфическом социокультурном конструкте сексуальности, обусловленном материальной обстановкой, окружающей средой, социальными связями и взаимоотношениями. Наконец, в-третьих, что наиболее важно в

[1] Кон И.С. Пол и гендер: заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1-2.

нашей трактовке, сексуальность фиксирует единство *человеческой чувственности, психо-эмоциональной близости и отчужденности, интимности, эротики и телесности.* Все элементы и каждая составляющая сексуальности образуют динамичную изменчивую иерархию *сексуальности как социогуманитарно трансформированной половой природы человека* любого возраста, разной расовой и этнической принадлежности.

Такое толкование позволяет выявить механизмы, особенности и тенденции радикальных перемен в сексуальности представителей самых различных социальных групп и сообществ, принадлежащих к разным поколениям, к весьма пестрым стилям жизни в условиях множественных модерностей и мобильности, характерных для современных обществ. Феномен сексуальности укладывается в понятие модерности (современности) и выражает не что иное, как временной диапазон реального присутствия человека, групп и сообществ в конкретно-историческом социальном пространстве. Очевидно, что имеющиеся в настоящее время медицинские, социальные и культурные ресурсы изменить пол, направленность сексуальности, гендерный порядок обеспечивают возможности включить их в индивидуально выстроенный жизненный план, особый персональный стиль поведения, взаимоотношений с другими.

Модерность – это индивидуализированный поток разнообразных событий, состояний, действий, наполняющих уникальным культурным содержанием текущий период времени, который определяется как настоящее конкретных индивидов, групп и сообществ. Конфигурация настоящего включает в свернутом виде моментальность прошлого и длительность будущего. Человек обладает вполне определенным и в то же время самостоятельно изменяемым набором диспозиций и средств, как рационального действия, так и связанных с половым влечением форм человеческой чувственности, включающей аффективность, (со)переживание, эмпатию (симпатию, антипатию), солидарность, доверие, любовь, ревность, ярость и др. В условиях индивидуально или коллективно выстроенной модерности сексуальность становится одним из радикальных инструментов индивидуализации своего жизненного пути.

Хотя индивид подвергается разного рода влияниям ближнего сообщества, образования, имущественного положения, занятости, медиа, социальных сетей, он встраивается в заданный цивилизационный порядок и социокультурную динамику. Последние включают в себя многообразие модерностей, которые позволяют выявить: а) сложные фигурации и конфигурации человеческой сексуальности на социетальном и социальном уровнях; б) конкретные формы проявления сексуальности в модерности относительно обособленных и автономных социокультурно, религиозно, хозяйственно социальных групп. Между тем цивилизационный порядок общества как раз и представляет собой сложившийся корпус форм социальной организации и регулирования культуры, в том числе исторически меняющей-

ся сексуальной сферы человеческой чувственности, психо-эмоциональной близости и отчужденности, интимности, эротики и телесности.

В каждом модусе модерности (современности) отражается текучесть культурного, социального и личностного времени. Оно неизменно находит воплощение в меняющейся реальности интимных отношений между людьми близкого круга, в супружестве, романтических отношениях, родительстве, отцовстве, материнстве, репродуктивном поведении. Временная градация сексуальности, присущая различным формам модерности современности, не только географически (топологически) связана с физическим и социальным пространством жизни, индивидов, но привязана к аренам их приватной и публичной деятельности, их биографии (проживания, работы, семьи и т.д.). Таким образом, формируется индивидуальный и коллективный хронотоп жизненного пути поколений, траектории их образования, занятости, потребления, соответственно, автономной конфигурации их сексуальности. Встроенность в определенный режим цивилизационного порядка, то есть в утверждение и проживание особого типа модерности, означает способность индивидов создать сценарий социального и культурного, в том числе сексуального, включения в ценностно-ролевые структуры, функциональные и институциональные подсистемы общества, сетевые отношения, обеспечивающие легитимный или полулегитимный доступ к позициям, статусам, ресурсам для самореализации.

Если в традиционном обществе из-за дефицитности ресурсов доминировала достаточно простая система цивилизационного (социально-экономического, культурного) принуждения к образу жизни, включая участие в производстве и потреблении, а также в сексуальной сфере, то в постиндустриальном обществе происходит глубокая трансформация социокультурной (и сексуальной) идентификации. Появляются цивилизационные возможности освоения (мягкого принуждения) к индивидуальному стилю жизни, то есть появляются легальные ресурсы для избирательного присвоения и проживания формы модерности, включая варьирование форм и ориентаций сексуального порядка.

Особое место в процессе индивидуализации чувственности современного человека занимает информационно-коммуникативная экспансия, или наступательное воздействие публичного знаково-символического разнообразия в личное пространство идей, вещей и отношений, соответственно, в новые формы проживания социального и личностного времени. Происходит повсеместная интернализация продуцируемых медийными и шире коммуникативными индустриями, социальными сетями содержаний, проектирующих приватный мир человеческой интимности, эротичности, телесности. Режим цивилизационного порядка любого типа модерности действует двояко: одновременно упрощает, принуждая индивида к стандартам потребления, в том числе в сфере чувственности, и усложняет, обрекая на индивидуальный выбор. Общество потребления, включая сексуальное по-

ведение, как выражение доминирующего тренда в потоках множественных модерностей, по нашему мнению, радикально меняет качество и стиль современной индивидуальной и коллективной жизни. Экономический рост, заданный новыми технологиями, организацией труда и производства, высокая мобильность, включая внутреннюю и международную миграцию, создают условия, ресурсы и способы для индивидуализации потребления, и, конечно, форм чувственного наслаждения.

В нашей схеме трансформации сексуальности в условиях множественных модерностей аналитически выделяется фигуративное ядро социальных (экономических, политических, правовых) регуляторов культуры, сообществ и сетей, входящих в мировой (глобальный, региональный, локальный) цивилизационный процесс. Это ядро включает конкретный социальный механизм формирования и изменения базовых культурных практик, паттернов, социальных ценностей, моральных норм, регулирующих разнообразные формы действий в разных публичных сферах хозяйствования, власти, права, массовых действий, а также в частной сфере индивидуального жизненного пути, самореализации, личного здоровья, сексуальности, семьи. На этом основании, хотя и весьма условно, можно выделить три пересекающиеся типа цивилизационного порядка. Один тип обусловлен доминирующими формами социального регулирования культуры и поведения: *архаический* (исторически исходные формы ментальности, архетипы, алгоритмы поведения и др.) Другой тип *традиционный* (ритуалы, обряды, обычаи) задан легитимными учреждениями, регламентами, предписаниями, правилами, нормами, законами. Третий тип цивилизационного порядка детерминирован его господствующей субъектной, то есть коллективистской или индивидуалистической организацией культуры, общества, власти.

Для всех типов цивилизационного порядка характерен своеобразный ансамбль форм и модусов сексуальности. Сексуальная сфера жизни наряду со всеми остальными (трудовой, семейной, политической) существует и развивается в соответствии с общими и особенными принципами обустройства социальной и культурной организации любого общества, трансформируя его институциональные предписания в живой процесс интимного, телесного индивидуального проживания.

Л.С. Панкратова
г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Современные модусы сексуальности студенческой молодежи Санкт-Петербурга

При финансовой поддержке РГНФ № 16-33-00020 «Сексуальность и жизненный путь: социальные траектории, модели и практики»

Актуальность выбранной темы определяется целым рядом факторов и в первую очередь новейшими трендами публичного проявления и легити-

мации различных форм сексуальности, сексуального поведения и установок, особенно среди различных групп отечественной молодежи, в частности студенческой. При этом в сфере половых, гендерных и эротико-эмоциональных отношений возникают и распространяются альтернативные общепринятой сексуальной морали оценки, паттерны и модели поведения, складывающиеся в различные модусы (разновидности) сексуальности. Сексуальность из довольно закрытой приватной темы, с одной стороны, становится достоянием публичности, с другой – все более субъективируется, индивидуализируется, включается в процесс социальной и культурной идентификации личности.

В данной работе мы определяем сексуальность как комплекс эротико-эмоциональных аспектов личности и социальных практик. Сексуальность – это совокупность обусловленных половым влечением социокультурных признаков (свойств) интимности, эротичности, чувственности (психо-эмоциональность), телесности индивида. Прежде всего, сексуальность рассматривается нами как личностная характеристика, имеющая тесную связь с «Я-концепцией», она формируется или зависит отчасти от внешних социальных условий и факторов, но также конструируется сознательно самим индивидом.

Объектом настоящей работы является студенческая молодежь Санкт-Петербурга. Предметом исследования выступают сексуальные представления и практики студенческой молодежи Санкт-Петербурга. Цель работы – выявление основных современных модусов, специфики, тенденций формирования и воспроизводства сексуальности студенческой молодежи.

В нашем исследовании рассматривается специфика, особенности формирования современных модусов сексуальности молодежи города Санкт-Петербурга, а именно студенческой молодежи. Согласно данным Петростата, количество студентов в Санкт-Петербурге в 2014–2015 уч. г. составило порядка 317 тыс. человек[1], то есть студенчество составляет большую часть всей городской молодежи. В научных и публицистических изданиях неоднократно подчеркивается историческая специфичность жизни и развития города, его атмосферы, менталитета жителей, традиций и устоев. Выделяется динамичность развития «культурной столицы» России, пестрый и разнообразный культурный и социальный ландшафт города. Очевидно, что культурное пространство С.-Петербурга накладывает сильную печать на стиль жизни, ценностные ориентации студенческой молодежи в целом и на формирование ее сексуальности в особенности.

Это обусловило сосредоточение внимания настоящего исследования на изучении разновидностей сексуальности студенчества Санкт-Петербурга как

[1] Образование. 27.05.2015 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/949dbf004f5147cf812fd5e1000af5d8/02obr_g.pdf (дата обращения: 21.06.2015).

единой социально-демографической и профессиональной группы, независимо от образовательного направления. Методом глубинного интервью был опрошен 21 информант, 11 юношей и 10 девушек, в возрасте от 18 до 25 лет, учащиеся различных ВУЗов Санкт-Петербурга, уровней образовательных программ (бакалавры, магистранты, специалисты) и специальностей в 2012 г. Выборка строилась методом «снежного кома».

Анализ данных по результатам глубинных интервью, показывает, что сексуальные, половые или романтические отношения занимают довольно важную часть жизни студенческой молодежи Санкт-Петербурга. Опыт подобного рода отношений в той или иной степени имели и имеют практически все (95%) опрошенные информанты от 18 до 25 лет. В спектре мнений, суждений и представлений нами были выделены отмеченные информантами несколько групп, отражающих ключевые аспекты, конфигурации которых приводят к формированию и воспроизводству различных современных модусов сексуальности:

I. **Аксиологический аспект сексуальности**, включающий значимость эротичности, интеллектуальной, психо-эмоциональной близости, интимности и половых отношений, половое влечение и удовлетворение.

II. **Нормативный аспект сексуальности**: нормы и отклонения в телесном, психо-эмоциональном, эротическом и половом поведении.

III. **Репрезентативный аспект сексуальности**: способы восприятия сексуальной привлекательности, конструирования сексуально ориентированной собственной телесности и коммуникативная компетентность в сексуальных отношениях, фиксирующие различные модальности сексуального опыта.

IV. **Поведенческий аспект сексуальности**, проявляющийся в моделях и сценариях сексуального поведения.

V. **Гендерный аспект сексуальности**: гендерная идентичность, роли и установки.

VI. **Субкультурный аспект сексуальности**: субкультуры отдельных групп и сообществ: БДСМ, свинг, квир, ЛГБТ.

Многоаспектное понимание сексуальности позволяет дать развернутую картину трендов формирования и реализации сексуальности студенческих молодежных когорт г. Санкт-Петербурга. Во-первых, сексуальность молодежных групп крайне неоднородна, мозаична, динамична. Диапазон аксиологического компонента сексуальности, как показывает проведенное нами исследование, весьма широк. Восприятие сексуальности может варьироваться от инструментального (капитализация сексуальность) до ценностного (самоценность интимности, эротичности, чувственности отношений). Синкретизм сексуальных представлений юношей и девушек выражается в гибкости, пластичности, подчас ситуативности их повседневных эротико-эмоциональных практик (смешении, комбинировании сексуальных сценариев и стандартов). Развитие рефлексивности петербургских студентов в отношении собственной интимной жизни в условиях либера-

лизации, демократизации половых и гендерных норм предоставляет им возможности свободно экспериментировать, контролировать и рационально управлять собственной сексуальностью.

Во-вторых, сексуальность студенческих групп формируется в условиях влияния различных, систематически не упорядоченных, сменяющих друг друга на разных этапах их жизни конфигураций социальных факторов, ресурсов и технологий. Ключевыми источниками информации, знаний, представлений о половом поведении, коммуникативных аспектах построения и поддержания интимных отношений, специфике чувственной самореализации, конструировании и презентации собственной телесной привлекательности, вопросах эротичности для юношей и девушек остаются неформальные источники (сверстники, друзья, сексуальные партнеры, Интернет, индивидуальный опыт, эксперимент и другие).

В-третьих, плюрализм модусов сексуальности (представлений и поведения) современной студенческой молодежи связан с трансформациями, происходящими в области гендерных идентичностей и ролей, сексуальных ориентаций и практик. Помимо изменений в традиционных гендерных стереотипах и ожиданиях полового поведения, социально и культурно мобилизуются различные сексуальные сообщества (геев, свингеров, БДСМ и так далее) предоставляя пространство для эротического, чувственного поиска и самоопределения.

Представленная картина сексуальной жизни студенческих молодежных когорт г. Санкт-Петербурга открывает перспективы для дальнейших теоретических и эмпирических исследований современных тенденций развития сферы эротики, чувственности, интимности.

А.М. Пивоваров

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Рационализация сексуальных практик российской молодежи: контекст

Известный исследователь в области социологии сексуальности С.И. Голод утверждал, что Россия в XX в. прошла несколько периодов трансформаций сексуальных практик – это сексуальная эмансипация (рубеж XIX–XX вв.), «дионисийство» (20-е гг.), «евнуховидность» (30–60 гг.) и «сексуальный ренессанс» (последняя треть XX в.)[1]. Данная периодизация показывает, что советский период в истории нашей страны был неоднороден в отношении половой морали, однако, собственно, сексуальное «раскрепощение» произошло в нашей стране резким скачком в начале 90-х гг. прошлого века.

Обсуждаемая здесь гипотеза состоит в том, что сегодня, спустя 25 лет существования постсоветского общества, мы находимся внутри какой-то новой стадии трансформации сексуальных практик в нашей стране, кото-

[1] Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.

рую условно можно назвать этапом «сексуального пресыщения». Как и многое, что происходит в западной культуре, влиянием которой давно охвачен весь мир, трансформация сексуальных практик в нашей стране дрейфует по двум, зафиксированным М. Вебером, взаимосвязанным руслам, – «расколдовывания» и рационализации.

Первое направление проявляется в опривычивании наблюдения и предъявления в публичной сфере той стороны человеческой жизни, которая на протяжении многих столетий считалась наиболее приватной, интимной, в той или иной мере таинственной (как от слова «тайна», так и от слова «таинство»), загадки которой философы и ученые пытались постичь с помощью толкования значительно более эфемерных явлений – таких как сновидения. Рутинизация явлений, недавно казавшихся порочными и запретными, проявляется в повседневной речи. Слова однокоренные со словом «секс» и связанные с ним по смыслу стали произноситься без тени смущения и былого озорства. Слова «сексуальная» или «сексуальный» стали восприниматься как нормальный комплимент. Если присмотреться внимательнее, то пространство современного российского города сегодня стало привычно сексуализированным. Так, взгляд прохожего или водителя, почти независимо от его желания, постоянно натыкается на объявления типа «Vip-отдых», «Жена на час» и пр., которые развешаны буквально на каждом столбе, заборе, рекламном щите, отпечатаны несмываемой краской на тротуарах и стенах. Региональные СМИ регулярно отчитываются о разгоне полицией нескольких борделей. Вывески «магазинов укрепления семьи» «Розовый кролик» (в Петербурге на 2016 г. – 35 торговых точек), магазинов «для взрослых» «Эробутик» (6 магазинов), «Он и Она» (5 магазинов) стали привычной составляющей городского пейзажа. Примеры опривыченной сексуализации можно продолжать.

Особенности движения трансформации сексуальных практик по пути рационализации вполне могут быть объяснимы с помощью концепции макдональдизации общества Дж. Ритцера[1]. Эта модель социальных изменений получила значительное научное признание. Список областей социальной жизни, в которой она используется социологами для анализа происходящих в них трансформаций, постоянно расширяется. Существует несколько работ американских исследователей в которых подробно описан процесс макдональдизации секс-индустрии[2], однако, на наш взгляд, процесс рационализации идет еще глубже.

Сами сексуальные отношения в молодежных парах, по нашему предположению, все больше теряя связь как с прокреацией, так и в значительной степени отделяясь от духовно-эмоциональной вовлеченности, приобретают черты макдональдизированной системы. Кратко рассмотрим три из

[1] Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.
[2] Deshotels T.H., Tinney, M., Forsyth C.J. McSexy: Exotic Dancing and Institutional Power. *Deviant Behavior*, 2012, 33, vol. 2, pp. 140-148; Hausbeck K. and Brents B. G. McDonaldization of the Sex Industries? The Business of Sex / G. Ritzer (ed.) *McDonaldization: The Reader, 3d ed.* Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2010, pp.102–118.

четырех выделяемых Дж. Ритцером измерений макдональдизации сексуальной жизни применительно к современным отношениям типа «любимый(ая)/любимая(ый)» (girl/boy-friend):

- *Эффективность* удовлетворения сексуальной потребности внутри обозначенной категории пар сегодня основана на том, что, по нашему предположению, они в нашей стране все больше становятся похожими на тот тип отношений, которые Э. Гидденс называет «чистыми»[1], т.е. существующими только в той мере, в какой партнеры извлекают из них удовлетворение, в том числе и сексуальное. Получают распространение так называемые «свободные отношения», в которых в полной мере реализуется отделенная от деторождения «пластическая сексуальность»[2] современного человека.

- *Предсказуемость* удовлетворения сексуальной потребности реализуется в том, что, по нашему предположению, развитие и распад данной категории диадных отношений сегодня зависит от сексуального удовлетворения, получаемого партнерами, в гораздо большей степени, чем это было раньше. Имея «любовные» отношения люди предсказуемо удовлетворяют свои сексуальные потребности, а если они не удовлетворяются, отношения предсказуемо прекращаются.

- *Просчитываемость*, т.е. доминирование количества над качеством, сексуальных отношений основывается на том, что ценность соблюдения верности в подобного рода связях ставится под сомнение и заменяется ценностью «апробирования» как можно большего числа партнеров и способов осуществления сексуальных актов.

Каждая формально рациональная система неизбежно отягощена иррациональными последствиями своего функционирования. Важнейшим иррациональным последствием рационализации сексуальной жизни является дегуманизация сексуальности, т.е. «выхолащивание» ее духовно-эмоционального содержания, а также усиление проявлений тех черт характера, которые свойственны шизоидному типу личности – холодности, надменности, отстраненности, апатичности. Тотальная сексуализация, произошедшая на Западе на три-четыре десятилетия раньше, позволила психотерапевтам экзистенциально-гуманистического направления поставить своей цивилизации диагноз «шизоидности». «Шизоидный» мир, по мнению Р. Мэя, характеризуется такими чертами, как неспособность чувствовать, боязнь близости, отчужденность, редукция любви к своей сексуальной форме, существующими на фоне «несомненного факта, что для множества людей секс стал настолько же бессмысленным, насколько доступным»[3].

Вопрос для дальнейших исследований состоит в том, насколько рационализация сексуальных практик молодежи имеет в качестве своих последствий распространение черт «шизоидности» в российском обществе.

---

[1] Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
[2] Там же
[3] Мэй Р. Любовь и воля. М.: Винтаж, 2011, стр. 4

Г.В. Вержибок
г. Минск (Беларусь), Минский государственный лингвистический университет»

Гендерная матрица представлений студентов о материнстве и отцовстве

Скорость увеличения демографических рисков, достижение предельных уровней являются главными особенностями, несущими очевидные кризисные черты, идет процесс изменения социокультурного пространства с неблагоприятным прогнозом. В сочетании с современным социально-экономическим кризисом гендерная революция (И.С. Кон) изменяет основы традиционных миров человеческого существования, в т.ч., и семейную сферу, определяя тенденцию подавления детородных установок. Секуляризационная государственная политика и отсутствие реализации гендерного фактора, фактический отказ от жестких принципов идеократии, вытеснение из общественного сознания сакрального отношения к процессу воспроизводства[1] не замедлили сказаться на серьезных изменениях института брака и семьи. Отмечается ослабление нравственно-воспитательного потенциала семьи, происходит «политизация родительства» в неоконсервативном духе, *дивергенция воспитательных стилей.*

*Однако и*зменяются нормативные представления о семье, происходит массовая рефлексия проблем детства и прав ребенка. Развитие информационного пространства интенсифицирует между родителями обмен опытом, позволяя репрезентировать себя как группу носителей новых социальных норм. «Трансформация интимности» (A. Giddens) обуславливает появление семей, основанных на взаимном доверии, устанавливаются новые практики родительства (выбор новых институций в отношении воспитания детей) и паттернов отцовства. Семейные отношения понимаются как результат совместного творчества всех членов, происходит сдвиг от воспитательской этики долга к этике удовольствия, неимперативному родительству, которое начинает вступать как общественный тренд[2]. Важным становится сегодня разностороннее изучение представлений о будущем родительстве в молодежной среде.

При изучении представлений о материнстве и отцовстве выборка составила 285 чел. (студенты, 18–20 лет). Анализ проводился на основе данных анкеты (М. Уотлей) и эссе студентов после проведения авторского спецкурса «Гендерное образование: подготовка молодежи к семейной жизни» (высказывания 2004, 2011, 2014 гг.)[3].

---

[1] Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др.; под общ. ред. С.С. Сулакшина. 2-е изд. М., 2007. С. 342.
[2] Кукулин, М. Новое родительство и его политические аспекты / М. Кукулин, М. Майофис // Полит.ру. – 11 августа 2010: http://polit.ru/article/2010/08/11/parents/ *[режим доступа 27.02.2015]*.
[3] Вержибок, Г.В. Гендерные отношения молодежи в условиях социокультурных трансформаций: моногр. / Г.В. Вержибок. – Мн., 2015. – С. 205-207.

Установлен достаточно высокий уровень направленности студентов на создание будущей семьи (18,56 по среднему значению), значимо стремление к личностному росту (6,4) и готовность к ответственности (6,87), положительно оценивание детей (6,36). Практически у половины респондентов (46%) зафиксированы мнения об «ответственном родительстве», но отмечается варьирование выбора семейных ролей.

Дети. В представлениях молодежи раскрывается значимость детей и общность интересов для семьи, что способствует стабильности отношений между ее членами. «Одна из жизненных целей человека должна быть воспитание ребенка... Дети – это самый главный общий интерес у мужа и жены... Дети видели бы в родителях крепкую опору, а родители – в своих детях надежду и продолжение… Рождая ребенка, мы главным образом делимся с ним своей жизнью… Без детей жизнь теряет смысл».

Любовь. Без настоящей и искренней любви к ребенку нельзя воспитать хорошего человека (72%). «Семья полноценна тогда, когда в ней есть дети, которые любимы родителями… С самого рождения мы окружим нашего ребенка любовью и заботой, это является залогом развития детей… Только в полноценной и счастливой семье ребенок не чувствует себя одиноким».

Отношения. Немаловажно знать, что твой мама или папа – это друг (38%) и есть доверие (34%). «Отношения в семье важны для того, как дети будут воспринимать окружающий мир… Чтобы все в семье делалось сообща… Буду делать все возможное, чтобы быть другом для ребенка, а не только мамой, учителем… Хочу, чтобы они доверяли мне, делились самым сокровенным… Время и внимание – это самое главное, что нужно ребенку».

Материнство. «Материнство – неотъемлемая часть жизни женщины» (5,38 баллов из 7-ми), «для ребенка жизненно необходимо присутствие матери в период своего детства» (5,3), подтверждая значение внимания и опеки в этом возрасте. У юношей выявлен патриархальный взгляд на роль матери (5,11), девушки показывают снижение привлекательности этой позиции (4,62). «Любовь матери помогает формировать в ребенке личность – собственное Я».

Отцовство. Средние значения отцовства составили меньшие значения, чем показатели оценивания материнства. «Главная обязанность отца в семье – финансовое обеспечение» (5,02), «отцы не активно участвуют в жизни своих детей» (4,78). Различий по полу в ответах не установлено (юноши – 4,87, девушки – 4,38), хотя более традиционными в отношении семейных ролей оказались юноши. «Нормальный мужчина не имеет права лишить ребенка нормальной семьи, где есть мама и папа... Авторитет отца значительно упал, нужна «культура отцовства», это экзамен на зрелость мужчины… Если у него есть ребенок, он должен воспитывать его, проводить с ним время… Главное – надо воспитать ребенка, отдать себя, самое лучшее, что есть, что необходимо для хорошего детства».

Обеспечение. «Сегодня нужна и хорошая материальная основа: постоянная работа, стабильный заработок, квартира или дом» (32%)… де-

ти должны хорошо питаться, их надо одеть, обуть… Трое детей – это максимум, что могут позволить себе родители, ведь тогда усложнятся условия жизни, надо будет много работать, чтобы прокормить большую семью». Финансовая сторона считается неотъемлемой частью хорошего воспитания и благополучия ребенка (различий по полу не обнаружено).

Ответственность. Семья «плюс ко всему и большая ответственность, что не всем под силу… Это ответственность за других… Гораздо хуже для ребенка расти в атмосфере «холодной войны», но с обоими родителями, чем с кем-либо из них, но в мире и спокойствии… Дети в семье важны, но к их появлению нужно подходить очень серьезно… Мужчина всегда должен нести ответственность за свои поступки… Мы будет просвещать ребенка… лучше, чтобы дети узнавали все от родителей, а не методом проб и ошибок… Для того, чтобы семья была полной и гармоничной, супруги должны постоянно работать над собой, следить за своими поступками».

Тем самым, важно и можно устанавливать смысловой контекст как изменившегося отношения и позиций, так и порогового уровней семейных ценностей, выделять проблемные моменты построения матрицы будущего с учетом гендерного фактора. Для предупреждения примитивизации и искажения представлений о ценностях необходима система формирования семейной ментальности и гендерной культуры молодежи, реализуя адекватную современным реалиям брачно-семейную идеологию.

М.Г. Котовская
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Репродуктивные установки московских студентов

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00136

Важным фактором исследования репродуктивного поведения молодых студенческих семей является выявление количества ожидаемых рождений детей. Как известно, количество реально рожденных детей всегда ниже предполагаемого, но все же изучение репродуктивных установок позволяет судить об основных тенденциях в этом процессе.

Внутри социальной общности происходит постоянная трансляция норм потребностей в детях. Причем в разных социальных структурах она далеко не одинакова: в сельской местности количество детей обычно больше, чем в городе, где многодетная семья сейчас становится просто реликтом. Показательно, что и в моем исследовании только несколько человек теоретически хотели бы иметь много детей, но тут же оговаривались, что в городе это практически невозможно.

Таким образом, ясно, что индивид может изменить силу, интенсивность своей, сформированной в ходе его социализации, потребности в детях, но не ее величину, обусловленную бытующими в обществе или его

части, с которой отождествляет себя человек, социокультурными нормами детности. Сама семья задает себе определенные рамки контроля, определяющие, какое количество детей и в какой очередности будет появляться на свет в данной семье.

Это подтверждается данными многочисленных этнографических исследований. В традиционных обществах бесплодие супругов, впрочем, как и малодетность, считались Божьим наказанием. Согласно обычному праву, именно бесплодие одного из супругов было наиболее веским основанием для расторжения брака. При этом социальный статус человека, независимо от его родовитости и богатства, падал. Безбрачие и бесплодие считались допустимыми лишь для служителей культа. В традиционном обществе статус всей семьи и женщины, в первую очередь, напрямую зависели от количества рожденных и выживших детей. Недаром одним из типичных свадебных пожеланий молодоженам было пожелание иметь много детей.

Существует различная типология мотивов рождения детей. В каждом обществе она прежде всего обусловливается принятыми социально-культурными нормами. Эта мотивация может варьировать от экономических побуждений (например, в развивающихся странах, где дети используются в качестве необходимой в хозяйстве рабочей силы) до психологических мотивов, когда на первый план выступает бескорыстная любовь к детям, желание видеть в них свое продолжение.

Интересно, что более половины опрошенных мною молодых супружеских пар хотели бы, чтобы их первым ребенком стал мальчик; 20% предпочитали рождение девочки; остальные были индифферентны к полу будущего ребенка. Стремление иметь мальчика было вызвано прежде всего желанием видеть в нем продолжателя рода, опору в старости. С сыном были связаны и амбициозные желания родителей: они надеялись, что он сумеет реализоваться творчески и сделает хорошую карьеру. Кроме того, многие респонденты, обосновывая свое желание иметь сына, ссылались на то, что в нашем обществе мужчинам живется легче, чем женщинам (25% опрошенных обоего пола).

Желающие иметь девочку первенца считали, что девочку легче воспитывать, и что она эмоционально больше связана с родителями, чем мальчик. Кроме того, в девочке хотели бы видеть помощницу по хозяйству и подмогу в воспитании будущих братьев и сестер. 7% опрошенных заявили, что им просто больше нравятся маленькие девочки, чем мальчики.

На вопрос, в каких интервалах планируется рождение второго (третьего) ребенка (вопрос задавался только тем респондентам, которые выразили желание иметь двоих и более детей), около половины ответили, что хотели бы завести еще одного ребенка в течение первых пяти лет после рождения первенца; около 30% респондентов высказались, что будут действовать по ситуации; 15% хотели бы иметь детей-погодков; небольшая часть респондентов ответили, что еще не думали над этим вопросом.

В целом, этот опрос выявил предпочтение рождения мальчиков, что косвенно свидетельствует о живучести многих традиционных стереотипов в нашем обществе. Ведь, как известно этнографам, в традиционных культурах всегда приветствовалось рождение мальчиков. Рождение первенца-мальчика считалось счастливой приметой и обещало процветание семьи. Престиж матери, родившей нескольких сыновей, в крестьянской общине был высоким. Показательно, что эти традиции оказались достаточно устойчивыми и сохраняются даже поныне.

А.Ю. Белоус
г. Коломна, МБОУ СОШ №17

Юношеский взгляд на идеальных родителей

Наверное, каждый человек задумывался о том, каким должен быть идеальный родитель. Как он должен себя вести? Какими качествами обладать? С какой точки смотреть на своего ребенка? Вопросов много, но однозначных ответов на них нет, т.к. «идеал» – понятие абстрактное. Тем не менее, я возьму на себя смелость выступить представителем современной молодежи, и от ее лица представить свой вариант идеального родителя

Начнем с самого простого: кто же такие, эти родители? Это те люди, которые дают ребенку жизнь, первые навыки общения, те, кто оберегают и развивают его, а дальше идут с ним бок о бок, невзирая на сложности, поддерживая при падениях и искренне радуясь взлетам. У Ф.Шиллера на этот счет свое мнение: «Родные – все кто силой духа схож».

Перед тем как стать родителям муж с женой должны стать семьей. И я имею в виду не документально оформленный брак, а нечто большее. Принято считать, что основа семьи – чувства, любовь. По моему мнению, этого недостаточно. Не могу представить семью, в которой пара, не смотря на все вои чувства, не имеет ничего общего в повседневном мире. Что-нибудь обязательно должно их связывать: работа, интересы, люди, идеи, взгляды… Дэвид Лазба, который придерживается того же мнения, в своем произведении «Трапеза мятежников» писал: «Семья не всегда лишь чувства, но начинаться она должна именно с них. Они – фундамент, на котором некоторое время стоят отношения. Потом он начинает трескаться, крошиться и постепенно укрепляется другими материалами, порой более прочными, возможно даже, вечными…». Супруг должен быть не просто любовником и сожителем, а близким, верным другом, понимающим, ответственным и честным защитником семьи, готовым услышать, помочь, успокоить и рассмешить.

Следующий аспект, который я затрону на пути к образу идеального родителя это появление ребенка в семье, был ли он желанным? Ведь, как говориться, стать отцом совсем легко, быть отцом, напротив, трудно. Конечно, если родится незапланированный ребенок, его полюбят, но той ли любовью? И будет ли он встречен в этой жизни с теми же слезами радости

на глазах? Как бы родители не обманывали себя и остальных, самых светлых чувств, скорее всего, не будет. Незапланированный ребенок – не всегда ошибка, но никогда – долгожданное чудо.

Я считаю, что в хорошей семье должно быть два родителя, каждый из которых внесет свой незаменимый вклад в воспитание малыша. И этой паре «воспитателей» потребуется много усердия, терпения и взаимопонимания на всем протяжении воспитательного процесса (который, порой не заканчивается до конца жизни).

Перейдем конкретно к идеалу родителя. Поделюсь своим представлением. Идеальный родитель должен:

- быть цельной личностью. Помимо воспитания детей родителю необходимо иметь свои интересы и навыки. Ведь как приятно общаться с эрудированным, умным, интересным человеком, особенно если это твой папа или мама! «Один отец значит больше чем тысячи учителей» – писал Д.Гербер.
- спокойно принимать новые идеологические течения и технологии. Развитие различных технологий прогрессирует максимально быстро. Сменяющемуся поколению бывает трудно поспеть за ними, однако этого требует общество. Не обязательно быть компьютерным гением, достаточно немного разобраться в популярных гаджетах, и общение с ребенком станет легче.
- давать ребенку право выбора. Чрезмерное опекунство, желание помочь, уберечь воспитывает неполноценного члена общества. Ребенок может это сделать сам, просто дайте ему возможность. В меру контролируйте его. Пусть он лучше упадет на ваших глазах, чем не будет падать вовсе. Ели он не упадет – он не поднимется. Не научится вставать. Никогда не скажет: «Я хочу попробовать сам! Дай мне научиться на собственных ошибках!» Ребенок превращается в потребителя.
- обладать честностью. Иногда родители думаю, что дети не поймут или не примут информацию, поэтому стараются исказить или вовсе скрыть ее. Это неправильно. Да, дети маленькие, у них не такой богатый жизненный опыт, но они достаточно умные, а главное чуткие, чтобы понять практически все. А если родитель врет по мелочам, это непроизвольно перейдет детям. Великий русский писатель Л.Н. Толстой сказал: «Детей не отпугнешь суровостью, они не переносят только лжи».
- гордиться, каким бы ни был ребенок. Идеальный родитель всегда видит в сыне то, за что его можно любить, за что уважать и за что гордиться. Мнение родителя – большая половина самооценки.
- быть справедливым. Я считаю, что родитель и ребенок должны стоять почти на равных, одинаково нети ответственность, иметь равновесные мнения. Когда родитель ставит себя на много выше ребенка, он не замечает, как превращается в тирана и медленно, но продуктивно, взращивает еще одного. Низко и глупо запрещать детям то, что делают (потребля-

ют) отец и мать. «Прежде чем судить детей вспомните, кто их воспитал» – писал И.С.Тургенев.

- быть примером. Никогда нельзя забывать, что родители — канон семьи и правильности для детей. Ребенок считает, что семейная жизнь должна быть как у мамы с папой: если они ссорятся, то и я буду, а если они прислушиваются друг к другу, помогают, относятся терпимо, то и я попробую! Дети — отражение родителей.
- проявлять к ребенку понимание, терпимость. Внимание к проблемам или интересам детей дает им понять, насколько они важны для окружающих. Это побуждает в нем отзывчивость, доброту. Если не тянуться к ребенку, не проявлять интерес, он закроется, станет неразговорчив и обидчив. Ежели ребенок не видит помощи и поддержки, то, как идти дальше в этот огромный, пугающий мир?
- должен быть верен себе и своим устоям. В моем понимании верность – показатель силы, стойкости, нравственности. Быть верным себе и быть верным супругу равноценно. Недаром Л.Н. Толстой писал: «Человек, изменивший своей жене, запросто может изменить Родине».
- прививать ребенку нравственность, жизненные ценности. Ведь дети – это будущее. Такие качества, как доброта, милосердие, честность, тактичность, легче привить в раннем возрасте. Г. Гегель по этому поводу сказал: «В первое время важнее всего материнское воспитание, ибо нравственность должна быть насажена в ребенке как чувство».
- не пытаться искать в ребенке свои нереализованные амбиции. Если не получилось стать балериной, не нужно навязывать свою мечту дочери. Она – самостоятельная личность и в правде сама выбирать увлечение, а в дальнейшем и свой жизненный путь.

Подводя итоги, скажу: дети – копия родителей. Начните воспитание с себя. Хотите, что бы ваш ребенок был таким же, как вы? Если нет, то меняйтесь, развивайтесь, сделайте так, что бы ваш ребенок мог вами гордиться, и тогда получите в ответ умное, благодарное, счастливое чадо!

Не бойтесь детей. Они умнее, чем кажутся. Их способностям не перестаешь удивляться! Дети – вершина здорового брака!

Е.В. Волченкова
г. Киров, Вятский государственный университет

Установки, влияющие на брачный выбор молодежи

Значительные изменения последних десятилетий в сфере брака и семьи обусловлены, в частности, трансформацией соответствующих установок молодежи. Согласно авторскому определению, семейно-брачные установки представляют собой систему взглядов и ориентаций личности относительно брака и семьи, определяющую поведение в данной сфере и спо-

собствующую либо препятствующую семейному благополучию. Поскольку семейно-брачные установки определяют готовность к семейной жизни, их изучение у отдельных категорий молодежи представляется актуальным. Нами выявлены и охарактеризованы установки, влияющие на брачный выбор, у молодых людей, выросших в семье, и у выпускников интернатных учреждений.

В группу установок, влияющих на брачный выбор, включены: установка на характеристики брачного партнера; установка на действия, предшествующие заключению брака; установка на возраст вступления в брак.

Установка на характеристики брачного партнера показывает, учитывают ли молодые люди социальный статус, уровень образования, систему ценностей, разницу в возрасте, отношение родителей к браку. Для благоприятного семейного союза первые три характеристики партнеров должны быть близки, причем они тесно связаны между собой. Так принадлежность молодых людей к определенной социальной общности (слою, классу) в большинстве случаев связано с уровнем образования. Эндогамные браки более устойчивы.

Факторами риска считаются существенная разница в образовательном уровне супругов (например, у мужа начальное профессиональное образование, у жены – высшее), а также более высокий уровень образования у женщины.

Совпадение систем ценностей молодоженов является одним из компонентов психологической совместимости и важнейшим условием устойчивости семейного союза.

Что касается возрастных характеристик супругов, то неблагоприятно на семейных отношениях может отразиться существенная разница в возрасте, поскольку он определяет ценности, интересы, круг общения и т. д. Наиболее естественной разницей в возрасте супругов считается 1–4 года.

Также и игнорирование мнения родителей относительно брачного выбора может привести впоследствии к непониманию и конфликтам в семье.

Установка на действия, предшествующие заключению брака показывает признание/отрицание необходимости познания характера, привычек и т. д. избранника(цы), знакомства с его (ее) родителями, проектирования совместной семейной жизни. Данные действия представляются важными с точки зрения устойчивости и благополучия семейных отношений в будущем. Так одной из распространенных причин социально-психологических проблем в молодых семьях является открытие после заключения брака в партнере отрицательных черт характера, глубокое разочарование в избраннике(це).

Знакомство с родителями предоставляет возможность узнать, в какой семье воспитывался партнер, особенности ее уклада, поведения членов. Кроме того, согласно разработанной в психологии концепции дублирова-

ния родительских свойств[1], молодой человек будет повторять в своей собственной семье модель поведения родителя соответствующего пола, следовательно, данное обстоятельство необходимо учитывать при выборе брачного партнера.

Проектирование будущей совместной жизни позволяет согласовать позиции молодых людей относительно важнейших аспектов брака: распределения обязанностей, отношения с прародителями и ближайшим окружением, времени появления и количества детей в семье и т. д.

Установка на возраст вступления в брак. В России средний возраст вступления в первый брак по данным за 2011 г. составляет 24,97 лет для женщин и 27,38 лет для мужчин[2].

В психологических исследованиях показаны риски как ранних, так и поздних браков. Хотя в 18-летнем возрасте девушка уже способна стать матерью (она физиологически к этому готова), наиболее приемлемое время для замужества – 22–23 года, когда получено образование, освоена профессия. Что касается молодых людей, то мужской организм созревает позднее женского, а материальные трудности и сложности быта могут привести 18–19-летнего мужа к глубокому разочарованию в семейной жизни. Поздние браки также несут в себе определенные риски, связанные с тем, что чем старше человек, тем сложнее ему менять устоявшийся образ жизни, подстраиваться под партнера, адаптироваться к новым условиям. Таким образом, можно заключить, что наиболее оптимальным для вступления в брак является возраст в диапазоне от 21 до 26 лет.

Далее приведены данные организованного нами социологического исследования установок молодежи, влияющих на брачный выбор, в котором приняли участие 93 человека, из них 42 (45,6%) – выпускники детских домов и интернатов и 51 человек (54,4%) воспитывались в семье.

В ходе исследования выявлено, что обе группы опрошенных сходным образом оценивают важность для будущих семейных отношений таких факторов, как близкий уровень образования партнеров, одинаковые ценности и взгляды, лояльное отношение родителей к избраннику/избраннице. Однако респонденты, выросшие в детских домах и интернатах, более высоко оценивают значимость для семейной жизни примерно одинакового социального статуса супругов и сравнительно небольшой разницы в их возрасте.

[1] Основы психологии семьи и семейного консультирования / Под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004.

[2] http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php.

Оценка респондентами важности различных факторов для семейных отношений, в баллах (от 0 до 5)

№	Факторы	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	Примерно одинаковый социальный статус супругов	3,18	2,81	3,46
2.	Близкий уровень образования супругов	3,54	3,59	3,51
3.	Схожие системы ценностей, взгляды на жизнь супругов	4,15	4,24	4,08
4.	Не слишком большая разница в возрасте супругов (не более 5 лет)	3,43	2,89	3,94
5.	Лояльное отношение родителей к избраннику/избраннице	3,84	3,62	4,00

И выпускники интернатных учреждений, и молодые люди, выросшие в семье, считают до заключения брака необходимым (обязательным либо желательным) узнать будущего партнера, познакомиться с его родителями, обсудить будущую семейную жизнь. Данная установка благоприятна для брака, поскольку позволяет в будущем избежать конфликтов и разногласий.

Отношение респондентов к утверждениям, касающимся действий, предшествующих заключению брака, %

Варианты ответа	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
До заключения брака необходимо узнать своего избранника(цу) как можно лучше			
Обязательно	92,8	93,3	92,3
Желательно	4,3	0,0	7,7
Нет необходимости	2,9	6,7	0,0
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**
До заключения брака необходимо познакомиться с родителями избранника(цы)			
Обязательно	56,5	83,3	35,9
Желательно	37,7	10,0	59,0
Нет необходимости	5,8	6,7	5,1
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**
До заключения брака необходимо обсудить, как партнеры видят свою будущую семейную жизнь			
Обязательно	43,4	36,7	25,6
Желательно	47,8	46,6	53,8
Нет необходимости	18,8	16,7	20,5
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Отчасти разошлись мнения респондентов относительно оптимального возраста вступления в брак (хи-квадрат Пирсона, p=0,03). Большинство выпускников интернатных учреждений назвали возраст 21–23 года, в то время как выросшие в семье 24–26 лет. Вместе с тем, оба названных возрастных диапазона, с психологической точки зрения, являются приемлемыми для создания семьи.

Мнение респондентов об оптимальном возрасте вступления в брак, %

№	Варианты ответа	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	18-20 лет	7,1	11,0	5,0
2.	21-23 лет	34,3	7,9	52,5
3.	24-26 лет	48,6	76,0	32,5
4.	27–30 лет	8,6	5,1	7,5
5.	31–35 лет	1,4	0,0	2,5
6.	Старше 35 лет	7,1	0,0	0,0
Всего		**100,0**	**100,0**	**100,0**

Таким образом, выпускники интернатных учреждений осознают важность для будущих семейных отношений таких факторов, как близкий уровень образования партнеров, схожие ценности и взгляды, лояльное отношение родителей к избраннику/избраннице, одинаковый социальный статус супругов и сравнительно небольшая разница в их возрасте; считают необходимым до брака узнать будущего партнера, познакомиться с его родителями, обсудить будущую семейную жизнь; благоприятный возраст для создания семьи определяют в интервале от 21 до 23 лет.

Т.А. Исакова, Д.А. Палаева
г. Минск (Беларусь), Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Психологические особенности представлений юношей об отцовстве

В настоящее время появляется все больше исследований, затрагивающих проблему трансформации института отцовства. Эта проблема нашла свое отражение в работах российских и белорусских исследователей: Т.Н. Авдеевой, Т.В. Андреевой, Ю.В. Борисенко, И.А. Захарова, Т.А. Гурко, И.С. Кона, Б.И. Кочубея, Р.В. Овчаровой, Н.И. Олифирович, Л.Ф. Островской, И.В. Павлова, В.И. Слепковой, а так же в работах зарубежных исследователей: Г. Крайга, Э. Фромма, Р. Зидера, А. Адлера, Д. Боулби, М. Эйнсворт и др.

Исторические и социологические исследования отцовства показывают, что оно представляет собой социальное явление и имеет различное психологическое содержание в разных культурах и исторических периодах развития общества. Так, в традиционной патриархальной семье отец выступал как кормилец, персонификация власти, пример для подражания, на-

ставник. В настоящее время ситуация изменилась и приходится констатировать, что традиционные ценности отцовства в современном мире заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, вовлечение женщин в профессиональную деятельность. Следует отметить, что для каждого поколения существует свой идеал отца, который зависит от времени и условий, и каждое поколение сталкивается с несоответствием между «культурой» отцовства и «поведением» отцов в семьях.

К негативным факторам кризиса современной семьи приводят рост неполных семей, увеличение количества разводов, высокая смертность среди мужского населения. Вместе с тем, участие отца в воспитании ребенка необходимо для гармоничного психического развития ребенка, обеспечения и сохранения его психологического здоровья.

Юношеский возраст является сензитивным периодом формирования жизненных планов, психологической готовности к родительству. С целью изучения психологических особенностей представлений об отцовстве у юношей нами было проведено исследование на базе ГУО «Средняя школа № 175 г. Минска» и физико-математического факультета БГПУ им. М.Танка. Выборку составило 60 человек: 30 старшеклассников и 30 студентов 4 курса.

В ходе исследования был использован опросник «Сознательное родительство» Р.В. Овчаровой. Респондентам было предложено также написать сочинение на тему: «Мои представления об идеальном отце».

Результаты анализа сочинений предоставленных выпускниками школ свидетельствуют о том, что отец обязан обеспечивать материально семью и быть главой: «Отец должен быть главным, зарабатывать деньги и быть авторитетом», «Отец должен обеспечивать семью полностью и уметь организовать ее» и др. Данный аспект отмечен в 65% ответов школьников. По мнению 45% респондентов, отец должен уделять внимание своим детям, быть им физически и эмоционально доступным: «На мой взгляд, первое, что должен делать отец, это уделять внимание своему ребенку в игре и воспитании», «Идеальный отец это тот, кто уделяет много времени семье, не пропадая на работе и зарабатывая при этом деньги». В 20% высказываний испытуемых отмечена способность отца брать на себя роль друга ребенка («Отец он самый лучший друг, который всегда поймет. Ведь он через все это уже сам в молодости проходил»).

Обращает внимание, что лишь 10% процентов опрошенных школьников считают, что хороший отец должен любить свою жену и иметь общие интересы со своим ребенком («Отец не должен все взваливать на жену, он должен любить ее, делить обязанности по уходу за ребенком», «Общие интересы – это для меня важно в идеальном отце. Ведь смотреть вместе футбол и ездить на хоккей – это здорово»).

Анализ сочинений студентов выпускных курсов свидетельствует о преобладании в ответах испытуемых ценностей любви и заботы о ребенке.

Так, 40% процентов студентов отмечают, что хороший отец должен уделять внимание своим детям, любить и заботится о своем ребенке, а также быть главным в семье («Отец должен быть главой семейства, чтобы решать все возникшие трудные вопросы, проявлять заботу о своем ребенке», «Самое главное для отца – заботиться о том, чтобы он, ребенок, был здоров и чувствовал себя любимым». По мнению 20% процентов испытуемых, отец обязан уважать мнение своего ребенка, проводить большое количество времени вместе с семьей, не повторять ошибок своих родителей и совместно с супругой защищать своих детей. В своих сочинениях респонденты отразили это следующим образом: «Хороший отец не должен повторять ошибок своих родителей. Он должен быть на шаг впереди и помнить, что так кто-то уже поступил, и это не дало положительного результата»; «Отец совместно с супругой должен оберегать ребенка от всех бед, ведь это их будущее».

В ответах 15% процентов опрошенных отмечено, что отец должен быть справедливым, добрым, ответственным и веселым, бережно относится к своей жене и любить ее («Отец должен нести ответственность не только за себя, но и за своего ребенка, он должен быть ответственным во всем и везде», «В доме должен звучать детский смех, поэтому будет хорошо если отец будет веселым и не даст никому скучать», «Счастливым ребенок растет в условиях любви матери и отца»).

Таким образом, по мнению учащихся, значимым критерием успешного отцовства является умение мужчины материально обеспечивать свою семью. Идеальный отец должен в полной мере уделять внимание, быть другом и защитником своему ребенку, иметь общие интересы с ним. Он должен не терять чувство юмора, проявлять справедливость, доброту, ответственность, понимание.

У студентов психологический портрет идеального отца представлен более глубоким содержанием: отец должен уделять внимание своему ребенку, любить и заботится о нем, помогать преодолевать затруднения. Так же он обязан уважать мнение своего ребенка, проводить большое количество времени вместе с семьей. Наряду с этим испытуемые отметили необходимость современного отца брать лидерство в семье. Идеальными качествами отца являются: справедливость, доброта, ответственность и оптимизм. Респонденты выделили такие критерии как стремление в своей семейной жизни избежать ошибок своих родителей, совместно с супругой защищать детей. В ответах студентов преимущество отдавалось эмоциональному аспекту отношений отца и ребенка, а также супругов между собой.

Для углубления понимания полученных данных нами был использован опросник «Сознательное родительство» Р.В. Овчаровой. Результаты исследования показывают, что 3% школьников обладают низким уровнем осознанного отношения к родительству, средний уровень имеют 73%

школьников, высокий 24%. У студентов низкий уровень не наблюдается вообще, средний составил 27%, а высокий 73%.

Респонденты с высоким уровнем готовности планируют принимать самое непосредственное участие в воспитании ребенка, посещать курсы для будущих родителей, сопровождать супругу на УЗИ и присутствовать на родах. Рождение ребенка видится им как наиболее яркое эмоциональное переживание и главное событие в жизни. Для «достаточно хорошего отца» характерно стремление любить и опекать ребенка, заботиться о нем с первых дней жизни, а в дальнейшем – передавать ему свои знания и опыт. Данные респонденты ближайшей перспективе задумываются о юридическом оформлении своих отношений, создании семьи и планировании детей. Им свойственен более реалистичный взгляд на отцовство, понимание трудностей семейной жизни и ответственность в их разрешении.

Респонденты со средним уровнем готовности испытывают противоречивые чувства по поводу возможного отцовства, сомнения в собственных силах, отдают приоритет материальному компоненту в семейной жизни, недооценивают значение эмоциональной близости с ребенком.

Респонденты с низким уровнем готовности к родительству не представляют себя в роли отца, появление в их жизни ребенка видится в отдаленном будущем и не имеет позитивного эмоционального переживания.

Таким образом, в ходе исследования выявлены различия в представлениях об отцовстве и уровнях их готовности к родительству у старшеклассников и студентов. Видится актуальным изучение детерминат формирования готовности к семейной жизни в юношеском возрасте, а также разработка рекомендаций и психолого-педагогических программ по развитию ценностного отношения к отцовству у учащейся молодежи.

С.В. Ковалева

г. Кострома, Костромской государственный технологический университет

Кризис сознания молодежи: философско-биологический аспект

В условиях современной политики, осуществляемой наиболее развитыми с цивилизационной точки зрения государствами и ориентированной на создание однополярной системы социально-экономического регулирования человечества, наиболее важной проблемой является воспитание в сознании молодежи устойчивых духовно-нравственных барьеров против разлагающего влияния потребительского образа жизни. В чем смысл этого влияния и каковы его последствия?

С XIX в. ведутся философские исследования, в которых изучается взаимосвязь нравственной деградации личности с процессом необратимой психофизиологической патологии человека. В частности, в своих произведениях Ломброзо, основываясь на анализе психофизиологических качеств

исторически значимых личностей прошлого, выделяет три типа социального поведения, обладающего признаками вырождения:

- отсутствие разумно-логической способности оценивать собственные поступки в соответствии со своим родовым, политическим, государственным статусом (такими свойствами отличался римский император Клавдий, являясь постоянным объектом насмешек в связи со страстью «сутяжничества»);
- при достаточно высоком уровне развития рассудочной логики практически полное отсутствие нравственной чувственности, способности быть соучастным горю и радости других людей (эгоистичным и нравственно бесчувственным был римский император Нерон, приказавший сжечь Рим только для того, чтобы, наблюдая за горем людей, представлять падение Трои, цитируемое в момент всеобщего бедствия и разрушения);
- творческая одаренность в какой-либо области в единстве со слабой волей, с неразвитым рассудком и завышенной собственной самооценкой (примером такового типа вырождения в истории искусства принято считать французского живописца Курбэ)[1].

Согласно современным социально-философским исследованиям, проводимым Н.В. Мотрошиловой, (да и собственные наблюдения за современной практикой жизни не противоречат этим исследованиям) известно, что молодежь довольно часто в своем поведении демонстрирует немотивированную агрессию, жестокость, тем самым позволяя констатировать «всплеск варварства как оборотной стороны современной цивилизации»[2] и полное отсутствие духовно-нравственных регуляторов в поступках. Если окинуть критическим взглядом историю философской мысли, то можно обнаружить, что с XVII века, то есть с момента возникновения Новой философии, существует тенденция, согласно которой развитые познавательные способности, ориентируемые на получение объективных знаний о мире, одновременно являются гарантом нравственного регулятора социального поведения человека.

Несмотря на учение И. Канта (XVIII в.), в котором философ доказывает, что разум, как сущностная форма мышления, отвечающая за совершение конкретного поступка и его нравственную оценку, в познавательном процессе не развивается, уже в начале XX в. и на всем его протяжении ученые уверенно заявляли о том, что цивилизации, построенная на научно-теоретических достижениях, внедренных в практику жизни, формирует в сознании человека правильные, социально-системные стереотипы поведения. Однако, утверждает Н.В. Мотрошилова, этот уже ушедший в прошлое век «принёс с собой две мировые войны, непрекращающиеся локальные военные конфликты, глобальные кризисы, а главное, такие масштабные

[1] Более подробную информацию о социальных типах поведения, обладающего признаками вырождения, можно найти в произведении Ч. Ломброзо «Особенности сумасшедших гениев» в книге Философский бестселлер «Синдром гения», М: Алгоритм, 2009.

[2] Мотрошилова Н.В., Репин В.С. «Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии». / Журнал «Вопросы философии». 2010. № 11. С. 47.

разрушения, бедствия, столь массовые человеческие жертвы, такую меру насилия, жестокости, агрессии, каких не знала вся прошедшая человеческая история. Это столетие особенно разительно продемонстрировало всю противоречивость, хрупкость человеческой цивилизации, её незащищённость от рецидивов, поистине варварских выбросов насилия, жестокости, разрушений, агрессии»[1].

Не только отечественные, но и западные философы, в частности итальянский мыслитель Эвандро Агацци, считают необходимым говорить о том, что цивилизации построенная на знаниях, объективных, универсальных, общезначимых в своей сущности, не может иметь будущего, ибо эти знания применяет на практике человек, которого не научили их использовать нравственно, то есть на благо другого человека, общества в целом. Почему же сами по себе знания, да и процесс, в котором они формируются, автоматически не приводят к нравственной регуляции общественных отношений? С биологической точки зрения, которая основана на генетических исследованиях организма человека, на этот вопрос отвечает В.С. Репин. Оказывается, что «язык физиологических функций и коллективного поведения записан не в генах, а выше – в способах взаимодействия ДНК-спирали с белковыми комплексами… Диалог сигналов окружающего мира с ДНК клеток кодировал информацию 3D-кодом – пространственным рельефом хроматина. Коды соответствия организации хроматина уровню физиологических функций пока не расшифрованы»[2].

Таким образом, на уровне генетики ученые доказали, что наследственным путем не передается информация от поколения к поколению о правильном, с точки зрения системы социальных связей, нравственном образе поведения. Более того, ранние способы кодирования информации, запечатанные в хроматине, являются устойчивыми и меньше подвергаются разрушению, а вот недавние социальные связи, которые были выстроены с учетом нравственной составляющей, рецессивны, и при малейшем сбое (болезни, неправильном питании и т.п.) исчезают. Биолог утверждает, что «даже частичное повреждение или сбои “цивилизационных” программ приводит к немедленной активации эпигенетики палеолита. При любых критических ситуациях правила палеолита актуализируются сбоями более “молодых”, в историческом смысле, программ»[3].

Заканчивая исследование, можно сказать, что процесс нравственного формирования человека не зависит ни от развития познавательных способностей, ни от генетических факторов. Поэтому задачей преподавателей гуманитарных дисциплин является ориентация молодежи на актуализацию нравственной способности чувствовать и разумной способности мыслить, оценивать свои поступки с точки зрения социального единства и системной целостности.

[1] Там же.
[2] Мотрошилова Н.В., Репин В.С. «Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии». / Журнал «Вопросы философии». 2010. № 11. С. 48.
[3] Там же.

Иначе неизбежен процесс личностного вырождения и возрождения варварских обычаев, проявляемых в немотивированной агрессии, жестокости.

С.Н. Куровская
г. Гродно (Беларусь), Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Представления будущих педагогов о современных родителях

Семья представляет собой систему социального функционирования человека, один из основных институтов социализации. Семья обеспечивает своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность, заботу о малолетних, престарелых и больных, условия для социализации детей, молодежи и, что важнее всего, объединяет своих членов чувством любви, общности и дает возможность разделять с другими трудности и радости жизни. Именно родители – первые воспитатели, они имеют самое сильное влияние на детей. Долг родителей – воспитать из ребенка хорошего человека. Отец и мать формируют личность ребенка. Поэтому семья важна и для взрослых членов семьи – родителей, и для их детей. С целью определения представлений о современном родительстве мы изучали этот вопрос в 2014–2016 гг. на базе Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Выборка исследования включала студентов дневной и заочной формы обучения 1–5 курсов педагогического факультета по специальности 1-010101 «Дошкольное образование» (n = 334). Использовались методы незаконченных предложений, эссе; опросные методы – интервьюирование, беседы.

Анализ результатов исследования позволил обозначить семь групп характеристик современного «родительства». Так, 41,18% респондентов на первое ранговое место поставили «взаимопонимание в семье». Студенты твердо уверены, что идеальные родители – это «понимающие родители», «полное взаимопонимание у родителей с детьми»; «понимание к детям», «понимание своего ребенка»; «могут понять своего ребенка в любой ситуации»; «когда между родителями и ребенком установлено взаимопонимание». В семье недопустимо эгоистическое поведение супругов или детей. Неумение понять друг друга подрывает семейные взаимоотношения.

Второе место в иерархии 35,29% респондентов обозначили как любовь в семье: «когда дети растут, развиваются и воспитываются в любви», «любящие родители»; «когда между родителями и ребенком любовь». Особое место принадлежит любви, потому что в семье любовью связаны все ее члены. Любовь предполагает проявление доброжелательности. В семьях, жизнь которых проникнута нравственным духом, любовью, миром, взаимопониманием, добротой, растут хорошие дети. Родительская любовь – источник и гарантия эмоционального благополучия человека, поддержания телесного и душевного здоровья. Отсутствие родительской любви, несправедливость родителей и невнимание ожесточают сердце ребенка, ставят его в конфликтные

отношения со взрослыми и сверстниками, делают трудновоспитуемым. Такой ребенок не только сам глубоко несчастен, но и приносит в детский коллектив негативный опыт внутрисемейного общения. Родительская любовь считается самой бескорыстной любовью, она сопровождает человека всю его жизнь, хотя функции ее меняются. Потребность в родительской любви, особенно необходима ребенку в первые годы его жизни, потому что она обеспечивает собственно жизнь и безопасность ребенка. По мере взросления родительская любовь все больше выполняет функцию поддержания и сохранения внутреннего, эмоционального и психического мира ребенка. Родительская любовь может иметь различные отклонения или принимать искаженные формы. Формой отклонения является неразумная, слепая любовь, означающая чрезмерность в чем-либо, преувеличенность, чаще всего это родительский эгоизм. Любящая семья – это семья, достигшая гармоничного взаимопонимания с детьми, где общение с детьми – большая радость, где доминирует положительный, благожелательный эмоциональный тон. Любящая семья является оптимальным условием для развития детей, в ней господствует разумная любовь. Разумная любовь характеризуется принятием ребенка, сочетанием положительного эмоционального отношения к нему с разумными требованиями и кооперацией во взаимодействии. В любящей семье ребенок – помощник, советчик, интересный и любимый человек, который нужен родителям и другим членам семьи. У любящих друг друга родителей ребенок учится видеть радость, счастье, учится любви, такту, взаимоуважению, гуманности, верности, нежности и т. д. В основе любви лежит действенная направленность на ее объект, т. е. родители, любя своего ребенка, проявляют заботу о его развитии, благополучии. При равнодушном отношении родителей к ребенку наблюдается «бездействие» по отношению к нему – с ним не занимаются, он неухожен, неопрятен и т.д. Ребенок страдает от того, что он никому не нужен, от родительского «бездействия», от дефицита родительского внимания. Даже если любовь живет в сердце матери или отца, но не проявляется в действии, это заставляет ребенка страдать. Только в атмосфере любви можно воспитать нравственное поведение, только любовь способна научить любви. Поэтому «любовь» является для современной молодежи одной из наиболее важных характеристик современного родительства.

Третье место в иерархии характеристик «современного родительства» респонденты (20,58%) обозначили такие характеристики, как: полная семья (ребенка воспитывают оба родителя) и хорошие взаимоотношения в семье «в семье должна царить гармония в отношениях», «хорошие взаимоотношения между родителями», «хорошие отношения между родителями и детьми». Студенты (17,65 %) считают, что «поддержка и забота со стороны родителей своим детям» весьма важные характеристики и эти качества составили четвертую группу родительских характеристик.

«Открытость и уважение», по мнению студенческой молодежи (8,82%), должны также отличать современных родителей. Эти характеристики заняли пятое ранговое место.

На шестое ранговое место 5,88 % молодых людей выделило значительную группу характеристик: должное внимание своим детям; учет личностных интересов ребенка; пример детям и передача положительного опыта своим детям; дружеская обстановка в семье «родители дружелюбны по отношению к своим детям»; переживания родителей за своего ребенка «воспитание ребенка переживаниями»; хорошее воспитание ребенка; принятие своего ребенка в любой ситуации «могут принять своего ребенка в любой ситуации», «когда дети, не боясь осуждения и непонимания, могут обратиться к своим родителям и получить необходимую помощь и поддержку, все равно родители их примут такими, какие они есть»; много времени проводят родители со своим ребенком «всегда найдет время на своего ребенка и не будет себя оправдывать своей занятостью», «уделяют ребенку много времени, несмотря на причины»; помощь своему ребенку «помогают своим детям в решении любых проблем; дети не боятся своих родителей «могут говорить о своих страхах и не боятся быть отвергнутыми»; доверительные отношения в семье «доверительность», дети доверительно могут говорить родителям о своих интересах»; этичность в поведении родителей «не ругают при посторонних людях», «всегда объясняют причину своего недовольства».

Студентами обозначена группа характеристик «идеального родительства», которая составила седьмое ранговое место в иерархии. Так, 2,94% респондентов понимают «идеальное родительство», как: «брачный союз двух людей» (союз двух родителей, живущих как говорят в народе, душа в душу); «образованность родителей, широта кругозора, инновационные взгляды» (смогут отвечать на вопросы ребенка с радостью и будут показывать все новое ему); «попечение детей родителями»; «воспитание счастливого и успешного ребенка» (когда ребенок вырастает счастливым и успешным человеком); «выполнение обязанностей отцом и матерью по воспитанию ребенка» (когда и мать, и отец выполняют свои прямые обязанности по воспитанию ребенка); «благожелательность со стороны родителей» «все самое хорошее со стороны родителей»; «опора», «защита своего ребенка»; «умеренная опека» «взаимовыручка»; «ласка»; «строгость» (немного строгости в разумных пределах); «отдача»; «благоприятные жилищные условия».

Идеальное родительство студенческой молодежью ассоциируется также и с родительским авторитетом «родители находятся на одном уровне с ребенком, на позиции друзья, но, в то же время, родители для ребенка являются авторитетом и ребенок прислушивается к их мнению. Авторитет родителей является важным условием успешного воспитания детей. Авторитет семьи зависит, прежде всего, от самих ее членов. Авторитет родителей в широком смысле – это влияние родителей на своих детей; в узком – один из видов осуществления власти, воздействия старших на младших

членов семьи. Можно сказать, что это духовное воздействие родителей на формирование сознания и поведения детей, которое основано на уважительно-доверительных отношениях ребенка к суждению отца и матери. Потребность в авторитете и матери, и отца присуща детям всех возрастов. Его значительность возрастает для юношей и девушек, которые, хотя и критически относятся к родителям, тем не менее, при решении жизненно важных проблем ориентируются на мнение матери и отца.

Таким образом, можно констатировать, что современная студенческая молодежь предъявляет к родителям большие требования, считая, что лишь тех родителей можно назвать «идеальными», которые наделены огромным арсеналом личностных и нравственных качеств. В семьях, где царит любовь, дружба, где родители интересуются духовной жизнью своих детей, приучают делиться своими мыслями и переживаниями, обращаться за советом, обсуждаются трудовые, учебные и общественные дела, политические события, новые фильмы, спектакли, книги, − там и дети растут морально здоровыми, любимыми и любящими. «Идеальной семьей» студенты считают семью, в которой хорошие взаимоотношения и взаимопонимание, «открытость и уважение», и где есть оба родителя, занимающихся воспитанием своих детей.

О.В. Леганькова, Н.С. Захарук
г. Минск (Беларусь), Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Представления о материнстве как показатель социальной ситуации развития будущих матерей

Характеристики социокультурной ситуации на постсоветском пространстве, да и во всём мире, претерпевают значительные и интенсивные изменения, которые оказывают существенное влияние на способ реализации всех человеческих функций. Особенно болезненно сказываются эти преобразования на реализации традиционных женских ролей в семье – супруги и матери. Так, например, в Республике Беларусь динамика изменений института семьи на настоящий момент характеризуется следующими чертами: существенное преобладание однодетной семьи (65,8%); повышение возраста вступления в брак (мужчины – 27 лет, женщины – 25 лет) и рождения детей (28 лет), в том числе первенцев (25 лет); неустойчивость браков, высокий уровень разводимости (общий коэффициент – 3,7); значительный удельный вес внебрачных детей (16,1 тыс.) и распространение гражданских браков (5,1% мужчин и 4,2% женщин)[1].

Нестабильность супружеских отношений, массовая однопоколенность и однодетность семьи приводит к тому, что социализация ребенка проходит в специфической семейной среде, которая способствует воспроизведе-

[1] Дети и молодежь Республики Беларусь. Статистический сборник. Мн., 2015.

нию данных неконструктивных жизненных установок. Ослабевает природный и социальный инстинкт родительства, особенно болезненно это сказывается на материнской сфере женщины. Многие женщины признаются, что их отношение к детям базируется лишь на ощущении необходимости и чувстве долга. В связи с этим, показатели «отказных» детей, детская безнадзорность и социальное сиротство при живых родителях, остаются высокими, появляется так называемое «уклоняющееся материнство»[1].

В наши дни материнство начинает сдавать позиции в иерархии ценностей женщины, оттесняется иными ценностями: профессиональными, поиском материального благополучия и другими. Так в исследовании М.Е. Ланцбург отмечена преимущественная ориентация женщин на самореализацию, не связанную с материнством[2]. Зарубежные и отечественные исследователи единодушно отмечают тенденцию изменения ценностных ориентаций в области семейных отношений в обществе, что также не способствует формированию направленности на материнство (Н.А. Батова, Л.Е. Бокуть, Е.В. Губина). Между тем существующие психологические исследования доказывают, что формирование базовых качеств будущей матери имеет своей основой ценностные смыслы, связанные с ценностью материнства и ребёнка[3].

Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, потеря традиционных способов передачи опыта и оформления материнско-детского взаимодействия (Т.О. Арчакова, М.Е. Ланцбург). Женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним и общении. Кроме того, уменьшение количества детей в семье ведет к тому, что часто первый младенец, с которым встречается мать, – это ее собственный ребенок. В этих условиях молодые родители обращаются к поиску недостающей информации. Помимо возникновения потребности в повышении своей родительской компетентности происходит осознание недостаточности в эмоциональных переживаниях, неготовности к возникновению материнских чувств. Все это ведет к направленному, осознанному развитию не только информационных, но и эмоциональных основ материнской сферы. Ее построение становится задачей самого субъекта материнства. Женщина интересуется тем, что она должна чувствовать, какую роль это играет в развитии ребенка, зачем ей это надо самой и что надо делать для развития этих чувств. Подготовка к материнству теперь не ограничивается ведением беременности и сведениями об уходе за ребенком и кормлении. В нее входят развитие эмоциональной сферы, интуиции, освоение способов общения с ребенком до рождения и т.п. [4].

---

[1] Брутман, В.И. Предпосылки девиантного материнского поведения / В.И. Брутман, А.Я. Варга, И.Ю. Хамитова // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 79–87.

2 Ланцбург, М.Е. Роль психологической подготовки и поддержки в реализации родительских функций / М.Е. Ланцбург // Психологическая наука и образование. 2011. №1. С. 15–26.

3 Исенина Е.И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери // Журнал практического психолога. Тематический выпуск. Перинатальная психологи и психология родительства. 2003. № 4-5. С. 49–63

[4] Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18-27.

Изменение социального статуса материнства в современном обществе свидетельствует о трудностях признания и неосознании материнства в качестве уникально-тотальной социальной деятельности, фундаментальной для жизни общества, что привело к демографическому кризису. Как отмечает И.И. Калачева, принижение роли материнства ведет к падению его культуры в целом, к искажению духовно-нравственных ценностей самой личности женщины[1]. Социально значимые виды деятельности (занятия с детьми, повышение образования, чтение) остаются невостребованными женщинами при возрастающем у них ресурсе времени. Именно эти виды деятельности, занимающие последние позиции, должны быть объективно актуальны для рассматриваемой возрастной группы женщин, в том числе и по сравнению с другими возрастными группами, но фактическая картина свидетельствует об обратном.

Процесс социального развития и самоопределения современных девушек осложнен нестабильностью социально-экономических условий, противоречивостью морально-нравственного состояния общества и модели будущего. От девушек требуется самостоятельно разрабатывать жизненные цели и способы их воплощения. Социальная ситуация развития современных девушек складывается таким образом, что представленность образа «Я-мать» в их «Я-концепции» характеризуется как проблемная[2].

Разные уровни опосредования социальной ситуации развития девушки, находящейся на пороге самостоятельной жизни, требуют сознательного конструирования обществом системы современных позитивных социальных представлений о материнстве на уровнях микро-, мезо и макросистем (У. Бронфенбренер). При этом максимально задействованным для этих целей должен стать потенциал уже существующих учреждений образования всех имеющихся уровней.

И.О. Шевченко

г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Дети о своих отцах: ретроспективная рефлексия

Выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 14-18-02016.

Отец – важная фигура в жизни ребенка. Но, будучи маленькими, дети не в состоянии адекватно оценить значимость отца в своей жизни. Только вырастая, ребенок отдает себе отчет в том, насколько существенным было его влияние на становление сына или дочери.

Для изучения воздействия отца в процессе взросления ребенка проведено исследование[3]: опрашивались (анонимно) молодые люди в возрасте

[1] Калачева, И.И. Семья в современном белорусском обществе: реалии и перспективы развития / И.И. Калачева. Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2008.

[2] Мирюнова С.А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопросы психологии. 2003. № 4. С.63-75.

[3] «Отец в моей жизни», 2009-2016 гг., опрос в форме эссе, 736 респондентов. Сбор эмпирического материала продолжается.

от 17 до 25 лет, когда дети уже достаточно выросли, чтобы отрефлексировать свои отношения с отцом. Молодым людям было предложено написать эссе «Отец в моей жизни» в свободной форме, но предлагалось осветить ряд определенных вопросов. В случае отсутствия отца или отношений с ним молодые люди могли написать о «замещающем взрослом» – дедушке, дяде, отчиму и пр. Метод эссе избран потому, что гарантировал достаточную степень откровенности.

1. Семейные роли и психологический климат

Разделение обязанностей в современной семье не так традиционно, как это обычно представляют. Часто молодые люди писали о том, что в их семье нет четкого разделения обязанностей: кто свободен, тот и занимается домашним хозяйством. Есть и отцы, которые в степени более значительной, чем даже мать, принимают на себя груз ежедневных семейных проблем (и это практически всегда работающие отцы!). За рубежом таких отцов называют «новыми отцами». Насчитывается много семей, где мама домохозяйка или не работала, когда дети были маленькими. Даже в этом случае активные отцы не отстраняются от ведения домашних дел и воспитания детей. Тенденция к равномерному распределению домашних обязанностей отражает стремление супругов к эгалитарному (партнерскому), а не традиционному браку.

За *психологический климат* в семье обычно «отвечает» мать. Большинство выросших детей *главой семьи* называют отца: он принимает важнейшие решения как в семье в целом, так и в жизни ребенка; за отцом обычно остается последнее слово, к нему обращаются мать и дети для разрешения серьезных проблем. В повседневной жизни детей больше участвует мать (исключение составляют активные отцы), особенно если она не работает, но и в таком случае мать часто обращается к авторитету отца, пускай даже отсутствующему в настоящий момент.

2. Отец и ребенок

Практически все выросшие дети отметили *колоссальную значимость отца в своей жизни*. Отцу всегда подражают, говорят, что хотели бы унаследовать определенные качества характера, знания, навыки и даже стиль мышления.

Образ отца обычно положителен. Безусловное исключение составляют отцы, которые пьют (их не так много, как обычно представляется, или дети об этом не знают), употребление алкоголя отталкивает ребенка. Негативные эмоции у детей могут быть связаны с отцом, который не считает нужным поддерживать ребенка.

Отец − значимый субъект как для сына, так и для дочери. С мальчиков больше требуют, чаще проявляют жесткость. Девочек любят, ласкают, балуют. Требуют тоже, но по-другому. И для сыновей, и для дочерей отец является объектом подражания. Для мальчиков – это образ мужчины, они буквально «лепят» себя с отца. Для девочек отец часто является образцом будущего мужа. Но и девочки хотят быть похожими на отцов, копируют

их характер, манеры поведения и бытовые привычки. Большинство указало, что отец оказывает особенное влияние на детей в подростковом возрасте. Отцы чаще, чем матери, склонны разговаривать с детьми о жизни и людях, тем самым формируя их характер и мировоззрение.

Многие дети писали о проблеме понимания отцов и детей, указали, что это понимание в основном присутствует. Наблюдается следующая закономерность: чем больше отец интересуется жизнью ребенка и участвует в ней, тем больше взаимопонимания. А вот если этого нет, то найти «общий язык» бывает значительно труднее. Присутствующее взаимопонимание не означает абсолютного сходства во взглядах. Напротив, взгляды отцов и детей зачастую кардинально отличаются. Молодые люди иногда пишут о различном отношении их самих и отцов к людям, объясняя это тем, что выросли в другое время. Но если молодой человек признает сходство характеров, то он (она) склонен признавать и сходство в отношениях с людьми. Видимо, дело в унаследованных личностных качествах, которые определяют различия и сходства. Дети, проживающие вместе с отцами, чаще говорят о сходстве взглядов и отношений к людям, чем дети, чьи отцы живут отдельно от них. Имеет значение степень вовлеченности отца в воспитание детей, в регулярное общение с ними. Выяснилось, что в отношении знаний и профессии отцов и детей совпадений немного, при том, что выбор профессии живо обсуждался с отцом. Гораздо чаще, чем мать, отец предоставляет детям возможность выбора – как взглядов, так и линии поведения.

На просьбу описать идеального отца большинство ответили, что их отец – самый лучший для них в любом случае, даже если он не идеален. Нашлись и такие, кто прямо так и писал: «Идеальный отец – это мой отец». Среди качеств идеального отца оказались: ответственность, отзывчивость, мудрость, ум, неравнодушие к своему ребенку. Заинтересованность в жизни сына или дочери − вот то главное, чего не хватает детям слишком занятых или недостаточно активных отцов: *«Единственное, чего мне не хватает – это папиной заинтересованности»* (девушка, 20 лет).

Повседневной реальностью нынче стали разводы. Послеразводное общение ребенка с отцом обычно резко сокращается или прекращается вовсе. Но даже если отец присутствует в жизни ребенка и дальше, у них сохраняются теплые отношения, обида на отца иногда все равно остается. Отсутствующих отцов детям могут и «заменяют» дедушки, отчимы и другие представители мужского пола. Замена эта предстает как в форме материальной поддержки, так и эмоциональной, что с точки зрения ребенка гораздо важнее. Отчим или дед в целом делают для ребенка то же, что и родной отец. Но если родной отец присутствует в жизни ребенка, то он не «вытесняется» отчимом, каждый из мужчин занимает определенную нишу.

Итак, какие функции выполняют отцы в семьях, и какую роль они играют в воспитании ребенка?

1. *Эмоциональная поддержка и защита в разных ситуациях*, и это самое главное, с точки зрения детей. Отец обычно поддерживает ребенка в

сложный момент его жизни. 2. *Передача опыта и знаний о жизни, формирование мировоззрения*. 3. *Воспитание каких-то определенных человеческих качеств* (ответственность, целеустремленность и прочее). Отец вселяет *уверенность в себе*. 4. *Помощь в освоении школьных предметов и других наук и занятий*: 5. *Приобщение к спорту*. 6. Функция *«добытчика»* – большинство денег в семьях зарабатывают всё же отцы.

Таким образом, не подтверждается обывательская точка зрения, что в жизни ребенка мать важнее, и если она есть, то отец – вроде бы не обязательная фигура, его отсутствие не скажется на социализации детей. Дети подтверждают, что это глубокое заблуждение. Отец важен всегда, даже если он не живет вместе с ребенком и встречается с ним время от времени.

И.В. Чебыкина, Е.С. Иванова
г. Екатеринбург, РГППУ, УрГПУ

Стратегии гендерного воспитания детей дошкольного возраста в семьях разного типа

Наступивший период в жизни нашего общества некоторые ученые называют временем детоцентризма, когда ребенок становится сосредоточием внимания не только родителей, но и СМИ, маркетологов, медиков, психологов и других профессионалов. В первую очередь эта тенденция находит свое отражение в том, как формируется поведение родителей в отношении воспитания ребенка (детей). Помимо естественного (для многих) желания позаботиться о своем ребенке физически, актуализируется и стремление заложить в нем «лучшее из возможного», дать ему как можно больше в отношении благ, знаний, ресурсов.

Массовому вниманию к проблемам воспитания детей способствует и сокращение рождаемости, ведущее к сосредоточенности родителей и близких на одном-двух, реже трех детях; и активно поддерживающаяся идея «правильного» родительства – ответственного, осознанного отношения к своему дитя. Добавляют свою лепту и социальные возможности, невиданные ранее: свобода в выборе формы партнерства, способа зачатия и рождения ребенка, объема и качества медицинского сопровождения младенчества и детства, гендерного самоопределения как родителя, так и ребенка. Прежде всего, мы имеем в виду актуализацию для многих родителей плюрализма концепций воспитания и стремительно расширившиеся границы социально-психологической нормы в т.ч., касающиеся гендерного воспитания детей.

Проблема изучения стратегий гендерного воспитания связана, прежде всего, с трансформацией семьи как социального института и малой группы. Меняющиеся представления о «нормальной» семье, об идеальном образе мужчины и женщины, и, как следствие, того, какими быть детям – мальчикам и девочкам, приводят к изменению психологических особенностей родительского воспитания.

На макроуровне данная проблема актуализируется процессами девальвации ценности традиционной семьи, что проявляется в новых типах брачно-семейных отношений и типов родительства, росте числа неполных, бинуклеарных семей. Кроме того, к данному уровню проблемы можно отнести продолжающиеся процессы эмансипации, стремления к гендерному равенству, практика отказа от дискриминации по любому признаку, включая гендер.

На мезоуровне – с особенностями региональной и муниципальной политики в отношении семьи и детей. В частности, с влиянием религиозных канонов и светских практик, принятых в конкретной местности и типе поселения, активности различных общественных, просветительских и иных организаций, развитость, многообразие и доступность помогающих и образовательных практик, позволяющих получить социально-психологическую помощь (в т.ч. образовательных и психологических центров, сообществ и групп поддержки представителей разных типов семей).

На микроуровне – связана с традициями и особенностями конкретных семей, правилами и традициями, принятыми в них, в отношении выстраивания семейных отношений и практик воспитания детей, представлениях о женственности и мужественности, типично мужском и женском поведении, допустимости отказа от традиционных форм поведения.

На личностном уровне – актуализируется установками и представлениями конкретных мужчин и женщин относительно своей гендерной идентичности, ролевыми установками и ожиданиями в отношении родительской и собственной семьи и детей, представлениями о том, как и каким образом растить ребенка определенного пола.

Не менее значимы при исследовании стратегий гендерного воспитания и такие более частные аспекты: мотивация рождения детей в семьях (например, в рамках программы выплат «материнского капитала» за второго ребенка на федеральном уровне и третьего – на областном), рождение и воспитание детей в семьях психологически незрелых родителей, с несформированным гендерным статусом либо гендерным статусом, отличающимся от биологического (фемининность у мужчин, андрогиния, маскулинность у женщин), рождение и воспитание детей, чье появление на свет стало возможным благодаря технологиям ЭКО, современным технологиям выхаживания детей с малым весом и пороками развития и т.д. Все эти проблемы еще привлекут к себе внимание научного сообщества и специалистов-практиков, как только количество детей, обладающих указанными, а также рядом других, особенностями, станет ощутимо в количественном и качественном плане.

Заявленная тема диссертационного исследования, вынесенная в заголовок статьи, предполагает уточнение нескольких базовых понятий и явлений: стратегия в целом и стратегия в воспитании; гендерное воспитание; особенности гендерного становления детей дошкольного возраста; семья и тип семьи. Максимально полное, объективное и квантифицируемое их оп-

ределение позволит провести всестороннее исследование существующих родительских стратегий.

Проблематика исследования позволяет обозначить несколько основных противоречий, касающихся современных стратегий гендерного воспитания в семьях. В частности, это противоречия между:

– традиционными представлениями о гендерной норме, о том, какими социальными и психологическими характеристиками должны обладать «нормальные» мальчики и девочки с трансформирующимся характером нормы, с расширением и размыванием ее границ;

– необходимостью целенаправленного формирования и воспитания ребенка как представителя определенного пола и правом ребенка на индивидуальность, которая может не в полной мере совпадать с представлениями родителей и/или иных взрослых, воспитывающих ребенка, о том, каким ему быть;

– потребностями родителей в реализации стратегии (т.е. ориентированных на длительный период систематически и целенаправленно реализуемых действий) по воспитанию ребенка и отсутствием информации о том, как и каким образом это можно сделать, об ориентирах, помимо традиционных, в воспитании детей, что особенно актуально в семьях неполных, приемных, нетипичных;

– декларируемыми в социуме правами и свободами, нормативными представлениями о гендерном воспитании в семье и реально существующими практиками воспитания и демонстрируемым подведением и т.д.

Особенной для изучения является и сама тема гендера и гендерного воспитания детей в условиях современной России. Табуированность темы нетипичных отношений и гендерной идентичности, гомофобия части населения усиливают сензитивность темы.

Изучение гендерных стратегий воспитания мы предполагаем провести с использованием тестовых и проективных методик (в т.ч. запланированы две методики для детей). Планируется, что результатом работы станет более полное и глубокое понимание механизмов и стратегий гендерного воспитания детей в зависимости от типа семьи; а также будет разработана и апробирована технология социально-психологической помощи родителям, испытывающим сложности в гендерном воспитании детей. Работа имеет выраженный прикладной характер и, надеемся, будет востребована широким кругом специалистов-практиков, консультирующих семьи и сопровождающих детско-родительские отношения.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур:
Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016

Том 1

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Ответственные редакторы
Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк
Компьютерная верстка
А.П. Борисов, Н.А. Борисова

Подписано к печати 14. 09. 2016 г. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая. Усл. п. л. 27,75. Тираж 220 экз.
Заказ № 47.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4